Андреас Эшбах
Триллион долларов. В погоне за мечтой

Андреас Эшбах

ТРИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ

В погоне за мечтой

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Андреас Эшбах
Триллион долларов. В погоне за мечтой

© Bastei Lübbe GmbH & Co. KG, Köln, 2001
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013

* * *

Предисловие

Есть ли у человечества будущее?

В последние десятилетия мы все чаще слышим в ответ «нет»: от маститых ученых, духовных лидеров, государственных деятелей, то есть от людей, казалось бы, достаточно компетентных в этом вопросе. Мир лихорадит в ожидании катастрофы – то ядерной, то экологической, то социальной, вызванной неконтролируемым ростом населения. Порой кажется, что нужно спрашивать не о том, грозит ли гибель цивилизации, а лишь о том, когда это произойдет.

Автор романа «Триллион долларов. В погоне за мечтой» Андреас Эшбах уже самой завязкой повествования предельно заостряет проблему будущего. Главный герой книги, Джон Сальваторе Фонтанелли, неожиданно для себя становится наследником неслыханного в истории состояния, самым богатым человеком на земле, а также, если верить древнему пророчеству, которое прилагалось к наследству, – своего рода мессией, призванным спасти мир от саморазрушения. Не возникает и тени сомнения в том, что планета нуждается в спасении. Вот только можно ли это осуществить, даже владея триллионом долларов, и если да, то как?

Беда еще и в том, что до того дня, как загадочное семейство итальянских адвокатов постучало к нему в двери, чтобы сообщить об обрушившемся на него богатстве, Джон Фонтанелли был ничем не примечательным молодым человеком, практически без образования и без каких бы то ни было перспектив. Он и о своей-то судьбе был не в состоянии позаботиться, что уж говорить о миллиардах человеческих судеб! Однако Джон – парень, возможно, недалекий, но совестливый; он не может позволить себе наслаждаться роскошью, зная, какая задача перед ним стоит. И он с наивным энтузиазмом берется за дело, ведь поначалу решения кажутся довольно простыми. Перестать разрушать окружающую среду, ограничить рождаемость, более справедливо распределить ресурсы… Но если все так просто, то почему это до сих пор не сделано? Нет ли тут чьего-то злого умысла?

Миссия Джона постепенно превращается в нечто вроде увлекательной, по-настоящему захватывающей головоломки, которую читатель, с нетерпением перелистывая страницы, будет решать вместе с ним, попутно открывая для себя в принципе общеизвестные, лежащие на поверхности, но тем не менее потрясающие факты об устройстве мировой экономики: те сведения из области финансов, политики, права, которые мы обычно считаем чем-то мало нас касающимся, не затрагивающим наше повседневное существование. Но эти законы не просто имеют к нам непосредственное отношение – они управляют нами, именно они определяют, добьемся ли мы своих целей, сбудутся ли наши мечты, будем ли мы счастливы, в конце концов.

И именно неискушенность и даже наивность Джона позволяет ему посмотреть на вещи свежим взглядом и все-таки исполнить пророчество – как раз в тот момент, когда это казалось уже невозможным. Интересно, что в итоге Джон приходит примерно к тем же выводам, что и академик Сергей Капица, который в последние годы жизни занимался проблемами демографического взрыва и экологии. «Я не сторонник катастрофического взгляда на жизнь», – говорил Сергей Капица в одном из последних интервью. Вера в человечество, в его способность справиться с любым вызовом благодаря единству и доброй

воле позволяет Джону в финале романа найти «дверь в будущее» и распахнуть ее для людей.

Противоположных убеждений придерживается антагонист Джона – Малькольм Маккейн, вначале его союзник, а затем опасный враг. Увы, многие до него рассматривали человечество как неразумное стадо, нуждающееся в добром пастыре, вот только пастырь этот очень скоро обзаводится хлыстом и овчарками и перестает излучать доброту. Так же и Маккейн, подвижник и аскет, искренне переживающий за судьбу цивилизации, в конце концов становится убийцей и совершенно осознанно ведет мир к катастрофе.

Джон не справился бы с ним, не справился бы со своей задачей, если бы не любовь его жизни – Урсула Вален, которая помогает ему остаться верным голосу своего сердца. И это не случайный поворот сюжета. «Женщины – ключ ко всему», – уверяет Джона сотрудник ООН и друг его детства Пол Зигель. Чем свободнее женщина в обществе, тем выше его благосостояние в целом, – эту аксиому предпочитают игнорировать лишь те, кто одержим властью и насилием.

Впрочем, автор романа не навязывает читателю какую-то определенную точку зрения. Вместо этого приглашает, а точнее, страстно призывает задуматься над тем, в каком мире мы живем и что оставим своим потомкам. Мастерски построенное повествование, живые, узнаваемые герои, мягкая ирония и оптимистический настрой, без сомнения, придутся вам по душе.

Демократия – худший вид правления, не считая всех прочих, которые человечество испробовало за свою историю.

Уинстон Черчилль

Пролог

Наконец-то перед ними открылись створки двери, и они вошли в залитую почти неземным светом комнату. Всю середину ее занимал большой овальный стол из темного дерева, перед ним стояли двое мужчин и выжидающе смотрели на него.

– Мистер Фонтанелли, позвольте представить вам моего партнера, – произнес младший из адвокатов, когда за ними закрылась дверь. – А также моего отца, Грегорио Вакки.

Джон пожал руку мужчине со строгим взглядом, в очках в узкой золотой оправе, лет примерно пятидесяти пяти, одетому в серый однобортный костюм; из-за редеющих волос он слегка походил на бухгалтера. Можно было предположить, что он – адвокат по налогам, который выступает перед административным судом и, шевеля узкими губами, цитирует сухие параграфы торгового права. Его рукопожатие было холодным и деловым, он пробормотал что-то вроде «рад познакомиться», причем возникло такое ощущение, будто он не имеет ни малейшего представления о радости.

Второй мужчина был немного старше, но благодаря густым вьющимся волосам и кустистым бровям, из-за которых лицо его казалось несколько мрачным, он выглядел намного более оживленным. На нем был двубортный темно-синий костюм со строгим традиционным клубным галстуком и идеально сложенным платком в нагрудном кармане. Легко было вообразить, как он, держа в руке бокал шампанского, отмечает победу в громком уголовном процессе, а позже, смеясь, щиплет официанток пониже пояса. Его рукопожатие было крепким, он пристально смотрел прямо в глаза Джону (что было почти неприятно), представляясь низким грудным голосом:

– Альберто Вакки. Я прихожусь Эдуардо дядей.

Только теперь Джон заметил, что в кресле с подголовником у окна есть еще кто-то – там с закрытыми глазами сидел старик, однако было непохоже на то, что он действительно спит. Скорее он слишком устал, чтобы воспринимать действительность всеми органами чувств. Его худая морщинистая шея выглядывала из мягкого воротничка рубашки, поверх

которой он надел серую вязаную безрукавку. На коленях у него лежала маленькая бархатная подушка, на которой покоились его руки.

– *Padrone* [1], – негромко произнес Эдуардо Вакки, заметивший взгляд Джона. – Мой дед. Как видите, у нас семейное предприятие.

Джон только кивнул, не зная, что сказать. Он позволил провести себя к стулу, одиноко стоящему с этой стороны стола, и повиновался движению руки, приглашавшей его сесть. С противоположной стороны стола вплотную друг к другу стояли четыре стула, спинки которых были плотно придвинуты к краю стола, а перед ними лежали тонкие папки из черной кожи с тисненым гербом.

– Хотите чего-нибудь выпить? – спросили его. – Кофе? Минеральной воды?

– Кофе, пожалуйста, – услышал собственный голос Джон. В грудной клетке снова шевельнулось то самое трепетное чувство, которое возникло, когда он вошел в холл отеля «Вальдорф Астория».

Эдуардо раздал кофейные чашки, стоявшие на небольшом столике на колесах, принес молочник и сахарницу из тисненого серебра, налил всем и поставил кофейник рядом с чашкой Джона. Трое представителей семейства Вакки заняли свои места: Эдуардо справа, если смотреть со стороны Джона, Грегорио, отец, рядом с ним и затем Альберто, дядя. Четвертое место, крайнее слева, осталось пустым.

Все наливали себе сливки, насыпали сахар, помешивали кофе. Джон не отрываясь смотрел на чудесную текстуру красного дерева столешницы. Должно быть, это корневой спил. Помешивая кофе тяжелой серебряной ложкой, он попытался как можно незаметнее оглядеться.

За окном, находившимся за спинами трех адвокатов, открывался вид на яркий, сверкающий Нью-Йорк, во всех уголках которого плясал солнечный свет, и на Ист-Ривер, блестевший густой искрящейся синевой. Справа и слева от окна ниспадали легкие светло-розовые шторы, идеально сочетаясь с тяжелым безупречным темно-красным ковром на полу и белоснежными стенами. Невероятно. Джон отпил кофе, крепкого и пряного на вкус, больше всего напоминавшего эспрессо, который иногда готовила ему мать.

Эдуардо Вакки открыл лежащую перед ним папку, и тихий звук, с которым кожаный переплет опустился на столешницу, прозвучал подобно сигналу. Джон отставил чашку и еще раз вздохнул. Начинается.

– Мистер Фонтанелли, – начал молодой юрист, слегка наклоняясь вперед, опираясь локтями на стол и сложив ладони. Теперь его голос звучал не любезно, а скорее по-деловому. – Я просил вас принести на эту встречу удостоверение личности – водительские права, заграничный паспорт или что-то подобное – разумеется, исключительно для проформы.

Джон кивнул.

– Мои водительские права. Минутку.

Он поспешно сунул руку в задний карман брюк и испугался, ничего не обнаружив, а затем вспомнил, что положил права во внутренний карман пиджака. Горячими, едва ли не дрожащими руками он передал документ через стол. Юрист взял водительские права, мельком взглянул на них, кивнул и вручил отцу, который, в отличие от него, принялся изучать их настолько пристально, будто был уверен в том, что это подделка.

Эдуардо слегка усмехнулся.

– У нас тоже есть удостоверения личности. – Он предъявил два больших, очень официально выглядевших документа. – Семья Вакки уже много столетий проживает во Флоренции, и почти все представители этого семейства мужского пола на протяжении многих поколений становились адвокатами и поверенными. Это подтверждает первый документ; второй представляет собой перевод первого документа на английский, заверенный

---

[1] Патрон (*итал*.). (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

штатом Нью-Йорк.

Он протянул Джону оба документа, и тот принялся беспомощно разглядывать их. Первый, вложенный в прозрачный карман, казался довольно старым. Итальянский текст, в котором Джон понял только каждое десятое слово, был отпечатан на пишущей машинке на посеревшей гербовой бумаге, под ним стояло бесчисленное множество выцветших печатей и подписей. Английский перевод – чистая лазерная распечатка, снабженная гербовой маркой и нотариальной печатью, – казался запутанным и содержал массу канцелярских оборотов; насколько понял Джон, он подтверждал сказанное Вакки.

Он положил обе справки на стол перед собой, скрестил руки на груди. Одна ноздря задергалась; оставалось надеяться, что этого никто не заметил.

Эдуардо тоже сложил руки. Водительские права Джона тем временем перекочевали к Альберто, который рассмотрел их, благожелательно кивая, и затем аккуратно передвинул на середину стола.

– Мистер Фонтанелли, вы являетесь наследником солидного состояния, – начал Эдуардо, снова взяв деловой тон. – Мы находимся здесь, чтобы сообщить, какова причитающаяся вам сумма, а также предельные условия наследства, и, если вы согласитесь вступить в наследство, обсудить с вами шаги, необходимые для передачи права собственности.

Джон нетерпеливо кивнул.

– Эмм, да… А вы не могли бы сказать мне для начала, кто умер-то?

– Если позволите, ответ на этот вопрос я отложу на некоторое время. Это долгая история. В любом случае никто из ваших близких родственников.

– А как же я тогда оказался в наследниках?

– Это, как уже было сказано, в двух словах не объяснить. Поэтому я прошу вас потерпеть еще немного. А пока что такой вопрос: вы должны получить значительную сумму денег. Вы хотите иметь ее?

Джон невольно хмыкнул.

– Отлично. Сколько же?

– Более восьмидесяти тысяч долларов.

– Вы сказали «восемьдесят тысяч»?

– Да. Восемьдесят тысяч.

Ого! Джон откинулся на спинку стула, со свистом выпустил воздух. Ох. Ну и ну. Во-семь-де-сят ты-сяч! Неудивительно, что приехали все четверо. Восемьдесят тысяч долларов – кругленькая сумма. Сколько-сколько? Одним махом! Боже мой! И все сразу, это нужно еще переварить. Это же… Боже мой, это значит, что он может пойти в колледж, совершенно спокойно, и больше не потратит ни единого идиотского часа, вкалывая в какой-то там идиотской пиццерии или где-нибудь еще. Восемьдесят тысяч… Боже мой, одним махом! Просто так! Невероятно. Если он… Ладно, надо следить за тем, чтобы не развилась мания величия. Можно остаться на той же квартире с соседями, она ничего, не роскошная, но если экономить – боже мой, хватит даже на подержанный автомобиль! И хороших тряпок немного. То да се. Ха! И больше никаких хлопот.

– Неплохо, – наконец выдавил он. – И что еще вы хотите узнать? Беру ли я деньги или нет?

– Да.

– Можно глупый вопрос: в чем подвох во всем этом деле? Может быть, я наследую и какие-то долги или что-то в этом роде?

– Нет. Вы наследуете деньги. Если вы согласитесь, то получите деньги и сможете делать с ними все, что угодно.

Джон в недоумении покачал головой.

– Вы можете представить, чтобы я сказал «нет»? Можете представить, чтобы хоть *кто-то* отказался?

Молодой адвокат поднял руки.

– Это установленная законом форма. Мы должны спросить.

– А. Ну ладно. Вы спросили. И я согласен.

– Прекрасно. Мои поздравления.

Джон пожал плечами.

– Знаете, я все равно поверю только тогда, когда в руках у меня будут купюры.

– Вы в своем праве.

Вот только он соврал: он уже поверил. Хоть это и было сущим безумием, более чем странным: четыре адвоката прилетели из Италии в Нью-Йорк, чтобы подарить ему, бедному, ничем не примечательному разносчику пиццы восемьдесят тысяч долларов – просто так, безо всяких; но он уже верил. Было что-то такое в этой комнате, что заставляло верить. Верить в то, что наступил поворотный момент в его жизни. Такое было ощущение, что он всю жизнь ждал, когда придет сюда. Безумие. В животе растекалось приятное тепло.

Эдуардо Вакки закрыл свою папку, и, словно он только этого и ждал, сидевший рядом с ним отец (как там его звали? Грегорио?) раскрыл свою. Джон почувствовал, как по спине и над бровями побежали мурашки. Вот это выглядело уж слишком отрепетированно. Вот сейчас все и завертится, ягодки впереди, начнется вымогательство. Нужно держать ухо востро.

– По причинам, которые еще предстоит пояснить, – заговорил отец Эдуардо, и его голос звучал настолько безучастно, что казалось, будто изо рта у него летит пыль, – ваш случай, мистер Фонтанелли, единственный в своем роде за всю историю нашей конторы. Несмотря на то что Вакки на протяжении многих поколений занимаются управлением имуществом, нам никогда еще не доводилось вести разговор, подобный сегодняшнему, и, пожалуй, не придется больше никогда. В связи с этим мы считаем, что в сомнительных случаях лучше проявить излишнюю внимательность, чем беспечность. – Он снял очки и повертел их в руках. – С одним нашим другом и коллегой несколько лет назад произошло печальное происшествие, когда во время чтения завещания один из присутствующих скоропостижно скончался от инфаркта, вызванного, по всей вероятности, шоком из-за приятной неожиданности, из-за того, что он вдруг стал наследником значительного состояния. Впрочем, следует добавить, что речь шла о несколько большей сумме, чем вам сейчас назвал мой сын, но тот человек вовсе не был намного старше вас и до того момента ничего не знал о своей сердечной болезни. – Он опять надел очки, тщательно поправил их и снова посмотрел на Джона. – Вы понимаете, что я хочу этим сказать?

Джон, с трудом следивший за его мыслью, машинально кивнул, но тут же покачал головой.

– Нет, я не понимаю. Я стал наследником или не стал?

– Стали, не переживайте. – Грегорио сунул нос в папку, полистал бумаги. – Все, что сказал вам Эдуардо, верно. Не считая суммы.

– Не считая суммы?

– Вы наследуете не восемьдесят тысяч, а более четырех миллионов долларов.

Джон уставился на него, и ему вдруг показалось, что время остановилось и единственное, что сохранило способность двигаться, это его нижняя челюсть, начавшая отвисать – неудержимо, неостановимо.

Четыре!

Миллиона!

Долларов!

– Вау! – вырвалось у него.

Он схватился руками за голову, поднял взгляд к потолку, снова повторил: «Вау!», а потом рассмеялся. Принялся ерошить волосы и смеяться, будто обезумев. Четыре миллиона долларов! Он не мог успокоиться, он смеялся, а те, должно быть, уже подумывали о том, не вызвать ли скорую. Четыре миллиона! Четыре *миллиона* !

Он снова смотрел на него, адвокат из далекой Флоренции. В падающем из окна весеннем свете его редеющие волосы напоминали нимб святого. Джон готов был

расцеловать его. Приехали и вручают ему четыре миллиона долларов! Он снова смеялся, смеялся, смеялся.

– Вау! – снова произнес он, наконец совладав с собой. – Я понял. Вы боялись, что меня хватит удар, если вы сразу скажете мне, что я унаследовал четыре миллиона долларов, верно?

– Можно выразиться и так, – кивнул Грегорио Вакки, и в уголках его губ мелькнула улыбка.

– А знаете что? Вы правы. Меня хватил бы удар. О, боже мой… – Он прикрыл рот рукой, не зная, куда девать глаза. – Вам известно, что позавчера у меня была самая худшая ночь в жизни, причем только потому, что у меня не было денег на метро? Вшивого доллара, вшивых пятидесяти центов? А теперь приходите вы и говорите о четырех миллионах…

Фух, фух, фух, фух. Точно, насчет удара они не ошиблись. Сердце стучало, словно ошалев. От одних мыслей о деньгах кровь мчалась по венам так, словно он занимался сексом.

Четыре миллиона долларов. Это же… Это больше, чем просто деньги. Это другая жизнь. С четырьмя миллионами долларов он может делать все, что угодно. С четырьмя миллионами долларов ему можно ни дня не работать. Будет он учиться или нет, будет ли он самым дерьмовым художником в мире или нет, уже неважно.

– А это правда? – вдруг спросил он. – Я имею в виду, вот придет сейчас кто-нибудь и скажет: «Улыбнитесь, вас снимает “Скрытая камера”!» или что-то в этом роде? Мы говорим о настоящих деньгах, о настоящем наследстве?

Юрист поднял брови, словно такая мысль показалась ему граничащей с абсурдом.

– Мы говорим о настоящих деньгах. Не беспокойтесь.

– Я хочу сказать, что если вы решили меня надуть, то я кого-нибудь задушу. И не уверен, что это понравится зрителям «Скрытой камеры».

– Могу вас заверить, что мы здесь исключительно ради того, чтобы сделать вас богатым человеком.

– Прекрасно.

Нет, на самом деле он не переживал. Но мысль возникла, и от нее нужно было избавиться, как будто, высказав ее, он мог избавиться от опасности. Почему-то он знал, что его не обманывают.

А здесь жарко. Странно, когда они только вошли, ему показалось, что в комнате прохладно, как будто выставили слишком низкую температуру на кондиционере. А теперь было такое ощущение, что кровь вот-вот закипит в его жилах. Может быть, у него жар? Может быть, это последствия позапрошлой ночи, когда он шел пешком домой через Бруклинский мост на влажном холодном ветру с моря, который едва не превратил его в сосульку?

Он оглядел себя. Джинсы вдруг показались изношенными, у пиджака обтрепались рукава – он никогда прежде не замечал этого. Ткань начинала просвечиваться. А рубашка его была нищенской, дешевой тряпкой из лавки старьевщика. Даже когда она была новой, она не выглядела по-настоящему хорошо. Дешевка. Хлам. Он поймал взгляд Эдуардо, который слабо улыбался, словно прочитав его мысли.

Город в окне все еще сверкал, словно сон из стекла и хрусталя. Значит, теперь он состоятельный человек. Джон Сальваторе Фонтанелли, сын сапожника из Нью-Джерси, стал им – не приложив ни малейших усилий, не сделав ничего, просто по прихоти судьбы. Может быть, он всегда подозревал что-то подобное и никогда не напрягался слишком сильно, никогда по-настоящему не старался? Потому что фея в колыбели нашептала ему о том, что все это не понадобится?

– Окей! – воскликнул он и хлопнул в ладоши. – Что дальше?

– Итак, вы принимаете наследство?

– *Да, сэр!*

Адвокат удовлетворенно кивнул и снова закрыл свою папку. Джон откинулся

на спинку стула и сделал глубокий выдох. Что за день! Он был словно полон шампанского, маленьких, весело лопающихся пузырьков, которые все поднимались и поднимались, чтобы собраться в какой-то смешок в верхней части грудной клетки.

Интересно, как на практике переходит такое наследство? Каким образом он получит деньги? Вряд ли наличными. По переводу не получится, потому что счета у него больше нет. Может быть, он получит чек? Точно. И ему доставит огромное удовольствие пойти именно в тот банк, который закрыл его счет, сунуть своему бывшему консультанту под нос чек на четыре миллиона долларов и посмотреть, какое у него будет лицо. Ему доставит огромное удовольствие вести себя как свинья, как последняя богатая сволочь…

Кто-то откашлялся. Джон поднял голову, вернулся из своих грез на землю, в реальность конференц-зала. Откашлялся Альберто Вакки.

И открыл папку, лежавшую перед ним.

Джон посмотрел на Эдуардо. Посмотрел на Грегорио, его отца. Посмотрел на Альберто, его дядю.

– Вот только не говорите мне, что на самом деле сумма *еще* больше.

Альберто негромко рассмеялся. Смех его напоминал воркование голубей.

– Скажу, – произнес он.

– Больше, чем четыре миллиона долларов?

– Намного больше.

Сердце снова гулко застучало. Легкие опять превратились в воздушный шар. Джон поднял руки, словно защищаясь.

– Подождите. Не так быстро. Четыре миллиона – вполне хорошая цифра. Зачем преувеличивать? Четыре миллиона вполне могут сделать человека счастливым. Больше было бы… ну, пожалуй, слишком много…

Итальянец взглянул на него из-под кустистых бровей. В его глазах сверкнул странный огонек.

– Это единственное условие, которое связано с наследством, Джон. Либо вы берете все – либо ничего…

Джон судорожно сглотнул.

– Больше, чем в два раза? – поспешно произнес он, словно нужно было отвести беду, упредив ее другой.

– Намного больше.

– Больше, чем в десять раз? Больше *сорока* миллионов долларов?

– Джон, вам придется научиться мыслить более крупными масштабами. Это нелегко, и, видит бог, я вам не завидую. – Альберто ободрительно, почти заговорщически кивнул ему, словно предлагая сопровождать его в пользующийся дурной славой дом. – Мыслите масштабно, Джон!

– Больше, чем?..

Джон запнулся. В одном журнале он читал о состоянии крупной поп-звезды – Мадонны, и там говорилось, что у нее шестьдесят миллионов долларов, а у Майкла Джексона – даже и в два раза больше. Возглавлял хит-парад экс-«битл» Пол Маккартни, состояние которого оценивалось в пятьсот миллионов долларов. У него закружилась голова.

– Больше, чем в двадцать раз?

Он хотел сказать «в сто раз», но не решился. Предположить, что он мог – просто так, без труда, без таланта – завладеть состоянием, приближающимся к состоянию таких легендарных личностей… в этом было что-то кощунственное.

На миг воцарилась тишина. Юрист посмотрел на него, закусил нижнюю губу и ничего не сказал.

– Свыкнитесь, – наконец посоветовал он, – с суммой *два миллиарда* .

И добавил:

– Долларов.

Джон уставился на адвоката, и показалось, что на него, на всех присутствующих

опускается что-то тяжелое, свинцовое. А вот это уже не шутки. Солнечный свет, падающий в окно, ослепил его, стал резким, словно лампа, которую направляют в глаза на допросе. Точно – не шутки.

– Вы же не шутите, правда? – спросил он.

Альберто Вакки кивнул.

Джон огляделся по сторонам, словно в поисках выхода. Миллиарды! Цифра опустилась на него, словно тяжеленный груз, надавила на плечи, стиснула виски. Миллиарды – это такие измерения, по направлению к которым он никогда даже двигаться не пытался. Миллиарды – это значит оказаться на уровне Рокфеллера и Ротшильда, нефтяных магнатов из Саудовской Аравии и японских гигантов недвижимости. Миллиарды – это уже не просто благосостояние. Это… безумие.

Сердце продолжало стучать. На правой лодыжке задергался мускул и успокаиваться не хотел совершенно. Сначала нужно прийти в себя. Все-таки то, что происходит здесь, – это очень странная игра. Такого не бывает, не бывает в том мире, который ему знаком! Чтобы просто появились четыре человека, о которых он никогда в жизни не слышал, и принялись утверждать, что он унаследовал два миллиарда долларов? Нет. Так не бывает. Это какая-то неправильная игра. Он понятия не имел, как обычно происходят церемонии передачи наследства, но эта в любом случае странная.

Он попытался вспомнить сцены из фильмов. Проклятье, он ведь посмотрел так много фильмов, в той или иной степени провел юность перед телевизором и в кино – как там это было? Вскрытие завещания, точно. Когда кто-то умирает, то происходит вскрытие завещания, на которое собираются все возможные наследники, чтобы узнать из уст нотариуса, сколько же они получили. И потом поцапаться.

Точно! Как вообще это случается, когда кто-то умирает и оставляет завещание? Ведь первыми наследниками становятся жена и дети, так ведь? Как могло произойти, что он наследует что-то, а его братья – нет? И как он вообще может что-то наследовать, если его отец еще жив?

Что-то тут не так.

Сердце и дыхание снова пришли в норму. Пока что еще рано радоваться. Сначала нужно устранить подозрения.

Джон откашлялся.

– Я вынужден еще раз задать совершенно глупый вопрос, – начал он. – Почему именно я должен унаследовать что-то? Почему вы пришли ко мне?

Адвокат спокойно кивнул.

– Мы провели очень подробное и основательное расследование. Мы не стали бы приглашать вас для разговора, если бы не были на сто процентов уверены в своем деле.

– Прекрасно, *вы* теперь уверены. А я нет. Вот, к примеру, знаете ли вы, что у меня есть два брата? Разве я не должен разделить наследство с ними?

– В этом случае нет.

– Почему нет?

– Вы названы в качестве единственного наследника.

– Единственного наследника? Кому, черт возьми, пришла в голову идея назвать именно меня в качестве единственного наследника двух миллиардов долларов? Я хочу сказать, ведь мой отец сапожник. И хоть я немного знаю о наших родственниках, но я уверен, что среди них нет миллиардера. Самым богатым человеком можно назвать, пожалуй, моего дядю Джузеппе, который владеет таксопарком в Неаполе, у него десять или двенадцать машин.

– Верно. – Альберто Вакки улыбнулся. – И он еще жив и, насколько нам известно, отличается отменным здоровьем.

– Ну вот. Так откуда же взялось такое наследство?

– Звучит так, как будто вы в нем не заинтересованы.

Джон почувствовал, что постепенно начинает злиться. Он очень редко злился, еще реже злился *по-настоящему* , но здесь и сейчас легко может случиться так, что он

дойдет до ручки.

– Почему вы постоянно уходите от ответа? Почему делаете из этого такую тайну? Почему просто не скажете мне, что умерли тот-то и тот-то?

Адвокат полистал бумаги, и это снова походило на отвлекающий маневр. Как будто кто-то перелистывает пустой ежедневник, притворяясь, что не может найти время для встречи.

– В данном случае речь не идет об обычном случае наследования, – наконец признал он. – Обычно есть завещание, исполнитель завещания и вскрытие завещания. Деньги, о которых мы говорим, являются собственностью фонда – в некотором роде можно сказать, что в данный момент они принадлежат самим себе. Мы просто управляем ими с тех пор, как умер учредитель, – а это было очень давно. Он оставил распоряжение, согласно которому состояние фонда должно перейти к самому младшему потомку мужского пола, который будет в живых по состоянию на 23 апреля 1995 года. И это вы.

– 23 апреля… – Джон недоверчиво прищурился. – Это было позавчера. Почему именно этот день?

Альберто пожал плечами.

– Так написано.

– И я – самый молодой Фонтанелли? Вы уверены?

– У вашего дяди Джузеппе есть пятнадцатилетняя дочь. Но ведь дочь. У кузена вашего отца Романа Фонтанелли был шестнадцатилетний сын Лоренцо. Но он, как вы, вероятно, знаете, неожиданно скончался две недели назад.

Джон уставился на зеркальную столешницу из корневой древесины, словно то был оракул. Вполне вероятно, что это так. Брат Чезаре и его жена каждое Рождество выводили Джона из себя многочасовыми дискуссиями о том, как бессмысленно, почти преступно сейчас рожать детей. И Лино – что ж, у него в голове одни самолеты. А его мать недавно рассказывала по телефону о Лоренцо, который умер от чего-то до ужаса банального, от укуса пчелы или подобного. Да, когда бы ни зашла речь об итальянских родственниках, говорили о свадьбах и разводах, о болезнях и смертях и никогда о детях. Это действительно могло быть правдой.

– А в чем заключаются эти два миллиарда долларов? – спросил он наконец. – Я так полагаю, в каких-нибудь долях предприятий, в акциях, месторождениях нефти и тому подобном?

– В деньгах, – ответил Альберто. – Просто в деньгах. Множество сберегательных счетов во множестве банков по всему миру.

Джон посмотрел на него, и в животе у него появилось какое-то режущее ощущение.

– И я должен получить это наследство только потому, что случайно два дня назад оказался самым молодым Фонтанелли? Какой тут смысл?

Адвокат долго и почти примирительно смотрел ему в глаза.

– Я не знаю, какой тут смысл, – признался он. – Просто так случилось. Как и многое в этой жизни.

Джон снова почувствовал головокружение. У него шла кругом голова, он чувствовал себя грязным, оборванным человеком в дешевых тряпках, которые едва ли заслуживают названия одежды. В голове продолжал бормотать голос, твердо уверенный в том, что его здесь обманывают, обжуливают и каким-то образом надувают. А под ним, глубоко внутри коренилось чувство, массивное, словно фундамент Манхэттена, что этот голос ошибается, что он – не что иное, как продукт бесчисленного множества проведенных перед экраном телевизора часов, а в телевизоре никогда не бывает так, чтобы с людьми просто происходило что-нибудь хорошее. Драматургия фильма такого не допускает. Ничего подобного не может быть в действительности.

Чувство, которое возникло, когда он вошел в эту комнату, – чувство того, что он достиг поворотного момента в своей жизни, – все еще не покидало его, более того, стало сильнее, чем прежде.

Вот только теперь пришел страх того, что этот поворотный момент раздавит его.

Два миллиарда долларов.

Он мог позволить им отдать ему деньги. Если они приехали, чтобы передать ему два миллиарда долларов, то могут и дать ему пару тысяч вперед, и никому от этого плохо не станет. Тогда он наймет своего адвоката, который все перепроверит. Вспомнился старый друг Пол Зигель. У Пола есть знакомые адвокаты. Наверняка он знает лучших адвокатов в городе. Точно. Джон глубоко вздохнул.

– Вопрос, – произнес Альберто Вакки, адвокат и управляющий активами из Флоренции, что в Италии, – остается тем же самым. Вы принимаете наследство?

Хорошо ли это – быть богатым? До сих пор он старался только не быть слишком бедным. А тех, кто вечно гонится за деньгами, презирал. С другой стороны, жизнь становится настолько проще и приятнее, когда у тебя есть деньги. Не иметь денег – это как цугцванг. Ты постоянно *вынужден* принимать решения, нравятся они тебе или нет. Возможно, это единственный вечно справедливый закон: с деньгами лучше, чем без них.

Он выдохнул.

– Ответ остается тем же самым, – произнес он и нашел, что это прозвучало круто. – Да.

Альберто Вакки улыбнулся. Его улыбка казалась теплой и настоящей.

– Примите мои сердечные поздравления, – произнес он и захлопнул папку.

Жуткое напряжение отпустило Джона, и он откинулся на мягкую спинку стула. Что ж, теперь он миллиардер. Что ж, бывают вещи и похуже. Он посмотрел на адвокатов, расположившихся напротив него полукругом, похожих на членов комиссии, и с трудом сдержал усмешку.

В этот миг сидевший в кресле у окна старик поднялся.

1

В детстве Джон часто видел загадочных людей. Они приходили в одиночку или группами по двое, по трое, наблюдали за ним с края детской площадки, улыбались ему по дороге в школу и говорили о нем, когда думали, что он не понимает или не слышит их.

– Это он, – произносили они по-итальянски. И затем: – Нам нужно подождать еще. – И принимались объяснять друг другу, как тяжело ждать.

Его мать до смерти испугалась, когда он рассказал ей об этом. Какое-то бесконечно долгое время ему не разрешали выходить из дома одному, и он был вынужден наблюдать из окна за тем, как играют другие дети. После этого он перестал рассказывать об этих мужчинах. А в какой-то момент он перестал их видеть, их фигуры ушли на дно его воспоминаний.

А потом Джону исполнилось двенадцать, и он обнаружил, что у мистера Анжело, самого почтенного клиента мастерской отца, есть тайна. Мистер Анжело всегда казался ему посланником небес, и не только потому, что так элегантно выглядел: когда он в своем белом костюме сидел на табурете перед верстаком и спокойно болтал по-итальянски с отцом, поставив ноги в носках на металлическую подставку, – это значило, что началось лето, чудесные бесконечные недели, полные мороженого, дни плесканий в надувных бассейнах, вылазки на Кони-Айленд, пропитанные по́том ночи. И только когда мистер Анжело появлялся во второй раз в году, на этот раз в светло-сером костюме, когда он протягивал отцу туфли и интересовался, как дела в семье, лето заканчивалось, наступало время осени.

– Хорошие итальянские туфли, – услышал он однажды, как отец говорил матери. – Такие мягкие, созданные для итальянской погоды. Довольно старые, но великолепно ухоженные, это нужно признать. Готов спорить, что такие туфли теперь уже нигде не купишь.

То, что посланники небес носят особенные туфли, для Джона было само собой разумеющимся.

В тот самый день, когда закончилось лето 1979 года – и даже больше чем лето, вот только никто об этом не подозревал, – Джону было позволено сопровождать своего лучшего друга Пола Зигеля и его мать в аэропорт имени Джона Ф. Кеннеди. Джимми Картер все еще был президентом, драма с заложниками в Тегеране еще не разыгралась, все лето Арт Гарфанкел воспевал «Bright Eyes»[2], а диско-группа «Village People» – Y.M.C.A.[3], отец Пола должен был вернуться из деловой поездки в Европу. Родители Пола владели часовым магазином на Тринадцатой улице, и мистер Зигель умел рассказывать потрясающие, волнующие истории о нападениях, которые ему довелось пережить. На задней стене магазина, под вставленной в рамочку детской фотографией Пола даже была настоящая дырка от пули! И Джон впервые в жизни ехал в известный аэропорт имени Джона Кеннеди, вместе с Полом прижимался носом к огромному стеклу и смотрел на прибывающих пассажиров.

– Все они из Рима, – заявил Пол. Пол был невероятно умным. По дороге он рассказал им историю Нью-Йорка вплоть до каменного века, все об Уолл-стрит и о том, кто построил Бруклинский мост, когда он был открыт и так далее. – Папа прилетит на самолете из Копенгагена. А он опаздывает как минимум на полчаса.

– Классно, – заявил Джон. Он вовсе не спешил домой.

– Давай считать бородатых мужчин! – предложил Пол. Это тоже было типично. У Пола всегда были идеи относительно того, чем можно заняться. – Считаются только окладистые бороды, и кто первым насчитает десять, тот выиграл. Окей? Я уже вижу одного, там, впереди, с красным портфелем!

Джон прищурился, как скаут-индеец. Пытаться победить Пола в таком соревновании было бессмысленно, но попытаться стоило.

А потом он заметил мистера Анжело.

Это был он, без сомнения. Светло-серый костюм, то, как он двигался. Лицо. Джон заморгал, ожидая, что фигура вот-вот исчезнет, но мистер Анжело и не думал исчезать, он продолжал идти, как обычно, в потоке других пассажиров из Рима, не поднимая головы, держа в руках только пластиковый пакет.

– Мужчина в коричневом пальто! – крикнул Пол. – Два.

Человек в униформе остановил мистера Анжело, указал на пакет и что-то произнес. Мистер Анжело открыл пластиковый пакет и вынул две пары туфель, коричневых и черных.

– Эй, – возмутился Пол. – Да ты не играешь по-настоящему!

– Мне скучно, – ответил Джон, следя за происходящим.

Сотрудник службы безопасности, очевидно, удивленный, что-то спросил. Мистер Анжело ответил, держа в руке туфли. Наконец человек в униформе отпустил его, после чего мистер Анжело сложил свои туфли обратно в пакет и исчез за автоматическими дверями.

– Ты просто боишься проиграть, – заявил Пол.

– Я все равно всегда проигрываю, – сказал Джон.

Вечером он узнал, что мистер Анжело действительно был в этот день в мастерской отца. Он оставил подарки для детей: каждому по плитке шоколада, а Джону – еще и десятидолларовую банкноту. Когда Джон взял в руки шоколадку и деньги, его охватило странное чувство. Как будто он обнаружил нечто такое, что должно было остаться тайной.

– Я видел мистера Анжело сегодня в аэропорту, – вдруг сказал он. – Он прилетел самолетом из Рима, и у него с собой были только туфли.

Отец рассмеялся.

Мать тоже засмеялась, привлекла его к себе и вздохнула.

---

[2] «Блестящие глаза» (*англ* .).

[3] Юношеская христианская ассоциация – молодежная религиозная организация (*англ.*). (*Примеч. ред.*)

– Ах ты, мой маленький мечтатель. – Так она его всегда называла.

Она как раз рассказывала о Риме, о каком-то кузене, который родился у каких-то родственников. Джону показалось странным, что у него есть в Италии родственники, которых он никогда в жизни не видел.

– Мистер Анжело живет в Бруклине, – заявил отец. – Он иногда приходит сюда потому, что знал человека, владевшего мастерской до меня.

Джон покачал головой, но ничего не сказал. Говорить больше не о чем. Тайна была раскрыта. Он знал, что мистер Анжело не придет больше никогда, и так оно и случилось.

Год спустя его брат Чезаре, который был старше его на девять лет, женился и переехал в Чикаго. Его брат Лино, на шесть лет старше, не женился, а пошел в военно-воздушные силы, чтобы стать пилотом. И внезапно Джон оказался единственным ребенком в доме.

Он проскочил школу, оценки у него были средненькими – ни плохими, ни хорошими, одноклассники знали его как неприметного спокойного мальчика, витающего в своем мире и почти не общающегося с другими. Он проявлял некоторый интерес к истории и английской литературе, но никто не доверил бы ему, к примеру, организацию школьного праздника. Девчонки считали его милым, и это означало, что они не боялись идти с ним по темной улице. Но единственный раз за все проведенное в средней школе время он поцеловал девчонку на новогодней вечеринке, куда потащил его кто-то из приятелей и где он, смущаясь, все время простоял в сторонке. Когда другие парни рассказывали о своих сексуальных приключениях, он просто молчал, и никто его не расспрашивал.

После школы Пол Зигель получил привилегированную стипендию для одаренных детей и уехал в Гарвард. Джон пошел в расположенный неподалеку колледж Хопкинс Джуниор, в основном потому, что тот был доступным и позволял ему продолжать жить дома, толком не представляя, как быть дальше.

Летом 1988 года на лондонском стадионе Уэмбли состоялся концерт в честь Нельсона Манделы, который транслировался на весь мир. Джон с еще несколькими ребятами из класса пошел в Центральный парк, где кто-то поставил видеоэкран и колонки, чтобы можно было наблюдать за глобальным музыкальным событием при свете солнца и с алкогольным напитком в руке.

– А кто вообще такой этот Нельсон Мандела? – спросил себя Джон после первого глотка пива из белого пластикового стаканчика.

Несмотря на то что вопрос не был обращен, собственно говоря, ни к кому, полноватая черноволосая девушка, стоявшая рядом с ним, пояснила, что Нельсон Мандела – предводитель южноафриканского сопротивления апартеиду и что он вот уже двадцать пять лет без вины сидит в тюрьме. И это, похоже, ее нисколечко не волновало.

И так он внезапно оказался вовлечен в разговор, и, поскольку его собеседнице было что рассказать, все шло очень хорошо. Они говорили, им светило яркое июньское солнце, оно прогревало их тела, выгоняя пот из всех пор. Гремела музыка, прерываемая речами, заявлениями и воззваниями к правительству Южной Африки с требованием отпустить Нельсона Манделу, и чем дальше, тем меньше можно было разглядеть на экране. У Сары Брикман были сияющие жизненной силой глаза, почти алебастровая белая кожа, и в какой-то момент она предложила удалиться, подобно другим слушателям, в скудную тень куста или дерева. Там они поцеловались, и у поцелуев был соленый привкус пота. Пока над лужайкой разносилось многоголосое «Свободу-у-у… Нельсону Манделе!», Джон расстегнул бюстгальтер Сары, и с учетом того, что он никогда в жизни не делал ничего подобного и к тому же выпил больше алкоголя, чем когда-либо прежде, он взял этот барьер почти элегантно. Когда на следующее утро он проснулся в чужой постели и обнаружил рядом гриву длинных вьющихся черных волос на подушке, то хоть и не вспомнил всех подробностей, но понял, что экзамен, похоже, сдал. Так он, не обращая внимания на слезы матери, ушел из дома и переехал к Саре, унаследовавшей от родителей маленькую хорошенькую квартирку к западу от Центрального парка.

Сара Брикман была художницей. Она рисовала большие, полные безумия картины мрачными красками, и их никто не хотел покупать. Примерно раз в год она выставляла их на протяжении пары недель в одной из галерей, из тех, что берут за это деньги с художников, ничего не продавала или продавала слишком мало даже для того, чтобы оплатить галерею, и потом с ней невозможно было разговаривать на протяжении нескольких дней.

Джон нашел вечернюю работу в расположенной неподалеку прачечной: складывал рубашки для гладильной машины; он обварил обе руки в первые же недели, но денег хватало на то, чтобы оплатить электричество и еду. Некоторое время он пытался продолжать учиться, но туда теперь было далеко и неудобно ездить, кроме того, он все еще не знал, зачем это нужно, и в какой-то момент просто бросил, не сказав родителям ни слова. Они узнали об этом пару месяцев спустя, что привело к страшному скандалу, в ходе которого Сару неоднократно назвали шлюхой. После этого Джон долгое время не появлялся в родительском доме.

Ему нравилось смотреть, как Сара в измазанном краской халате, хмурясь, возится у мольберта. Вечерами она тащила его в прокуренные кабаки в Гринвич-виллидж, где она разговаривала с другими художниками об искусстве и коммерции, а он не понимал ни слова, и это тоже производило на него впечатление и рождало чувство, что он наконец-то подобрался к настоящей жизни. Впрочем, друзья Сары не были готовы делиться своим пропуском в настоящую жизнь с каким-то молокососом. Они презрительно смеялись, когда он что-либо говорил, не слушали его, закатывали глаза, когда он задавал вопросы: для них он был просто любовником Сары, ее бесплатным приложением и мягкой игрушкой.

Единственным, с кем ему удавалось поговорить в этой компании, был Марвин Коупленд – товарищ по несчастью, который встречался с другой художницей, Брендой Каррингтон. Марвин снимал квартиру с другими ребятами в Бруклине, играл на бас-гитаре в разных, не имевших успеха группах, шлифовал собственные песни, которые никто не хотел исполнять, проводил много времени, глядя в окно или покуривая марихуану, и в мире не существовало ни одной безумной идеи, в которую бы он не верил. То, что правительство спрятало Розуэльских пришельцев в зоне 51, было для него столь же очевидно, как и целительная сила пирамид и драгоценных камней. То, что Элвис жив, было, пожалуй, единственным, в чем он по-настоящему сомневался. Что ж, по крайней мере, с ним всегда было приятно пообщаться.

Часто возникали споры из-за того, что Джон считал хорошей картину Сары, которая, по их мнению, не удалась, и наоборот. Наконец он решил выяснить, по каким вообще критериям картина считается хорошей или плохой. Поскольку до сих пор он не понимал ни слова из того, о чем говорили Сара и ее друзья, он начал читать книги об искусстве или проводить целые дни в Музее современного искусства, где он украдкой затесывался в группу экскурсантов, пока его не узнавали и не начинали задавать неприятные вопросы. И по мере того как он самоотверженно слушал объяснения по поводу картин, ничего в них не понимая, в нем начала зреть мысль о том, что рисование может стать тем направлением в его жизни, которое он все время искал. А как он мог найти его раньше, будучи сыном сапожника, с братьями, один из которых стал налоговым инспектором, а другой – пилотом истребителя? И он начал рисовать.

Как выяснилось позже, это была плохая идея. Он ожидал, что Сара обрадуется, но та лишь болезненно критиковала все, что он рисовал, высмеивала его старания перед друзьями. Джон не сомневался в том, что каждое ее слово было справедливо, покорно сносил всю критику и считал ее поводом работать еще усерднее. Он с удовольствием брал бы уроки, но не мог себе позволить этого ни по финансам, ни по времени.

Несколько недель он смотрел в четыре часа утра телевизионный курс рисования, прерываемый рекламными паузами, не пропуская ни единой передачи. Там показывали, как рисовать окруженные пихтами лесные озера или ветряные мельницы, выступающие роскошными силуэтами на фоне заходящего солнца. Несмотря на то что он ни разу не видел своими глазами ни то, ни другое, Джон полагал, что ему вполне удавалось следовать

указаниям, хотя наблюдавшая за этим Сара даже не критиковала его, а только закатывала глаза.

Однажды в тематической газете появилась коротенькая заметка о художнице Саре Брикман и ее работах, которую Джон вырезал, вставил в рамочку и гордо повесил над кроватью. Вскоре после этого появился потенциальный покупатель – паренек с Уолл-стрит с напомаженными волосами, в рубашке в широкую полоску и подтяжках, который несколько раз подчеркнул, что для него искусство – это инвестиции и что он хочет вовремя вложить деньги в художников, которые, вполне возможно, скоро станут известны. Очевидно, он считал это гениальной идеей. Сара провела его по ателье, показала ему свои картины, однако, похоже, он не знал, что с ними делать. И только когда его взгляд упал на одну из ранних работ Джона – дикий, пестрый силуэт города, от которого Сара только недовольно воротила нос, – он тут же пришел в неописуемый восторг. Он предложил десять тысяч долларов, и Джон просто кивнул.

Сара с грохотом захлопнула дверь ванной, едва покупатель и картина покинули квартиру. Джон, еще сжимая в руках пачку денег, постучал и поинтересовался, что случилось.

– Ты хоть понимаешь, что ты одной своей поганой картинкой заработал больше денег, чем я за всю свою жизнь? – наконец закричала она.

После этого их отношения так никогда и не стали прежними и вскоре закончились, в феврале 1990 года – по воле случая, как раз в тот самый день, когда в СМИ прорвалось известие об освобождении Нельсона Манделы. Сара сказала Джону, что все кончено, и так оно и было. Он нашел пристанище у Марвина: в квартире, которую тот снимал с другими ребятами, как раз освободилась неуютная длинная комната, и спустя пару дней Джон сидел там на полу со своими скудными пожитками, все еще не понимая, что произошло.

Продажа городского пейзажа осталась его единственной удачей на художественном поприще; деньги закончились быстрее, чем он мог предположить. После вынужденного переезда ему, конечно же, пришлось бросить работу в прачечной, и, побегав пару недель, когда счет его окончательно растаял, он наконец нашел новую работу в пиццерии, которую держали индийцы, предпочитавшие нанимать молодых людей итальянского происхождения. На юге Манхэттена это означало пробираться через колонны более или менее движущегося транспорта и знать все возможные проходы между кварталами. Благодаря этой работе у Джона появились крепкие ножные мышцы и тренированные легкие, а также кашель, похожий на тот, что бывает у курильщиков, – из-за выхлопных газов, которые приходилось вдыхать, – но вот денег на жизнь почти никогда не хватало. И дело было не в том, что в комнате с трудом можно было найти место для рисования, и не в том, что даже в солнечные дни не хватало света; у него просто почти не оставалось на это времени. Работа заканчивалась поздно ночью и нередко утомляла его настолько, что на следующее утро он спал как убитый, пока громко трезвонящий будильник снова не отправлял его на Манхэттен. Каждый раз, когда он брал выходной, чтобы поискать другую работу, из-за неполученной выручки он снова скатывался в минуса.

В это время в Нью-Йорк вернулся Пол Зигель – с вызывающим уважение дипломом Гарварда в кармане и доходным местом в службе по оказанию консультационной помощи предприятиям, клиентами которой якобы были все крупные фирмы мира, не считая нескольких правительств. Джон навестил его однажды в его со вкусом обставленной небольшой квартирке в Вест-Виллидж, подивился виду на Гудзон, в то время как Пол безжалостно, как могут только добрые друзья, рассказывал, что тот делал в своей жизни неправильно.

– Сначала ты должен избавиться от долгов. Пока у тебя есть долги, ты не можешь быть свободным, – загибал он пальцы. – Затем ты должен создать себе пространство для движения вперед. Но для начала ты должен понять, чего ты хочешь в жизни.

– Да, – сказал Джон. – Тут ты прав.

Но от долгов не избавился, не говоря уже об остальном. Чтобы справиться

с конкуренцией, Мурали, владельцу службы доставки пиццы, пришла в голову идея гарантировать каждому клиенту к югу от Эмпайр-стейт-билдинг доставку пиццы в течение получаса с момента заказа. И тем, кому приходилось ждать дольше, не нужно было ничего оплачивать. Эту идею он почерпнул в какой-то книге, которую даже сам не читал, ему кто-то рассказывал, и последствия оказались катастрофическими. Каждый разносчик имел право опоздать четыре раза в неделю, все остальное вычиталось из зарплаты. В часы пик, когда пиццы выходили из кухни уже с опозданием, а клиент, вполне возможно, ожидал на Тридцатой улице, успеть было просто невозможно. Джону закрыли счет в банке, он поссорился с Марвином из-за квартплаты, и почти не осталось вещей, которые можно было бы отдать в залог. Наконец, он заложил наручные часы, подаренные отцом на причастие; это была плохая идея, потому что после этого он не отваживался пойти к родителям, где его, по крайней мере, время от времени подкармливали. Иногда ему становилось плохо от голода, когда он вез по улицам пахнущие сыром и дрожжами пластиковые коробки.

Так начинался 1995 год. Время от времени в снах Джона снова возникали сказочные люди его детства, улыбались, махали руками и кричали что-то, чего он не понимал. Лондонский банк Барингов разорился после неудачных валютных спекуляций сотрудника Ника Лисона, японская секта «Аум Синрике» отравила ядовитыми газами двенадцать человек в токийском метро, во время теракта в Оклахома-сити погибло 168 человек. Билл Клинтон все еще оставался президентом Соединенных Штатов, однако переживал трудные времена, поскольку его партия утратила большинство в обеих палатах Конгресса. Джон обнаружил, что более чем за год не нарисовал ни единой картины, что время просто прошло, и у него возникло чувство, будто он ждет чего-то, вот только толком не мог сказать, чего именно.

День 23 апреля был не особенно удачным. Во-первых, это было воскресенье, и ему нужно было работать. В пиццерии его снова ждала записка от матери с просьбой позвонить – телефон в квартире Марвина был, к счастью, хронически отключен. Джон выбросил записку и занялся поездками, которых, как обычно по воскресеньям, было мало, а значит, и мало денег, и чаще всего приходилось ездить по самым безумным адресам. Поскольку он уже исчерпал лимит опозданий на этой неделе, Джон решил поднажать, а поскольку он, вероятно, поднажал слишком сильно, это произошло: срезая путь между кварталами, он вылетел на улицу, притормозил слишком поздно и врезался в автомобиль – черный длинный лимузин, выглядевший так, будто в нем сидел тот тип из фильма «Уолл-стрит», которого играл Майкл Дуглас.

Велосипед погнулся, коробки с пиццей упали, а автомобиль заскользил дальше, словно ничего не произошло. Джон потер колено под порванными джинсами, посмотрел вслед темно-красным стоп-сигналам и понял, что все могло кончиться намного хуже для него. Мурали пришел в бешенство, когда Джон приковылял обратно, слово за слово, и вот уже Джон лишился работы, даже без жалкой недельной зарплаты, поскольку Мурали удержал деньги за ремонт велосипеда. И Джон пошел пешком домой, в кармане – целых десять центов, в душе – неистовая ярость, а ночь становилась все холоднее и холоднее. На последних милях, которые нужно было пройти через Бруклин, принялся моросить противный дождик, и когда Джон наконец пришел домой, то уже не знал, на каком свете находится – в раю, в аду или все еще на земле.

Когда он открыл двери, в нос ему ударил запах яичницы и сигарет. Марвин, как часто бывало, сидел в кухне, поджав под себя ноги, воткнув свой «Фендер Джаз Бас» в усилитель, звучавший настолько тихо, насколько в этом вообще был смысл, но вместо того, чтобы, как обычно, неистово рвать струны, он просто извлекал глухие звуки, похожие на сердцебиение больного великана. *Ду-думм. Ду-думм. Ду-думм.*

– Тут тебя спрашивали, – сказал он, когда Джон направился в ванную.

– Что? – Джон замер. Помочиться – и в постель, и ни шагу больше – это он обещал себе

на протяжении всего пути. – Меня?

– Двое мужиков.

– Что за мужики?

– Понятия не имею. Мужики и все. – *Ду-думм. Ду-думм.* – Два мужика в костюмах с иголочки, с галстуками и булавками и так далее, и они хотели узнать, живет ли здесь некий Джон Сальваторе Фонтанелли.

Джон все-таки принес в жертву пару лишних шагов по направлению к кухне. А Марвин, нисколько не смущаясь, продолжал делать массаж сердца больному великану. *Ду-думм. Ду-думм.*

– Джон Сальваторе, – сказал Марвин, с укоризной качая головой. – А я даже не знал, что у тебя есть второе имя. Кстати, выглядишь ты отвратно.

– Спасибо. Мурали меня выставил.

– Мерзко с его стороны. С учетом того, что на следующей неделе нам платить за квартиру. – *Ду-думм. Ду-думм.* Не сбиваясь с такта, Марвин протянул руку к стоящему рядом с ним кухонному столу и протянул Джону визитку. – Вот. Это я должен был отдать тебе.

На вид это была дорогая четырехцветная карточка с витиеватым гербом. На ней было написано:

Эдуардо Вакки
адвокат, Флоренция, Италия

в наст. время отель «Вальдорф Астория»
301 Парк Авеню, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк
Тел. 212-355-3000

Джон таращился на карточку. В кухне было тепло, и все его тело отяжелело.

– Эдуардо Вакки… Клянусь, никогда прежде не слышал этого имени. Он не сказал, что ему от меня нужно?

– Ты должен позвонить ему. Он заявил, что, когда ты придешь, я должен отдать тебе карточку и сказать, чтобы ты позвонил и что это важно. – *Ду-думм.* – Речь идет о наследстве. – *Ду-думм.* – Мне кажется, что это слово похоже на «деньги». Классно, да?

2

Старик – *padrone* , как назвал его Эдуардо, – взял в руки подушку, лежавшую у него на коленях, и положил ее на стоявший рядом с ним столик. Затем с некоторым усилием поднялся с кресла, поправил сведенными подагрой пальцами вязаную кофту и мягко улыбнулся всем.

Джон застыл, словно громом пораженный. Мозг его, казалось, совершенно вышел из строя.

Тихими, какими-то очень *расслабленными* шагами мужчина, которого Эдуардо Вакки назвал своим дедом, обошел стол, словно располагая всем временем в мире. Проходя за спиной Джона, он дружески потрепал его по плечу, легко, мимоходом, но Джону тем не менее показалось, что тем самым *padrone* словно принимает его в свою семью. Так же спокойно, расслабленно он закончил свой моцион вокруг стола, неспешно занял последний свободный стул и открыл последнюю папку, которую до сих пор никто еще не открывал.

Рассудок Джона отказывался понимать, что означает все происходящее. При этом все казалось похожим на прохождение теста на интеллект. У нас есть числовой ряд 2–4–6–8, каким, с точки зрения логики, будет следующее число? Правильно, 10. У нас есть числовой ряд 2–4–8–16, каким, с точки зрения логики, будет следующее число? 32, верно. У нас есть числовой ряд восемьдесят тысяч – четыре миллиона – два миллиарда, каким, с точки зрения логики, будет следующее число?

Но на этом логика заканчивалась. Возможно, это все же не адвокаты. Может быть, они сумасшедшие, которые играют в сумасшедшие игры. Может быть, он стал жертвой психологического эксперимента. Может быть, все это, несмотря на заверения, съемки передачи «Скрытая камера».

– Меня зовут Кристофоро Вакки, – произнес старик мягким, неожиданно приятным голосом, – и я – адвокат из Флоренции, что в Италии.

При этом он посмотрел на Джона, и сила этого взгляда заставила Джона забыть обо всех мыслях по поводу психологических экспериментов и скрытых камер. Происходящее здесь было настоящим, реальным, настолько очевидно истинным, что от него почти можно было отрезать кусочек.

Возникла пауза. У Джона возникло такое чувство, будто все ждут его слов. Вопросов. Что он каким-то образом выскажется, несмотря на пересохшее горло, парализованную нижнюю челюсть, распухший до размеров футбольного мяча язык и полную потерю дара речи. Но все, что он сумел произнести, было похоже на свистящий шепот:

– *Еще* больше денег?

Padrone сочувственно кивнул.

– Да, Джон. Еще больше денег.

Трудно было сказать, сколько лет Кристофоро Вакки, но наверняка скорее восемьдесят, чем семьдесят. Белоснежных волос у него осталось совсем мало, кожа обвисла, покрылась пятнами, была испещрена множеством морщин. И, несмотря на это, он, который разглядывал документы, грациозно сложив руки, выглядел совершенно компетентным, полным хозяином положения. Никому даже в голову не пришло бы выражение «старческая немощность» при виде этого хрупкого мужчины. Разве только для того, чтобы поставить себя в смешное положение.

– Сейчас я расскажу вам всю историю, – произнес он. – Она начинается во Флоренции, в 1480 году. В этот год родился ваш предок Джакомо Фонтанелли, внебрачный сын неизвестного отца. Мать нашла приют в монастыре у сострадательного аббата, мальчик рос среди монахов. В пятнадцать лет, по сегодняшнему летоисчислению 23 апреля 1495 года, Джакомо приснился сон – который, пожалуй, можно было бы назвать видением, хотя сам он всегда называл его сном, – настолько яркий и интенсивный, что он определил всю его дальнейшую жизнь. У монахов он научился писать, читать и считать, и вскоре после того сна ушел в мир, чтобы стать купцом и торговцем. Работал он в основном в Риме и Венеции, городе, который был тогда центром экономики юга Европы, женился, произвел на свет шестерых детей – все мальчики, которые позднее тоже начали купеческую карьеру. А Джакомо в 1525 году вернулся в монастырь, чтобы воплотить в жизнь оставшуюся часть своего сна.

Джон, словно оглушенный, покачал головой.

– Сон, сон. Что за сон?

– Сон, в котором Джакомо Фонтанелли, так сказать, увидел свою собственную жизнь – свою профессиональную карьеру, свою будущую жену и, помимо прочего, какие прибыльные сделки он заключит. Но гораздо важнее было вот что: в этом сне он увидел будущее, которое наступит через пятьсот лет; он описывает эпоху ужасной бедности, жуткого страха, время, когда никто не знает своего будущего. И он увидел, что такова воля провидения – так сказать, воля Господа: он должен завещать свое состояние тому, кто через пятьсот лет в тот день, когда ему приснился сон, окажется его самым молодым потомком мужского пола. Этот человек был избран вернуть людям потерянное будущее, и он сделает это с помощью состояния Джакомо Фонтанелли.

– Я? – в ужасе воскликнул Джон.

– Вы, – кивнул *padrone* .

– Я *что* ? Избран? Я что, похож на того, кто избран для чего бы то ни было?

– Мы просто говорим об исторических фактах, – мягко ответил Кристофоро Вакки. – То, что я рассказал вам здесь, вы скоро сможете прочесть в завещании своего предка.

Я просто объясняю вам, каковы были его мотивы.

– Ах, вот как. Итак, ему явился Господь. И поэтому я сейчас сижу здесь?

– Так и есть.

– Безумие какое-то, правда?

Старик только многозначительно развел руками.

– Решать этот вопрос я предоставляю вам.

– Вернуть людям будущее. Именно я?

Джон вздохнул. Вот опять наглядный пример того, чего стоят видения и пророческие сны. А именно – ничего. Конечно, сегодня никто не видит будущего. Каждый просто ждет, от какой из множества бед погибнет человечество. То, что оно погибнет, было делом ясным и решенным. Альтернативы заключались только в выборе оружия: страх перед атомной войной в последние годы несколько вышел из моды, что, вероятно, было несправедливо, зато высоко ценились новые эпидемии болезней – СПИД, лихорадка Эболы, коровье бешенство, что-то в этом ценовом диапазоне, и не забыть про озоновую дыру, расширение пустынь да еще о том, что, по слухам, скоро закончится питьевая вода. Нет, сейчас действительно нет резона видеть будущее. Вот только он, Джон Сальваторе Фонтанелли, не является исключением. Скорее напротив: пока его сверстникам удалось хоть как-то обеспечить хотя бы свое непосредственное будущее, обзаведясь домом, семьей и стабильным доходом, он просто тупо жил одним днем и даже сумел отодвинуть в будущее столь неотвратимые события, как внесение арендной платы за квартиру. Точно, если и есть кто-то, кто меньше подходит для поисков потерянного будущего, чем он, то ему срочно нужно с ним познакомиться.

Старик снова заглянул в свою папку.

– В 1525 году, как уже было сказано, Джакомо Фонтанелли вернулся в монастырь, где провел детство, и рассказал аббату о своем видении. Они пришли к убеждению, что этот сон послан Богом, что он похож на библейский сон фараона, на основании которого Иосиф предсказал семь изобильных лет и семь голодных, и решили они действовать соответствующим образом. Все состояние Джакомо Фонтанелли было доверено находившемуся в дружеских отношениях с аббатом правоведу – человеку по имени Микеланджело Вакки…

– Ах! – произнес Джон.

– Да. Мой предок.

– Вы хотите сказать, что *ваша* семья хранила состояние *моей* семьи, чтобы передать его сегодня *мне* ?

– Именно так и есть.

– На протяжении пятисот лет?

– Да. На протяжении пятисот лет Вакки являются юристами. Дом, в котором находится наша контора, все тот же, что и прежде.

Джон покачал головой. Невероятно. Невероятно в первую очередь из-за спокойной уверенности, с которой старик излагал эти ужасы. Давно, казалось бы, забытые уроки истории снова всплывали в памяти, и мороз шел по коже: пятьсот лет! Это же значит, что Христофор Колумб еще не открыл американский континент, когда родился его предок. Получается, этот человек пытался ему сказать ни много ни мало, а то, что его семья в период между открытием Америки и первой высадкой на Луне занималась сохранением основанного на сне состояния – и что все это время она жила в одном и том же доме!

– Пятьсот лет? – повторил Джон. – Это же… даже не знаю, сколько поколений. Неужели никому не пришло в голову просто присвоить себе те два миллиарда?

– Никому, – спокойно ответил Кристофоро Вакки.

– Но ведь ни одна живая душа не узнала бы! Даже сейчас, когда вы мне это рассказываете, мне очень трудно поверить.

– Ни одна живая душа, может быть, – признал старик. – Но вот *Господь* узнал бы.

– Ах! – только и сказал Джон. Вот оно что.

Padrone раскинул в стороны руки с растопыренными пальцами.

– Вероятно, я должен объяснить кое-что еще. Само собой, существовали точные, установленные вашим предком правила оплаты работы управляющих, которых мы строго придерживались, – и жили мы при этом неплохо, должен добавить. Само собой, даже сегодня у нас сохранились все бухгалтерские документы, и мы можем предоставить все записи транзакций и удержаний гонорара.

«Да уж, – подумал Джон. – Готов *спорить* , вы это можете».

– И, само собой, – добавил старый Вакки, – изначальное состояние *не* составляло два миллиарда долларов. Таких денег в то время, вероятно, вообще не было. Состояние, оставленное Джакомо Фонтанелли в 1525 году, составляло три сотни флоринов, то есть, учитывая перерасчеты сегодняшней стоимости золота, примерно десять тысяч долларов.

– Что? – вырвалось у Джона.

Старик закивал, и на шее у него появились морщины, сделавшие его похожим на динозавра.

– При этом нужно принимать во внимание данные перерасчетов и покупательную способность. Три сотни флоринов представляли собой немалое состояние, с учетом тогдашней покупательной способности. Сегодня эти деньги, если пересчитать и обменять их, не стоили бы разговора – наше путешествие уже поглотило бóльшую их часть. Множество валют и валютных реформ обычно затуманивают взгляд на тот простой факт, что инфляция подтачивает все состояния, как крупные, так и мелкие. Но у Джакомо Фонтанелли был могущественный союзник, – многозначительно добавил *padrone* , – а именно сложный процент.

– Сложный процент? – машинально повторил Джон.

– Позвольте мне объяснить. В 1525 году на счет в учреждении, которое сегодня назвали бы банком, был положен эквивалент десяти тысяч долларов. В то время еще не было банков в сегодняшнем понимании, но в тогдашней Европе, а особенно в Италии, существовала процветающая экономика и хорошо функционировавший рынок капитала. Помните, Флоренция была тогда финансовой метрополией, в четырнадцатом веке там заправляли такие банкиры, как Барди и Перуцци, а в пятнадцатом – Медичи. Несмотря на то что церковь ввела запрет на процент, придерживаться его было невозможно, ведь не существует рынка капитала без процентов – никто просто не стал бы давать деньги в долг, если бы это ничего ему не приносило. Вложение Джакомо Фонтанелли идеально совпало с развитием функционирующего в полную силу международного денежного рынка в шестнадцатом столетии. Мой предок Микеланджело Вакки выбрал надежное вложение, с начислением четырех процентов, дающее относительно небольшой доход. Это значит, что в конце 1525 года в пересчете на современную валюту набежало четыреста долларов, которые были присоединены к первоначальному состоянию, и на следующий год на счету было уже не десять тысяч, а десять тысяч четыреста долларов. И так далее.

– Я знаю, что такое сложный процент, – проворчал Джон, все еще ожидавший, когда они доберутся до сути – обнаружения сокровища инков, золотой жилы, чего-то в этом роде. – Но это все мелочи, да?

– О, я бы так не сказал, – улыбнулся старик и взял в руки листок бумаги, на котором были выведены длинные колонки цифр. – Как и большинство людей, вы недооцениваете, что могут сделать вместе сложный процент и время. А ведь рассчитать это достаточно легко, потому что, хотя условия то и дело слегка меняются, мы всегда в среднем имеем процентную ставку в четыре процента. Это значит, что в 1530 году, то есть спустя пять лет после основания, вложение составляло немногим более двенадцати тысяч долларов в пересчете на сегодняшние деньги. В 1540 году оно составляло уже восемнадцать тысяч, а уже в 1543 году оно увеличилось больше чем вдвое. И получаемые на него проценты, конечно же, тоже.

Джон заподозрил неладное, хоть и не мог сказать, в чем дело. Но это было что-то большое. Что-то, от чего захватывало дух. Что-то похожее на айсберг, на падающее

мамонтово дерево[4].

– А теперь, – улыбнулся Кристофоро Вакки, – продолжение такое же, как в истории с шахматной доской и рисовыми зернышками. Четыре процента означают, кстати, что каждые восемнадцать лет капитал удваивается. В 1550 году состояние насчитывало двадцать шесть тысяч долларов, в 1600 речь уже шла о ста девяноста тысячах. В 1643 году оно перешагнуло границу в миллион долларов. В 1700 году нашей эры оно составляло девять с половиной миллионов, в 1800 – уже четыреста восемьдесят миллионов долларов, а в 1819 году добралось до миллиарда…

– Боже мой, – прошептал Джон, снова предчувствуя нечто большое и тяжелое, которое намеревалось лечь на него. Вот только теперь оно покажется полностью. Больше пощады не будет.

– Когда наступил двадцатый век, – безжалостно продолжал старик, – состояние Фонтанелли выросло до сорока двух миллиардов долларов, разделенное на тысячи счетов в тысяче банков. Когда началась Вторая мировая война, миллиардов было уже сто двенадцать, а когда закончилась – сто сорок два. В назначенный день, то есть вчера, состояние – то есть *ваше* состояние – составило приятную круглую сумму в почти один триллион долларов. – Он самодовольно улыбнулся. – Вот и все о процентах и сложных процентах.

Джон глупо вытаращился на адвоката, его нижняя челюсть отвисла, но он не сумел издать ни звука, ему пришлось откашляться и наконец произнести голосом больного туберкулезом человека:

– Один *триллион* долларов?

– Один триллион. Это тысяча миллиардов. – Кристофоро Вакки кивнул. – Иными словами, вы – самый богатый человек в мире, самый богатый человек всех времен, причем намного богаче других. Триллион долларов принесет вам только за этот год не менее сорока *миллиардов* долларов одних процентов. Существует примерно двести-триста миллиардеров, смотря как считать, но вряд ли вы найдете больше десяти тех, состояние которых будет больше, чем ваш доход с процентов только за этот год. Никто никогда не сможет владеть количеством денег, даже приближенным к вашему.

– Если подсчитать проценты, – взял слово Эдуардо Вакки, – это означает, что после каждого вдоха, который вы делаете, вы становитесь на четыре тысячи долларов богаче.

Джон находился в состоянии, близком к шоку. Сказать, что у него не укладывалось это в голове, значило бы самым недопустимым образом приуменьшить. Его мысли крутились, словно на быстроходной центрифуге, всплывали воспоминания, страхи и пережитый болезненный опыт, все связанное с деньгами – или, точнее, с их отсутствием, такой бешеный поток эмоций, что некая сила в нем дернула стоп-кран.

– Триллион, – произнес он. – Просто благодаря процентам и сложному проценту.

– И пятистам годам, – добавил Кристофоро Вакки.

– Это же так просто. Это мог бы сделать *каждый* .

– Да. Но *никто* не сделал. Никто, кроме Джакомо Фонтанелли. – Седовласый адвокат покачал головой. – Кстати, это было не так-то и просто. Банки, конечно же, тоже сознают эффект сложного процента – поэтому все договоры на накопительные вклады содержат маленькую, незаметную, но важную оговорку, что начисления процентов без движения по счету прекращаются спустя тридцать лет. Тем самым они хотят предотвратить именно этот случай – чтобы кто-то положил небольшую сумму на сберегательную книжку, забыл об этом, а спустя сто лет ее кто-нибудь нашел и стал претендовать на огромное состояние. – Он улыбнулся. – И, конечно же, по этой причине Вакки всегда обеспечивали движение по счету. Там снять, туда перечислить. Спустя десять лет – обратно. В принципе, вот и все,

---

[4] Мамонтово дерево, или секвойядендрон гигантский – род деревьев семейства кипарисовые, достигает 100 м в длину при диаметре 10–12 м. (*Примеч. ред.*)

что мы делали на протяжении пятисот лет.

– Просто движение по счетам?

– Именно. И я убежден, что именно это и является причиной того, что ваше состояние росло, росло и все еще существует, в то время как множество других состояний исчезли. У их владельцев не было такого количества времени – только своя собственная жизнь. Они вынуждены были идти на риск. Они хотели получить что-то со своих денег… Ничего подобного не происходило с моей семьей. Нам не нужно было идти на риск, напротив, мы его избегали. Мы ничего не хотели получить от денег, поскольку это были не наши деньги. И у нас было время, неизмеримо много времени и священное поручение. – Кристофоро Вакки покачал головой. – Нет, не думаю, что это мог бы сделать каждый. По-моему, это единичный случай.

На бесконечно долгий миг воцарилась тишина. Джон смотрел прямо перед собой, оглушенный случившимся. Адвокаты внимательно смотрели на него, наблюдая, как он за несколько минут пытается понять то, для чего им самим понадобились годы, каждому из них. Они смотрели на него, как смотрят на давно разыскиваемого пропавшего члена семьи, который теперь нашелся, вернулся туда, где его место.

– А теперь? – наконец спросил Джон Сальваторе Фонтанелли и удивился, что по ту сторону окна все еще светло. У него было такое чувство, что прошли часы с тех пор, как он вошел в комнату.

– Нужно уладить формальности, – произнес Альберто Вакки, подергав выглядывающий из нагрудного кармана кончик платка. – Состояние должно быть переписано на вас, и мы хотим предотвратить уплату налогов на наследство. И еще ряд подобных вещей.

– Стиль вашей жизни изменится, – добавил Грегорио Вакки. – Конечно, мы не можем давать вам указания, но, поскольку мы как семья готовились к этому моменту на протяжении поколений, мы хотим сделать ряд предложений, которые наверняка могут помочь. К примеру, вам потребуется секретариат, уже только затем, чтобы справиться с потоком писем с просьбами, которые наверняка будут вам приходить. И телохранитель, чтобы не подвергаться опасности быть похищенным.

– Поэтому, – заключил Эдуардо Вакки, – мы предлагаем вам для начала оставить свой дом здесь, в Нью-Йорке, и – по крайней мере, на время, – отправиться с нами во Флоренцию, пока не привыкнете к новой жизни.

Джон медленно кивнул. Да, для начала это все надо переварить. С этим нужно переспать. Во Флоренцию. Ну ладно, почему бы и нет? Что его держит в Нью-Йорке? Триллион долларов. Самый богатый человек в мире. Отличная шутка.

– А потом? – спросил он.

– Нам самим интересно, – сказал Кристофоро Вакки.

– Что вы имеете в виду?

Старик сделал неопределенный жест.

– Ну, у вас окажется такое количество денег, что любая экономика будет трепетать в ожидании ваших решений. Это ваша власть. Как вы ею распорядитесь, дело исключительно ваше.

– А что же видел в своем сне Джакомо Фонтанелли, что я должен сделать?

– Этого мы не знаем. Он видел, что вы поступите верно. Больше в переданных нам записях не сказано ничего.

– Верно? Но как это – верно?

– Так, что людям вернется потерянное будущее.

– И как же это произойдет?

Padrone рассмеялся.

– Без понятия, сын мой. Но я не беспокоюсь, не беспокойтесь и вы. Подумайте о том, что мы здесь исполняем пророчество, которое считаем священным. А это значит – что бы вы ни сделали, неверно вы поступить не можете.

Сьюзен Винтер, тридцати одного года от роду, не замужем, сидела, нервно покачивая ногой, за одним из столиков на двоих перед Рокфеллеровским центром – на белом стуле под коричневым восьмиугольным зонтиком, – а человек все не приходил и не приходил. В тысячный раз она посмотрела на часы: окей, до условленного времени еще оставалось две минуты, и затем – вперед, к золотому Прометею, сыну титана, украшавшему фронтон высотного здания. Разве он тоже не сделал нечто запретное, не бросил вызов богам? Она попыталась вспомнить то, что знала об античных легендах, но так и не смогла.

Как считали ее немногочисленные друзья, она была не замужем потому, что не взрастила в себе столько чувства собственного достоинства, чтобы нарядно одеваться и краситься, подчеркивая свою красоту. Этим вечером на ней были безвкусные джинсы и мятая линялая серая майка, волосы прядями спадали на лицо. Официант, у которого она заказала минеральную воду, отнесся к ней как к пустому месту и воду до сих пор не принес. Чего не знали ее друзья – и не знал никто, – так это того, что Сьюзен Винтер как одержимая играла в лотерею. Все, что удавалось выкроить из зарплаты, поглощала страсть к игре, равно как и те немногие выигрыши, что у нее случались. Она давно уже призналась себе, что это скорее мания, чем страсть, но не находила в себе сил на то, чтобы с этим справиться. Иногда, когда она дюжинами покупала лотерейные билеты, она словно стояла рядом, наблюдала за собой со стороны и испытывала мрачное удовлетворение от того, что вынуждена сосуществовать с этим отвратительным, бессмысленно прожигающим жизнь созданием. Ее бабушка, у которой Сьюзен проводила вечера, когда она была ребенком, всегда говорила:

– Повезет в картах, не повезет в любви! – когда выигрывала одну из бесконечных партий в бридж с подругами.

Повезет в картах, не повезет в любви. Это была немецкая поговорка; бабушка бежала из Германии перед войной. Почему – это Сьюзен поняла гораздо позже. В те вечера, когда ее родители работали, она всегда сидела рядом с бабушкиным стулом, причесывала кукол, переодевала их и слушала разговоры женщин. Повезет в картах, не повезет в любви. Для себя она все перевернула и уже не была уверена в том, а не звучит ли пословица иначе: не повезет в любви, повезет в картах. С учетом того количества неудач, которые случились с ней в любви, ей просто *должно* было однажды повезти в игре, несмотря на то что она весьма неясно представляла себе, как вообще должно выглядеть это везение.

Мужчина пришел точно в назначенное время. Когда он поднялся на террасу, на нем было все то же темное пальто, и, похоже, он нашел ее сразу, не тратя время на поиски. В руке у него был коричневый конверт, и Сьюзен знала, что в нем деньги, много денег. Внезапно ей стало очень любопытно, что же она должна сделать.

Он сел напротив нее, неловко, как будто его терзала судорога, положил конверт перед собой, сверху опустил руки и посмотрел на нее. У него было грубое, покрытое отметинами лицо, словно в юности он пострадал от оспы или по меньшей мере от сильной угревой сыпи.

– Ну что? – спросил он.

Он не назвал ей своего имени, он никогда не представлялся, когда звонил ей. Она всегда узнавала его по голосу. Вот уже два года она снабжала его информацией со своей фирмы, а он снабжал ее деньгами. Сначала это были просто справки – какие дела расследует детективное агентство «Дэллоуэй», какие у них клиенты, – затем вопросы стали конкретнее, и ее ответы тоже. Сегодня она впервые отдавала документы.

Она открыла сумку и вынула тонкую папку. Он протянул руку, она отдала. Вот и все.

Он молча изучал документы. Их было немного. То, что она смогла скопировать незаметно. Фото, которое он пристально изучил. Пара копий. Пара страниц текста, которые он несколько раз медленно прочел. Она наблюдала за ним, смотрела на покрытые волосками тыльные стороны рук, чувствовала себя уродливой, маленькой и жалкой. И в то же время она от всей души надеялась, что он найдет это достаточным, стоящим тех денег, которые он ей предложил.

– Информация о его семье у вас тоже с собой? – вдруг спросил он.

Она едва не испугалась.

– Да.

Он протянул руку, спокойно, как будто то, что они делали, было самой обычной вещью в мире, в то же время излучая неумолимую требовательность. Она вынула вторую папку и тоже вручила ему.

Он снова просмотрел содержимое. Эта папка была более полной, включала в себя почти все, что смогло собрать детективное агентство. Часть информации была получена нелегальным путем. Но она показалась ей несущественной.

– Хорошо.

Он отдал ей коричневый конверт, совершенно бесцеремонно, как будто передавал пакет с колбасой. Сьюзен взяла его, спрятала в сумку, в животе разлилось приятное тепло.

Он встал, так же неловко, сложил папки трубочкой и спрятал во внутренний карман пальто.

– Если мне понадобится что-то еще, я позвоню на днях.

Она чувствовала деньги сквозь кожу сумки.

– Если бы я только могла понять, что вас так интересует в этом парне…

Мужчина посмотрел на нее таким взглядом, от которого она вздрогнула.

– Лучше не пытайтесь это понять. Если хотите добрый совет.

И он ушел, не оборачиваясь.

Джон сидел на кровати в отеле, на мягкой, пахнущей лавандой кровати, не отводя взгляда от стоящего на столе телефона и борясь с собой, пытаясь решить, имеет ли он право позвонить с него. Все внутри дрожало, грозя разорвать на части. Происходящее с ним казалось похожим на сон, и все, чего он по-настоящему хотел, так это поговорить с кем-нибудь из реального мира, с кем-то, кто сможет сказать ему: «Проснись!» или что-то в этом роде. Может ли он позвонить? Они сказали, что он должен спать здесь; они не хотели больше отпускать его, теперь, когда наконец нашли спустя пятьсот лет… Означает ли это, что он имеет право позвонить? Он слышал, что звонить из отелей дорого, а у него денег в кармане было аккурат на поездку в метро.

Они купили ему одежду: пижаму, брюки, рубашку, все необходимое, нужного размера. Весь пол был усыпан пакетами, и он даже не все раскрыл. Тем временем стемнело, а он так и сидел в полумраке.

Означает ли то, что они позволили ему переночевать здесь, и то, что они оплатят телефонный разговор? Может быть. Он уставился на плоский светлый аппарат, поблескивающий в темноте, и снова задрожал. *«Триллион долларов* , – повторил голос внутри него, и еще раз, и еще. – *Триллион долларов».*

Пол. Пол Зигель скажет ему, что об этом думать. Пол поможет ему прийти в себя.

Рука дернулась вперед словно сама собой, рванула к себе трубку, а указательный палец другой руки набрал номер. Затаив дыхание, он прислушивался к раздававшимся звукам, гудкам, услышал щелчок, когда сняли трубку.

– Пол Зигель, – раздался знакомый голос, и Джон уже хотел было заговорить, вот только в голову не приходило ничего, что можно было бы сказать, даже идея назвать свое имя, и только потом он заметил, что нарвался на автоответчик. – В настоящее время я нахожусь в заграничной поездке, но все равно рад, что вы позвонили. Пожалуйста, назовите свое имя, оставьте сообщение и, если необходимо, свой номер после сигнала, чтобы я мог позвонить вам сразу после возвращения. Спасибо вам и до скорого.

Послышался сигнал.

– Пол? – Собственный голос казался ему странным. Как будто он перенес операцию на горле. – Пол, это Джон. Джон Фонтанелли. Если ты там, возьми трубку, это важно. – Может быть, он как раз входит в двери, запыхавшийся, волоча за собой чемодан и ручную кладь, кто знает? Как раз возится с ключами, слушая, как говорит в квартире аппарат? – Пожалуйста, позвони мне, как только сможешь. Я тут так запутался… Случилось кое-что совершенно невероятное, и мне нужен твой совет. Что ты делаешь за границей, именно

сегодня, черт тебя побери? Ах да, я в отеле «Вальдорф Астория». А номер забыл…

Второй сигнал оборвал соединение. Джон осторожно положил трубку, еще раз провел рукой по аппарату, блестящему от его пота, рухнул спиной на подушки, а затем провалился в забытье.

3

Несколько дней Марвин Коупленд ничего не слышал о Джоне. А затем пришла открытка. Открытка из Нью-Йорка.

Я действительно получил наследство и причем немалое. Но обо всем этом я расскажу тебе в другой раз. Сейчас мне нужно уехать на некоторое время – по делам. Я появлюсь, обещаю, вот только не знаю когда.

На открытке были изображены статуя Свободы, Всемирный торговый центр, Бруклинский мост и Музей современного искусства. Чуть мельче, другой ручкой было приписано с краю: «На днях зайдут люди из транспортного агентства. Пожалуйста, покажи им мою комнату, пусть они все упакуют; так нужно».

– А квартплата? – проворчал Марвин, несколько раз повертев в руках открытку, но больше ничего не обнаружил. – Как насчет квартплаты?

Мог бы и не беспокоиться, потому что три здоровяка, появившиеся несколько дней спустя, вручили ему конверт, в котором лежала квартплата за добрых три месяца крупными купюрами и небольшая записка, нацарапанная почерком Джона: «Я появлюсь, как только разберусь, что происходит. Пусть моя комната пока останется за мной, окей? Джон».

– Милости просим. – Марвин проводил мускулистых ребят в комнату Джона. Похоже, они немного расстроились, увидев, что не нужно перевозить пианино, даже мебель, а всего лишь пару ящиков со шмотками, книгами и принадлежностями для рисования. – И куда направляемся?

– За океан, – сказал главный здоровяк, вручая ему клеммник. На бумагах было написано «Флоренция, Италия».

Джон с восхищением смотрел в узкий иллюминатор замедляющего движение самолета на аэропорт, который весь сверкал на солнце. «Петерола Аэропорто» – было написано на одном из зданий. Во Флоренции было раннее утро.

Летели они ночью, десять или одиннадцать часов, он запутался в разных часовых поясах и летнем времени. Само собой, первым классом. В двух рядах впереди он заметил лицо, показавшееся ему знакомым. И у него случился легкий шок, когда он вспомнил почему: то был актер, настоящая звезда Голливуда, обладатель «Оскара», который путешествовал в сопровождении жены и менеджера. Он негромко спросил у Эдуардо, может ли он рискнуть – пойти вперед и попросить у актера автограф.

– Почему бы нет? – ответил Эдуардо и сухо добавил: – А можете подождать пару недель, и тогда *он* попросит автограф *у вас* .

После этого Джон отказался от своей затеи.

Несмотря на широкие кресла и большие расстояния между рядами, Джон спал мало и чувствовал себя не очень хорошо. От яркого света болели глаза. Он заморгал, глядя на мягкие холмы с росшими на них пиниями, от вида которых у него неожиданно возникло чувство, что он возвращается на родину. А ведь он никогда не был в Италии, только слышал рассказы родителей о ней.

Они здорово удивились, когда он приехал к ним на черном «линкольне». Воспоминание о том, какие у них были лица, все еще вызывало улыбку.

Рассказал он им немного. Историю с наследством они не совсем поняли («Как ты можешь унаследовать что-либо, когда мы еще живы, мальчик?» – добрых пять раз

поинтересовался отец), но то, что он теперь богат, сумели понять. Насколько богат, он решил пока им не говорить, поскольку визит был запланирован короткий, а триллион долларов они все равно не смогли бы себе представить. В конце концов, он и сам пока что не мог этого сделать.

На обратном пути из Бриджуотера они остановились на Пятой авеню, прямо перед самыми изысканными и утонченными магазинами. Эдуардо, все время сопровождавший его, словно гид по чудесному миру богатства, передал ему золотую кредитную карточку, на которой было написано его имя, со словами «Пойдет на один из ваших счетов», – а затем они вошли в этот храм портновского искусства.

Их окружили тишина и запах тканей, тонкой кожи и дорогих духов. Витрины, упаковочные столы и вешалки, казалось, появились здесь вместе с заселением Америки. Джон ни капли не удивился бы, если бы кто-то сказал, что темное дерево, из которого была сделана вся мебель, взято с самого «Мейфлауэра». Седоволосый, слегка прихрамывающий человек подошел к ним, словно хранитель Грааля, окинул быстрым профессиональным взглядом с ног до головы безупречно, даже слишком модно одетого Эдуардо, а затем Джона, на котором все еще были джинсы, изношенная рубашка и потрепанный пиджак, и тут же, не поведя бровью, осознал, что его помощь нужна именно Джону.

– Сколько вы планируете потратить на одежду для молодого человека? – спросил он.

– Сколько будет нужно, – произнес Эдуардо.

И началось. Джон примерял, Эдуардо принимал решения, предлагал, комментировал, командовал сотрудниками магазина.

Поначалу Джон категорически воспротивился идее обзавестись подобающими костюмами, рубашками, галстуками и тому подобным. Он заявил, что они неудобны, быстро пачкаются и он сам себе кажется в них самозванцем.

– Вы можете позволить себе все самое лучшее, – сказал Эдуардо, – и это совершенно точно не будет неудобно, иначе богатые люди этого не носили бы.

– Вне всякого сомнения, вы сможете позволить себе надевать все, что вам захочется, – обстоятельно пояснил его отец, Грегорио. – Однако рекомендуется иметь соответствующий гардероб хотя бы для некоторых случаев.

– Вы – богатый человек, – заявил Альберто, добродушно подмигнув ему. – Вам наверняка захочется *чувствовать* себя богатым.

И действительно, когда Джон встал перед зеркалом в первом костюме, то весьма удивился. Боже мой, какая разница! Войдя в магазин, он казался себе жалким оборванцем, заблудившимся бродягой, рожденным проигрывать, и едва не победивший внутренний голос торопил его бежать, прятаться, потому что ему здесь просто нечего делать, не рожден он для такого богатства и роскоши. А теперь, в классическом двубортном костюме, белоснежной рубашке и неярком полосатом галстуке, в блестящих черных туфлях, таких твердых и тяжелых, что каждый шаг звучал величественно, он не только выглядел так, как будто принадлежал к этому кругу всегда, более того, от его отражения в зеркале, казалось, исходило какое-то сияние. Внезапно он оказался победителем, без сомнения, важной персоной. Джон смотрел на жалкую кучку своих старых тряпок и понимал, что больше их не наденет. В том, чтобы носить эти костюмы, было даже что-то магическое. Он чувствовал себя в них полубогом, и это пьянило его. Это само по себе было похоже на страсть.

И они покупали и покупали, и под конец счет вырос до двадцати шести тысяч долларов.

– Боже мой, мистер Вакки, – прошептал Джон на ухо Эдуардо, и ему показалось, что тот побледнел. – Двадцать шесть тысяч долларов!

Эдуардо только поднял брови.

– Да, и что?

– Так много денег за пару *костюмов* ? – прошипел Джон, чувствуя, что ему становится дурно.

– Нам потребовалось почти два часа, чтобы подобрать эти костюмы. Если это вас успокоит – за это время ваше состояние выросло примерно на девять миллионов долларов.

У Джона захватило дух.

– Девять миллионов? За два часа?

– Хотите, я подсчитаю точно?

– Да ведь мы могли купить весь магазин.

– Могли.

Джон снова посмотрел на счет, и внезапно сумма показалась ему смешной. Он пошел к кассе и отдал его вместе со своей новой кредиткой, седовласый человек исчез вместе с ней за занавеской, а когда появился снова, показалось, что у него вырос горб, – настолько подобострастным он вдруг стал. Джон спросил себя, что он мог узнать, сделав контрольный звонок.

Он решил сразу надеть один из костюмов. Его старую одежду, конечно же, с удовольствием утилизируют, пояснил седой. Он действительно сказал «утилизировать», словно то, что было на Джоне, когда он вошел в магазин, было каким-то особого рода мусором. Джон прямо представлял себе, как тот после их ухода поднимает старые джинсы с пола стальными щипцами, кривясь от отвращения, и уносит в подвал, чтобы сжечь в печи. Эдуардо уладил доставку остального гардероба в транспортную компанию, которая перевезет во Флоренцию и прочие вещи Джона, и они ушли.

Позже, на контроле в аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди, Джон заметил, насколько иначе он чувствует себя, насколько иначе к нему относятся, – только потому, что на нем дорогой костюм. Охранники разговаривали с ним вежливо, почти подобострастно. Таможенники поверили, что ему нечего декларировать. Остальные пассажиры бросали уважительные взгляды и, похоже, спрашивали себя, кто он такой.

– По одежке встречают, – произнес Эдуардо, когда Джон поделился с ним своими наблюдениями.

– Все так просто? – удивился Джон.

– Да.

– Но ведь *каждый* может купить себе по-настоящему хороший костюм. Ладно, тысяча долларов – это куча денег, но если подумать, сколько люди тратят на машины…

Эдуардо только улыбнулся.

На парковке перед аэропортом, прямо у выхода, их ждал серебристый «роллс-ройс», длинный, безупречно поблескивающий, и каждый выходивший из автоматически открывающихся дверей как загипнотизированный смотрел на него.

Перед автомобилем, слегка склонившись, стоял и смотрел на них беловолосый шофер с аристократически неподвижным лицом. Его униформа заставляла вспомнить старые фильмы, и он носил ее с очевидной гордостью. Когда из здания вышли четыре адвоката вместе с Джоном, толкая перед собой тележки со своим багажом, он снял шляпу, зажал ее под левой рукой и правой открыл дверцу автомобиля.

Джон уже перестал удивляться. «Роллс-ройс». Ну, ясно. А что же еще? И то, что он перестал удивляться, удивило его.

– Что ж, – легко заметил Эдуардо, – а теперь люди весьма удивятся.

– Почему? – поинтересовался озадаченный Джон.

– Потому что нам придется самим сложить чемоданы в багажник. У Бенито проблемы со спиной – межпозвоночные хрящи и прочие латинские штуки, которые могут ломаться в спине; ему нельзя поднимать ничего тяжелее автомобильных ключей.

Итак, Джон и трое младших Вакки стали складывать плотные чемоданы в поразительно вместительный багажник «роллс-ройса», в то время как *padrone* стоял рядом с шофером, настолько быстро разговаривая с ним на каком-то диалекте итальянского, что Джон почти ничего не понимал. И действительно, люди вокруг удивлялись, некоторые делали соответствующие замечания.

Бенито, шофер, и правда был немолод. Рядом с ним дед Эдуардо казался почти юношей. О чем бы ни шел у них разговор, похоже, понимали они друг друга отлично.

– Вообще-то Бенито должен был уйти на пенсию еще десять лет назад, и, в принципе, так оно и случилось, – пояснил Альберто, заметивший взгляды Джона и истолковавший их соответственно. – Но он всю жизнь работал на нас шофером. Он погибнет, если больше не сможет водить «роллс-ройс», и поэтому водит его, пока хочет.

Разместив чемоданы, они сели в автомобиль и тронулись с места, чтобы тут же оказаться в пробке среди других машин.

– Мы поедем в нашу загородную резиденцию, – пояснил Кристофоро, обращаясь к Джону. – Конечно же, вы – наш гость, пока не будут улажены все формальности и вы не выберете, где хотите жить.

Джона сбивали с толку грубый стиль вождения других автомобилистов, постоянные гудки и жестикуляция.

– О каких именно формальностях мы говорим?

– Состояние должно официально перейти в ваше распоряжение. Что мы должны предотвратить – и мы сделаем это, не беспокойтесь, – это выплату налога на наследство.

– И сколько же это?

– Много. Половина.

Удивительно, но, получив эту информацию, Джон почувствовал, как в животе поднимается горячая волна ярости, которую он тут же определил как агрессию. «Безумие», – подумал он. Два дня назад он хотел, чтобы его состояние ограничилось четырьмя миллионами долларов и не принимало такие огромные размеры. А теперь, как будто он заработал каждый из тысячи миллиардов в поте лица, собственными руками, при мысли о том, что какое-то финансовое управление может вот так запросто отнять у него половину, горло сжималось от ярости.

– Но как вы собираетесь это сделать?

Это находилось в компетенции Грегорио.

– Мы заключили с министром финансов Италии что-то вроде *джентльменского соглашения* . Он удовлетворится символическим налогом в пару миллионов, а вы пообещаете ему за это на протяжении по меньшей мере года платить налоги с прибыли в Италии. Это принесет ему в кассу двадцать миллиардов долларов, которые сейчас ему очень нужны.

– Это мог бы сделать любой министр финансов, ведь так?

– Да, – подтвердил адвокат. – Но Италия хочет непременно вступить в Европейский валютный союз, который начнет свою работу в 1999 году, и в настоящий момент еще неизвестно, сумеет ли правительство до тех пор привести все в соответствие с необходимыми финансовыми критериями. Ваши двадцать миллиардов могут иметь решающее значение. Поэтому министр, скажем так… *весьма готов идти на компромиссы* .

Джон понимающе кивнул, в животе возникло странное ощущение. К такой точке зрения еще нужно привыкнуть. Все, что он скажет или сделает, будет замечено и, более того, может иметь серьезные последствия для жизни огромного количества людей.

Почему-то во все это по-прежнему не верилось.

Один из магазинов, расположенных вдоль улицы, по которой они двигались не быстрее пешеходов, привлек его внимание.

– Вы сказали, что деньги действительно принадлежат мне, – сказал он, обращаясь к Грегорио. – Это справедливо и на настоящий момент?

– Конечно.

– Значит, я могу немного потратить?

– В любое время. – Он обернулся к своему сыну. – Эдуардо, ты ведь отдал ему кредитную карточку? – Тот кивнул.

– Ладно, – сказал Джон. – Дайте я выйду.

В той, другой жизни Джон как-то прочел статью, в которой автор описывал поездку

на «феррари», заявляя, что это лучше, чем секс.

Тот человек был прав.

С тех пор как они съехали с автобана, пролегавшего мимо городов с такими звучными именами, как Прато, Пистория или Монтекатини, дороги стали у́же, начали виться среди сухих холмов. Вдоль полей лежали сложенные кучками камни, время от времени они проезжали мимо казавшихся древними или заброшенными крестьянских домов. Когда они проезжали через деревню, к ним сбегались грязные дети, они кричали и махали им руками, да и стоявшие в дверных проемах или возившиеся с тракторами мужчины поднимали руки, приветствуя их.

– Если вы повернете там, на перекрестке, направо, мы сможем сократить путь.

– А если я поеду прямо?

– Нам потребуется на двадцать минут больше времени.

– Тогда поедем прямо, – сказал Джон и нажал на газ, наслаждаясь тем, что его вдавило в сиденье, когда красный «феррари» с неподражаемым, почти божественным мотором набрал скорость и пролетел через пустой перекресток, словно выпущенная из лука стрела.

Лучше, чем секс, действительно. Джон представлял себе, что ездить на «феррари» – это круто, но в действительности это оказалось еще более волнительно, чем он предполагал. Ты находишься внутри мощной машины, чувствуешь рокот мотора, словно звук собственного сердца, автомобиль становится единым целым с твоим телом – и ты несешься вперед, неудержимо, с неукротимой скоростью, неукротимой силой, мчишься по улицам, вписываешься в повороты, и кровь кипит в жилах, и ощущение такое, будто весь мир принадлежит тебе.

– Это понижает меня в ваших глазах? – спросил Джон, когда они пронеслись по мосту, переброшенному через узкий, почти пересохший ручей.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, – произнес Джон, делая рукой жест, повторяющий очертания машины, в которой они сидели, – вы находите наследника состояния Фонтанелли, того, кто должен исполнить пророчество, еще полтысячелетия тому назад избранного для того, чтобы вернуть людям будущее… и первое, что он делает, это покупает нечто столь бессмысленное и излишнее, как дорогущий спортивный автомобиль!

Эдуардо рассмеялся.

– Вы плохо знаете моего деда. Он полюбил вас, и это навеки. Теперь можете творить все, что угодно.

Джон удивленно поднял брови.

– Ох! – Он был тронут.

– Это не считая того, – продолжал Эдуардо, – что вы точно соответствуете разработанной им теории.

– Теории?

– Он на протяжении десятилетий следил за судьбами людей, неожиданно получивших очень много денег. Ну, то, что можно узнать из газет. Он говорит, что те, кто тут же начинает экономить, вскоре теряют свое новоприобретенное состояние. А те же, кто в первую очередь исполняет свою самую безумную мечту, позже в большинстве случаев приучаются правильно распоряжаться собственными деньгами.

– Тогда надежда есть.

– Именно.

Он просто должен был сделать это. Когда он увидел витрину со стоящим в ней красным болидом, с причудливо наряженными манекенами и стандартным черным конем на заднем фоне, в нем словно проснулся голод: он должен иметь такую машину, он хотел вести ее, причем *немедленно* .

В фильмах подобное всегда происходило просто. А по эту сторону экрана автомобиль должен быть разрешен, застрахован, пришлось побывать в тысяче инстанций, прежде чем он смог на нем уехать.

Эдуардо помогал ему советами и наконец кто-то кивнул: для него сделают все, что должно быть сделано, и формальности подождут. Он может уехать сразу. Все, что от него требуется, – это подписать кредитную квитанцию на невероятно огромную сумму в лирах, что Джон и совершил, не утруждая себя переводом ее в доллары. А затем настал волшебный миг: директор филиала, прилично одетый мужчина с лоснящимися волосами, вложил ему в руку ключи, они с Эдуардо сели в автомобиль, окно витрины перед ними отошло в сторону, и в сопровождении восхищенного концерта гудков они сорвались с места.

При этом Джон никогда не был фанатом «феррари». В сериале «Частный детектив Магнум» ему показалось проявлением излишнего тщеславия то, что Том Селлек разъезжал на «феррари», который в глазах Джона был слишком дорогим и непрактичным средством передвижения. Конечно, он всегда мечтал о какой-нибудь крутой машине как символе того, что он сумел добиться чего-то, как любой нормальный американец, но скорее представлял себе при этом «кадиллак» или, быть может, «порше». Но уж точно не «феррари».

Однако, вспоминая момент, когда он увидел с заднего сидения «роллс-ройса» витрину филиала «Феррари», он понимал, что на самом деле важнее всего было проверить, чего стоят все эти слова. Может ли он, якобы самый богатый человек всех времен и народов, просто пойти и купить себе безумную машину.

Смотри-ка, может.

– И ваш дед действительно верит в это пророчество, не так ли?

Эдуардо кивнул.

– Да. Верит.

– А вы?

– Хм… – Последовала долгая пауза. – Не в том смысле, который вкладывает в это дед.

– А во что вы верите?

– Я думаю, что нам как семье удалось сделать нечто беспрецедентное, сохранив это состояние на протяжении такого долгого времени. А еще я знаю, что оно нам не принадлежит. Что оно принадлежит назначенному Фонтанелли наследнику.

– Мне.

– Да.

– А вам никогда не приходило в голову просто оставить его себе? Я имею в виду, ведь о существовании этого состояния не знал вообще никто?

– Никто. Я знаю, это звучит странно. Но меня так воспитали. Пожалуй, вы не сможете себе этого представить. Я вырос в атмосфере ожидания и планирования, подготовительных работ к определенному дню, дню, назначенному еще пятьсот лет тому назад. Задача Вакки – хранить состояние, оберегать его, преумножать его до того времени, как оно будет передано наследнику. После этого – когда наследник вступит во владение своим состоянием, – мы будем свободны. Тогда обязательства будут выполнены.

Джон попытался представить себе такой образ жизни – людей, чувствовавших себя связанными обещанием, которое дал их предок столетия тому назад, – и вздрогнул, настолько чуждым показалось ему это.

– Вы так это воспринимаете? Как обязательство? Как тяжкую ношу?

– Это не тяжкая ноша. Это просто наша задача, и только когда она будет выполнена, мы сможем заняться другими вещами. – Эдуардо пожал плечами. – Вероятно, это покажется вам странным. Но представьте себе, что все эти вещи, которые рассказал вам мой дед два дня назад, я знаю всю жизнь. Мне рассказывали историю о сне Фонтанелли, как другим детям рассказывают рождественскую историю. Я знаю ее наизусть. Каждый год мы отмечали 23 апреля как праздник и каждый раз говорили: вот, осталось столько-то лет. Не могу вспомнить ни одного события последнего столетия, чтобы мне не пришло в голову, как оно повлияет на состояние Фонтанелли. И все эти годы мы наблюдали за семьей Фонтанелли, знали о каждом заключении брака, о каждых родах, знали, у кого какая профессия, кто в каком городе живет. Хотя в последние годы мы немного халтурили. Чем ближе был

назначенный день, тем больше мы убеждались, что наследником станет ваш кузен Лоренцо.

Джон почувствовал неприятный укол.

– И теперь вы разочарованы, что им стал я?

– Меня можете не спрашивать. До прошлой осени я учился и никогда не встречался с ним. Наблюдение было задачей других. Здесь нам направо.

Джон последовал указанию, и они оказались на ведущей слегка в гору дороге, которая вынуждала ехать медленно, поскольку была узкой и извилистой.

– А другие кандидаты?

– Номером вторым были вы. Номером третьим – кузен, седьмая вода на киселе, зубной техник в Ливорно, тридцати одного года, женат, детей нет, что среди Фонтанелли, кстати, встречается на удивление часто.

– Вот он разозлится.

– Он не знает.

Они достигли седловины, и теперь дорога явно вела к деревне. Немного в стороне, с видом на Средиземное море, который должен, по идее, быть ошеломляющим, лежала усадьба, и у Джона возникла уверенность, что это и есть загородная резиденция Вакки.

– А что думает обо мне ваш дед?

– Что вы и есть тот наследник, которого видел в своем сне Джакомо Фонтанелли в 1495 году. И что вы сделаете с помощью своего состояния что-то очень-очень хорошее для людей, то, что снова откроет двери будущего.

– Очень смелые ожидания, не так ли?

– Честно говоря, я считаю, что все это мистическая чепуха, – громко рассмеялся Эдуардо.

Они приближались к деревне. Джон заметил, что с другой стороны дорога была шире.

– Но в семье Вакки говорят, что вера приходит с возрастом, – продолжал Эдуардо. – Мой отец и дядя находятся на той стадии, когда Вакки верят, по крайней мере, в то, что с таким количеством денег нужно сделать нечто осмысленное, и они ломают себе головы над тем, что бы это могло быть. Мой дед по этому поводу вообще не волнуется. Вы тот самый наследник, все это – священное видение, и если вы покупаете «феррари», то, значит, таков божий промысел, *e basta* [5].

Скупыми жестами пальцев, которые Джон уже научился хорошо понимать, Эдуардо указывал путь через деревню, производившую мирное впечатление. Они достигли усадьбы, проехали через широкие ворота, кованая решетка которых была открыта настежь, и оказались в просторном, усыпанном галькой внутреннем дворе. «Роллс-ройс» уже стоял там, в тени нескольких высоких старых деревьев, и Джон остановил «феррари» рядом. Когда мотор перестал работать, ему показалось, что он оглох.

– А что думаете вы? – поинтересовался он.

Эдуардо усмехнулся.

– Я думаю… Джон, вы обладаете триллионом долларов. Вы – король этого мира. Если вы не насладитесь этим, то вы – глупец.

4

Вся усадьба дышала стариной. Верхушки деревьев слегка шелестели на ветру с моря, отбрасывая неровные тени на упрямо вздымавшиеся стены, в штукатурке которых виднелись мелкие трещинки. Они сделали несколько шагов по шуршащему гравию, когда дверь дома открылась. Им навстречу вышла полная женщина лет пятидесяти пяти, которая могла бы рекламировать спагетти, и обрушила на них поток слов.

– Говори помедленнее, Джованна! – крикнул ей по-итальянски Эдуардо. – Иначе

---

[5] И все (*итал*.).

синьор Фонтанелли тебя не поймет! – И, обращаясь к Джону, продолжил по-английски: – Это Джованна, добрый дух нашего дома. Она позаботится о вас, но по-английски не говорит.

– Что ж, по крайней мере я понял то, что вы ей сказали, – усмехнулся Джон. – Все будет в порядке.

Отец всегда настаивал на том, чтобы его дети знали хотя бы основы родного языка, но, поскольку дома чаще все же говорили по-английски, возможностей практиковаться у него почти не было. Но то, что он знал, постепенно вспоминалось.

Они вошли в темный прохладный холл. Монументальная лестница вела на галерею. Справа и слева виднелись сумрачные коридоры, сверху свисала массивная люстра. Шаги гулко звучали на голом терракотовом полу.

Эдуардо еще раз напомнил Джованне о том, что с Джоном нужно говорить медленно и четко, за что получил от нее укоризненный взгляд, попрощался и удалился. Джон шел за решительной экономкой по лестнице и светлым коридорам, пока они не оказались в большой комнате, где та заявила, что эта комната размером с зал теперь принадлежит ему. Большие стеклянные двери вели на просторный балкон с подпорченными непогодой перилами из песчаника, откуда открывался вид на Средиземное море.

– Здесь ванная, – сказала она, но Джон смотрел только на сверкающую морскую даль.

Если ему что-то понадобится, неважно что, – нужно только набрать пятнадцать.

– Как-как? – произнес Джон, уже машинально по-итальянски, и обернулся.

Она стояла у кровати, держа в руке телефонную трубку – современный беспроводной телефон, зарядная станция от которого находилась на прикроватном столике.

– Пятнадцать, – повторила Джованна. – Если вам что-то потребуется.

– Да. – Джон кивнул, взяв протянутый телефон. – А если мне нужно позвонить? Не по дому? – Как сказать по-итальянски «линия основного аппарата», он не знал.

– Набрать ноль, – пояснила Джованна, терпеливо, как мать непонятливому ребенку.

Джон спросил себя, есть ли у нее дети. Затем посмотрел на телефонную трубку. На ней было маленькое прозрачное окошечко, в котором находилась карточка с телефонным номером. Его номер был 23.

– Спасибо, – сказал он.

Когда она ушла, Джон почувствовал усталость. Должно быть, это из-за разницы в часовых поясах. Во время перелета он почти не спал, сбилось чувство времени, он чувствовал себя ошеломленным, счастливым и в то же время готовым свалиться без задних ног. Кровать ему понравилась: широкая и уютная, недавно застеленная. Поездка в «феррари» была словно выброс адреналина, словно крепкий кофе, она будоражила, приводила в экстаз – как он мчался по дороге… Он не мог сейчас уснуть, хотя, вероятно, стоило бы. Он не сможет сомкнуть глаз. Но вот прилечь ненадолго, немного отдохнуть – это не повредит…

Когда он проснулся, вскочил и огляделся по сторонам, постепенно вспоминая, где он и что произошло, все еще было светло – или, быть может, *уже* светло. Он сел на постели, провел пальцами по волосам, сонно покачал головой. Уснуть одетым, внезапно…

Джон с трудом поднялся. Где там была ванная? Неважно. Словно ведомый невидимой рукой, он пошел к балконной двери, затем на балкон. От свежего, пахнущего солью и простором воздуха в голове прояснилось. Солнце висело низко над горизонтом, прямо перед ним, а значит, там запад – итак, сейчас вторая половина дня. Он проспал по меньшей мере часов пять.

Только теперь он увидел, как построен дом Вакки. Был главный дом, от которого под прямым углом два крыла отходили навстречу морю и заканчивались роскошными террасами. На одной из них он сейчас и стоял. На противоположной террасе на другом конце здания были натянуты голубые тенты, под которыми накрыли большой стол. По перилам, на которых стояли большие горшки с красными, синими и фиолетовыми цветами, тянулся дикий виноград. Кто-то помахал ему рукой.

– Ужин! – услышал он и узнал Альберто Вакки.

Рядом с ним сидел, должно быть, его брат Грегорио Вакки, а еще там была незнакомая женщина, и Джованна с девушкой в форме горничной расставляли на столе тарелки и бокалы.

Джон помахал рукой в ответ, но еще некоторое время постоял, рассматривая раскинувшееся море, сверкавшее в солнечном свете, словно яркая открытка. Водную гладь рассекала большая белоснежная яхта, и при виде ее в Джоне проснулась та самая белая зависть, которую, наверное, испытывает всякий, кто стоит на берегу и смотрит на это недосягаемо прекрасное судно, – казалось, яхты просто созданы для того, чтобы вызывать у наблюдателей подобные чувства.

А потом он вспомнил, что богат, невообразимо богат. Если захочет, он может купить себе такую яхту. Даже дюжину таких яхт. Если взбредет в голову, он может приобрести себе личный «Джамбо Джет»[6], да что там, целый флот таких самолетов. И даже это не повлияет заметным образом на постоянный рост его состояния. «С каждым вдохом, – говорил ему Эдуардо, – вы становитесь богаче на четыре тысячи долларов». А это значит, что состояние растет быстрее, чем он сумел бы сосчитать, даже если бы ему дали тысячедолларовые купюры.

От этих мыслей ему стало страшно, хоть он и не понимал почему. Внезапно ему показалось, что все это уж слишком, состояние испугало его, оно накатывало на него, словно снежный ком, грозя раздавить и заставить исчезнуть, словно сходящая лавина. Он обернулся к дому, касаясь стеклянных дверей, прошел к тем, которые были открыты, и, оказавшись в своей комнате, опустился на ковер. И лежал так, пока не рассеялся черный туман перед глазами.

Оставалось надеяться, что никто не видел его в такой прострации. Он медленно сел, посидел, подождал. Наконец встал, нашел ванную, подставил лицо под кран, а когда снова вышел, почувствовал невероятно манящий аромат жаркого, залетевший с террасы в комнату. Он с удовольствием принял бы душ и надел что-нибудь другое, но не знал, когда и куда прибудут его вещи, и не хотел сейчас беспокоить кого-либо, с телефоном или без него. Кроме того, ужин звал, и он решил, что душ подождет.

Он сам нашел дорогу. Это оказалось не так сложно, дом был выстроен симметрично. То, что с другой стороны было его комнатой, с этой стороны представляло собой роскошный салон, а когда он вышел на террасу, его встретили приветливо.

– Эти трансатлантические перелеты даются тяжело, – заметил Альберто, приглашая его сесть на свободный стул рядом с собой. – Особенно в восточном направлении. Помогает только сон и хорошее питание… Джованна, тарелку для нашего почетного гостя.

Все они сидели за длинным массивным деревянным столом, который, похоже, был сколочен несколько столетий назад для какого-то рыцарского зала; адвокаты с одного конца – отсутствовал лишь *padrone* – и горстка гостей на другом конце, среди которых Джон узнал только Бенито, шофера, и Джованну, сидевшую рядом с ним и что-то говорившую с оживленной жестикуляцией. В центре стола стояли большие стеклянные блюда с яркими салатами, корзины со свежим, пахнущим дрожжами белым хлебом и чугунные кастрюли, в которых лежала жареная рыба. По знаку Джованны молодая горничная подбежала к Джону и поставила перед ним тарелку, бокал из шлифованного хрусталя и положила приборы.

Тем временем Альберто начал представлять присутствующих. Женщину, которую Джон видел еще с террасы, звали Альвина, она была женой Грегорио и, соответственно, матерью Эдуардо. Она хорошо говорила по-английски, хоть и с сильным акцентом, и рассказала, что работает в школе здесь, в деревне. Затем Альберто принялся сыпать другими именами, которые Джон все равно не мог запомнить, но зато разглядывал лица.

---

[6] «Джамбо Джет», или Боинг 747 – первый в мире двухпалубный широкофюзеляжный пассажирский самолет. (*Примеч. ред.*)

Коренастый мужчина с зарождающейся лысиной, который сидел на стуле, широко расставив ноги, и прислушивался к разговору Бенито и Джованны, – садовник. Те два молодых парня, что яростно терзали рыбу на своих тарелках, находились здесь весь вечер – чистили бассейн и подвал; они делали это раз в месяц, чтобы немного подзаработать. А беззубый старик, с пьяной улыбкой сжимавший в руках бокал вина, был одним из крестьян, у которых семья Вакки покупала свежие фрукты и овощи.

– Это одно из наших твердых правил, – пояснил Альберто. – Большой ужин, и каждый, кто находится в данный момент в доме, приглашен к столу. Таким образом мы всегда в курсе новостей деревни. Джон, вы, должно быть, проголодались, угощайтесь!

Джон переключил внимание на блюда и положил себе всего и побольше. Тем временем адвокат налил ему из темной бутылки вина, сверкнувшего в бокале темно-красным, рубиновым цветом.

– А ваш отец не придет? – легкомысленно поинтересовался Джон и испугался, когда увидел, как помрачнело лицо Альберто.

– Он еще спит. Подобные путешествия всегда даются ему тяжелее, чем он хочет признать. – Некоторое время он помолчал и добавил: – Здоровье у него уже не самое лучшее, но он не хотел оставаться в стороне. Такой он человек.

Джон кивнул.

– Понимаю.

– Как вам понравилась ваша комната? – спросил Грегорио.

Джон, который только что отправил себе в рот первый кусок рыбы, кивнул, прожевывая, и торопливо сглотнул.

– Хорошая. Действительно, очень хорошая. И вид чудесный.

– Дай же ему поесть, Грегорио, – с укоризной заметила его жена и улыбнулась Джону. – Это самая красивая комната в доме. И она уже давно ждет вас.

– Ах! – произнес Джон, не зная, что сказать. И, поскольку в голову ничего не приходило, он взял в рот ложку салата, а пока он жевал, разговор, к счастью, перешел на другие темы.

Судя по всему, Альберто не был женат. Только теперь Джон заметил, что у него нет обручального кольца. Да и не был он похож на женатого человека. Эдуардо молча ковырялся в салате и, похоже, мысленно находился где-то далеко, а Альвина с Альберто обсуждали какого-то бывшего ученика, который, насколько понял из разговора Джон, уехал во Флоренцию, открыл свою фирму по разработке программного обеспечения и, кажется, отхватил крупный заказ. Затем садовник поднялся, подошел к ним, поблагодарил за ужин и объявил, что должен снова заняться работой, поскольку выкопал пять кустов, которые нужно посадить еще сегодня, ведь до завтрашнего утра они засохнут. Джон почувствовал, как спадает напряжение, о котором он поначалу даже не догадывался. То, что он находился здесь, снимал белое мясо с костей жареной рыбы, макал куски хлеба в маслянистый, насыщенный чесноком, потрясающе вкусный бульон, в то время как жизнь вокруг шла своим чередом, успокаивало. Почему-то он догадывался, что таких мирных моментов у него будет немного. То было затишье перед бурей.

И это будет буря триллиона долларов.

Утром он просыпался долго. Вокруг было светло, свет был необычным, он лежал на непривычно хорошо пахнущей простыне, на матрасе, от которого становилось приятно телу – тот не был ни слишком твердым, ни слишком мягким, – и он снова вспомнил все. Наследство. Перелет. «Феррари». О да, он действительно вчера *выпил* .

Но голова была на удивление ясной. Он поднялся, поставил босые ноги на приятный мягкий ковер и, часто моргая, оглядел большую комнату. Балконная дверь была открыта, издалека доносился шум моря, и можно было представить себе, что слышишь его запах. Мебель была не совсем в его вкусе, слишком изысканная, слишком много стекла и прочей ерунды, но выглядело все солидно и наверняка стоило немало.

Он провел обеими руками по волосам, протяжно зевнул, попытался потянуться. Все воспоминания казались лишь сном. Одному Богу известно, как он сюда попал, но, по крайней мере, это было по-настоящему. Он действительно сидел в шелковой пижаме на краю постели, зевая, несколько помятый, но ему это явно не снилось.

А теперь что? Чашка кофе не помешала бы. Большая чашка горячего и крепкого кофе. Но прежде – душ.

И даже имеющему триллион долларов по утрам в первую очередь нужно в туалет.

Завтрак снова был накрыт на террасе, на которой, похоже, в большей или меньшей степени проходила жизнь семьи Вакки. Кто-то перетянул голубой тент, чтобы он не пропускал утреннее солнце, и в этом положении он открывал взгляд на море.

На этот раз за столом сидел только *padrone* . Он пригласил Джона присоединиться к нему движением хрупкой руки.

– Чем хотите позавтракать? Мы в Италии чаще всего только пьем капуччино, но Джованна в кухне и готова выслушать все пожелания. Могу даже предложить вам на выбор несколько видов хлопьев, которые, если я ничего не путаю, любят есть на завтрак американцы.

– Кофе всегда был хорошим началом дня, – заметил Джон.

Похоже, Джованна услышала его, поскольку вскоре появилась с большой чашкой капуччино, которую поставила перед ним. Женщина тоже казалась немного разбитой.

– Все остальные еще спят, – продолжил старик, очевидно, пребывавший в хорошем настроении, когда заметил, что Джон разглядывает окна. – И неудивительно. Перелет через Атлантику, затем долгая поездка на автомобиле и под конец пиршество… Мои сыновья уже немолоды, вот только признавать этого не хотят. Альберто наверняка рассказал вам страшные истории о состоянии моего здоровья, да? На самом деле я сознательно не пришел на ужин. Знаете, я изучил немало биографий людей, которые сумели дожить до глубокой старости, и выяснил, что привычки сна играют важную роль. Не главную, но существенную. Можно прожить много лет, не отличаясь крепким здоровьем, нужно только следить за тем, чтобы спать достаточно. А вот Эдуардо может вот-вот подойти, в конце концов, он ведь вашего возраста.

Джон отпил кофе, и горячий горький эликсир, показавшийся под сладкой пеной, приятным живительным потоком побежал по горлу. В поблескивавшей хромированной сталью корзинке лежали маленькие булочки, и он взял себе одну.

– Насколько я помню, я пошел спать, а он – в подвал за вином.

Кристофоро Вакки рассмеялся и покачал головой.

– Тогда, полагаю, утро останется нам.

– Это хорошо или плохо?

– Это зависит от того, как мы им распорядимся. У вас уже есть какие-нибудь планы?

Джон откусил булочку. Она была слегка солоноватой, но приятной на вкус. И, жуя, он покачал головой.

– Я бы удивился, если бы были, – заметил старик Вакки. – Все происходящее должно казаться вам сном. Мы вырвали вас из привычного окружения, потащили за собой через половину земного шара, прячем вас… Многовато, наверное.

– Многовато.

Кристофоро Вакки посмотрел на него серьезным благожелательным взглядом.

– Как вы себя чувствуете, Джон?

Джон отвел взгляд, поднял чашку.

– В принципе, вполне хорошо. А что?

– Вы чувствуете себя *богатым* ?

– Богатым? – Джон глубоко вздохнул и скривился. – Не могу этого утверждать. Ладно, я вчера купил «феррари». По крайней мере, мне так кажется. Но богат ли я… Нет. Скорее, как будто я в отпуске. Как будто неожиданно проявились итальянские родственники и взяли меня в путешествие по Европе.

– Неужели вам хочется попутешествовать по Европе?

– Я об этом пока не думал… Пожалуй, да.

– На данный момент я бы вам не советовал, – произнес Кристофоро Вакки, – однако это можно считать примером желания, которое вы должны осознать, как и то, что вы можете его исполнить, если хотите. Этому нужно учиться. Вам следует научиться обращаться с деньгами, с большими деньгами. Больше не существует материальных желаний, в которых вы должны отказывать себе по причине нехватки денег, – однако могут существовать иные причины, и вы должны уметь распознать их. Ваша прежняя жизнь не готовила вас к этому – по крайней мере явно, – и вам придется это наверстывать.

Джон зажмурился.

– Что вы имеете в виду под «по крайней мере явно»?

Padrone оценивающе посмотрел на тент, обвел взглядом перетяжки, а затем вместе со стулом передвинулся немного дальше, чтобы оставаться в тени.

– Солнце уже не то, что было во времена моей юности. Не думаю, что дело здесь в возрасте. В мое время на солнце никто не жаловался. Я думаю, дело действительно в этой озоновой дыре. Она изменила солнце, то есть, конечно же, только тот свет, который до нас доходит. – Он задумчиво кивнул. – Тот, кто изобрел аэрозольный баллончик, разумеется, не хотел этого. И возможно, не он один в этом виноват. Всегда так много причин, у которых есть целый ворох последствий, все связано друг с другом, и это сплетение уже вообще невозможно разобрать. Вы понимаете, что я имею в виду, говоря «явно»?

Джон задумался, затем кивнул, хотя мог только догадываться, к чему клонит старик.

– Да.

– Думаю, вы выросли таким, как именно вы росли, и, скажем так, с некоторого возраста ускользнули от нашего внимания по вполне определенным причинам. – Он покачал головой, и казалось, что он улыбается про себя. – Пятьсот лет подготовки, а затем такой позор. Можете себе представить? После смерти Лоренцо выяснилось, что вся имеющаяся у нас информация о вас – только лишь имя и документы, которым по меньшей мере лет десять. – Он снова захихикал, взял булочку, обмакнул ее в кофе, а затем откусил. – Мы даже не знали, где вы живете.

Джон с трудом улыбнулся.

– Лоренцо был бы подходящим наследником? – спросил он и невольно затаил дыхание.

Padrone качнул головой.

– Да, он подошел бы. Он был умен, даже очень умен, в школе получил несколько премий в области математики… Он восхищал всех нас, признаю. Он подошел бы – явно. Но я ведь уже сказал вам, что не доверяю всему явному.

– Я не получал премий в области математики, – сказал Джон. – Мне даже самые обычные проценты посчитать сложно. И я не блистал умом.

Кристофоро Вакки посмотрел на него.

– Но Лоренцо мертв, а вы живы.

– Возможно, это была ошибка.

– Господь отмеряет наши жизни. Думаете, Господь ошибается?

Джон замер.

– Не знаю, – произнес он затем. – Может быть. Иногда я думаю, что да.

Старик поднес чашку к губам, отпил, задумчиво кивнул своим мыслям, словно не услышав того, что сказал Джон.

– Вы еще молоды, – вдруг заявил он. – Вы еще слишком молоды, чтобы видеть совершенство мира, Джон. Не обманывайтесь. Поверьте мне – вы законный наследник.

– А почему я тогда себя таковым не чувствую?

– Потому что вам только предстоит научиться чувствовать себя так. Вы еще находитесь в состоянии шока. Вся ваша жизнь в корне изменилась, и вам нужно для начала найти свое место в новой жизни. Это совершенно нормально. Вам нужно многому научиться, многое понять, многое узнать, прежде чем вы сделаете этот шаг. Я бы с удовольствием поехал

с вами попозже во Флоренцию, – продолжал Кристофоро Вакки, отпив капуччино. – Немного показал бы вам город. И в первую очередь наш архив. Он находится в нашей конторе. Кстати, на протяжении вот уже пятисот лет. Хотите?

«Эти пятьсот лет, – подумалось Джону, – так легко слетают с его губ, как будто он все это время жил и наблюдал. Как будто он – представитель другой расы, расы бессмертных адвокатов».

– Звучит интересно.

– Здесь, в подвале, хранятся микропленки со всеми документами, – заметил Кристофоро. – Но это только микрофильмы. А я бы хотел показать вам оригиналы, чтобы вы получили ощущение времени, всей этой истории. – Он усмехнулся. – При условии, конечно, что мне удастся разбудить Бенито.

– Далековато до работы, – заметил Джон, когда они проехали Лукку и дорожный указатель возвестил о том, что до *Firenze* [7] еще семьдесят восемь километров.

– Ну, мы работаем не так много, чтобы это нам мешало. – *Padrone* улыбнулся. – Кроме того, еще Данте описывал флорентийцев как жадных, завистливых и высокомерных людей – так что лучше держаться подальше от этого.

– А почему же вы тогда не оставите Флоренцию совсем?

Кристофоро Вакки неопределенно махнул рукой.

– Полагаю, это традиция. И хорошо смотрится на визитках, когда путешествуешь по всему миру.

Джон кивнул и снова поглядел в окно.

– Тоже вариант.

В остальном они мало разговаривали по дороге. Джон терялся в пейзаже мягких тосканских холмов с виноградниками, фруктовыми садами и белыми виллами, а старик задумчиво смотрел прямо перед собой.

Когда остались позади окраины Флоренции, он дал Бенито указание высадить их на пьяцца Сан-Лоренцо.

– Оттуда недалеко до конторы, и по дороге я могу показать вам некоторые достопримечательности. Пьяцца дела Синьора, Уффици, Дуомо, палаццо Питти, понте Веччио – такова обычная экскурсия. Но я думаю, что мы должны устроить ее именно в субботу.

Джон кивнул. Верно, сегодня суббота. Чувство времени еще не совсем вернулось к нему.

Автомобиль с трудом пробирался через бесконечные пробки, меж колоссальных средневековых домов и наконец остановился перед красным кирпичным фронтоном массивной высокой базилики. Кристофоро попросил Бенито забрать их около половины третьего у конторы, а затем они с Джоном вышли из автомобиля, и «роллс-ройс» под внимательными взглядами прохожих заскользил прочь.

На улицах Флоренции было оживленно. Вся площадь перед церковью Сан-Лоренцо была занята яркими лотками уличных торговцев, среди которых бродили толпы туристов, а гул голосов на всех языках мира перекрывал потрескивание проезжавших мимо мопедов. Стараясь держаться поближе к Кристофоро, который, очевидно, чувствовал себя здесь как дома, Джон пошел за ним к памятнику, окруженному тонкой черной железной оградой, который возвышался в центре площади, словно господствуя над ней. Он представлял собой богато украшенный пьедестал, на котором сидела фигура выше человеческого роста.

– Это основатель династии Медичи, Джованни ди Аверадо, – пояснил *padrone*. Ему приходилось кричать, чтобы Джон мог услышать его сквозь шум. – Он жил в четырнадцатом веке, и его сын Козимо был первым из Медичи, кто правил Флоренцией, – в основном

---

[7] Флоренции (*итал.*).

потому, что был богат. Тогда Медичи владели крупнейшей банковской империей Европы.

Джон посмотрел на сидевшую в задумчивости фигуру, пристально вглядываясь в удивительно живые черты лица. Детали рельефа исчезли в толстом слое патины из выхлопных газов и пыли, похожей на пыль веков, но, вероятнее всего, собравшейся всего лишь за полгода.

– Ага, – произнес он.

– Это было году в 1434, если я ничего не путаю. Как бы то ни было, он умер в 1464 году, и его сын Пьеро, которого называли Подагриком, умер пять лет спустя как раз от этой болезни. Затем к власти пришел его сын Лоренцо, которому тогда было двадцать лет. Несмотря на это, он правил городом настолько осмотрительно, что позднее его назвали *Il Magnifico* , то есть Великолепным.

– Ах, вот как!

Снова Лоренцо. Такие лекции он терпеть не мог еще со школы, но, похоже, избежать этого было невозможно.

– В 1480 году родился ваш предок Джакомо, – продолжал старый адвокат, не сводя глаз со статуи, и, глядя на него со стороны, Джон понял, что все эти давно минувшие события имеют для него большое значение, что они составляют часть его жизни, как день его свадьбы. – Лоренцо как раз пережил заговор, жертвой которого стал его брат, и воспользовался возможностью отделаться от врагов. И Джакомо Фонтанелли рос в то время, когда Флоренция переживала расцвет – как раз правление Лоренцо Великолепного. – Кристофоро указал на купола, возвышавшиеся на противоположном конце церкви, перед которой они стояли. – Кстати, там похоронены все князья Медичи. Зайдем?

– С удовольствием, – кивнул Джон, раздавленный жарой, пылью, шумом и тяжелым грузом истории. Как представишь себе, что все это происходило еще до того, как Колумб открыл Америку…

Лучше и не представлять.

Они обошли по дуге площадь и лотки, причем он узнал, что «это Канто де Нелли», не понимая, что сие значит, – и наконец добрались до входа в капеллу Медичи, где заплатили за вход до смешного маленькую сумму и получили право войти с шумной улицы в прохладную тишину крипты.

Многочисленные туристы с фотоаппаратами на изготовку бродили внутри, невольно приглушая голос и стараясь не шуметь, изучали надписи, относившиеся к различным членам семьи Медичи. Кристофоро указал на последний пилястр справа:

– Там похоронена последняя из Медичи, Анна Мария Людовика Медичи. Вот, здесь написано: умерла в 1743 году. И на ней прервался род Медичи.

Они некоторое время постояли молча, вбирая в себя тишину, прохладу, вдыхая затхлый запах мертвых столетий.

– Пойдемте дальше в ризницу, – наконец произнес Кристофоро и загадочно добавил: – Вам понравится.

Они пересекли сумрачную крипту и вошли в небольшой коридор, по которому и последовали, пока не оказались в просторной комнате, которая затмевала собой всю роскошь, виденную Джоном до сих пор. Вокруг него на белом и пастельном мраморе возвышались колонны и пьедесталы, обрамлявшие ниши из темного мрамора. Джон поднял голову и посмотрел на купол, вздымавшийся, словно небосвод, и забыл, что умеет дышать. Тем не менее это великолепие служило лишь фоном для ряда мраморных статуй, казавшихся настолько настоящими и живыми, что можно было подумать, будто фигуры вот-вот встанут и придут в движение.

– Боже мой… – услышал собственный шепот Джон. Он и не догадывался, что на свете существует нечто подобное.

– Чудесно, не правда ли?

Джон мог только кивнуть. Ему показалось страшной дерзостью то, что он когда-то полагал, будто является художником.

– Кто это сделал? – спросил он через какое-то время.

– Микеланджело, – пояснил Кристофоро Вакки. – Это было его первое строение.

– Микеланджело… – Это имя пробуждало какие-то ассоциации, напоминало о чем-то далеком, но сказать, о чем именно, он не мог.

Padrone указал на скульптуру, перед которой стоял Джон; она изображала человека в позе глубокой задумчивости.

– Эту фигуру называют *Pensieroso* , – пояснил он, – «Мыслитель». Она представляет младшего Лоренцо, внука Лоренцо Великолепного. Его надгробие осталось незавершенным. – Он указал на нишу недалеко от входа. – Лоренцо умер в 1492 году, а его сын бежал, когда два года спустя французская армия под командованием Карла Восьмого вторглась в Италию и захватила в числе прочего Флоренцию. О Джакомо Фонтанелли нам известно только то, что он ушел из Флоренции вместе с матерью, и, вероятно, они нашли убежище в монастыре, который давал им приют и раньше.

Джон уставился на скульптуру, и на миг ему показалось, что она дышит; он заморгал, чтобы отогнать наваждение. Ему с трудом удавалось следить за пояснениями *padrone* .

– Этот монастырь еще существует?

– В виде руин – да. Он был заброшен в конце девятнадцатого века, во время Второй мировой войны использовался как оружейный склад и был разрушен авианалетом.

Джон снова прошелся по ризнице, наблюдая за тем, как перемещаются лучи света по поверхности скульптур, из-за чего они действительно казались почти живыми.

– Медичи были богаты, но вымерли как род. Что осталось сегодня от их состояния, кроме произведений искусства?

– Ничего, – сказал Кристофоро Вакки.

– А почему же еще существуют Фонтанелли и Вакки? И почему еще существует состояние Джакомо Фонтанелли?

Кристофоро пожал плечами.

– Ни одна из этих семей никогда не правила, не относилась к властным кругам, не выделялась. Подумайте о том, что многие Медичи были убиты, большинство из них. Состояние Фонтанелли никогда не вкладывали в сделки, военные походы и взятки. Оно просто существовало, за ним просто следили. Я думаю, что в итоге восторжествовала незаметность.

Контора располагалась всего в нескольких кварталах, на неприметной боковой улочке, если в центре Флоренции вообще существует такое понятие, как неприметные боковые улочки; она тоже была мрачным мощеным ущельем между двумя древними фасадами. Когда-то выкрашенная в темно-зеленый цвет дверь, массивная, иссеченная непогодой, с осыпавшейся краской, на которой было выгравировано имя Вакки, – вот и все.

– Ваши клиенты находят сюда дорогу? – спросил Джон, в то время как Кристофоро вынул связку ключей.

– У нас больше нет клиентов, которые должны искать нас, – ответил адвокат и открыл двери.

Запущенный фасад был всего лишь маскировкой, понял Джон, оказавшись внутри узкого дома. С обратной стороны двери виднелись автоматические фиксаторы из хромированной стали. Небольшая видеокамера сама по себе направилась на них, в то время как Кристофоро подошел к стоящему у стены ящичку и набрал на расположенном на нем циферблате длинный, состоящий как минимум из десяти цифр номер. Повсюду на лестнице послышались щелчки, возвещавшие, скорее всего, о разблокировке дверей.

– Мы храним здесь очень много старых оригинальных документов, – пояснил Кристофоро, когда они поднимались по перекошенной витой лестнице, которая наверняка пережила не один век. – До сих пор можно было не опасаться, что кому-нибудь придет в голову идея вломиться в нашу контору. Впрочем, все может измениться. Вот второй этаж: до последнего столетия там находилась квартира одного из семейств Вакки. Сейчас здесь

еще остались жилые помещения на случай, если кому-то понадобится поработать долгое время и не захочется вечером ехать обратно, наверху – на пятом этаже.

Он открыл двери.

Здесь стояли шкафы со стеклянными дверцами, насколько хватало взгляда, а в них – бесконечные ряды темных старых фолиантов. Свет неоновых ламп на низком потолке отразился в стеклах, когда Джон подошел ближе и попытался разобрать поблекшие надписи на переплетах. Годы – 1714, 1715 и так далее. Запах стоял как в музее: пахло пылью, чистящими средствами и линолеумом.

– Что это за книги? – поинтересовался Джон.

– Счетные книги, – с улыбкой ответил *padrone* . – По ним вы можете точно проследить, как развивалось ваше состояние. Мои предки с этой точки зрения были очень педантичны. При всей скромности следует сказать, что счетные книги Вакки были намного точнее и полнее тех, которые вел сам Джакомо Фонтанелли.

– Неужели они еще сохранились?

– Конечно. Идемте.

Джон проследовал за стариком через низкую дверь, на всякий случай пригнувшись, и оказался в следующей комнате, устроенной точно так же. Так, да не совсем – приглядевшись, Джон обнаружил, что тома в шкафах более тонкие, ветхие и потрепанные, что сами шкафы более устойчивые, почти бронированные и, очевидно, снабжены встроенными кондиционерами.

– Загрязнение воздуха, – произнес Кристофоро Вакки и озабоченно покачал головой. – На протяжении веков документы не пострадали так, как за последние три десятилетия. Мы были вынуждены перейти к тому, чтобы проветривать их отдельно, в противном случае выхлопные газы в воздухе просто съели бы их.

Еще одна дверь, а за ней – маленькая темная комната, почти пустая, просто обставленная и скорее напоминающая часовню. На стене висело распятие, под ним было что-то вроде стола-стенда, рядом с которым стоял стул. Кристофоро включил две лампы, освещавшие внутренности стенда.

Джон подошел ближе, и его пробрала странная дрожь. Он уже догадывался, что увидит, еще до того, как адвокат произнес хоть слово.

– Это завещание, – пояснил Кристофоро Вакки, и в голосе его слышался почти священный трепет. – Последняя воля Джакомо Фонтанелли.

То были два больших темно-коричневых свитка плотной, странно поблескивающей бумаги, лежащие под стеклом на белом бархате. Почерк на них был мелкий, угловатый и неразборчивый. Оба свитка были плотно исписаны и соединены друг с другом непрочными на вид лентами. Джон пододвинул стул, казавшийся старым, как и все здесь, и сел. Он наклонился вперед, посмотрел на документ под стеклом поближе, пытаясь осознать тот факт, что его предок, начавший весь этот безумный проект, написал эти слова собственноручно.

– Я ни единого слова не понимаю, – наконец признался он. – Но, возможно, это средневековый итальянский, да?

– Это латынь.

Джон кивнул, уставившись на темно-коричневые элегантные, витиеватые линии заглавных букв. Похоже на страницу из древней рукописной Библии.

– Латынь. А Лоренцо знал латынь?

Padrone положил руку ему на плечо.

– Не мучьте себя, – произнес он. – Вы не виновны в его смерти.

– Но я получил от нее выгоду.

Рука сжала его плечо.

– Вы наследник. Посмотрите сюда. – И он указал на место в рукописном тексте, где Джон, прищурившись, действительно разглядел состоящую из римских цифр дату. – Самый младший потомок мужского пола, который 23 апреля 1995 года будет жив. И это вы,

Джон. Вы именно тот, кто имелся в виду.

Взгляд Джона снова переместился на древний манускрипт, потерялся в элегантных завитках подписи, рядом с которой были нацарапаны другие, более мелкие, вероятно, подтверждения и нотариальные заверения, а также виднелась темная ломкая печать. Он понятия не имел, выглядел ли этот документ так, как должен выглядеть документ, датированный пятнадцатым веком. Они могли показать ему все, что угодно, утверждая, что там написано то, что они говорят. Вот только какой смысл подделывать что-либо? Они хотели подарить ему триллион долларов. Они были просто помешаны на том, чтобы превратить его в самого богатого человека со времен возникновения Солнечной системы. У них нет повода лгать ему.

Интересно, каким человеком был Джакомо Фонтанелли? Религиозным? Фанатиком? Подпись казалась твердой, закругленной, гармоничной. Так мог писать человек в полном расцвете сил, абсолютно уверенный в правоте своего дела. Он пожалел, что не может прочесть завещание. Хотя нет – чего он действительно хотел, так это узнать, каково это: когда тебе является видение, которое изменяет всю твою жизнь, влияет на нее.

Каково это – иметь четкую цель в жизни?

Прямо над столом находилось узкое, похожее на бойницу окно из толстого полосатого стекла. Сквозь него была видна часть купола, и Джон спросил себя, не та ли это капелла, которую построил для мертвого Медичи Микеланджело. Что такого в этом имени, что оно постоянно всплывает в его мыслях? У него было ощущение, что внутри звучит голос, постоянно повторяющий это имя, словно желая напомнить ему о чем-то – но о чем? Микеланджело. Он разрисовал Сикстинскую капеллу в Риме. В Риме, где жил и умер Лоренцо.

– Сколько мне было лет, когда родился Лоренцо?

– Прошу прощения? – Кристофоро оторвался от размышлений.

– Двенадцать, – ответил на свой же вопрос Джон. – Примерно двенадцать. Что было до этого?

– Что вы имеете в виду?

– До рождения Лоренцо. Кто был кандидатом?

– Вы. – Он произнес это так, как будто это было самой очевидной вещью на свете.

– Вы тогда наблюдали за мной?

– Конечно.

И вот вернулось воспоминание, всплыло из глубин забытого, словно фонтан, который включили, и он начал заполнять пустой бассейн. Элегантно одетый господин. Серебристые виски. Рука с маникюром, протягивающая ему плитку шоколада. Добродушный взгляд из-под кустистых бровей. И вот теперь он понял, что кричал этот голос внутри него. Он кричал не «Микеланджело», а…

– Мистер Анжело, – вырвалось у Джона. Он обернулся на стуле, посмотрел на Кристофоро Вакки, разглядывая его согбенную худощавую фигуру. – Вы были мистером Анжело, не так ли?

Padrone мягко улыбнулся.

– Вы помните?

– Я однажды видел вас, когда вы прилетели самолетом из Европы. У вас с собой не было ничего, кроме пластикового пакета с туфлями.

– Ах, это. Вы видели меня тогда? Это был мой последний прилет. Обычно я всегда оставался на пару дней в Нью-Йорке. После рождения Лоренцо я хотел еще раз повидать вас, но не застал в мастерской вашего отца – в тот день вы были в аэропорту?

Джон кивнул, находя в старике все больше знакомых черт. Как же все это было давно! Неудивительно, что Кристофоро Вакки с самого начала показался ему знакомым.

– Да. Я уже даже толком не помню зачем; думаю, меня взяли с собой родители друга – на прогулку или что-то в этом роде. Но я вас видел. Я долго думал, что вы не приходили потому, что я раскрыл вашу тайну.

– Да, как в сказках. Понимаю. – Старик задумчиво кивнул. – Сейчас я понимаю, что поначалу мы немного переборщили с наблюдениями. Мы не могли дождаться, когда завещание наконец исполнится, поскольку мы имели право появиться только после назначенного дня. Когда вы были еще маленьким, мы часто приезжали вместе – меня сопровождал Альберто, позже – Грегорио, а поначалу еще и мой покойный брат Альдо. Мы наблюдали за вами по пути в школу, на площадках…

Воспоминания были похожи на отражающиеся в зеркале пейзажи.

– Я помню, что встречал незнакомых людей, которые задавали мне странные вопросы. Трех мужчин в пальто, стоявших по другую сторону забора, когда я качался на качелях. Высокого брюнета, тыльная сторона руки которого была покрыта волосками…

– Кто это был, я не знаю, но трое у забора – то были Альдо, Альберто и я.

Джон невольно рассмеялся.

– Моя мать все переживала, когда я рассказывал ей об этом. Сначала она думала, что меня подкарауливают какие-то сексуальные маньяки, а потом – что со мной что-то не так. – Он посмотрел на завещание под стеклом, на печать, подпись. – Кому бы пришло в голову такое…

– Идемте, – позвал его Кристофоро. – Я должен показать вам кое-что еще.

Он снова стал спускаться, на этот раз в подвал. Здесь потолок оказался низким, отсутствовали узкие окна верхних этажей, но все было ярко освещено, вычищено, сверкало почти больничной чистотой. Короткий коридор закончился тяжелой, покрытой черным лаком стальной дверью. Изнутри доносился звук, похожий на рокот работающего на высоких оборотах холодильника, очень неожиданный в доме, где толстые, словно крепостные, стены, казалось, отгораживали столетнюю тишь от шумного мира.

Как оказалось, там находился компьютер. Не просто компьютер, а целый колосс, неуклюжий чурбан размером с платяной шкаф, покрытый голубым лаком, с логотипом IBM, он занимал почти весь подвал, выглядел угрожающе, звучал ворчливо и производил удивительно старомодное впечатление. Словно тоже дожил до наших дней со времен Медичи. Толстые серые кабели вели к целым батареям телефонных розеток, расположенных вдоль стены.

– Там, в загородном доме, есть современный аппарат, – пояснил Кристофоро. – А этот мы купили в 1969 году и заказали разработку собственной программы, которая способна следить за данными в тысячах банков, управлять миллионами на сберегательных счетах, делать пересчет по текущему валютному курсу и суммировать. Эдуардо покажет вам, как в точности это происходит, все эти пароли доступа и так далее, но то, к чему все сводится, я утаивать от вас не стану. Вот, посмотрите сюда.

И он с нескрываемой гордостью указал на массивный старомодный монитор, на котором не было видно ничего, кроме длинного, поблескивающего зеленым числа. Подойдя ближе, Джон увидел, что последние позиции тринадцатизначного числа в бешеном темпе увеличиваются, самые последние – настолько быстро, что их почти нельзя разглядеть. Триллион и несколько миллионов. Текущее состояние счета. Четыре тысячи долларов за каждый вдох – так сказал Эдуардо. Джон смотрел на мерцающие цифры, дышал и пытался разглядеть хоть что-то. Четыре тысячи долларов прибавилось. Но чем дольше он смотрел, тем больше казалось ему, что на экране отображается не просто число, а поток цифр, который дышит, пульсирует, словно поток крови, бегущей по венам, то быстрее, то медленнее: разница была крохотной, но заметной.

Триллион. Единое число на большом темно-сером мониторе не было похоже ни на что.

– Триллион долларов – это довольно много денег, правда? – решил удостовериться Джон.

Кристофоро Вакки стоял перед терминалом компьютера, словно перед алтарем.

– Невообразимо много, – серьезно произнес он. – Американский журнал «Форбс» каждый год публикует список ста самых богатых людей мира. На первом месте долгое время держался король торговых домов Сэм Уолтон, создавший сеть магазинов «Уол-Март»,

что принесло ему около сорока миллиардов долларов. Но пару лет назад он умер от рака костного мозга, и его обогнал Билл Гейтс, глава фирмы «Майкрософт», со своими пятьюдесятью миллиардами долларов. В списке и близко нет, к примеру, английской королевы или султана Брунея, хотя они могли бы находиться там, причем султан оказался бы на первом месте. Его состояние оценивается в семьдесят миллиардов долларов. Но даже если сложить состояния людей в этом списке, ста самых богатых людей мира, число не составило бы и *половины* триллиона долларов.

Джон в недоумении смотрел на него.

– Но ведь это безумие, – произнес он наконец, и во рту у него пересохло. – Что же мне делать с таким количеством денег?

Padrone покачал седовласой головой.

– Думаю, что ключ именно в этом исключительном положении. Вы, Джон, будете не просто богатым человеком, немного богаче остальных, – ваше положение будет уникальным. Никто не сможет даже надеяться приблизиться к нему. Вы будете богаче большинства государств на этой планете. Вы будете не просто богаты, вы будете представлять собой мировую финансовую силу. Вот с этим вам придется что-то делать.

У Джона закружилась голова. Последние слова звучали для него словно капли дождя, барабанящие по толстому тенту палатки. Это было уж слишком. Он не был создан для того, чтобы понимать такие измерения.

– Странно… Откуда же вам знать, что я не потрачу все на «феррари»?

– Знаю, – просто ответил седой адвокат. – И, кроме того, – добавил он с лукавой улыбкой, – столько «феррари» вообще не существует в природе.

В тот вечер, когда ужин остался далеко позади, когда с моря потянуло прохладой и дрожащие язычки пламени в маленьких стеклянных подсвечниках остались единственным освещением за длинным столом, они обсудили подробности передачи состояния. Джон больше молчал, изредка переспрашивал и только отвечал «да», когда требовалось его согласие. Взгляд его был устремлен в ночь, терялся в серебристой дымке над темным морем. На небосклоне сверкала горстка звезд. Вино в бокалах казалось черным. Адвокаты негромко переговаривались, их голоса все сильнее казались похожими друг на друга, и они почему-то звучали воодушевленно, в них отчетливо слышалось облегчение. Словно состояние было ношей, которую они наконец могли передать другому человеку.

– Тайком, – подтвердил *padrone* .

Они решили провести передачу состояния без огласки в нотариальной конторе во Флоренции, на днях, как только удастся договориться о времени. Они решили предоставить Джону право решать, хочет ли он заявить во всеуслышание о факте и истории получения своего богатства.

Он купит себе дом вроде этого, решил Джон. С террасой, откуда будет видно море. В местности, где поют сверчки. С террасой из настоящих камней, хранящих дневную жару и отдающих ее вечерами.

«Похоже, я уже немного привык к мысли, что у меня есть деньги», – понял Джон. Хотя он был еще далек от осознания того, сколько у него денег, но бедным он себя чувствовать перестал.

Голос Кристофоро Вакки проник в его мысли.

– Вы так хотите, Джон?

– Да, – ответил он.

5

Марвин Коупленд редко читал газеты. Во-первых, газеты стоили денег, а у него редко водились лишние, а если уж водились, то он знал, на что их потратить. Во-вторых, газеты его не интересовали. Сообщения о преступлениях, бейсбольных матчах, высокая политика –

какое *ему* до этого дело? И в-третьих, он вел настолько насыщенную жизнь в промежутках между разными работами, разными подругами и музыкой, что у него просто не было на это времени. Марвин полагал, что читать газеты и смотреть телевизор – это для тех людей, жизнь которых пуста, скучна и бессмысленна.

Так что в то утро Марвин абсолютно ни о чем не подозревал. Вот уже несколько часов во всех газетах и новостных выпусках говорилось только об одном, но Марвин, словно этот день был таким же, как и все остальные, брел по улице к Константиносу за покупками. Константинос торговал овощами, но имелось у него и все прочее, что необходимо для жизни: растворимый кофе, сгущенное молоко, три сорта хлопьев на завтрак, макароны, сладости, крем для ботинок, сигареты и так далее. Если бы на узких полочках еще можно было найти алкоголь, то это был бы идеальный магазин, но ничто не совершенно в этом мире.

Солнце припекало прилично. Марвин никак не мог отделаться от ощущения, что проспал репетицию в новой группе. Нет, это же завтра или нет? У него была бумажка с датой, но она куда-то подевалась. Вполне возможно, что ее выбросила новая подруга Пита, когда подметала квартиру.

– Где я оказалась? – то и дело спрашивала она. – В квартире или в обезьяньей клетке?

Как бы там ни было, теперь квартиру хоть людям показать можно. Наверное, стоит пригласить родителей, такой возможности больше не представится.

Он позвенел монетами в кармане. Вчера вечером он курил косяки и играл в карты на 25 центов, выиграл целую кучу. Приятный поворот событий, после того как он самым жалким образом просадил три Джоновых квартплаты в прошлые ночи. Он сможет немного погасить свой долг у Константиноса. Кроме того, он вчера прошелся по дому, вытащил из всех почтовых ящиков рекламные проспекты и, поработав двадцать минут, оказался обладателем хорошего запаса купонов в кармане, обещавших: «Купите один, получите второй бесплатно!» или «Скидка 50 %». Надо поглядеть, что можно получить с этого, в холодильнике в любом случае шаром покати. И пришла его очередь покупать новую бутылку средства для мытья посуды, старую после многократных промываний водой можно было считать окончательно пустой.

Константиноса на месте не оказалось, на кассе стояла его вечно недовольная жена. Обычно это не предвещало ничего хорошего, потому что она очень неохотно записывала в долг, а если и записывала, то не без воплей, что само по себе неприятно. Но Марвин вытряхнул свой полный двадцатипятицентовиков карман, что хоть и не заставило ее улыбнуться, но по крайней мере она не стала ворчать, когда он собрал с полок покупки и выложил перед ней, а без возражений упаковала все в большой коричневый бумажный пакет.

Однако сразу после этого она вдруг стала причитать громче обычного. Выходя из магазина, Марвин зацепился взглядом за газеты, лежащие рядом с выходом на древнем проволочном стенде, и заголовки в них были настолько огромны, что не заметить их не мог даже он. Была напечатана и большая фотография. И вот она, вероятно, и послужила главной причиной того, что пакет вывалился из рук Марвина совершенно против его воли.

– Как это могло случиться? – воскликнул Грегорио Вакки, швыряя новый выпуск «Корьерре делла сера» к остальным газетам, лежащим на столе. – И откуда они *узнали* ? Я не могу этого объяснить.

Странно было читать собственное имя в газете. Да еще и на первой странице, крупными черными буквами. Это делало все гораздо реальнее, чем все документы, печати и подтверждения в мире.

– Они все пишут только о деньгах, – заметил Альберто, проглядывая «Репубблика». – О деньгах и сложных процентах. Я бы сказал, что они ничего не знают о завещании.

Джованна накрыла роскошный стол на первом этаже в честь такого знаменательного дня, с нарезанной кубиками дыней, настоящим пармским окороком, шампанским, белой

скатертью и хрустальными бокалами, сверкавшими в солнечном свете. Теплый, пахнущий лавандой ветерок колыхал шторы на высоких окнах, а со двора доносились шаги по гравию: это Бенито полировал «роллс-ройс» до блеска мягкой тряпочкой. А затем пришел Алессандро, сильный молодой парень, помогавший на кухне и в подвале и приносивший свежие газеты, и тут все закружилось.

Padrone , похоже, все происходящее развлекало. Слабо улыбаясь, он помешивал капуччино и в своем спокойствии казался эпицентром урагана.

– Ведь было ясно, что это случится. Они просто добрались до этого раньше, чем мы полагали. – Он поднял глаза и бросил на Джона озорной взгляд. – Возможно, через несколько дней вы превзойдете даже леди Ди в том, что касается влияния на прессу.

– Великолепно, – произнес Джон. Ну и веселье начнется.

Эдуардо, державший возле уха мобильный телефон и до настоящего момента стоявший в стороне и разговаривавший по телефону, закрыл его с громким «*Ciao!* »[8] и подошел ближе.

– Ни единого шанса, – заявил он. – Они осаждают нотариальную контору.

– Нотариальную контору! – всполошился его отец. – Как, ради всего святого, они узнали, где и когда…

– Должно быть, обзвонили все нотариальные конторы. И Нунцио попался на их удочку.

– *Porco cane!*[9] Как ему в голову пришло называть время нашей договоренности неизвестно кому…

– По словам Нунцио, полчаса назад позвонил какой-то мужчина и заявил, что по поручению семьи Вакки хочет узнать, нельзя ли перенести время на полчаса. Они знали наше имя!

– Что? Это же… – Тонкие брови Грегорио взлетели вверх. – Это значит, что в любой момент здесь может появиться целая толпа… О нет. Ворота! Алессандро! Джузеппе! Быстрее, мы должны закрыть ворота на засов! – Он помчался в холл, торопливые хлопки в ладоши эхом отражались от стен дома. – Джузеппе! Бросай все дела, *presto!*[10]

Сьюзен Винтер, конечно, каждый день читала газеты, это входило в ее обязанности. Первую – «Вашингтон пост» – она читала за завтраком за откидным столиком в своей маленькой кухне, вторую – «Нью-Йорк таймс» – в метро по пути на работу, а там уже три-четыре других газеты, в основном международные издания, в зависимости от того, над чем она в тот момент работала.

И от того, в какие лотереи вложила деньги. Последние дни отрезвляли. Все деньги, полученные от незнакомца, ушли. Она проиграла.

Когда в то утро она взяла газету и взгляд ее упал на заголовок и на фото рядом с ним, ее прошиб холодный пот. Так вот *что* крылось за всем этим!

Она даже не рассердилась из-за того, что не додумалась до этого сама. Ничего подобного ей бы даже в голову не пришло. *Триллион* долларов! В обведенном серым квадратике было написано число: единица с двенадцатью нулями. Тысяча миллиардов. Она с восхищением прочла пояснение о том, что это состояние неудержимо росло на протяжении столетий благодаря процентам и сложным процентам. Заметка заканчивалась словами: «Для того, чтобы прочесть этот текст, вам понадобилось около минуты. За это время состояние Джона Фонтанелли выросло еще на восемьдесят тысяч долларов».

Она забыла про кофе, забыла про пончик. Она сидела, разложив на столе перед собой

---

[8] Пока (*итал.*).

[9] Итальянское ругательство.

[10] Быстро (*итал.*).

газету, смотрела на стену и не видела ее, спрашивая себя, чего хотел от Джона Фонтанелли незнакомец. Что он мог сделать с документами, которые она ему дала.

Сьюзен Винтер чувствовала, что ее только терпят в детективном агентстве «Дэллоуэй», и каждый день готовилась услышать, что от нее нет никакого толку. Она работала, сколько могла, никогда не жаловалась, когда приходилось бесплатно задерживаться сверхурочно. Она не знала, что о ней на самом деле думает шеф, и даже если бы ей кто-то сказал, она бы не поверила. Шеф действительно считал ее нервным, капризным, ненадежным человеком – но ценил ее способность в порыве гениального вдохновения видеть мотивы и намерения людей, за которыми они наблюдали, и предугадывать их поступки. Эта мгновенная, почти провидческая проницательность перевешивала остальные ее недостатки, и он никогда не уволил бы ее, даже если бы пришлось сократить агентство наполовину.

Когда она мысленно пролистала содержимое второй папки, в которой содержались материалы о расследовании относительно семьи Джона Фонтанелли, на нее снизошло одно из таких озарений. Ей показалось, будто она знает, что задумал незнакомец. И если верно то, что она думает, то на этой информации он может сделать очень много денег, гораздо больше денег, чем она могла когда-либо себе вообразить. И в *этом* и заключается главный приз!

В этот день она приехала в контору с болью в животе – настолько сильно боялась все испортить.

Первая команда приехала на «порше», мужчина и женщина. На плече у мужчины была камера, у женщины – микрофон с логотипом телекомпании, и они вежливо позвонили в ворота. После чего Бенито, с достоинством носивший свою униформу шофера, мерным шагом приблизился к решетчатым воротам и, как и было велено, сообщил, что в данный момент с семейством Вакки поговорить нельзя.

Вскоре после этого прибыла вторая команда – четверо мужчин в универсале, выгрузивших различные приборы, большие штативы, камеры, магнитофоны, зонтики и складные стулья. Это уже попахивало осадой. Они пожали руки другой команде, и с того места за шторами в библиотеке на втором этаже, откуда наблюдали Джон и Вакки, все выглядело так, как будто заклятые соперники приветствуют друг друга перед началом решающей гонки. Затем были установлены штативы, смонтированы камеры, раскрыты зонты.

– Если мы продержим их пару дней, то устроим деревенским неплохой дополнительный доход, – заметил Альберто.

Число репортеров увеличивалось в темпе стаккато. Больше не было рукопожатий, не было коллегиальных разговоров, только поспешное, агрессивное вываливание притязаний, толкотня за якобы лучшие места, удары локтями и злая ругань. За короткий промежуток времени вокруг подъезда к дому вырос лес из объективов и микрофонов.

– Нас наверняка показывают сейчас в прямом эфире Си-эн-эн, – произнес Эдуардо.

Появился вертолет. На миг всем показалось, что он собирается приземлиться во дворе, однако он просто облетел поместье пару раз по кругу, чтобы снова унестись прочь.

– Боюсь, что если мы не ответим на несколько вопросов, они начнут пускать слухи, – скривившись, принялся размышлять вслух Грегорио. – Нужно же чем-то заполнять передачи и газеты.

– Да, – кивнул Альберто. – Устроим пресс-конференцию.

– Хотя бы только мы, в качестве управляющих наследством, – добавил Кристофоро Вакки. – А как насчет вас, Джон?

– Не знаю. Мне как-то нехорошо, – признался Джон. – Я никогда не устраивал ничего подобного – я имею в виду пресс-конференцию.

Padrone усмехнулся.

– Думаете, мы устраивали?

По телевизору Джон видел сообщения о пресс-конференциях в Белом доме,

президента, подходившего к кафедре, читавшего заявление, отвечавшего на ряд вопросов, и ему казалось это самой скучной вещью на свете. Оказалось, что даже сидеть перед лесом пестрых микрофонов, смотреть на молнии вспышек и отвечать на вопросы, доносившиеся до него из толпы пытающихся перекричать друг друга людей, на удивление страшно и в то же время волнующе.

Знают ли уже о наследстве его родители? «Да», – ответил Джон. Что он собирается делать с таким количеством денег? «Пока не знаю». Совершенно банальные вопросы, но каждое слово тщательно записывалось на бумагу и магнитофон, снималось на пленку – так, словно он провозглашал какие-то эпохально важные мысли.

– Теперь вы знаменитость, – прошептал ему Эдуардо, пытавшийся играть роль ведущего.

Им пришлось убрать всю мебель из салона, поставив в дальнем конце комнаты батарею столов, рядом с дверью, через которую они в крайнем случае могли бы сбежать. Алессандро и Джузеппе стояли у двери, готовые в случае чего прикрыть отступление, и, похоже, очень хотели подраться с журналистами, которые после открытия ворот ринулись внутрь, словно прежние фанаты «Битлз» в погоне за своими кумирами.

«Почему вы не оставили деньги себе?» – спросили у Вакки.

– Подобное поведение, – холодно ответил вопрошавшему Кристофоро Вакки, – было бы несовместимо с нашей профессиональной этикой.

Это вызвало взрыв смеха.

Грегорио открыл конференцию, пояснив происхождение денег и подробности завещания. Они заранее договорились о том, что не станут упоминать пророчество Джакомо Фонтанелли, если их не спросят об этом прямо. И действительно, никто не спрашивал об этом, общий интерес вызывал на удивление полюбившийся всем пункт о том, что все должен унаследовать самый молодой из Фонтанелли, который будет жив 23 апреля 1995 года. Что особенного в этой дате? «Ничего», – заявил Грегорио. У Джона спросили, считает ли он справедливым способ выбора. «Нет, – признал Джон, – но так уж вышло». Оправдано ли на сегодняшний день исключение из завещания наследников женского пола?

– Сегодня никто не написал бы ничего подобного, – заявил Джон. – Но ведь мы говорим о завещании, которому уже пятьсот лет.

Он почувствовал, что рубашка стала мокрой и по спине побежал пот. И о чем они только не спрашивали! Женат ли он? Пожертвует ли он деньги благотворительным организациям? Какие виды спорта предпочитает? Где собирается жить? И так далее. На вопрос о том, какое у него любимое блюдо, он ответил замечанием, что, похоже, придется привыкать к икре, но до тех пор любимыми останутся тортеллини, которые готовит его мать, и после этого Эдуардо дал слово хрупкой женщине с непокорными рыжими волосами.

– Бренда Тейлор, Си-эн-эн, – представилась она, и Джон отметил, что каждое ее движение, ее глаза, ее голос – все источало огонь. – Мистер Фонтанелли, счастливы ли вы оттого, что настолько богаты?

Этот вопрос был словно удар обухом. Казалось, все затаили дыхание, внезапно стало настолько тихо, что можно было бы услышать, как летит пресловутая муха. Джон смотрел на галогенные лампы и объективы и понимал, что его ответ на этот вопрос достигнет самого отдаленного уголка Земли и что именно он и определит отношение к нему людей во всем мире.

– Что ж, – неторопливо начал он, а в голове было пусто, словно на белой стене, – пока что я не богат. Сначала должна состояться официальная передача и так далее… Тогда я буду знать, каково это.

Но это был не ответ, и он это почувствовал. Она еще не удовлетворена. Казалось, молчание вытягивает из него все соки. Все взгляды были устремлены на него, они требовали большего.

– Такое состояние не предназначено для того, чтобы сделать своего владельца счастливым, – услышал он свои слова, понятия не имея, откуда взялось то, что он

произнес, – это скорее обязательство. И единственное счастье, на которое можно надеяться, – это умение справиться с ним.

Он показался глупым самому себе. Как его угораздило ляпнуть такое? В этом вообще есть смысл? Он смотрел на приоткрытые рты, на ручки, нерешительно замершие над блокнотами… Сейчас они расхохочутся, сделают из него посмешище для всей планеты…

Но потом где-то на заднем плане кто-то захлопал в ладоши. Остальные присоединились, кто-то положил ему руку на плечо и прошептал:

– Чудесно, это вы просто чудесно сказали, Джон…

Что? Чудесно? Что чудесно?

– Хорошее завершение для пресс-конференции, я полагаю.

Кто это говорит? Джон уже не понимал, что происходит. Толкотня, его подпихнули, подвинули, кто-то обменивался рукопожатиями.

– Благодарю, дамы и господа… спасибо за внимание…

Альберто. Или?.. Потом были дверь и тишина.

Позже он лежал в постели, один в своей комнате, на лбу у него был влажный платок, он таращился в потолок. Только не задумываться. Воспоминания утра слились в водоворот красок и криков. Только не задумываться о том, во что превратятся его дни. По крайней мере здесь спокойно, двери на террасу закрыты, не слышно даже моря, абсолютно ничего.

Он начал проваливаться в дрему, сладкое состояние на грани сна и бодрствования, и его взорвал телефон.

Что? Он вздрогнул, приподнялся на локте, уставился на телефонный аппарат, стоящий рядом с его постелью. Это был сон. На самом деле он не звонил. Никто в доме его не потревожил бы.

Но нет. Телефон зазвонил снова, звонок был противным, настойчивым. Он сорвал трубку.

– Алло?

– Мистер Фонтанелли? – поинтересовался звучный, даже приятный голос с британским акцентом.

– Да?

Откуда этот человек знает его?

– Джон Сальваторе Фонтанелли? Вы сейчас находитесь в своей комнате?

А *это* еще что такое?

– Да, черт побери! Конечно, я в своей комнате, где же еще? Кто вы такой и что вам нужно?

– Вы меня не знаете. Надеюсь, однажды мы познакомимся, но в данный момент я не могу назвать вам даже своего имени. Сегодня мне было важно удостовериться, что номер телефона еще правильный.

– Мой номер телефона? – Джон вообще ничего не понимал.

– Внутренний номер 23. Я хотел проверить, ведет ли он еще в вашу комнату. Но это я объясню вам подробнее в другой раз. Ах да, и еще одно… Пожалуйста, не говорите об этом звонке никому, особенно семье Вакки. Поверьте мне.

Этот парень совсем спятил, что ли?

– Понятия не имею, зачем мне это делать.

Незнакомец на другом конце провода замолчал, шумно вдохнул, выдохнул.

– Затем, что вам понадобится помощь, мистер Фонтанелли, – наконец произнес он. – И я тот, кто может вам ее оказать.

6

В «Джереми» были и сидячие места, но никому там сидеть не нравилось. На ощупь казалось, будто на искусственную кожу сидений пролили какой-то непонятный соус, а потом

не вытерли, а просто оставили высыхать, и остатки теперь постепенно отваливались. Разглядеть это толком было нельзя, поскольку владелец заведения использовал только зеленые и темно-желтые лампы – и тех немного. Дальше впереди были столы с табуретами, но все постоянные посетители устремлялись к барной стойке. Оттуда было лучше всего видно и телевизор, постоянно настроенный на прием спортивных передач.

У Лино Фонтанелли было гладкое, почти детское лицо, благодаря которому он выглядел моложе своих лет. Волосы смотрелись так, как будто он переборщил с гелем, но на самом деле он им вообще не пользовался; и ему ужасно не нравился собственный внешний вид. Он приходил в «Джереми», если не хотел встречаться ни с кем из офицеров с базы ВВС «Мак-Гвайр», что бывало довольно часто. Пиво здесь не хуже, чем в других местах, гамбургеры – скорее даже лучше, и можно наслаждаться покоем. У него было свое место на углу барной стойки, где он мог спокойно почитать газеты и где никто не заслонял «ящик».

В последнее время он читал чертовски много газет.

В этот вечер не происходило почти ничего. В уголке сидел толстый парень со своей толстой девушкой, они лопали жирную картошку фри, вероятно, для того, чтобы поддерживать свою замечательную форму, на другом конце стойки седой старый чернокожий, который уже почти превратился в инвентарь заведения, разговаривал с барменом, неторопливо вытиравшим бокалы и только кивавшим в ответ. Мужчина, в какой-то момент подошедший к бару, вставший чуть дальше и заказавший пиво, сначала вообще не обратил внимания на Лино. Тип подтянул к стойке один из табуретов, так что он либо никогда здесь прежде не был, либо его не волновало, что он может выйти отсюда с пятном на штанах.

Когда он выпил полбокала, а Лино как раз перелистывал спортивный раздел, мужчина ткнул пальцем в газету и спросил:

– Вы это читали? О том типе, который унаследовал триллион долларов?

Лино с недовольством поднял голову. На мужчине было темное пальто, и он сжимал бокал ладонями, на тыльных сторонах которых росли густые, словно у гориллы, волосы.

– Думаю, всякий читал о нем, – настолько равнодушно, насколько это было возможно, произнес он.

– Триллион долларов! Блин! Готов спорить, даже у Бога нет таких денег!

– Понятия не имею, сколько денег у Бога.

На миг ему показалось, что его оставят в покое, но мужчина просто некоторое время смотрел в телевизор, наблюдая за бейсбольным матчем.

– Я читал, что у этого типа есть старший брат, – затараторил он снова. – Слушай, сказал я себе, каково же сейчас ему? Он наверняка думает, что лучше бы придушил мелкого крикуна еще в колыбели и сам унаследовал все деньги. Ну, у меня брата нет, но могу себе представить, что происходит в голове у того парня.

Лино опустил газету и пристально посмотрел на собеседника. У него было рыхлое, покрытое оспинками лицо, и похож он был на человека, который столь же мало избегал драк, сколь и опьянения. Глаза его хитро поблескивали.

Он заметил взгляд Лино.

– Да ладно вам. Это же совершенно естественно – мыслить так, правда? За мысли не наказывают. Только за то, что делаешь.

Лино действительно передумал о многом, когда понял, что в новостях действительно идет речь о *Джоне* . О его брате Джоне, за которым ему постоянно приходилось присматривать в детстве. Как этот карапуз едва не попал под автобус. И так далее…

Теперь, впрочем, он спрашивал себя, случайно ли то, что этот тип принялся болтать именно с ним.

– Это же уму непостижимо, какая куча денег. Триллион долларов. Чувак, до позавчерашнего дня я даже не знал, что столько денег вообще существует на свете! Даже в Вашингтоне исчисляют самое большее миллиардами… А парень наследует триллион.

Может, мне просмотреть дедовы бумаги, может, там тоже завалялась сберкнижка родом из пятнадцатого века, как думаете?

– Да, возможно.

Тип вынул из кармана визитку и подвинул ее к нему.

– Бликер, – произнес он. – Рэндольф Бликер. Можете называть меня Рэнди.

Лино взял карточку и пристально вгляделся. Там было написано: «Адвокат», а еще «Охрана детства и наследственное право».

– Что это значит? – спросил он. – Что вам нужно?

Рэнди Бликер быстро огляделся по сторонам и, удостоверившись, что бармен и остальные находятся за пределами слышимости, сказал:

– Ладно. Я устроил шоу. Не хотел, чтобы вы сбежали, понимаете? Я знаю, что вы – его брат. А что нужно мне – что ж, можно сказать, я ищу работу.

– Работу?

– Я помогу вам получить деньги. За соответствующую долю, разумеется.

– Деньги? Какие деньги?

– А о чем я все время говорю? Триллион долларов, так ведь?

Лино недоверчиво прищурился. Еще раз посмотрел на карточку, которую держал в руках. Охрана детства и наследственное право. Воняло до самых небес.

– Вряд ли мне хочется знать, что вы мне предлагаете.

– А вас не разозлило то, что судьба прошла так близко от вас?

– Конечно, разозлило. Но все так, как оно есть. У меня есть младший брат, и в тот странный день он был самым молодым из Фонтанелли. Точка. И с этим ничего не поделаешь.

Рэнди посмотрел на него с чем-то, что должно было означать улыбку.

– А вот и нет, – произнес он, и глаза его сверкнули. – Можно поделать. И я удивлен, что вы сами к этому еще не пришли.

Тщательно выстроенные планы приходилось перестраивать. Передача состояния теперь должна была произойти не во Флоренции, а в Риме, прямо в министерстве финансов. В строжайшем секрете держались дата и время.

– Нужно вызвать вертолет, – заметил в разговоре Эдуардо. – По крайней мере, в том случае, если репортеры будут осаждать наши ворота.

– Наш автомобиль они пропустят, – ответил его отец, выглядевший так, словно с момента появления прессы вообще перестал спать. – Не стоит бросать деньги на ветер.

Джон хотел рассказать Вакки о звонке, но почему-то откладывал. И чем дольше длились разговоры, тем более неподходящим казался ему момент. В принципе, это ведь не имеет значения, не так ли?

То, что акт передачи будет теперь проходить в самом Риме, облегчит дальнейшую официальную процедуру, которая должна была состояться до этого.

– Есть небольшое осложнение, – поведал ему с обезоруживающей улыбкой Альберто. – Короче говоря, вы должны стать итальянцем.

Осложнением было гражданство. Поскольку он гражданин Соединенных Штатов Америки, с утомительной тщательностью растолковывал ему Грегорио, все его доходы по всему миру облагаются налогами США. А значит, и наследство, о котором идет речь. Поскольку с американскими финансовыми структурами договориться не удалось, оставался только один путь: сменить гражданство.

Эта мысль не понравилась Джону.

– Мой дед бежал от Муссолини. Он ожесточенно боролся за американский паспорт. Мне не нравится то, что я должен теперь от него отказаться.

– Надеюсь, от вас не укрылся тот факт, что Муссолини уже не у власти, – заметил Альберто.

– Я любил деда, понимаете? Он очень гордился тем, что стал американцем.

И отказаться от этого кажется мне предательством.

– Ваш патриотизм и родственные чувства выше всяких похвал, – сказал Грегорио Вакки. – Но несколько сотен миллиардов долларов – слишком высокая цена за это, вы не находите?

– Конечно, но сама идея не должна мне нравиться. И она мне не нравится.

– Вы слишком серьезно к этому относитесь, – вмешался Эдуардо. – Вы будете богатым человеком, Джон. Ваше состояние будет больше, чем ВВП большинства государств в этом мире. Вы сможете отправиться туда, куда вам заблагорассудится. Если смотреть на вещи реалистично, вы можете даже не придерживаться договоренности с министерством финансов Италии. Ну что они сделают, если вы уедете? Ничего. А теперь подумайте, какое значение имеет ваше гражданство с учетом всего этого.

Наконец Джон сдался.

– Ну ладно. Когда все это начнется?

– Как только все будет готово. Сохранение тайны, защита людей и так далее. Кроме того, после церемонии вас хочет принять премьер-министр, – сказал Грегорио Вакки. – В следующий четверг.

Складывалось впечатление, будто он ждет не дождется.

Джон стоял у окна библиотеки и сквозь плотные шторы наблюдал за сотрудниками прессы, стоящими лагерем перед ведущими во двор воротами, словно публика на концерте под открытым небом. Он поражался упрямству и выдержке, с которой ждали репортеры, несмотря на его заявление о том, что он не будет давать интервью, пока передача наследства не завершится нотариально. Все это производило какое-то нереальное впечатление, и еще более нереальным казалось то, что поводом к этому стал он. Нет, даже не он, не он лично. Поводом было что-то вроде мечты, которую он воплощал, возможно, мечты о бесконечном богатстве. Похоже, никто не догадывался, насколько пугающим могло стать это состояние.

И он решил, что расскажет людям о завещании Джакомо Фонтанелли.

– Джон? Ах, вот вы где.

Голос Эдуардо. Джон обернулся. В комнату вошел Эдуардо в сопровождении человека, из которого можно было легко сделать двух: широкоплечий колосс, выше его на голову, которого испугался бы даже мастер спорта по боксу.

– Позвольте представить вам Марко. Марко, это синьор Фонтанелли.

– *Buongiorno* [11], – сказал мужчина и протянул Джону руку, напоминавшую лопату. Джону пришлось сделать над собой усилие, чтобы пожать ее, но он напряг мышцы так, будто намеревался порвать рукав темного костюма Марко, и рукопожатие вышло вполне сносным.

– Марко работает в лучшем охранном агентстве Италии, – пояснил Эдуардо.

– Охранном агентстве?

– Ваш телохранитель, *signore* [12], – произнес Марко.

– Мой… – Джон судорожно сглотнул. Ах да, Вакки говорили о чем-то подобном. Сто лет назад, в другой жизни. Телохранитель. Как у короля, которому приходится защищаться от бессовестных соперников. – Телохранитель. Я понял. Вы должны за мной присматривать.

– *Si, signore* [13].

Уже одно только физическое присутствие этого человека внушало суеверный страх.

---

11 Здравствуйте! (*итал.*)

12 Господин, синьор (*итал.*).

13 Да, синьор (*итал.*).

Наверняка ему не придется делать ничего, кроме как просто быть рядом, чтобы заставить потенциальных убийц задуматься о другом. Джон глубоко вздохнул. Телохранитель. Это делало всю эту историю чертовски реальной.

Он посмотрел на Эдуардо, каждая петелька новомодного костюма которого, казалось, излучала удовлетворение.

– И как это будет происходить на деле? Я имею в виду, он что, будет все время рядом, повсюду сопровождать меня?..

– *Scusi, signore* [14] , – вставил Марко. – Самая большая опасность, которая вам угрожает, – это похищение с целью вымогательства. За исключением ситуаций, когда необходимо провести вас в целости и сохранности через большую толпу, я всегда будут находиться настолько близко, насколько необходимо для того, чтобы исключить эту опасность.

Джон уставился на великана. Он осознал, что автоматически исходил из того, что человек с такой горой мышц вряд ли способен мыслить разумно или вообще внятно изъясняться.

– Похищение… – наконец выдавил из себя он. – Я понял.

– Сегодня во второй половине дня прибудут еще несколько моих коллег, – продолжал Марко, – которые будут обеспечивать безопасность поместья с помощью овчарок и дополнительных сигнализационных устройств. Наша цель – добиться того, чтобы ваша спальня была абсолютно надежной, чтобы никому из нас не было нужды там присутствовать.

– О. Чудесно.

– За пределами своей комнаты вы также можете целиком и полностью полагаться на нашу тактичность, – серьезно произнес телохранитель. Его речь больше походила на речь преподавателя социологии, чем на речь человека, в обязанности которого входит ежедневно поднимать тяжести и проводить тренировки по карате.

– Прекрасно, – сказал Джон. Затем он вспомнил кое-что еще. – Я могу узнать, как ваша фамилия?

Похоже, вопрос застал великана врасплох.

– Такого вопроса мне еще никто из клиентов не задавал, – признался он. – Бенетти. Мое полное имя Марко Бенетти.

– Очень приятно, – кивнул Джон, и они еще раз пожали друг другу руки.

Поместье постепенно превращалось в крепость. Вокруг здания патрулировали люди с плечевыми кобурами и овчарками. Ночью не выключали внешнее освещение. На каждом углу дома установили камеры. По ту сторону старого массивного решетчатого забора замерли репортеры в жилых прицепах и под тентами, следя за каждым движением во дворе и за окнами. С каждым днем Джону казалось, что они напоминают жадную свору каких-то неизвестных хищных животных.

Идя по коридорам, он слышал, как где-то далеко, приглушенный несколькими дверями, постоянно звонит телефон. По очереди то Грегорио, то Альберто, то Эдуардо каждые несколько часов выходили во двор и отвечали на вопросы журналистов. Все это напоминало Джону волны наводнения, бившиеся в стены этого здания, высвобожденные силы природы, против которых не было постоянной защиты.

В тот же день, когда телохранители приступили к работе, ему представили еще кое-кого: невысокого стареющего человека с необычайно прямой осанкой, которому было примерно около шестидесяти и который оказался его учителем итальянского.

– Но я ведь говорю по-итальянски, – удивился Джон.

– *Scusi* , – покачал головой *professore* . – Вы насилуете язык своих предков. Вы говорите на «резиновом» итальянском. Слова вы подбираете гротескно, ваш синтаксис –

---

[14] Извините, синьор (*итал.*).

настоящая катастрофа. Давайте приступим к работе немедленно.

Итак, они каждый день перед обедом и после него запирались на два часа в библиотеке, где Джон под руководством *professore* зубрил итальянские слова, изучал грамматические правила, тренировал разговорную речь и снова и снова повторял предложения с исправленной интонацией.

Поселился *professore* в одной из небольших комнат для гостей в доме Вакки, еще одну из них на следующий день заняла несколько полноватая, но очень элегантная дама среднего возраста.

– Синьора Орсини – учитель танцев и хороших манер из Флоренции, – представил ее бесстыдно ухмыляющийся Эдуардо. – В свое время она пыталась научить хорошим манерам меня. Может быть, с вами ей повезет больше.

– Я представляю себе это таким образом, – с теплой располагающей улыбкой заявила синьора Орсини. – В первой половине дня мы занимаемся вопросами этикета, ближе к вечеру – танцевальные занятия. Вы должны непременно уметь танцевать, чтобы двигаться по паркетному полу с подобающей уверенностью.

Почему-то Джон ожидал, что учительница танцев скажет нечто подобное.

– В первой половине дня у меня уроки языка, – ответил он.

– Тогда встанете немного раньше, – коротко ответила ему синьора Орсини.

Однажды, спускаясь с урока языка на встречу с синьорой Орсини, он увидел Эдуардо с большим ящиком, полным писем, и услышал, как тот говорит отцу:

– Нам придется организовать секретариат.

Грегорио Вакки вынул одно из писем и посмотрел на него.

– Это похоже на русский.

– Большой секретариат, – сказал Эдуардо. – Это наверняка только начало.

Все жило в ожидании великого дня. Каждый день в газетах появлялись новые заметки, посредством телевидения во всем мире узнавали новые подробности из жизни Джона, о которых сам бы он давно забыл. Он поговорил по телефону с матерью, которая взволнованно рассказывала ему о том, как настойчивы ребята с телевидения. По Си-эн-эн он услышал о том, насколько высокого мнения были о нем его бывшие одноклассники и учителя. Эн-би-си выпустило интервью с Сарой Брикман, в ходе которого она несколько раз подчеркнула, что Джон был величайшей и единственной любовью всей ее жизни.

Мужчина терпеливо ждал в холле окончания урока итальянского языка у Джона.

– Бельфиоре, – представился он и несколько раз поклонился, продемонстрировав, что его волосы уже начали редеть. – Я прибыл, так сказать, по поручению правительства…

– По поручению правительства? – Джон нервно огляделся по сторонам, но никто из Вакки не показывался. – Звучит волнующе.

Этот человек прибыл по поручению правительства, и теперь он должен говорить с ним один?

– Хм, я надеюсь, что сумею оправдать ожидания. Я прибыл, чтобы…

Джон попытался улыбнуться настолько располагающе, насколько мог после уроков синьоры Орсини. Гостеприимно. Независимо.

– Пройдемте же в салон, – предложил он и движением руки указал направление, показавшись самому себе похожим на актера.

– Да, – с благодарностью кивнул мужчина. – Хорошая идея.

Он поднял свой чемоданчик и последовал за Джоном.

Ах да, напитки.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Может быть, кофе?

– Маленькую чашку эспрессо, пожалуйста, если это не слишком много.

Джон позвонил в один из колокольчиков, и появилась Джованна.

– Вы не могли бы принести нам два эспрессо? – попросил Джон.

Проклятье, при этом он показался сам себе лицемером. Но, похоже, никому это

не мешало. Джованна усердно закивала и снова исчезла, а он прошел с этим человеком из правительства дальше в салон. Там тоже не было и следа Вакки.

Что же теперь? Предложить присесть.

– Прошу вас, присаживайтесь, синьор Бельфиоре. – Как все это непривычно! – Что привело вас ко мне?

Он как будто читал заученные стихи.

Бельфиоре вынул из чемодана предмет, оказавшийся картой, когда он развернул ее на столике.

– Это, – сказал он и указал на обведенную цветом область, – *Calmata* , заповедник. Очень красивые пейзажи, расположен на Тирренском море, площадью примерно двенадцать квадратных километров, в пятнадцати минутах езды от ближайшего аэропорта. Вот несколько фотографий.

Он вынул пачку снимков большого формата, на которых был изображен идиллический естественный приморский пейзаж, без улиц, линий электропередач и домов.

– Красиво, – заметил Джон, бросив на них беглый взгляд. – А при чем здесь я?

– Правительство хотело бы продать вам эту область.

– И что мне с ней делать?

– Синьор Фонтанелли, после передачи наследства вам наверняка захочется купить себе подобающее жилье. Вилла в таком месте – он указал на скромный крестик примерно в центре карты, – позволит вам иметь великолепный вид как на море, так и на горы. Вокруг – незастроенная, неиспорченная природа, до моря можно доехать верхом или дойти пешком. Вот до сих пор простирается живописное побережье с отвесными скалами, в то время как эту бухту, вот здесь, внизу, можно было бы перестроить под причал…

Внезапно Джону показалось, что он ослышался.

– Разве вы только что не говорили, что это заповедник?

Мужчина взмахнул в воздухе рукой.

– Да, но, честно говоря, не особой важности. Там нет видов, которым угрожает вымирание, или чего-либо подобного. Мы, конечно, хотели бы, чтобы вы согласились на некоторые ограничения в отношении землепользования, но в целом наши эксперты согласны с нами, что эксплуатация с целью проживания не повлечет за собой проблем. – Он снова склонился над картой. – Мы позволили себе представить несколько предложений относительно возможного прохождения дорог, обеспечения водой и электричеством. Конечно, совершенно не ограничивая тем самым вашу фантазию.

Джон заморгал. Постепенно он начал понимать, о чем идет речь. Правительство хотело оставить его в стране. Пока он будет жить в Италии, он будет платить налоги в Италии. И за это они готовы были передать ему самый лучший из имеющихся у них земельных участков.

Почему-то ему это не понравилось. Внезапно ему почудилось, будто он торгуется с проституткой. Хоть он никогда этого и не делал, но ощущение, должно быть, возникает именно такое.

– Я должен подумать над этим, синьор Бельфиоре.

– Это чудесный участок, синьор Фонтанелли. Настоящий рай.

– Вне всякого сомнения. Но пока что состояние мне не передано.

– Это всего лишь формальность. Если вы захотите, мы сможем поехать туда вместе и все посмотреть.

– Благодарю, но до встречи у нотариуса я не покину дома.

– А сразу после?

– Как уже было сказано, мне нужно подумать.

– Могу я оставить вам карту и фотографии? – Это прозвучало почти умоляюще. Словно его грозили избить, если он вернется с отказом.

Джон кивнул.

– Оставляйте.

Он проводил гостя к дверям и попрощался, как учила его синьора Орсини. По ту сторону решетчатых ворот засверкали вспышки.

К счастью, журналисты на некоторое время задержали автомобиль с флагом Ватикана. Охранники занимались тем, что не пускали пытавшихся проскочить в ворота мимо автомобиля журналистов.

– Боже милостивый, – беспомощно обратился к синьоре Орсини Джон. – Как обращаться к кардиналу?

Учительница этикета сделала большие глаза.

– *Ваше преосвященство* , – ответила она. – И если при этом вы являетесь верующим католиком, вы должны поцеловать его кольцо.

– А если я не верующий католик? – Джон выглянул из окна и посмотрел во двор.

– Тогда не нужно.

– Слава богу.

Эдуардо принял высокого гостя во дворе и сопроводил его в большой салон.

– Кардинал Джанкарло Дженаро, – представил он его. – Это большая честь для нас.

– Ваше преосвященство, – произнес Джон, слегка склонив голову. «Низкие поклоны только главам государств», – так учила его синьора Орсини.

Кардинал, весь в красном, в сопровождении бледного молодого человека в черной сутане, вызывал глубокое почтение. Он был высок, просто великан, с благородной сединой в волосах, строгими чертами лица и тонкогубым ртом. Казалось, он в свою очередь не был уверен в том, как ему обращаться к Джону, и спустя несколько секунд тягостного молчания, когда они нерешительно приближались друг к другу, последовало простое рукопожатие.

Приветственные фразы – «присаживайтесь, прошу вас, не хотите ли выпить» – снова все эти церемонии. Постепенно он учился.

– Джон… Я могу называть вас Джон? – спросил кардинал, сидя в кресле, словно на троне. – Я узнал, что вы католик. Меня верно информировали? – Они пристально смотрели на него, кардинал и его молчаливый ассистент, оставшийся стоять рядом с креслом.

Джон неспешно кивнул.

– По крайней мере, крещен был в католичестве.

Лицо сановника исказила гримаса.

– Похоже, сейчас вы скажете, что со дня первого причастия не были в церкви.

– Примерно так, – признал Джон. – Не считая свадьбы моего старшего брата.

– Конечно, мне очень жаль слышать это, но мне не пристало судить вас. – Добрая улыбка. – Впрочем, я заключаю из этого, что вы хотя бы близки именно к Святой Римской Церкви. Сам его святейшество поручил мне пригласить вас на личную аудиенцию.

Джон с удивлением отметил, что Джованна, подававшая кардиналу минеральную воду, которой тот попросил, от благоговения едва не скончалась. Казалось, она считала вполне уместным выползти из комнаты на животе.

– Личная аудиенция? – Джон поискал взглядом Эдуардо, но тот стоял с ничего не выражающим лицом в сторонке и разглядывал картины на стене с таким видом, как будто не видел их никогда.

– Кроме того, святой отец поручил мне передать вам вот это. – Быстрое движение руки, и бледный ассистент извлек откуда-то из складок своей сутаны фотоальбом большого формата с портретом Папы на обложке и протянул его кардиналу, который, не удостоив его и взглядом, передал альбом Джону. – Подарок его святейшества.

Джон взвесил книгу в руке. Фотографии из жизни Папы Иоанна Павла II.

– Большое спасибо, – произнес он, жалея, что не может сказать этого искренне.

– Откройте альбом, – потребовал кардинал. – Он подписан.

– Как чудесно, – сдаваясь, пробормотал Джон и раскрыл обложку. Со внутренней стороны она была полностью исписана какими-то каракулями, но он не смог разобрать

ни слова. – Большое спасибо. – Он захлопнул книгу и положил ее на журнальный столик.

Кардинал величественно сложил руки.

– Джон, скоро вы станете самым богатым человеком в мире. Многие люди придут к вам с целью предложить возможности капиталовложения. Я же, говоря прямо, пришел попросить вас вложить часть своего состояния в благотворительность.

По крайней мере, он не стал долго ходить вокруг да около.

И, похоже, он не собирался ждать ответа Джона. Его одетый в черное помощник передал ему папку, из которой были извлечены фотографии детей, большинство из которых были чернокожими и сидели за ткацким станком, тащили на спине корзины с кирпичами или возились в темном подвале с мокрыми тюками тряпок.

– Детский труд все еще очень распространен, и сотни тысяч детей работают в условиях, которые можно обозначить словом «рабство». Родители, будучи не в состоянии прокормить их, отдают их за пару долларов в такие условия, из которых они уже не могут вырваться. Поскольку святой отец очень печется о благе детей этого мира, он поручил мне заняться проектом, который, если вкратце, имеет своей целью выкупить из рабства как можно больше детей.

– Из рабства? – эхом повторил Джон, разглядывая снимки. – Оно еще существует?

– Его называют иначе. Официально считается, что дети выплачивают долги своих родителей. Но в целом это то же самое. – Кардинал снова театрально развел руками. – Даже несколько миллионов долларов могут сотворить в этом случае чудеса…

В этот миг распахнулась дверь, и в дверном проеме появилась голова запыхавшегося Грегорио.

– Джон! Эдуардо! – с трудом проговорил он. – Идемте, скорее. Вы должны это увидеть… по Си-эн-эн, новости… Невообразимо! Извините, ваше преосвященство…

Джон и Эдуардо удивленно переглянулись.

– Похоже, это важно, – с добродушной улыбкой произнес кардинал. – Идите же. Я подожду.

И они пошли, скорее из-за возбужденного состояния Грегорио, чем из интереса к каким-то новостям, следуя за тяжело дышащим мужчиной вверх по лестнице в маленький салон на втором этаже. На большом экране там мигал привычно тревожный дизайн Си-эн-эн, журналистка как раз заканчивала разговор с репортером на месте событий, обмениваясь с ним ничего не значащими фразами, сверкнула реклама. *Padrone* сидел в глубоком кресле, подавшись вперед, положив подбородок на сложенные руки. Грегорио, тяжело дыша, остановился за диваном, оперся на него руками, покачал головой и произнес:

– Какой позор! Какой позор…

Джон подошел к Альберто, неподвижно стоящему и наблюдающему за происходящим с большим бокалом спиртного в руке.

– Да что случилось-то?

– У вашего брата Лино остался незаконнорожденный сын от интрижки, которая случилась четыре года назад, – произнес Альберто. – Если это правда, то он – наследник состояния Фонтанелли.

7

Он действительно сделал это. Именно то, что она предполагала. Сьюзен Винтер приглушила звук телевизора, взяла телефон, положила перед собой листок бумаги с номером, но если она хотела воспользоваться тем, что знала, то должна была сделать это сейчас.

Не повезет в любви. Повезет в игре. Вот сейчас и проверим, все или ничего. Она набрала цифры телефонного номера, казавшиеся похожими на выигрышные номера лотереи.

Звонок. Задержать дыхание.

На той стороне линии сняли трубку.

– Да? – Низкий, звучный, очень спокойный мужской голос.

– Меня зовут Сьюзен Винтер, – начала Сьюзен, ненавидя свой писклявый голос, дрожь в коленках, весь этот дурацкий страх. – Примерно три недели назад вы получили от меня информацию о Джоне Сальваторе Фонтанелли и его семье. Я как раз смотрю новости по Си-эн-эн и всего лишь хочу сказать: я знаю, что вы задумали.

– Откуда у вас этот номер? – безучастно произнес голос.

– Я детектив, – пояснила Сьюзен. – На работе я как раз занимаюсь выяснением таких вещей.

– Понимаю. И что же я, по-вашему, задумал?

Сьюзен ответила.

Закончив, она почувствовала, как все внутри нее сжалось, и даже за миллион долларов она не заставила бы себя произнести больше ни слова. Она закрыла глаза и стала ждать, что последует дальше – издевательский смех, яростные угрозы, – в зависимости от того, угадала она или нет.

Но мужчина только негромко рассмеялся, и смех его прозвучал почти уважительно.

– Мои поздравления, – произнес он, и ей показалось, что он улыбается. – Признаю, я вас недооценил, мисс Винтер. Чего вы хотите добиться этим звонком? Думаю, денег за то, что вы оставите свои мысли при себе?

Сьюзен втянула воздух, судорожно сглотнула и ответила дрожащим голосом:

– Чего-то в этом роде.

– Можете спокойно называть вещи своими именами, мы ведь свои люди. Значит, плата за молчание. Конечно, можем договориться и так, но я спрашиваю себя, не могу ли я предложить вам более выгодную сделку.

Он пытался выкрутиться, это было совершенно ясно.

– Более выгодную для кого?

– Для нас обоих. Мисс Винтер, сколько вы получаете на вашей текущей работе?

– Восемьдесят тысяч. – Она произнесла это не задумываясь. Вообще-то тысяч было всего семьдесят, остальное уходило на накладные расходы, но она всегда говорила восемьдесят.

– Я заплачу вам в десять раз больше с перспективой повышения, если вы откажетесь от своей работы и начнете работать на меня.

Вряд ли она расслышала правильно.

– Что-что? – Она почти кричала. Снова – совершенно непрофессионально.

– Если вы выяснили мой телефонный номер, – произнес звучный голос на другом конце провода, – вы наверняка знаете еще массу всего обо мне. И этот анализ моих целей показывает, что вы хороши в своем деле. Что вы тратите свой талант впустую, преследуя неверных мужей и обкрадывающих хозяев служащих. Так что не будем ходить вокруг да около. Факты таковы, что я уже много лет ищу аналитика с вашими способностями, и начальная зарплата в восемьсот тысяч долларов хоть и превышает обычную, но не слишком. Так что давайте рассматривать это как часть платы за молчание. Скажем иначе: если бы вы продемонстрировали мне свои способности раньше, я сразу же перекупил бы вас у вашего детективного агентства и получил информацию через кого-нибудь другого.

Это было как-то… ну… Такого она не ожидала. Она позвонила этому человеку, чтобы потребовать денег, а он предлагает ей работу.

– Мисс Винтер? – позвал собеседник. – Вы еще там?

– Да. Я… э… размышляю. – А если это всего лишь уловка? Аналитик. Зачем? Ну да, может быть… но она? Чтобы ее работа стоила восемьсот тысяч долларов в год?..

– Мисс Винтер, один вопрос: вы настолько любите свою теперешнюю работу, что смена деятельности не представляется вам возможной?

– Э-э… нет. Нет, вовсе нет. Я имею в виду, что смена представляется мне… вполне

возможной… – Это было ложью. Она никогда в жизни не размышляла о том, чтобы сменить работу.

– Тогда я хотел бы сделать вам предложение, мисс Винтер. Я приеду в Нью-Йорк, и мы встретимся. Скажем, в следующий вторник, в семь часов вечера, там, где встретились впервые? Для простоты. Это можно устроить?

– Да, – кивнула Сьюзен. – Конечно. Во вторник в семь.

– Прекрасно. Я знаю там неподалеку чудесное нешумное местечко, где мы можем обсудить все подробности. Я принесу с собой некоторые документы и готовый договор. И вы уже должны сформулировать заявление на увольнение. Когда прочтете договор, это вам понадобится, я обещаю. – Он замолчал, а затем добавил: – Думаю, об этом не стоит упоминать, но чисто для проформы – если вы расскажете кому-то о том, что узнали, мое предложение теряет силу.

– Да. – Сьюзен судорожно сглотнула. – Конечно.

Но он уже положил трубку.

Случившееся постепенно складывалось из одних замечаний, кратких сообщений, наблюдений. Четыре года назад у Лино была интрижка с женщиной из Филадельфии, некой Деборой Петерсон, которая была тогда секретаршей тамошней адвокатской конторы. Они познакомились во время авиашоу, на которое Дебора пришла с компанией друзей и во время которого Лино, хоть и хороший пилот, но не мастер высшего пилотажа, помогал обслуживать посетителей. Отношения были страстными, тайными и мимолетными – через месяц они снова расстались и друг о друге больше не слышали до тех пор, пока Дебора снова не вступила в контакт с Лино при помощи своего адвоката. Лино не знал, что к тому моменту, как они расстались, Дебора была беременна, и она не говорила, кто является отцом ребенка.

– Я не хотела портить ему карьеру, – пела в камеру хрупкая светловолосая женщина. Ее сын Эндрю, которого она держала на руках, испуганно озирался по сторонам. Красивый ребенок с темными волнистыми волосами. Репортеры уже называли его *ребенком с одним триллионом долларов* .

Брали интервью и у Лино, стоявшего на лужайке перед домом в Вашингтоне.

– Я счастлив, что у меня есть сын, – нервно моргая, признался он. – Я был очень тронут, узнав об этом… Не в деньгах дело. Я ведь хочу денег не для себя. Но, конечно же, я желаю добра своему сыну, вы понимаете?

– Вы собираетесь жениться на Деборе Петерсон? – спросил репортер.

Лино закусил губу.

– Я… пока не знаю. Не могу сказать.

– Но вы не исключаете этого?

– Я этого не исключаю.

Нужно было привыкнуть к тому, чтобы видеть по телевизору своего брата в окружении субтитров, ярких логотипов операторов. Джон осознал, что его семья и другие люди, которые знали его раньше, должны были чувствовать то же самое. На заднем плане виднелась подруга Лино Вера Джоунс, обнимавшая свою дочь Миру и выглядевшая заплаканной. Джон встречался с ней во время различных семейных праздников в доме своих родителей, последний раз – на Рождество. Она была полноватой и доброй женщиной, искренне любившей его брата, несмотря на его вечно дурное настроение, и не желавшей ничего сильнее, чем выйти за него замуж. Должно быть, эта история сильно задела ее.

Padrone что-то раздраженно проворчал, когда передачу прервали для очередного выпуска экономических новостей.

– Это обман, – мрачно заявил он.

Грегорио Вакки бросил на отца раздраженный взгляд.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю и все.

– Внебрачный ребенок. Джакомо Фонтанелли тоже был внебрачным ребенком. Это не притянуто за уши.

– Этот ребенок слишком мал. – Кристофоро обернулся. – Подумай еще раз о пророчестве. Какой смысл в том, чтобы трехлетний ребенок унаследовал такое состояние? Де-факто деньги получат его родители и будут управлять ими до 2010 года. И до тех пор ничего не произойдет. По крайней мере, ничего хорошего. В этом нет смысла.

Грегорио задумчиво уставился на ковер, как будто мог найти там ответы на все вопросы.

– В завещании ничего не говорится о минимальном возрасте, – произнес он.

– Это и я знаю, – заметил *padrone* .

– Ты ведь понимаешь, что мы не можем делать все, что хотим? Мы управляем состоянием. Мы так же привязаны к законам, как и другие. Все решает текст завещания. Не то, как мы его толкуем.

Padrone неохотно кивнул. На экране появился неприятный мужчина с круглым, покрытым оспинами лицом, которого согласно титрам звали Рэндольф Бликер и который оказался адвокатом Деборы Петерсон. Стоя на лестнице внушительного здания в окружении микрофонов, камер и людей, он держал в руках заполненный и скрепленный печатью документ.

– Мистер Лино Фонтанелли официально признал, что является отцом Эндрю Петерсона, дамы и господа! – крикнул он в толпу. Он поднял вверх второй документ с шапкой, в которой можно было различить слово «лаборатория». – Это результаты исследования крови, подтверждающие отцовство. Тем самым они удостоверяют, что сын моей клиентки Эндрю Петерсон на 23 апреля 1995 года был самым молодым потомком мужского пола флорентийского купца Джакомо Фонтанелли, а значит, он является полноправным наследником его состояния. Я требую, чтобы адвокатская контора Вакки передала оригинал завещания Фонтанелли уполномоченным органам для проверки притязаний.

Грегорио Вакки хлопнул ладонями по диванным подушкам.

– Мы не можем игнорировать это! – воскликнул он. – Невозможно. Эдуардо… позвони в министерство финансов. И нотариусу тоже. Мы отменяем все договоренности до тех пор, пока дело не прояснится.

Эдуардо вопросительно поглядел на деда. Тот устало кивнул в знак согласия. А затем его взгляд из-под тяжелых морщинистых век встретился со взглядом Джона.

– Сейчас мы должны будем поговорить о вас, Джон, надеюсь, вы понимаете. Но, думаю, вам следует пропустить это.

В комнате, которая, возможно, вскоре уже не будет принадлежать ему, внезапно повисла давящая тишина. Джон глядел из окна на людей в бронежилетах, с оружием наперевес патрулировавших сад. Скоро он уже не будет так важен, чтобы за ним присматривать. Репортеры, которые сейчас осаждают ворота, толкаются и наступают друг другу на пятки, чтобы сделать его фотографию, уедут и набросятся на трехлетнего мальчика из Филадельфии. Так же, как исчез кардинал, когда Джон вернулся в большой салон. Видимо, он каким-то образом узнал о случившемся. Он даже забрал фотоальбом с автографом Папы.

Так что теперь – обратно в ничто, в безвестность, из которой он пришел? Это по-настоящему жестоко. Обратно к Марвину в съемную квартиру, после того как он вырвался в совершенно иную жизнь… Впрочем, можно надеяться, что какая-нибудь газета заинтересуется его историей и заплатит за это пару долларов. И он сможет всю жизнь рассказывать о том, каково было кататься на «феррари».

Он огляделся по сторонам. Интересно, костюмы ему оставят? Он действительно привык к ним. С другой стороны, он не может позволить себе даже их чистку.

Да, проклятье. Ему даже начало все это нравиться. Еще неделю назад он был уверен

в том, что является не тем наследником, а теперь, когда стало похоже, что он оказался прав, его охватывала безграничная злость на Лино, который хотел отнять у него деньги.

Мои! Дикая, упрямая ярость, ярость маленького ребенка, которому совершенно наплевать на других, который просто *хочет получить свое.* Который готов кусаться и царапаться, топать ногами, чтобы оставить себе то, что ему принадлежит. Он чувствовал, как вздымается его грудь, словно ему предстояла битва.

Зазвонил телефон.

Джон обернулся и почувствовал, как вся готовность драться улетучивается, как воздух из пробитого воздушного шарика. Поначалу он хотел уйти в ванную и не брать трубку. Но может быть, это Вакки. Которые хотят сказать ему, что пора собирать вещи. Он сел на постель и снял трубку.

– У вас проблемы, – произнес низкий голос незнакомца. – И вас оставили наедине с ними.

Джон проглотил подступивший к горлу комок.

– Можно сказать и так.

– Я обещал вам, что еще позвоню, не так ли?

– Да. – Джон чувствовал, что ноги не держат его.

– Хорошо. Но вы должны немного подготовиться. Было бы неплохо, если бы у вас был в комнате факс. Как думаете, сможете достать его?

Джон вспомнил о кредитке, которую дал ему Эдуардо. Пока что она лежала в кармане его брюк.

– Да, – произнес он. – Думаю, смогу.

– Сделайте это как можно скорее. Еще не знаю, понадобится ли он нам, но все может быть.

– Вы не хотите сказать мне, что собираетесь делать? – спросил Джон.

– Нет. В основном потому, что сам этого не решил. Доверьтесь мне. Вы оказались в крайне щекотливой ситуации, но у меня есть целый ряд возможных вариантов. Посмотрим.

Его слова почему-то внушали спокойствие.

– Вашего имени я не узнаю и сегодня, я так полагаю?

– Поверьте мне, у меня есть причины так поступать, – ответил незнакомец. – Постоянно будьте в комнате, когда вам привезут факс. Я позвоню. – И он положил трубку.

Джон открыл дверь в коридор и увидел, что у противоположной стены на стуле сидит со скрещенными руками Марко.

– Марко? Мне нужен факс, – произнес Джон.

Вообще-то он собирался украдкой выбраться из дома, поехать на «феррари» в ближайший город, но его телохранитель мгновенно извлек из кармана мобильный телефон и сказал:

– *Va bene, signor Fontanelli* [15]. Я вам его достану.

В газетах на следующее утро были только две темы: разгар эпидемии в Центральной Африке, вызванной, возможно, возбудителем лихорадки Эбола, и спор за наследство в один триллион долларов.

– Мой дед все еще верит в то, что вы – тот самый наследник, – объявил за завтраком Эдуардо. – Мой отец считает это проявлением стариковского упрямства. Моему дяде мысль о том, чтобы возиться с трехлетним мегамиллиардером, кажется отвратительной. И мне, честно говоря, тоже.

Они были в салоне вдвоем. Вакки засиделись далеко за полночь, споря о том, что делать, и только Эдуардо сумел встать к этому времени.

– И что теперь будет? – спросил Джон.

---

[15] Хорошо, синьор Фонтанелли (*итал.*).

– Предположительно начнется то, для чего существуем мы, адвокаты: правовой спор, – жуя, пояснил Эдуардо. – Который, скорее всего, продлится долго. Я имею в виду, долго по меркам адвокатов. Годы, возможно, десятилетия.

Над домом снова пролетел вертолет. Число репортеров не уменьшилось, а даже увеличилось. Никто из поставщиков и служащих не мог войти в дом, не высказав свою точку зрения в дюжину микрофонов.

– Великолепно, – уныло произнес Джон.

– Но сначала мы попросим, чтобы нам прислали все бумаги. Их нужно перевести, заверить и так далее. Это займет время, потребует денег, ну да что там. Затем мы потребуем провести генетическую экспертизу отцовства. Анализ крови, представленный тем сомнительным мистером Бликером, хотя и произвел огромное впечатление на публику, грубо говоря, бесполезен.

– Правда? Но ведь он утверждал…

– Адвокаты всегда что-то утверждают, в конце концов, они живут спорами. Факты таковы, что анализ крови годится только на то, чтобы *исключить* вероятность отцовства. Вывод строится на том, что группы крови наследуются по определенным правилам. Если у ребенка, к примеру, группа крови АВ, а у матери группа крови А, то мужчина с группой крови А не может быть его отцом, а может только тот, у которого группа В или АВ. Но анализ крови не говорит ничего о том, действительно ли некий мужчина является отцом ребенка.

Джон уставился на молодого адвоката. Внезапно он вспомнил, как мать, когда они были еще детьми, раздавала им сладости, а Лино позже отнимал его долю. Просто отнимал, потому что был сильнее.

– А генетический тест? – спросил он, и ему показалось, что его голос дрожит от ярости.

– Здесь, конечно, тоже существуют спорные случаи, но в основном он предоставляет довольно надежное доказательство отцовства. Необходимо рассмотреть образцы тканей и так далее, но все это можно устроить. Для этого достаточно корня волоса или мазка слизистой оболочки рта, его можно взять и у ребенка. Менее неприятно, чем анализ крови.

– Меня вы не заставляли проходить генетический тест.

– Нет, – ответил Эдуардо, задумчиво помешивая кофе. – Для детей, рожденных в браке, в этом нет необходимости. Мужскую родословную все равно нельзя проследить с уверенностью. А в случае вашего брата мы подозреваем, что он хочет обманом заполучить наследство Фонтанелли.

Как бы там ни было, они подозревают. Но Лино всегда пользовался успехом у женщин. Не было ни одной девушки в округе, с которой он хотя бы не попытался. И всегда тайком. Если он заставал его тискающим девушку, Лино смотрел на него своим специальным взглядом, предвещавшим побои, если ему придет в голову болтать. С другой стороны, именно он просветил его, лет в девять или десять; Лино тогда было уже пятнадцать, и он знал, о чем говорит.

Вполне возможно, что однажды он потерпел поражение. Он даже мог понять реакцию Деборы Петерсон, решившей скрыть рождение ребенка. Ему всегда казалось, что Лино не очень вежливо обращался с женщинами после того, как получал то, что хотел.

– А если это не обман? – спросил Джон.

– Если это не обман, – сказал Эдуардо, облизнул ложку и аккуратно положил ее на белоснежное фарфоровое блюдце, – тогда наследником становится Эндрю Петерсон.

То, что до сих пор было осадой, превратилось в атаку. Образно говоря, репортеры принялись трясти решетку и требовать, чтобы их впустили. Эдуардо отважился выйти на улицу в сопровождении трех телохранителей, несмотря на то что собирался только дойти до ворот. И заявил журналистам примерно то же самое, что объяснял Джону за завтраком, а именно: Лино подозревают в том, что он обманом пытается завладеть наследством Фонтанелли. Эдуардо также в общих деталях описал тему предстоящего правового спора.

Его едва не вытащили через решетку.

– Если еще раз произойдет нечто подобное, то я оглохну, – заметил Эдуардо, вернувшись в дом. Он вздрогнул. – Что они вообще все здесь делают? Разве они не должны быть на процессе против О. Джей Симпсона?

Не прошло и двух часов, как он увидел свое заявление по Эн-би-си, оно перемежалось кадрами с яростным опровержением Лино Фонтанелли, который решительно отверг «бессовестные происки этого молодого итальянского адвоката» и еще раз подчеркнул, что для него самое важное – благосостояние ребенка.

Снова появился вертолет, вскоре после этого – второй и третий. Слуги дома, которые время от времени выполняли обязанности посыльных, сообщили о том, что им предлагали большие денежные суммы за описание быта Вакки, фотографии интерьера или за то, что они тайком проведут внутрь репортера. Охранники ужесточили контроль.

Ближе к вечеру Джон позвонил матери. На восточном побережье Соединенных Штатов близилось к полудню, и он отвлек ее от дел на кухне. Последний раз, когда он звонил ей, она была просто озадачена происходящим и взволнована тем, что о ее сыне пишут во всех газетах, но теперь она была по-настоящему расстроена тем расколом, который принес в ее семью «миллион», как она сурово назвала наследство.

– Это не миллион, *mamma* [16], – в который раз повторил Джон. – Это миллион миллионов.

– *Non mi piace, non mi piace* [17], – жалобно запричитала она. – Кому нужно столько денег, скажи на милость? Разве это стоит того, чтобы один брат ссорился с другим? А теперь он еще хочет бросить Веру и жениться на этой женщине из Филадельфии, только ради денег…

Джон почувствовал, как по спине его потекла холодная струйка пота. *А кто получает наследство, если умирает ребенок? Его родители, не так ли?* Эта мысль была уродливой, вызывала ужас, она пришла из ниоткуда и уже не хотела уходить.

– Но ведь ты всегда хотела иметь внука, – устало произнес он. Перед ним на столе лежала газета «Коррьере делла сера», и с первой страницы на него смотрели большие глаза Эндрю Петерсона.

– Мира тоже была мне вроде внучки, а теперь я должна потерять ее? Ах, какая беда! Ничего, кроме беды, не принесли они, эти деньги.

И она жаловалась до тех пор, пока не вспомнила, что должна поставить воду для макарон. И Джону пришлось пообещать ей позвонить снова, а еще лучше – поскорее вернуться домой, а затем она положила трубку.

Вернуться домой, да. Может быть, там ему будет легче пережить это. Он с самого начала был уверен в том, что Вакки ошиблись относительно него. Окей, вся эта роскошь была приятной, без вопросов, и к ней можно было быстро привыкнуть, но в принципе ведь он не умеет обращаться с деньгами. Даже с небольшим количеством денег, а с большим – и подавно. Если речь идет о том, чтобы вернуть человечеству утраченное будущее, то он явно не тот кандидат. Он достаточно испортил собственное будущее, чтобы браться за такое дело.

Он поднял газету и стал рассматривать портрет маленького *Эндрю Петерсона* . Звучное имя. Почти как *Эндрю Карнеги* . Они смогут послать его в хорошую школу, дать ему постепенно привыкнуть к своей роли, подготовить его к богатству и власти всеми возможными способами. Если хорошенько подумать, подобный поворот судьбы не так уж плох.

---

16 Мама (*итал.*).

17 Мне это не нравится, мне это не нравится (*итал.*).

Настроение за ужином было, ясное дело, подавленным. Вакки пытались поддерживать разговор и делать вид, что все в порядке, но их старания были настолько очевидны, что в буквальном смысле слова били Джона под дых. Мысленно они были далеко, с трехлетним мальчиком по ту сторону Атлантики и вопросом, могло ли случиться такое, что истинный наследник и исполнитель пророчества ускользнул от их внимания. Несмотря на то, что Джованна очень старалась, Джон съел мало и вскоре удалился к себе. В темноте он разделся и лег на постель.

Почему у Чезаре и Элен не могло быть ребенка? С этим ему было бы легче смириться. Чезаре всегда был настолько старше его, настолько выше, что это его бы не тронуло. Но нет, это именно Лино. Лино, который всегда был сильнее и всегда этим пользовался. Лино, единственный отличник в семье. Лино, который всегда побеждал его, во всем. И вот он победил снова.

И что ему теперь делать? У него было немного, но даже это с момента встречи с Вакки оказалось в руинах. Он действительно войдет в анналы истории – вот только как человек, который едва не стал обладателем триллиона. На него будут смотреть как на циркового уродца, куда бы он ни пошел. Можно было распрощаться с надеждой на возвращение в нормальную, знакомую ему жизнь.

Мысли ходили по кругу. Он снова встал, ощупью прошел в ванную. Там была аптечка со всеми необходимыми медикаментами. Он нашел ее, открыл, нащупал баночки, скляночки и коробочки. Вот теперь нужно включить свет. Он отыскал бутылочку с валиумом и открыл ее.

На следующее утро мир облетела весть о том, что предполагаемый наследник триллиона долларов Джон Сальваторе Фонтанелли ночью совершил самоубийство.

Всхлипывания на другом конце провода все никак не заканчивались.

– Какое несчастье… *madre mio* [18], *dio mio* [19]… Ничего они, эти деньги, кроме несчастья, не принесли, разрушили семью, все разрушили…

– Мама…

– И это чертово отродье, эти журналисты осаждают мой дом, не дают мне покоя… Как им в голову пришло написать такое? Меня мог хватить удар. Или твоего отца. Как им в голову взбрело утверждать, что ты умер?

– Может быть, потому, что они все время должны писать о сенсациях, – произнес Джон.

– Я едва не перестала дышать. Твой отец уже тоже не молод, подумай об этом, а в его семье большинство умирает из-за сердечных болезней. Мы услышали об этом в ночном выпуске новостей, которые мы обычно не смотрим. Я глаз не сомкнула.

Он прикинул разницу во времени. В Нью-Йорке было около половины третьего ночи.

– Мы только что узнали, иначе я позвонил бы гораздо раньше…

– И эта фотография. Ты стоишь, и в руках у тебя двадцать таблеток валиума.

– Я же тебе уже объяснял, как это получилось. Есть известный скандальный репортер Джим Густон, *paparazzo* . Днем он спустился с вертолета на крышу; никто не заметил его в суматохе. Наверху есть такое место, которое не видно снизу, и он там спрятался. Вечером он спустился на стальном тросе с крыши напротив моей спальни, как альпинист, и затаился со своим фотоаппаратом. Когда я пошел в ванную поискать снотворное, он меня сфотографировал. Я этого не заметил.

– Да ты держал в руке по меньшей мере двадцать штук! Я хорошо рассмотрела!

---

[18] Мамочки (*итал.*).

[19] Боже мой (*итал.*).

– Они просто высыпались, мама.

Это было неправдой. Он хотел посмотреть, сколько еще таблеток осталось в бутылочке, потому что его вдруг охватил бессмысленный страх: а вдруг кто-то позже обнаружит, что он взял одну штуку. Таблетку, которую ему не принадлежала.

Немного успокоив мать, он еще раз надел свой лучший костюм и спустился вниз, чтобы вместе с Вакки показаться журналистам и таким образом доказать, что он жив.

– Что вы собираетесь делать теперь? – крикнули ему, тыча в него микрофонами на длинных шестах, и еще: – Вы верите, что Эндрю Петерсон действительно сын вашего брата?

Но Джон только покачал головой и не произнес ни слова.

Эдуардо показал остатки стальной конструкции и пояснил, как Густону удалось сделать фотографию. Когда некоторые репортеры присвистнули в восхищении, он предупредил, чтобы никто не пытался повторить этот «подвиг».

– Джим Густон однозначно вторгся в личное пространство мистера Фонтанелли, и мы предъявим ему иск либо за неоказание помощи, либо за клевету. Неважно, как это будет аргументировано, но одно из этих преступлений он совершил.

Оказавшись снова в доме, Джон сказал, что, по его мнению, ему лучше вернуться в Соединенные Штаты, в дом своих родителей, пока все не выяснится.

– Мои родители не привыкли к шумихе прессы. Я думаю, я должен быть там, чтобы отвлечь их внимание на себя.

Вакки кивнули, все, кроме *padrone* , который недовольно покачал головой.

– Ваше место здесь, Джон, – сказал он. – Это все недоразумение, которое вскоре разрешится.

– Что ж, я могу понять Джона, – сказал Альберто.

– Я думаю, так действительно будет лучше, – сказал Грегорио.

Эдуардо вздохнул.

– Если хотите, я организую вам билет на завтра.

– Спасибо, – ответил Джон.

Затем он пошел в свою комнату, чтобы собрать вещи. Но, оказавшись перед шкафом, он понял, что ни одна из находящихся в нем вещей ему не принадлежит. Придется попросить Эдуардо найти в коробках с его пожитками, стоящими где-то внизу, что-нибудь из одежды.

Значит, вот оно как. Конец мечте. Он безвольно опустился на постель и уставился в потолок. Все началось внезапно и заканчивается тоже внезапно.

В какой-то момент он пробудился от тяжелой полудремы, в которую нечаянно провалился. Судя по освещению, день уже близился к вечеру, и чувствовал он себя на удивление хорошо.

Как здесь спокойно! Джон встал, вышел на террасу, которая до недавнего времени принадлежала ему, вдохнул соленый ветер, дувший с моря, и закрыл глаза. Защебетали птицы в кустах под ним, издалека слышался гул голосов репортеров у ворот. Как жаль! Ему будет не хватать ощущения себя миллионером. Чувствовать себя миллиардером за несколько дней он не успел научиться, не говоря уже о триллионе. Но миллионером он время от времени себя ощущал, и ему это нравилось.

Зазвонил телефон. Наверняка опять мать. Хочет сказать ему, что она немного поспала и чувствует себя лучше. Он вернулся в комнату и снял трубку.

– Да?

– Вы купили факс? – спросил низкий голос незнакомца.

Джон испугался, невольно опустился на колени и заглянул под кровать. Там стояла коробка, которую принес Марко.

– Да. Да, он у меня.

– Он подключен?

– Что? Нет. Пока нет. Думаю, для этого мне нужно выключить телефон.

– Я понимаю, – казалось, незнакомец усмехается. – Телефонным розеткам, должно быть, не меньше тридцати лет, верно? Как и телефону.

– Примерно так.

– Хорошо. Подключите, пожалуйста, факс. Через пять минут я отправлю вам документ, за подлинность которого я ручаюсь. Воспользуйтесь им как можно лучше.

– Спасибо, – произнес Джон. – Но я не понимаю… – Связь оборвалась.

Пять минут? Ага. Может быть, стоило прочесть инструкцию пораньше… Он вынул из-под кровати коробку, открыл ее и дрожащими руками вынул факс из пенопласта. К счастью, Марко догадался купить рулон бумаги для факса и адаптер, чтобы подключить его к старой розетке. Ему потребовалось три минуты, чтобы подготовить аппарат к приему. Остальное время он просидел перед ним, глядя на щель аппарата, и ему казалось, что прошло несколько часов.

А затем внутри темно-серого ящичка что-то щелкнуло, щель засветилась зеленовато-синим цветом. С негромким жужжанием полезла бумага, на которой виднелись какие-то линии и буквы. Джон склонился над ней, пытаясь разобрать текст, а из факса лезли новые и новые страницы.

Это оказалось справкой о медицинском обследовании второго лейтенанта Лино Фонтанелли, проведенном штабным врачом авиабазы ВВС «Мак-Гвайр» в феврале 1991 года. Страницы данных об ЭКГ, ЭЭГ, анализ емкости легких, кардиологические испытания нагрузкой, тесты на реакцию, анализы крови, анализы спинномозговой жидкости и так далее. На последней странице стояла отметка, подтверждавшая полную пригодность к службе в качестве пилота боевого истребителя, а рядом красовалась размашистая, совершенно неразборчивая подпись врача.

Решающую отметку Джон едва не пропустил. В рубрике «Медицинские данные, не влияющие на пригодность к летной службе» значилось емкое: *бесплоден* .

8

Это было похоже на удар в живот. Джон сидел на кровати, смотрел на бумаги, не зная, сколько времени прошло, и пытался понять, что это значит. Никто не приходил, никто не звонил, даже после того, как он в задумчивости снова подключил телефон, а факс спрятал под кровать. Никто не мешал ему, и у него было время, чтобы как следует поразмыслить.

Когда наступил вечер, он принял решение не говорить о факсе, чтобы не объяснять, откуда он у него взялся. Вместо этого за ужином, во время которого царило подавленное настроение, он мимоходом поинтересовался:

– А можно ли с помощью генетического анализа понять, что человек бесплоден?

– Нет. – Эдуардо покачал головой, пытаясь разрезать посыпанную петрушкой картофелину серебряной вилкой, изготовленной еще в восемнадцатом веке. – А что?

– Я тут вспомнил разговор, который у меня был на прошлое Рождество с Верой. Подругой моего брата, – добавил Джон. – Она намекала на то, что удивляется, почему не может забеременеть от Лино. – Это было ложью. Вера никогда в жизни не стала бы обсуждать такие темы ни с кем, кроме врача.

– Боже мой! – воскликнул Грегорио Вакки и опустил вилку. Редеющие волосы, казалось, встали дыбом. – Об этом я вообще еще не думал.

Padrone сделал огромные глаза.

– Бесплодие. Это очень частое заболевание в семье Фонтанелли.

Альберто нахмурился.

– Но ведь не мог же он думать, что это останется без внимания?

– У меня было такое ощущение, – продолжал плести Джон, – что Лино понятия не имел о… попытках Веры.

– А значит, эта Петерсон, возможно, пытается навязать ему ребенка, – растерянно

подытожил Эдуардо.

Его отец убрал с колен салфетку и бросил ее на стол рядом с наполовину опустошенной тарелкой.

– Я должен немедленно позвонить.

Следующий день принес ошеломляющую сенсацию. Прямо перед камерами Лино подавленно признался в том, что ввязаться в эту авантюру его подговорил Бликер. На самом деле он никогда не встречался с Деборой Петерсон. И о своем бесплодии не знал. На заднем фоне вокруг газона трепетали желтые полицейские ленточки, в дом входили и выходили полицейские. Ни Веры Джоунс, ни ее дочери не было видно.

Дебора Петерсон рассказала репортеру, как к ней приехал Рэндольф Бликер и убедил в беспроигрышности своего плана. Она была знакома с Бликером по своей прежней работе в адвокатской конторе, но, в принципе, никогда не считала его симпатичным. Поскольку она была матерью-одиночкой и нуждалась в деньгах, она согласилась. Бликер свел ее с Лино, чтобы заставить выучить все подробности их мнимой интрижки, прежде чем представить публике собственноручно сфабрикованную сенсацию.

Как оказалось, Эндрю Петерсон действительно был плодом недолгой интрижки, после окончания которой его мать никогда больше не слышала об отце ребенка. Сначала после рождения Эндрю она думала, что справится сама и из гордости не указала данные об отце. Когда ее сбережения подошли к концу, она обратилась к Рэндольфу Бликеру, чтобы найти отца Эндрю и потребовать помощи. Бликер действительно разыскал его. Бывший шофер грузовика после нападения грабителей лежал в неврологической клинике и был не умнее капусты. На лице молодой женщины читались ужас и восхищение, когда она рассказывала о том, как адвокат попытался воспользоваться этой ситуацией в своих целях: он тайком взял у лежащего в коме истинного отца ребенка волосы и образец ткани и заморозил, чтобы перед ожидаемой генетической экспертизой подменить на образцы Лино. Как он собирался сделать так, чтобы подмену не обнаружили, он не говорил.

Эта сенсационная история окончательно вытеснила с первых полос вирус лихорадки Эбола, из-за которой в городе Киквит в Центральной Африке у тысяч людей разлагались внутренние органы. Ко всему прочему, зачинщик ловкого плана адвокат Рэндольф Бликер, которого называли Рэнди, бесследно исчез, к очевидному восхищению репортеров. Его квартира в Филадельфии оказалась брошенной, и съемочная группа, прибывшая вместе с полицией в его затхлый маленький офис, смогла снять только беспомощно пожимающую плечами секретаршу, которая понятия не имела, куда пропал ее работодатель.

«Роллс-ройс» с тщательно задернутыми занавесками на заднем сидении в половине восьмого утра покинул поместье семьи Вакки. Преследуемый свитой транспортных средств с логотипами телекомпаний, величественный автомобиль с почти бесшумным мотором скользил мимо деревень и поселков. Когда, не доезжая до Флоренции, он повернул на автостраду, ведущую к Риму, появились два вертолета и присоединились к конвою с воздуха. С десяти часов по местному времени путешествие «роллс-ройса» по направлению к Риму передавали в прямом эфире Си-эн-эн.

И никто не обратил внимания на небольшой грузовой автомобиль, как обычно, въехавший в пять часов утра через маленькие ворота в дальнем конце поместья, чтобы – как и каждое утро – выгрузить несколько ящиков со свежим бельем и загрузить несколько мешков грязного белья. Он беспрепятственно поехал обратно; ненадолго, никем не замеченный, он остановился возле местной прачечной, где задняя дверь открылась и были выгружены вещи, чтобы оставить больше места для Джона Фонтанелли и Вакки. Воспользовавшись моментом, *padrone* пересел на переднее сиденье, Марко – за руль, все с благодарностью пожали руку молодому водителю прачечной, а затем помчались прочь, словно им предстояло выиграть «Формулу-1». В это время дороги были еще довольно пустынными, и они достигли автобана раньше, чем было запланировано, да и там движение было терпимым. Эдуардо, разработавший этот план, довольно усмехался. Они произведут

передачу состояния раньше, чем первые журналисты прибудут в Рим.

Когда они проезжали через Рим, Джон придвинулся к заднему боковому стеклу и стал смотреть по сторонам. На него, человека, для которого Эмпайр Стейт Билдинг был старинным строением, все эти по-настоящему древние здания в Старом городе Флоренции произвели глубокое впечатление. Но Рим – Рим был просто… монументален. Боже мой, он вдруг понял, почему его называли *вечным городом* . Каждый перекресток на миг открывал ему взгляд в бездны прошлого, о существовании которого он даже не подозревал. Как кто-то мог сигналить на фоне этих возвышенных строений? Как один водитель смел хотеть обогнать другого в этом городе, где остановилось время? Он смотрел и не мог насмотреться, почти пожалев, когда они вдруг свернули вбок, проехали под арку ворот и оказались на месте. В Министерстве финансов республики Италия.

Стальные ворота закрылись за ними. Появились мужчины в униформе, с рациями и автоматами. Они с каменными лицами проследили за тем, как Джон и Вакки выбрались из автомобиля, а затем в давящем молчании проводили их наверх по узкой неприметной лестнице. Перед ними открылись некрашеные ржавые стальные двери и снова со скрипом закрылись за их спиной. Их шаги эхом отдавались меж голых стен коридоров, больше напоминавших тюрьму, чем министерство. В древнем лифте помещались максимум четыре человека, и им пришлось подниматься по очереди.

– Ничего, выходить будем как подобает, – прошептал ему Эдуардо. Он казался напряженным.

Наверху они прошли через широкие двери, за которыми оказались ковры на полу, висящие на стенах картины, потолок с фресками и раскрашенной лепниной. Джон давно уже заблудился, когда открылась одна из огромных дверей и их провели в небольшой зал, стены которого были расписаны от пола до потолка такими роскошными красками, что просто захватывало дух. Засмотревшись на ангелов с позолоченными крыльями и розовые кусты, он едва не проглядел людей, ожидавших, когда их представят.

– Синьор Фантоцци, министр финансов. Синьор Бернардини, заместитель министра внутренних дел. Синьор Нунцио Тафале, нотариус.

Джон пожал всем руки и заверил, что ему очень приятно познакомиться с этими людьми, да еще так рано утром.

На протяжении последних дней, когда уже было ясно, что это произойдет, он спрашивал себя, как это будет. Он представлял себе торжественный акт, и было заметно, что все стараются сделать его таковым. Но Джон чувствовал только биение собственного сердца, слышал, как шумит в горле и висках кровь, все в нем сосредоточилось на том, чтобы не допустить ошибку, не сказать ничего глупого, не разрушить всю торжественность момента. Это было похоже на то, как он сдавал экзамен по вождению, о котором он не мог сказать ничего, кроме того, что не помнил, сколько он длился – несколько часов или дней. Только то, что он был настолько сосредоточен на деле, что потом, когда все закончилось, не мог сказать, где ездил и где парковался. Абсолютное туннельное зрение. Стресс. А здесь и сейчас – почему? Это не экзамен, который нужно сдать. Он ничего не сделал для этого и против этого поделать уже ничего не сможет. Эти люди появились с твердым намерением подарить ему один триллион долларов, и ничто не могло заставить их отказаться от своего плана. Пришлось бы вскочить и говорить все время «нет», чтобы помешать этому.

Все началось с министра внутренних дел, то есть его заместителя, который передал ему формуляр, уже заполненный, и что-то, похожее на договор с красной ленточкой и настоящей печатью, и на оба документа набросились Вакки, проверяя букву за буквой, прежде чем кивнуть, что он может подписывать. И Джон послушно подписал. Уровня его итальянского языка с трудом хватало на то, чтобы читать газеты, перед юридическими текстами он был вынужден капитулировать. Не будь рядом Вакки, ему могли бы продать стиральную машинку, а он бы и не заметил.

Заместитель министра внутренних дел улыбнулся, скорее вежливо, чем спокойно, и вручил ему новый паспорт, бархатно-красный европейский паспорт, полностью готовый,

с фотографией и подписью, поверх которой, чтобы предотвратить подделку, стояла печать. Свой синий потрепанный американский паспорт ему пришлось отдать. Заместитель министра схватил его, словно добычу; Джон мимоходом задумался над тем, что он будет с ним делать. Разве не написано на нем: «Является собственностью Соединенных Штатов Америки»?

Снова рукопожатие. Поздравления. Вот теперь он итальянец, гражданин страны, из которой бежал его дед. Заместитель министра ободряюще улыбнулся ему, словно желая заверить, что все не так и плохо, но министр финансов улыбался гораздо шире.

Когда с рукопожатиями было покончено, когда подлили кофе, слово взял нотариус. Он вынул откуда-то бумаги и стал читать их так, что создавалось ощущение, будто в комнате парит слепое божество и ничто не будет иметь силы, если не достигнет его ушей.

– Рим, 16 мая 1995 года. Перед имеющим документальное свидетельство нотариусом Нунцио Тафале по вопросу передачи состояния Джакомо Фонтанелли предстали: Джон Сальваторе Фонтанелли, гражданин Италии, родившийся 1 сентября 1967 в Нью-Йорке; Кристофоро Вакки, гражданин Италии, родившийся…

И так далее, пока Джон не потерял нить рассуждений. Слова «наследство», «передача в собственность» и «неограниченное распоряжение» всплывали в его сознании словно лопающиеся пузыри на поверхности несущего тяжелые воды словесного потока. Затем Вакки, в свою очередь, прочли документы, написанные на древнем формальном итальянском языке, на фоне которых речь нотариуса звучала словно тонкая, легкая поэзия, и так далее и тому подобное, и Джон даже начал задаваться вопросом, зачем он вообще здесь нужен.

Когда началось подписание, он понял зачем. Это казалось глупым, но ему еще раз пришлось удостоверить свою личность, на этот раз при помощи своего нового паспорта, который проверил нотариус, словно подозревал, что за это время Джона могли подменить другим человеком. А потом началось бесконечное подписание. Один листок за другим, для Вакки тоже; на протяжении нескольких минут был слышен только скрип перьев по тяжелой документной бумаге. Щелкали печати, по голубым чернилам катился осушитель, снова ставились печати, и широкая улыбка министра финансов становилась все шире и шире с каждой подписью. И он был первым, кто вскочил и поздравил Джона со словами:

– Благодарю вас, что сделали свой выбор в пользу Италии!

Затем его поздравили Вакки, откуда-то взялись еще люди, пожимавшие его правую руку. Казалось, в маленькой комнате собралась половина чиновников Италии.

– Вот теперь вы окончательно и совершенно законно являетесь самым богатым человеком в мире, – произнес Кристофоро Вакки. – Теперь это бесповоротно.

Говоря это, он, казалось, испытывал облегчение.

Время было рассчитано бесподобно. «Роллс-ройс» величественно подъехал к нижнему краю лестницы, и репортеры от газет и телевидения сфотографировали пустое заднее сиденье, когда Бенито открыл дверцу. Секундный испуг, а затем один из журналистов заметил Джона и Вакки на верхней ступеньке лестницы. Вытянутая рука, крик, напоминающий боевой клич, все бросились вверх по ступенькам, а Джон спускался в эту бурю вспышек, и на лице его появилась улыбка. Не зная, что и зачем он делает, он, ликуя, поднял над головой кожаную папку с документами, подтверждавшими его невообразимое богатство.

Эта фотография должна была облететь мир.

После нотариальной церемонии предстоял прием у вице-премьера Италии. «Роллс-ройс» в сопровождении почетной кавалькады на мотоциклах отправился к резиденции главы правительства, который встретил Джона на ступеньках лестницы. Посреди широкой красной дорожки и настоящего шквала вспышек премьер-министр Ламберто Дини и Джон Фонтанелли с минуту жали друг другу руки, улыбались в камеры, в толпу, снова в камеры. Отряды полицейских образовали заслон от напирающих репортеров

и тысяч зевак, которые приветствовали Джона так, словно тот совершил что-то выдающееся.

– Машите рукой, – прошептал премьер-министр, мужчина за шестьдесят с лицом печального бульдога.

И Джон махал, и ликованию не было предела.

Очевидно, в этот день Италией не управляли, потому что все министры пришли пожать руку новоиспеченному триллионеру. И запомнить все имена было просто невозможно. Джон улыбался, пожимал руки, чувствуя себя словно в водовороте.

– Звоните в любое время, – заверял его каждый, и Джон кивал, обещал подумать над этим и спрашивал себя, какая может быть причина для того, чтобы звонить лично министру.

На обратном пути из Рима Джона охватило странное возбуждение. Ему казалось, что он и секунды не сможет спокойно просидеть в машине, скользящей среди пейзажей под теплым вечерним солнцем. Что-то должно было произойти, и он готов был отдать все, что угодно, ради того, чтобы узнать, что именно.

Значит, теперь все по закону. Самый богатый человек в мире, самый богатый человек всех времен и народов. Без заслуг, без усилий, без особых талантов, просто по прихоти предка, которого давно забыли бы, не будь этого завещания. Чувствует ли он себя теперь иначе? Нет. Он посмотрел на папку, содержащую кучу непонятных документов, – не то чтобы его богатство зависело в будущем от обладания этими бумагами: их заверенные дубликаты лежали у нотариуса, в министерстве, в бесчисленном множестве других мест. Он мог бросить папку в первую попавшуюся печь и все равно остался бы самым богатым человеком в мире, то есть эта папка, эти бумаги с печатями и подписями, списки счетов и состояний счета – все они доказывали что-то, остававшееся абстрактным: что он богат. Он не чувствовал себя богаче, чем сегодня в пять часов утра. Что изменила эта церемония? Ничего. Он раньше был гостем у людей, которые знали его меньше месяца, и он по-прежнему оставался им.

Когда улицы снова стали у́же и они наконец въехали в деревню, сотни людей выстроились вдоль дороги, хлопая в ладоши, пуская воздушных змеев. На поле Джон заметил палатки и карусели, которых не было еще утром. Народное гуляние, наверняка в его честь. Как будто он совершил нечто такое, за что его полагается чтить.

В холле виллы их ожидал стол с бокалами шампанского и большая пыльная бутыль в стеклянном охладителе.

– Мы позволили себе, – пояснил Кристофоро, – устроить для вас маленький праздник. То есть в первую очередь заботился обо всем Эдуардо.

Джон озадаченно кивнул, и у него возникло ощущение, что в жилах у него вместо крови бегают муравьи. Он смотрел, как наполняют бокалы, и больше всего ему хотелось убежать куда-нибудь, катать белье или развозить пиццу.

Альберто Вакки поднял бокал. В окно через балюстраду прямо на него упал последний солнечный луч, и пузырьки в нем стали похожи на жемчужины.

– Хотелось бы мне сказать, – заявил он, – что мы купили эту бутылку к вашему рождению и хранили ее до сегодняшнего дня. К сожалению, это не так, я купил ее только на прошлой неделе. Но она одного возраста с вами, Джон, – шампанское, которому двадцать восемь лет, одно из лучших, которое можно купить за деньги. *À votre santé!* [20]

Весь вечер Джону казалось, будто он играет в каком-то странном фильме. Эдуардо помог ему правильно надеть фрак, и он буквально испугался при виде вызывающей почтение фигуры в зеркале. Но когда его затем представили целому ряду изысканных мужчин в похожих костюмах и женщин с головокружительно аристократической внешностью – даже Марко и другие телохранители были одеты в дорогие костюмы, – он порадовался, что одет

---

[20] За ваше здоровье! (*франц.*)

столь же изысканно, как и остальные.

И позже, когда пианист и два других музыканта со всем старанием исполняли спокойную фоновую музыку, а все стояли, держа в руках бокалы и маленькие тарелки с закусками, и разговаривали так, словно завтра такой возможности не будет, Джон чувствовал себя словно под микроскопом. Мужчины громко смеялись его шуткам, женщины с ослепительными улыбками демонстрировали ему декольте – и все только потому, что он богат. Каждый, с кем он разговаривал, совершенно очевидным образом пытался произвести на него впечатление, завоевать его симпатию, и все только потому, что у него больше денег, чем у любого на этой планете.

Никто из присутствующих здесь людей шесть недель назад, когда он голодный, замерзший, с десятью центами в кармане шел по Нью-Йорку, не удостоил бы его и взглядом. А ведь изменились только его одежда, стрижка и число на счету в банке.

Ну ладно – числа на двухстах пятидесяти тысячах счетов.

– Каково чувствовать себя триллионером? – поинтересовался мужчина лет пятидесяти в костюме с воротником из леопардового меха и с кольцом с сапфиром размером с бычий глаз, который, если Джон ничего не перепутал, был известным продюсером.

– Мне тоже хотелось бы это знать, – признался Джон. – Я имею в виду, что могу наесться лишь досыта, надеть брюки лишь один раз… Но вообще-то я думаю, что у меня слишком много денег для одного человека.

Почему-то это оказалось не то, что хотел услышать этот человек.

– Вы притворяетесь скромником, синьор Фонтанелли, – заявил он, критически оглядывая Джона. – Но меня вам не обмануть. Видит Бог, я разбираюсь в людях.

Джон посмотрел ему вслед, когда он смешался с толпой гостей, и спросил себя, существуют ли люди, рассматривающие его не только как потенциальный источник кредита, а считающие его кем-то вроде идола. Самый богатый человек в мире… Если он не счастлив, то такого понятия как счастье не существует. Примерно такой девиз.

– Интересно, каково же чувствовать себя триллионером? – поинтересовалась женщина, волосы которой были сильно начесаны, а платье было впереди очень закрытым, зато на спине красовался такой вырез, что и придумывать почти ничего не оставалось. Она была дочерью крупного промышленника, замужем за сыном другого крупного промышленника, который на другом конце зала как раз флиртовал с черноволосой фотомоделью.

– Так же, как миллиардером, – с вежливой улыбкой ответил Джон. – Только в тысячу раз лучше.

Она обвела кончиком языка приоткрытые губы.

– Это звучит безумно волнующе. Наверняка у вас есть и потрясающая коллекция марок, столь же богатая, как и вы, не так ли?

Боже мой!

– Мне очень жаль, – поспешил заверить Джон, – но если я решу приобрести таковую, вы узнаете об этом первой, синьора.

Он поспешил удалиться. В туалете он встретил Эдуардо, который причесывался, и рассказал ему об этом. Тот усмехнулся его отражению в зеркале и сказал лишь:

– Смотрите, как бы она не выяснила, где находится ваша спальня.

– Серьезно? Я имею в виду, что ее муж стоял сантиметрах в двадцати от нас…

– И подъезжал к другой женщине, спорим? Я слышал, что у таких людей это обычное дело. Так что не переживайте.

Вернувшись в салон, он заметил, что она исчезла, ее долго не было, а в какой-то момент она появилась снова и казалась несколько растрепанной. Джон вспомнил совет Эдуардо и попытался не обращать внимания.

Был на празднике и министр финансов.

– Если вы ищете возможности инвестирования для своего капитала, – шутливо-заговорщическим тоном произнес он, – я горячо советовал бы вам наши государственные займы.

Джон понятия не имел, что такое государственные займы. Вероятно, это был всего лишь ничего не значащий разговор.

– Я подумаю над этим, – пообещал он и чокнулся с министром.

Встретившись с Альберто, он спросил у него об этом.

– Государственный заем означает, что вы одалживаете деньги государству, – пояснил он, держа в руках два бокала с напитками. – Деньги вы получите обратно по истечении строго оговоренного промежутка времени с установленными процентами. Довольно скучное, но нерискованное занятие, если не подыскивать займы обанкротившейся банановой республики.

– Это означает, что государство берет взаймы у частных лиц? – потрясенно прошептал Джон.

– Если правительство представляет бюджет, содержащий столько-то миллиардов задолженности, то именно с этой целью и выпускаются государственные займы. И каждый, кто хочет, может приобрести их. Это делают банки и частные лица тоже, да.

И с этим он оставил его, направляясь дальше к светловолосому существу, которое, как и все женщины на этом празднике, похоже, происходило из иной вселенной, чем та, в которой вращался Джон в своей прежней жизни.

Он снова столкнулся с министром финансов возле буфета, и, очевидно, их предыдущий разговор был не просто светской беседой, поскольку, накладывая себе на тарелку горы лососины и паштета из трюфеля, он снова заговорил о государственных займах и о том, подумал ли Джон уже над этим.

– Не знаю, – нерешительно ответил Джон. – Это надежные инвестиции? Я имею в виду, что вы – это государство. Если вы решите не возвращать деньги, я ничего не смогу поделать.

– Что вы! – В его голосе больше не было и намека на шутку, он выпрямился во весь рост. – Министр финансов скорее сократит пенсию собственной матери, чем не выполнит долговые обязательства. Чтобы пошли разговоры, будто мы – ненадежные заемщики… Это же все равно, что не оплачивать квартиру… Ни одно правительство в мире не может себе такого позволить.

Перед мысленным взором Джона тут же возникла обрюзгшая фигура мисс Пирсон, их квартирной хозяйки, как она всегда стояла в дверях и ссорилась с Марвином, когда они слишком затягивали с оплатой. Сколько же времени прошло с тех пор? Пара недель. Сто тысяч лет. Он понял, что имеет в виду министр. Правительству, которое не оплачивает долги, будет тяжело получить кредит. В принципе логично.

– У меня… э… – произнес он, пытаясь улыбнуться, – пока не было времени… продумать… э… инвестиционную стратегию. Но я подумаю над вашим предложением.

Он поговорил о погоде с лауреатом Нобелевской премии, с банкиром – о том, что Жака Ширака выбрали президентом Франции, а с сопранисткой – о конфликте в Боснии и Герцеговине. Принимал визитки, обещал проверить инвестиционные возможности и в какой-то момент перешел с шампанского на сельтерскую, поскольку ему постепенно становилось плохо.

– И каково же чувствовать себя триллионером? – поинтересовалась женщина с непокорными рыжими локонами. Ее красное блестящее платье вблизи оказалось неслыханно прозрачным.

– Чувствуешь себя так, – с трудом ворочая языком, заявил Джон, – как будто все женщины мира лежат у твоих ног.

– Ах, вот как? – Она бросила на него уязвленный взгляд.

И похоже было на то, что этот ответ оказался лучшим за сегодняшний вечер. На этот раз именно она удалилась под первым же предлогом.

Небо светлело, на нем проявлялись нежные серые и голубые оттенки, когда Джон закрыл за собой дверь своей комнаты и на миг прислонился к ней, чтобы насладиться нахлынувшим внезапно спокойствием. Кроме того, на ногах он держался уже плохо.

Самый богатый человек в мире? Сейчас он чувствовал себя самым усталым человеком в мире. Свежее белье на постели под откинутым одеялом манило к себе с невероятной силой.

Он открыл дверь шкафа, где внутри было зеркало, и снова оглядел себя нетрезвым пристальным взглядом. В принципе, неплохая одежда – этот фрак. Ему идет. К этому можно привыкнуть. Равно как и к тому, что он – обладатель триллиона долларов.

А вот привыкнет ли он к шампанскому, это уже другой вопрос. Он смутно припоминал, что пил с некоторыми людьми на брудершафт, но точно уже не помнил с кем. С Эдуардо – да, это он помнил. Тот еще потом ухаживал за женщиной в красном блестящем платье, а потом Джон его уже не видел. Равно как и женщину в блестящем платье.

Белоснежный фрак несколько пострадал. Он расстегнул запонки на манжетах, снял фрак, кое-как развязал ленту под воротничком. Собираясь расстегнуть жилет фрака, он услышал, как скрипнули ворота гаража.

В такое время? Он подошел к окну. С другой стороны загородного дома Вакки стояла небольшая низенькая пристройка, похожая на маленькую мастерскую или бывший сарай. Со стороны улицы там был обнесенный стеной дворик, и именно ворота в этот дворик и скрипнули.

Джон стянул с себя жилетку и нахмурился. На улице остановился автофургон, из которого вышел человек, часто делавший закупки для Вакки, и начал выгружать коробки. В окне пристройки горел свет, и через него Джон увидел сидящую за столом женщину. Когда мужчина поднес к двери первую коробку и, очевидно, постучал в двери, она встала, тут же показалась во дворе и стала помогать ему с разгрузкой.

Джон расстегнул рубашку. Спереди на ней тоже красовались пятна от вина, и он бросил ее в корзину для белья.

Странно. Есть кто-то, кому приходится работать в это время! Пожалуй, не стоит размышлять о таких вещах с таким количеством алкоголя в крови. Джон направился к постели и поддался ее невероятно манящему призыву.

Контейнеры всех цветов, казавшиеся издалека похожими на пестрые кубики, а вблизи – на исцарапанный измятый металлолом. Контейнерный кран, днем со скрипом выполнявший свою работу, а ночью покрывавшийся ржавчиной. Рельсы, усыпанные гравием дороги, древний пирс, выходивший в Гудзон и тщетно ожидавший грузовое судно.

Сьюзен Винтер пришла на место встречи на пятнадцать минут раньше, вышла на пирс, разглядывая игру света и тени среди небоскребов Манхэттена и размышляя, что можно сделать, имея восемьсот тысяч долларов в год. Когда пробило семь часов, она огляделась, мимолетно удивившись тому, что здесь поблизости может находиться кафе, но она была слишком восхищена мечтами о том, как скоро будут выглядеть ее счета, чтобы додумать эту мысль до конца.

Вернувшись обратно к контейнерам, она увидела, что между ними показался мужчина, и все снова стало так же, как тогда, когда она впервые согласилась зарабатывать деньги нарушением закона. На нем было то же самое темное пальто, что и тогда, и позднее, в последний раз – во время встречи перед Рокфеллеровским центром. Он двигался по-прежнему неуклюже, как будто страдал ревматизмом, лицо его тоже не стало красивее.

Очень знакомый. Она уже и имя его знала.

– Привет, Рэнди! – презрительно произнесла Сьюзен Винтер. – Мне жаль, что вам пришлось прийти сюда, когда за вами охотится весь мир. Но сегодня я договаривалась встретиться с вашим нанимателем.

– Я знаю, – заявил Рэндольф Бликер с омерзительной улыбкой. – Он дал мне поручение, касающееся вас.

И тут до Сьюзен с быстротой молнии дошло, что она одна, что она беззащитна. С анализом, касавшимся ее личных дел, ей никогда не везло. Она смотрела на Бликера и чувствовала, как глаза ее расширяются от ужаса.

На этот раз он достал из кармана не конверт с деньгами.

9

Солнце уже стояло высоко, когда они встретились на следующий день. Джованна накрыла для завтрака небольшой столик в библиотеке, в одной из немногих комнат, которая не производила жалкого впечатления после вечеринки. По всему первому этажу сновали люди из службы по устройству вечеринок, приводя все в порядок. Через открытые окна доносились голоса и звуки, сопровождавшие демонтаж каруселей и палаток на лужайке.

– Хорошо быть богатым, – сказал Джон.

– Без сомнения.

Альберто Вакки с усталым видом отпил эспрессо. У его брата Грегорио были красные глаза, он казался раздраженным и невыспавшимся. Лицо Эдуардо было опухшим, как будто он вообще не спал. Впрочем, бодрым он тоже не казался, он просто сидел и молча пил одну чашку кофе за другой.

И только *padrone* был свеж и полон жизни. Он, как обычно, рано лег спать, а сегодня уже успел прогуляться.

– Но моя задача, – продолжал Джон, рассматривая черную, как ночь, жидкость в чашке, – пожалуй, заключается в том, чтобы раздать все деньги бедным, не так ли?

Моментально воцарилась тишина. Как будто он сказал что-то невероятно неприятное.

Джон поднял голову и посмотрел в их широко раскрытые глаза.

– Ну, по крайней мере, я так понял. Деньги предназначены не для меня, я должен с их помощью что-то сделать, что-то изменить. Уменьшить нужду. Бедность. Что-то в этом роде.

Padrone закрыл глаза, медленно вздохнул, затем снова открыл.

– Это *ваши деньги* , Джон, – произнес он. – Они *принадлежат* вам. Безо всяких условий.

– Вы можете делать с ними все, что хотите, – добавил Альберто.

– Но ведь там было указание в завещании? Что я с помощью денег должен вернуть людям будущее или что-то подобное.

– Это не указание, – поправил его Кристофоро Вакки. – Это пророчество. Вы не должны – вы *сделаете* это. А это огромнейшая разница.

– И это означает, что я действительно могу все оставить себе, если захочу?

– Вы совершенно свободны. Можете оставить, можете раздать бедным – как хотите.

– Хотя, – вставил Грегорио с кислой учительской миной, – пожалуй, стоило бы спросить, кто это вообще такие – «бедные»?

Джон осознал, что все это время исходил из того, что все это не касается *его* на самом деле, не имеет отношения к нему как к личности, что он всего лишь заместитель, ширма, соломенная кукла для запланированного использования денег.

– Ну, – вяло произнес он, – люди, которые страдают от голода, – пожалуй, их ведь можно назвать бедными?

– Согласен. – Грегорио встал, подошел к одному из шкафов и вынул оттуда пухлый том, судя по названию, статистический альманах или что-то подобное. Уверенно полистал его.

– Это примерно… 1,3 миллиарда людей. Сколько же получит в таком случае каждый?

– Примерно… – В уме он это подсчитать не мог. У него всегда было плохо с устным счетом, а похмелье превращало это в непосильную задачу. Джон взял калькулятор, лежавший на столе, и принялся набирать.

– Триллион разделить на…

И остановился. У калькулятора, как и у большинства подобных предметов, был восьмизначный дисплей. А триллион – число тринадцатизначное. Иными словами, калькулятор был не способен вместить это число.

И 1,3 миллиарда тоже.

Джон озадаченно уставился на прибор. Корпус его был сделан из светлого пластика,

кнопки – из черной резины, такой калькулятор можно купить повсюду в мире за пару долларов. Большинству людей такого калькулятора за глаза хватало для всего, что им нужно было подсчитать. Даже самому обычному миллиардеру его хватит. И у него не укладывалось в голове, что он оказался по другую сторону.

– Около 770 долларов, – заявил Грегорио, сделавший подсчет при помощи карандаша и бумаги. – 769 долларов и 23 цента, если быть точным, но, с одной стороны, у вас уже больше триллиона долларов, с другой – нужно принять во внимание расходы, которые возникнут при раздаче, так что считать точно просто бессмысленно.

Джон посмотрел на него, и ему показалось, что он ослышался.

– 770 долларов? На человека? – Это безумие. Просмотрел решение, пересчитал. Все правильно.

– Не очень-то и много, – заметил Грегорио. – Их проедят максимум за год, даже если продукты дешевы.

Неужели триллион долларов, больше денег, чем имелось до сих пор у кого бы то ни было, – это в конечном итоге так мало? У Джона закружилась голова. Нужно перестать думать об этом, по крайней мере пока что.

– Вы правы, – произнес он. – Видимо, это не такая уж хорошая идея.

Padrone протянул ему серебряную корзину с выпечкой.

– Если позволите дать совет, – слабо улыбнувшись, произнес он, – то не думайте пока о том, как избавиться от денег. Попробуйте для начала привыкнуть к тому, что они у вас есть.

«Лирджет» [21], зафрахтованный Эдуардо для поездки в Лондон, был выдержан в спокойных бледно-серых тонах. Сиденья были обтянуты кожей, каждому пассажиру полагались стереопроигрыватель на несколько дисков и легкие наушники, а милая стюардесса разливала кофе и прохладительные напитки. Они вылетели утром в половине десятого с частного аэропорта неподалеку от Флоренции, небольшого и неприметного, выглядевшего так, как, должно быть, выглядели аэропорты в старые добрые времена. Никаких очередей у стойки регистрации, никаких зазнаек среди наземного персонала, никаких залов ожидания: они просто вышли из автомобиля, пересекли посадочную площадку и подошли к машине, рядом с которой их приветствовали рукопожатием первый и второй пилоты. И когда все втроем – Джон, Эдуардо и Марко – удобно устроились, они взлетели, и никто и слова не сказал про кислородные маски и спасательные жилеты.

– Тебе нужны сшитые на заказ костюмы, – решил Эдуардо, – лучшие в мире.

Несмотря на фотографии, которые вот уже несколько недель печатали во всех газетах мира, никто не обратил на них внимания, когда они вышли на Сэвил-роу. Джон представлял себе улицу, где располагаются лучшие портные Лондона, несколько более впечатляющей. Грубая мостовая, пестрые фасады, с которых кое-где облетела краска, мешки с мусором на углах – из-за всего этого она была похожа на любую другую улицу в этой части Вестминстера. Однако же разнообразных флагов здесь реяло над тротуаром больше, чем где бы то ни было. Флаги Великобритании всех размеров, рекламные флаги расположенных здесь фирм – их было на несколько штук больше, чем угловатых мраморных колонн перед некоторыми фасадами.

Марко следовал за ними, соблюдая тактичное расстояние, пока они изучали витрины таких фирм, как «Генри Пул и Ко.», «Дживс и Хокс», «Дж. Деге и сыновья» или «Килгур, Френч и Стенбери», где на безголовых манекенах были представлены скромные костюмы скромных расцветок. Наконец они остановились перед фасадом, поблескивающим лиловым. Над большими окнами, за которыми виднелись столы со множеством рулонов ткани, красовались золотые буквы имен «Андерсон и Шеппард».

---

[21] «Лирджет» – самолет бизнес-класса. (*Примеч. ред.*)

– Говорят, принц Чарльз предпочитает заказывать себе костюмы здесь, – провозгласил Эдуардо.

А что хорошо для наследника британского престола, похоже, стоит хотя бы взгляда самого богатого человека в мире. Поэтому они вошли.

Рядом с мужчиной, вышедшим им навстречу, его коллега с Пятой авеню показался бы юношей, идущим к первому причастию. Эдуардо быстро, сдержанным тоном пояснил ему, кто они такие, – чего они хотят, было ясно и так, – и он никак на это не отреагировал. Очевидно, он привык к тому, что на его порог ступают самые красивые, богатые и знаменитые люди мира. Но когда Эдуардо сказал, что нужна сразу дюжина костюмов для различных случаев, на лице мужчины мелькнула мимолетная радостная улыбка.

Джона провели в отдельную просторную и светлую комнату. На комоде со множеством ящичков лежали белый портновский мел, мерные ленты и блокнот для заказов с нежно-зелеными страницами. Пожилой человек в тонких очках и с намечающейся лысиной принес охапку образцов тканей, которые прикладывали к руке Джона или подносили к лицу, и при этом велся подробный разговор о покрое и деталях одежды: с подплечниками или без, с жилетом или без, посадка брюк на бедрах, с чем их будут носить – с поясом или подтяжками, тип карманов, пуговиц, лацканов, швов и так далее. Затем к ним присоединился молодой толстощекий парень, заполнявший блокнот, в то время как с Джона с молчаливым равнодушием снимали мерки, используя странные кодовые обозначения вроде DRS, BL 1, а затем тщательно их записывали. Во всем этом было что-то от ритуала, ритуала принятия в тайное братство, может быть, Королевское Общество Истинных Носителей Костюмов.

К удивлению Джона, никто не попросил задаток, не спросили даже адреса. Записали только имя и срок для первой примерки. Через шесть недель ему подойдет?

– Это просто великолепно, – вместо Джона заверил всех Эдуардо.

Раз уж они оказались в Лондоне, подобные процедуры повторили и в магазине «Тернбулл и Эссер» на Джермин-стрит, 71, где Джона измерили для пошива заказанных шести дюжин рубашек, которые пришлют через двенадцать недель, и в «Джон Лобб» на Сент-Джеймс-стрит, 9, чтобы заказать двадцать пар обуви. Идее купить тут же, рядом, у «Локк и Ко.» цилиндр Джон воспротивился, но приобрел две панамы, которые, к его огромному удивлению, продавали в цилиндрических коробках. Вдруг они решили переночевать здесь, известили команду самолета, что вечером не полетят назад, и сняли королевский люкс в отеле «Савой». Незадолго до закрытия магазинов они купили в «Фортнум» баночку черной икры по такой цене, что Джон сначала решил, будто она указана в лирах, а не в фунтах стерлингов, притащили ее в отель и набросились на нее.

– Есть только в чистом виде, – учил его Эдуардо, яростно вдавливая баночку в лед, в котором обслуживающий персонал принес шампанское. – Люди, которые едят икру со сметаной, анчоусами, рублеными каперсами, сваренными вкрутую яйцами и так далее, не понимают, что тем самым портят ее вкус. Впрочем, я допустил бы тоненький ломтик хлеба с несоленым маслом, но лучше всего икру есть в чистом виде. И никогда, – заговорщическим тоном продолжал он, как будто нужно было помешать Джону совершить непростительный грех, – никогда нельзя намазывать икру на хлеб ножом. Это чистейшее варварство. С икрой вся штука в том, чтобы крупинки попали в рот нетронутыми, чтобы раздавить их там между нёбом и языком, а затем насладиться крохотными взрывами вкуса, вокруг которых все и крутится.

Джон посмотрел на темную массу в открытой баночке, похожую на кучку липкого темного жемчуга.

– И как это делать правильно?

– Нужно взять ложку, – ответил Эдуардо и вынул откуда-то две пластиковые ложки, похожие на те, что используют для кормления детей. – Раньше брали ложки из рога, дерева или слоновой кости, но лучше всего пластик – легкий, мягкий, без острых углов,

гигиеничный и одноразовый.

Взяв первую ложку икры, Джон вдруг осознал, что ее содержимое стоит больше, чем несколько недель назад он зарабатывал в месяц. Безумие. Почти извращение. А потом он попробовал и подумал: *с другой стороны* …

На следующее утро последовало продолжение. Они прошли по Пикадилли к Берлингтон Аркад, изучили безупречные витрины, купили жакеты и свитера из чистого кашемира, зажимы для банкнот из стерлингового серебра, запонки из платины и булавки для галстука, стоившие небольшое состояние.

– Что с галстуками? – спросил Джон.

– Это только в Париже или Неаполе, – уверенно заявил Эдуардо. – «Гермес» или «Маринелла».

– Ах, вот как, – кивнул Джон.

Они купили темные очки, шелковые платки, перчатки из оленьей кожи, шарфы из шерсти и шелка, носки, пальто и зонты, последние – у «Свейн, Эдени, Бригг и сыновья», как пояснил довольный Эдуардо, поставщика королевского двора. И пока толпа усердных грузчиков транспортировала это в аэропорт, где самолет вместе со всей командой все еще ожидал, когда им захочется лететь дальше, они, выяснив, что сейчас идут скачки, отправились на них.

Сначала Джон не понял, что такого в этом мероприятии: толпа взволнованных людей время от времени подзадоривает группу лошадей. И скорее из любопытства он решил попробовать, каково это – поставить деньги и проиграть, и, после того как ему объяснили процедуру, он поставил сто фунтов на лошадь, у которой, как считалось, не было шансов.

Почувствовав хоть какую-то причастность к мероприятию, он тут же ощутил интерес. Грохот подков стал тише, нервозные зрители в твидовых жакетах, с билетами в руках, сжимали бинокли, и все это превратилось в почти непередаваемое переживание. Ко всему прочему лошадь Джона выиграла, и они ушли со скачек с толстой пачкой фунтовых банкнот. Джон не понимал этого. Почему-то из-за выигрыша ощущение от скачки испортилось.

Во второй половине дня они полетели дальше, в Париж, чтобы приобрести галстуки, и Эдуардо повел его в небольшой изысканный ресторан, чтобы насладиться настоящими перигорскими трюфелями. Впрочем, он тут же пообещал, что для сравнения они попробуют и белый трюфель, но тот растет в Италии, в Пьемонте, и поэтому его, скажем так, презирают во Франции.

– Ну как? – поинтересовался Эдуардо, когда ночью самолет взмыл в небо, летя навстречу Флоренции. – Каково чувствовать себя обладателем триллионного состояния?

Джон посмотрел на него и вздохнул. Если бы он только знал ответ на этот вопрос!

– В данный момент, – признался он, – я чувствую себя так, как будто попал в Диснейленд для богатых.

Тем временем осада СМИ закончилась, и можно было снова спокойно завтракать на террасе. Когда на следующее утро Джон вернулся в свою комнату, оказалось, кто-то успел принести сюда все его покупки из Лондона: дюжины коробок, пакетов и завернутых в пеструю бумагу вещей. В первый миг все казалось похожим на Рождество – когда распаковываешь подарки, но когда он закончил, то обнаружил, что окружен зонтами, свитерами, шарфами, булавками для галстуков и запонками с бриллиантами, и покупка всего этого показалась ему бессмысленной. Он сидел на своей постели, чувствуя себя бессильным и беспомощным, когда зазвонил телефон, и молодой человек в задумчивости снял трубку.

– Доброе утро. Как поживаете? – поинтересовался незнакомец.

Сначала Джон набрал в легкие побольше воздуха, пытаясь прогнать из головы все ненужные мысли.

– Спасибо, – неуверенно произнес он. – Вполне неплохо, как мне кажется. Кстати, большое спасибо за факс.

– Не за что.

Казалось, это было целую вечность тому назад. А ведь на самом деле все случилось только на прошлой неделе.

– Это получилось – как бы выразиться? – довольно неожиданно. Так сказать, спасение в последнюю секунду.

– Да, – спокойно произнес голос.

– Я полагаю, нет смысла спрашивать, откуда у вас взялось то медицинское заключение?

Низкий сдержанный смех, излучающий спокойствие. Он даже не удосужился сказать «нет».

– В любом случае теперь вы у меня на хорошем счету, – сказал Джон. – Если для вас это имеет значение.

На миг стало так тихо, что можно было подумать, будто связь оборвалась. А затем незнакомец произнес:

– Это много значит для меня. И может быть, мы к этому еще вернемся.

Что-то в том, как он это сказал, вызвало у Джона неприятное ощущение. Или это снова проснулось воспоминание о Лино? О том, что его собственный брат готов был его обмануть? Этого Джон не знал.

– Теперь, когда вы стали богатейшим человеком в мире, – продолжал незнакомец, – что вы собираетесь делать?

Ну вот, опять. Только он избавился от этого… Можно от многого избавиться, слетав за покупками через весь континент. Даже от пророчеств и священных задач. Особенно от них.

– Я еще не знаю, – нерешительно произнес он, размышляя, обязан ли он вообще отчитываться перед каким-то телефонным собеседником, который не готов даже назвать свое имя. – В данный момент я полностью поглощен тем, чтобы привыкнуть к этой огромной куче денег. Покупки в Лондоне, еда в Париже, в этом роде.

– Ясно. И это ваше право. Но вы уже думали над этим? Что вы собираетесь делать через год, через пять лет, через десять? Где хотите жить? Как должен выглядеть мир вокруг вас?

Джон уставился на гору свитеров и шарфов и возненавидел их все.

– Это… э… я еще не решил, – произнес он, чувствуя, что задыхается. Достаточно ли хорошо сформулировано? Лучше, чем *«понятия не имею»* ?

– Вы еще не решили, вот как. И между какими же альтернативами приходится выбирать?

– Когда обладаешь триллионом долларов, делать можно все, что захочешь, – заносчивее, чем собирался, ответил Джон. – А это чертовски большое количество альтернатив, не так ли?

– Конечно. – Если он и обидел собеседника, тот и виду не подал. – Пожалуй, это называется муками выбора. Такой дилеммы редко удостаиваются люди, не имеющие выбора.

Это что еще такое?

– Вот именно, – кивнул Джон, чувствуя себя совершенно сконфуженным.

– Но вам наверняка уже не дает покоя пророчество, не так ли? – не отставал незнакомец.

Похоже, он знает абсолютно все.

– Какое пророчество? – все равно переспросил Джон.

– Да бросьте! Пророчество вашего предка Джакомо Фонтанелли. Наследник его состояния вернет человечеству будущее, которое оно потеряло. Я бы очень сильно ошибся в вас, если бы вопрос о том, что он мог иметь в виду, не крутился постоянно у вас в голове.

«А я даже не прочел это пророчество в оригинале, – подумал Джон. – Потому что оно написано на латыни, а наследник состояния Фонтанелли совершенно случайно не учил этот

язык». Но он ничего не сказал, предпочтя промолчать.

Снова этот тихий смех, словно откуда-то издалека, может быть, с вершин Гималаев.

– Вам еще раз потребуется моя помощь, Джон. Подумайте над этим. – И он повесил трубку.

Каждый день поступали приглашения на банкеты, вернисажи, приемы, футбольные турниры и гала-концерты. Джону предлагали покровительствовать благотворительным проектам, приглашали вступить в «Лайонс-клуб», «Ротари-клуб» или другой эксклюзивный кружок. Кристофоро Вакки любил читать эти письма за обедом, чтобы затем отложить их в сторону и сказать:

– Вы еще не готовы, Джон. Постарайтесь пока что пореже появляться на людях. Подождите, пока все уляжется. Воспользуйтесь этим временем, чтобы вжиться в роль.

Впрочем, на вечер этой субботы у Эдуардо имелось приглашение на театральную премьеру во Флоренции, и он убедил Джона, у которого все равно не было планов, пойти вместе с ним.

Как оказалось, речь шла об очень маленьком авангардистском театре в той части Флоренции, о существовании которой даже не подозревают туристы. Пьеса тоже была очень авангардистской, и это означало, что молодые экзальтированные актеры выкрикивали в небольшой, едва ли на сотню человек, зал странные, бессмысленные диалоги, а заключительные аплодисменты большинство из них встретили полуобнаженными. А те все не заканчивались и не заканчивались, что, видимо, было связано с тем, что публика, преимущественно мужчины, не могла насмотреться на кланяющихся актрис. Довольно утонченно, решил Джон. Понять он ничего не понял. Может быть, стоит серьезнее отнестись к урокам языка у *professore* .

По окончании состоялся прием для театральных критиков, друзей и приглашенных почетных гостей. Очень полный человек, режиссер и художественный руководитель в одном лице, а также автор пьесы – робкий, нерешительный мужчина с огромной гривой, в очках как у Джона Леннона, с неприятным дыханием – отвечали на вопросы прессы. Постепенно к ним присоединялись техники, осветители и наконец актеры, принявшие душ и успевшие высохнуть. Алкоголь лился рекой, и прием перешел в бесконечную вечеринку.

Проворный тип, одетый, как и большинство, во все черное, льстил Джону, делая вид, что вовсе не льстит. Он избегал слова «деньги», постоянно употребляя слово «расходы». Когда до Джона дошло, что тип управляет финансами театра, его посетила навязчивая мысль, что для всех он похож на ходячий мешок с деньгами.

Немного позднее режиссер вовлек его в разговор, которого было невозможно избежать.

Может ли он представить свою жизнь в качестве пьесы?

– Но ведь я еще жив, – сказал Джон. – Пьеса получилась бы незаконченная.

– О, это неважно, – произнес режиссер.

В какой-то момент Джон утратил чувство времени и запутался в ходе событий. Кто-то предложил ему кокаин. Марко был повсюду, молчаливый и трезвый. Одной из актрис взбрело в голову повторить пьесу вместе с Джоном, хотя бы в той ее части, где срывали одежды. Джон не обращал внимания на вспышки.

Утром в понедельник фотография была во всех газетах. Вакки только усмехались, а Джон решил: что-то в его жизни должно измениться.

10

– С помощью этого вы можете менять положение жалюзи, – пояснил маклер, невысокий проворный мужчина с тщательно уложенными волосами, указывая на маленький современный переключатель на стене. – Но можете предоставить это дело и автоматике.

Он старался излучать уверенность. То, что Эдуардо стоял с недовольной миной и во всем находил недостатки, очевидно, сильно сбивало его с толку.

Джон поднял взгляд на наклонные окна. Белоснежные ламели с негромким жужжанием поднимались вверх и снова струились вниз в зависимости от того, под каким углом попадало в огромную комнату солнце. Грандиозно, как и все в этом доме, который не был ни домом, ни виллой, а воплощенной мечтой о дворце.

– Проект разработан лучшим архитектором страны, как уже было сказано, – напомнил маклер.

Все было белым на белом, сверкало на солнце. Перед высокими, скошенными внутрь окнами лежала широкая терраса с причудливо изогнутой балюстрадой, а по ту сторону простиралось Средиземное море такого невероятно лазурного цвета, что на фото оно казалось неестественным. Узкая дорожка вела к пляжу, который на много километров нужно было делить только с владельцами таких же роскошных домов.

– Красиво, – сказал Джон, обращаясь при этом скорее к самому себе.

На миг он забыл о присутствии остальных. Это может стать его домом, если он захочет. Ему нужно только сказать «да». Странно – раньше он никогда не задумывался о покупке дома, поскольку не мог заработать такого количества денег, чтобы ему это пришло в голову. И вдруг у него достаточно денег. Он может купить эту виллу, а если захочется, то и все побережье в придачу, – но ощущение обладания не приходило. Триллион долларов. С тех пор, как он попал в этот странный космос по ту сторону всех материальных необходимостей, мир вокруг него, казалось, превратился во что-то вроде съемочной площадки. Он мог делать все, что угодно, но, похоже, разницы не было никакой. Сколько бы денег он ни потратил, состояние все равно в размерах значительно не уменьшится.

Как он может считать своей собственностью что-то, для чего он не работал, ничего не совершил? «Может быть, – подумал Джон, – я превращусь теперь в подонка, который бродит повсюду и, если ему не нравится обслуживание в магазине, покупает весь концерн, чтобы потом уволить того продавца».

– А кому принадлежал этот дом раньше? – спросил он.

Маклер полистал документы.

– Известному производителю пластинок, – ответил он, – но вот имя его я что-то не найду. Его величайшим хитом была эта песня, как там?.. – И он промурлыкал себе под нос мелодию, совершенно не показавшуюся Джону знакомой. – Короче говоря, он вложил деньги в фильм со своими певицами, и когда тот провалился в прокате, дом отошел банку.

– Ах, вот как, – произнес Джон.

Вот, значит, как это бывает. Он огляделся по сторонам, пытаясь представить себе, как мог быть обставлен дом. Может быть, на безупречно-белых сейчас стенах висели золотые пластинки? Или дорогие ковры лежали на светлом паркете, гладком, зеркальном, заполняющем все комнаты, похожем на какую-то густую жидкость? Поп-звезды поднимались по невысокой лестнице из темно-зеленого мрамора, ведущей на первый этаж. Одаренных музыкантов обслуживали в столовой, они подписывали договора в кабинете. И кто знает, что могло происходить на верхнем этаже с его многочисленными спальнями, ванными и залами для фитнеса?

И вот теперь все это может принадлежать ему, Джону Фонтанелли, человеку без какого бы то ни было таланта. Невероятно.

Эдуардо подошел к нему.

– Слишком убого для богатейшего человека в мире, правда? – негромко произнес он. – Я сразу понял, что здесь мы только время теряем.

– Мне нравится.

– Что? – Казалось, он действительно потрясен. – Джон, прошу тебя… Таких вилл здесь много. В этом нет ничего особенного, я имею в виду… Даже простой миллиардер не удовольствуется этим.

Джон невольно рассмеялся. Постоянная забота Эдуардо о том, чтобы у него все выглядело как подобает, временами бывала по-настоящему трогательной.

– Нет, правда, – настаивал Эдуардо. – Портечето! Портечето – это захолустье. Никто

никогда не слышал о Портечето. Он даже не нанесен на большинство карт.

– Может быть, все изменится, если здесь буду жить я?

– Я думаю, тебе стоит купить Кальмату, раз уж ее тебе предлагают, и построить там виллу. Пусть это сделают лучшие архитекторы мира.

– Я не буду жить посреди заповедника. Я сам себе буду казаться подонком.

– Тогда купи красивый дворец, и пусть его оборудуют.

– Я все еще могу сделать это. Но здесь будет начало.

– Начало? – с надеждой произнес Эдуардо. – Ну, хорошо, для начала…

После понедельничных статей в газетах *padrone* перестал зачитывать приглашения вслух. Но в пятницу он поднял вверх неприглядную исцарапанную карточку и спросил:

– Вам что-нибудь говорит имя Джованни Агнелли?

– Итальянский предприниматель, да? – спросил Джон.

– Можно сказать и так. Агнелли – что-то вроде некоронованного короля Италии: председатель совета директоров концерна «Фиат», самый богатый человек в стране – по крайней мере, был им до недавнего времени, – и благодаря своему холдингу имеет представительство практически во всех важных отраслях экономики. – Кристофоро Вакки стал задумчив. – Я встречался с ним однажды в университете. Он несколько моложе меня, но тоже изучал право. Уже тогда он был харизматичным человеком… – Он помахал карточкой. – Он приглашает вас. В следующее воскресенье, в «Ла Скала». *La Traviata* .

Должно быть, у Джона был довольно-таки удивленный вид, поскольку Альберто поспешил пояснить:

– Опера. Верди.

– Звучит так, как будто вы собираетесь послать меня туда, – произнес Джон.

– В качестве контраста к тому небольшому приключению, которое случилось на прошлых выходных.

– Я думал, мне не стоит спешить? Кроме того, я ничего не понимаю в операх.

– Опера – это не главное. Я имею в виду, что вам стоило бы познакомиться с Агнелли. Он интересный человек. У него есть стиль, *grandezza* [22]… Настоящий джентльмен. На нем можете вживую изучать предмет «Как обращаться с богатством». – Он усмехнулся. – Фирма «Феррари», кстати, тоже принадлежит ему.

Teatro alla Scala вырос перед Джоном, похожий на дворец в светло-коричневых и желтых тонах, когда он подъехал к нему на «роллс-ройсе» около половины третьего. Служители в униформе открыли перед ним двери и проводили его вместе с телохранителями в фойе мимо других посетителей. Среди римских колонн висел транспарант, возвещавший о том, что представление дается в честь стопятидесятилетия *collaborazione Fernet-Branca* [23], исключительно для приглашенных гостей. Внутри здания, несмотря на ранний час, было настолько темно, что были зажжены хрустальные люстры, красиво отражавшиеся в отполированном паркетном полу. Комнату наполнял приглушенный гул голосов, на серебряных подносах разносили бокалы с темно-коричневым травяным ликером, и Джону казалось, что многие смотрят на него, но делают вид, будто не знают его.

Его провели наверх по красному ковру к ведущему к ложам полукруглому коридору. Высокие наборные двери, высоко расположенные ручки, как будто раньше люди были великанами. А затем, окруженный своего рода свитой, его приветствовал Агнелли.

– Большая честь для меня, – произнес миллиардер, и это прозвучало правдоподобно.

У него были волнистые волосы с проседью, как у *padrone* , но он казался более живым

---

[22] Масштаб, величина (*итал.*).

[23] Работы «Фернет-Бранка» (*итал.*).

и динамичным, как те люди, которые, несмотря на свой возраст, еще могут вызывать восхищение у женщин. Множество мелких морщин покрывали его оживленное лицо, свидетельствуя о бурно прожитых годах.

– Я вам не завидую, – заявил Агнелли, когда они вошли в ложу, а их телохранители договорились о распределении обязанностей. – Я знаю, что это такое – унаследовать состояние. Часто кажется, будто это деньги владеют вами, а не наоборот. Нужно бороться. Нужно прикладывать очень много усилий.

– Одна битва у меня уже позади, – вдруг сказал Джон. – Возможно, вы слышали об этом.

– Да. Внутри семьи. Это плохо. Но поверьте мне, это только начало.

Ложа была на удивление маленькой. В ней помещались только два кресла. Да и сам зал, круглый, с красными плюшевыми креслами в партере и шестью рядами лож над ними, похожими на куриные клетки, показался Джону неожиданно маленьким.

И неизбежно: опера. Агнелли слушал с благоговением; Джон смертельно скучал. Сцена была обставлена импозантно, на исполнителях – роскошные костюмы, а дирижер, которого звали синьор Риккардо Мути, как узнал Джон из программы, старался изо всех сил. И несмотря на это, Джон предпочел бы рок-концерт, быть может, «Роллинг Стоунз» или Брюса Спрингстина.

Во время антракта они беседовали. Агнелли рассказал ему, что вскоре собирается отойти от дел и передать управление концерном своему племяннику Джованни Альберто.

– Однажды вам тоже придется задуматься над этим, – сказал он. – И это нелегко. Мой сын Эдуардо, к примеру, совершенно не годится на роль преемника. Слишком слабый характер. Перед тем как принять решение, он готов просить совета у звезд или ясновидящего, и все разрушится в мгновение ока.

Впрочем, то, что он собирается отойти от дел, не ощущалось совершенно, напротив, Агнелли казался их центром. Каждый миг подходили благородные господа в сопровождении элегантных дам, пожимали руку промышленному магнату, который после этого представлял их Джону Фонтанелли. Джон тоже вежливо пожимал руки: крепкие, жадные, вялые, грубые, целовал руки дамам, как учила его синьора Орсини. Встречал радостные и враждебные взгляды, заинтересованные, тупые, оценивающие и приветливые.

– Гинар, – представился худощавый француз. – Жан-Батист Гинар. Очень рад, монсеньор Фонтанелли.

– Жан превратил свою страсть в профессию, – пояснил Агнелли. – Можно ведь так сказать, Жан? Ему принадлежит верфь в Каннах. Он строит яхты.

И словно сложилась картинка в стробоскопе, вернулось воспоминание. Кони-Айленд. Их игры на песке. Посмотришь на море – а там яхты, словно крохотные фигурки, и ты знаешь, что на них – богачи. Сказочные существа. Не те, с кем можно повстречаться. Богачи сказочным образом отделены от обычной жизни, они ближе к ангелам, чем к людям.

И они жили на яхтах.

– Очень рад, – сказал Джон, пожимая руку строителю яхт Жан-Батисту Гинару.

– *Яхта* ?

Грегорио Вакки посмотрел на стол, заваленный проспектами, газетами и книгами, так, словно Джон и Эдуардо разложили здесь собрание самых омерзительных порножурналов. Вопрос был задан обычным тоном, но настолько строго, что был похож на крик. Даже сторожевая собака, лежавшая снаружи на лужайке, навострила уши.

– Яхта, и что? – раздраженно ответил Эдуардо. – Джон – богатый человек, а богатому человеку нужна яхта.

– Вздор, – безжалостно заявил его отец. – Бессмысленная роскошь. Владеть яхтой – все равно что стоять под проливным дождем и рвать на кусочки тысячедолларовые купюры; уж не помню, кто это сказал.

– Джон может рвать тысячедолларовые купюры до конца своих дней, если захочет.

– Не понимаю, как это может помочь исполнить пророчество.

Эдуардо закатил глаза.

– Это просто бред! Ты же не можешь делать вид, будто какая-то яхта окажется слишком дорогой для Джона. Он может купить себе «Королеву Элизабет», если захочет!

И в этот миг редкой драгоценной ясности, подобной той, что охватывает человека, когда он видит сон и вдруг осознает это, Джон понял, что в этот миг он должен принять решение, которое повлияет на всю его оставшуюся жизнь. Он наклонился вперед с таким чувством, как будто все происходило в ускоренной киносъемке, потянулся через стол и выудил из всех проспектов корабельного маклера один, который запомнился ему еще раньше, – папку из белого картона с золотым тиснением, где лежала фотография самого большого из предлагаемых судов с подробным описанием: океанская яхта с двумя яликами и вертолетной палубой, укомплектована командой из двенадцати человек. Цена была заоблачной, равно как и расходы на ее содержание.

Он раскрыл проспект и поднял его повыше.

– Я, – твердым голосом, разрезавшим воздух, словно стальная плеть, – решил купить это судно.

Они смотрели на него: Эдуардо с широко открытыми глазами, Грегорио – с отвисшей челюстью. Никто из них не произнес ни слова. Наконец Грегорио протянул руку, взял проспект, молча просмотрел его с очевидным неудовольствием и вернул обратно со словами:

– Это ваши деньги.

«Да, – ликуя, подумал Джон, когда Грегорио шел к двери. – Вот именно!»

Декорации были идеальными. Момент – идеальным. Из офиса корабельного маклера через высокие окна, чистые, словно горный воздух, открывался вид на бухту Канн. На белоснежном мраморе стоянки для автомобилей в тени пальм припарковался «мерседес», который привез их из аэропорта. Они сидели в мягких, уютных кожаных креслах напротив письменного стола, сделанного из темной корневой древесины, величиной с два бильярдных. Картина, висевшая на стене за ним, была размером три на четыре метра. Яркая, пестрая и, вне всякого сомнения, подлинная. На самом маклере был костюм от «Эрменеджильдо Зенья», на ногтях – аккуратный маникюр, а на лице – сияющая улыбка.

– Само собой, мы позаботимся обо всем, – объявил он с той смесью небрежности и услужливости в голосе, которая вызывает доверие и желание иметь дело с тем, кто знает, о чем говорит. – Мы обеспечим вам причал для яхты в Портечето и членство в тамошнем яхт-клубе, если захотите, – кстати, весьма эксклюзивный клуб. Мы уведомим все необходимые власти, подберем команду и позаботимся о необходимой страховке. Все, что вам нужно, – это позвонить капитану и сказать, когда и куда вы хотите отправиться.

– Чудесно, – кивнул Джон, чувствуя себя великолепно.

Секретарь, которая принесла документы, была высокой, светловолосой, с головокружительно длинными ногами и огромным бюстом, и ее тончайшее платье предназначалось скорее для того, чтобы подчеркнуть все эти особенности, чем скрыть их от посторонних глаз.

– Чудесно, – еще раз произнес Джон.

Договор о купле-продаже был напечатан на бумаге с водяными знаками. Маклер положил перед ним документ, протянул ему ручку «Монблан», толстую, тяжелую и, очевидно, очень дорогую.

«Как же клево быть богатым», – подумал Джон, подписывая документы. Он подсчитал, что эта подпись обойдется ему в сто раз дороже, чем все предыдущие покупки, посещения ресторана и аренда самолетов вместе взятые. Миллионы долларов пришли в движение только от того, что он нацарапал свое имя на этой пунктирной линии. *Это лучше, чем секс* .

Маклер позволил себе скромно улыбнуться. Пальма над «мерседесом» раскачивалась на ветру. Небо было ослепительно-синим.

– А теперь нам следует договориться о дате передачи яхты, – заметил сидящий

за столом мужчина и открыл свой блокнот, переплетенный кожей водяного буйвола.

По возвращении Джон чувствовал себя великолепно. Словно вместо крови по его венам текло шампанское. Все было великолепно. Поскрипывание шин по гальке, когда «феррари» остановился во внутреннем дворе виллы Вакки, звучало великолепно. Синева неба, бледно-бурые стены, многогранная зелень деревьев были великолепны. Цвета мира вдруг стали казаться ярче, чем прежде.

«Я богат! – думал Джон, поднимаясь по ступеням. – Я король этого мира!» Когда он вошел в свою комнату, горничная, молоденькая черноволосая девушка, как раз перестилала постель, и он, проходя мимо, шлепнул ее по заднице. Она вздрогнула, а потом захихикала.

– *Signor Fontanelli!* [24]

Джон посмотрел на часы. Самое время позвонить матери. У его родителей вскоре годовщина свадьбы, и они каждый год празднуют ее вместе с детьми и их небольшими семьями. В этом году она станет особенным, незабываемым событием, о чем он позаботится. Он снял трубку и набрал бесконечный код.

– *Ciao, mamma!* [25] – крикнул он в трубку, когда его мать подошла к телефону. – Это я, Джон!

– *Ciao, John!* [26] – В ее голосе звучали печали всего мира. – Ты уже слышал? Лино перевелся на Аляску. Я только что узнала. И на годовщину свадьбы не приедет.

– Ах, да вернется он, – пренебрежительным тоном ответил Джон. – Знаешь, что я придумал? В этом году мы могли бы превратить этот день в нечто особенное. Вы все приедете сюда, в *bella Italia* [27], конечно же, на личном самолете, и мы отпразднуем на моей новой яхте – что ты на это скажешь? Я сегодня купил яхту и не могу представить себе ничего лучшего для ее спуска на воду.

На миг на другом конце провода стало так тихо, что Джону показалось, будто связь оборвалась. А затем он услышал ледяной тон своей матери:

– Я не потерплю, чтобы один из моих сыновей вел себя как зазнайка. Мы отпразднуем здесь, в этом доме, где я родила вас всех, я приготовлю сальтимбокку с брокколи и пармезаном, как всегда, а после обеда мы пойдем пить кофе, как и каждый год. И либо ты приедешь, либо нет.

Ему показалось, что она ударила его, находясь на другом конце Атлантики. Внезапно Джон почувствовал себя воздушным шариком, из которого выпустили весь воздух.

– Да, – ответил он, чувствуя, как кровь приливает к ушам. – Я понимаю. Конечно же, я приеду, *mamma* . Я точно приеду.

Когда разговор закончился, у него подкосились ноги, и ему пришлось присесть на край кровати.

Черт! Он начал превращаться в подонка. Проклятье! Сегодня он покупает яхту, чтобы произвести впечатление на весь мир, а завтра? Начнет раздаривать «кадиллаки», как когда-то Элвис Пресли? И в какой-то момент он закончит точно так же: жирным обжорой, зависимым от таблеток, в окружении поддакивающей свиты, паразитирующей на его богатстве?

Ощущение было такое, как будто он весь день пил, а теперь вот протрезвел. Как будто кто-то ударил его мокрым платком по ушам. Пил? Нет, нажирался, по-настоящему нажирался деньгами и чувством собственной важности.

---

[24] Синьор Фонтанелли! (*итал.*)

[25] Привет, мама! (*итал.*)

[26] Привет, Джон! (*итал.*)

[27] Прекрасная Италия (*итал.*).

Деньги портят характер. Так ведь говорится, правда? Было что-то в этой поговорке. Нужно быть осторожным, чертовски осторожным. Никто вместо него об этом не позаботится. Мать вернула его с небес на землю, но она не всегда сможет делать это, потому что не всегда будет рядом.

И, черт, часы! Он схватился за запястье, уставился на свои новые швейцарские часы «Патек Филипп» за пятьдесят тысяч долларов – Эдуардо отговорил его от «Ролекса», который он хотел себе купить. («Обычные! Часы сутенеров!») Он ни в коем случае не может показаться на глаза родителям без часов, которые подарил ему отец. А они все еще лежали в ломбарде в Нью-Йорке.

Нужно что-то придумать.

11

– Нет проблем, – сказал Эдуардо, вышел и вскоре вернулся со списком на несколько страниц, который и вложил ему в руку. – Пожалуйста. Номера телефонов и адреса всех людей, которых ты знаешь.

– Список людей, которых я знаю? – Джон не поверил своим ушам. – Откуда у тебя список людей, которых я знаю?

– От Дэллоуэя. Этот детектив должен был разыскать тебя. Я давно хотел показать тебе, чтобы ты посмотрел, все ли на месте.

Детектив проделал хорошую работу. Большинство имен казались Джону едва знакомыми, но через некоторое время он вспоминал, что речь идет об однокласснике из начальной школы, соседях его родителей или людях из компании Сары. Мурали из службы доставки пиццы тоже был здесь, равно как и прачечная, где он работал, и его квартирная хозяйка мисс Пирсон.

– Зачем, ради всего святого, – спросил Джон, – тебе понадобился этот список?

Эдуардо усмехнулся.

– Есть страшная тайна, о которой ты ничего не знаешь.

К огромному удивлению Джона, Эдуардо повел его именно к той пристройке, что была видна из окна его комнаты, по поводу которой он размышлял, что там происходит.

Строение это, как рассказал Эдуардо, пока они шли по запыленному дворику, на протяжении столетий было конюшней, а после войны использовалось как мастерская. Дверь из толстых досок была старой, тяжелой и косой, но замок на ней висел новехонький. Внутри пол, стены и потолок были отделаны фанерой, но сквозь запах древесины все еще проступали запахи козьего помета и машинного масла. Небольшой узкий коридор вел в маленький офис, где стояли три письменных стола, за которыми сидели три женщины, а остальное пространство было занято деревянными полками со множеством коробок и ящиков.

– Это, – пояснил Эдуардо, разведя руками, – твой секретариат.

– Что-что? – воскликнул Джон.

Эдуардо подошел к одной из женщин.

– Синьора Ванцетти. Английский и французский устно и письменно, по образованию конторский служащий. Она возглавляет бюро.

Та кивнула Джону с неуверенной улыбкой. Он узнал в ней женщину, которая утром после праздника помогала мужчине разгружать ящики.

– *Buongiorno,* – мимоходом ответил Джон. – Эдуардо, что все это значит?

– Синьора Муччини, – продолжал представлять Эдуардо. – Английский и испанский, немного португальский, причем оказалось, что он нам не нужен. – Женщина, грубая итальянская *mamma* , смущенно, словно подросток, уставилась в пол, словно Джон был поп-звездой, с которой она никогда не предполагала встретиться лично.

– И синьора Тронфи – русский и польский бегло, все остальные славянские языки

на достаточном уровне для того, чтобы разбирать письма. – Синьора Тронфи улыбнулась широкой улыбкой.

– Письма. – Теперь Джон заметил, что столы были завалены стопками писем.

– С того дня, как твое имя появилось в газетах, – пояснил Эдуардо, – на нас обрушиваются потоки писем. Тысячи писем, адресованные тебе или нашей конторе, каждый день. Грубо говоря, есть три вида писем. Первые – предложения руки и сердца. – Он указал на несколько стоящих в ряд белых коробок, на которых черным карандашом были нарисованы сердца. – Их мы складываем сюда. Сотни женщин разных возрастов, которые хотят выйти за тебя замуж. Из фотографий, которые они присылают, можно было бы составить порножурнал. Вторые – письма с угрозами, – он поднял черную коробку, на которой была наклейка с черепом, как на бутылках с ядом, – угрозы убить, угрозы похитить тебя, причинить вред твоей семье, все психопатические штуки. Это поступает каждый день сюда, а потом в полицию. Наверное, у Интерпола уже появился отдел, который занимается только тобой. И третьи, – он указал на коробки, на которых были нарисованы долларовые значки, несколько рядов, полок, сложенных друг на друга, огромное множество, – письма с просьбами.

– С просьбами?

– От людей, чьему единственному ребенку срочно нужна операция, которую они не могут оплатить. Людей, потерявших незастрахованный дом и все имущество при пожаре. От безработных матерей-одиночек, которые не знают, как прокормить ребенка. От мужчин, из-за несчастного случая утративших работоспособность и не получающих пенсию. – Джон увидел, что ящики были помечены различными буквами для разделения на категории. Эдуардо показал коробку с надписью $$-A, потом на ту, где было сокращение $$-B. – От деловых людей, которые вот-вот разорятся и уже не могут получить кредит в банке. От изобретателей, которым нужны деньги, чтобы воплотить в жизнь свое открытие, сулящее фантастические прибыли, и запатентовать его. Землевладельцы предлагают тебе участки, где предполагается наличие нефтяных месторождений. Или золота. Или платины. Или урана. Но большинство писем, – продолжал Эдуардо, подходя к коробке с маркировкой $$-C, каких было больше всего, – приходят из благотворительных организаций всего мира. Они здесь все представлены. Система государственного обеспечения слепых. Обеды для бедных. Армия спасения. Проекты в африканских деревнях. Библейские миссии. Спасение беспризорных. ЮНИСЕФ. «Хлеб для мира». Фонд помощи голодающим всего мира. «Каритас». Организация помощи беременным. Служба ресоциализации заключенных. Облуживание детей, больных раком. Акция за честную торговлю со странами третьего мира. Помощь в борьбе со СПИДом. Болезнью Альцгеймера. Помощь наркозависимым. Организация по борьбе с туберкулезом. Поддержка междугороднего партнерства. И Общество по сохранению ретороманского языка тоже нельзя забывать.

– Общество по сохранению ретороманского языка? – переспросил Джон, с глупым видом таращась на колонны заполненных письмами коробок и коробочек.

– Это прибыльное занятие, – мрачно заметил Эдуардо, – тут нельзя обманываться. У вас в Штатах это называется фандрайзингом. Существуют курсы по написанию таких писем, советники по фандрайзингу для находящихся в бедственном положении организаций, все, чего твоя душа пожелает.

Джон снял наугад крышку с одной из коробок и вынул оттуда письмо: толстенное, с приложенным к нему проспектом. Речь шла о сохранении видов и охране природы, и ему предлагалось принять участие в проекте по защите региона Южной Амазонки, внеся сумму в несколько десятков миллионов. Для начала.

Эдуардо заглянул ему через плечо.

– Защита животных! – проворчал он. – Эти самые усердные. И ведь это имеет самое небольшое отношение к будущему человечества.

Джон попытался собраться с мыслями. Тысячи писем, невероятно!

– А если предположить, что кто-то, кого я действительно знаю, написал мне письмо?

Оно ведь пропадет в этой бездне.

– Надеюсь, нет, – сказал Эдуардо. – Потому что для этого у нас есть список. – Он указал на листки, которые Джон по-прежнему сжимал в руках. – Каждое из писем, которое придет от одного из этих отправителей, будет передано тебе.

– До сих пор никто ничего не написал, – пропела синьора Ванцетти.

– Нет, сегодня кое-что пришло! – вставила мамочка Муччини и опустила руку в маленькую ярко-красную коробку. – Вот!

Она протянула Джону бледно-голубой конверт из колледжа Хопкинс Джуниор, Нью-Джерси. Джон разорвал его, бегло прочел лежавшее внутри письмо.

– Полное безумие.

Ему хотели присудить статус почетного выпускника и почтить на празднике выдающихся выпускников. Джон покачал головой и положил письмо вместе со списком обратно.

Когда они вышли из пристройки, ощущение было такое, будто его переехал паровой каток.

После ужина Кристофоро Вакки, как обычно, поднялся, но, проходя мимо Джона, он снова положил ему руку на плечо, в точности так, как тогда, целую вечность тому назад, в Нью-Йорке, наклонился немного вперед и произнес:

– Я должен сказать вам кое-что еще, Джон: пусть у вас вскоре будет свой дом, вы пойдете своей дорогой, но вы всегда будете у нас желанным гостем. В любое время, Джон, что бы ни случилось. Пожалуйста, никогда не забывайте об этом.

Джон удивленно поднял глаза, взглянул в морщинистое лицо, в усталые глаза со зрачками-безднами и пообещал. *Padrone* кивнул с понимающей улыбкой, еще раз сжал его плечо и побрел прочь.

Следующим отправился спать Альберто.

– Я буду очень рад, если вы время от времени будете приезжать к нам, – заметил он, довольно подмигивая. – Недалеко ведь, на вашем «феррари»… И раз уж мне довелось пережить исполнение нашей задачи, то меня интересует, что будет дальше, если вы понимаете, о чем я говорю.

И они остались на террасе вчетвером, при свете звезд и нескольких свечей в садовых подсвечниках: Джон, Эдуардо и его родители. Жена Грегорио рассказала пару веселых историй из школьной жизни. Конечно же, в деревне стало известно о том, какую роль сыграли Вакки в случае с состоянием Фонтанелли, поэтому пришлось рассказать младшим классам, сколько это – триллион, а в старших классах – о процентах и сложных процентах.

– На сегодняшний день уже десять детей решили положить свои карманные деньги на книжку, чтобы деньги получили их потомки в двадцать пятом столетии. Я думаю, об их будущем можно не беспокоиться.

Грегорио убирал волосы со лба так же часто, как их сбрасывал туда ветер.

– Еще немного о делах, Джон, – с нарочитой серьезностью произнес он. Его жена приобняла его, поправила ему рубашку, слегка дернула за ухо, очевидно, намереваясь заманить его в постель. – Вам и в дальнейшем понадобятся юристы, и я хочу предложить наши услуги. Мой отец не упоминал об этом, но кроме вас или, скажем так, вашего предка, у нас бывают и другие клиенты. Не потому, что нам нужны деньги, а для того, чтобы оставаться в форме, быть в курсе новейших изменений, чтобы быть именно теми адвокатами, которые нужны самому богатому человеку в мире.

Джон охотно кивнул.

– Конечно. Не вопрос.

– Хорошо, – ответил удовлетворенный Грегорио. И они попрощались.

Джон увидел, как тот поцеловал свою жену со страстью, которой он от него не ожидал, а затем их силуэты слились с темнотой внутри дома.

Эдуардо отпил вина из своего бокала и негромко рассмеялся.

– Не беспокойся. Я еще не ухожу и не буду говорить слащавых слов прощания. Так поэтапно, как в Нью-Йорке, мы говорим только после того, как тщательно отрепетируем это.

– Вы это репетировали?

– Как пьесу, скажу тебе по секрету. Ты бы тоже так поступил, если бы у тебя на глазах двадцатипятилетний парень умер от инфаркта только потому, что унаследовал пару миллионов. – Эдуардо пожал плечами. – Мой отец видел это в конторе, где он проходил обучение. Это было давно.

Они подтянули два стула с металлической спинкой, чтобы можно было положить на них ноги и смотреть на море, подставили столик для бокалов, бутылку вина и свечи. Было тихо, с моря долетал приятный ароматный ветер, а в темноте под ними пели сверчки.

– Честно говоря, – признался Джон через некоторое время (ведь истина в вине), – я понятия не имею, что мне делать. Не просто из-за пророчества, а вообще. Что делать? Я перееду на ту виллу, оббегу все комнаты, насмотрюсь на них, а потом? Что делать потом? Как мне проводить дни, если уж задаваться столь банальным вопросом?

– Ой-ой, – сказал Эдуардо и подлил себе вина.

– Я имею в виду, что не могу же я все время ходить за покупками.

– Верно.

– Я мог бы раздать деньги.

– Идей по поводу того, кому ты мог бы их раздать, у тебя целые коробки.

– Да. Но почему-то мне кажется, что это не то.

– Кроме того, таким образом деньги могут вскоре закончиться. Миссис Ванцетти ведет книгу, и адресаты постоянно добавляются. Думаю, от пятисот миллиардов долларов или около того ты мог бы уже избавиться и с помощью имеющихся на сегодняшний день.

Джон взял свой бокал и выпил баснословно дорогого кьянти, словно ему нужно было утопить свои чувства.

– Знаешь, я задаюсь вопросом, чем занимаются целый день богатые люди. Что они делают, когда им не нужно работать, чтобы не казалось, будто жизнь проходит зря?

Эдуардо шумно вздохнул.

– Ну… можно работать на общественных началах. *Pro bono* [28] . Как мы. И мне нравится, что можно жить не на заработки.

– Но ты чему-то учился. Ты кое-что умеешь. А у меня даже аттестат никуда не годится, а учился я только развозить пиццу и катать рубашки.

– Но ведь сейчас ты можешь научиться всему, чему захочешь. Можешь купить диплом или закончить курс, если хочешь. Весь мир у твоих ног.

– Да, хорошо. Но вообще-то я никогда не хотел учиться и сейчас не хочу. Я сам себе кажусь сейчас совершенно неестественным. Как будто я просто в отчаянии ищу интересную игрушку.

– Ты ведь раньше рисовал. Что с этим? Художественное дарование?

– Я начал рисовать, потому что у меня была девушка, которая рисовала. Чем больше времени проходит с тех пор, как мы расстались, тем меньше я понимаю, что находил в этом. Нет, я не художник. Я совершенно бездарен в области искусства. – Джон вздохнул. – Я вообще бездарен. Нет у меня таланта к тому, чтобы быть богатым.

– Ох-ох, – снова произнес Эдуардо, и они стали молча смотреть на светящееся серебром море.

Ветер посвежел.

Звезды безразлично сверкали над ними.

В кустах внизу завозился какой-то зверь.

– Ты *чувствуешь* себя богатым? – вдруг спросил Эдуардо.

---

[28] Из любви (*итал.*).

Джон вздрогнул, очнувшись от задумчивости.

– Что?

– Может быть, это все глупости. Просто пришел в голову вопрос. *Чувствуешь* ли ты себя богатым?

– Хм… – Джон выпятил губы. – Чувствую ли я себя богатым? – Он задумался. – Как я вообще себя чувствую? Понятия не имею. Это все оказалось сильнее меня, понимаешь? Месяц назад я был бедным развозчиком пиццы, и самоощущение изменилось не очень сильно. Ладно, сейчас я знаю, какова на вкус икра, в шкафу у меня висят костюмы от братьев Брукс… но все это кажется мне сном. Кажется нереальным. Как будто завтра утром все снова закончится.

– Может быть, дело в том… – размышлял Эдуардо, покачивая бокалом с вином, в свете звезд казавшимся похожим на кровь. – Видишь ли, я всю жизнь размышлял над этими вещами – быть бедным, быть богатым, иметь деньги и так далее. С самого детства. И я заметил, что богатые люди мыслят не так, как остальные. Они не лучше, в целом они даже хуже, но они мыслят иными категориями. Я точно не знаю почему – может быть потому, что не приходится мыслить категориями, когда речь идет о чистом выживании. О квартплате и деньгах на рождественские подарки. Деньги просто есть, когда ты богат, как воздух и вода.

– Ты хочешь сказать, что богатые люди никогда не думают о деньгах? – Джон скептически посмотрел на него сбоку.

Эдуардо нахмурил лоб.

– Ты прав, этого утверждать нельзя. Некоторые вообще ни о чем ином и не думают. Но в душе они все еще бедны. Когда в душе ты считаешь, что у тебя недостаточно денег, то, даже имея на счету двадцать миллионов долларов, ты будешь продолжать пахать, чтобы довести свой капитал до сорока миллионов и так далее. Таких больше чем достаточно. Это верно.

– Но ведь тогда дело абсолютно не в том, сколько денег у того или иного человека, – заметил Джон. – Тогда это скорее вопрос характера, страхов и так далее, и тому, у кого на счету двадцать миллионов, а он все еще чувствует себя бедняком, лучше пойти к психиатру?

– Да. – Эдуардо отставил бокал и потянулся. – Но такие не все. Есть люди, которые по-настоящему умеют обращаться с богатством. У меня было неясное представление… Ты богаче сотни самых богатых людей мира, вместе взятых. Ты – сам по себе класс. Поэтому я подумал, что, может быть, когда ты по-настоящему освоишься… однажды… тебе что-нибудь придет в голову. Что-то невиданное. Что-то, о чем не думал никто. Исполнение пророчества.

Джон набрал в легкие воздуха и стал выпускать его короткими порциями.

– Думаешь? Я вообще не представляю себе, что это может быть.

– Если бы все было так просто, я бы тоже придумал, – признал Эдуардо. – Ведь, в конце концов, я этим всю жизнь занимаюсь. Но кто знает – быть может, видение Джакомо Фонтанелли всего лишь кошмарный сон, и нет такого решения. Тогда он просто был человеком, у которого хандра, равно как и мои предки, и все вместе они сделали тебя богатым человеком – бессмысленно богатым.

– Потрясающе, – вздохнул Джон и вдруг рассмеялся воркующим смехом, поднявшимся из самой глубины живота. – Знаешь, я никогда в жизни не думал, что буду сидеть и страдать от того, что *слишком богат* . Это ведь верх неблагодарности, да?

– Наверное, можно сказать и так, – усмехнулся Эдуардо.

На протяжении следующих дней Джон занимался с такой тщательностью, которая удивляла его самого. Однажды после полудня он попросил Эдуардо посвятить его в тайны компьютера, стоявшего в подвале имения и напоминавшего контрольный центр из фильма о Джеймсе Бонде. Нужно было открыть несколько внушавших уважение замков, чтобы попасть внутрь, а затем оказаться в неоновом свете за белым столом, где стоял маленький

современный компьютер, по экрану которого бежали пестрые числа со множеством знаков: состояние счетов в банках всего мира. Они, как объяснил Эдуардо, считываются, как и на компьютер в конторе, посредством линии для передачи данных, только здесь было достаточно простого серого кабеля и неброской пластиковой коробки на стене.

То, как Эдуардо обращался с клавиатурой и мышью, позволяло предположить, что он разбирается в этом наилучшим образом.

– Сохранение данных, – пояснил он, вставляя дискету в прорезь прибора, сигнальная лампочка на котором тут же сменила цвет с зеленого на красный. – Если мы потеряем все пароли и тому подобное, тебе придется ездить по всему миру, удостоверять свою личность для каждого счета и заполнять целую гору формуляров. Ты можешь себе представить, сколько времени ты будешь заниматься двумястами пятьюдесятью тысячами счетов?

Джон был поражен.

– Похоже, ты здорово разбираешься в своем компьютере, да?

– Отец настоял на том, чтобы я научился всему, что имеет к этому отношение, – сказал Эдуардо. – Операционные системы, программирование торговых приложений, техника передачи данных на расстоянии – спрашивай, что хочешь, я это умею. Это было еще важнее, чем получить правовой диплом. Было решено, что кто-то в семье должен в совершенстве владеть компьютером.

Джон с благоговением смотрел на монитор.

– Значит ли это, что ты запрограммировал всю систему?

Дисковод ворчал и рычал, лампочка лихорадочно мелькала. Эдуардо хлопнул по устройству, и мигание прекратилось.

– Нет, по большей части здесь стоит еще первоначальная программа. Кстати, довольно утонченная. Я просто перенес ее со старой ЭВМ на ПК, немного подогнал вывод на экран, встроил парочку графических отображений. Ничего такого, что удивило бы настоящего профессионала.

– А кто сделал изначальную программу?

– Кто-то из Ай-би-эм. Точно не знаю – это было еще до моего рождения, но тогда с тем типом было много неприятностей. Он начал задавать вопросы и так далее – как бы там ни было, с тех пор решили, что кто-то в семье должен уметь это.

– И теперь ты можешь?

– Да. Курсы за сто тысяч долларов, целое лето тянуть лямку практиканта крупной фирмы, зиму – младшего помощника программиста в задымленном аду у хакеров, и вот я все умею. – Эдуардо снова усмехнулся. – Но это не так и сложно. Когда закончат с твоими сейфами в подвале и проложат телефонную линию, мы здесь все демонтируем и поставим у тебя. И я расскажу тебе, как с этим обращаться.

Джон судорожно сглотнул. Он не разделял уверенности молодого адвоката. А потом кое-что вспомнил.

– А что будет с компьютером в вашей конторе во Флоренции?

– На слом.

– А если – ну, мало ли – мой дом рухнет? Я останусь без средств?

– Безобразие, – заявил Эдуардо. Устройство пискнуло, он вынул дискету и запер ее в сейфе на стене. – Счета работают на тебя. Если тебе понадобятся деньги, ты идешь в банк и предъявляешь документы. Все остальное произойдет само собой.

– А откуда я узнаю, в какой банк мне идти?

– Практически без разницы, поскольку почти в каждом банке на этой планете у тебя счет в несколько миллионов долларов. Но в документах, которые ты получил, есть соответствующий список. – Эдуардо насмешливо поглядел на него. – Может быть, тебе стоит по возможности просмотреть бумаги?

Джон озадаченно заморгал.

– Но тогда зачем мне вообще нужен компьютер?

– Чтобы в будущем каждое утро смотреть, на сколько миллионов выросло за ночь твое

состояние. Чтобы быть начеку, если в какой-то стране уровень инфляции поднимется выше процентной ставки, чтобы ты вовремя мог переложить деньги на другой счет. Чтобы…

– Значит, с его помощью я все же могу переводить деньги? – перебил его Джон. – И если ко мне кто-то вломится, он тоже сможет сделать это. Он может перевести миллиард на свой счет, и я не замечу.

Эдуардо откинулся на спинку стула и сложил руки за головой.

– Нет, не сможет. Я ведь уже говорил, это довольно утонченная система. Можно переводить деньги, но только между принадлежащими тебе счетами. И это ограничение наложено на все банки, так что даже самый лучший хакер не имеет шансов провернуть подобное отсюда.

– Хм, – пробормотал Джон, глядя на бессмысленно большое число в нижнем углу экрана, становившееся все больше и больше, последние знаки которого мерцали, словно пчелиные крылья. – Вы подумали обо всем, да?

– По крайней мере, мы старались.

На миг воцарилась тишина. Прохладная вкусная тишина. Джону невольно вспомнилась оформитель интерьеров, хрупкая светловолосая женщина, лучившаяся вежливостью, которая демонстрировала ему проекты отделки важнейших комнат виллы. Все, что ему нужно было сделать, – это показать рисунки, которые понравились ему больше всего, а понравились ему все, эта женщина оказалась гением, – сказать «Вот так!» и подписать прилагаемую смету. С тех пор бригады рабочих занимались тем, что претворяли в жизнь проекты, создавая для него изысканный дом, а ему даже думать об этом не нужно было.

И чего бы это ни стоило, число в нижнем углу экрана будет неустанно расти и расти.

Солнце стояло низко над горизонтом, укутывая море у Портечето в теплое золотистое сияние, когда показалась яхта. Ее грациозный корпус скользил по волнам, белоснежно-белый и прекрасный, словно парусник, и от такого вида у Джона захватило дух. Даже Эдуардо, по дороге рассуждавший вслух о том, можно ли в долгосрочной перспективе построить собственную, умеренных размеров яхту, восхищенно хлопнул его по плечу.

– Вот и она! – ликуя, воскликнул он.

– Да, – прошептал Джон.

Она была прекрасна и почему-то намного больше, чем ему помнилось во время осмотра в Каннах. Судно шло мимо них бесконечно долго, пока не причалило. Теперь на корме вместо английского флага развевался итальянский, за ним под натянутым брезентом виднелась моторная лодка, а на верхней палубе, словно готовое упорхнуть насекомое, прикорнул вертолет. Молодой человек в красивой униформе помахал им рукой со второй палубы, и они помахали в ответ.

Судно было пришвартовано в мгновение ока, спустили трап. Когда они поднялись на борт, навстречу им вышел капитан, француз лет сорока по имени Ален Бруссар, с которым они уже успели познакомиться в Каннах; он отдал честь, а затем приветствовал рукопожатием.

– Вы наверняка хотите сразу выйти в море, – произнес он по-английски с сильным французским акцентом. – Я велю принести ваш багаж, затем мы снимемся с якоря и поплывем в закат.

Движение руки – и молодой человек, махавший им рукой, возник, словно по волшебству. Джон дал ему ключи от того, что считается багажником у «феррари», затем они последовали за капитаном на экскурсию по кораблю.

Он не ожидал, что встреча с яхтой окажется настолько волнующей. Все дышало простором. Когда они вошли в светлый салон с непрямым освещением, он не удержался и коснулся кончиками пальцев изысканной деревянной обшивки стен, провел рукой по спинкам диванов, небольшими группами расставленных вместе с креслами и стеклянными столиками. На них лежали пестрые шелковые подушки с индийскими мотивами, дорогие лампы от «Тиффани» с тяжелыми позолоченными ножками стояли

на столиках из бело-серого мрамора. Стены столовой были украшены инкрустациями по красному дереву, которые кто-то отполировал настолько чисто, что в них отражался накрытый серебром и хрусталем обеденный стол. Большие окна открывали вид на море, над которым садилось усталое огненно-красное солнце.

То был плавучий дворец. Здесь можно было бы снять любую сказку из «Тысячи и одной ночи».

По пути на мостик – поручни ведущего наружу прохода были, кстати говоря, позолочены, поскольку, как сказал маклер, «латунь нужно полировать каждый день, а золото – нет», – они прошли мимо места, где еще можно было разглядеть имя, данное яхте прежним владельцем, английским промышленником: «Шангри-Ла». Буквы не стали удалять со стенки, просто закрасили белой краской.

– Я хочу, чтобы этого не было, – сказал Джон и постучал по надписи кончиками пальцев.

– *Pas de problème* [29], – заверил капитан. – Прикажу убрать. Вы хотите дать кораблю другое имя?

– Да, – кивнул Джон, глядя на море, становившееся все темнее и темнее. – Он должен называться «ПРОРОЧЕСТВО».

12

Посыльный от «УПС» поднял Марвина с постели в ужасную рань, а потом еще и захотел увидеть его документы.

– Загранпаспорт, что-нибудь, где есть ваша фотография и имя и стоит официальная печать, – со скучающим видом заявил он, зажав документ под мышкой.

– Чувак, – зарычал Марвин, толком не продравший глаза, – я здесь *живу* . Что, не видно?

– Мне очень жаль. Ценная посылка. У меня свои предписания.

Марвин задумался на миг, не захлопнуть ли дверь у него перед носом, но любопытство и желание выяснить, кто, черт побери, мог послать ему ценную посылку – как звучит-то! *ценная* посылка! – победило. Он вернулся в свою комнату и принес права, опасаясь, что не очень похож на свою фотографию в это время суток и все его усилия окажутся напрасны. Но посыльный удовольствовался тем, что записал номер прав, затем пришлось поставить подпись, и Марвин получил свою посылку. Пока он разобрал, откуда она пришла, мотор развозочного автомобиля уже взревел.

– Джон? – в безграничном удивлении прочел Марвин. – Джон Фонтанелли из Флоренции. С ума сойти.

О сне пришлось забыть. Он закрыл дверь на замок, отнес посылку на кухонный стол, достал нож, чтобы разрезать упаковку.

В коробке, тщательно упакованный в пенопласт, лежал мобильный телефон.

– А *это* что еще значит? – озадаченно проворчал Марвин. Еще раз проверил упаковку, адрес. Там были его имя, его адрес, правильно. Никакой ошибки. И рядом с «доставить до» стояло «9 часов»! – Он хочет меня пытать, что ли?

Марвин вынул аппарат. С помощью липкой ленты к нему была приклеена маленькая сложенная карточка. Он отклеил и развернул ее.

«Привет, Марвин, – было написано там, несомненно, почерком Джона. – Батарея заряжена, симка внутри, пин-код 1595. Пожалуйста, включи телефон сразу и жди моего звонка. Пока. Джон».

– Неужели я сошел с ума? – Марвин посмотрел на часы. Без одной минуты девять. – Мне все это снится. – Но зеленую кнопку нажал.

---

[29] Нет проблем (*франц.*).

Пискнув, аппарат проснулся, Марвин ввел кодовое число, аппарат еще раз пискнул, на экране появилась надпись «готов».

Ровно в девять он зазвонил.

– Вообще-то я думал, что такое только в кино бывает, – покачав головой, пробормотал Марвин.

Он нажал кнопку, на которой была изображена поднятая трубка, и с любопытством поднес аппарат к уху.

– Алло?

– Привет, Марвин, – радостно приветствовал его Джон. – Это я, Джон.

Марвин набрал в легкие воздуха.

– Скажи-ка – все в порядке или как? Что это за *шоу* ?

– С тобой невозможно было связаться, – рассмеялся Джон. – Твой телефон, как обычно, отключен, так как же я мог с тобой поговорить?

– Чувак, – пробормотал Марвин, все еще ничего не понимая, – у меня ощущение, что я в фильме про Джеймса Бонда. Ну, так кого надо завалить?

– Ты под пенопласт заглядывал? Там должен быть конверт с тысячей долларов и билет на самолет.

– Все лучше и лучше. – Он поднял пенопласт. Там лежал конверт. – *Yeah, man* [30], он у меня. Минутку! – Марвин отложил телефон, открыл конверт. Куча долларовых банкнот и билет первым классом до Флоренции, выписанный на Марвина Коупленда. – Похоже на то, что я должен приехать к тебе в гости или как?

– Да, но сначала у меня к тебе есть большая просьба.

– Да уж, ничего в этом мире не бывает просто так, – вздохнул Марвин. – Окей, говори.

– Ты помнишь мои часы?

– Твои часы? Нет. Могу поклясться, что у тебя их не было.

– Ага, не было. Я заложил их в ломбард на Манхэттене. Проблема в том, что те часы – подарок моего отца, я потерял квитанцию, а срок хранения истекает в следующую пятницу.

Это было уж слишком для раннего утра.

– Помедленнее, – попросил Марвин, – я должен это записать.

Он достал карандаш из полупустой кофейной чашки, вытер его невероятно липким полотенцем, выудил из стопки макулатуры пустую упаковку от хлопьев, разорвал ее, чтобы можно было писать на внутренней стороне. Снова поднес телефон к уху.

– Так, давай по порядку. Где этот ломбард, как выглядят часы, по какому номеру тебе можно позвонить?

Когда после разговора с Марвином Джон вернулся обратно на солнечную палубу, на горизонте уже показалась тонкая серо-коричневая полоска побережья южной Франции. Стюард накрывал под тентом столик для послеполуденного кофе. На небе появились первые чайки.

– Пора решить, куда пойдем – в Ниццу или Канны, – заметил Эдуардо. – В Ницце есть хороший ресторан, в котором мне всегда хотелось поужинать. Как думаешь?

– А почему бы и нет? – Джон встал у поручней рядом с ним. Со вчерашнего вечера они обошли Корсику и теперь входили в Лигурийское море. Поездка была спокойной, Средиземное море отливало серебристо-голубым и не вздымало волн, с которым не справились бы стабилизаторы судна. – Звучит хорошо.

Секундой позже на небе появилась темная точка, которая не была чайкой: вертолет. Сначала они не обратили внимания на становившийся все громче звук, но когда он стал целеустремленно приближаться, пришлось выяснить, что происходит.

– Похоже, это пресса, – известил их Бруссар по бортовому телефону. – На заднем

---

30 Ага, чувак (*англ.*).

сидении вертолета можно разглядеть человека, на шее у которого несколько камер с телеобъективами.

Джон скривился.

– Лучников у нас нет, я полагаю?

Словно взбесившаяся оса, вертолет кружил над «ПРОРОЧЕСТВОМ», проделывая временами настолько рискованные маневры, что оставалось только удивляться, как человек, фотографировавший с заднего сиденья через открытую дверь, не выпал оттуда. Наконец пленки закончились, и машина улетела прочь, по направлению к материку.

– Стоит ли вообще это затевать, с рестораном? – спросил Джон, глядя ему вслед. – Без телохранителей?

– Несколько человек из команды выглядят достаточно представительно, они могут сопровождать нас, – заметил Эдуардо. – Эй, ты же не хочешь испортить себе день?

– Это постепенно начинает действовать на нервы. Что они все во мне нашли?

Эдуардо рассмеялся.

– Ты богат, значит, интересен. Деньги делают сексуальным, дорогой мой. Кстати, этим преимуществом ты, как по мне, совершенно не пользуешься.

– А что, надо? – Джон разглядывал линию побережья, искусно встроенные в скалы улицы и дома, похожие на белые вкрапления.

– Послушай, куча женщин не прочь узнать, каково это – спать с триллионером.

– Он ничем не отличается от любого другого мужчины.

– Да ясно – но пусть они узнают об этом сами. – Эдуардо снял трубку бортового телефона. – Вижу, тебе все еще нужны наставления в искусстве наслаждаться жизнью. Я сейчас позвоню в ресторан, чтобы прислали за нами автомобиль. Я слышал, что там вообще бывают только миллионеры; так что думаю, они умеют держать прессу на расстоянии. А потом будем наслаждаться. – Это прозвучало как приказ.

Когда они причалили, на пирсе уже стояла горстка репортеров. После того как «ПРОРОЧЕСТВО» пришвартовали, горстка превратилась в толпу, через которую четверо коренастых моряков из команды с трудом проложили им дорогу. Телевидение здесь тоже было.

Шофер лимузина знал Ниццу и, похоже, когда-то был гонщиком, по крайней мере ему удалось сбросить с хвоста преследователей, причем некоторые из них были на быстроходных мотоциклах. Когда они подъехали к ресторану, все было спокойно, тихо, а солнце собиралось устроить им чудесный вечер на террасе.

Это оказался ресторан рядом с роскошным отелем, древним, благородным, ресторан изысканно обставленный, с восхитительным видом на бухту – в таком месте, подумал Джон, просто невозможно *не* наслаждаться ужином. К огромному своему удивлению, он заметил за соседним столиком четырех пожилых мужчин, без сомнения, заслуженных миллионеров, которые все же сумели овладеть этим искусством. Белое вино оказалось не той температуры. Мясо было чуть-чуть жестковатым, овощи – слегка мягче, чем хотелось бы, то есть совершенно не то. Один из них поднял палец примерно на высоту своего жесткого подбородка, и прошло не более тридцати секунд, прежде чем рядом с ним возник официант, – боже, что стало с миром? Джон не понимал по-французски, но для того, чтобы истолковать постоянное недовольное ворчание, доносившееся из-за соседнего стола на протяжении всего вечера, не нужно было знать язык. И, оглядевшись по сторонам, почувствовал ту же самую атмосферу во всем помещении. Как будто все недоверчиво озирались в поисках следующего разочарования. Они все могли быть миллионерами, все, кто ужинал здесь, но ни один из них не был доволен, не был в хорошем настроении.

А еда была при этом – попробовать и умереть.

– *Preccato* [31], – сдержанно произнес Эдуардо. – Пожалуй, это плохое наглядное

---

[31] Жаль (*итал.*).

пособие.

– Очевидно, да. Если я начну становиться таким, как они, – попросил Джон, – пристрели меня, пожалуйста.

Полночь. Джон запер за собой дверь, сознавая, что это одна из последних ночей, которые он проведет под крышей Вакки. Он снял пиджак, повесил его на плечики, наслаждаясь тем, что под ногами снова твердая земля.

Долго они в Ницце не выдержали. После десерта и захода солнца они вернулись на яхту, и поездка обратно в Портечето на полном ходу заняла всего лишь четыре часа или что-то около того.

Он как раз снимал парусиновые туфли, когда зазвонил телефон. Наверное, Марвин, подумал Джон и допрыгал до телефона на одной ноге. В Нью-Йорке сейчас было около шести часов вечера.

Но это оказался не Марвин. Незнакомец.

– Хотел поздравить вас, – произнес он, и в голосе его звучала насмешка. – С вашей новой яхтой.

– Спасибо, – ответил Джон. Сейчас осведомленность незнакомца уже не производила на него такого впечатления, как раньше. Может быть, услышал в новостях французского телевидения.

– Красивая яхта. Можно спросить, сколько она стоит? Миллионов двадцать, думаю. Или скорее тридцать?

– Чего вы хотите? – раздраженно произнес Джон.

– Сделать вам несколько предложений относительно того, что вы можете купить в следующую очередь.

– Я весь внимание.

– У вас есть яхта, у вас есть дом. Не стану утомлять вас напоминанием об и без того очевидных возможностях приобретения домов в других местах; об этом вы и сами наверняка подумывали. Несколько необычным вариантом, конечно, стал бы замок. В Европе есть множество подлинных древних замков, и многие из них можно приобрести, вы об этом знали? Конечно, придется вложить еще парочку миллионов, пока они не приобретут подобающий вид, но это не должно стать проблемой. Другая возможность вложения денег и привлечения внимания заключается в покупке футбольного клуба или что-то вроде того – об этом вы уже думали? Можно будет покупать и продавать игроков за много миллионов, чтобы насладиться удовольствием от восхождения по турнирной таблице. Или можете заняться коллекционированием – старые масляные полотна, к примеру, Ван Гог, Пикассо, Моне. Или дорогие украшения. Антиквариат. Найти и купить его – это не все удовольствие, нужно еще достать подходящий сейф, содержать надежные команды охраны, необходимым образом застраховать и так далее – от всего этого захватывает дух. – Он остановился. – Вам нужны еще идеи?

Джон помассировал переносицу. Почувствовал усталость.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

– Чтобы обратить ваше внимание на то, что вы достаточно богаты, чтобы на протяжении всей жизни покупать всякие безделушки. Но все это, – продолжал он, – только уводит вас от пророчества Джакомо Фонтанелли.

– Вы звоните мне в полночь только затем, чтобы сказать мне это?

– Раньше вас не было, а кто-то же должен сказать вам это.

– Зачем все это? Зачем эти прятки? Почему вы не скажете мне, кто вы такой и что все это значит?

На миг воцарилась тишина.

– Поверьте мне, однажды вы поймете, что я не мог действовать иначе, – пообещал незнакомец. – При условии, что сейчас вы не оборвете связь, однажды мы встретимся и я объясню вам все. Если нет, то всю жизнь вы будете мучиться вопросом, что я собирался вам

сказать.

– Что это значит?

– Вы ведь переезжаете? Я хочу предложить вам сообщить мне свой новый номер телефона.

Джон почувствовал, как трубка в его руках стала влажной, – или это руки? Вот возможность избавиться от него. Нужно только назвать ему неправильный номер. Так просто.

– Вы должны знать кое-что еще, Джон, – продолжал низкий голос из ниоткуда. – Я человек, который знает о вас больше, чем вы сами. Я знаю, в чем заключается ваша истинная задача, я знаю, как вам с ней справиться. Сейчас вам достаточно лишь оборвать связь, если вы совершенно уверены в том, что никогда не захотите спросить меня об этом.

Потом он замолчал. Осталось только молчание, казавшееся бесконечным.

Это ведь только уловка, не так ли? Джон смотрел прямо перед собой и ничего не видел, не знал, что сказать. Уловка, но… с другой стороны… Что в этом такого? Он может в любой миг сменить номер, если ему все это надоест.

Он открыл ящичек для почты. Сначала попалось письмо из Хопкинс Джуниор, затем прошение, в котором речь шла о вымирании видов. Наверное, он взял его с собой по ошибке. Наконец он нашел конверт с извещением от телекоммуникационной компании.

– Итак, – сказал он, откашливаясь, – мой новый телефонный номер такой…

Эдуардо настаивал на еще одном выходе на «ПРОРОЧЕСТВЕ», и когда в назначенное время он прибыл в гавань Портечето, с ним была девушка.

– Константина Вольпе, – представил он ее, – мы учились вместе. Надеюсь, ничего, что я пригласил ее?

Джон посмотрел на Эдуардо, на насмешливом лице которого читалось намерение спарить его, потом на женщину. На нее решительно стоило посмотреть. Просто не верилось, что Эдуардо знаком с такими женщинами. Просто не верилось, что такие женщины изучают право, вместо того чтобы быть топ-моделями, становиться богатыми и знаменитыми. У Константины были длинные черные волосы, которые ветер с моря постоянно сдувал ей на лицо, сужающееся книзу лицо с большими зелеными глазами и потрясающими губами. И фигура ее была словно создана для того, чтобы свести с ума любого нормального мужчину. Джону пришлось откашляться, прежде чем он сумел что-либо сказать, а потом он только и смог, что неуклюже произнести:

– Добро пожаловать на борт. – И неловко добавить: – Рад знакомству.

Ребята из команды тоже вытаращили глаза. Стюард, поднесший им в качестве приветствия шампанское, не мог отвести от нее взгляда. Сам капитан сошел с мостика, чтобы поздороваться с *madame Constantina* , при этом, как показалось Джону, он говорил с еще более сильным акцентом, чем обычно.

«ПРОРОЧЕСТВО» вышло в море и бросило якорь неподалеку от входа в бухту Портечето, с видом на живописный, уходящий в море утес, где гнездились чайки и другие морские птицы. На корме смонтировали лестницу для спуска в воду, горку и доску для прыжков – приятный день на море мог начинаться.

Джон расположился, конечно же, в большой каюте владельца, находившейся на носу судна, и идти ему было далеко. Поэтому он не удивился, вернувшись на палубу и обнаружив, что Константина уже сидит на полотенце в узком черном бикини, собираясь намазаться кремом. Его гораздо сильнее удивило отсутствие Эдуардо.

– Будьте так добры, намажьте мне спину, – попросила она, подняв взгляд, от которого он, забыв обо всех своих деньгах, снова превратился в неловкого школьника.

– Да, конечно. – Неужели это его голос? Неважно. Он взял тюбик, который она протянула ему, и принялся распределять белую массу по спине.

– Пожалуйста, и под бретельками тоже, – подала она голос через некоторое время. – Может быть, расстегнуть?

– Нет, – поспешно произнес Джон. – И так нормально.

От прикосновения скользкой руки к коже под бретелькой захватило дух. Интересно, насколько далеко нужно сдвинуться вбок, чтобы добраться до груди? И где носит Эдуардо? Солнце палило, вселенная сузилась до размеров ослепительно белоснежной палубы, где были только прикосновения к ее коже и запах крема для загара.

– Спасибо, – закончила процедуру девушка. – А теперь вы.

Джон был рад, что лежит на животе, в то время как она натирает ему спину сильными размашистыми движениями. Он еще полежал на животе, когда она закончила. К счастью, наконец появился Эдуардо и отвлек ее внимание на себя.

Сначала они спустились в воду по лестнице, осторожно и медленно, потому что вода была холодной. Сначала после погружения в нее захватывало дух, а потом оказывалось, что это великолепно – плыть, когда под тобой глубина, вокруг – ширь, а над тобой – огромное сверкающее судно.

Полчаса спустя они стали спускаться в воду по горке, визжа и крича, как маленькие дети, а затем Эдуардо отважился на первый прыжок вниз головой с доски.

Потом, усталые и охладившиеся, они лежали на полотенцах на раскаленной палубе. Стоя на якоре, судно покачивалось на волнах, и эти движения мгновенно уносили в восхитительное состояние на грани сна и бодрствования. Яркое теплое солнце проникало внутрь, согревало, раскаляло кожу. Все становилось неважным: и огромное состояние, и пророчество, все, кроме этого дня, этого существования, дрожащей жары и криков чаек высоко над ними в бесконечной сини.

– У нас на борту есть водные лыжи. – Голос Эдуардо испугал его. – Кто-нибудь хочет покататься?

– Нет, спасибо, – сонно ответила Константина. – Из-за меня не стоит беспокоиться.

– Я тоже не хочу, – проворчал Джон, который никогда в жизни не катался на водных лыжах и до сих пор не собирался этого делать.

– Вы не знаете, что теряете, – ответил Эдуардо, поднимаясь.

Его идея встряхнула команду, заставив проявлять лихорадочную активность, прогоняя уютное спокойствие. Бóльшую из двух лодок высвободили из-под брезента и с помощью шлюпбалок перенесли через борт, достали водные лыжи и веревки, и вскоре лодка понеслась по волнам, а за ней – Эдуардо на водных лыжах.

– Вы тоже адвокат? – поинтересовался Джон, пытаясь начать разговор, теперь, когда их уже разбудили и они остались одни.

Константина убрала волосы со лба и улыбнулась.

– Если быть точной, я работаю стажером в прокуратуре. Я подозреваю, что Эдуардо поддерживает со мной связь, поскольку надеется получать информацию из вражеского стана.

Это подозрение Джон не разделял, но не сказал ничего уже только потому, что ничего подходящего в голову не приходило.

– Красивое судно, – через некоторое время произнесла Константина.

– Да, – кивнул Джон. – Это действительно так.

– Здорово быть здесь и в некотором роде иметь море в своем распоряжении.

– Да. – Он сам себе казался идиотом.

И словно чтобы спасти его из неловкой ситуации, внезапно появился стюард, держащий в руках телефон.

– Звонок для синьора Вакки.

Они вскочили, принялись кричать и размахивать руками, заставив лодку с Эдуардо пройти вдоль борта. Похоже, тот не догадывался, о чем идет речь, поскольку взял трубку с совершенно безоблачным выражением лица.

– *Pronto!* [32] – сказал он и некоторое время слушал. – И где он сейчас? – спросил

---

[32] Слушаю! (*итал.*)

молодой человек и продолжал: – Ах. Понимаю. Нет, ничего не предпринимайте. Я постараюсь приехать как можно скорее.

– Мне ужасно жаль, – пояснил он им, когда стюард ушел вместе с телефоном, – но мне срочно нужно во Флоренцию. Одно из наших немногих дел, единственное по-настоящему проблематичное, с подтверждением документов и так далее… Как бы там ни было, я должен срочно заняться этим.

– Какая жалость! – воскликнула Константина. – А здесь так чудесно…

– Нет, нет. Вы, конечно же, остаетесь здесь, – поспешно произнес Эдуардо. – Моторная лодка может отвезти меня в Портечето, это же совсем рядом. Я только быстренько переоденусь.

Джон с недоумением смотрел ему вслед, как он с мокрыми ногами исчезает в салоне. Это прозвучало чертовски заученно. Ах он хитрый…

– Это же только предлог! – прошипел он, обращаясь к Эдуардо, когда тот стал спускаться по лестнице к лодке.

Лицо Эдуардо расцвело в улыбке.

– Ч-ш-ш, – произнес он. – Будь гостеприимным хозяином…

И моторная лодка умчалась прочь по направлению к побережью, и Джон смотрел ему вслед со странным ощущением, как будто Эдуардо знал больше него о том, что последует вскоре.

Он снова уселся на полотенце, когда лодка скрылась из виду, стараясь не смотреть на Константину. Она тоже сидела, слегка наклонившись вперед, и краем глаза он видел, как она оперлась на руку, так что грудь стала видна полностью.

– На солнце очень жарко, вы не находите? – мягким голосом, совсем не похожим на голос будущего прокурора, спросила она.

– Да, – глухо произнес он. – Довольно жарко.

– Как думаете, мы можем пойти внутрь?

– Если хотите…

В салоне царила приятная прохлада, после яркого солнечного света здесь было довольно темно.

– Может быть, вы покажете мне судно? – попросила Константина.

– Да, с удовольствием. Что вы хотите увидеть? – спросил Джон, думая о мостике, машинном отделении или камбузе.

Константина сделала большие глаза.

– Мне хотелось бы посмотреть на вашу каюту.

Вот как, значит. Джон только кивнул и пошел вперед. Его каюта. Его коллекция марок. Неужели он позволит провести случку?

Они шли вперед по длинному коридору, по ковру, среди стен, обшитых корневой древесиной, под позолоченными репродукторами. Все оплачено деньгами, которые делают его настолько сексуальным.

Но может быть, он просто все это себе придумывает. Мужчины ведь так устроены, что видят в поведении женщин именно то, что им хочется видеть. Он считает Константину сексуальной, как любой нормальный мужчина, и теперь он по-своему интерпретирует ее любопытство, поведение Эдуардо, все остальное. Точно, все так и есть. Ему лучше вернуться на землю и начать вести себя как разумный человек.

– Вот и она, – произнес он, открывая дверь.

– Потрясающе, – прошептала девушка, вошла, обернулась, оглядывая обстановку: затянутый кожей потолок, непрямое освещение, дорого украшенные стенные шкафы, все. – И круглая кровать.

Она опустилась на нее, на эту дурацкую огромную круглую кровать, похожую на лужайку для игрищ арабского вельможи, вытянулась на мягком шелковом покрывале, и у Джона едва не отвисла челюсть, когда он наблюдал за ней.

Потом она замерла, подняла голову, бросила на него загадочный взгляд, завела руки

за спину и сняла верхнюю часть купальника.

Джон уставился на нее. Каждая клеточка его тела была раскалена солнцем. Или это желание? Сложно отличить. Когда же он последний раз спал с женщиной? Давно. Много месяцев назад.

– Что… – начал он, облизнул губы и продолжил хриплым, едва различимым голосом: – Что вы делаете…

Она по-прежнему не отводила от него взгляда, откинулась на спину, сняла трусики – вот они уже на бедрах, на коленях, на лодыжках.

Джон почувствовал, как сердце забилось быстрее, закипела кровь в жилах, голове, его мужском достоинстве, и голос, кричавший ему, что это все спланировано, что это случка, был уже почти не слышен за биением сердца, за кипением крови. Вот лежит она, длинноногая, длинноволосая, обнаженная, желанная. К черту Эдуардо с его играми. К черту. Все это продумано, заучено, договорено. И как она потягивается. Как она на него смотрит. Как она пахнет – солнцем, морской солью, кремом для загара. И как поблескивает там, где она раздвигает ноги…

«К черту все размышления», – подумал Джон, тоже снимая плавки.

13

Ему снилось, что кровать его раскачивается, и, когда он открыл слипшиеся глаза, она не прекратила трястись. Его большая круглая кровать. Джон поднялся и понял, что все еще находится на судне. И обнаженная рука рядом с ним, черные волосы, раскинувшиеся по белой шелковой простыне, словно щупальца, доказывали, что его воспоминания ему не приснились.

Она проснулась оттого, что он сел на постели, посмотрела на него своими бездонными глазами.

– *Buongiorno* [33], – сонным голосом пробормотала она.

– *Buongiorno,* – коротко ответил Джон, пытаясь собраться с мыслями. Он повернулся на бок, потянулся за телефоном на краю кровати, набрал номер мостика.

– Бруссар, где мы? – поинтересовался он.

– Все еще там, где бросили якорь вчера, сэр, – ответил капитан. Ему кажется или в голосе француза значительно больше уважения, чем раньше?

«Он под впечатлением, потому что знает, что я спал с Константиной», – дошло до Джона. Он обернулся к ней. Она лежала, опершись на локоть, от вида ее груди захватывало дух. Она словно приглашала повторить то, что случилось вчера вечером, провалиться в нее до изнеможения. И он мог сделать это. А почему бы и нет? Это его царство, здесь он – безраздельный повелитель, здесь происходит только то, чего он хочет.

– Бруссар?

– Да, сэр?

Язык едва слушался его.

– Возвращайтесь в Портечето.

– Как пожелаете, сэр.

На лице Константины читалось непонимание, почти боль, когда он положил трубку.

– Я тебе не нравлюсь? – негромко спросила она. Ее грудь слегка качнулась к нему, от этого движения Джон вздрогнул всем телом. Нужно отвернуться.

– Нравишься, – глухо произнес он. – Ты мне нравишься. Я считаю тебя безумно сексуальной, более волнующей, чем все женщины, которых я видел до сих пор. Проблема только в том, – продолжал он, снова глядя ей в глаза, – что я тебя не люблю.

Она нахмурила лоб.

---

[33] Добрый день (*итал.*).

– Я тебя не люблю, – повторил он. – Ни капельки. Вчера было классно и все такое, совершенно потрясающе, но сегодня утром я проснулся с ощущением, что сделал что-то не то. А я не хочу просыпаться так, понимаешь?

Константина натянула простынь на грудь и кивнула.

– Да. – Она вгляделась в его лицо. – Я не знала, что есть мужчины, для которых это имеет значение.

Джон вздохнул.

– Я выяснил это только сегодня, – произнес он.

Переезд произошел, как и ожидалось, без проблем. Все, что пришлось сделать Джону, – это сложить сумку с бумагами, обо всем остальном позаботились люди из транспортной компании. Он попрощался со всеми, выслушал несколько добрых наставлений от *padrone* , сердечных пожеланий от Альберто, не очень сердечных, но вполне честных – от Грегорио, а Эдуардо все равно поедет с ним, чтобы организовать новоселье. Джон пообещал избить его, если тот повторит нечто подобное тому, что случилось с Константиной.

Мужчины с собаками и плечевыми кобурами тоже переезжали в Портечето, где переполошили поставщиков вечеринок. Волновалась ли дизайнер интерьеров, ожидавшая их перед входом, по той же причине или из-за сдачи объекта, сказать было сложно. Как бы там ни было, во время экскурсии по дому она так цеплялась за свою папку с документами, как будто от этого зависела ее жизнь.

Джон осмотрел все, и все ему понравилось. К бассейну на полуподвальном этаже, откуда было видно море, пристроили джакузи, которое можно было отделить с помощью выдвижной стены. Многочисленные комнаты для гостей были выполнены в различных стилях: если одна была выдержана полностью в новоанглийском колониальном стиле, то за следующей дверью их ждала композиция современного итальянского дизайна или студия в дальневосточном стиле дзен. Кухня сверкала современным стальным оборудованием, столовая манила, а салон, откуда открывался потрясающий вид, был просто мечтой. Если прислушаться, то можно было услышать, как после каждого одобрительного кивка с сердца дизайнера падает очередной камень.

После того как он поставил свою подпись под актом приема-передачи и попрощался с дизайнером, словно из ниоткуда возник Джереми и предложил представить ему персонал, если это входит в его сегодняшние планы.

– Входит, – кивнул Джон.

Джереми был настоящим английским дворецким. Вообще-то он был испанцем – в его паспорте значилось имя Хавье, – но поскольку он закончил Международную школу дворецких Айвора Спенсера, он мог считать себя таким же англичанином, как сам принц-консорт. Его раскопал Эдуардо, Джон проникся, нанял его и поручил ему нанять остальной персонал, который в конечном итоге будет работать под его руководством.

Так он познакомился с Густавом, бывшим поваром французского отеля с заразительно хорошим настроением; Софией, экономкой родом из Неаполя, до сих пор, что подчеркивалось, работавшей только в благородных домах; Франческой, горничной, бледной хрупкой девушкой, не отваживавшейся поднять на него глаза и рискнувшей улыбнуться лишь на секунду; и наконец, что было необычно, с садовницей. Ее звали Мария, она ухаживала за несколькими садами по соседству и жила в собственной квартире в центре Портечето, что было очень практично, поскольку, не считая домика привратника, занятого службой охраны, на территории имелись только четыре квартиры для обслуживающего персонала.

– Чудесно, – произнес Джон, которому очень хотелось избавиться от ощущения, что он всего лишь актер, играющий роль богатого человека.

Кто-то поставил коробки с вещами из Нью-Йорка в его спальню. А он о них уже почти забыл. Джон снял верхнюю коробку со стопки, разорвал липкую ленту и с удивлением

выудил оттуда кухонную посуду, которой пользовался долгие годы и которая теперь, после нескольких недель роскоши, показалась настоящим хламом. Узор на тарелках был броским и дешевым, столовые приборы – из жести, у чашек были щербатые края и отвратительные узоры. Кастрюли – жестяные миски, годятся разве на то, чтобы собак кормить. Можно было не тратить усилий на перевозку этих вещей через Атлантику.

Он отставил коробку в сторону. Прочь. Прошлое. Но потом он еще раз снял крышку, вынул одну из своих старых тарелок и стал рассматривать ее, словно археологическую находку.

Как так может быть, что на протяжении нескольких лет эта тарелка была для него достаточно хороша, а теперь его пришлось бы разве что заставлять есть из нее? Что с ним произошло? Если он уже не в состоянии вернуться туда, откуда пришел, то это же означает, что он стал пленником, пленником богатства, зависящим от роскоши и денег. Может быть, однажды он продаст свою душу, чтобы не разогревать бобовый суп в жестяной кастрюле?

Он отложил тарелку, открыл вторую коробку. Их было немного. Все его пожитки, собранные за двадцать восемь лет, поместились бы на грузовой платформе пикапа «форд». Вот, принадлежности для рисования. Кисти, вовремя не помытые и успевшие затвердеть, пустые стеклянные бутылочки, из которых испарился терпентин. Полотно с эскизом, только начатым. И – вот это да! – коробочка с нетронутыми масляными красками! Где же она была?

Можно поставить коробки в подвал. Кто знает, что случится? Может быть, вся эта роскошь однажды закончится – тогда он просто погрузит то, что у него было когда-то, в автомобиль и поедет прочь, без обязательств, без долгов. Точно. Так он и сделает.

Где-то должны быть еще его книги, они могут понадобиться и сейчас. И его собственная записная книжка. Коробочка с письмами. Фотографии. Он перерыл содержимое, упакованное тщательно, но не систематично. Странное чувство – выудить старые джинсы или растоптанные кроссовки. Его красно-черная клетчатая рубашка, купленная за три доллара на толкучке. Некоторые пуговицы он пришивал сам, после того как Сара показала ему, как это делается. Мать поставила на рукава заплаты, которые были почти не видны.

Так он выуживал из коробок и памяти воспоминание за воспоминанием, когда в комнату вдруг ворвался Эдуардо.

– Ах, вот ты где! – крикнул он, пребывая в приподнятом настроении. – Что такое, ты решил на целый день зарыться в старый хлам? Гости ждут! – Отовсюду доносилась музыка, звенели бокалы, слышалась болтовня разных людей.

Его гости? Это были гости Эдуардо. Он их подобрал. Молодые художники, молодые бизнесмены, молодые преподаватели университетов. Он не знал никого, не считая Константины, которая недавно флиртовала в саду с одетым во все черное мужчиной, а с ней ему не очень хотелось встречаться.

– Да, – протянул Джон. – Может быть, я так и сделаю. Спрячусь на целый день.

– Нет, нет, ты этого не сделаешь. Это твоя вечеринка, парень! Это твои гости – они сожрут все в твоем холодильнике, разорят дом, ты хоть поздороваться с ними должен. И кто знает, может быть, ты познакомишься с кем-то, кто этого стоит?

– У меня сейчас нет настроения для вечеринки.

– Тихо, тихо. Чья это была идея? Кто сказал «Эдуардо, давай закатим вечеринку по случаю новоселья»?

– Да, я знаю. Это было ошибкой. Все эти постоянные вечеринки – в пророчестве речь совсем не об этом.

Эдуардо уставился на него, как будто Джон уронил ему на ногу наковальню.

– Парень! – произнес он и закатил глаза. – Что ты несешь? – Он погрозил ему полупустым бокалом шампанского. – Я знаю, что произошло. Ты заразился. Вакки-вирус добрался и до тебя.

– Ты говоришь это просто потому, что я хочу поступить со своей жизнью иначе, чем поступают богатенькие плейбои?

Полупьяное движение руки, несколько брызг шампанского вылетели из бокала.

– Хватит, – скомандовал Эдуардо. – Я даю тебе полчаса на то, чтобы переодеться и спуститься вниз в наилучшем расположении духа. Иначе я пришлю за тобой Константину.

Он захихикал над собственной идеей, снова закрыл двери и оставил Джона в блаженной тишине.

После того как Марвин приземлился в аэропорту Флоренции и наконец-то прошел паспортный контроль, ему потребовалась еще целая вечность на то, чтобы найти таксиста, который хоть сколько-нибудь говорил по-английски. При виде адреса тот потребовал предоплату. К счастью, он удовольствовался долларами. Поскольку выкуп часов Джона обошелся всего лишь в пятьдесят долларов, оставалась еще целая куча денег. Несмотря на различные расходы, которые Марвин позволил себе по дороге.

Они немного проехали по автобану, а потом бесконечно долго тащились по узким улочкам, вьющимся серпантином среди холмов. Это было очень мило, но для Марвина осталось загадкой, как удалось построить такие дороги. Любая встречная машина превращала поездку в драму, а когда они проезжали через деревни, у Марвина возникало ощущение, будто они едут через чью-то гостиную. Это же Европа, континент с архитектурой кукольного домика.

Примерно сто лет спустя на горизонте показалась голубая полоска моря, и они стали мягко спускаться. Сигналя, они промчались через древний городок с гаванью, где было полно роскошных яхт, и таксист остановился на углу, чтобы спросить дорогу у дряхлой старухи, а через пять минут они оказались в квартале, полном вилл, и, как и полагалось, автомобиль притормозил перед самой большой из них.

Марвин протянул водителю еще одну двадцатидолларовую купюру, взвалил на плечо рюкзак и побрел к имению. На входе стояла куча автомобилей высшей пробы. Вечеринка по случаю новоселья, которую Джон упоминал по телефону. Похоже, он как раз вовремя. Время веселиться, время веселиться – он покажет этим шикарным типам, как это нужно делать по-настоящему…

И вдруг перед ним возник бронированный шкаф в образе человека, обрушив на него град вопросов по-итальянски со скоростью пулемета.

– *Non capisco!* – ответил Марвин. – *Sono Americano!* [34]

– Кто вы? – Шкаф перешел на беглый английский. – И что вам здесь нужно?

Марвин перебросил рюкзак на другое плечо и отступил на полшага, чтобы лучше видеть собеседника.

– Коупленд, – заявил он, – меня зовут Марвин Коупленд, я прибыл из Нью-Йорка, и если это вилла Джона Фонтанелли, то меня ожидает лично хозяин дома, причем очень-очень. – Шкаф все еще не пытался рухнуть на колени в благоговении, и поэтому он добавил: – По чистой случайности я один из его лучших друзей.

– Вы можете удостоверить свою личность?

– Конечно.

С тех пор как объявился Джон, ему пришлось удостоверять свою личность чаще, чем за все предыдущие десять лет. Он сунул паспорт под нос шкафу, после чего тот вынул рацию и что-то произнес по-итальянски. Из всей тарабарщины он уловил только свое имя.

– Окей, – наконец произнес шкаф, освобождая проход. – Вас ожидают. Идите прямо ко входной двери.

– Спасибо за совет, – ответил Марвин. – Большое спасибо. Продолжайте караулить.

Даже снаружи были видны гости в холле, целая толпа. Вырядились, как на подиум, конечно же, особенно женщины. Чувак, он будет выделяться, как голая баба на конференции епископов, в своих грязных джинсах и старой футболке! Остается надеяться, что они еще не опустошили весь буфет.

---

[34] Не понимаю! Я американец! (*итал.*)

Похоже, однако, что настоящего веселья здесь не было. Никакой музыки, все просто стояли и испуганно озирались по сторонам. Больше похоже на похороны, по крайней мере, внешне.

Но его вроде как ждут. Так что вперед, в красивый дом.

Казавшийся несколько смущенным молодой человек в совершенно идеальном костюме подошел к нему, когда он вошел в холл, пожал руку и представился:

– Эдуардо Вакки, я адвокат синьора Фонтанелли.

– Наверное, ему нужна вас целая куча, судя по слухам, – заметил Марвин. – Марвин Коупленд. Я друг Джона из Нью-Йорка.

– Да, я помню. Джон говорил о вас.

– Чудесно. Где же он? Я бы с удовольствием пожал ему руку, если он меня вспомнит.

– Видите ли… – Что-то выглядел он совсем несчастным. Поднес руку к воротничку, подергал его, почесал шею, огляделся по сторонам, как будто его преследуют. – Боюсь, в данный момент не получится.

– Мне нужно было записаться на встречу еще из Нью-Йорка или как?

– Нет. Но мы только что обнаружили, что Джон исчез, и никто не знает, где он.

Когда прошло полчаса, Эдуардо подговорил всех гостей громко скандировать «Джон! Джон!» и тому подобное, поднялся вместе с Константиной по лестнице, намереваясь совместными усилиями вытащить его из спальни.

Но, открыв двери, они обнаружили, что комната пуста.

Большинство гостей расценили это как удачный ход для вечеринки и с удовольствием приняли участие в розысках по всему дому и саду. Когда охранники стали косо посматривать на них и переговариваться по рации, до них стало доходить, что это не было запланировано. Наконец выяснилось, что пропал и «феррари» Джона, и все поняли, что это серьезно.

– Как «феррари» может просто взять и исчезнуть? – поинтересовался Эдуардо. – Он ведь стоял на входе. На охраняемой территории.

На лбу Марко блестели мелкие капельки пота.

– Один из моих людей видел, как машина выезжала, минут двадцать тому назад. Но он говорит, что за рулем сидел кто-то из обслуживающего персонала вечеринки. Один из тех ребят, что паркуют машины.

– И? Это был один из них? Кого-то не хватает?

– Мы это проверяем. Похоже, что нет.

– Просто отлично. – Эдуардо потер шею. Почему-то ему казалось, что рубашка душит его. – Вы можете представить себе, что будет, если придется подключить полицию?

Гости стояли вокруг и смотрели на них. Кто-то включил проигрыватель дисков. Возникшая тишина казалась давящей.

– В «феррари» встроена спутниковая противоугонная система, – пояснил Марко. – С ее помощью мы можем разыскать его. Кроме того, сейчас мы вызовем вертолет с яхты.

Эдуардо закусил сустав большого пальца.

– Нам нужны данные на каждого человека, находящегося на территории. В первую очередь на поставщиков. Гостей я всех знаю.

«Это не повод позволить всем вкусностям пропасть», – решил Марвин. Все равно возле буфета никто не толпится; Марвин спокойно наполнил свою тарелку. Чего здесь только не было! Лосось, икра, фаршированные баклажаны, сухая салями, черные оливки, горячее филе в кляре и, кроме того, еще целая куча всего, чего он никогда в жизни не видел. Грандиозно.

Он заметил ее, когда положил в рот первый кусочек. Она быстро взглянула в его сторону, затем снова отвела взгляд. Марвин перестал жевать, просто уставился на нее.

Чувак! Ноги длиной в миллион миль. Изгибы, от которых захватывает дух, а платье – боже мой! Какое узкое. Черное, как ее волосы. Потрясающе.

Марвин быстро прозондировал ситуацию. Если она с мужчиной, то он удавит его в туалете, да и все. Но непохоже. Наверное, то, как он шел прямо к ней, выглядело не очень красиво, но для тонкостей времени не было. Он встал рядом с ней, быстро глянул туда, куда смотрела и она – на парочку телохранителей, переговаривавшихся по рации с совершенно скучающим видом, – потом обернулся к ней и заявил:

– Привет. Меня зовут Марвин.

Взгляд холоднее льда скользнул по нему, последовал, вероятно, химический анализ его одежды и ее стоимости в *лирах* .

– Привет.

– Я лучший друг Джона, – пояснил Марвин. «Просто болтать», – сказал он себе. – Из прежней жизни, вы понимаете? Он пригласил меня, чтобы я прилетел из Нью-Йорка на вечеринку. А теперь исчез. Смешно, да?

Вот, в ее взгляде появилась заинтересованность. Она убрала волосы за ухо движением, от которого у Марвина едва не выпала тарелка из рук, и улыбнулась.

– Вы совершенно не беспокоитесь?

– Да бросьте. Он и не такое переживал.

Она все еще улыбалась.

– Кстати, меня зовут Константина, – произнесла она.

Затея с определением местонахождения машины по спутниковой связи заняла больше времени, чем предполагалось. Час спустя, когда гости уже разошлись, а обслуживающий персонал вечеринки разочарованно убирал почти нетронутые тарелки, Эдуардо не выдержал и поднялся наверх, чтобы осмотреть спальню. Марко был против, поскольку мысленно уже представлял себе экспертов-криминалистов за работой, но об этом Эдуардо и слышать ничего не хотел.

На кресле, стоящем у окна так, что от двери его не было видно, он нашел светлый льняной костюм, который был на Джоне, когда он видел его последний раз. Пиджак, брюки, рубашка. Туфли стояли под креслом.

– Мы нашли «феррари». – Марко остановился в дверном проеме. – Он стоит на окраине Капанньори. Вертолет уже отправился туда.

Эдуардо поднял пиджак.

– Он переоделся, прежде чем исчезнуть. – Адвокат открыл дверцу платяного шкафа и оглядел длинный ряд костюмов. – Можем спросить дворецкого, не пропало ли что.

– Я прикажу позвать его, – сказал Марко, отдавая по рации соответствующее распоряжение.

Но вместо дворецкого в коридоре сначала появился этот странный парень из Нью-Йорка, к немалому удивлению Эдуардо, вместе с Константиной, которая, словно это было в порядке вещей, липла к нему. Нисколько не смущаясь, они вошли в комнату, и Коупленд, судя по списку, знакомый Джона, обвел ее любопытным взглядом.

– Неплохо, – прокомментировал он, словно не стоило и переживать. Осмотрел частично открытые коробки.

– Вот только старые вещи здесь немного не смотрятся, да?

В комнату быстрым, но не очень уверенным шагом вошел Джереми. Обследовал платяной шкаф немигающим взглядом и пришел к выводу, что ничего не пропало.

– Но не мог же он уйти в одних кальсонах, – раздраженно заявил Эдуардо.

– В это я тоже не верю, – поддержал его дворецкий.

Эдуардо недовольно наблюдал за тем, как Коупленд подошел к одной из коробок и вынул оттуда застиранную футболку с надписью «Smile if you like sex»[35].

– Может быть, он надел что-то из своих старых вещей? – спросил неухоженный

---

35 Улыбнись, если тебе нравится секс (*англ.*).

американец.

– Зачем ему делать это?

– Может быть, он хотел немного развеяться и смешаться с простым народом?

– У него была вечеринка с сотней приглашенных гостей. Не самое удачное время для этого, пожалуй.

Парень с жирными волосами и в футболке, годившейся разве что на ветошь для проверки уровня масла в моторе, пренебрежительно махнул рукой.

– Да бросьте! Если бы я захотел похитить кого-то вроде Джона, то я не стал бы делать это во время вечеринки, когда вокруг бегают тысячи людей и много чего может пойти не так. – Он обернулся к Марко. – На вашем месте я поискал бы в этом Капанньори «Бургер Кинг» или что-то вроде того.

Они действительно нашли Джона в ресторане «Макдоналдс» в центре Капанньори. На нем были джинсы, стоптанные кроссовки и красно-черная штопаная рубашка в клетку, он сидел за грязным столом и доедал картошку фри, когда они возникли рядом с ним: Марко, Эдуардо и двое телохранителей в топорщившихся пиджаках.

– Откуда вы тут взялись? – спросил он, нахмурившись, и отпил колы. – Разве вы не должны быть на вечеринке?

– Вечеринка закончилась, Джон, – сказал Эдуардо. – Мы думали, что тебя похитили.

– Похитили? Боже мой! Я просто был не в настроении. И, кроме того, хотелось выяснить, насколько еще вкусен «биг мак». – Он довольно улыбнулся. – И гляди-ка, еще вкусный.

Эдуардо смотрел на него, и было видно, что множество слов, вертевшихся на языке, молодой человек просто проглотил. И вот уже посетители уставились на этих странных людей в приличных костюмах, стоящих вокруг молодого парня, который ничего не сделал. Похоже на мафию, решил менеджер ресторана, размышляя о том, стоит ли звать полицию.

– Я чертовски сильно переживал! – наконец произнес Эдуардо. – Надо было сказать мне.

Джон перестал улыбаться.

– Я хотел выяснить, могу ли я пойти куда-нибудь, *не говоря* об этом никому. – Он скомкал салфетку, бросил ее на поднос и встал. – Окей, я выяснил. Идем.

14

Пляж принадлежал людям, у которых не было времени находиться на пляже, поэтому там было тихо и пусто. Этим утром даже солнце пряталось за бледными облачками. Море лениво омывало серый песчаный склон. Дома за сухим кустарником казались неприветливыми и ни в чем не заинтересованными.

Вот уже пару дней кто-нибудь из тех, кто интересуется такими вещами, мог наблюдать на пляже мужчину, ходившего вдоль него на протяжении нескольких часов, иногда – по нескольку раз в день. За ним следовал второй мужчина, всегда на некотором расстоянии, как будто он не имел к первому никакого отношения, но поклялся повторять каждое его движение. Они двигались вдоль пляжа медленно, поскольку по песку быстро не походишь и вскоре начинались скалы, затем поворачивали и шли обратно. С южной стороны пляж резко заканчивался бетонной стеной канализационного стока, и там они поворачивали снова.

В то утро внезапно появился третий мужчина, торопливо пытавшийся догнать обоих. Совершенно безнадежное занятие. У мужчины был весьма представительный животик, он тяжело дышал и вскоре вынужден был остановиться, чтобы перевести дух. Затем решил позвать остальных и помахать руками, чтобы привлечь к себе внимание гуляющих, которые тут же повернули и пошли ему навстречу.

– Спасибо, что смогли приехать, – сказал Джон, когда подошел к Альберто Вакки и пожал ему руку. – Если бы я догадывался, насколько быстро вы откликнетесь, то, конечно,

ждал бы вас в доме.

– По телефону мне показалось, что это очень срочно, – произнес адвокат, вытирая со лба мелкие капельки пота.

– Нет, я же просто сказал… Хм… Неужели действительно это прозвучало как срочное дело? – Джон нахмурил лоб. – Да, может быть, это и более срочно, чем мне кажется. Идемте, давайте вернемся в дом.

Наблюдатель заметил бы мимолетную улыбку и облегчение на лице телохранителя, появившиеся при этих словах. Охранники тянули жребий на прогулку, и тот, кто проигрывал, вынужден был сопровождать Джона Фонтанелли.

– Ну что? – поинтересовался Альберто Вакки, когда они возвращались обратно той же дорогой, которой пришел он. – Как вам нравится ваш новый дом?

– Спасибо, очень хороший. Мне нужно еще немного привыкнуть к тому, что рядом постоянно крутится кто-то из персонала, но есть вещи и похуже.

– Я удивился тому, что здесь нет Эдуардо; в последнее время вы постоянно были вместе…

Джон мимолетно улыбнулся.

– Думаю, он еще немного расстроен из-за моей вылазки в Капанньори.

Альберто понимающе кивнул.

– Мне тоже так показалось. Но это пройдет. – Он бросил быстрый взгляд в сторону. – Однако ведь вы не поэтому хотели поговорить со мной, не так ли?

– Нет. – Джон резко остановился, посмотрел на серое море, закусил нижнюю губу, а потом вдруг взглянул на Альберто таким пристальным взглядом, как будто требовалось взять разбег для вопроса, который он собирался задать. – Что за человек был Лоренцо?

– Что? – удивился адвокат.

– Вы знали его. Расскажите мне о нем.

– Лоренцо… – Альберто Вакки опустил голову, поглядел на носки своих туфель, на прилипший к ним песок. – Лоренцо был милым ребенком. Развит не по возрасту, умный, очень музыкальный, очень начитанный… Он страдал от аллергии. На лесные орехи, на яблоки, на никель и так далее. Из-за нее начиналась сыпь, иногда ему даже приходилось ложиться в больницу, потому что случалась беда с кровообращением. Очень серьезной была аллергия на пчелиный яд. Когда ему было семь лет, его ужалила пчела, и ему сразу же пришлось лечь в больницу. Ну и… эту историю с пятью укусами вы знаете. Четыре из них в ротовой полости. Должно быть, он ел фрукт, в котором были пчелы, так считает врач; вероятно, груша. Он очень любил их, не говоря уже о том, что они были одним из немногих видов фруктов, которые он нормально переносил.

– Неужели он не остерегался пчел?

– Остерегался, еще как. У него была паническая боязнь насекомых. Нет, паническая боязнь – не то слово, он просто был очень внимателен. Редко носил шорты, всегда надевал рубашки с длинными рукавами, когда собирался на улицу, и никогда не ходил босиком. – Альберто вздохнул. – А потом такое. Это трагедия. Настоящая трагедия. Он мне очень нравился, понимаете?

Джон медленно кивнул, попытался представить себе, что это был за парень. Лоренцо Фонтанелли.

– Вы говорите, он был очень музыкален?

– Что? Да, верно. Очень музыкален. Играл на пианино и флейте. Вообще хорошо учился. Проблем никогда не возникало. Что касалось математики, тут он был кем-то вроде вундеркинда: в двенадцать лет нашел среди вещей своего деда книгу о бесконечно малых величинах и самостоятельно изучил ее полностью. Я, честно говоря, до сих пор не знаю, что это такое, может быть, именно потому это производит на меня такое впечатление. Как бы там ни было, вскоре он принял участие в школьной олимпиаде по математике и занял первое место. О нем тут же написали в газете, напечатали фотографию. Я сохранил вырезку; могу показать как-нибудь, если хотите.

– Да. С удовольствием.

Альберто посмотрел на Джона, задумчиво глядевшего вдаль.

– У меня такое чувство, что не нужно мне было вам этого рассказывать.

Джон сделал медленный вдох, затем выдох, и это прозвучало словно эхо прилива и отлива.

– Он был подходящим кандидатом, не правда ли?

– Джон, не стоит себя этим мучить.

– Вы так считали, не правда ли?

– Какая разница… – Альберто замолчал. Плечи его безвольно поникли. – Да. Мы так считали. Иногда у нас в голове не укладывалось, что провидение сделало наследником состояния Фонтанелли человека, действительно способного совершить с его помощью удивительные вещи.

Джон улыбнулся одними губами, почти с болью.

– А потом вам на шею вдруг свалился я. Должно быть, это было сильное разочарование.

– Мы так не думаем, Джон, – произнес Альберто Вакки. В его голосе вдруг послышались теплые обеспокоенные нотки. – Вы же знаете моего отца. Он верит в вас столь же непоколебимо, как в движение солнца. А мы верим в него.

– Да. Я знаю. – Джон обернулся к нему, схватил за руку и посмотрел в глаза. – Спасибо, что вы сказали мне правду, Альберто. Вам это может показаться странным, но сейчас мне лучше. – Он кивнул. – Идемте, вернемся в дом, выпьем капуччино.

Сербские войска обстреляли телецентр в Сараево. В Южной Корее впервые за 35 лет состоялись выборы в местные органы власти, ставшие триумфом для оппозиции. Американский космический летательный аппарат «Атлантис» впервые пристыковался к русской орбитальной станции «Мир». А берлинский рейхстаг все еще был закрыт.

Джон читал газету скорее от скуки, чем из действительного интереса. С тех пор как о его телесном благополучии стал заботиться Джереми, газета стала на ощупь какой-то другой, и, задав однажды вопрос по этому поводу, он узнал, что каждое утро дворецкий тщательно *утюжит* газету. Благодаря этому ее гораздо приятнее перелистывать и типографская краска перестает осыпаться! Джон был так потрясен, что позволил Джереми продолжать в том же духе и уже успел привыкнуть к такому положению вещей.

– Извините, сэр. – Джереми стоял в дверях гостиной, вытянувшись по стойке смирно. – Пришел некий Марвин Коупленд и хочет поговорить с вами. – И, словно сомневаясь, что Джону знакомо это имя, добавил: – Я припоминаю, что он был на вечеринке по случаю новоселья, сэр.

– Марвин? – Джон отложил отутюженную газету. – Он здесь?

– Он в холле, сэр.

И действительно, он был там, перекошенный и бледный, с рюкзаком через плечо.

– Привет, Джон, – сказал он. – Надеюсь, я не отвлекаю тебя от дел.

Они обнялись, как прежде.

– Привет, Марв, – сказал Джон. – Где ты был-то?

– Ну… – Марвин опустил рюкзак. – Я ж на твоей вечеринке познакомился с этой женщиной, Константиной. У нее я и был.

Джон кивнул. Эдуардо рассказывал ему о чем-то подобном.

– Спасибо, что привез мне часы.

– Ясное дело. Это же была моя задача, не так ли?

– Идем в салон. Хочешь выпить? Или поесть?

Марвин пошел за ним, шаркая ногами по полу и оглядываясь по сторонам.

– Поесть было бы клево. Этот вопрос я немного подзапустил.

– Нет проблем. Я скажу на кухне. – Джон снял трубку ближайшего телефонного аппарата и набрал номер кухни. – Хочешь что-то определенное?

– Без разницы, – ответил Марвин. – Главное, чтобы много и вкусно. – Он коснулся края столешницы из вишневого дерева. – Красиво у тебя тут. На вечеринке я не обратил внимания. Довольно просторно. Как думаешь, можешь пристроить меня на пару дней где-нибудь в уголке?

– Эй, да у меня столько гостевых комнат, что я мог бы приютить целую футбольную команду. Оставайся, сколько захочешь. Густав? – произнес Джон, когда повар снял трубку. – У меня здесь гость, который вот-вот умрет от голода. Вы не наколдуете нам чего-нибудь вкусненького и поскорее? То, что у вас есть под рукой и быстро готовится. И сытное. Спасибо.

Обернувшись, он заметил, что Марвин смотрит на него как-то странно.

– Хорошо у тебя уже получается, – сказал он. – Этот командный тон, я имею в виду. Как ты шугаешь всех этих слуг.

– Думаешь? – Джон нахмурился, вспоминая, что он сказал Густаву и каким тоном. Вообще-то ему показалось, что говорил он нормально. А как можно было сказать иначе?

– Забудь, – отмахнулся Марвин.

Когда они вошли в салон, жалюзи как раз автоматически поднялись, открывая головокружительный вид на море и солнце, раскаленное и красное, касавшееся горизонта. Марвин остановился в проходе как вкопанный, словно не веря своим глазам.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – осторожно поинтересовался Джон.

Марвин с трудом вышел из оцепенения.

– Что значит «хочу»? – переспросил он, при этом молодой человек казался оглушенным. – Я должен. Иначе это не вынести.

– Что?

– Виски, если у тебя есть. Ах, наверняка есть. У тебя теперь все есть.

Вообще-то Джон имел в виду другое, но ничего не сказал.

Разливая напитки, он разглядывал друга в зеркале бара. Казалось, Марвин изменился. Вероятно, Константина вышвырнула его, иначе зачем бы он пришел со всеми пожитками? И может быть, вся эта история задела его сильнее, чем он хотел признать. Лучше дать ему с этим сначала разобраться самому.

– В понедельник утром я лечу в Лондон, а днем – в Нью-Йорк, – рассказал Джон, когда они сели за стол. – У моих родителей годовщина свадьбы. Ну, ты знаешь, у нас всегда вся семья собирается. Но ты можешь, конечно же, оставаться здесь, без проблем. – В Лондон ему нужно было из-за примерки костюмов.

Марвин задумчиво кивнул и снова посмотрел на него тем странным взглядом. Взглядом, в котором было что-то жуткое. Затем он осушил бокал одним глотком, поставил его на стол, откинулся назад и сказал:

– Смотри, Джон. Смотри, чтобы деньги не изменили тебя.

Он надел часы в путешествие к своим родителям, чтобы порадовать отца. Но это показалось ему неправильным – делать вид, будто он ведет ту же самую жизнь, что и раньше, поэтому остальной гардероб он подобрал такой, как ему нравилось.

Готовя документы к поездке, он снова наткнулся на письмо о защите видов. Казалось, оно преследовало его с завидным упорством. Он решил взять его с собой, прочесть во время полета, а потом либо выбросить, либо перевести деньги. Поскольку он все равно собирался как следует подумать над тем, что собирается делать с деньгами и пророчеством, то это могло послужить такой же отправной точкой, как и все остальное.

То был обычный рейсовый перелет первым классом в Нью-Йорк, на верхней палубе «Джамбо Джета», оснащенного удобными креслами, как переполненная гостиная. Телохранители настояли только на том, чтобы арендовать для поездки в Нью-Джерси бронированный лимузин в нью-йоркской охранной фирме, который должен был ожидать в аэропорту.

Письмо было прислано из Всемирного фонда дикой природы, и они просили

финансовую поддержку для кампании под названием «Живая планета». Их целью было сохранить двести важнейших сред обитания на Земле – регионы, которые отличались особой уникальностью или же вообще играли ключевую роль в эволюции жизни на Земле. В письме говорилось о том, что сохранение этих областей спасет около восьмидесяти процентов сегодняшнего биоразнообразия.

Биоразнообразие, как узнал из первого же из приложенных проспектов Джон, в принципе, не что иное, как видовое разнообразие растений и животных. На протяжении последних десятилетий исследователи наблюдают массовое вымирание видов, подобное которому произошло последний раз 65 миллионов лет назад, когда с лица земли исчезли динозавры. В настоящее время, прочел Джон и тут же перечитал, потому что не мог поверить в это, примерно каждые двадцать минут вымирает один вид. Около четверти всех позвоночных под угрозой, как и каждый восьмой вид растений. И это вымирание вовсе не происходит в каких-то там далеких тропических лесах и не касается причудливых видов саранчи или редких орхидей: в опасности оказались даже сельскохозяйственные животные: из них разводят только двадцать видов, остальные постепенно исчезают. Всего десять процентов существующих видов кукурузы используются в сельском хозяйстве, обычно те, которые дают высокий урожай, но подвержены болезням. Поэтому генетический пул даже выживших видов самым драматическим образом становится беднее.

Все основы жизни человека, пояснялось в проспекте, зависят от функционирования экосистем. Здоровое питание, чистая вода, стабильный климат и так далее предполагают наличие морей, которые обеспечивают выравнивание температур и влажности, а наряду с этим представляют среду обитания для рыб; леса впитывают углекислый газ и производят кислород; насекомые сокращают численность вредителей человека; в земле существуют микроорганизмы, без которых наши поля не будут давать урожай.

Все эти бесплатные услуги земной экосистемы оцениваются в тридцать триллионов долларов, подсчитывалось в брошюре, что составляет сумму, почти в два раза превышающую глобальный валовой социальный продукт.

Джон поднял голову и выглянул в окно, посмотрел на стальной покров облаков, над которыми они летели. Он впервые встретил число, с которым мог соотнести свое невероятное состояние. Судя по всему, глобальный валовой социальный продукт составляет примерно пятнадцать триллионов долларов. Иными словами, он мог бы купить на свои деньги пятнадцатую часть всех товаров и услуг, которые производятся в мире за год. Невероятно, не так ли? И что он может сделать? Должно быть, пророчество подразумевает какое-то утонченное мероприятие, какой-то шахматный ход, который можно осуществить, только имея огромную сумму денег, совершить что-то решающее… Но что?

Он подождал некоторое время, но там, где ему требовалась молния озарения, был только клубящийся туман и размытая пелена незнания, поэтому он снова занялся брошюрой. Значит, экосистема Земли стоит тридцать триллионов долларов.

Было замечательно, что кто-то дошел до такой идеи. До сих пор в своей жизни он слышал аргументы преимущественно эмоционального характера – как прекрасна природа, как ужасно, что с ней так обращаются, все эти слезливые жалобные песенки. На это было нечего толком возразить, и, таким образом, дискуссия обесценивалась. Конечно, ужасно, когда красивый лес выкорчевывают под автобан или фабрику, но когда нужны какие-то причины, когда против чувств выступают деньги, побеждают обычно деньги.

Но разве в действительности люди не забывали о стоимости экосистемы? Допустим, кто-то попытается на Луне или каком-нибудь другом неуютном небесном теле, где нет ничего, кроме пространства, воссоздать Землю. В этом случае нужно обеспечить все то, что на Земле давалось даром: воду, воздух, разнообразие растений и животных, плодородную почву. Нужно привезти воду или создать ее искусственно. Нужно производить воздух, обогащать его, очищать и так далее. Все это будет стоить невероятно больших денег. Вероятно, не удалось бы оплатить создание на Луне такого похожего на Землю ареала всего лишь размером с деревню с окружающими ее полями. И, судя по всему, поступая так,

как будто все на Земле дается даром, люди совершают большую ошибку.

Это же значит, что защитники природы тратят свое время впустую, блокируя экскаваторы и распевая песни под гитару во время пикетов? Корчевщиков можно побить только их же собственным оружием. Что нужно сделать – так это подсчитать все, вычесть стоимость экосистемы и посмотреть, что окажется под чертой.

Но сам он не смог бы это сделать. И наверняка не существует признанного способа расчета стоимости леса, озера или вида животных.

В конце письма еще раз подчеркивалось, что экосистемы не заканчиваются на границе стран и поэтому с ними нужно обращаться на межгосударственном уровне, для чего и предназначен Всемирный фонд дикой природы. И его, если он решит пожертвовать крупную сумму – миллионов сто, – почтят на особой церемонии. Джон сложил письмо, попросил принести фруктовый коктейль с небольшим содержанием алкоголя и стал задумчиво глядеть в окно.

В чем причина массового вымирания видов? Исчезновения первозданной природы? Со временем люди побывали на каждом клочке земли, исследовали его и наконец начали использовать. Они рубили деревья, строили дома, с помощью удобрений, пестицидов и техники отвоевывали у земли пищу. И причиной этого развития было – как это ни банально звучит – увеличение количества людей. Все больше людей, которые хотят есть, которым нужно где-то жить, которые опять же производят на свет детей. И так далее.

Все это чертовски сложно. И чертовски безнадежно. Может быть, он должен потратить свой триллион долларов на то, чтобы обеспечить мир презервативами и противозачаточными таблетками? Это ведь похоже на проблему всех проблем. Люди, много, много людей. Толпы, безбрежное море людей, все больше и больше тех, кто ютится на планете, размеры которой не меняются.

Он огляделся в салоне первого класса, хоть и узком, но довольно-таки просторном по сравнению с похожим на баночку шпрот туристическим классом на нижней палубе, подумал о своей вилле у пляжа, большом заборе вокруг сада, охране, частном пляже, яхте. И, словно зубная боль, его пронзило осознание того, что богатые люди тратят огромное количество денег на то, чтобы держать подальше от себя это море людей.

Он опасался, что родительский дом станет ему чужим, покажется дешевым и жалким, как его старая посуда. Но когда он вошел в двери, все оказалось таким знакомым, все дышало родиной и домом. Он обнял мать в коридоре, где пахло кожей и ваксой из мастерской, которую отец ради такого праздника закрыл. В гостиной пахло кухней, помидорами, свежим базиликом и отваром из-под макарон; Джон с отцом обнялись, а мать не могла нарадоваться тому, как хорошо он выглядит и как хорошо загорел.

Все было как всегда. Коричневые обои с ромбами в прихожей, с годами становившейся все темнее. Лестница наверх, третья ступенька в которой все еще поскрипывала. Его комната, в которой ничего не изменилось со времен его переезда к Саре. Сегодня ночью он будет спать в музее. И здесь все еще ощущается этот непонятный запах с чердака, все больше и больше напоминающий ему о детстве.

Как бы там ни было, в гостиной стоял новый телевизор. Он сел на диван, на спинке которого лежали вязаные покрывала, и сказал, что чувствует себя хорошо. Мать накрывала на стол. Отец рассказал, что у него в последнее время проблемы с ногами. По его виду нельзя было понять, заметил ли он, что Джон надел старые часы, но этого не стоило и ожидать.

Вскоре пришли Элен и Чезаре. Принесли большой букет цветов. Они поздоровались с Джоном несколько принужденно, словно не зная толком, как себя вести. Элен выглядела как обычно, все та же умная женщина, преподаватель философии – распущенные длинные волосы, вся в черном по последней моде, нисколько не постарела, словно раскрыла секрет того, как уйти от внимания проходящих лет. Чезаре же, напротив, менялся, у него все сильнее редели волосы, из-за чего он выглядел так, как будто ему уже далеко за сорок,

несмотря на то что ему и тридцати восьми не было. Напряженных морщинок у рта Джон и не заметил на прошлое Рождество. Чезаре все еще был худощав, но особенно счастливым не выглядел.

– Какая по счету у вас годовщина свадьбы? – спросила Элен, когда они сидели за столом. О Лино не было сказано ни слова, стул для него просто не ставили. – Тридцать девятая? Тогда в следующем году нужно устроить что-то совершенно необычное!

Джон заметил, что мать бросила на него мимолетный взгляд.

– Посмотрим, – коротко сказала она.

Сальтимбокка получилась потрясающей. Просто невероятно. Проглатывая первый кусок, Джон смотрел в тарелку и спрашивал себя, подавали ли ему что-то настолько же вкусное в одном из множества хороших дорогих ресторанов. Или это кажется ему настолько вкусным, потому что он вырос на этой кухне?

– Джон, – негромко спросила мать, – этим двум ребятам обязательно сидеть в прихожей?

Он не совсем понял, к чему она клонит. Его другая, новая жизнь вдруг показалась ему сном.

– Они выполняют свою работу, *mamma* .

– Но ничего, если я вынесу им тарелочку?

Охранников удалось уговорить пройти на кухню и поесть там за столом.

– Да у них же оружие под пиджаками, – испуганно прошептала ему мать, вернувшись за стол.

И он снова вспомнил, чего хотел. За десертом он объявил, что намеревается сделать каждого члена семьи финансово независимым.

– Лино тоже, конечно же, – добавил он. – Каждый должен получить десять миллионов долларов, капитал, с процентов которого можно хорошо жить, не беспокоясь о деньгах.

– Впрочем, это будет подлежать налогу на дарение, – вставил Чезаре своим лучшим чиновничьим тоном.

Его отец громко откашлялся, убрал салфетку с колен, положил ее рядом с тарелкой и наморщил лоб, нахмурил кустистые брови.

– Ну хорошо, – произнес он. – Но работать я не перестану.

– Но ведь тебе уже не нужно будет работать!

– Здоровый человек должен работать. Такова жизнь. Джон, не могут же все жить на проценты! Должен кто-то печь хлеб, чинить туфли и так далее. Я приму деньги, скажу «спасибо» и перестану беспокоиться о том, что мне может на что-то не хватить. Это будет большое облегчение, да. Но в принципе, я полагаю, что беспокоюсь я именно потому, что мир так странно устроен: тот, кто занимается только честным трудом, больше не может получать за него честную оплату.

Джон посмотрел на него, и ему показалось, что он сделал ужасно смешное предложение. Ко всему прочему, Элен, надув губы, произнесла:

– Мы не примем твоих денег, Джон. Мне очень жаль. Я знаю, ты хотел как лучше. Но они не нужны нам. У нас у каждого есть своя профессия, мы хорошо зарабатываем, и у нас есть все, что нужно.

– Я понимаю, – сдержанно произнес Джон, глядя на старшего брата.

Тот согласно кивал, но на лице его вдруг появилась серая тень, которой не было прежде. Джон спросил себя, в одиночку ли приняла это решение Элен. Так или иначе, здесь, за столом, выяснить это возможности не было.

– Пару лет назад, – начал рассказывать отец, – один человек на нашей улице выиграл в лотерею. Джанна, ты помнишь его? Он все время выгуливал своего пуделя, у которого на лбу была светлая прядь… Русский, Мальков или что-то в этом духе…

– Маленков, – сказала мать. – Кароль Маленков. Но он был поляк.

– Маленков, точно. Он выиграл в лотерею два миллиона долларов, как мне кажется. Водитель автобуса. Как бы там ни было, он бросил работу и стал просто гулять. Я часто

видел его из маленького окна в мастерской, вместе с собакой. А спустя полгода я услышал, что он умер. Его жена сказала, что лень не пошла ему на пользу. В какой-то момент его сердце настолько разленилось, что перестало биться.

– Богатство усложняет жизнь, – добавила Элен. – Возможно, ты этого еще не осознаешь. Но сейчас у тебя есть большая вилла, машины, яхта, слуги… И обо всем этом тебе нужно заботиться. Это стоит времени – времени, которого у тебя не остается для себя. Спроси себя, может быть, твои владения владеют *тобой* ?

– Что ж, – осторожно произнес Джон, – раньше я целый день развозил пиццы, чтобы оплачивать квартиру. И у меня времени на себя было еще меньше.

Он не мог сказать прямо, что они понятия не имеют о том, каково это – быть богатым.

– Но телохранители! – воскликнула Элен. – Боже мой, я готова делать все, что угодно, только чтобы рядом постоянно не было телохранителей.

– Иметь триллион долларов – дело сложное, я признаю, – заметил Джон.

– Нет, нет. Каждый доллар, который у меня есть, я заработала сама. И я потеряю это чувство независимости, если приму твои деньги.

Джон пожал плечами.

– Как хочешь.

О Чезаре речь не шла вообще, ведь так?

По пути в кафе, где их отец сделал предложение матери, Элен спросила его, почему он просто не раздаст деньги различным благотворительным организациям.

– А десять миллионов можешь оставить себе и жить на проценты, как ты и говоришь. Тогда тебе не придется беспокоиться ни о бедности, ни о богатстве.

– Я беспокоюсь о другом, – признался Джон.

Солнце светило так ярко, в этом свете весело блестели почтовые ящики и подвески фонарей. Движение было оживленным.

Их родители шли рука об руку немного впереди, и Джон рассказал брату и его жене о пророчестве, связанном с наследством их предка, об ощущении того, что он должен сберечь деньги для дела, которое можно свершить только с помощью больших денег, и о том, что он пока еще не знает, какого именно.

Владелец кафе, как и каждый год, накрыл определенный столик.

– Вот тут я сидела, – с меланхоличной улыбкой рассказывала мать, – а ваш отец – там. Точно на том стуле.

– Конечно, сегодня это уже не тот стул, – проворчал отец, засопев и стараясь не показать смущения.

– Мы пили капуччино.

– А не кофе *con latte?* [36]

– И мы были в кино на Пятой авеню, в том кинотеатре с голубыми башенками, который потом снесли. На фильме с Кэри Грантом.

– «Поймать вора». Так он назывался.

– Я помню, что еще думала о фильме. И тут он меня спрашивает, выйду ли я за него замуж! Вы себе только представьте!

– Я боялся, что если не спрошу сейчас, то не спрошу никогда.

– Он тогда был немного похож на Кэри Гранта, ваш отец.

– Да ну…

– И я сразу сказала «да», не раздумывая ни секунды.

Он взял ее руку в свои ладони, истерзанные работой, на которых уже появились первые старческие пятна.

– Ты вышла бы за меня снова, если бы могла повернуть время вспять?

---

[36] С молоком (*итал.*).

Она обняла его.

– Конечно.

Они поцеловались и тут же снова отпустили друг друга, как будто это было запрещено, и рассмеялись, когда поняли, насколько старомодна их реакция.

Потом все заказали капуччино – только Элен захотела эспрессо – и пирог. Джону показалось, что он заметил на лицах брата и его жены некоторое напряжение. Наблюдение за этой сценой, которая примерно в тех же деталях повторялась каждый год, похоже, не заставило их почувствовать себя влюбленными.

На обратном пути, к его удивлению, Чезаре вовлек его в разговор о футболе, что показалось Элен скучным, и она присоединилась к свекрови и свекру. Джону подумалось, что Чезаре нарочно увеличивает расстояние, разделяющее их.

– Еще раз по поводу денег… – вдруг сменил тему Чезаре, но запнулся, как будто не знал, что сказать.

– Да? – попытался подбодрить его Джон.

– Несколько месяцев назад мне дали совет по поводу акций. Выглядело довольно заманчиво, верное дело. Поэтому я подумал, что стоит рискнуть. – Чезаре колебался. – Элен ничего об этом не знает. Конечно же, все пошло не так, и суть в том, что сейчас у меня проблемы с оплатой дома и…

– Все ясно. Тебе нужно только дать мне номер своего счета.

– Ты же знаешь, налоговый инспектор ничего сверху не заработает, поэтому я подумал, если ты – я имею в виду, ты предлагал…

– Чезаре, не нужно оправдываться. Элен ничего не узнает, я обещаю.

Брат огляделся по сторонам, словно хотел удостовериться, что его лучшая половина ничего не заметила, сунул Джону в руку записку, которую нацарапал, должно быть, в туалете.

– И, Джон, пожалуйста, только не десять миллионов.

– Почему?

Подбородок Чезаре странно задергался.

– Я же говорил, придется оплачивать налог на дарение, а это от Элен не скроешь.

– Понимаю. Сколько ты хочешь?

– Десять тысяч долларов в год налогом не облагаются. Если бы ты перевел десять тысяч сейчас и десять тысяч в следующем году…

– Двадцать тысяч? Не больше? Ты серьезно?

– Только чтобы покрыть растрату. Потом я справлюсь.

– Ну, что ж. Сделаю, без проблем.

– Спасибо. – Чезаре вздохнул. – Я бы не справился с десятью миллионами, честно. Не знаю, как собирается справиться с этим папа. А ты? Не понимаю, как у тебя еще не сдали нервы!

Джон пожал плечами.

– Все еще может быть.

Элен и Чезаре пришлось сесть на вечерний рейс до Чикаго, потому что Чезаре дали только один выходной; они попрощались со множеством объятий и поцелуев, теперь не без участия Джона и не без материнских слез. Они махали вслед такси с обочины, а оба телохранителя стояли за спинами, словно тени, один в дверях дома, второй – рядом с фонарем.

Потом они вернулись обратно в гостиную, и отец открыл кьянти.

– Знаешь, Джон, – произнес он после первого глотка, – я счастливый человек. Ну, я, конечно, так не выгляжу – можно быть счастливым и иногда забывать об этом, вести себя, словно остолоп, да. Но когда я в своем уме, то осознаю, что счастлив. Не только потому, что женился на твоей матери, и потому, что у нас счастливый брак, хотя это, конечно, очень важно. Но в первую очередь я счастлив потому, что люблю свою работу. Знаешь, можно

любить жену, и это прекрасно, но как часто и сколько ты видишь жену на протяжении дня? Час, может, два. А вот работу ты выполняешь восемь часов и больше, и поэтому, уже только из-за времени, очень важно, нравится она тебе или нет. А я люблю свою работу. Я люблю кожу – на ощупь, на запах, я люблю резать кожу, протыкать шилом дырки; люблю стук молотка, когда прибиваю каблук, люблю пришивать машинкой новые подошвы. Хорошо, я не самый лучший сапожник в мире. Совершенно точно. В основном потому, что давно уже не делал ботинок, я их только чиню. Вот, свои ботинки я сшил сам, но это было бог знает когда. Лет десять назад? Скорее пятнадцать. Ладно, не важно. Но я хочу сказать, что чувствую себя хорошо, когда стою в мастерской, где висят на стенах инструменты, среди всей этой обуви, старых машинок, пахнущих маслом, баночек с ваксой. Время от времени приходят люди, тогда можно поболтать, потом снова остаешься один, можно подумать о своем, а старые руки работают сами по себе. – Он сделал еще глоток и с наслаждением причмокнул. – Ты теперь понимаешь, почему я не хочу прекращать работать? Мне это нравится – так почему я должен завязывать с этим только потому, что это называется «работа»?

Джон кивнул.

– Да. Но деньги примешь.

– Да, я ведь сказал. Можешь сделать это для меня, и я буду рад, что не нужно больше беспокоиться. Знаешь, что меня тревожило? Я всегда переживал, что заработка в мастерской не хватит и я буду вынужден пойти на одну из фабрик. Счастье, что я давно купил и выплатил деньги за дом, потому что если бы мне пришлось оплачивать по нынешним ценам, мне не хватило бы. Не знаю, как будет обстоять дело дальше с маленькими фирмами, ну да ладно, я в этом ничего не понимаю, пусть об этом думают другие.

– Дай же мальчику хоть слово сказать, – одернула его жена. – Ну, расскажи же, Джон, – что у тебя там за печали в Италии?

Джон взял бокал вина обеими руками, как шарик пророчицы, поглядел на плескавшуюся внутри темно-красную жидкость. Свет лампы тридцатилетней давности создавал на поверхности волшебные искры. У вина был сильный и пряный аромат.

– Расскажите мне, – задумчиво произнес он, – что вы знаете о Лоренцо.

15

Она сидела в кресле, словно окаменев, застывшая, оглушенная, безвольно принимая все происходящее вокруг. Она почти не почувствовала, как ускорился и взлетел самолет, смотрела прямо вперед, когда попросили пристегнуть ремни безопасности и надеть дыхательные маски, осознавая только, что вокруг нее есть люди, звуки и что это закончилось.

Как будто она догадывалась. Это должно было случиться неожиданно. И, боже мой, так оно и произошло. Если бы у нее оставались слезы, ей ничего не хотелось бы сильнее, чем поплакать над тем, что случилось. Ее сердце все еще бешено стучало, как будто не прошло уже много часов с тех пор, как она вырывалась, кричала, кусалась и царапалась, пока слуги отеля не оттащили ее прочь. Если бы в руках у нее был нож, она стала бы убийцей. Даже сейчас она испытывала эту дикую ненависть, это безмерное отчаяние, поднявшееся из невероятных источников силы внутри нее, и было приятно представлять себе, как она вонзает нож ему в горло, лишает его, черт возьми, мужского достоинства, кастрирует, как собаку.

Урсула Вален, студентка исторических наук, свободная журналистка из Лейпцига, двадцати шести лет от роду и вот уже два часа пятьдесят минут одинокая, закрыла глаза. Так больно. Это похоже на рану, в животе, в душе. Как будто он вырезал кусок из ее тела. Ей хотелось скрючиться от боли, свернуться на кровати в позе эмбриона, проплакать остаток жизни, беспрестанно жалуясь. Она знала, что не сделает этого, что завтра продолжит работу и не позволит никому заметить того, что произошло.

Открыть дверь, ничего не подозревая, и увидеть его голым – это было еще не самое худшее. И увидеть ту женщину, тоже, конечно, голую. То, что поразило ее до глубины души, словно острая сталь, было то, как он обращался к ней. Как он говорил, двигался, его тон, его жесты… Все это принадлежало *ей* , а он отдавал это другим! То, что она считала его любовью, тем, что относилось только к их отношениям, было всего лишь искусными трюками, его личной уловкой, помогающей уложить женщину в постель.

Сколько денег она потратила, от скольких заказов отказалась, чтобы как можно чаще бывать в Нью-Йорке! Вложила в их отношения, пожалуй, стоимость хорошего подержанного автомобиля среднего класса – а он *просто заменил ее* !

Дышать. Просто дышать. Вдох. Выдох. И ни о чем не думать. Чувствовать, как тело вжимается в сиденье. Вдыхать запах прохладного воздуха из кондиционера. Слушать гул моторов, разговор соседей…

– Слушай, Джон в некотором роде образованный американец конца двадцатого века. – Женский голос, нетерпеливый, резкий, твердый. – Как он может верить в какое-то пророчество?

– У меня не сложилось ощущение, что он в него верит. – Мужской голос, неуверенный, безвольный, слабый. – Он просто принял его во внимание и спрашивает себя, есть ли в этом что-то.

– Нет, нет, дорогой мой. Он четко и ясно сказал, что хочет придержать деньги, потому что верит: ему понадобится все, чтобы исполнить пророчество.

– Он так сказал?

– Да, сказал.

Вот опять этот голос внутри, настаивающий на том, что она догадывалась. Когда она получила заказ написать большую статью к сотому дню рождения автомобиля? В декабре. Уже тогда было ясно, что расследование приведет ее в Чикаго и Детройт. И насколько часто они виделись с тех пор, сколько разговаривали по телефону? Она ни слова не сказала. Просто прилетела из Чикаго в Нью-Йорк, чтобы удивить его, и эта идея возникла неспроста, как она пыталась уверить себя. Ревность нашептывала ей этот план на протяжении нескольких месяцев. *Интересно, чем он занимается, когда меня рядом нет?*

Теперь она это знала. Трахает молоденьких студенток.

– Ну что ж, может, ты и права. – Опять мужской голос. Ему просто хочется покоя, нет желания ссориться. – Может быть, он действительно в это верит. Но я не вижу в этом ничего плохого.

– Меня это волнует. Точно так же, как то, что Маржори не выходит из дома, если ежедневный гороскоп ее пугает.

Как они хорошо смотрелись, когда она сопровождала его на бал прессы Международного исторического общества! Доктора Фридгельма Фанка. Он на пятнадцать лет ее старше, мать американка, отец немец, вырос в Германии, позднее сделал блестящую научную карьеру в США, наконец, стал преподавателем исторических наук в Нью-Йорке, советником ООН. Провел исследование исторической подоплеки балканского конфликта, консультировал генерального секретаря ООН, прежде чем тот принял решение по конфликту в Боснии. Как же не почувствовать себя польщенной его интересом? Как устоять перед тем, что он хвалил ее работы?

А ведь он просто ввел ее в свой гарем, с которым развлекался в спальне.

– Что я могу понять, так это то, что Джакомо Фонтанелли верил в свое видение. Он жил в пятнадцатом веке. Тогда это было нормально. Но сегодня? Я тебя умоляю!

О чем говорит эта женщина? Фонтанелли – это имя ей уже доводилось слышать, в другой жизни, в жизни, полной мечтаний, слепой влюбленности. Это не тот парень, который унаследовал триллион долларов? Сначала она сочла это «уткой», но, похоже, это действительно так. Сложные проценты и пятьсот лет времени – все журналы подсчитали до копейки. С тех пор количество сберегательных книжек в Германии, открытых на новорожденных, выросло в три раза.

Урсула Вален бросила короткий взгляд в сторону. Мужчина показался ей знакомым. Точно – она видела его фото в газете «Бильд». Старший брат наследника триллиона. Единственный из них, кто женился. «Если бы у этого мужчины был сын, то он стал бы самым богатым человеком в мире, – писали газетчики в своей неподражаемой манере. – А так американский налоговый инспектор вынужден довольствоваться сорока тысячами долларов годового дохода». Судя по всему, рядом с ним его жена.

Пророчество? Что за пророчество?

Урсула Вален откашлялась.

– Простите, – улыбнулась она своей самой обворожительной улыбкой. – Я невольно услышала ваш разговор… Ваша фамилия Фонтанелли, не так ли? – Они скользнули по ней взглядами, полными скепсиса, особенно у женщины, когда девушка добавила: – Я журналистка из Германии. Не будет ли с моей стороны слишком большой наглостью спросить, о каком пророчестве вы говорите?

Во время перелета обратно в Европу Джон принял решение разыскать семью своего покойного кузена Лоренцо. Он не мог объяснить себе, чего ожидает от этого, но была в нем какая-то неудержимая тяга выяснить как можно больше о парне, с которым он никогда не был знаком.

Вернувшись в Портечето, он обнаружил, что Марвин исчез, не оставив ни письма, ни записки. Джереми рассказал, что в понедельник утром он разговаривал по телефону, а потом ушел, не сказав ни слова и прихватив с собой рюкзак. София, экономка, вроде бы видела, как ниже по улице его подобрала проезжавшая мимо машина. Франческа, горничная, заявила, хотя ее никто не спрашивал, что убрала его комнату, «все выбросила», как она выразилась. При этом она нервно покусывала губу и смотрела таким взглядом, как будто обвиняла себя в том, что гость из далекой Америки куда-то исчез.

– Странно, – сказал Джон.

Он почти радовался тому, что вечером можно будет посидеть с Марвином. Но, судя по всему, его охватила тоска по родине из-за того, что он сидел один в большом доме, и в итоге он улетел обратно.

Остаток дня Джон бродил вокруг телефонного аппарата, все откладывая звонок родственникам в Рим. В конце концов, они его вообще не знали. Для них он должен быть тем, кто выиграл от смерти Лоренцо. И только когда солнце склонилось к горизонту, наполнив комнату оранжево-красным светом, он наконец решился и набрал номер.

И смотри-ка, женщина на том конце провода, мать Лоренцо, жена кузена его отца, казалось, была вне себя от радости от того, что кто-то интересуется ее мертвым сыном. Да, конечно, он может приехать в любое время, когда ему будет удобно. Завтра тоже, без проблем, она все равно дома.

Положив трубку, Джон испытал облегчение, а рубашка его промокла от пота. Солнце село, оставив темно-красный ободок на горизонте, небо было ясным и звездным. Он поднял голову, посмотрел на скромно поблескивающие точечки света на черном бархате и сказал себе, что с учетом величины Вселенной совершенно неважно, что он здесь делает. Спасет он будущее человечества или нет, звезды будут так же сверкать в своем возвышенном равнодушии.

К своему огромному удивлению, на следующее утро он обнаружил в салоне Марвина: тот лежал на белом диване и листал английский музыкальный журнал.

– Привет, – заявил он, не поднимая глаз. – Ну что? Как погода в Нью-Йорке, ничего?

– Да, можно сказать и так, – сказал Джон. – Была хорошей. – Он рухнул в кресло. – Я удивлен тем, что ты здесь. Вчера вечером я готов был поклясться, что ты улетел домой.

– Забудь об этом. Мне здесь нравится. Я пока побуду, если ты не против.

– Нет, конечно же. Я же говорил. – Его удивляло то, что во время разговора Марвин не смотрел на него. И он не мог отвести взгляда от грубых ботинок Марвина, лежащих

на подлокотнике как ни в чем не бывало.

– Здóрово, – сказал Джон, стараясь, чтобы его растерянность осталась незамеченной. – И что ты собираешься делать здесь, в Италии?

– То, что собирался делать всегда. Пробиваться, – коротко ответил Марвин, погружаясь в изучение фотографии черной лакированной бас-гитары. Он сильно почесал спину, при этом его ботинки заерзали, издавая тихий скрипящий звук, который Джон ощутил всем телом.

– Скажи-ка, – произнес он, – ты не мог бы убрать ботинки с дивана?

Марвин недовольно поднял голову.

– Ты что, становишься мещанином или как?

– Это кожа альпаки. Я отсюда вижу, что твои ботинки оставляют на ней черные полоски.

Марвин не сдвинулся ни на миллиметр.

– Прикинь, ты не разоришься, если купишь еще один.

– Точно, но я не стану этого делать, – вырвалось у Джона, и в его голосе послышалась резкость, которой удивился он сам. – Кто-то работал над этим диваном кучу часов, вложил в него кучу труда. Даже если теперь я настолько богат, это не дает мне права топтать ногами чей-то труд.

– Окей, окей, успокойся! – Марвин подтянул ноги, они соскользнули на пол, и он остался лежать на диване в совершенно неестественной позе. – Доволен?

Джон спросил себя, нормально ли то, что он уже начинает ссориться из-за дивана.

– Прости, – сказал он.

– Да ладно, – великодушно ответил Марвин. – Честно, я понимаю. Ты теперь богатый человек, а у богатых людей есть вещи, за которыми глаз да глаз.

Джон ничего не сказал. Со страшной отчетливостью он осознал, что они уже не товарищи по несчастью, какими были еще три месяца назад, и что им никогда снова такими не стать. Между ними совершенно непреодолимой стеной встали деньги.

– Кстати, я был у Константины, – вдруг заявил Марвин.

– А, – произнес Джон. Но Марвин больше ничего не сказал, и поэтому он добавил: – Здóрово. Я… ну, когда ты пришел недавно… я подумал, что это было просто увлечение.

– Так и есть. Да еще какое. Ты себе даже не представляешь, как она с ума по мне сходит. – Марвин снова полистал журнал. – Просто получилось так, что на прошлой неделе мы практически не вылезали из постели, и я подумал, что несколько дней на расстоянии пойдут на пользу. – И он захихикал. – Молодая прокурорша… Ее так взяло, когда я предложил ей покурить травки! Спорим, она никогда раньше не делала этого.

Джон заморгал. Марвин, должно быть, с ума сошел, раз таскает с собой марихуану.

– А что с Брендой?

Марвин отмахнулся.

– Забудь. Там все равно в последнее время все было очень проблематично. – Он отложил журнал в сторону, потянулся, осмотрел обстановку пронизанного солнечным светом салона, словно оценивая ее стоимость. – Скажи-ка, у тебя ведь наверняка найдется для меня работа?

– Работа? – удивился Джон.

– Я подумал, что ты можешь нанять меня в качестве личного секретаря или кого-то в этом роде, – пояснил Марвин. – Твой чувак на все случаи жизни. Вот как с часами для твоего отца. Ну – признай, что я устроил это для тебя по высшему разряду, так ведь? Если бы тот тип из ломбарда заметил твое имя, которое выгравировано на обратной стороне часов, то тысячи долларов, которую ты мне послал, наверняка не хватило бы.

Джон смотрел на него и чувствовал себя ошарашенным.

– Я не знаю…

– Тебе нужен кто-то такой, чувак! – Голос Марвина приобрел тот же самый тон, которым он обычно разговаривал с Константиносом, и тот, несмотря на все его долги,

еще раз давал кредит. – Ты теперь богат и знаменит. Не можешь никуда пойти без телохранителя. Повсюду люди смотрят на тебя. Твои деньги – как золотая клетка. Чувак, и поэтому тебе нужен личный секретарь. Кто-то вроде меня – умный, находчивый, кому можно доверять. Кто-то, кого ты можешь незаметно послать, чтобы он таскал для тебя каштаны из огня…

Джон почувствовал себя загнанным в угол. Почему-то его охватило нехорошее чувство. О каждой работе, которая была у него, Марвин рассказывал ужаснейшие истории, как его использовали, как плохо обращались. И со временем он начал сомневаться в том, что Марвин действительно всегда был так уж безгрешен.

С другой стороны – чем дольше Марвин убеждал его, тем сильнее это казалось неизбежным шагом. Как будто таким образом между ними могла возникнуть платформа для новых отношений.

– Ну ладно, – наконец произнес он не слишком довольным тоном. – Ты трудоустроен.

– Эй, я знал, что могу рассчитывать на тебя, приятель, – усмехнулся Марвин. – Я полагаю, что тогда я вполне могу остаться жить здесь; как бы там ни было, твой секретарь должен быть рядом, так? – Должно быть, по лицу Джона пробежала тень, и тот поспешил добавить: – Конечно же, первое время. Я полагаю, что мисс Ненасытная Константина скоро все равно будет настаивать на том, чтобы я переехал к ней. Ах да, – вспомнил он, – сколько будешь платить?

У Джона не было ни малейшего желания ломать над этим голову.

– А ты как себе это представлял?

– Как насчет пяти тысяч долларов в месяц?

– Ладно.

Что такое для него пять тысяч долларов? Долгий вдох, не более того. Кроме того, рано или поздно закончится тем, что все время Марвин будет проводить у Константины.

Джону пришла в голову мысль. Он потянулся за блокнотом, который был у него в самолете, просмотрел нацарапанные строки.

– У меня для тебя как раз есть поручение, – сказал он.

– Давай глянем! – с воодушевлением воскликнул Марвин.

– Купи мне книги на английском языке. Джереми я не могу послать, он испанец и знает английский ровно настолько, сколько нужно для дворецкого. А идти самому, с телохранителем и прочим, мне бы не хотелось.

– Книги? – Марвин выглядел так, как будто услышал это слово впервые в жизни.

– Все, что можно найти на тему защиты окружающей среды, роста населения, парникового эффекта, загрязнения воздуха, вымирания видов, озоновой дыры и так далее. Полная библиотека на тему будущего человечества.

– Минутку, – проворчал Марвин. – Это нужно записать. У тебя есть чем?

Джон протянул ему ручку из своей папки, и тот принялся записывать на обратной стороне своего журнала.

– Так, как там было? Защита окружающей среды и что еще?

Джон еще раз продиктовал ему список.

– И, кроме того, книги на тему экономики и финансов. То, что сможешь достать.

– Тебе понадобится куча полок, я так понимаю.

– Да. Их тоже можешь сразу приобрести. И установить. Сделаем из маленького салона библиотеку.

Марвин нахмурил лоб, продолжая записывать.

– А не знаешь, где в стране спагетти достать английские книги?

– Нет, – признался Джон. – Я бы попробовал во Флоренции, это ведь город университетов.

– Сделаю. Можно мне взять «феррари»?

– Он понадобится мне самому, – ответил Джон. Марвин и зубную щетку у него выпросит, если он будет уступать во всем. – Можешь взять маленький пикап. У Софии есть

от него ключи.

– Это экономка?

– Да.

– Окей. – Марвин без особого удовольствия поднялся. – Получилось быстрее, чем я предполагал. Я тогда по возможности открою счет и что там еще нужно, ладно?

– Давай. Номер счета скажешь Джереми, он управляет всеми сотрудниками.

– Вижу, вижу, у тебя все схвачено. – Выходя, он еще раз остановился и обернулся, на лице у него было недовольное выражение. Он медлил. – Можно еще кое-что спросить?

– Давай.

– Ты заплатил бы и десять тысяч, если бы я потребовал?

Джон пожал плечами. Он и сам этого не знал.

– Вот дерьмо, – проворчал Марвин и вышел.

Когда вскоре после этого зазвонил телефон, он понял, что это незнакомец. Он просто знал это.

– Вы подумали? – поинтересовался грудной голос.

– Все время думал, – ответил Джон, и ему вдруг захотелось позлить его. – Вы случайно не летели вчера из Нью-Йорка в Париж?

– Прошу прощения? – Смотри-ка, его тоже можно слегка озадачить.

– Мне показалось, я вас узнал.

Миг тишины, затем негромкий смех.

– Хорошая попытка. – Снова совершенно независимо. – Но вернемся к вашим планам. Что вы будете делать со своими большими деньгами?

– На данный момент самая лучшая идея, которая пришла мне в голову, заключается в финансировании проекта по контролю рождаемости.

Почему он это рассказывает? С другой стороны, почему бы не рассказать ему это? В конце концов, это ложь. Правдой было то, что он пребывал в совершенной растерянности. А об этом ему говорить не стоило.

– Впечатляет. – Это прозвучало почти как похвала. – А могу я спросить, по какой причине?

Джон прошел к дивану, сел и попытался, не выпуская трубки из руки, указательным пальцем стереть следы ботинок Марвина. Тщетно.

– Я думаю, что все проблемы, с которыми сталкивается человечество, связаны между собой. Проблемы возникают из-за условий, которые, в свою очередь, являются следствием других проблем. И если проследить эту цепочку до самого начала, в конце концов наткнешься на то, что население Земли неуклонно растет. И рост численности населения – это то, что Саддам Хусейн, вероятно, назвал бы «матерью всех проблем».

Похоже, эта формулировка развеселила его.

– Пока что я с вами согласен.

– Поэтому ни одну проблему саму по себе не решить, но можно разобраться со всеми разом, если решить проблему, которая находится в корне всего. – Говорить было приятно. Приходили мысли, которых раньше и не было. Он удивлялся самому себе. – И проблему роста населения можно решить только путем контроля рождаемости.

– Хорошо. В принципе правильно и почти то, что нужно. Но за оригинальность или глубину я не зачту вам балл, если только вы не опишете мне, как конкретно мог бы выглядеть этот проект.

Джон нахмурил брови.

– Как конкретно он должен выглядеть? Что ж, контроль рождаемости – это предотвращение беременностей. Нужно сделать средства для этого доступными для людей, научить их правильно применять их и так далее. И так во всем мире.

– О каких людях мы говорим? О мужчинах? О женщинах? И что вы хотите сделать доступным? Таблетки? Презервативы?

– Пожалуй, это уже детали.

– Детали, вот именно. Но в жизни важны именно детали. Что вы собираетесь делать со странами, которые запретят ваши действия? Странами, где правят фанатичные муллы или где папство имеет сильное влияние? И что вы собираетесь делать с людьми, которые *хотят* иметь много детей? Вы ошибаетесь, полагая, что в развивающихся странах рождаются только нежеланные дети.

– Хм… – произнес Джон.

Об этом еще действительно нужно подумать. До сих пор его идеи исполнения пророчества не уходили дальше представлений о бесконечной болтовне за столом переговоров.

– Я думаю, пришло время нам встретиться, – произнес незнакомец.

– Сначала вы должны сказать мне, кто вы такой, – возразил Джон.

– Вы узнаете это, когда мы окажемся лицом к лицу.

– Пока я не узнаю вашего имени, я не стану договариваться с вами о встрече.

Патовая ситуация, пожалуй, это можно назвать так.

– Ну хорошо, – произнес низкий голос. – Тогда не встретимся. Но, мистер Фонтанелли, прошу вас, помните об одном: я знаю, что нужно сделать. Вы не знаете. Если вы хотите узнать это, вы должны прийти ко мне, и это минимум.

С этими словами он положил трубку.

Джон, нахмурившись, смотрел на телефон.

– Кто он, по его мнению, такой? – пробормотал Джон.

На следующее утро он помчался в Рим в сопровождении одного лишь Марко, который после тормозного маневра сухо заметил, что может защитить его в лучшем случае от убийцы и похитителя, но не от столкновения с автомобилем. Они добрались до первых предместий, когда открылись магазины, и Джон купил большой букет цветов. Флористка, которой он объяснил, чего хочет, заверила его, что составила букет так, чтобы это соответствовало трауру.

Мать Лоренцо оказалась, что было очень грустно, красивой женщиной, стройной, с правильными чертами лица, самое большее лет сорока. Она приветствовала Джона серьезно, но сердечно, позволила объяснить, кто такой Марко, не вдаваясь в подробности, а затем пригласила обоих в кухню.

– Ты похож на своего отца, – заметила она, расставляя кофейные чашки.

Когда Джон в очередной раз неуверенно назвал ее «синьорой Фонтанелли», она покачала головой и велела:

– Называй меня Леона, Джон!

Было не похоже на то, что она проплакала все утро. Она выглядела так, как будто плакала без остановки на протяжении последних трех месяцев и только несколько дней назад приняла решение вернуться к жизни. Кожа на ее лице была почти прозрачной, размокшей, длинные черные волосы лишились блеска.

– Он не пришел домой в тот вечер, – бесцветным голосом рассказывала она, устремив взгляд куда-то вдаль. – Он ушел после обеда, чтобы встретиться с кем-то, с каким-то школьным другом. Я еще вижу, как он поднимается по холму, – из окна кухни видно дорогу, и иногда, когда я смотрю туда, мне кажется, что в любой миг он может спуститься с горы, и я стою и жду… День был солнечный. Я выставила цветы после полудня… – Она умолкла, молча посидела, погруженная в воспоминания. Затем вернулась к реальности, посмотрела на Джона. – Хочешь увидеть его комнату?

Джон судорожно сглотнул.

– Да, – сказал он. – С удовольствием.

То была большая комната на втором этаже, заставленная старой темной мебелью дедовских времен и большим черным роялем, который, однако, казался узким. На рояле лежала стопка нот, а на них – футляр с серебряной флейтой, наполовину прикрытой платком.

На стене в рамке висела грамота.

– Это тот приз по математике, что он выиграл, – пояснила Леона, стоявшая со скрещенными на груди руками, словно сдерживаясь. – А еще он получил пятьсот тысяч лир и тут же потратил их на книги. – Быстрый жест в сторону книжного шкафа.

Джон склонил голову, пытаясь разобрать названия. Много книг по математике, астрономии, справочник по экономике и зачитанный экземпляр «Доклада Римскому клубу».

– Можно взять это? – спросил он.

– Да, да. Он часто читал его, даже когда был младше. Я даже не знаю, откуда он у него.

Джон открыл книгу. На каждой странице были отмечены предложения, подчеркнуты разными цветами, на полях или на иллюстрациях нацарапаны заметки. Он полистал. Итальянским он владел недостаточно хорошо, чтобы уяснить содержание сразу; все, что он мог прочесть, – это промежуточные заголовки. Но их хватило, чтобы понять: Лоренцо уже много лет назад занимался именно теми вопросами, с которыми он, Джон, столкнулся только недавно.

Вся книга была проработана, от начала и до конца. Джон чувствовал себя пустым, опечаленным, как обманщик, внезапно увидевший неизбежность разоблачения. Произошла страшная ошибка. Судьба допустила оплошность. Недостойный унаследовал состояние, тот, кто не может сделать с его помощью ничего разумного.

Из книги выскользнул листок бумаги и упал на пол. Джон быстро поднял его. Вырезка из газеты. На выцветшем фото был изображен мальчик лет двенадцати или тринадцати у большой доски, вдоль и поперек исписанной и исчерченной кривыми и формулами. В руках мальчик держал грамоту, которая теперь висела в рамочке на стене, и смотрел в камеру столь же серьезно, сколь и уверенно.

– Ах, вот куда он ее засунул! – воскликнула Леона, беря бумажку. – Я искала вырезку повсюду и не могла найти. Спасибо.

Фотография Лоренцо потрясла Джона. Мало того, что он был умным и образованным, на фотографии он излучал уверенность и решительность. Качества, которых Джону всегда недоставало. У него не было для них подходящего слова. Может быть, независимость. Контроль над своей жизнью. Может быть, даже харизма.

Теперь он понимал, почему Вакки были так уверены в своей правоте, слишком хорошо понимал. «Вот чего я не понимаю, так это того, как они могут видеть истинного наследника во мне», – подумал он. Но, может быть, они действительно не видят. Он показался себе идиотом. Он мечтатель, как и говорила всегда его мать, без цели и инициативы. И он наверняка не тот, кто имелся в виду в пророчестве. Он просто носил костюмы Лоренцо, водил его машину, жил в его доме.

Леона откинула крышку массивного секретера. Под ней оказалась пишущая машинка, маленькая и черная, почти музейный экспонат.

– Он часто сидел здесь и писал. Конечно, он хотел иметь компьютер, как и все мальчики. А машинку унаследовал от деда. – Она провела рукой по аппарату.

– А что он писал? – спросил Джон, скорее чувствуя, что она ждет этого вопроса. Больше всего ему хотелось сбежать. Раствориться в воздухе.

– Да разное. Не знаю. Когда-нибудь я просмотрю его вещи. Однажды он показывал мне пьесу. Не знаю, хороша она или нет. Много писем писал, разным людям. И статьи для школьной газеты, в таком духе.

– Статьи для школьной газеты? – Почему-то это вызвало интерес.

– В последнем выпуске была одна, подожди… – Она просмотрела небольшую стопку тоненьких тетрадей со странными рисунками на обложках. – Вот.

Джон взял тетрадь. На ней была надпись: «Ритирата». Туалет. Открыл содержание. Название главной статьи выпуска звучало так: «Путь человечества в XXI век. Лоренцо Фонтанелли». Джон почувствовал, как ускорился пульс.

Просто невероятно. Это была по-настоящему длинная статья, подробно рассматривавшая и анализировавшая проблемы, с которыми столкнулось человечество

на пороге в новый век. Причем всего лишь на десяти страницах.

– Можно мне сделать копию? – спросил Джон, во рту у него пересохло.

– Можешь взять тетрадку. У меня есть еще парочка экземпляров. Прошу тебя, мне будет приятно.

«Спасибо», – хотел сказать Джон, но ему вдруг не хватило дыхания. Он пролистал статью до конца и прочел последний абзац. Потом в недоумении прочел его еще раз.

«Довольно много проблем сразу, и на первый взгляд может показаться, что ситуация – хуже некуда, – заканчивал свою статью Лоренцо. – Но я продемонстрирую, что за всем этим стоит простая конструкционная ошибка нашей цивилизации, в которой виноваты мы сами – и которую мы поэтому можем сами и устранить. Так что не спешите с самоубийствами, читайте следующий выпуск “Ритираты”!»

16

После того, как телефонный разговор был закончен, Кристофоро Вакки еще некоторое время подержал аппарат на коленях, устремив взгляд куда-то вдаль. Улыбнулся про себя.

Грегорио отчетливо откашлялся, разрушив очарование мгновения.

Padrone еле слышно вздохнул. «Молодые люди еще не понимают тонких сил, работающих за кулисами объективной действительности», – подумал он.

– Ты удивлен? – спросил он сына.

– Конечно. Спрашиваю себя, знаешь ли ты, что делаешь.

Тот отставил телефон в сторону.

– Настало время обнародовать всю историю.

– Это противоречит договоренностям.

– Может быть, я просто не могу противостоять искушению поиграть с судьбой, – произнес Кристофоро Вакки.

– Ничего! – сказал Марко. – Его здесь нет.

Джон стоял среди бумажных стопок, словно полководец посреди войска, разглядывая разобранные полки и зевы открытых шкафов.

– Мы точно ничего не пропустили?

Телохранитель вздохнул.

– Нет.

После долгих уговоров Леона с неохотой разрешила поискать рукопись второй части статьи среди вещей Лоренцо.

– Но на это время я выйду, – заявила она.

Джон привлек Марко, который быстрее читал по-итальянски, чем он сам, и они вместе проделали уже вторую систематическую попытку просмотреть все, что было похоже на исписанные страницы. Они нашли стихи и пьесу, о которой говорила Леона, еще несколько прозаических текстов, напечатанные списки книг, которые Лоренцо брал в различных библиотеках, непочтительные сочинения на религиозные темы, рефераты по биологии и географии, все без четкой системы. Две толстые папки были заполнены математическими трактатами, в которых Джон понимал меньше, чем ничего.

Во время поисков они время от времени натыкались на рукописи, по всей видимости, заметок для школьной газеты: собрания цитат учителей, бурная критика общественных отношений и проводимых правительством мероприятий, сочинения на тему прав человека и защиты животных. И только вторая часть статьи не нашлась.

– Наверное, он уже отдал ее в редакцию, – сказал Марко, похожий на усталого медведя.

Он уселся на пол перед кроватью, явно не испытывая желания пролистывать эти груды в третий раз.

Джон кивнул.

– Но убрать мы должны.

Офис школьной газеты размещался в подвале школы, в нем были высоко расположенные крохотные окна, так что оставалось много места для полок, где теснились вскрытые пачки бумаги, пустые бутылки из-под пива и колы, книги с кучей закладок и роскошные папки. Стулья были столь же потрепанными, как и столы, монитор единственного компьютера мигал, телефон стоило сдать в музей, а принтер негромко попискивал. А еще здесь едко пахло сигаретным дымом.

И неудивительно, что мальчик, представившийся главным редактором, оказался тщедушным малым с жирными волосами, живыми глазами за очками в тонкой оправе и ловкими пальцами, которые постоянно были заняты либо скручиванием сигарет, либо набрасыванием заметок, когда сигарета уже горела.

– Какая честь, какая честь! – приветствовал он их, освобождая два стула от коробок и пепельниц. – Пожалуйста, присаживайтесь, синьор Фонтанелли; к сожалению, условия в нашей маленькой редакции весьма скромные, однако с помощью небольшого или не такого уж небольшого пожертвования мы вполне сможем пробиться…

Джон сел. Марко предпочел остаться стоять в дверях со скрещенными на груди руками.

– По телефону вы выразились, как бы это сказать, *двусмысленно* – что, впрочем, разбудило мое любопытство, вынужден это признать. Я понял только то, что Лоренцо был вашим кузеном, верно?

– Его отец был кузеном моего отца, – пояснил Джон. – Не знаю, существует ли слово для такого родства.

– Ах, понимаю, понимаю. Нет, я тоже сейчас не вспомню слово. Вы сказали, что ищете что-то, что написал Лоренцо… – Он вынул из-под стопки газет, больших конвертов и пыльного ночного колпака магнитофон. – Ах, вы не будете против, если я запишу наш разговор на пленку? Эксклюзивное интервью с самым богатым человеком в мире могло бы поднять тираж нашей газеты, которая хронически находится на грани банкротства, что, честно говоря, сейчас интересует меня больше всего.

Джон колебался.

– Я не уверен…

Молодой газетчик уже орудовал кнопками.

– Интервью с Джоном Сальваторе Фонтанелли, триллионером, во второй половине дня… Где же календарь? Понятия не имею, какое у нас сегодня число, седьмое июля или что-то в этом роде. – Он поставил черный ящичек на край стола между ними. – Синьор Фонтанелли, вы дальний родственник нашего покойного одноклассника Лоренцо. Насколько помню соответствующие сообщения в газетах, если бы Лоренцо не погиб незадолго до дня «икс», то он стал бы наследником триллионного состояния, верно?

– Да, – протянул Джон. Почему-то он снова чувствовал себя сбитым с толку. – Все верно.

– И вот вы нашли в его бумагах последний выпуск пользующегося хоть и дурной, но славой журнала «Ритирата», а в нем – первую часть статьи Лоренцо Фонтанелли о проблемах человечества, так вы сказали по телефону. И вы пришли в редакцию, поскольку ищете вторую часть этой статьи, в которой должно быть решение перечисленных проблем. Позвольте задать вопрос, синьор, не ищете ли вы в наследии своего кузена Лоренцо идеи по поводу того, что вы можете сделать для человечества при помощи своего баснословного состояния?

Джон посмотрел на него. Паренек держался бодро, к тому же был тертым калачом, если он хоть что-то понимал в людях. Джон указал на магнитофон.

– Выключите это.

Глаза за очками заморгали, как будто парень резко поглупел.

– Синьор, в этом ничего такого, я просто задам пару вопросов, а вы… – Он заметил, что Марко сдвинулся примерно на миллиметр или около того, и поспешно схватил магнитофон, чтобы выключить его. – Ну ладно.

– Итак, – поинтересовался Джон. – Что там насчет рукописи второй части?

– Н-да. Предвижу проблемы, – заявил парень, имя которого Джон уже успел забыть. Антонио или как-то так. – У меня ее как бы нет.

Джон и Марко быстро переглянулись. И тогда Джон медленно произнес:

– Если дело в деньгах – конечно же, я сделаю немаленькое пожертвование взамен на эту небольшую услугу.

– Да, да, надеюсь, что так, но, видите ли, я выпустил первую часть, не имея в руках второй, поскольку Лоренцо торжественно поклялся мне, что она почти готова и он вскоре пришлет мне ее. В таких вещах на него всегда можно было положиться, поэтому я ничего такого не подумал. Я имею в виду, того, что он засунет себе в рот грушу, полную пчел, – этого никто не мог предположить. Как бы там ни было, второй части у меня нет. В следующий выпуск мы вместо этого вставили некролог.

– Он сказал, что *пришлет* ее? – переспросил Джон. – Но ведь Лоренцо ходил в эту же школу, верно?

– Верно, но он никогда не являлся сюда, в офис. Я думаю, он что-то имел против сигаретного дыма, а мы не можем без этого работать. Чаще всего мы общались по телефону, время от времени в школьном дворе, и свои рукописи он всегда присылал. Полагаю, что так он казался себе больше похожим на писателя.

– И давно он собирался прислать рукопись?

– Хм, да, погодите… Последний раз я разговаривал с ним дня за три или четыре до его смерти, так что, скажем, два месяца или около того. Скорее даже больше.

Джон нахмурил лоб.

– Значит, она не может быть в пути.

– О, я бы не сказал, в итальянской почте возможно все. Мой отец послал своей первой великой любви письмо с объяснением, которое та получила уже после рождения своего первого ребенка, конечно же, от другого мужчины, за которого тем временем вышла замуж…

– Иными словами, – продолжал Джон, – возможно, что второй части статьи вообще не существует.

Они гонялись за фата-морганой.

Ловкие руки затушили очередную сигарету об открытую банку колы и тут же потянулись к кисету.

– Я с удовольствием поищу еще. Сколько, говорите, вы готовы пожертвовать в случае успеха? Миллион долларов?

– Я не называл число, – произнес Джон, поднимаясь. – Но я не пожадничаю. – Он протянул ему свою визитку. – На случай, если найдете.

Нужно будет передать в секретариат его имя для списка отправителей, письма от которых должны попадать к нему нераспечатанными. Пусть даже если письмо от него никогда не придет.

Сверху открывался вид на скрытый за пеленой дождя Гамбург, серое море мокрых крыш, окружавших ржавую гавань. Урсула Вален села в кресло для посетителей, которое освободил для нее Вильфрид ван Дельфт, и ждала, в то время как руководитель отдела развлечений, СМИ и современной жизни журнала «Штерн» стоял перед заполненным шкафом со стопкой книг и кассет, ранее лежавшей на сиденье, и искал для нее место.

– Это так расстраивает… – вздохнул человек, которому было уже за пятьдесят, обладатель редких рыжеватых волос и фигуры, на удивление хорошо сохранившейся для ведущего сидячий образ жизни человека. – Кто ввел понятие потока информации? Должно быть, он был провидцем. Пророком, я бы даже сказал. – Наконец он сдался, сложил все в кучу, которая уже возвышалась в углу, и вернулся за свой рабочий стол. – Как там Америка? – спросил он, сложив широкие ладони.

Урсула Вален озадаченно взглянула на него.

– Откуда вы знаете, что я была в Америке?

– О, я с величайшим интересом слежу за вашей работой, вы же понимаете? – Он улыбнулся, словно волшебник, которому хорошо удался фокус. – Не считая этого, вы должны понимать, что редактор, который дал вам поручение, хоть и работает для другого журнала, но получает зарплату с того же счета, что и я. Так уж повелось в сегодняшнем издательском мире. Дракон один, голов много.

Урсула неспешно кивнула. Ей все еще было нелегко понять, что представляют собой издательские конгломераты. И думать об этом ей не нравилось, поскольку вызывало неприятные воспоминания об унифицированной прессе ГДР.

– С удовольствием пришлю вам экземпляр, если пожелаете.

Ван Дельфт поднял руки.

– Не делайте этого. Пожалуйста, только те статьи, которые я могу напечатать.

– Раз уж мы заговорили об этом… – начала Урсула. – Я наткнулась на нечто такое, из чего может получиться сенсационная история. И я хочу заняться этим делом.

– В прошлый раз вы утверждали, что для вас важнее всего закончить учебу.

– Помню.

– Ну ладно. Мои уши в вашем распоряжении.

Урсула рассказала ему о встрече в самолете, изменив некоторые детали, поскольку не хотела, чтобы ее спрашивали о том, что она делала в Нью-Йорке.

– Я хочу сказать, – закончила она, – зачем им обоим притворяться ради меня? Они не знали, кто я; в этом не было смысла. С другой стороны, существование такого пророчества могло бы примерно объяснить, почему семья адвокатов свято хранила это невероятное состояние на протяжении веков и почему в конце концов действительно отдала его.

Ван Дельфт принялся поигрывать своим большим ножом для открывания писем. Так он поступал всегда, когда напряженно размышлял.

– И вы уверены, что это был брат Фонтанелли?

– Абсолютно.

Он откинулся в кресле, посмотрел на исчерканный календарь, висевший на стене за его спиной, выглядевший почти так же пестро, как детсадовские рисунки его внучки над ним.

– Это интересно, тут вы правы, – признал он. – Но понимаете ли вы, что изложенная история должна быть абсолютно неуязвима, чтобы мы смогли ее опубликовать?

– Совершенно, – кивнула Урсула.

Двенадцать лет назад «Штерн» попал впросак с поддельными дневниками Гитлера, это было фиаско, от которого журнал не оправился до сих пор.

– Причем, – произнес ван Дельфт, проведя пальцами по лезвию ножа для писем, – случайно подслушанный разговор между попутчиками – это явно не то, что я понимаю под надежным источником.

– Это совершенно ясно. Первым делом я поеду во Флоренцию и посмотрю оригинал завещания. Если в нем отыщутся указания на то, что в этой истории что-то есть, то поищу в других источниках по поводу Джакомо Фонтанелли… – Она остановилась, поскольку ван Дельфт заулыбался так, словно она сказала нечто совершенно идиотское.

– Мое дорогое дитя, вы хоть представляете себе, на что замахиваетесь? Семья Вакки полностью отгородилась от журналистов, ничего подобного я прежде не видел. Список коллег, в расстроенных чувствах вернувшихся из Флоренции, может протянуться отсюда и до Альстера. Полагаю, вам будет легче получить разрешение сфотографировать Майкла Джексона под душем, чем доступ к бумагам Вакки.

– Правда? – удивилась Урсула.

– Правда. Американские газеты уже предлагали за это миллионы долларов. Но Вакки и сами богаты. Тут уж ничего не поделаешь.

Теперь Урсула улыбнулась и откинулась назад.

– Интересно, – сказала она. – Вчера я разговаривала по телефону с Кристофоро Вакки

и изложила ему свою просьбу, и он пригласил меня приехать. В следующий вторник. Он даже встретит меня на вокзале.

Ван Дельфт едва не порезался своим ножом для писем.

– Вы шутите.

– Я уже побывала на вокзале и посмотрела маршрут. Осталось только забронировать билет.

– И вы уверены, что разговаривали со стариком Вакки? – Увидев выражение ее лица, он отмахнулся. – Ну ладно. Глупый вопрос. Что, ради всего святого, вы ему рассказали?

– Только правду. Что я изучаю историю и подрабатываю в газете.

Вильфрид ван Дельфт покачал головой. Происходящее явно выбивало его из колеи.

– И вы сказали ему, что хотите посмотреть завещание?

– Конечно. Он только поинтересовался, знаю ли я латынь. – Она закусила губу, когда поняла, что означает реакция ван Дельфта. Набрала в легкие побольше воздуха и сказала: – Я предлагаю вам право первой перепечатки статьи, которую напишу.

– Право первой перепечатки?.. – эхом повторил за ней ван Дельфт.

– В Германии, – добавила Урсула, лихорадочно размышляя, куда дела визитную карточку пресс-агента, с которым познакомилась на приеме у руководства концерна. Сейчас все должно случиться очень быстро. – Не эксклюзивное.

– А я и не знал, что вы такая деловая, – с кислой улыбкой произнес Вильфрид ван Дельфт.

Дело с библиотекой продвигалось еще медленнее, чем опасался Джон. Спустя почти неделю Марвин поставил в комнате, где работники дома навели порядок в тот же день, когда Джон принял решение о перестановке, одну жалкую полку с примерно тридцатью книгами, в основном с эзотерическими названиями. Они обещали возвращение НЛО, толковали пророчества Нострадамуса относительно приближающегося конца света или требовали возвращения к кочевому образу жизни.

– Я хотел *научные* книги! Физика, биология, социология. Экономика. А не этот бред.

Марвин лежал на диване и читал книгу под названием «Великие заговоры».

– Они заказаны, не волнуйся, – заявил он, не поднимая глаз. – А эти у них имелись в наличии, и я подумал, что пусть будут для ровного счета. С их помощью ты можешь ознакомиться с некоторыми мыслями, которые выпадают из общего шаблона.

Джон оглядел обложки обеих книг, которые держал в руках.

– Вера в Нострадамуса или в НЛО не кажется мне особенно нетрадиционной.

– Вот эта довольно содержательная, – произнес Марвин, поднимая книгу, которую он читал. – Если верно то, что здесь написано…

– …что, к счастью, не так… – прорычал Джон.

– …то на самом деле ты – жертва заговора.

Джон закатил глаза.

– Почему-то я так и думал, что ты это скажешь.

– Все дело в дне «икс». Двадцать третье апреля. Двадцать три – это символическое число для иллюминатов. Их заговор – самый тайный в мире, они готовы были разрушить все и вся, чтобы только дорваться до мирового господства.

– Если он такой тайный, то почему о нем написано в этой книге?

– Ну, то и дело что-то просачивалось. Кеннеди, к примеру, стал для них слишком опасен, поэтому они приказали убить его. Двадцать третьего числа, чтобы продемонстрировать всем посвященным свою силу.

Джон скептически посмотрел на него.

– Если я правильно помню, покушение состоялось *двадцать второго* ноября.

– Правда? – запнулся Марвин. – Забавно. Может быть, они ошиблись. Они все делают через подставных лиц, знаешь, и, может быть, те неточно придерживались инструкций.

– Ах да, – кивнул Джон. – Я прямо так и вижу, какие у них были потом проблемы.

Ты, кстати, уже открыл счет?

– *Nope* [37]. Забыл.

– Если ты им когда-нибудь обзаведешься, дай номер мне, а не Джереми. Окей?

Когда он увидел одинокую полку, ему стало ясно, что поднимется открытый протест, если слуги узнают, какую княжескую зарплату получает за свое бездельничанье Марвин. Придется проводить это в обход Джереми, с другого счета, в которых, к счастью, недостатка не было.

Но чувствовал он себя при этом скверно. В принципе, получается, что он наказывает тех, кто честно работает на него. В точности так, как говорил его отец.

Марвин кивнул, зевая.

– Все ясно.

Позже, когда Марвин сбежал на встречу с Константиной, Джон снова занял место на террасе, которое оборудовал для себя под натянутым тентом несколько дней назад: стол и стул, письменные принадлежности, итальянско-английский словарь и копия статьи Лоренцо. Он решил сам перевести текст на английский, чтобы было легче читать, поскольку надеялся, что таким образом сможет лучше понять его.

Несколько лет назад писалось и говорилось так много – так много страшного – на тему «границ роста», будущего человечества и так далее, что людям это надоело. Никто больше не хотел читать подобные книги и статьи, поэтому их перестали писать. И поскольку больше ничего не появлялось, у всех возникло чувство, что все не так плохо, как считалось раньше.

Но это чувство обманчиво. Поколение наших родителей – тех, кто родился вскоре после войны, влюблялся под музыку Дэвида Боуи, групп «Пинк Флойд» и «Абба», тех, кому Папа Павел VI запрещал половую жизнь, – пережило золотой век человечества. Качество их жизни было выше, чем было когда-либо и когда-либо будет снова. Мы же, друзья, застали уже конец этой эры.

Причина спада такая же, как и причина подъема: индустриализация. Технические открытия привели к улучшению жизненных условий, которые должны казаться человеку прошлых столетий похожими на чудо. Но дело было не только в открытиях, повлиявших на эти изменения; они не сделали бы ничего, если бы их не стали использовать на широкой основе: автомобиль каждому, телефон и цветное телевидение в каждый дом. Именно индустриализация сделала возможным такое распространение. Антибиотики нужно производить в промышленных масштабах, чтобы они были в распоряжении каждого всегда и везде. У методов современного сельского хозяйства нет почти ничего общего с методами прошлых веков. Машины, искусственные удобрения и пестициды настолько повысили урожаи, что сегодня уже ведется борьба с излишками производства.

Прогресс в области медицины привел к тому, что снизилась детская смертность и возросла средняя продолжительность жизни, следствием чего стало резкое возрастание численности населения. До сих пор высокие урожаи в сельском хозяйстве кое-как справлялись с этим; голод в мире возникает в первую очередь из-за распределения, но никак не из-за производства. Но сельское хозяйство постепенно начинает сталкиваться с границами пространства, кроме всего прочего, из-за опустынивания повсюду в мире навсегда пропадают посевные площади. Индустрия тоже подходит к границам, а именно – иссякают запасы ресурсов и способность окружающей среды справляться с загрязнениями.

Мы почти ничего этого не замечаем, скажете вы. Предметов первой необходимости достаточно, некоторые из них скорее дешевы, чем дороги. Катастрофического загрязнения воздуха и воды, о которых так часто говорят, все не происходит. Похоже, мы все-таки владеем ситуацией или все же нет?

---

[37] Не-а (*англ.*).

Но если представить себе, что за одну ночь можно было бы вывести весь мир на уровень жизни, к которому мы привыкли здесь, у себя в Италии и в других развитых странах? Миллиард китайцев, ездящих на авто, миллиард индийцев, живущих в отдельных домиках и жарящих в саду шашлык и так далее. Что это будет означать – подсчитать легко. В развивающихся странах живет примерно вчетверо больше людей, чем в развитых. Житель развитой страны загрязняет окружающую среду и использует запасы Земли примерно в десять-двадцать раз интенсивнее, чем житель стран третьего мира. А значит, эксплуатация ресурсов Земли, которая уже и сегодня немала, возрастет еще минимум в десять раз! Это ведь будет означать коллапс.

Иными словами: скоро мы достигнем границ. Поскольку жизнь, которую мы ведем, возможна не для всех людей, это означает, что мы взяли себе больший кусок пирога, чем нам причитается. Мы почти не замечаем описанные проблемы, поскольку нам удалось перенести их в далекие страны. Италия давно уже потребляет больше сырья, чем у нее есть, и это справедливо для всей Европы. Наш постоянный промышленный рост возможен только потому, что мы по невысокой цене вырываем ресурсы у стран третьего мира. А взамен отправляем им свой мусор.

А мы, похоже, все еще недовольны. Несмотря на то что население Италии почти не растет, все наши помыслы и чаяния все так же направлены на экономический рост. Похоже, просто невозможно сказать «довольно!» и удовлетвориться тем, что уже достигнуто. Но куда же это приведет, этот постоянный экономический рост, который для правительств важнее всего остального? Они начинают причитать, если он составляет всего два процента. Допустим, будет пять процентов. Жалкие пять процентов, и можно подсчитать, если вы хоть сколько-нибудь знаете математику. Спустя шестнадцать лет это приведет к вдвое большему потреблению ресурсов, вдвое большей нагрузке на окружающую среду и так далее. С годами даже такой небольшой процент роста приведет к гораздо более гигантскому росту потребления, чем мы можем себе представить.

Дойдя до этого места, Джон кивнул. Именно таким образом и сложилось его триллионное состояние, которое с полным правом можно рассматривать как пример гигантского роста.

Но, конечно же, такое развитие не может продолжаться бесконечно. Если десять лет назад в семье был в среднем один автомобиль, а сегодня в среднем три, то это не значит, что когда-нибудь в каждой семье будет сто автомобилей. Все эти проблемы – сырьевые резервы, загрязнение окружающей среды, здоровье, размножение, уровень жизни, климат и так далее – многократно связаны друг с другом. Изменения в одной области влекут за собой изменения в других. И что может произойти с такой полной взаимосвязей системой? Когда-нибудь нагрузка станет чрезмерной, потому что в одной отрасли что-то сломается, из-за этого начнет ломаться в других областях – эффект домино. В небольшом масштабе мы могли это наблюдать на примере морей севера Европы, которые долгое время, казалось, совершенно спокойно справлялись со сливом в них вредных веществ, чтобы потом внезапно «сломаться»: они превратились сегодня в мертвые воды без растений и рыб. Нечто подобное может произойти и в большой экосистеме Земли, и не исключено, что через 65 миллионов лет разумные насекомые будут удивляться тому, почему мы вымерли столь же внезапно, как и динозавры.

Довольно много проблем сразу, и на первый взгляд может показаться, что ситуация – хуже некуда. Но я продемонстрирую, что за всем этим стоит простая конструкционная ошибка нашей цивилизации, в которой виноваты мы сами – и которую мы поэтому можем сами и устранить. Так что не спешите с самоубийствами, читайте следующий выпуск «Ритираты»!

Что ж, думал Джон, просматривая свой перевод целиком, может быть, не блестяще, но вполне прилично для шестнадцатилетнего подростка.

Впрочем, заявление в конце звучало довольно смело. И было неутешительно понимать, что понятия не имеешь, о чем может идти речь во второй части статьи.

17

Тем временем это уже превратилось в ритуал. Как раз когда Джон собирался ложиться спать, в спальне звонил телефон. Как обычно, звонивший интересовался, насколько далеко он продвинулся в своих размышлениях.

– Я думаю, что сама индустриализация представляет собой проблему, – подытожил Джон, удобно откинувшись на небольшом диване, стоящем перед окном спальни, откуда открывался красивый вид на широкий темный пустой пляж и сверкающий серебром прибой.

Было приятно разговаривать вот так, наобум, когда на другом конце провода есть кто-то, кто внимательно слушает. В такой ситуации приходили совершенно иные мысли. Это было немного похоже на то, что случалось раньше, когда он ходил на исповедь. Или лежал на диване у терапевта – по крайней мере, так он себе это представлял. В своей жизни он только один раз был у терапевта, еще ребенком, потому что мать опасалась его излишней мечтательности и слишком буйной фантазии, а тот заставил его играть в куклы и выдумывать истории. После этого терапевт сказал матери, что ее сын, вне всякого сомнения, мечтатель, но необычайно богатой фантазией все же не обладает.

– Индустриализация? Ага. И что вы собираетесь *делать* с этой мыслью?

– Мы должны отыскать путь обратно. Обратно к природе, хоть в этом и нет ничего оригинального.

Низкий смех прозвучал почти презрительно.

– В первую очередь этот план смертельно опасен, мистер Фонтанелли, вы должны это понимать. Именно индустриальная цивилизация поддерживает жизнь огромного числа людей, по крайней мере, в какой-то степени. Избавьтесь от удобрений и культурных растений, уменьшите количество доступного электричества, и окажетесь среди гор трупов.

– Не сразу, конечно же. Я размышлял о постепенном переходе, с биологическим сельским хозяйством, использованием солнечной энергии, ну, всей этой альтернативной палитры.

– Можно курить сигареты, произведенные в экологически чистых условиях, но они все равно останутся сигаретами. Или можно по-настоящему отвыкнуть от курения. И это сложно. Вы не должны забывать о том, что эта планета без технических вспомогательных средств может прокормить самое большее пятьсот миллионов человек. Едва человечество, население снова достигнет такой численности, как уже не сможет отказаться от техники и промышленности.

Джон вздохнул.

– Ну ладно. У меня нет плана. А у вас, судя по вашим словам, есть?

– Да. Я знаю, что нужно сделать.

– Так скажите мне.

По звуку было похоже, что он усмехается.

– Скажу, но не по телефону.

Что же это за план? Он просто блефует, так же, как и Лоренцо. Нет такого плана. Нет ничего, что можно сделать, судя по всему.

– Мы должны встретиться, – произнес незнакомец. – Как можно скорее.

– Я подумаю над этим, – ответил Джон и положил трубку.

Он чувствовал себя загнанным, запертым в золотой клетке, чувствовал, что тянет за собой состояние как ужасный невидимый груз. Триллион долларов. Невероятно много денег. Тысяча миллиардов. Миллион миллионов. Такая огромная масса денег,

сосредоточенная в нужной точке, потраченная согласно хорошо продуманному плану, повернет колеса истории на другую колею.

Но какая точка самая нужная? Есть ли вообще такая точка – или уже слишком поздно пытаться изменить ход вещей?

Он беспокойно бегал по большому дому, пытался расслабиться в джакузи, снова вылезал оттуда, едва нагревалась вода, выходил на террасу, смотрел на море и не видел его.

В самые мрачные моменты он говорил себе, что его уж точно минуют эти беды. Со своими деньгами он может защитить себя и тех, кто рядом, наилучшим образом. У него будет чистая вода, когда разразится война. Он сможет купить чистый клочок земли и защищать его до последнего. Он закажет постройку бункера, если понадобится. В любой момент он получит самое лучшее медицинское обслуживание, которое только существует. Он может купить, нанять, подкупить, что бы ни случилось.

И в один из этих мрачных моментов он понял, что имелось в виду в пророчестве. *Люди лишились будущего.* Вот это чувство и имелось в виду: это испуганное предчувствие, что теперь все будет только хуже и в конце концов закончится вообще. Взгляды в романтическое счастливое прошлое или полное экстатических наслаждений настоящее – все только затем, чтобы не приходилось думать о будущем, похожем на невероятную черную дыру, к которой неудержимо несется человечество.

Люди лишились будущего. В какой-то момент оно почему-то ушло от них. Они потеряли веру в будущее, а разве не сказано, что вера способна сдвинуть горы? Возможно, что она способна погубить и цивилизации.

Грести побольше. Главное – я. Пока еще можно. Что бы ни случилось потом, ибо «потом» уже не будет. Вычерпать все, что есть, жить, насколько возможно, пока все не рухнет. Не это ли настроение лежит в основе всего происходящего? Если кто-то начинает размышлять над тем, что будет в 2010 году, его ведь высмеивают, верно? Думать, что в 2010 году может быть что-то еще, кроме черного, как сажа, неба, вонючих вод и, вероятно, парочки тараканов, способных пережить все, даже взрыв атомной бомбы, считалось признаком величайшей наивности…

В своих беспокойных метаниях Джон нашел бутылку, которую когда-то прихватил с собой в комнату, бутылку крепкого старого портвейна: она была страшно дорогой, и он с удовольствием осушил ее, бокал за бокалом, пока над ним садилось солнце. И это наконец остановило карусель его мыслей.

Среди книг, которые доставляли ящиками, Джон наткнулся на одну, посвященную теме перенаселения, написанную довольно давно, когда ему было пять лет. Должно быть, Марвин нашел ее в антикварном магазине. Спросить самого Марвина он не мог, поскольку его секретарь, заведовавший всем и ничем, блистал отсутствием; не было также и обещанных полок для библиотеки.

Он пролистал ее, разглядывая многочисленные диаграммы и формулы, почитал наискосок. Понял он немного, только то, что автор, очевидно, известный специалист, подвергал сомнению почти все, что полагалось известным о росте населения. Что, спрашивал он, вообще такое – *пере* население? Почему Калькутта считается перенаселенной, а Париж – нет? Бангладеш заселен так же густо, как и Мальта. Похоже, для того, чтобы местность считалась перенаселенной, одной плотности населения недостаточно. И, в конце концов, может быть, то, что считается перенаселением, – на самом деле просто бедность? Если бы люди в развивающихся странах не были так ужасающе бедны, они могли бы платить больше за продукты питания, и производство дополнительной продукции – при условии инвестирования в оборудование и тому подобное – стало бы рентабельным.

Говорить о демографической проблеме в мире, писал автор, – это слишком обобщать ситуацию. На самом деле уже установлено, что в какой-то момент население мира стабилизируется на определенном уровне, вероятно, между двенадцатью и пятнадцатью миллиардами, и не исключено, что позднее оно снова начнет снижаться: подобные сценарии

развития в локальных масштабах уже существовали в прошлом. А то, что считается перенаселением, следует скорее рассматривать в категории бедности, точнее сказать, обнищания. Нищета – это симптом тяжелого кризиса в общественной и промышленной сфере. Рассматривать это как «соревнование между аистом и плугом», как постулировал еще в девятнадцатом веке Роберт Мальтус, – глупое заблуждение, которое в конце концов приведет к идеологии Третьего рейха.

Джон повертел в руках книгу, изучил тексты на суперобложке и биографию автора. Интересно, он просто успокаивал себя или же в нем говорил голос разума во всеобщем море истерии? Если бы только голова не так гудела, как сегодня утром. Или, точнее, если бы у него голова вообще *варила* ! У него было такое ощущение, что он лишился половины мозга, но на какую бы часть текста он ни посмотрел, повсюду находил холодный, основанный на фактах анализ. Текст вызывал доверие. Может быть, все не настолько драматично?

Он уже вообще ничего не понимал.

Наследник вернет людям будущее, которое они утратили.

Что именно было написано в завещании? Он никогда толком не читал его, поскольку не знал латыни. А попросить помощи ему просто в голову не пришло.

Но помощь ему была нужна. Эта история была слишком объемной, чтобы он мог справиться с ней сам. В кино он всегда восхищался крутыми суперменами, которых играли Том Круз и Арнольд Шварцнеггер: они взваливали на себя беды всего мира и всегда точно знали, куда нужно идти, в конце всегда оказывались правы и всегда побеждали. Если в реальной жизни есть такие персонажи, то он точно не из их числа.

Он позвонил Эдуардо. Попросил сопроводить его во Флоренцию, в архив, и помочь ему прочесть завещание, слово за словом. И что там еще осталось из записей Джакомо Фонтанелли.

– А потом мне хотелось бы, чтобы мы либо пообедали вместе, либо напились, либо подрались как следует.

Похоже, это вызвало у него по крайней мере улыбку. Со времен инцидента с Капанньори он почти не показывался. Может быть, все еще удастся уладить.

– Чего это вдруг весь мир заинтересовался архивом? – спросил Эдуардо. – Я что-то пропустил? Сегодня Международный День Старых Бумаг или что-то в этом роде?

Джон поинтересовался, что он имеет в виду.

– Дедушка отправился туда сегодня со студенткой из Германии, которая изучает историю и интересуется пророчеством Фонтанелли. Он тебе ничего не говорил?

– Нет, – озадаченно ответил Джон. – Откуда она вообще знает, что подобное пророчество существует?

– Хороший вопрос, не так ли? – заметил Эдуардо.

– Я из этой старой макулатуры много не выжму, честно, – признался Эдуардо по пути во Флоренцию. – Пыльная ветхая бумага, больше ничего. Иногда меня по-настоящему нервирует то, что мы привязываемся к каким-то словам, написанным пятьсот лет назад, которые определяют наши действия. По какому праву он ожидал, что мы будем руководствоваться ими?

– Понятия не имею, – заявил Джон. – Сейчас ты говоришь совершенно не так, как Вакки.

Это была первая поездка в бронированном «мерседесе», приобретенном по настоянию Марко. Требовались особые навыки, чтобы справиться с этим транспортным средством, поэтому за рулем сидел Марко. Все пахло новизной, кожей и большим количеством денег. И почему-то ямки на узких дорогах, ведущих во Флоренцию, словно бы выровнялись за ночь.

– Я ведь был последним стражем состояния Фонтанелли, – мрачно вещал Эдуардо. – Мы выполнили свою клятву. После меня семья Вакки наконец-то будет свободна. –

Он выглянул в окно. – И, вероятно, вымрет.

Во Флоренции, как всегда, кишмя кишели туристы. На улицах было не протолкнуться. Прохожие с любопытством взирали на тонированные стекла, когда автомобиль снова застревал в пробке, и Джон вдруг понял, зачем нужны шторки на задних окнах.

К счастью, контора находилась в переулке, не представлявшем архитектурного и исторического интереса, и поэтому здесь было относительно спокойно. К процедуре подъема Джон уже успел привыкнуть; Марко остановился прямо перед входом, несмотря на совершенно очевидный запрет стоянки, вышел, опустив одну руку под пиджак, огляделся по сторонам, а затем открыл заднюю дверь автомобиля. И сел обратно только тогда, когда они оказались в безопасности, в доме. Он собирался припарковать автомобиль неподалеку и ждать, когда его вызовут по рации.

В комнатах древнего особняка по-прежнему пахло прохладой и стариной, но были слышны очень тихие, за пределами порога слышимости, голоса. Значит, *padrone* и эта студентка все еще здесь.

Они поднялись на второй этаж. Дверь была приоткрыта, свет включен. Голоса стали слышнее. Чаще звучал один голос, женский.

Звуки этого голоса вызвали у Джона странное волнение, которое он не мог себе толком объяснить. Может быть, он уже когда-то слышал его? Нет, не может быть. Или он чувствовал обиду оттого, что Кристофоро Вакки допустил кого-то другого в эти комнаты, к этим документам, не спросив его, даже не проинформировав.

Эти двое не заметили, как они вошли. Они сидели в дальней комнате, сосредоточенно склонившись над витриной с завещанием, *padrone* и девушка с длинными светло-каштановыми волосами, у которой были блокнот, ручка и небольшой словарь. Она вполголоса читала вслух перевод и записывала его. «И случилось в ночь на 23 апреля года 1495, что снился мне сон, будто бы со мной говорил Господь…»

Настоящим я, Джакомо Фонтанелли, рожденный в 1480 году от Рождества Христова, заявляю, что это моя последняя воля и распоряжение моим состоянием. Я заявляю это и записываю в присутствии очевидцев, засвидетельствовавших этот документ. Я заявляю об этом заранее, несмотря на то что сегодня, в момент записи, нахожусь в полном расцвете сил и, насколько могут судить люди, далек от смертного одра, ибо далее заявляю я, что после составления своего завещания я отрекусь от всех мирских благ и посвящу себя служению Богу, Господу нашему, поскольку было мне предначертано это еще давно. И заявляю я об этом со всем смирением.

Сном, виденным мною еще в детстве, столь ясным и отчетливым, как никогда прежде и никогда впредь, было мне предначертано это. Итак, случилось это в ночь на 23 апреля года 1495, что снился мне сон, будто бы со мной говорил Господь. Я заявляю об этом со всем смирением, поскольку я действительно чувствовал, что Господь позволил мне ощутить крохотную частичку Его всезнания, и это было поистине чудесным переживанием. Я видел себя лежащим на постели, в комнате домика, где жили мы с матерью, и, несмотря на то что я спал, я видел каждую деталь столь же отчетливо, как в реальности, но все равно понимал, что сплю. Мой взгляд устремился вверх, стал шире, и я увидел страну и город Флоренцию, но видел не только на расстояния, обычно скрытые от человеческого взора, но и прошлое, и будущее. Я видел, что Господь оставит приора Савонаролу и тот будет сожжен перед ратушей, и очень испугался, поскольку был всего лишь мальчиком пятнадцати лет и старался вести благочестивую и богоугодную жизнь. Но в то же время во сне я оставался безмятежным, одновременно исполненным возвышенного спокойствия и безразличия к нуждам мира, и был поэтому способен воспринимать все, что я видел, ибо взгляд мой уходил все дальше и дальше в будущее. Я видел войны и сражения, голод и чуму, великих мужей и трусливых предателей, видел такую череду лиц, что записал их в другом месте, дабы служили они путеводителями для других.

Когда, наконец, я увидел время, относительно которого знал, что настанет оно через пятьсот лет, на пороге следующего тысячелетия, я увидел мир, невероятно процветающий и в то же время ужасающий. Я видел, как миллионы людей живут в роскоши и как медики с помощью разных приборов творят вещи, которые я понимал во сне, но сегодня уже не могу описать, и они могли бы показаться нам волшебством, хоть им и не являются, более того, даже дети умели обращаться с этими приборами. Но то, что мне открылось, не было раем, одновременно с этим я видел войны, где люди маршировали по стране, словно муравьи, опустошая ее, само солнце обрушилось на врага, и все застыло в страхе перед этой силой, и все опасались, что начнется война, которая разрушит саму Землю, – вот насколько могущественны стали люди. Они отвернулись от Бога, вместо него стали почитать мамону, но из-за этого жили в ужасающей нищете и жалком страхе, и никто из них не видел будущего. Многие из них верили во второй всемирный потоп и в то, что однажды род человеческий окончательно прервется, и многие из них проживали жизнь под тяжестью этого груза.

Но я увидел, что Господь по-прежнему любит людей, невзирая на их поступки и веру, на то, отвернулись ли они от Него или нет, и что не Бог наказывает людей, они сами наказывают себя в достаточной степени, отворачиваясь от любви и ища спасения в мирской суете. Я увидел это настолько ясно и отчетливо, что теперь жалею, что не владею словом в лучшей мере, чтобы с помощью изложения поделиться с вами той великолепной уверенностью.

А затем я увидел свою собственную жизнь и понял, каковы планы Господа относительно меня. Я увидел, что покидаю монастырь, иду в обучение к купцу, который поддержит меня, хорошо обучит и сделает своим партнером. Я увидел, как в качестве купца отправляюсь в Венецию и Рим, видел прибыльные сделки и те, которых мне, к счастью, удастся избежать, увидел, как становлюсь зажиточным и богатым. В этом сне я даже увидел женщину, предназначенную мне, как и случилось впоследствии. Я видел, что у нас будет шестеро сыновей и счастливая жизнь, из-за которой мне могут завидовать, но видел я и печальный миг, который не забуду даже спустя годы, когда похороню свою возлюбленную жену, и поскольку теперь это произошло, я понимаю, что настал миг претворить в жизнь план провидения. И это я делаю при помощи своего заявления.

Я передаю все свое состояние под опеку Микеланджело Вакки, чтобы тот сохранил его и, отдавая взаймы под проценты, приумножил по мере сил, но я предназначаю состояние не ему самому, его семья должна хранить его и, приумноженным, однажды отдать тому, кто в 1995 году 23 апреля будет самым младшим из живых моих потомков мужского пола, ибо он избран для того, чтобы вернуть людям утраченное будущее, и он сделает это с помощью моего состояния. Поскольку я был рожден вне брака, то устанавливаю, что даже внебрачные дети моих потомков считаются так же, как и рожденные в браке, это не распространяется только на детей приемных детей. Во сне я видел, что у Микеланджело Вакки, хоть он сегодня и не верит в это, будут дети и его род не прервется за пять столетий, а будет исполнять свой долг. Его семья может оставить себе тысячную долю моего состояния и все мои записи. Но этот документ и это намерение должны храниться в тайне до назначенного дня.

– …храниться в тайне до назначенного дня, – закончила перевод завещания Урсула Вален. – Записано в году 1525 от Рождества Христова. Подпись Фонтанелли и свидетелей. – Она подняла голову и взглянула в лицо старика, который сидел рядом с ней и тепло улыбался. – Это просто невероятно!

И это еще было мягко сказано. Весь этот архив с точки зрения историка представлял собой сенсацию. Архив, за которым тщательно следили на протяжении пятисот лет, который сохранился с единственной целью: быть использованным и открытым в настоящее время! Как будто поколения умных и старательных людей провели предварительную работу

для научных трудов сегодняшних историков.

Одни только счетные книги представляли собой настоящий кладезь информации относительно древних валют, их срока действия и покупательной способности. Она видела записи, в которых кто-то из Вакки описывал развитие тогдашней мировой политики, чтобы обосновать, почему он принял решение перенести часть состояния из одного региона в другой. Дневник финансовой и экономической политики Европы, который вели на протяжении пятисот лет, – вот что таилось в этих переплетенных в кожу и пронумерованных томах.

Это было гораздо больше, чем требовалось материала для магистерской работы. Она использует все, чтобы написать диссертацию. По меньшей мере. Это же такая находка, которой исследователь может посвятить всю свою жизнь.

Ах да, а там еще эта статья для «Штерна»…

– Как думаете, сможете с этим что-то сделать? – поинтересовался Кристофоро Вакки.

Урсула беспомощно улыбнулась.

– Вы еще спрашиваете? Я… Как вам объяснить? Это просто невероятно. Совершенно потрясающе. Смогу ли я с этим что-то сделать? Что за вопрос! Если я ничего не смогу с этим сделать, то, значит, выбрала не ту профессию.

Взрыв не смог бы напугать их сильнее, чем внезапно раздавшееся суховатое покашливание за спиной.

– А можно спросить, *что именно* вы собираетесь с этим делать? – произнес нетерпеливый голос.

Джон испытывал странное, иррациональное чувство, что эта женщина охотится за его деньгами. Она была стройной и привлекательной, волосы обрамляли неприметное лицо с гладкой кожей, большими глазами, темными, словно оникс. На первый взгляд – тихий невзрачный ангел, но было в ней что-то, что заставляло его дрожать, пугало его: безымянный непреодолимый страх.

Она положила руку на грудь, маленькую узкую руку; грудь ее быстро поднималась и опускалась – волнующие формы, сквозь блузку проглядывали соски. Он испугал ее, это было ясно.

Она что-то сказала по-немецки, вероятно, вскрикнула от испуга, потом взяла себя в руки и ответила на терпимом, беглом английском:

– Я собираюсь заниматься научной деятельностью, это значит, что буду писать статьи для научных журналов, может быть, даже книгу. И еще собираюсь написать статью для немецкого журнала. Рада познакомиться с вами, мистер Фонтанелли. И впредь мне хотелось бы, чтобы, прежде чем войти, вы стучались.

Почему эта женщина так взволновала его?

– Статью? Какую статью?

– Об исторических предпосылках возникновения вашего состояния, – с холодной уверенностью ответила она. – Не считая пышных заявлений о сложных процентах, средства массовой информации ничего стоящего не написали.

– Не думаю, что мне это подходит.

– Почему? Вам есть что скрывать?

Джон с трудом подавил желание взорваться. Он обратился к *padrone* , которого, похоже, не очень удивило их внезапное появление:

– Почему вы ничего не сказали мне об этом?

Кристофоро Вакки нахмурился.

– О, рано или поздно я, конечно же, познакомил бы вас. Синьора Вален, это Джон Фонтанелли, наследник, о котором идет речь в завещании, и мой внук Эдуардо. Джон, позволь представить тебе мисс Урсулу Вален, студентку-историка из Германии, по совместительству журналистку.

Джон кивнул настолько коротко, насколько это было возможно.

– Вы считаете уместным предоставить журналистке доступ к этим документам?

– Да, – произнес *padrone* . – Я считаю это уместным.

– А моего согласия для этого не требовалось?

– Не требовалось. Архив – это наша собственность, собственность семьи Вакки. И наша заслуга. Совершенно естественно, что нам хочется получить за это признание.

Какой наглый засранец! Урсула Вален разглядывала Фонтанелли. Ясно же, что он считает себя кем-то особенным. Ясно, он ведь избранный, орудие Господа, вроде как мессия. Немного загорелый, стройный, почти худощавый, одетый дорого и элегантно. А лицо – ничего особенного. Никто ему вслед не обернулся бы на улице, не будь всего этого. Эротика, которую он излучал, наверное, была эротикой денег.

Там, в дверном проеме, стоял триллион долларов. Какое безумие! На примере этой истории можно снова увидеть, на какие невероятные вещи способны люди, если их подстегивает видение, пророчество, какая-то безусловная вера – и насколько мало проку от пророчеств, даже если их источником стал ниспосланный Господом сон.

Но старый адвокат, похоже, на ее стороне. И права собственности на документы совершенно очевидны. Она не позволит отнять их у себя и уж точно не позволит это сделать выскочке с плохим настроением и дурными манерами. Она выросла при истинном социализме, будучи внучкой известного нациста, что по дурацкой традиции ответственности всех членов семьи за деяния, совершенные одним из них, исключило ее из общественной жизни, отлучило от членства в Союзе свободной немецкой молодежи, равно как и от учебы в университете. Но потом государство, решившее запретить ей изучение истории, рухнуло, и она, пусть с опозданием, но смогла учиться. Нет, она не позволит запугать себя.

В следующий четверг в Германии вышел номер журнала «Штерн» с заглавной статьей Урсулы Вален, и тираж стал вторым по величине за всю историю его существования. На следующий день статью перепечатали почти все известные газеты мира, и даже месяцы спустя на счет Урсулы Вален поступали вознаграждения, среди которых были платежи в таких необычных валютах, как вьетнамский донг, и из таких экзотических стран, как Науру или Буркина-Фасо. Одни только права на фотографии завещания принесли столько денег, что она смогла оплатить кредит на образование.

Ночь была темнее обычного, окутывала его, словно черное непрозрачное полотно. Ни звезд, ни луны, и шум волн был похож на хриплое дыхание израненного великана.

– Вы должны действовать сейчас, – заявил низкий голос в телефонной трубке. – Вы не можете больше ждать и надеяться, что божественное откровение укажет вам путь.

Джон смотрел на газету, зачитанную и истрепанную, лежащую у него на коленях. «Коррьере делла сера» перепечатала статью «Штерн», где раскрывались заслуги семьи Вакки в хранении и приумножении состояния. Он, наследник, был представлен глуповатым и недалеким ничтожеством, бесцельным, высокомерным, не стоящим усилий, которые потратили поколения умных и целеустремленных Вакки.

– Вам нужна помощь, – настаивал незнакомец. – И никто, кроме меня, не может вам ее предоставить, поверьте мне. Настало время нам встретиться.

– Ну хорошо, – произнес Джон. – Вы победили. Скажите, где и как.

– Приезжайте в Лондон. Без помпы, пожалуйста. Обычным рейсовым самолетом. Один.

Джон издал звук, похожий на вздох и смешок одновременно.

– Один? Как вы себе это представляете? Я вас не знаю. Вы можете быть убийцей, объявленным в розыск, или искусным похитителем.

– Ваши телохранители, конечно же, могут вас сопровождать. Я хочу сказать, что я не встречусь с вами в Лондоне, если с вами будет кто-то из Вакки или если обо всем этом пронюхает пресса.

– Согласен, – произнес Джон.

Разумно ли он поступает? Это станет ясно только потом. Но чем он рискует? Пока он не знает, как действовать дальше, все равно каждый день становится потерянным днем.

– Хорошо. Возьмите листок бумаги и ручку, я назову вам время и номер рейса, на который вам нужно сесть.

Наутро Джон и Марко вместе вылетели из Флоренции в Рим, а оттуда – в Лондон.

18

Они вышли в лондонском аэропорту Хитроу, два пассажира с плоскими кожаными чемоданами среди множества путешественников, и Джон понял, что начинает нервничать. Он снял темные очки, позаимствованные из запасов Марко, и спрятал их в нагрудный карман. Скользя по бесконечной ленте, он искал в толпе лица, высматривавшие кого-то, но это был аэропорт, и знакомых высматривали многие.

Мужчина, внезапно оказавшийся перед ними, протянул руку и знакомым голосом произнес: «Мистер Фонтанелли?» Он был на голову выше его, примерно пятидесяти лет. У него были густые темные волосы и фигура боксера.

– Меня зовут Маккейн, – произнес он. – Малькольм Маккейн.

Они пожали друг другу руки, и Джон представил Марко.

– Мой телохранитель, Марко Бенетти.

Казалось, Маккейн был удивлен, услышав имя телохранителя, но пожал руку Марко.

– Идемте, у меня автомобиль. Поговорим в моем офисе.

И он пошел вперед быстрым шагом; Джон едва поспевал за ним, изо всех сил стараясь не перейти на бег, и большинство людей инстинктивно отступали в сторону, когда мимо проносились трое мужчин. Перед выходом на запрещенном для парковки месте стоял «ягуар». Маккейн открыл двери, сорвал с дворника квитанцию со штрафом, скомкал ее и, не глядя, швырнул на землю.

Он вел сам. Джон разглядывал его – незаметно, по крайней мере, он на это надеялся. На Маккейне был дорогой костюм с Сэвил-роу и сшитые по индивидуальному заказу туфли, но он казался одетым небрежно, почти неаккуратно. Как будто просто подчинялся дресс-коду, но в принципе внимания на него не обращал. Галстук его был повязан неряшливо, рубашка была мятой, поскольку слишком сильно вылезла из брюк; и только туфли сверкали как новенькие.

– Сначала немного информации, – сказал Маккейн, не сводя прямого, почти агрессивного взгляда с потока машин. Он пользовался каждой возможностью перестроиться и продвинуться вперед чуть быстрее. – Мой офис располагается в Сити. Мне принадлежит инвестиционная фирма «Эрнестина Инвестментс Лимитед». Эрнестина – второе имя моей матери, это так, к слову. Я не очень изобретателен в том, что касается названий для фирм; я всегда называю их в честь членов семьи. Стоимость нашего фонда составляет около пятисот миллионов фунтов, что не очень много, но достаточно, чтобы быть серьезным игроком в этой сфере.

Джон ощутил, как вытягивается его лицо. Это и все? Просто финансовый делец? Единственное отличие заключалось в том, что он ухитрился вызвать интерес к себе довольно изысканным способом. Джон откинулся на сиденье и мысленно вычеркнул день из своей жизни. На все, что предложит ему Маккейн, он будет говорить «нет», будь то договоры на продажу пшеницы, свиной грудинки или ценных бумаг, и постарается как можно скорее улететь обратно. А дома закажет изменение номера телефона.

Мимо проплывали высотные дома, блестящие фасады, древние стены. Он почти не обращал на это внимания. В какой-то момент они нырнули в ярко освещенный и просторный подземный гараж, и от зарезервированного места пришлось сделать всего пару шагов до лифта, унесшего их к бесконечным высотам. Когда сверкающие дверцы лифта скользнули в стороны, им открылся вид на просторный офис с длинными рядами столиков,

уставленных телефонами и мониторами компьютеров. За ними сидели мужчины и женщины различных цветов кожи, разговаривали по телефону, держа в руках сразу несколько ярких трубок, ни на секунду не отводя напряженного взгляда от мониторов, чисел и диаграмм, рывками сменявшихся на них.

– В основном мы занимаемся акциями, – пояснил Маккейн, когда они прокладывали дорогу сквозь ряды столов и гул голосов. – Несколько человек заняты валютными операциями, но в принципе у нас нет той финансовой силы, чтобы сделать в этой отрасли настоящие деньги. Этим мы занимаемся скорее для того, чтобы оставаться в форме.

Джон кисло улыбнулся. Так вот откуда ветер дует. Валютные операции, как он уже успел узнать, заключаются в том, чтобы покупать валюту одной страны или продавать ее, получая прибыль на незначительных колебаниях курса в течение дня. Чтобы зарабатывать на этом деньги, нужно вложить огромную сумму: сотни миллионов за трансакцию и более того.

Несложно угадать, какое предложение сделает ему Маккейн.

Они добрались до кабинета Маккейна, отделенного от офиса брокеров стеклянной стеной, откуда открывался красивый вид на город. На полу лежал несколько потертый персидский ковер, массивный письменный стол с большим кожаным креслом, стоявшим за ним, выглядел дорого, но безвкусно, и ни уголок для переговоров, ни книжные шкафы и полки для документов не гармонировали с интерьером.

– Прошу вас, присаживайтесь, мистер Фонтанелли, – предложил Маккейн, решительно указывая на диван. – Мистер Бенетти, я попросил бы вас подождать в приемной у секретаря. Мисс О'Нил принесет вам кофе или что-то другое, что пожелаете.

Марко вопросительно взглянул на Джона. Тот кивнул; долго эта трагедия не продлится. И, не говоря ни слова, телохранитель вышел в комнату за кабинетом, где стоял письменный стол секретарши и несколько неудобных на вид стульев для посетителей. Маккейн закрыл за ним дверь, и вездесущий, пронизывающий гул голосов стих, как по мановению волшебной палочки. Стекло, похоже, было звуконепроницаемым.

– Итак, – произнес он, опуская ламели. – Теперь забудьте обо всех этих инвестициях. Это просто игрушка. Мой способ тренировки, если хотите. И я, конечно же, пригласил вас не для того, чтобы предлагать прибыльные инвестиции. Если есть на этой планете кто-то, у кого уже есть достаточно денег, то это вы.

Джон удивленно поднял голову. Что все это значит?

– Я знаю о вас очень много, мистер Фонтанелли, как вы, без сомнения, уже могли заметить. И будет честно, если я расскажу вам о себе и своей жизни. – Маккейн присел на край письменного стола и скрестил руки на груди. – Родился я в 1946 году здесь, в Лондоне. Мой отец, Филипп Каллум Маккейн, был офицером высокого ранга Королевских военно-воздушных сил, и вследствие этого я за первые десять лет своей жизни жил в четырнадцати различных городах и восьми различных государствах, научился бегло говорить на пяти языках. Сколько школ я посещал, я уже не скажу, но в какой-то момент я с этим покончил, и поскольку образ жизни моей семьи – то есть мой и моих родителей, братьев и сестер у меня нет, – породил во мне отсутствие ощущения принадлежности к определенной нации, я испытывал тягу к многонациональным концернам. После некоторых метаний я пошел в Ай-би-эм, выучился на программиста. Это было в середине шестидесятых годов, когда еще штамповали перфокарты, пересылали магнитные ленты, а компьютеры стоили миллионы долларов. Кстати, я до сих пор не совсем забросил программирование; мои брокеры, – он кивнул, указывая на отгороженную ламелями стену, – частично работают с написанными мной программами. В этом деле все решает качество программного обеспечения; некоторые крупные брокерские фирмы на Уолл-стрит, прибыль которых исчисляется миллиардами долларов, вкладывают треть ее в обработку данных! Но, вероятно, ни у кого из них нет босса, который мог бы сделать это своими руками.

Джон с удивлением разглядывал казавшегося таким энергичным мужчину. Он совершенно не походил на того, кто сумел бы разобраться, где включается компьютер,

не говоря уже о программировании.

– Понимаю, – произнес он просто для того, чтобы что-нибудь сказать.

– Ну хорошо, вернемся к началу, – продолжал Маккейн, неопределенно, но резко махнув рукой. – Благодаря моим знаниям языков меня можно было использовать во многих странах, поэтому меня посылали на разные вакансии в Европе. Бельгия, Франция, Германия, Испания… Я бродил повсюду, писал коммерческие программы для клиентов Ай-би-эм. Компьютерные системы, связанные через границы стран с другими, в большинстве своем принадлежали банкам, и я вскоре стал кем-то вроде специалиста по транснациональным компьютерным проектам. Поэтому выбор пал на меня, когда в 1969 году подвернулся заказ в Италии, особенный, довольно сложный заказ. – Маккейн пристально посмотрел на него. – Заказчиком выступала, что очень необычно, адвокатская контора из Флоренции.

Джон открыл рот, хватая воздух.

– Вы?.. – невольно вырвалось у него.

– Да. Первоначальную версию программы, с помощью которой вы управляете своими счетами, написал я.

Марко листал неинтересный журнал, впрочем, не спуская глаз со своего подопечного и ламелей, мешавших видеть всю картину, но закрывавших дверь только до половины. Он поднял голову, когда Джон Фонтанелли вскочил и принялся бегать по большому кабинету, отчаянно жестикулируя. Маккейн тоже забегал, причем с учетом его роста казалось, будто по арене носится разъяренный бык. Телохранитель мимоходом спросил себя, что же там могло произойти. В любом случае, было не похоже на то, что кто-то пытается вцепиться кому-то в глотку. Он расслабил мышцы, автоматически напрягшиеся для прыжка, и снова откинулся в кресле.

– Еще кофе? – спросила секретарша, красивая девушка с рыжими, зачесанными наверх волосами и кремово-бледной кожей, которой он явно нравился.

– Нет, спасибо, – улыбнулся он. – Но, может быть, принесете мне стакан воды?

– Этот заказ стал поворотным моментом всей моей жизни, – заявил Малькольм Маккейн. Теперь они оба сидели в креслах в уголке для переговоров, Маккейн – наклонившись вперед, опершись локтями на колени. Он не спускал взгляда с Джона. – Вакки с самого начала напустили туману, мол, не скажем, в чем, собственно, дело. Некоторое время я подозревал, что они хотят отмывать через систему, которую я должен был написать, деньги для мафии. Но что бы вы ни хотели скрыть на фирме, когда вы заказываете компьютерную систему, все всплывает. Программист – он как исповедник, ему вы должны сказать даже то, что хотите скрыть от финансового управления или властей, потому что иначе программа работать не будет. Я ведь должен тестировать программу, и, когда у меня на экране появилась сумма в 365 миллиардов долларов, у меня чуть глаза не вывалились из орбит, можете себе представить.

– 365 миллиардов? – озадаченно повторил Джон.

Маккейн кивнул.

– За более чем двадцать пять лет, которые прошли с тех пор, ваше состояние выросло почти втрое.

Джон открыл рот, но в голову ничего не пришло, поэтому он закрыл его снова.

– Будем откровенны, – продолжал Маккейн. – До того момента Вакки тщательно следили за тем, чтобы были закрыты все двери в подвал, когда я находился в доме. Но я сказал им, мол, подозреваю, что речь идет о деньгах мафии или состоянии, нажитом на наркобизнесе, и им так или иначе пришлось показать мне архив и завещание Джакомо Фонтанелли, пояснить мне причины того, почему я не должен обращаться в полицию. – Маккейн покачал головой. – Я был в полном восторге. Это казалось самым невероятным, что мне доводилось слышать в жизни. И я был уверен – абсолютно уверен – в том, что нашел свое предназначение. Я уволился из Ай-би-эм, вернул свои небольшие сбережения в Лондон

и принялся изучать экономические науки, народное хозяйство, экономику и организацию производства, все сразу. Я жил в дешевой мансарде без отопления, годами носил одни и те же брюки и пиджак, никуда не ходил, не курил, не пил, жил, словно монах, – и поглощал материал, как не поглощал его никто и никогда. Я всегда сидел на первой парте, мучил преподавателей вопросами, сдавал все экзамены на самые лучшие оценки. Закончив учебу, я пошел в банк, работал брокером, изучил на практике все то, что только можно узнать об акциях, дополнительных процентах, торговле валютными фондами и так далее. Потом основал свою фирму, на свои деньги, заемные и наследство от отца, работал ночи напролет, пока не смог нанять первого работника, продолжал вкалывать, и затем мы вышли в плюс и дело пошло на лад. И все эти годы в хорошие и плохие времена я всегда с нетерпением ждал этого момента, сегодняшнего дня, когда я окажусь напротив вас, наследника состояния Фонтанелли, наследника триллиона долларов.

Джон заметил, что смотрит на мужчину широко раскрытыми глазами. Выглядел он, наверное, смешно. Но от Маккейна исходила такая энергия – почти физически осязаемая решительность, – что возникало ощущение, будто сидишь напротив раскаленной печки.

– Боюсь, – медленно произнес Джон, – что я еще не совсем понимаю.

– Моя миссия, задача всей моей жизни, – заявил Маккейн, двигая мощными челюстями, – помогать вам, способствовать исполнению вами пророчества Джакомо Фонтанелли. Не больше и не меньше. Все, что я делал до сих пор, – учеба, создание этой фирмы, – было только подготовкой к этой задаче, только тренировкой, упражнением, боем с тенью. Мне нужно было научиться обращаться с деньгами, с большими деньгами. Если я хочу быть вам полезным, то должен уметь плавать в море крупных капиталов. Причиной было только это. Богатство меня не интересует. Езжу я на «ягуаре» или вынужден ходить пешком – мне все равно. Тогда, двадцать пять лет назад, я получил свободу, которую дает человеку абсолютная одержимость целью, видением. С тех пор я знаю, зачем появился на свет. Я убежден в этом настолько же твердо, как и в том, что завтра утром снова взойдет солнце, что не случай привел меня во Флоренцию, а провидение. Сегодняшний разговор я мысленно проводил уже тысячи раз. Двадцать пять лет я работал на этот день, этот момент. Все, что у меня было, – это дата, 23 апреля 1995 года, и номер телефона. Номер телефона комнаты для гостей, уже тогда подготовленной на вилле. Я нашел его в списке телефонных техников, которые прокладывали линию и в подвал конторы. Я знал, что семья Вакки не изменит этот номер. И теперь, – почти с экстатическим удовлетворением добавил он, – ожидание завершилось. Вы здесь.

Джон судорожно сглотнул, не зная, что ответить. Этот человек был либо полным безумцем, либо гением. Или и тем, и другим одновременно.

– Откуда, – спросил он, – вы знали, что Вакки не изменят телефонный номер?

На лице Маккейна промелькнула мрачная улыбка, но глаза остались серьезными.

– Что ж, символичность числа 23 очевидна. Назначенный день. И им было неизвестно, что я знаю номер. Я старался, чтобы это не всплыло. Я понимал, что должен действовать втайне.

– Почему же?

– Потому что мои намерения ставили под вопрос их полномочия. – Он вздохнул настолько глубоко, то Джону показалось, будто с начала их разговора Маккейн не дышал. – Я скажу вам сейчас то, что должен сказать, с неприятным ощущением, поскольку понимаю, что вы, вероятно, испытываете очень теплые чувства по отношению к семье Вакки. Они сделали вас богатым человеком, изменили вашу жизнь к лучшему, как вы и представить себе не могли, – и ничего за это не попросили, никакой ответной услуги, даже благодарности. Они довольствуются тем, что выполнили завет своего предка. Поистине благородные люди, так можно подумать.

Джон кивнул.

– Да. Я действительно вижу это так.

– Но на самом деле, – заявил Маккейн, – у них есть свои теневые стороны. Они, ничего

не спрашивая, совершили невероятное, этого у них не отнять. Но именно то, что сделало их способными на это, мешает им теперь. Вакки, мистер Фонтанелли, – это люди, ориентированные на прошлое, полностью сосредоточенные на сохранении, сбережении, традиции. В своей деревне они создали себе маленький рай, Шангри-Ла, где они стали некоронованными королями. Но если вы спросите себя, стараясь быть совершенно непредвзятым, что конкретно сделали Вакки, то обнаружите, что они не могут помочь вам. В том, что касается пророчества и его исполнения. Наоборот, они все свои надежды связывают с вами. Вы справитесь. Вы наследник. Вы тот, кого видел в своем сне Джакомо Фонтанелли, вы вернете человечеству утраченное будущее – как-нибудь. Вы остались с этим в одиночестве, не так ли? Вакки защитили вас от мира, оградили, отвлекли вас всеми игрушками, которые может дать богатство. В глубине души они совершенно не хотят перемен. Это не злая воля. Вакки просто неспособны на такие желания. Это качество привело к тому, что в семье Вакки на протяжении пятисот лет рождались ученые юристы, в каждом поколении, которые никогда не испытывали искушения оставить деньги себе. Но то же самое качество делает их неспособными помочь вам свершить необходимые перемены. – Он вскочил, бросился в глубину комнаты, остановился в центре ковра, обернулся, вскинул руки в отчаянном жесте, который был бы к лицу ветхозаветному пророку. – Теперь вы понимаете план? Этот потрясающий поворот судьбы, посвятивший в тайну не кого-нибудь, а именно меня, как раз вовремя, чтобы сделать необходимые приготовления, чтобы суметь помочь наследнику? Кого-то, кто мыслит, чувствует и действует совершенно иначе, чем те, кто сохранил состояние? Все идет именно так, как должно. Колесики цепляются друг за друга. Я ждал, двадцать пять лет я ждал вас, ждал и готовился, и вот теперь вы здесь. Наконец-то. Сегодня – тот день, о котором однажды скажут, что с него началось будущее.

Джон смотрел на него, потом вынужден был отвернуться и прикрыть глаза рукой.

– Многовато впечатлений для меня, – признался он. Казалось, его сердце принадлежит старику, который уже не в силах волноваться. – В первую очередь, я все еще понятия не имею, каков ваш план относительно будущего. Прошлое – ладно. Это я понял. Но что вы собираетесь *делать* ? Что конкретно вы собираетесь *делать* с триллионом долларов, чтобы спасти будущее?

– Минуточку, – вставил Маккейн, поучительным жестом подняв палец. – В этом и заключалась мыслительная ошибка семьи Вакки. Верить в то, что кто-то может взять и сразу проанализировать невероятно сложное положение дел в мире и прийти к уже существующей идее, каким образом нужно решить проблемы. Никто этого не может. Ни вы, ни я, да и Альберт Эйнштейн тоже не смог бы. Но не забывайте – у меня было четверть века на то, чтобы подумать. А большое количество времени уравнивает недостаток гениальности. У меня было время думать и планировать, у меня было время, чтобы посмотреть, что думали по этому поводу другие. И смотри-ка: полчища высокоинтеллектуальных ученых уже давно осветили эту проблему со всех сторон. Нет никакой необходимости придумывать какую бы то ни было гениальную идею – все необходимые идеи уже найдены, опубликованы, доступны. Проблема не в том, что люди не знают, что делать, а в том, что они этого не делают. Все, что сделали люди, – это позволили времени течь, не используя его.

Джон наблюдал за тем, как он бросился к книжному шкафу, поискал там что-то. Во рту у него пересохло. Похоже, Маккейн не собирается ему ничего предлагать. Вероятно, он исходит из того, что все люди столь же непритязательны, как он сам, по крайней мере, самые важные.

– Вот. – Маккейн показал ему книгу, названия которой издалека было нельзя разобрать. – Эту книгу я взял бы в качестве начала. До этого существовали только разрозненные пугающие сочинения, в большей части противоречащие друг другу, написанные недостаточно систематично мыслящими публицистами. После этого появились серьезные исследования и настоящие открытия. «Границы роста». Таково название книги, которая вышла в начале семидесятых. Авторами были Деннис Мидоус и Джей В. Форрестер.

Форрестер был профессором Массачусетского технологического института, он разработал теоретические предпосылки системной динамики – подобласти кибернетики, в которой исследовалось поведение сложных систем. Мидоус превратил это в компьютерную программу под названием «WORLD 2», которая была еще очень простой и ограниченной, но уже показывала, как в общих чертах будет выглядеть будущее человечества, и на основании которой можно было исследовать, как различные мероприятия отразятся на этом самом будущем. – Маккейн снова сел и положил книгу на стол. Джону никогда прежде не доводилось видеть настолько зачитанной книги. Должно быть, Маккейн годами клал ее под подушку. – Вы поймете, что мне как программисту пришлось по душе это применение. Не забывайте, тогда программирование компьютеров представляло собой легендарное тайное знание. Я списал программу Мидоуса, чтобы поэкспериментировать с ней самому. Тогда мне понадобилось для этого машинное время за большим компьютером университета, мне приходилось таскать целые ящики перфокарт и вставать в час ночи, потому что студентам давали бесплатный доступ к компьютеру только в это время. Сегодня это можно сделать на любом ПК за тысячу долларов. Вот только сегодня этого не делает никто.

Он открыл книгу, подвинул к нему, чтобы молодой человек мог рассмотреть напечатанные в ней диаграммы. Джон спросил себя, почему Маккейн никогда не думал о том, чтобы купить себе новый экземпляр. Почти каждое предложение было подчеркнуто или выделено иным способом, некоторые страницы выпадали из переплета.

– Это так называемый «стандартный ход», – пояснил Маккейн, постучав пальцем по казавшейся примитивной диаграмме, где в форме волн поднимались и опускались пять линий. – Развитие пяти важнейших параметров: численности населения, качества жизни, загрязнения окружающей среды, запасов сырья и инвестируемого капитала при условии, что не проводятся никакие решающие мероприятия. В 1975 году, как видите. Сегодня мы знаем, что до сих пор ничего решающего не произошло, значит, это действительное отражение хода событий. Видите здесь линии, которые я внес между 1970 и 1995 годами? Если посмотреть только на этот отрезок, то все не так и плохо. Небольшое увеличение загрязнения окружающей среды, сильный рост численности населения, некоторое уменьшение запасов сырья, а также качества жизни. Примерно то, что мы и наблюдаем, не так ли? Открылась озоновая дыра, население мира несколько увеличилось, уже приближается к шести миллиардам и так далее. А теперь посмотрите, к чему это ведет: коллапс примерно в 2030 году, вызванный нехваткой сырья.

– Но ведь это маловероятно, – заметил Джон. – Сырье скорее дешевеет. Находят все новые и новые залежи, открывают все больше заменителей. Вот только недавно я читал, что для того, чтобы объединить целую страну при помощи стекловолокна, нужен всего лишь грузовик песка, в отличие от необходимых прежде тонн меди.

Маккейн сложил руки. Эти аргументы он, очевидно, уже тоже слышал.

– Во-первых, это простая модель. Под понятие сырья попадает буквально все – и медь, и нефть. Так что эта линия – очень, очень грубое среднее значение. Во-вторых, что касается цен на сырье: да, многое можно заменить, и многих видов сырья – например, железа или алюминия – действительно полным-полно. Но вы забываете, как забывают многие люди, кстати, что виды сырья, о которых говорится очень мало, но которые имеют решающее значение для промышленных процессов, на самом деле встречаются все реже и только дорожают. Такие вещества, как молибден или тантал, палладий или гафний, германий или ниобий и так далее. Ну, и в-третьих, – продолжал он, снова беря в руки книгу, перелистывая в поисках другого графика (похоже, он знал ее на память, как священник Библию), – речь идет в первую очередь о связанной системе. Все факторы зависят друг от друга. Ваш аргумент, мистер Фонтанелли, представляет собой типичный аргумент линейного мышления. Возникает проблема, с ней справляются, не замечая, что решение проблемы влечет за собой, возможно, появление новых, гораздо худших проблем в других областях. Если устранить недостаток сырья – что легко можно отразить в программе, введя,

к примеру, в пять раз больше запасов, чем известно нам, – увеличится груз других проблем. Посмотрите на эту диаграмму: если уменьшится потребление сырья, то возросшее сверх всякой меры загрязнение окружающей среды станет лимитирующим фактором, который вызовет очень резкое разрушение системы примерно в то же время.

– Ох!

Джон стал листать дальше. Каждая последующая диаграмма выглядела хуже предыдущей. Какие бы попытки ни предпринимались, итогом становилась катастрофа. Даже уменьшение выбросов вредных веществ могло оттянуть крушение всего на два десятилетия.

Впрочем, после того как катастрофа разразится, что выражалось в резком сокращении численности населения, равносильном миллионам погибших, некоторые кривые снова вернутся в разумные пределы. Так, словно после этого наступит время умиротворения.

Маккейн заметил его взгляд и, похоже, угадал его мысли.

– Забудьте про кривые после коллапса, неважно, как они выглядят, – произнес он. – В принципе, они не имели права рисовать дальше, чем точка катастрофы. То, что будет потом, рассчитать невозможно. Предположительно, это означает конец человечества как вида.

– Выглядит довольно безнадежно, – заметил Джон.

– Это все потому, что все довольно-таки безнадежно и есть, – сказал Маккейн. Он снова полистал книгу, раскрыл страницу почти в самом конце. – Вот этого можно было бы достичь, если бы в 1970 году начали принимать решительные меры. Состояние равновесия. Нужно было ввести строгий контроль размножения, резко сократить загрязнение окружающей среды и крайне осторожно обращаться с сырьем. Как это выглядело бы на практике, сказать сложно, но ясно то, что предпосылкой для такого состояния – представляющего собой гарантированное долгосрочное существование с довольно высоким уровнем жизни, – является конец роста промышленности и населения.

Джону снова вспомнилась статья Лоренцо. Его кузен уверенно указал пальцем на ту же проблему: постоянный, непрестанный, почти обожествляемый всеми рост.

– Конец роста, – задумчиво повторил он. – И как же этого можно достичь?

– Вопрос в том, почему это до сих пор не достигнуто. Ведь рост не происходит сам по себе. Для этого нужно прикладывать усилия. Нужны пот и лишения. Вопрос в том, почему никто не останавливается, когда всего достаточно.

– Ну хорошо. И почему никто не останавливается?

– Потому что никто не хочет начинать. Это как в гонке вооружений – каждый боится сделать первый шаг, потому что все боятся оказаться на заднем плане. И не прекращают, потому что не прекращают остальные.

Джон уставился на растрепанную книгу. У него разболелась голова.

– Окей. И какое все это имеет отношение ко мне? И к вам?

– Разве это не очевидно?

– Нет. – Джон повернул обе руки ладонями вверх. – Мне ничего не видно.

– *Alright* [38], – произнес Маккейн, откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. – Мистер Фонтанелли, что вы знаете о том, как становятся богатыми?

– Прошу прощения? – Джон заморгал. – Как становятся богатыми?

– Да. Как это работает? Почему одни становятся богатыми, а другие нет? Исключим для начала наследство.

– Об этом я еще никогда не думал.

– Как и большинство людей. Но вы понимаете, что должны быть определенные обстоятельства?

– Думаю, во многом это дело случая. Кроме того, пока что я не вижу связи.

– Сейчас увидите. – Маккейн встал, вдруг показавшись очень тяжеловесным. –

---

[38] Ладно (*англ.*).

Откиньтесь на спинку. Расслабьтесь. Сейчас я вам объясню.

Ее звали Карен, и чем дольше Марко заигрывал с ней, тем больше она ему нравилась. Время от времени он поглядывал на стеклянную дверь, но оба мужчины были заняты разговором, и было похоже на то, что мистеру Фонтанелли не угрожает опасность. У рыжеволосой секретарши, судя по всему, сегодня было мало работы, несмотря на компьютер и большой телефонный аппарат.

– Бывают такие дни, – заметила она. – А бывает, что начинается настоящий ад. В зависимости от того, что происходит на бирже, понимаете?

– В этом я не очень хорошо разбираюсь, – признался Марко.

Карен уговорила его выпить еще чашечку кофе, откуда-то появилась выпечка, они рассказывали друг другу о своей жизни, поедая крохотные сладкие вкусности.

– Я могла бы показать вам Лондон, – предложила Карен. – Когда вы приедете снова.

Взгляд Марко украдкой скользнул по ее фигуре.

– Это было бы действительно интересно, – заметил он и с искренним сожалением добавил: – Вот только я не знаю, когда в следующий раз буду в Лондоне.

– О, вы наверняка будете бывать здесь часто, – сказала Карен О'Нил, и на губах ее мелькнула озорная улыбка. – Ведь мой шеф хочет работать с вашим – а он умеет быть *очень* убедительным…

– Богатство зависит в первую очередь от доходов и во вторую от расходов, – вещал Маккейн, темный силуэт на фоне светлой панорамы Лондона. – Если вы тратите больше, чем получаете, то беднеете, а если тратите меньше, чем получаете, то становитесь богаче. Что касается расходов, то их можно снизить только до определенного порога, в том случае, если хотите оставаться нормальным членом общества. Так что следует повысить доходы. Пока что согласны?

Джон со скептическим видом кивнул.

– Пока что все банально, если честно.

Похоже, Маккейн его не слышал.

– Достижимый доход подчиняется иерархии. На нижней ступеньке этой иерархии стоит простая *работа* . Вы делаете что-то для кого-то, а он дает вам за это деньги. Работа служащего или самостоятельного ремесленника – не играет роли. В народе это называют «честным трудом», и доходы, которые вы получаете таким образом, никогда серьезным образом не превысят ваших расходов. Это связано с налогами. Государство хочет получить ваши деньги, и охотнее всего оно забрало бы их совсем. Но поскольку в этом случае вы умрете с голоду или по меньшей мере откажетесь от деторождения, то есть от новых граждан и новых налогоплательщиков, то оно оставляет вам достаточно для жизни. Не больше. Ни одно государство и ни одно общество не заинтересовано в финансово независимом населении. Честный труд, то есть то, чем занимается большинство людей большую часть времени, приносит человеку достаточно денег только для того, чтобы сохранять основной уровень жизни. Не больше.

Джону вспомнилось время, когда он работал в прачечной, пропитанные потом ночи у сушилки. Недельной зарплаты хватало только на самое необходимое.

– Следующая ступень достижимого дохода, – продолжал Маккейн, – это *специализированный труд* . Ценность труда подчиняется, как и все в экономике, принципу спроса и предложения. Если вы изучаете то, что изучают все, и можете то, что могут все, вас легко заменить, а значит, можно шантажировать, так что достижимая зарплата стремится к самому низкому уровню. Ваша зарплата повышается, если вы либо готовы делать то, что готовы делать не все, – разрушать свое здоровье, перенапрягаться физически, работать ночью или по выходным, – или же если вы умеете делать то, что умеют не все. При условии, что это востребованное умение. Вы можете сначала отыскать для этого рынок – занятый на госслужбе учитель всегда зарабатывает равное количество денег,

неважно, насколько хорошо или плохо он проводит занятия, но если он хорош, то может выторговать себе в частной школе зарплату получше. С другой стороны, существуют профсоюзы, палата адвокатов и гильдии ремесленников, то есть структуры, которые в промышленности можно обозначить словом «картели» и которые путем соглашения о ценах со своими членами заботятся о том, чтобы вознаграждение за их труд не опускалось ниже минимальной отметки. Но поскольку рынок таким образом раскачивается, он мстит ограничением применения, поскольку работа за высокую цену столь же мало востребована, как и за низкую. Как бы там ни было, чем более узкоспециально то, что вы можете предложить в качестве услуг, если это востребовано, тем сильнее могут возрасти ваши доходы. Адвокат может зарабатывать пятьсот долларов в час, а хоть сколько-нибудь известный популярный певец – двадцать тысяч долларов за одно часовое выступление. Но бесконечно повышаться ваши доходы не могут – даже у адвоката возникают затраты на офис, секретаршу, которые вычитаются из чистого дохода, а популярный певец должен назначать встречи, заключать договора, путешествовать, переодеваться, репетировать и давать автографы, не считая того, что он годами выступал за бутерброд, когда еще не был знаменит.

Ему вспомнился Пол Зигель, который когда-то был его лучшим другом. Который поступил в Гарвард и научился чему-то, что заставляло предприятия платить до тысячи долларов за час его рабочего времени. Джон хорошо помнил момент, когда Пол рассказал ему об этом, и свою безграничную растерянность при виде пропасти, которая разверзлась между ними.

– Теперь следует первый скачок. Так сказать, переход от наклонной плоскости к принципу рычага. Следующая ступень в иерархии – это *торговля* . Торговля означает, что нужно купить что-то дешево, чтобы продать это дорого. Выражаясь несколько менее банально, это означает, что своей деятельностью торговец выравнивает разницу между спросом и предложением и на этом зарабатывает. Принцип рычага заключается в том, что вознаграждение зависит от стоимости товаров, которыми он торгует, а не от затрат на саму торговую деятельность. Если вы продадите дыню, это может принести вам десять центов, если же вы продаете опреснитель воды для фабрики, возможно, это принесет вам до десяти тысяч долларов. А трудовые затраты могут быть одними и теми же. Оплачивается не ваш труд, а ваша способность обнаружить спрос и удовлетворить его. На этом этапе размах становится уже относительно большим – с помощью торговли можно зарабатывать мало и вообще ничего, но можно стать и несоизмеримо богатым. Книготорговец может вложить в цену книги процентов тридцать-сорок в качестве прибыли, управляющий модным бутиком накидывает на закупочную цену своих товаров и двести, и триста процентов. Для посредников остаются комиссионные в размере от десяти до пятнадцати процентов, что в случае продажи автомобиля стоимостью несколько миллионов может составить огромную сумму, а иногда для этого требуется всего лишь сделать несколько звонков и один вечер потратить на переговоры.

Джон молчал. Владельцы галерей, где выставляли свои работы Сара и другие художники, вероятно, попадали в эту категорию. Они были посредниками между теми, кто создавал искусство, и теми, кто хотел его приобрести, сдирая за это деньги с обеих сторон. Неудивительно, что владелец галереи всегда ездил на крутом автомобиле, а художники – на метро.

– Следующий скачок заключается в том, что вы в некотором роде множите себя. Вы перестаете работать, побуждая других работать на вас. Тогда вы становитесь, говоря одним словом, *предпринимателем* . Другой человек делает то, что вы ему говорите, и получает от вас деньги. Вы стараетесь купить его труд по как можно более выгодной цене. Потому что теперь вы оказываетесь по другую сторону рыночного механизма: все то из прибыли вашего предприятия, что вы должны отдать своим служащим, уменьшает ваш собственный доход. Основание предприятия – дело, сопряженное со множеством рисков и поначалу крайне трудное, но собственное приумножение вы можете выстраивать

как угодно. Можете нанимать людей, которые в свою очередь будут нанимать людей, и так далее. И если вы будете хорошо продвигаться на рынке, то зарплата, которую вы будете выплачивать своим служащим, станет самым лучшим из существующих капиталовложений: с производственно-экономической точки зрения считается, что служащий стоит выплачиваемых ему денег, если он приносит предприятию как минимум 1,3 от них. Иными словами, тридцать процентов дохода! В долгосрочной перспективе этого не достичь никакими инвестициями! Крупные концерны представляют собой пример того, насколько далеко может завести этот принцип, и, соответственно, начальники таких концернов имеют, быть может, миллионов десять долларов годового дохода, что даже при условии невероятной загрузки составляет более тридцати тысяч долларов в час.

Ему вспомнился Мурали. Мурали за всю свою жизнь не испек ни одной пиццы, не говоря уже о том, чтобы отвозить ее, но он умел нанимать пекарей и развозчиков за небольшие деньги, с утра до ночи находился на месте, ворчал и бурчал, злился и поддерживал все в движении. Тысячи людей на юге Манхэттена благодаря Мурали быстро получали пиццу, и за счет этого он жил, хоть Джон и понятия не имел, сколько он зарабатывал.

– Надеюсь, вы заметили, какую роль играют в этой категоризации уже имеющиеся деньги. Чем больше у вас изначально денег, тем легче попасть в более высокую категорию дохода. Если у вас нет средств, то для вас практически нереально получить образование, которое позволит вам подняться с самой низшей категории. Если же у вас, напротив, есть свое состояние, то уже значительно легче заниматься торговлей или основать предприятие, чем когда приходится делать это, только беря кредиты. Чем больше денег у вас уже есть, тем легче заработать еще больше.

– Но ведь это несправедливо, – не задумываясь, ответил Джон.

– Природа несправедлива, – возразил ему Маккейн. – Мир несправедлив. Справедливость – это равновесие, но жизнь всегда находится вне его, представляет собой битву усиливающих друг друга неравенств. Отсюда и происходит фундаментальная несправедливость, проявляющаяся в иерархии дохода. – Он поднял указательный палец, темный Мефистофель на фоне светлого моря городских домов. – И, наконец, мы поднимаемся в высшую категорию дохода, к оптимальному умножению себя, к ультимативному действию закона рычага. Это та ступень, где ваши *деньги* зарабатывают новые деньги. Мы говорим о рынке капитала, об области чистых финансов. Владеть предприятием прибыльно, но чем больше оно становится, тем сложнее им управлять, как будто существуют силы, противостоящие неограниченному росту. С деньгами это не работает. Пустите ли вы по каналам всемирной финансовой системы один миллион, сотню миллионов или сотню миллиардов, затраты одни и те же. Вы, мистер Фонтанелли, находитесь на самой высшей ступени. Вам вообще уже не нужно работать, поскольку ваши деньги работают на вас, и они приносят вам за год больше денег, чем есть у второго после вас человека в мире. Вы замечаете это? Это утомляет вас? Ни капли. И так может продолжаться всегда. Здесь уже нет границ.

Резко, так что Джон даже испугался, Маккейн покинул свое место у окна и принялся ходить взад-вперед по комнате.

– Деньги – это величайшая сила на планете! – воскликнул он. – Если у вас есть деньги, у вас есть все остальное. У вас есть имя. Вы пользуетесь авторитетом. Вам выказывают уважение. Вас любят! Да, я знаю, говорят, что *«Money can ’t buy me love»* [39], – но тут как и со всей народной мудростью: полная чушь. Конечно, вы можете завоевать женщину, не имея ничего, не будучи никем, но для этого вы должны быть по крайней мере достойны любви, быть привлекательным и внимательным. Вы должны по-настоящему постараться. И вы можете быть сколько угодно привлекательным и достойным любви – если вы

---

[39] Любовь нельзя купить (*англ.*).

не богаты, то определенные женщины остаются для вас недоступными. Назовите мне хоть одну фотомодель, которая замужем за столяром или продавцом киоска: вы не найдете ни одной. Думаете, Онассис смог жениться на Джеки Кеннеди, потому что он так сногсшибательно выглядел? *Bullshit* [40]. Он смог уложить ее в постель, потому что был одним из богатейших мужчин мира, все очень просто. Деньги очень сексуальны.

– М-м-м… – протянул Джон, подумав о Константине. И о той немецкой журналистке, которая якобы изучала историю, Урсула, как-то так. Похоже, в ее случае деньги не сделали его сколько-нибудь сексуальным.

– У вас нет необходимости быть красивым, если вы богаты. Вам даже не нужно быть умным или талантливым, потому что вы можете *купить* ум и талант. Лучше быть богатым, чем быть художником, поскольку с деньгами вы можете купить искусство. Ах, да что там! Вы можете купить *художника* ! – Маккейн остановился, тяжело дыша, и посмотрел на него. – Вам даже не нужно быть хорошим торговцем, если у вас много денег; потому что вы можете вытеснить конкурентов с рынка. Не нужно вам быть и хорошим предпринимателем; потому что у вас нет нужды с трудом создавать предприятие, развивать его, тратя годы усилий, работая по ночам и выходным, неделями трясясь из-за того, что не приходят чеки, – вы можете все *купить* готовым! Понимаете, о чем я говорю? Вы понимаете, что в действительности означают деньги, что это такое? Деньги, мистер Фонтанелли, – это *власть* .

Джон заметил, что сидит с открытым ртом, и поспешно закрыл его.

Маккейн медленно приближался, сложив руки на груди в умоляющем жесте.

– Вы находитесь в уникальном положении, мистер Фонтанелли. Вы можете стать самым могущественным человеком в мире. Ваши деньги, ваша тысяча миллиардов долларов действеннее всех атомных ракет, ведь деньги – жизненная сила этого мира, его кровь, определяющий элемент. Если вы владеете деньгами, то можете взять весь мир за яйца. – Он указал на книгу, все еще раскрытую на странице с диаграммой, показывающей переход в мир устойчивого существования. – Само собой ничего не получится. Я знаю это, вы знаете это, каждый человек знает это. Прошедшие двадцать лет доказали это всем сомневающимся. Единственный шанс, который у нас еще остался, – и причина, почему все происходит именно так, как происходит, – заключается в том, что придет кто-то, обладающий властью, кто скажет, что нужно идти этим путем. Вы, мистер Фонтанелли. Вы можете решить это. Потому что можете *добиться этого силой* .

19

– Таков ваш план?

– Да.

– Добиться этого силой?

– Другой возможности нет, – произнес Маккейн. Его взгляд, казалось, был способен прожечь дыры в мебели. – Некрасиво, признаю. Но то, что произойдет в противном случае, тоже будет некрасиво.

– Добиться этого силой? Разве я могу сделать это? – Джон поднял руки. – Я имею в виду, окей, триллион долларов – это куча денег, но *хватит* ли их?

Маккейн только кивнул.

Джон покачал головой.

– Я читал о банках, которые располагают суммами в четыреста, пятьсот миллиардов долларов, – продолжал он. – «Ситибэнк», кажется? И японские банки, названий которых я не запомнил. Существуют страховые компании, в резервах которых есть сотни миллиардов…

---

[40] Бред собачий (*англ.*).

– Да, – снова кивнул Маккейн. – Но ваш триллион, мистер Фонтанелли, не просто уникален, у него есть еще одно решающее преимущество: он *принадлежит* вам. – Он снова принялся шагать по комнате. Постепенно Джон начал понимать, почему ковер такой потрепанный. – Банки, страховые компании, инвестиционные фонды – уж поверьте мне, я знаю, о чем говорю, – всего лишь рабы рынка. Посыльные богатства. Миллиарды, которыми они ворочают, только доверены им, и если с их помощью они не заработают больше денег, то их снова отнимут у них. Это не только сужает свободу действий, это почти полностью аннулирует их власть. Что они могут решать? Купить те акции или эти. Но это решение зависит от того, от каких акций они надеются получить больше прибыли. Я со своей фирмой управляю пятьюстами миллионами фунтов. Как думаете, что произойдет, если я решу купить землю в лесах Амазонки, чтобы спасти джунгли? Вкладчики в мгновение ока отзовут свои деньги, и я, вероятно, окажусь либо в тюрьме, либо в сумасшедшем доме. А ведь это стало бы вложением, которое благоприятно сказалось бы и на детях внуков вкладчиков, вот только денег оно не принесет, ни одного процента. Вы понимаете, что я имею в виду? Видите разницу? Банки хоть и *обладают* деньгами, но свободно распоряжаться ими не могут. Поэтому они – всего лишь исполнительные органы, служащие, резервуар инвестиционных намерений вкладчиков, не более. Нет, не путайте обладание и собственность. Собственность – вот что решает все.

Он прошел к своему столу, поднял письменный прибор и вынул небольшую бумажку, которая, очевидно, уже долгое время ждала там применения.

– Ваш второй вопрос: сколько же это – триллион долларов? Я записал для сравнения несколько чисел. Эти числа, кстати говоря, получить сложно, и большинство из них нельзя назвать очень актуальными. Они взяты из статистики «Файнэншел таймс» за 1993 год. По этим данным валовой оборот мировой торговли за 1993 год составил 4,5 триллиона долларов, причем триллион из них получен в сферу услуг. Если прибавить к этому доходы зарубежных государств и международный трансфер денег, то мы выходим на потребность в иностранной валюте в размере 5,8 триллиона долларов. Общий капитал представленных на бирже фирм Соединенных Штатов Америки составил 3,3 триллиона долларов, Японии – 2,3 триллиона, во всем мире он составляет около 8,8 триллиона долларов. – Он поднял голову. – Ваш триллион, мистер Фонтанелли, – это много денег. Недостаточно, чтобы купить мир, но достаточно, чтобы определить, куда он катится.

Джон потер лоб. Так много всего сразу, так тяжело, так давит…

– Но как конкретно это должно происходить? – наконец спросил он. Собственный голос показался ему тонким, мягким, почти плаксивым, и он разозлился. – Я приду и скажу: «Поступайте в дальнейшем так-то и так-то, иначе…» Иначе что? И кому я должен это сказать?

– Нет, это делается по-другому, – улыбнулся Маккейн, убирая бумажку в карман. – Власть – не то же самое, что вымогательство. Нет, вам нужно скупать фирмы. И здесь вы сталкиваетесь с тем, о чем я пока не упоминал, а именно: вам не обязательно полностью владеть фирмой. Достаточно, если вам будет принадлежать 51 %. Иногда достаточно даже меньшей доли. И если вы контролируете фирму, на *ее* деньги вы можете покупать другие фирмы – таким образом вы увеличиваете влияние своего состояния. К тому же решающие на сегодняшний день производственные факторы – ум, ноу-хау, личное участие – пока что оцениваются в экономике совершенно неправильно, поскольку она все еще ориентирована на отношения раннего капитализма. На ценность складских запасов, машин и так далее. Но представьте себе, что вы наткнетесь на молодую маленькую фирму, у основателей которой есть фантастические идеи и которым нужны деньги только на пару компьютеров, и тогда, вложив пятьдесят или сто тысяч долларов и выдав кредит на пару миллионов – вы его получите назад, да еще с процентами, – вы получите контроль над фирмой, которая через пять лет, возможно, будет стоить миллиарды. – Он сложил руки. – Хорошо, и, конечно же, вы не добьетесь ничего, если будете таким образом вкладывать в видеотеки или закусочные. Вы должны войти в стратегически важные отрасли. Продукты питания.

Финансы. Информационные технологии. СМИ. Сырье. Энергоснабжение… Если «Шелл» или «БП» чего-то захотят, как думаете, они получат это? Есть люди, которые крепко убеждены в том, что нефтяные концерны представляют собой движущую силу по меньшей мере половины всех региональных военных конфликтов этого столетия. Неважно, правда это или нет, уже только то, что их подозревают в этом, показывает власть, которую они имеют.

Джон сжал губы. Откуда же эта головная боль? И так пить хочется.

– Не могу представить себе, что владение фирмами действительно означает наличие влияния на что-то, – произнес он. – Я имею в виду, влияние в том смысле, которым обладает президент. То есть настоящая возможность что-то решать.

Маккейн правой рукой задумчиво коснулся губ.

– Я понял, что вы имеете в виду, – сказал он. На миг задумался, затем кивнул. – Возможно, я слишком забегаю вперед. Вывалил на вас все то, что продумал за десятилетия, которые у меня были на размышления… Но есть пример из истории. – Он подошел ближе и снова рухнул в кресло напротив Джона. – Вы когда-нибудь слышали фамилию *Фуггер* ?

– Нет.

– Так я и думал. Вообще-то это имя должно быть известно всем, так же, как имена Наполеона или Чингисхана, но по какой-то причине историки, похоже, ослепли на финансовый глаз. Фуггеры были семьей купцов родом из Аугсбурга, города, сейчас расположенного на юге Германии, где до сих пор чувствуется влияние Фуггеров. Они начинали с ткацкого ремесла, но в свои лучшие времена в буквальном смысле владели миром – их руки тянулись от западного побережья Южной Америки через всю Европу и до островов Пряностей, Молуккских островов. Без телеграфии, спутников и компьютеров они контролировали свои области влияния с эффективностью, о которой иным крупным предприятиям современности можно только мечтать, они доминировали почти во всех отраслях тогдашней экономики. Они были крупнейшими землевладельцами, важнейшими банкирами, крупнейшим торговым домом, существовавшим на тот момент, крупнейшим горнодобывающим предприятием, крупнейшим работодателем для ремесленников, важнейшими производителями оружия – они владели абсолютно всем, иногда их состояние достигало одной десятой богатства империи. Концерн такой силы, какой обладали Фуггеры, невообразим в нашем мире – он должен включать примерно шестьдесят крупнейших предприятий мира. Мощнейшие международные концерны современности, будь то «Дженерал моторс», «Мицубиси» или Ай-би-эм – карлики по сравнению с Фуггерами.

Маккейн кивнул, зажмурил глаза, набрал в легкие воздуха, как будто его нужно было много, очень много для того, что он собирался сказать.

– Человека, которого я имею в виду, звали Якоб Фуггер. Он руководил семейным предприятием в то золотое время, и его называли Богатым. Потому что он именно таким и был – богатым. Богатым и могущественным. Он наверняка, с учетом эпохи, был самым могущественным человеком, когда-либо жившим на планете. Никогда прежде и никогда потом ни один человек не представлял собой такое сосредоточие влияния, власти. Якоб Фуггер решал, когда вести войну, когда заключать мир. Смещал князей, если они мешали его делам. Его финансовая помощь определяла, кто станет императором Священной Римской империи германской нации, он оплачивал войска этого императора. Когда в его время в Европу пришла Реформация, он поначалу колебался, не зная, кого поддержать, и только потому, что были заключены прибыльные сделки со священным престолом, он выбрал сторону Рима, а восставших крестьян зарубили в кровавых сражениях. Если бы он выбрал сторону Реформации – я убежден, что это могло бы означать конец католической церкви в нашем ее понимании.

Маккейн сложил пальцы. Глаза его словно остекленели, как будто он видел перед собой другое, давно прошедшее время.

– Фуггеры – и это делает их еще более интересным феноменом, мистер Фонтанелли, – были современниками Медичи. В то время как Медичи жили во Флоренции и спонсировали изящные искусства, Фуггеры жили в Аугсбурге и гребли деньги лопатами. А значит,

они были современниками вашего предка. Якоб Фуггер по прозвищу Богатый был на двадцать лет старше Джакомо Фонтанелли, который, будучи купцом, наверняка ощутил превосходство Фуггеров на всех рынках. Фонтанелли знал, в чем заключалась реальная власть его времени, кто имел решающий голос за кулисами политики. Он знал это, вне всякого сомнения. Тогда все знали это. – Он остановился, устремив взгляд на Джона, пристально вгляделся в него, словно обнаружив вдруг что-то невероятно интересное в его лице. – Вы никогда не задавались вопросом, что натолкнуло его на мысль о том, что тот, кому предстоит изменить курс человечества, должен иметь в своем распоряжении именно *деньги* ?

«Вот это, – подумал Джон, – действительно хороший вопрос». Впрочем, он действительно никогда им не задавался.

– В своем видении Фонтанелли видел не бродячего проповедника, который ходит босиком по стране и силой слова обращает людей на путь истинный, – серьезно заявил Маккейн. – Он видел человека, владеющего деньгами, неизмеримо большим их количеством. Не забывайте, он был купцом. Проценты, сложные проценты были его хлебом насущным. Он мог *подсчитать* , насколько велико будет его наследие через пятьсот лет. Каким невероятно огромным оно станет. И эту невообразимую сумму денег он хотел дать своему потомку вместе с пророчеством – почему? Потому что он знал: деньги означают власть. И потому что он, откуда бы ни пришло к нему это понимание, знал, что кому-то придется принимать важное решение.

И прежде чем Джон успел что-либо сказать, Маккейн вскочил, встал прямо перед ним и ткнул его пальцем в грудь.

– Вы первый человек за пятьсот лет, который может продолжить с того места, где остановился Якоб Фуггер. Вы можете стать столь же могущественны, как в свое время он. И только потому, что вы так могущественны, вы можете повлиять на то, что имеет отношение к исполнению пророчества. Ваш триллион, мистер Фонтанелли, в данный момент – просто куча денег, которые лежат мертвым грузом. Но вложите их в экономическое влияние – и вы сможете сорвать этот мир с петель!

Джон посмотрел на свою грудь, на палец, указывающий в нее, с грубой и бледной кожей. Взял его, отвел в сторону, словно дуло пистолета, вытер руку о брюки, поскольку тот оказался влажным и холодным.

– Что конкретно вы под этим понимаете? – спросил он. – Я должен купить Ай-би-эм? Или «Боинг»? И когда они у меня будут, что мне с ними делать?

Маккейн в задумчивости отвернулся от него, медленно подошел к своим шкафам.

– Правда, мистер Фонтанелли, – медленно произнес он, не глядя на него, – заключается в том, что все это вы один сделать не сможете. Вы можете купить яхту, но не можете купить предприятие – не говоря уже о том, чтобы управлять им. Не сочтите это за критику лично вас или ваших способностей. Но вы не изучали того, что нужно знать для этого, у вас нет двадцатипятилетнего опыта в финансовых вопросах. Все, чего вы добьетесь, если будете сами пытаться пробиться по пути, который я только что обрисовал, – это того, что ваше состояние уйдет в песок.

Он открыл шкаф, где стояло множество папок.

– Текущие балансы важнейших предприятий мира. Сможете прочесть их? Сможете определить, какие из них важны, а какие неспособны двигаться дальше? Вы поймете, о чем идет речь, если будете присутствовать на заседании наблюдательного совета или на заседании Центрального банка? Сможете умело обращаться с Международным валютным фондом? – Он снова закрыл шкаф. – Я готовился двадцать пять лет не только для того, чтобы сказать вам, в каком направлении искать выход. Я делал это для того, чтобы пойти с вами. Чтобы осуществлять всю тонкую работу. Вам нужно принимать масштабные решения. Если вы позовете меня, я брошу здесь все, продам свою фирму, сожгу за собой все мосты, безо всяких «если» и «но». Если вы позовете меня, я на сто процентов с вами. Все, что вам нужно сделать, – это сказать, что вы этого хотите.

Джон невольно принялся массировать щеки. Осознав это, он остановился и снова положил руки на колени. Ему все еще хотелось пить, у него по-прежнему болела голова.

– Но ведь не теперь же, правда?

– Когда бы вы ни позвали, я буду готов. И зовите только тогда, когда будете уверены в своем решении.

– Просто слишком много всего и сразу для одного утра. Мне нужно подумать.

Маккейн кивнул.

– Да. Конечно. Я вызову машину, чтобы она отвезла вас обратно в аэропорт. – Он посмотрел на часы. – Вы как раз успеете на ближайший рейс в Рим. Прошу вас, не сочтите невежливостью, что я не стану провожать вас обратно в Хитроу, – я сказал то, что должен был сказать, и не хочу вас торопить. Прошу вас, рассматривайте это так. Как скромное отступление.

– Да, я понимаю. – Это было ему на руку, очень на руку. Еще одна лекция по истории – и у него взорвется голова. Если этот Маккейн работает так же, как говорит, – без пауз, без оглядки на физические потребности, – имея за спиной триллион долларов, он действительно сможет раскатать всемирную экономику. – Мне нужно это спокойно обдумать. Переспать с этим. – А в аэропорту они с Марко пойдут пообедают.

– Днем больше, днем меньше – не играет роли.

– Может быть, стоит сейчас – раз уж я знаю ваше имя – дать мне свой телефонный номер?

– Я бы и так сделал это. – Маккейн подошел к своему письменному столу, вынул визитную карточку, запечатанную в пленку, как документ. На ней было написано имя «Малькольм Маккейн» и номер телефона, больше ничего.

– Одно слово на дорогу, – произнес Маккейн, когда они пожимали друг другу руки на прощание. – Прошу вас не ждать слишком долго. Хоть один день и не играет роли, время уходит. Я верю в человечество, и мне хотелось бы, чтобы у него было будущее, но я думаю, что план Джакомо Фонтанелли – последний имеющийся у нас шанс.

Когда самолет взлетел, Джон закрыл глаза, и оказалось, что держать их закрытыми так приятно, что он не открыл их даже тогда, когда они оказались в воздухе. Он не спал, даже не размышлял. Ощущение было скорее такое, что настойчивые речи Маккейна вызвали в его мозгу многократное эхо, и теперь он просто слушал, как они звучат внутри него, в конце концов стихая.

Когда принесли еду, он снова открыл глаза, и Марко тут же склонился к нему, словно только и ждал этого.

– Синьор Фонтанелли, можно кое-что спросить?

Джон устало кивнул.

– Конечно.

– Переговоры прошли успешно?

Джон на миг задумался. Что ответить Марко? Что вообще можно ответить на это?

– Пока не знаю.

– Может так статься, что в будущем мы будем часто бывать в Лондоне?

– Хм… – Джон прислушался к своим ощущениям. – Да. Может быть.

Марко широко усмехнулся.

– Мне это подходит, – произнес он. – Лондон мне нравится.

Джон удивленно поднял голову.

– Откуда вы знаете? Вы же практически ничего не видели.

Марко улыбнулся.

– Достаточно, чтобы понять это.

– Что бы ты сделал на моем месте с деньгами?

Эудардо поднял плоский камешек и швырнул его в море, и, прежде чем утонуть, тот два раза прыгнул по волнам. Словно в ответ на это, пенный краешек прибоя лизнул его туфли.

– Понятия не имею, – ответил молодой адвокат. – В любом случае не стал бы ломать голову над пророчеством суеверного средневекового купца. Я имею в виду, что есть куча разумных проектов, которые можно поддержать. Помочь парочке развивающихся стран подняться на ноги, в экономическом смысле. Такие штуки. Спусти на это пару миллиардов, все равно тебе столько денег за всю свою жизнь не потратить. Если ты оставишь себе миллионов сто или что-то в этом духе, их хватит на то, чтобы жить хорошо. – Он бросил на него насмешливый взгляд. – Раз уж ты слишком склонен к скромности, если тебя интересует мое мнение.

– Что бы вы на моем месте сделали с деньгами?

Грегорио Вакки серьезно кивнул. Его рука покоилась на переплете книги по юриспруденции, которую адвокат читал до прибытия Джона. Теперь его пальцы принялись тревожно постукивать по ней.

– Я всегда задавался этим вопросом, – признался он и нахмурил лоб. – Что можно сделать с тысячей миллиардов долларов, чтобы исполнить пророчество? Создать всемирную образовательную программу, думал я когда-то, чтобы все люди осознали проблемы планеты. Но, с другой стороны, в развитых странах у людей достаточный уровень образования, чтобы понять все закономерности, и ничего не меняется; так что такая программа ничего не изменит. Или приобрести лицензии на экологичные технологии и экспортировать их в развивающиеся страны, чтобы помешать им повторить все ошибки, допущенные нами с самого начала? Заставить китайцев производить автомобили с катализатором, к примеру? Но, в конце концов, сказал я себе, это все только капли на раскаленный камень, не те решения, которые на что-то повлияют. – Он огорченно покачал головой. – Вынужден признать, что я не знаю. Не могу вам ничего посоветовать.

– Что бы вы на моем месте сделали с деньгами?

Альберто Вакки запустил руку в карман своего передника для садовых работ и достал оттуда садовые ножницы, которыми обрезал засохший побег розового куста.

– Я рад, что я не на вашем месте, – произнес он. – Честно. Столько денег, к тому же это пророчество… Могу понять, что это давит на вас. В любом случае на меня бы давило. Думаю, у вас ни одной ночи не проходит спокойно. Конечно, можно на многое повлиять с такими деньгами, но вопрос ведь именно в том, на что, что может повернуть все в лучшую сторону? И, честно говоря, я не вижу всех хитросплетений сегодняшней экономики. Кто кому принадлежит, у кого какая доля… – Он остановился, начал перевязывать ветку розового куста. – Сегодняшняя экономика – о чем я говорю? Я ее никогда не понимал, по-настоящему. Что-то у меня в голове не может осознать, какое это имеет отношение к моему счастью в жизни. А значит, дело безнадежное, я никогда этого не пойму.

– Что бы вы на моем месте сделали с деньгами?

Кристофоро Вакки сидел с закрытыми глазами на лавке, сложив руки на серебряной рукояти трости.

– Вы это слышите, Джон? Жужжание пчел? Отсюда это слышится как хор, далекий тысячеголосый хор. – Некоторое время он помолчал, прислушиваясь, затем открыл глаза и посмотрел на Джона водянистым взглядом. – Я много думал над этим вопросом, когда был моложе. Но в конце концов пришел к выводу, что советовать в этом деле – не наша задача. И знаете почему? Потому что нашей задачей было сохранить состояние. Мы не смогли бы сделать это, не будь мы семьей хранителей, защитников, если бы в ходе времени не развили абсурдное отвращение к каким бы то ни было изменениям. Тот, кто исполнит пророчество,

должен быть новатором, а это настолько же далеко от менталитета нашей семьи, как Южный полюс от Северного – то есть диаметрально противоположно. – На лице старика мелькнула улыбка, выражение внеземной уверенности. – Но я убежден, что вы поступите так, как нужно, Джон. Все, что видел Джакомо Фонтанелли в своем сне, стало реальностью – значит, исполнится и это.

Вечером они снова сидели на террасе, точно так же, как в первые дни, когда Джон приехал в Италию, и стол снова ломился под кастрюлями и мисками, из которых пахло мясом, чесноком и хорошим оливковым маслом. Альберто разлил по пузатым бокалам тяжелое красное вино и поинтересовался, чем он занимается в далеком Портечето.

– Был недавно в Лондоне, – жуя, произнес Джон.

– Понимаю – обновляли гардероб! – кивнул Альберто, а Грегорио кисло вставил:

– В Италии тоже есть чудесные, всемирно известные портные, если уж мне будет дозволено вставить слово.

– У меня были переговоры с владельцем инвестиционной фирмы, – продолжал Джон.

– Можно мне немного соуса? – попросил *padrone* , указывая на темно-коричневый кувшинчик, стоящий на другом конце стола. Эдуардо подал его деду и произнес:

– Наверное, у него достаточно денег, да?

– Его зовут, – сказал Джон, – Малькольм Маккейн.

«Дзынь!» – звякнула соусница, падая на стол.

«Бум!» – стукнулась о стол бутылка вина, которую поставили слишком резко.

На мгновение воцарилась такая тишина, будто весь мир затаил дыхание.

А потом все закричали наперебой:

– Этот обманщик! Надеюсь, вы не поверили ни единому его слову? Предупреждаю, с этим человеком нельзя иметь…

– Я знал, что однажды он снова объявится! Я с самого начала говорил, что с ним у нас будут сплошные…

– Джон, боже мой, как так вышло? Что на вас нашло, что вы поверили такому…

В первый миг Джону показалось, что все они сейчас набросятся на него и поколотят. Он в буквальном смысле слова съежился, в то время как Вакки продолжали кричать на него, смотрел в лица четырех мужчин, которые были вне себя от возмущения, и молчал.

Но эмоциональные реакции не могут длиться бесконечно. Хотя бы только потому, что начинает не хватать воздуха.

– Будьте осторожны с Маккейном, Джон! – кричал Альберто. – Это самый отъявленный лжец, которого мне доводилось встречать в своей жизни! – Тут он остановился, чтобы перевести дух.

– Уже тогда, когда Маккейн настраивал компьютер и узнал о состоянии, он попытался завладеть им! – возмущался Грегорио. – Он хотел убедить нас в том, что мы должны нарушить клятву и присвоить деньги себе! – Он с досадой вонзил вилку в беззащитный кусок мяса, положил его в рот и стал жевать.

– Я должен предупредить вас относительно этого человека, – сказал даже *padrone* , задумчиво покачав седой головой. – Какое бы впечатление ни произвел он на вас, поверьте мне – Маккейн психопат. Одержимый. По-настоящему опасный человек.

– Джон, ты можешь нанять любого советника по финансам в мире, даже лауреата Нобелевской премии, если захочешь, – умоляюще произнес Эдуардо. – Но только не Маккейна!

На миг Джон задумался о том, чтобы уступить, согласиться с ними, забыть о Маккейне, чтобы все осталось как прежде. Без сомнения, к этому англичанину нельзя подходить с обычными мерками, но ведь и ко всем Вакки тоже. Однако если и было что-то более тягостное для него, чем ссора со своими покровителями и благодетелями, так это возвращение в состояние нерешительности и беспомощности последних недель. Поэтому он аккуратно положил нож и вилку рядом с тарелкой и осторожно заметил:

– Впервые с тех пор, как я услышал о пророчестве своего предка, мне предложили способ его исполнить. Я понимаю, что у вас, очевидно, был плохой опыт отношений с Маккейном, но это случилось двадцать пять лет назад, и должен вам сказать, что он произвел на меня впечатление.

На лицах четырех мужчин он увидел неприятие.

– Маккейн умеет быть очень убедительным, я помню, – холодно произнес Кристофоро. – Но он – человек насквозь аморальный. Я бы даже сказал, что готов ожидать от него любой подлости.

– Окей, я был еще младенцем, когда все это происходило, – качая головой, произнес Эдуардо. – Я знаю только его программы, но они были чертовски странными. Я бы не стал рисковать, Джон, честно.

– Не связывайтесь с ним, – предостерег Альберто. – Готов спорить, что вы об этом пожалеете.

Взгляд Грегорио был убийственным.

– И должен сразу прояснить еще кое-что: если вы решите работать с Маккейном, мы больше не будем работать на вас.

Серп луны отражался в спокойном темном море. Джон стоял у перил и вслушивался в низкий голос, раздававшийся из телефона. Связывать с ним теперь лицо и историю было странно.

– Если мне когда-либо доводилось видеть кого-то, кто создал себе личную религию, то это семья Вакки, – спокойно произнес Маккейн. – Они ходят по воскресеньям в церковь и молятся Богу, но на самом деле они верят в деньги и в видение Джакомо Фонтанелли. И в священную задачу, которую они выполнили для вашей семьи.

– Но ведь вы как-то ухитрились насолить им, возмутить их до такой степени?

Короткий гортанный смешок. Впрочем, особого веселья не чувствовалось.

– О да, я насолил им. Я совершил святотатство. Я осмелился предложить им забыть о своем священном долге и назначенном дне и потратить деньги на вещи, которые тогда, в 1970 году, были важны и имели смысл. Как бы там ни было, состояние составляло на тот момент более трехсот миллиардов долларов, и, если бы их вложили в развитие альтернативных источников энергии, защиту используемых в сельском хозяйстве земель от эрозии и в программы по ограничению рождаемости, можно было бы предотвратить многие беды, из-за которых нынешняя ситуация приводит в такое отчаяние.

– Вакки отзываются о вас так плохо только потому, что вы предложили им это?

– Я разработал для них комплексный план. Такова моя натура. Если уж я делаю, то с полной самоотдачей. Для Вакки все, наверное, выглядело так, как будто я собираюсь забрать деньги себе. – Маккейн издал недовольный вздох. – Столько времени потрачено впустую, столько драгоценного времени, и все из-за упрямства Вакки! Тогда можно было совершить многое, но нет, они непременно желали дождаться назначенного дня. Каждый день вымирал вид. Каждый день погибали от голода тысячи безвинных людей, но у этих адвокатов в голове был только суеверный обет.

В ту ночь он не мог уснуть. Лежал без сна, смотрел на телефон, казалось, светящийся в темноте, и снова вспоминал Пола Зигеля. Обрушившийся дом на улице, где его родители торговали часами. В теплые дни они встречались здесь. Они могли часами сидеть на пыльных остатках стены, болтать ногами, наблюдать за прохожими и говорить обо всем на свете. Иногда они делали там уроки, разложив тетради на покрытом трещинами бетоне и остатках кафеля на полу. Зигель всегда помогал ему, мог объяснить все на свете лучше любого учителя – будь то гражданская война, тригонометрия или то, что хотел сказать Сэлинджер своим «Над пропастью во ржи». Вот только о девушках они примерно одинаково ничего не знали. И тогда Джон рассказывал то, что узнал от Лино, и они обсуждали это с красными от стыда ушами.

Это было целую вечность назад. А телефон цвета слоновой кости продолжал сверкать.

Может быть, втайне Пол завидовал ему. Его богатству, свалившемуся на него просто так. Без получения стипендии для одаренных студентов. Без бесконечных ночей над книгами, без бесконечных часов экзаменов. Может быть, поэтому он так и не объявился.

Джон протянул руку, застыл на миг, прежде чем коснуться трубки. Интересно, который в Нью-Йорке час? Ранний вечер. Пожалуй, даже слишком рано, но он может начитать ему хотя бы сообщение на пленку. Он вынул список с адресами из ящика стола и набрал номер Пола.

Но автоответчик не сработал. Такой телефонный номер, сообщил приветливый женский автоматический голос, больше не обслуживается.

– *Signora Sofia! Caffé, per favore! E presto!* [41]

Это раздалось из кухни. Если не считать итальянского языка, то похоже на голос Марвина. Джон остановился на нижней ступеньке лестницы и задумался, положив руку на перила, хочется ли ему сталкиваться со своим гостем. Нет, вообще-то нет. Но сейчас настало время упорядочить некоторые вещи в жизни, и, быть может, не такая уж и плохая идея – начать с Марвина. Он собрался с силами и открыл стального цвета дверь, ведущую в кухню.

Марвин сидел у ближайшего к нему края большого стола. Он упросил Софию приготовить ему на завтрак оригинальные блинчики по-американски и как раз топил их в кленовом сиропе. София наливала ему кофе с почти убийственным выражением лица.

– Доброе утро, господин секретарь, – произнес Джон, подходя к спинке стула с другой стороны стола. – Давно не виделись.

Марвин поднял голову, уплетая завтрак за обе щеки.

– Привет, большой босс, – произнес он, изо рта у него выпало несколько крошек, чего он явно не заметил. Указал приглашающим жестом на стулья. – Садись же.

Джон и не подумал отреагировать на тот факт, что ему предлагали присесть в собственном доме.

– Можно поинтересоваться, где ты пропадал в последнее время?

Марвин проглотил то, что было у него во рту, взмахнул руками.

– То там, то сям… Константина – просто чертовка, скажу я тебе. Прямо ненасытная баба. Было просто необходимо срочно и спокойно подкрепиться, понимаешь?

– Джереми говорил, что она звонила сюда и хотела поговорить с тобой. Так что вряд ли ты был с ней все время.

– Эй, она же не единственная женщина в Италии, да? – Он откинулся назад, небрежно положил руку на спинку стула и усмехнулся. – Чувак, если бы я знал, как музыканты могут восхищаться тобой только потому, что ты приехал из Нью-Йорка, я давно уже прискакал бы сюда. Это полный отпад, представляешь? Я купил себе бас с первой зарплаты – этот «Штейнбергер», офигенный прибор, скажу я тебе, – и немного поиграл тут. Просто гениально. Одна цыпочка встречалась с парнем, ну чисто итальянским кузеном Джона Бон Джови, так она бросила его только потому, что запала на мой нью-йоркский акцент, прикинь?

Джон решил ничего не прикидывать.

– При словах «первая зарплата» мне вспомнилось, – подчеркнуто холодно заявил он, – что в библиотеке все еще полно нераспакованных ящиков с книгами, а полок что-то не видать.

Марвин бросил на него презрительный взгляд, потянулся к бутылке с кленовым сиропом и налил золотисто-желтой жидкости на очередной блин.

– Честно говоря, я не предполагал, что придется вкалывать. Я думал, что это

---

[41] Синьора София! Кофе, пожалуйста! Поскорее! (*итал.*)

соглашение между приятелями, одному из которых повезло, и он позволяет другому немного поучаствовать в этом.

– Вначале я тоже думал о чем-то подобном, но это было ошибкой. Я не могу платить тебе за ничегонеделание, поскольку тем самым я наказываю людей, которые по-настоящему честно работают на меня.

Что-то настороженное появилось во взгляде Марвина.

– Эй, чувак, я приютил тебя, когда Сара выставила тебя вон, делился с тобой травкой и пивом. Похоже, это быстро забывается.

«Он так хорошо знает, на что нужно давить», – подумал Джон, чувствуя, как внутри него растет раздражение. Все представлялось ему проще. И к раздражению примешивалась нерешительность; если он не может разобраться даже с этой проблемой, как он собирается совладать с проблемами целого мира?

– Я не забыл об этом, – ответил он. – Но нам нужно найти решение. Я не могу считать тебя служащим.

Марвин затолкал себе в рот блин, словно опасался, что его отнимут, и, продолжая жевать, стал смотреть на него. Просто смотреть. С ума сойти.

– Я мог бы оказать тебе помощь для старта, – наконец предложил Джон, когда уже не смог выносить этого. – Единоразовое пособие, на котором ты построишь свое существование.

Марвин склонил голову. Джон сжал губы. Больше он не скажет ни слова.

– Окей, – наконец произнес Марвин. – Миллион долларов.

Джон изо всех сил сжал челюсти и покачал головой.

– Исключено. Максимум сто тысяч.

– Что-то ты мелочишься. Или это богатство влияет?

– Сто тысяч, ты соглашаешься и выметаешься отсюда сегодня же. – Джон набрал побольше воздуха в легкие. – Одна из твоих многочисленных поклонниц наверняка приютит тебя.

Марвин закрыл глаза и принялся дергать струны воображаемого баса. Промычал неразборчивую мелодию и заявил:

– Я все равно собирался начать карьеру в итальянском музыкальном бизнесе. Я как раз познакомился тут с одним, у него есть студия, он знает кучу продюсеров, крутой тип, кстати. Не считая того, что он дерьмово говорит по-английски, ну да ладно. Но я мог бы основать группу. Насрать на Нью-Йорк, он мне осточертел. – Он снова открыл глаза. – Сто тысяч долларов и билет до Нью-Йорка, чтобы я мог забрать свои песни и кое-какие пожитки. И ты от меня избавишься.

Джон посмотрел на него. В голове было пусто, словно выметено.

– И эй, билет в первый класс, если это не слишком, конечно.

– Договорились, – сказал Джон, прежде чем Марвин придумал что-нибудь еще.

Из окна незаконченной библиотеки, откуда был виден подъезд к дому, можно было наблюдать, как час спустя Марвин с большим рюкзаком сел в такси; в кармане у него был чек на сто пять тысяч долларов и миллион лир наличными. Когда такси выехало на улицу и скрылось за воротами, Джон с облегчением вздохнул.

С этим справились. Не самый геройский поступок, но он совершен.

И теперь, когда первая кровь окропила пол, нужно было пойти дальше и завершить начатую бойню. Он снял трубку телефона, которую все это время держал в руке, и еще раз набрал номер Маккейна.

– Я принимаю ваше предложение, – просто сказал он.

– Хорошо, – ответил низкий голос. – Я приеду завтра.

После этого он дрожащими руками набрал номер Вакки. Секретарь соединила его с Грегорио.

– Я только что нанял Маккейна, – сказал Джон, не здороваясь, пока еще были силы.

– Жаль слышать это, – голосом холодным, словно полярные льды, ответил Грегорио. – Это значит, что мы расходимся.

21

Позднее Джон будет вспоминать этот миг, когда его жизнь внезапно включила самую высокую скорость и выскочила на полосу обгона, набирая все большие обороты, а он не видел, за кем или чем гонится – или от чего бежит…

Маккейн позвонил еще раз и объявил, что прибудет чартерным рейсом и что не нужно его забирать, он доедет на такси. И утро наполнилось неподвижным ожиданием. Солнце палило, не было ни дуновения ветерка, море казалось свинцовым. Даже в скудных зарослях кустарника, где обычно раздавались трели, шелест и щебет, затаила дыхание тишина. Вероятно, из-за жары, но Джону казалось, будто цикады и певчие птицы ждали вместе с ним. Он то и дело выходил на небольшой балкон перед комнатой для гостей, откуда хорошо была видна подъездная дорога, над которой дрожал воздух. Ничего. Он каждый раз тяжело вздыхал и возвращался обратно в прохладу, спрашивая себя, верное ли решение принял.

Такси приехало, когда он стоял в кухне, собираясь налить себе стакан воды. В окно кухни он видел, как открылась дверца и из салона вывалилась массивная фигура Маккейна. С собой у него был только чемоданчик, и он снова умудрялся выглядеть неряшливо в костюме за четыре тысячи долларов.

– Мистер Фонтанелли! – крикнул Маккейн, когда Джон показался в дверях; он тяжело дышал, словно ему пришлось всю дорогу толкать такси.

– Называйте меня Джон, – произнес Джон, когда они зашли внутрь.

– Малькольм, – ответил Маккейн, пожимая ему руку.

На дом он и внимания не обратил. Джон пошел впереди, проводил его в гостиную, где Маккейн сразу же, как будто дорога была каждая минута, оккупировал журнальный столик. Он открыл крышку чемодана, вынул карту мира и разложил ее на отполированном алебастре.

– Какой город, – спросил он, – должен в будущем стать центром мира?

– Прошу прощения? – удивленно переспросил Джон.

– Нужен штаб фирмы. В качестве крыши для всех последующих действий мы должны основать холдинговую компанию, а ей нужна официальная штаб-квартира. Конечно, у нас будут филиалы по всему миру, это само собой разумеется, но нам нужна база. Вопрос в том, где именно?

Джон нерешительно глядел на карту мира.

– А какое место подходит лучше всего?

– Любое. Вы – Джон Сальваторе Фонтанелли, самый богатый человек всех времен и народов. Место, где будете находиться вы, станет самым главным.

– Хм…

Ему не хотелось принимать решение здесь и сейчас, просто из прихоти. Но, очевидно, Маккейн ждал от него именно этого. Радость от принятия решений, как читал он когда-то, является важным качеством руководящей личности.

– Как насчет Флоренции?

Маккейн кивнул, хоть и нерешительно.

– Флоренция. Хорошо, ничем не хуже другого места.

– В принципе, мне все равно, – поспешил добавить Джон.

– Может быть, я могу предложить Лондон? Не потому, что я там живу вместе с престарелой матерью, – это можно уладить, и я, конечно же, буду руководствоваться вашими решениями. Но Лондон – важная финансовая площадка. Финансовая площадка с традицией. Если мы расположим базу в лондонском Сити, это будет иметь важное символическое значение.

Джон пожал плечами.

– Хорошо. Лондон мне тоже подходит.

– Прекрасно. – Маккейн снова свернул карту мира. – Тогда мы откроем «Фонтанелли энтерпрайзис» с резиденцией в Лондоне. – Он бегло осмотрелся по сторонам, как будто только сейчас заметил, что находится в чужом доме, а не в своем офисе. – Там будет несложно найти и подходящий дом для вас.

– А с этим что не так? – удивился Джон.

Маккейн поспешно поднял руки.

– Ничего, абсолютно ничего. Все в порядке. Не поймите меня превратно… – Похоже, он размышлял над тем, как получше выразиться. – Вакки вывели вас на свой уровень, это очевидно. Но из-за этого у вас не сработала фантазия. Как бы ни был красив дом, он больше похож на резиденцию обычного миллионера, не самого богатого человека всех времен и народов. Даже с точки зрения миллиардера из конца списка «Форбс» вы живете как бедняк.

– Мне все равно, – сказал Джон. – Главное, что мне здесь удобно.

– Дело не в этом. Для человека вроде вас удобство – не цель, а совершенно нормальное положение дел. Так сказать, предпосылка. – Маккейн сидел на диване, а Джон стоял с другой стороны журнального столика, но почему-то англичанину все равно удавалось смотреть на него так, как смотрит строгий учитель, с неизменной доброжелательностью склоняющийся над первоклассником. – Здесь действуют другие правила, Джон. Там, куда мы отправляемся, речь идет уже не о богатстве, а о власти. А в мире власти нужно играть по правилам власти, нравится это нам или нет, и к этим правилам относится позерство. Вы должны произвести впечатление на других и поставить их на место. Вы должны стать самой сильной гориллой в стаде, альфа-самцом, за которым следуют все. – Он попытался улыбнуться, но глаза его оставались серьезными. То был взгляд генерала, вынужденного вести войска в трудную битву. – И вы сможете. Поверьте мне.

На секунду стало так тихо, что казалось, можно будет услышать звук падающей иглы. А потом высоко в небе прокричала чайка, разрушая тишину. Джон кивнул, хоть и не мог утверждать, что со всем согласился. Но он выбрал этот путь, и он пойдет по нему.

– Кроме того, никто ведь не говорит, что вам нельзя оставить этот дом, – пожав плечами, произнес Маккейн.

Внезапно он снова пришел в движение, открыл дипломат, достал бумаги, толстый календарь и мобильный телефон.

– Итак, в бой! – И это прозвучало как боевой клич.

Джон присел на подлокотник кресла, в то время как Маккейн связался со своим лондонским нотариусом и обрабатывал его до тех пор, пока тот не согласился принять их сегодня же вечером с целью основания акционерной компании.

– Попросите собрать вещи, – сказал Маккейн. – А я пока организую остальное.

Джон был рад на некоторое время оказаться вне зоны действия магнитного поля этого человека. Ему еще придется привыкнуть к темпу, который задал Маккейн. Молодой человек позвал Джереми и попросил его собрать дорожную сумку.

– Надолго, сэр? – поинтересовался дворецкий.

Джон пожал плечами.

– На несколько дней. Не знаю. Может, понадобится и больше времени.

– Известить телохранителей? Когда отправляетесь?

– Сегодня. Чуть позже. Да, скажите Марко.

Дворецкий кивнул с каменным лицом и исчез наверху. Джон остался стоять в холле, прислушиваясь к эху голоса Маккейна – как он настаивал, уговаривал, давил, приказывал, подспудно угрожал. Не человек – бульдозер. С триллионом долларов он сметет все, что будет стоять у них на пути.

– Выписки со счетов! – крикнул из гостиной Маккейн.

– Что-что? – крикнул Джон в ответ, не уверенный, что это вообще относилось к нему.

Но тут примчался англичанин собственной персоной.

– Вы должны распечатать актуальные выписки со счетов и взять их с собой. Я полагаю, компьютер стоит здесь, в подвале, так?

– Да, но я понятия не имею, как с его помощью можно что-либо распечатать.

– Я покажу вам.

И они быстрым шагом направились в подвал, который фирма-производитель сейфов оборудовала по новейшему слову техники. Маккейн вежливо отвернулся в сторону, пока Джон набирал код доступа, и уважительно кивнул, увидев ПК и новую программу.

– Неплохо, – произнес он. – Кто это сделал? Молодой Вакки, я так полагаю. Как там его зовут? Эдуардо?

Джон кивнул. Сумма в нижней строчке увеличивалась с потрясающей скоростью, уже набежал триллион и тридцать миллиардов.

– Чудесно, чудесно. Можно? – Он сел на стул перед компьютером, кликнул мышью. – Как я и думал, он модифицировал мою программу. Но удачно, признаю. Так, давайте посмотрим, что нам распечатывать…

– Так ведь понадобится куча бумаги? – вдруг сообразил Джон.

– Если на каждый счет брать по строчке, то потребуется примерно 1200 страниц, – кивнул Маккейн. – Тридцать полных папок. Конечно, это слишком много; распечатаем выводы по странам и формам вкладов. Получится всего около сорока страниц. – Принтер зажужжал и принялся выплевывать бумагу. – Я тут подумал, компьютер в конторе Вакки все еще существует, ведь так? Мы должны добиться, чтобы его отключили. Не то чтобы я не доверял Вакки, их честность просто сверхчеловеческая, но мысль о том, что есть возможность подглядывать за нашими финансами, мне не нравится, понимаете?

– М-м-м… – произнес Джон. Было жутковато слышать, как Маккейн говорит о *наших* финансах. Но он наверняка просто по рассеянности оговорился.

Процедура основания «Фонтанелли энтерпрайзиз лимитед» прошла, пожалуй, еще более буднично, чем передача состояния. Над Лондоном темнело, когда они вошли в офис нотариуса, его обшитые темными деревянными панелями комнаты с высокими потолками, где веяло духом Британской империи. Нотариус, изысканно одетый седовласый мужчина, вел себя так, словно был родственником самой королевы. Он изложил Джону содержание устава компании на первоклассном английском языке с великолепным произношением, звучавшем так, как будто во рту у говорившего перекатывались горячие картофелины, и только когда он осознал, что собирается основать общество с ликвидным капиталом в триллион долларов, он на миг слегка утратил самообладание. Впрочем, чтобы тут же вернуть его и продолжать с таким видом, словно ничего не произошло. Джон, пояснил он, станет единоличным акционером компании, а Малькольм Маккейн – его управляющим. Параграф шел за параграфом, и наконец он захотел увидеть еще и трудовой договор управляющего.

– Но ведь это сейчас неважно, – вырвалось у проявлявшего заметное нетерпение Маккейна. – Мы заключим обычный трудовой договор. Даже без нотариуса.

– Как хотите, – ответил нотариус и слегка склонил голову набок, словно желая выразить некое недовольство.

Маккейн бросил быстрый взгляд на Джона.

– Просто хотел содрать с нас дополнительные комиссионные, – прошептал он ему по-итальянски.

И снова печати, подписи, листы промокательной бумаги. Ни шампанского, ни поздравлений. В дверях ожидала миниатюрная бледная женщина, чтобы взять на хранение определенные документы, затем нотариус протянул Джону его экземпляр, быстро пожал руки ему и Маккейну, и все закончилось. Спустя пять минут они сидели в машине и направлялись к отелю Джона.

Джон был готов к тому, что, проснувшись на следующее утро, обнаружит, что отель

окружен представителями прессы. Однако, к его немалому облегчению, выглянув на улицу в щель между тяжелыми шторами, он не увидел ни единой спутниковой тарелки.

Но незамеченной их тайная вечерняя церемония не осталась. Маккейн появился, когда Джон сидел в столовой своего номера люкс и поедал на удивление невкусный завтрак; в руках у него была стопка газет. «Сан» разместила длинную статью на задней стороне обложки, суть которой заключалась в том, что «мальчик-триллионер обзавелся новой игрушкой». «Файнэншел таймс» сочла необходимым опубликовать статью в две колонки, даже на первой полосе, впрочем, в самом низу страницы, пронизанную той едкой насмешкой, которой славилась эта газета. Автор с иронией отмечал, что пока не ясно даже, для какой деловой цели предназначена «Фонтанелли энтерпрайзис». Может быть, под влиянием пророчества следующее, что он собирается сделать, – это выкупить джунгли Амазонки, чтобы предотвратить их вырубку и тем самым спасти «зеленые легкие планеты»?

– Они еще удивятся, – вот и все, что сказал на это Маккейн.

Джон пролистал стопку.

– А что с американскими газетами?

– Для них еще слишком рано, – произнес Маккейн. – Только Си-эн-эн позже выпустит получасовой сюжет. Впрочем, мне очень интересно, чем они собираются его заполнить. Предположениями, наверное.

– Это хорошо или плохо? – поинтересовался Джон, поглядывая на остатки своего безвкусного тоста. Он решил не доедать его.

Маккейн снова собрал газеты и швырнул их в мусорную корзину.

– *Any publicity is good publicity* [42], и это справедливо не только для Голливуда. Сегодня утром у кучи людей пропадет аппетит.

Кофе, кстати говоря, тоже был абсолютно невкусным.

– Мы можем пойти куда-нибудь, где можно хорошо позавтракать? – попросил Джон.

Еще в лифте отеля Маккейн начал созваниваться с маклерами по поводу подходящего офиса.

– Лучше всего целый высотный дом в лондонском Сити, – говорил он своим собеседникам, пока они бежали через фойе. – И я заплачу наличными, если будет необходимо.

Джон с удивлением отметил, что Маккейн все знает на память. Не только телефонные номера – он запоминал названные адреса, и, очевидно, ему не нужен был план города для того, чтобы найти их, поскольку в машине таковой отсутствовал.

– Думаю, для начала будет достаточно филиалов в Нью-Йорке, Токио, Париже, Берлине, Сиднее и Кувейте, – пояснил Маккейн, маневрируя в лондонском потоке машин на по-прежнему неаккуратном «ягуаре». Марко, Карлин и третий телохранитель, которого тоже звали Джон, следовали за ними в бронированном «мерседесе», взятом напрокат в лондонской фирме, занимающейся обеспечением безопасности. – Как только организация встанет на ноги, нужно будет иметь хотя бы по одному представительству в каждой стране мира.

– Кувейт? – удивился Джон.

– Нефть, – произнес Маккейн.

– Нефть? Но разве она имеет такое важное значение сегодня?

Маккейн бросил на него презрительный взгляд.

– Вы имеете в виду – по сравнению с генной инженерией?

– Например. Я имею в виду, что речь ведь идет о будущем, и его наверняка станут определять подобные отрасли… по крайней мере, я об этом читал.

– Забудьте всю эту болтовню. Отрасли будущего… Ясное дело, на генной инженерии,

---

[42] Любая реклама – это хорошая реклама (*англ.*).

фармацевтике, программном обеспечении для сети Интернет и так далее будут зарабатывать кучу денег. Если верить бирже, фирма «Майкрософт» стоит больше всей России. Но вы в это верите? Пара зданий и компьютеров стоят больше, чем крупнейшая страна мира, со всей ее нефтью, природными богатствами, бесконечными просторами? Это неправда. Это просто взгляд биржи, а биржа – это не что иное, как своего рода букмекерская контора. Вот только там играют ставки, которые настолько высоки, что в настоящих букмекерских конторах их бы запретили. – Маккейн изучал поток машин, как разведчик во время военных действий. Проведя быстрый маневр, он сменил полосу. – В реальной жизни играют роль продукты питания и энергия. Вы знаете, что в этом году во всем мире уровень запасов пшеницы, риса и других сортов злаков ниже, чем когда-либо за последние два столетия? В новостях об этом, конечно же, не говорят, они предпочитают рассказывать о каких-нибудь перестрелках в Боснии и Герцеговине. И прогнозы на урожай этого года тоже не особенно хороши, а это означает, что в следующем году уровень запасов снизится ниже отметки пятидесяти дней мирового потребления. И в то время как население растет, во всем мире сокращаются посевные площади из-за эрозии, загрязнения солевыми отложениями, опустынивания, урбанизации. Только на острове Ява каждый год застраивается дорогами, поселениями и фабриками двадцать тысяч гектар, а это площадь, способная прокормить более трехсот тысяч человек, в то время как население Индонезии каждый год вырастает на три процента. Почему, как вы думаете, США так серьезно относятся к тому, что являются крупнейшим экспортером зерна во всем мире? Потому что это означает власть. Вскоре американские хлеб и силос будут представлять собой бóльшую силу, чем авианосцы и военный флот США.

– Значит ли это, что в какой-то момент вы собираетесь угрожать правительствам лишением продовольствия?

– Нет. Никто никому не угрожает. Просто заботятся о том, чтобы остальным стало ясно, кто здесь хозяин, а потом говорят, чего хотят. Этого достаточно. – Маккейн улыбнулся, лицо его было непроницаемым. – Не беспокойтесь. Скоро вы поймете, как это работает.

Неделю спустя Джон подписал платежное поручение на внушающую благоговение сумму в британских фунтах за внушающую благоговение офисную башню в лондонском Сити, которая прежде принадлежала Национальному банку Вестминстера. Когда новые правомерные владельцы прибыли на место, там как раз демонтировали табличку.

– Бедняг это не коснется, – невзначай бросил Маккейн, – скоро у них будет еще пять небоскребов поблизости, и большинство из них выше этого.

Даже опустев, здание все еще дышало властью, богатством, столетней историей. Шаги их гулко отдавались в огромных, украшенных лепниной залах, стучали по старинному солидному паркету; новые владельцы посмотрели на город из высоких окон.

Судя по выражению лица Маккейна, он был в высшей степени доволен покупкой, с помощью которой им, по его словам, удалось разместить штаб-квартиру прямо посреди вражеского лагеря.

– Выгляните, Джон, – потребовал он, когда они добрались до верхнего этажа. – Это лондонский Сити, независимый, самоуправляемый район города, с собственной конституцией, собственной полицией, почти суверенное государство. Вон там – банк Англии, там – «Лондонский Ллойд», лондонская акционерная биржа тоже находится здесь, каждый значительный торговый дом мира имеет здесь офис. Нигде на Земле вам не найти квадратной мили богаче. Это поистине Ватикан денег – и мы посреди всего этого.

Джон окинул взглядом силуэт Лондона, темную извивающуюся ленту Темзы, подумал о множестве нулей в чеке, который он подписал, и особого восторга не испытал.

– И что дальше? – спросил он.

Наверное, Маккейна можно было разбудить среди ночи, и он все равно сумел бы рассказать ему все детали своего плана.

– Мы нанимаем людей, – без колебаний произнес он, не отводя взгляда от действительно производившего впечатление вида. – Аналитиков, которые изучат все

фирмы мира, чтобы выяснить, какие из них нам нужны. Специалистов по управлению, которые смогут построить организацию. Адвокатов, которые обстряпают все так, что комар носа не подточит. И так далее. Мы можем взять некоторых людей из моей старой фирмы, но этого не хватит. Я разместил объявления о вакансиях во всех важных газетах и, кроме того, нанял нескольких консультантов по кадровым вопросам, которые помогут подыскать хороших руководителей.

– Консультантов по кадровым вопросам? – эхом отозвался Джон.

Он просто задумался вслух о том, о какой именно профессии может идти речь, но Маккейн, похоже, расценил его реплику как беспокойство относительно связанных с этим расходов, поскольку поспешил пояснить:

– Успех каждого предприятия заключается в его сотрудниках. Можно подумать, что это самая большая тайна экономики, но на самом деле ее вообще никто тайной не считает. Об этом можно прочесть повсюду, но почти никто этого не понимает. И в первую очередь не понимают те, кто ищет работу. Если бы они понимали это, мир выглядел бы иначе.

Позже Джон немного прошелся по денежному Ватикану. Один, впервые за… Он уже даже не мог вспомнить, когда он в последний раз сам куда-то ходил. Маккейн заверил его, что с ним ничего не случится; и в самом деле, с каждого угла здания смотрела видеокамера, и вездесущие полицейские, на шлемах которых красовалась особая эмблема, не спускали с него глаз. Все было чистым, словно вылизанным, и немного скучноватым, несмотря на позолоченных геральдических животных и роскошные фасады. Людей на улице было мало, туристов среди них не наблюдалось.

В узком невзрачном переулке он наткнулся на вывеску с надписью «Н. М. Ротшильд и сыновья». Заглянул в холл. На большой картине, висящей на стене, были изображены Моисей и его народ, получающие десять заповедей от Бога.

– Сэр? – Сотрудник безопасности в темном комбинезоне вырос рядом с ним, словно из ниоткуда. – Проходите дальше, – с ледяной вежливостью попросил он.

Джон взглянул на него. «Я мог бы купить этот банк и приказать вышвырнуть его», – дошло до него. Увидел самого себя, отраженного в темных стеклах вестибюля. Неправильно он выглядит. Он оставил свой костюм в отеле, надел джинсы и тонкую ветровку. Хоть та и стоила много, но по ней этого не скажешь. Он явно не был похож на клиента Н. М. Ротшильда и сыновей.

– Ладно, ладно, – ответил Джон. – Я все равно собирался уходить.

Маклер был тощим, шепелявым, с перекошенным лицом и грязно-рыжими непослушными волосами, но одеколон его пах чистыми деньгами, а на визитке красовался тисненный золотом герб. И, конечно же, он возил их на «подходящие объекты» на «роллс-ройсе».

– Поместье, – прогнусавил он, когда они подкатили к огромным кованым воротам, – принадлежало восемнадцатому графу Харрингтон-Кейнсу, который, к сожалению, умер, не оставив наследников. – Он завозился с дистанционным управлением. Когда створки ворот с аристократической медлительностью расступились, он указал на выгравированный на них герб. – Инсигнии вам, конечно же, если что, придется убрать.

– Само собой, – ответил Маккейн, – если что.

Они вкатили в ворота. Казалось, что ограда осталась еще со времен норманнского вторжения, с достоинством возвышавшиеся за ней деревья, вполне вероятно, давали тень еще Генриху VIII, а поместья до сих пор не было видно. Автомобиль мягко скользил через пейзаж, похожий скорее на просторные охотничьи угодья или заросшую площадку для гольфа.

– Графиня уже много лет живет в доме для престарелых и не имеет возможности должным образом позаботиться о семейном владении, – продолжал маклер. – Два года назад она приняла решение о продаже.

Они пересекли холм. Обзор стал шире. И, словно не от мира сего, перед ними возник замок из упрямого серого базальта, выстроенный как будто специально для вечности. Он имел три многоэтажных крыла, повернутых к симметрично разбитому пруду, на внешних углах здания красовались увенчанные башенками эркеры, а главный вход, перед которым остановился автомобиль, появился, очевидно, в результате перестройки.

Они вышли. Джон в некоторой растерянности рассматривал фронтон замка, оглядел его с одного конца до другого – а на это понадобилось довольно много времени. Сооружение занимало площадь бóльшую, чем квартал, в котором находился дом его родителей, где он вырос. Молодой человек спросил себя, считал ли уже кто-то количество окон в этом здании.

– Ну что, Джон? – с таким восхищением, словно он построил его собственноручно, спросил Маккейн. – Что скажете?

Джон обернулся, посмотрел туда, откуда они только что приехали.

– Довольно далеко до почтового ящика, правда? – произнес он. – Особенно в дождливую погоду.

Маклер испуганно вытаращился на него, но Маккейн только рассмеялся и предложил:

– Давай войдем внутрь.

В холле можно было играть в теннис. С картин выше человеческого роста в позолоченных рамах на них взирали равнодушные лица мертвых аристократов.

– Галерея фамильных портретов обещана музею, – пояснил маклер. – Так что о них не думайте.

– С удовольствием, – произнес Джон.

Коридоры были бесконечными. На большинстве дверных ручек лежала пыль. Столовая размерами напоминала церковь.

– Как раз соответствует положению, – заметил Маккейн.

– Мрачновато, – ответил Джон.

Окна были высокими, но узкими, однако, если провести электричество, можно было серьезно исправить положение.

– Один американский историк сообщил, что по площади замок примерно в десять раз больше Белого дома в Вашингтоне, – сообщил маклер и добавил: – Впрочем, я не проверял.

Маккейн веско кивнул, Джон судорожно сглотнул. Они еще немного побродили по комнатам, и, когда снова встретились, Маккейн отвел Джона в сторонку и негромко спросил:

– Ну как? Думаю, это станет вполне достойной резиденцией для богатейшего человека в мире.

– Замок? А это не слишком?

– Глупости. У любой рок-звезды есть нечто подобное. Может быть, показать вам загородную резиденцию Мика Джаггера? Или замок, где живет Джордж Харрисон?

– Но он кажется мне ужасно… большим!

– Джон, – произнес Маккейн и серьезно посмотрел ему в глаза, – вы должны научиться мыслить в бóльших масштабах. И это только начало. Рассматривайте это как ежедневную тренировку.

Итак, Джон Сальваторе Фонтанелли, самый богатый человек в мире, купил английский замок пятнадцатого века вместе с четырьмя квадратными милями имения, просторными домами для прислуги, конюшнями, садовыми домиками и беседками, сторожкой привратника и собственной капеллой. Консорциум строительных фирм взял на себя реставрационные работы, представитель ответственного архитектурного бюро будет отчитываться каждые три дня и обсуждать детали. К Рождеству, как было запланировано, работы будут практически закончены, и Джон сможет переехать.

Маккейн настоял на том, чтобы не жалели ни средств, ни усилий, дабы все выглядело наилучшим образом. Первый этаж северного крыла будет переоборудован под большой бассейн с джакузи, несколькими саунами и паровыми банями, массажными комнатами и садами с экзотическими растениями. Чтобы разместить соответствующие статусу машины

класса люкс, которые заказал Джон, поддавшись на уговоры Маккейна, – для начала по экземпляру марок «ягуар», «роллс-ройс», «мерседес-бенц» и «ламборджини», – и иметь возможность ухаживать за ними, конюшни будут по большей части переоборудованы в гаражи, и, кроме того, будет построена собственная автомобильная мастерская. О доме и дворе со временем станут заботиться двести служащих; чтобы проследить за их отбором и наймом, Джереми передал бразды правления домом в Портечето Софии и приехал в Лондон. Во главе кухни поставили многократно увенчанного премиями и лаврами французского повара, который привел с собой целую команду, начиная от изготовителя соусов и до резчика овощей; он получил полную свободу действий и практически неограниченный бюджет для того, что касалось технического оснащения кухни.

В отдаленном уголке имения построили посадочную площадку для вертолетов с осветительными установками. Весной выяснилось, что шум, издаваемый приземляющимся вертолетом, в самом замке выносить еще можно было, но павлины, красиво расхаживающие среди недавно разбитых грядок, каждый раз приходили в сильное недоумение.

22

Внезапно жизнь Джона вошла в такую прочную и ровную колею, как никогда прежде. Он вставал утром в полседьмого, принимал душ, завтракал, и в половине восьмого его ждал автомобиль, чтобы отвезти в офис в сопровождении команды телохранителей, число которых, казалось, росло день ото дня, по менявшимся каждый день маршрутам. Таким образом он хоть немного посмотрел Лондон, потому что оставшееся время проводил с одержимым Маккейном, присутствие которого действовало на него как наркотик.

Орды рабочих накинулись на офисное здание, проложили телефонные линии, компьютерные сети и системы контроля доступа, перестелили полы, обновили отопление, уложили мрамор там, где прежде была тиковая древесина, и золото там, где раньше довольствовались высококачественной сталью. Неожиданно Джон оказался в кабинете, имевшем размеры четырехкомнатной квартиры, с видом на панораму города, за право посмотреть которую можно было бы требовать плату. Маккейн получил зеркально расположенное помещение в противоположном углу, а между ними находился огромный конференц-зал размером с теннисную площадку, со множеством опускаемых экранов и проекторов, жалюзи и так далее, с количеством кресел побольше, чем в парламенте. Остаток этажа заняла приемная, полная больших кожаных кресел, стеклянных столов и буйно разросшихся растений, чтобы полчищам посетителей было удобно ждать, когда их примут. Шесть красивых, как картинки, секретарш восседали за столом из белоснежного мрамора, чтобы радовать глаз возможных посетителей, но пока что Маккейн заставлял их писать письма и вести телефонные разговоры.

Дни складывались в недели, недели в месяцы, и почти физически ощущалось, как все пришло в движение. Пустые указатели на лифтах и лестничных пролетах заполнялись. На этаже прямо под ними разместился отдел кадров; аналитики и экономисты, которых они наняли, занимали три нижних этажа. Остальные этажи здания пока пустовали, но уже существовали точные планы их применения; каждый день приходили рабочие, привозили офисную мебель, и было ясно, что к концу года башня будет вибрировать от деятельности. Казалось, будто локомотив весом в миллион тонн медленно набирает скорость, поначалу едва заметно, но раз уж он уже пришел в движение, остановить его нельзя.

Они говорили о том, чтобы купить для Джона квартиру на время, но у него не было желания снова совершать поездки с маклером, и поэтому он решил, что с тем же успехом может пожить и в гостинице. Люкс был достаточно велик, чтобы можно было привыкнуть к дальнейшей жизни в замке, да и роскоши хватало. Даже завтрак стал лучше, после того как он сделал по этому поводу краткое замечание менеджеру отеля; целую неделю после этого каждое утро после уборки приходил лично шеф-повар и старательно интересовался пожеланиями, пока блины не стали такими мягкими, кофе душистым, а тосты – хрустящими,

что, ложась спать, Джон уже предвкушал следующий день.

Сначала он попросил прислать из Портечето побольше костюмов и тому подобного, но потом он вспомнил, что Маккейн просил его мыслить широко, поэтому велел соединить его с портным, у которого уже были его размеры, чтобы заказать еще один полный гардероб. И не через шесть недель, а *pronto!* [43] И – о чудесная сила денег! – никому не понадобилось больше трех дней на то, чтобы доставить заказанные костюмы, рубашки и так далее прямо в отель. Никто не утруждал его счетом, это уладилось как-то само собой, Джон даже не заметил как, да это его особо и не интересовало.

Дни, складывавшиеся в недели, казались бесконечным водоворотом событий, без остановки, без выходных и праздников. Маккейн таскал его за собой на совещания, давал ему прочесть планы, проекты договоров и бесконечные списки чисел, пояснял ему балансы и экономическую статистику, давал на подпись чеки, договоры купли-продажи, договоры на аренду, трудовые договоры, формуляры учреждений и так далее. И когда между всем этим у Джона появлялось немного времени, он садился за свой роскошный письменный стол в своем роскошном офисе и читал различные газеты, финансовые, биржевые бюллетени, книги по экономике, управлению и экологии, которые советовал ему Маккейн. Большинство из них он переставал понимать, как только продирался дальше десятой страницы, но пытался и виду не подавать. Чаще всего не проходило и получаса, как Маккейн снова приглашал его к себе, и Джон мог только с удивлением наблюдать, как этот человек разговаривает одновременно по целой батарее телефонов, выслушивает отчеты подчиненных и гонит их прочь с новыми поручениями. Когда Джон приезжал утром в восемь, Маккейн был уже на месте, и, хоть тот ни словом, ни делом не давал понять, что ожидает от него такого же самоотверженного образа жизни, Джон не мог избавиться от нарастающего чувства вины, когда возвращался обратно в отель в восемь часов вечера, а Маккейн *все еще* оставался в офисе. Со временем он стал задаваться вопросом, уезжает ли тот вообще домой.

Дни шли, проходило время. Франция, несмотря на международные протесты, взорвала атомную бомбу под атоллом Мururoa, бывшую звезду футбола О. Дж. Симпсона оправдали после раздутого сенсационного суда по обвинению в убийстве, а премьер-министр Израиля Ицхак Рабин был застрелен во время демонстрации сторонников мира. Все чаще Лондон по утрам окутывал туман, уже давно перестали ждать Джона Фонтанелли возле отеля с микрофонами и вспышками, и вот наступил день, когда все по-настоящему началось.

– Вот они. Первые рекомендации аналитиков.

– Ах! – произнес Джон.

– Но мы их, – произнес Маккейн и бросил на стол стопку бумаги, – пока что проигнорируем.

Звук, с которым приземлились бумаги на потрясающе безупречную поверхность стола в конференц-зале, еще некоторое время висел в воздухе. Здесь, наверху, в этой огромной комнате было так тихо, как будто мира снаружи вообще не существовало.

– И вместо этого сделаем *что* ? – спросил Джон, поскольку чувствовал, что Маккейн ждет именно этого вопроса.

– Первое приобретение нашей фирмы, – пояснил Маккейн, – должно стать сенсацией. Прозвучать, как удар молота. Чтобы никто не смог проигнорировать это. Наш первый удар должен пробрать до костей весь мир.

Джон смотрел на бумаги. Большая столешница стола для конференций сверкала в свете утреннего солнца, как черное озеро в безветренную погоду, а растрепанная стопка высилась на нем, словно скалистый остров.

– Вы имеете в виду, что мы должны купить по-настоящему крупную фирму?

– Да, конечно. Но одного этого недостаточно. Она должна еще и что-то

---

[43] Без промедления (*амер. разг.*).

символизировать. Не просто фирма. Институция. И это должна быть американская фирма. Мы должны отхватить филейный кусок ведущей мировой экономики одним взмахом ножа.

Джон нахмурил лоб, припоминая названия фирм. В той или иной степени все они институции, верно? Похоже, в самой сути крупной фирмы заложено то, что она должна стать институцией.

– Но ведь вы сейчас не спрашиваете меня, кого нам купить? У вас уже есть кое-что на примете.

Маккейн едва заметно кивнул, по-хозяйски положив руку на спокойное черное озеро.

– Вот у вас, как у американца, с каким именем ассоциируется богатство?

– Билл Гейтс.

– *Alright* , его я сейчас в виду не имел. Я думал кое о ком из прошлого века.

Джону пришлось немного задуматься, прежде чем он догадался.

– Рокфеллер?

– Именно. Джон Д. Рокфеллер. Вы знаете, как называется его фирма?

– Подождите… «Стэндарт ойл»? – Так говорили в школе? Он не помнил. Он читал об этом в одной из книг, скорее случайно. И по телевизору однажды наткнулся, много лет назад. – Да, точно. «Стэндарт ойл корпорейшн». Это была история. Рокфеллер обладал монополией на нефтяном рынке, пока правительство не разрушило его концерн, приняв антитрастовый закон.

– Это народная версия. На самом деле все было так: Джону Д. Рокфеллеру в 1892 году в Огайо после принятия антитрастового закона были предъявлены обвинения, но он ушел от приговора суда, распустив «Стэндарт ойл» и разместив фирмы в других странах. Фирмы, которые по-прежнему контролировались им и его штабом. Судебный процесс заставил его основать первый многонациональный концерн.

– Ну хорошо. И что? Все равно «Стэндарт ойл» больше не существует.

– Думаете? Нью-йоркская «Стэндарт ойл компани» с 1966 года называется «Мобил ойл». «Стэндарт ойл» штатов Индиана, Небраска и Канзас с 1985 года называются «Амоко». Компании «Стэндарт ойл» Калифорнии и Кентукки в 1961 году слились, а с 1984 года стали называться «Шеврон». И самый крупный блок из всех – это бывший холдинг «Стэндарт ойл Нью-Джерси», который в 1972 году изменил свое название на «Эксон корпорейшн».

Джон уставился на него и почувствовал, как его нижняя челюсть отвисает.

– Вы хотите купить «Эксон»!

– Именно. По ряду причин «Эксон» – идеальный кандидат для первого удара. Это одно из пяти крупнейших предприятий мира, второй по величине энергетический концерн после «Шелл», представлен во всем мире, на каждом континенте, кроме Антарктиды. И, что немаловажно, «Эксон» – одна из самых прибыльных фирм на планете.

– «Эксон»?.. – Джон почувствовал вдруг, что его сердце забилось где-то в районе шеи. – Но можем ли мы себе это позволить? Я имею в виду, «Эксон» ведь настоящий гигант…

Маккейн вынул из стопки своих документов журнал и открыл его на какой-то странице.

– Это список «Форчун-500», список 500 крупнейших промышленных предприятий мира. Важна предпоследняя колонка, собственный капитал. Пятьдесят один процент от него должен принадлежать вам, чтобы контролировать фирму. – Он придвинул к нему список. – Просто подсчитайте, насколько далеко сможете зайти.

Джон уставился на список, прочел такие названия, как «Дженерал моторс», Ай-би-эм, «Даймлер-бенц». «Боинг» или «Филип Моррис». Потянулся к большому калькулятору, начал складывать только миллиарды и остановился, дойдя до конца первой страницы, до пятидесятой позиции, а оставалось еще более шестисот миллиардов.

– Да я ведь действительно могу купить полмира, – пробормотал он.

Маккейн кивнул, словно учитель, довольный ответом самого трудного ученика.

– А когда вы купите полмира, – добавил он, – ваши деньги никуда не денутся.

Они будут вложены. Это значит, что они как раз начнут зарабатывать еще больше денег. Денег, на которые мы сможем купить остальное.

То был один из магических моментов, которые навсегда остаются в памяти, как правильно высвеченные цветные диапозитивы. Джон сидел, смотрел на список из светло-и темно-синих названий и чисел, почти жалких чисел, если сравнивать их с невероятной мощью триллионного состояния, и в этот ярко освещенный миг впервые по-настоящему осознал, какую власть он получил в свои руки. Только теперь он понял, что собирается сделать Маккейн, понял весь размах плана и неостановимое движение, которое они собирались запустить. Они смогут сделать это. Просто потому, что не существовало никого и ничего, способного встать у них на пути.

– Да, – прошептал он. – Так и сделаем.

– Две недели, – произнес Маккейн. – Потом мы будем в Техасе.

Тут Джону пришел в голову еще один вопрос.

– Значит ли это, что практически все существующие крупные нефтяные концерны восходят к рокфеллеровской «Стэндарт ойл корпорейшн»?

– Не все. Корни «Шелл» – в Нидерландах и в Англии, они никогда не имели никакого отношения к «Стэндарт ойл». «Эльф Аквитань» – французская компания, «Бритиш петролеум», как ясно уже из самого названия, – английская. – Маккейн наклонился вперед. – Но видите? Кое-кто уже пытался двигаться в нашем направлении. Проблема Рокфеллера заключалась в том, что он пришел слишком рано. В принципе, он не знал, что делать с властью, которую получил. Если бы он жил сейчас, во-первых, ему не удалось бы разделить «Стэндарт ойл» на филиалы, а во-вторых, он знал бы, что час пробил. Вероятно, он последовал бы такому же плану.

Еще в тот же день компания «Фонтанелли энтерпрайзис» объявила о своем намерении поглотить «Эксон». Основной капитал предприятия к тому моменту составлял 91 миллиард долларов, тогда как собственный капитал не превышал и сорока, разделенный на части в два с половиной миллиарда каждая, находившиеся в руках у шестисот тысяч зарегистрированных акционеров. Текущий курс составлял 35 долларов, Фонтанелли предложил 38 за акцию.

Правление компании «Эксон» тут же созвало внеочередное совещание с целью обсудить ситуацию. То был шок; производственно-экономические средства были настолько велики, что компания могла чувствовать себя застрахованной от попытки поглощения. Но никто не был готов к инвестору, для которого лишний миллиард роли не играет.

Связались с крупнейшими акционерами, подумали о том, чтобы самим купить большие пакеты акций и предотвратить тем самым передачу контроля. А пока курс на бирже неуклонно возрастал, даже перерос ставку в 38 долларов, и все поняли, что компания «Фонтанелли энтерпрайзис» владеет практически бесконечным количеством денег. Курс стал подниматься выше, в заоблачные дали: словно в лихорадке, пытались инвесторы присоединиться к числу акционеров «Эксона», поскольку безумный миллиардер из Лондона якобы был готов заплатить любую цену.

– Идет игра на нервах, – говорили люди, считавшие себя биржевыми профессионалами, когда курс перевалил отметку 60 долларов. – Если он хочет иметь «Эксон», он заплатит.

Лондон отреагировал сдержанно, курс достиг 63,22 доллара, когда на информационном табло появилось одно из таких сообщений, от которых все внутри переворачивается и человек понимает весь масштаб случившегося. Джон Сальваторе Фонтанелли, сообщали хорошо информированные источники, сказал, что «*в таком случае мы купим "Шелл"* ». И на следующий день акционерам всех остальных крупных нефтяных концернов были выдвинуты предложения о поглощении.

Все, кто купил акции «Эксона» по невероятно высокой цене, в панике бросились их продавать. Глупо, но новость успела разлететься, и никто больше не хотел их покупать. Курс камнем летел вниз.

Маккейн следил за цифрами на Нью-йоркской бирже с помощью своего монитора в Лондоне, излучая напряженное спокойствие предохранителя на бомбе.

– Сейчас, – мягко произнес он в телефонную трубку, когда курс достиг отметки 32,84 доллара.

Две недели спустя во всем мире сотрудники компании начали выбрасывать старую бумагу для писем, чтобы заменить ее новой, с шапкой «Эксон – Фонтанелли корпорейшн».

На этот раз они оказались на первых полосах всех газет, по всему миру. Не вышло ни одной программы новостей, где не говорилось бы в первую очередь о поглощении «Эксона». Если бы основную мысль всех известий пришлось бы выразить в двух словах, то они были бы такими: «чистейший ужас».

Сразу же стало ясно даже последнему журналисту, что означает частное состояние в один триллион долларов. Во множестве спецвыпусков, дискуссий и интервью по всему земному шару объяснялось то, что говорил Маккейн Джону еще во время их первой встречи: что одно дело, когда крупный инвестиционный фонд или банк распоряжается сотнями миллиардов долларов, и совершенно иное – когда одному человеку по-настоящему *принадлежит* та же самая сумма.

– Разница, – подытоживал знаменитый лорд Питер Роберн в интервью одному из самых авторитетных журналистов в области мировой экономики, – заключается просто в том, что, принимая решения, Фонтанелли может плевать на рентабельность. Это делает его непредсказуемым. Можно даже сказать – *свободным* .

Такая степень свободы вызывала подозрения. Министры экономики напоминали о социальной ответственности. Главы профсоюзов всерьез задумывались о подобной концентрации денег и влияния. Председатели советов правления других крупных концернов пытались излучать уверенность в себе и показывать, что все под контролем.

Повсюду шептались: что будет дальше? Некоторые журналы, среди которых были и серьезные финансовые издания, публиковали точные карты мира, где красиво, с изображениями логотипов фирм и их стоимости на бирже, демонстрировалось, как может выглядеть всемирный концерн Фонтанелли.

– Они делают половину работы за наших аналитиков, – с ухмылкой комментировал Маккейн.

Один не очень серьезный журнал довольно подробно рассчитал, какие из мелких африканских стран может полностью купить Фонтанелли, со всей землей, со всем, что есть у государства. Не было двух одинаковых прогнозов. В принципе, судя по всему, произойти могло все, что угодно.

На Рождество Джон принял неожиданное приглашение Маккейна на ужин с ним и его матерью.

Миссис Рут Эрнестина Маккейн страдала прогрессирующим ревматизмом; она сидела, скрючившись в своем слишком большом кресле с обивкой в цветочек, но тем не менее излучала непреклонную решимость противостоять болезни. Серо-голубые глаза смотрели пристально, покрытое мимическими морщинами и старческими пятнами лицо обрамляли густые волнистые седые волосы.

– Вам нравится ваш замок? – поинтересовалась она.

– Пока что трудно сказать, – ответил Джон. – Я живу там всего неделю.

– Но ведь получилось красивое здание, не так ли?

– Да, конечно. Очень красивое.

– Вы должны знать, – с улыбкой вставил Маккейн, – что моя мама пристально следит за тем, что пишет *желтая пресса* . Поэтому возможно, что она знает ваш замок лучше вас.

– Ах! – отмахнулся Джон. – Думаю, это не очень сложно.

На столе рядом с ней лежало несколько подобных журналов. Беглый взгляд на них заставил Джона с облегчением заметить, что хотя бы леди Диана по-прежнему оставалась

на своем месте, то есть на первой странице.

Странно было видеть Маккейна первый раз, так сказать, в домашней обстановке. В офисе он напоминал работающую на высоких оборотах динамо-машину, бьющую током, поскольку находился в постоянном движении, целеустремленный до безрассудства, а в этот вечер, в собственном доме, спокойный в общении со своей престарелой матерью, он казался совершенно расслабленным, настоящим и пребывающим в хорошем расположении духа человеком.

Дом – исполненное достоинства белое здание, построенное на сломе веков, – располагался на тихой улице нешумного предместья Лондона и рядом с остальными роскошными виллами казался почти неприметным. Для матери Маккейна, которая могла передвигаться только с большим трудом, был оборудован современный стеклянный лифт, нарушавший архитектурную гармонию холла, но, несмотря на это, в здании можно было снимать фильм, действие которого разворачивалось бы в довоенное время, не слишком изменив при этом обстановку.

Еда была вкусной, но недорогой, почти домашней. На стол подавала полная экономка, единственная служащая в хозяйстве Маккейна, как довелось узнать Джону, за исключением сиделки, которая приходила два раза в день на час или два, чтобы присматривать за миссис Маккейн.

Когда Маккейн ненадолго вышел из-за стола, его мать указала на большую, обрамленную простой стальной рамой акварель, висевшую над камином.

– Узнаете?

Джон вгляделся в картину.

– Это Флоренция, – произнес он. – Один из мостов через Арно.

– Понте Веччио, да. – И добавила заговорщическим тоном: – Это нарисовал Малькольм.

– Правда? – Джон никогда не догадался бы, что Маккейн когда-то мог держать в руках кисточки.

– В молодости он некоторое время рисовал, – рассказывала миссис Маккейн. – Моего покойного мужа часто переводили с места на место, знаете ли, поэтому мы много путешествовали. Тогда мы жили в Италии, Малькольм устроился в компьютерную фирму и вскоре после этого перестал рисовать. – Ее глаза сверкнули. – Не говорите ему, что я рассказала вам об этом.

Джон смотрел на картину, не зная, что и думать. Глупо же считать это божественным знаком, правда? Но он не мог иначе. Когда-то они оба рисовали, потом бросили. Неважная деталь. Знак того, что им было предначертано встретиться.

– Мы все время откладываем кое-что, – произнес однажды Маккейн, когда они собирались вылететь на переговоры с советом директоров «Эксона» в Ирвинг, штат Техас, США. – Мой трудовой договор. Нужно уладить это, прежде чем я первый раз официально выступлю в качестве вашего управляющего.

– Ах да, – сказал Джон, потянувшись за ручкой. – Точно. Я вообще об этом забыл.

– Что ж, дел было много, – согласился Маккейн, вынул из кожаной папки документ на нескольких страницах в трех экземплярах. – Но вы ведь понимаете, время от времени приходится думать и о себе. Если мы сейчас не придем к соглашению относительно моего договора, получится, что я несколько месяцев работал бесплатно. И если окажусь на улице, выяснится, что вы не должны мне ни шиллинга.

Его опасения удивили Джона. Неужели он кажется британцу таким нерешительным?

– Ну, может быть, мы все же придем к соглашению, – попытался пошутить он и протянул руку. – Давайте.

Маккейн протянул ему подготовленный экземпляр и сказал:

– Прежде чем подписывать, внимательно прочтите. – Он сел, закинул ногу за ногу, скрестил руки на груди, словно готовясь к длительному ожиданию.

Джону пришлось заставить себя прочесть каждую страницу целиком, прежде чем перевернуть ее. Он и так с трудом понимал всю эту юридическую абракадабру.

И только когда он добрался до параграфа, где речь шла о зарплате, все изменилось. Написанное там было просто невозможно понять превратно. У Джона в буквальном смысле слова отвисла челюсть.

Маккейн требовал для себя годовую зарплату в сто миллионов долларов!

23

Глядя на число, красующееся на бумаге, словно нечто само собой разумеющееся, Джон почувствовал, как внутри у него поднимается горячая волна. И именно это нечто само собой разумеющееся и злило его, но в то же время он чувствовал себя непонятным образом вынужденным проглотить свою злость.

– А не слишком ли это, а?

Маккейн поднял брови.

– Что вы имеете в виду?

Джон приподнял листок. Внезапно ему показалось, что он весит целый центнер.

– Я как раз читаю параграф с зарплатой, и почему-то у меня такое чувство, что вы написали лишний ноль.

– Нет, совершенно точно нет.

– Но сто миллионов долларов… Во всем мире нет управляющего, который зарабатывал бы сто миллионов долларов в год, даже в первом приближении!

– Да бросьте, Джон. – В голосе Маккейна послышались нотки раздражения. – Сто миллионов – это проценты, набегающие на ваше состояние за один-единственный день. А я повышу ваш доход. Не напрягаясь, увеличу его вдвое. Это значит, что я верну вам свою зарплату в тройном размере. Покажите мне служащего на этой планете, который может утверждать подобное.

– Но суть не в этом. Мы ведь делаем все это не ради того, чтобы накопить еще больше денег? Я думал, мы здесь затем, чтобы выполнить мою задачу? Чтобы повернуть судьбу мира в другую сторону?

Маккейн изучал свои ногти.

– Вы же знаете, я делаю это не ради денег, Джон. Моя зарплата – это символ. Она символизирует то, что я – начальник крупнейшей фирмы в мире. Причем *с огромным отрывом* . Поэтому у меня должна быть *с огромным отрывом* самая большая зарплата, которую когда-либо выплачивали, вы понимаете? Такого не удержать в тайне. Да я и не хочу этого. Когда я буду сидеть напротив одного из тех ребят, который привык считать себя важной шишкой, я хочу, чтобы он знал: я зарабатываю в пятьдесят раз больше него. Таковы правила игры, Джон. Он узнает об этом и почувствует себя маленьким и незначительным, сделает все, что я скажу.

Джон снова посмотрел на число. Сто миллионов долларов. Конечно, теоретически он мог отказаться подписывать. Ему принадлежат деньги, ему принадлежит фирма, ему принадлежит здесь все: стул, на котором сидит Маккейн, бумага, на которой был напечатан договор, ручка, которой он должен его подписать. Он мог зачеркнуть число и написать другое, двадцать миллионов, или двадцать пять, или даже десять, что все равно будет кучей денег, и если Маккейн не примет этого, их пути разойдутся.

Теоретически. Практически он только что купил многонациональный нефтяной концерн, офисное здание стоимостью в миллион, нанял людей, подписал договоры… Он начал делать вещи, с которыми в одиночку сам не справится. Обо всем, что связано со сделками и миром экономики, он имел понятия меньше, чем Мурали, производитель пиццы. Он даже не сможет руководить газетным киоском, не говоря уже о предприятии, собственный капитал которого больше, чем у трехсот крупнейших предприятий после него.

Он почувствовал, как ладони стали влажными. Словно от бумаги шел жар. Он бросил

взгляд на Маккейна, но тот сидел с каменным лицом.

Может быть, Маккейн не уйдет. Как бы там ни было, этот проект – дело всей его жизни. По крайней мере, он так говорил. А может, это был просто утонченный план относительно того, как быстро заработать много денег? Но даже если и так, у Джона нет выбора. Каким-то образом он оказался загнанным в угол, где ему не помогут все его деньги.

– Хм, – произнес Джон.

Вообще-то именно чувство беспомощности ему и не нравилось, не сама сумма. И возможно, Маккейн был даже прав в своих утверждениях.

В любом случае выбора у него не было.

Джон снова взял ручку, которая почему-то выскользнула из руки, когда он начал читать договор.

– Ну хорошо. – Он предпринял попытку обставить это как свое собственное решение. – Думаю, вы правы. Если принять во внимание масштабы, это совершенно справедливо.

Он перевернул последнюю страницу, нацарапал свою подпись на предусмотренной для этого линии, быстро повторил эту процедуру с остальными экземплярами, положил один из них в свою папку и протянул Маккейну остальные, которые тот принял безо всякого выражения на лице.

На миг повисла напряженная тишина.

– Окей! – нарочито легкомысленно воскликнул Джон, откинулся на спинку кресла и хлопнул в ладоши. – Когда отправляемся? Что собираемся делать с техасцами?

Маккейн встал.

– Мы поговорим с членами совета правления, всем приветливо пожмем руки, а потом уволим половину из них.

– Что? Почему это? – заморгал Джон. Казалось, в комнате вдруг стало на градус холоднее. – Это необходимо? Я имею в виду, они ведь явно хорошо делали свою работу, если «Эксон» – предприятие настолько прибыльное.

– Конечно. Но причина не в этом. Причина в том, что мы должны недвусмысленно дать им понять, что теперь все решаем мы.

– Что-что?

– Мы посадим туда своих людей.

Джон поднял руку.

– Подождите-ка. Это мне не нравится. Я не хочу иметь ничего общего с подобными играми во власть.

Маккейн холодно посмотрел на него сверху вниз.

– Джон, у вас в голове скрывается еще один предрассудок, от которого нужно срочно избавиться. Якобы мы можем делать то, что собирались, и при этом оставаться милыми, замечательными ребятами. – Он покачал головой. – Забудьте об этом. То, что мы потребуем от людей, не будет похоже на увеселительную прогулку и уж точно не будет никому приятно. Нас возненавидят за это. Наши имена на сто лет превратятся в ругательства, быть может, даже навечно. Черчилль обещал нам в свое время кровь, пот и слезы, но эта метафора себя изжила; второй раз люди на нее не купятся. Мы не можем ни у кого спрашивать разрешения, мы должны просто проталкивать то, что нужно протолкнуть, и это вопрос власти, да. Вам, Джон, предстоит еще много узнать о власти. И как часть своей задачи я рассматриваю то, чтобы научить вас всему, что знаю об этом сам. – Он поднял оба экземпляра своего трудового договора. – Вот первый урок. Чему вы научились?

Джон нахмурил лоб.

– Что вы имеете в виду?

– Я принес вам договор с заоблачными требованиями по зарплате, и вы подписали его, хоть и сочли их чрезмерными. Почему?

– Потому что, поразмыслив, я согласился с вашими аргументами.

На лице Маккейна мелькнула улыбка.

– Это ложь.

– Почему же? Мне ведь действительно не стоит возмущаться из-за пары миллионов…

– А вот теперь вы оправдываетесь перед самим собой. А истина такова: вы сочли мою зарплату слишком высокой, но подумали, что у вас не остается иного выбора, кроме как согласиться. Иными словами, я оказался в главенствующем положении, хотя самый богатый человек на земле – это вы, а я – ничтожество. – Маккейн отвернулся, сделал несколько шагов, остановился. – Хотите знать, как я это сделал?

У Джона отвисла челюсть, и какой-то миг он не мог заставить себя снова закрыть рот. Мало того что Маккейн каким-то образом взял его за горло и вытряс зарплату, которая в двести раз превышает зарплату американского президента, теперь он еще и хвастается этим, хочет подробно объяснить, как ему это удалось!

– Я весь внимание, – хриплым голосом произнес он.

– Сначала вы сделали большую ошибку, которую не имеете права делать впредь. Вы допустили задержку в подписании трудового договора. Таким образом получаются свершившиеся факты, а по поводу свершившихся фактов уже не поторгуешься. Я мог спокойно подождать, пока вы окажетесь в ситуации, когда уже практически невозможно просто встать и уйти. И если вы начинаете переговоры без этой возможности – просто встать и уйти, – вы автоматически становитесь слабее. – Теперь Маккейн напоминал профессора, постулирующего самые элементарные основы своего предмета. – Предположим, вы переезжаете на новую квартиру, не договорившись с хозяином относительно оплаты. Если вы уже переехали, то хозяин может потребовать что угодно – бóльшую арендную плату, ремонт каждый год и так далее, – потому что альтернатив у вас уже нет, как было до переезда, когда вы могли закончить разговор и отправиться искать другую квартиру. Вашей альтернативой стал бы дорогостоящий переезд. Вы понимаете? Вы допустили то, что факты свершились, и из-за этого ослабили свою позицию в переговорах.

– Это значит, что мы должны были поговорить о вашей зарплате еще во время нашей первой встречи?

– В идеальном случае – да, – кивнул Маккейн. – Тогда ваша позиция была оптимальной. Я был человеком, посвятившим свою жизнь идее, которая могла быть реализована только с вашего согласия. Вы были богатейшим человеком в мире и довольно-таки не заинтересованы в проекте. Вы просто могли потребовать, и я согласился бы работать на вас *бесплатно* .

Джон вспомнил день, когда вместе с Марко приехал в Лондон, впервые без ведома Вакки.

– Не очень-то я ловок в таких вопросах, да?

– С этой способностью не рождаются. Этому нужно учиться. Курс только что начался.

– У вас суровые методики обучения.

– Да и предмет не из легких, – произнес Маккейн. – Ведь правда же, вы подумали: «Что же я буду делать, если он оставит меня со всем этим одного?»

Джон неохотно кивнул.

– Это было настолько очевидно?

– Нет. Я знал, что вы так подумаете. Но заметили ли вы, что я не угрожал? Это было бы вымогательством. Если бы я сказал что-то вроде «либо вы подписываете, либо я ухожу!» – вы, вероятно, стали бы сопротивляться. Моя сила заключалась в том, что я знал: вы в курсе своей ситуации и моих возможностей. То, что я не упоминал ни о том, ни о другом, усиливало мою позицию. Вы не знали, как я *поступлю* , но знали, что я *могу* сделать. Аргументы, которые я привел, хоть и были правильными с фактической точки зрения, но решающими не были. Решающим было текущее распределение власти между нами обоими. – Маккейн широким жестом указал на окно. – В последующие месяцы нам придется много поездить, провести много переговоров. Важно, чтобы вы понимали, что при этом происходит. *По-настоящему* понимали, я имею в виду.

Джон смотрел на него, пытаясь осознать его слова. Почему-то было сложно представить себе, что именно по этим правилам функционирует мир.

– И кто же из нас двоих от кого зависит? – спросил он. – Я имею в виду, *по-настоящему* ?

Маккейн пожал плечами.

– Как мне кажется, зависимость обоюдная. Вы не можете выполнить план без меня, без моего опыта, всех проведенных мной предварительных работ, а я – без вас. Полагаю, это называется симбиозом.

Джон взял свою копию трудового договора и поднял ее вверх.

– Значит ли это, что мы его порвем?

Маккейн сложил договоры вдвое и спрятал во внутренний карман пиджака.

– Что вы! – Он насмешливо улыбнулся. – Считайте это платой за обучение.

Они прилетели в Техас, приветливо улыбаясь, пожали всем членам правления «Эксона» руки, и, когда сели, Маккейн зачитал имена тех, кто должен был немедленно оставить свой пост.

Это было похоже на казнь. Сотрудники службы безопасности, которых привел лично Маккейн, сопровождали уволенных до их письменных столов, следили за тем, чтобы те собрали только личные вещи и ни с кем не разговаривали, и не отходили от них до самой парковки. Компьютерные специалисты позаботились о том, чтобы были стерты их пароли и коды доступа. Джон наблюдал за всем этим, не проронив ни слова, с непроницаемым выражением лица следил за происходящим.

СМИ вспылили, в первую очередь потому, что по-прежнему не было никакой официальной информации, ни одного интервью. «Чего хочет Фонтанелли?» – так называлась статья-комментарий в газете «Франкфуртер альгемайне».

Маккейн был весьма доволен; некоторые газеты и журналы лежали у него на столе раскрытыми по нескольку дней. Джон спросил его, не опасается ли он, что такие сообщения могут повредить им.

– Ах, да бросьте, – только и сказал тот. – Через неделю это будет все равно что прошлогодний снег.

Так оно и вышло. В середине января шестидневная драма с заложниками в Чечне закончилась кровопролитием, когда российские войска сровняли с землей село Первомайское. В начале февраля самолет «Боинг-757» турецкой авиакомпании «Бирген эйр» упал у берега Доминиканской республики. После семнадцати месяцев перерыва ИРА снова принялась закладывать взрывчатку в Лондоне: убитых три человека и раненых более сотни. В середине февраля ходящий под либерийским флагом нефтяной танкер «Си эмпресс» налетел на скалу перед городом Мильфорд-Хейвен в Уэльсе и отравил острова Стокгольм и Скомер, где гнездились десятки тысяч морских птиц, а также охраняющийся законом национальный парк «Пемброкшир-коуст». Эксперты поставили эту катастрофу в один ряд с катастрофой, вызванной крушением «Эксон Вальдез» в 1989 году.

– Мы должны позаботиться о том, чтобы с нашими танкерами не случилось ничего подобного, – предложил Джон, и в глубине души он был потрясен тем, с какой легкостью научился говорить о *наших танкерах* .

– Действительно, хорошая идея, – ненадолго задумавшись, сказал Маккейн. – А потом передать соответствующую информацию прессе.

Затем появилось сообщение о том, что компания «Фонтанелли энтерпрайзис» распорядилась, чтобы сырая нефть перевозилась только в тех танкерах, которые соответствуют строгим условиям контроля их собственной команды по вопросам безопасности, и что уже поручено разработать проект танкера с двойными стенками. Единственной реакцией на это стало падение акций «Эксон».

Двадцатого марта британское правительство было вынуждено признать, что нельзя больше исключать возможность связи между чумой крупного рогатого скота и болезнью Кройцфельдта-Якоба у людей, после чего ЕС потребовал ввести запрет на экспорт мяса, действующий во всем мире, и было приказано забить пять с половиной миллионов голов

крупного рогатого скота. То, что это заболевание связано с неправильным питанием коров, уже никто не оспаривал.

– Самое время остановить этих политиков, – мрачно прокомментировал Маккейн, скомкал газету и швырнул ее в мусорное ведро, стоящее на расстоянии семи метров, и, как отметил восхищенный Джон, попал точно в цель.

Под впечатлением роковых известий интерес общественности к деятельности компании «Фонтанелли энтерпрайзис» поутих. От внимания большинства ускользнуло то, что процесс скупки только начался.

Маккейн теперь внимательно прислушивался к рекомендациям аналитиков, а Джон слушал Маккейна. Они покупали крупные фирмы, мелкие фирмы, фирмы отрасли производства продуктов питания и химической промышленности, производителей электронных запчастей и металлических промежуточных изделий, машиностроительные предприятия и производителей бумаги, горные предприятия, сталеплавильные заводы, атомные электростанции, компании, производящие программное обеспечение, сети супермаркетов, страховые компании, фармацевтические фирмы. Маккейн, похоже, вообще перестал спать, но зато обзавелся четырьмя руками, чтобы пользоваться восемью телефонами одновременно. Одно совещание сменяло другое, с раннего утра и до позднего вечера, в невероятном темпе. С управлением системы видеоконференций Джон вскоре научился обращаться лучше, чем с пультом телевизора. Иногда в приемной среди заботливых переводчиц и секретарш одновременно сидело до дюжины делегаций, в ожидании, когда перед ними откроются двустворчатые двери конференц-зала. Их деловые партнеры выдерживали двенадцати-, четырнадцати-и двадцатичасовые перелеты, чтобы уйти после получасового разговора. Они основывали холдинги, которые, в свою очередь, покупали фирмы, чтобы заняться их реструктуризацией, разбить их и собрать заново. С фирмами, находившимися в частном владении, или с теми, которые нельзя было купить по другой причине, они заключали договоры о сотрудничестве. Они покупали поместья, землю, фермы и плантации. На основании подписи под завещанием Джакомо Фонтанелли молодой дизайнер разработал элегантный логотип для фирмы, состоящий в основном из размашистой темно-красной буквы «*f* » на белом фоне, и этот по-королевски изящный логотип грозил заполнить карту мира.

То, что на первый взгляд выглядело как магазинчик «Тысяча мелочей», при ближайшем рассмотрении оказывалось сложнейшим хитросплетением стратегических зависимостей, но поскольку компания «Фонтанелли энтерпрайзис» находилась в частной собственности, она была не обязана представлять отчет о своих балансах. Почти незаметно они обеспечили себе монополию на некоторые не очень заметные, но незаменимые материалы, такие как вольфрам, теллур и молибден, завладели значительной частью рынка селена и лития. Инвестиции в производство и распределение энергии были огромными, простирались на все способы добычи энергии, а затем – в стратегически важные отрасли: они владели атомными электростанциями, но в первую очередь они владели фирмами, производившими стержни для ядерных реакторов, и бериллием, из которого их производили. Они владели нефтяными месторождениями, нефтеперегонными заводами, трубопроводами и танкерными флотами, но главное, им принадлежали самые перспективные участки под разработку недр во всем мире.

– Сегодня каждый идиот вкладывает деньги в Интернет-магазины и фирмы, производящие программное обеспечение. Это объясняет, почему можно зарабатывать миллионы с помощью акций фирм, которые не приносят ни единого доллара прибыли, – замечал Маккейн. – Но когда коса находит на камень, считаются только настоящие ценности. Энергия. Сырье. Продукты питания. Вода.

И, несмотря на это, компания «Фонтанелли энтерпрайзис» была представлена и за пределами этих отраслей: купила крупный итальянский дом моды, часть акций всемирно известного рекламного агентства – что вызвало немало шума, – десять европейских фирм звукозаписи одним махом, чтобы объединить их. Такие процессы, по словам Маккейна,

служат двум целям: запутать сторонних наблюдателей и позволить получить легкую прибыль. Эти инвестиции можно будет отбросить, как только они перестанут приносить прибыль.

– В первую очередь, кроме всего остального, мы должны повысить доходы, – пояснял Маккейн. – Можете подсчитать – если мы будем получать тридцатипроцентную прибыль, через двадцать лет нам в буквальном смысле слова будет принадлежать весь мир!

Газеты обратили внимание на некоторые сенсационные приобретения недвижимости, особенно когда они купили дом № 40 по Уолл-стрит – небоскреб, который когда-то на протяжении года был самым высоким зданием в Нью-Йорке, прежде чем его обогнал «Крайслер билдинг». Со времен биржевого кризиса 1987 года оно пустовало, и его продали немногим больше, чем за полмиллиарда долларов. В здании тут же начались ремонтные работы, и уже в 1997 году на карте Нью-Йорка оно обозначалось как «Фонтанелли тауэр».

– Дональд Трамп тоже хотел купить его, – рассказывал Маккейн, который вел переговоры. – Он предлагал даже больше, чем мы. Поэтому я позвонил мэру и парочке сенаторов, объяснил им, что нам нужно именно это здание, чтобы иметь возможность вести дела в Нью-Йорке так, как мы себе это представляем, и что единственная альтернатива этому – перенести деятельность в другой американский город, может быть, в Атланту или Чикаго. – Он злобно улыбнулся. – И это сработало.

Вечером, на фоне вида ночного Лондона, большой конференц-зал немного напоминал собор. Их посетитель, еще перед дверью такой разговорчивый и бойкий, невольно умолк.

Маккейн тут же перешел к делу.

– Чего я хочу, так это чтобы вы с помощью самых современных средств разработали компьютерную программу, которая будет симулировать развитие мира во всех важнейших отраслях: рост населения, энергетические резервы, обеспечение сырьем, загрязнение окружающей среды и так далее, причем как можно точнее. Она должна предсказывать последствия решений и действий по меньшей мере лет на пятьдесят.

– Именно это мы и пытаемся сделать уже на протяжении многих лет, – произнес их гость.

– И что мешало вам до сих пор?

– Нехватка денег, что же еще?

Профессор Гарлан Коллинз был худощавым мужчиной лет сорока, по виду которого можно было предположить, что ему не хватает денег не только для работы. На нем был потрепанный костюм, поношенный свитер с воротником вместо рубашки, а волосы, похоже, сами решили постепенно выпасть, чтобы он мог сэкономить на парикмахере. Он был экологом и кибернетиком, возглавлял Институт исследования будущего в Хартфорде и, по словам Маккейна, считался крупным специалистом в своей области. Джону никогда не доводилось слышать о нем, но это еще ничего не значило. Он занял свое любимое положение наблюдателя, стал листать документы, которые принес профессор, и предоставил говорить Маккейну.

– Что именно это означает? – не отставал тот. – Вам не хватает компьютеров?

Коллинз отмахнулся.

– Компьютеры – не проблема. Любой стандартный ПК сегодня способен на большее, чем когда-то было в распоряжении Форрестера и Мидоуса. Нет, чего нам не хватает, так это денег на компетентный дополнительный персонал. Мы должны добывать данные, сортировать их, проверять достоверность каждого числа. Нельзя разработать чувствительную модель, если строить ее на неточных данных. В принципе, это логично, но я трачу большую часть времени на то, чтобы путешествовать и проповедовать эти азбучные истины потенциальным инвесторам.

– Уже не нужно, – сказал Маккейн. Он откинулся на спинку стула. – То есть, если мы договоримся. Вы вернетесь в институт и будете заниматься своими непосредственными обязанностями. И что бы вам ни понадобилось в денежном эквиваленте, вы получите это

от нас.

Глаза профессора округлились.

– Вот это я называю «предложение»! Что мне нужно сделать ради этого? Подписать контракт кровью?

Маккейн засопел.

– Возможно, вы уже слышали о том, что мы пытаемся исполнить пророчество. Мы должны вернуть человечеству утраченное будущее. Провидение дало нам для этой цели триллион долларов.

– Люблю проекты с крупными бюджетами, – кивнул ученый. – Да, я слышал об этом.

– Отлично. А что вы скажете по поводу изначальной предпосылки – «у человечества нет будущего»?

– В принципе, я знаю слишком много об исследованиях будущего, чтобы осмеливаться утверждать подобное.

– Вы меня удивляете. – Маккейн придвинул к себе один из стоящих на столе ноутбуков, запустил программу и указал на картинку, выводимую с помощью видеопроектора на экран такого же качества, как в кинотеатре. – Полагаю, вам знакома эта кривая.

Профессор заморгал.

– Да, конечно. Это стандартный ход программы «WORLD3».

– Слегка модифицированный. Видите красные линии, которые заканчиваются 1996 годом? Программа «WORLD3» была разработана в 1971 году с целью предсказания будущего. А я внес в программу действительный ход развития событий. До сих пор прогнозы и реальность на удивление совпадали, вы не находите?

Профессор Коллинз не удержался от терпеливой улыбки.

– Ну да. Можно рассматривать это и так. Вы, конечно же, понимаете, что «WORLD2» и «WORLD3» уже не являются последним словом техники.

– Что-что? – переспросил явно сбитый с толку Маккейн.

– Обе модели рассматривают государства планеты как одну оперативную единицу, не учитывая региональные различия. Я помню, что в университете Сассекса эти модели были критически исследованы, и выяснилось, что они очень чувствительно реагируют на параметры ввода, содержащие широкий диапазон погрешностей. С другой стороны, они ведут себя, как обычно, – показывают известные границы роста – почти независимо от исходных данных. Иными словами, их поведение скорее зависит от кибернетических связей, чем от первоначальных данных.

– «Скорее»? – повторил Маккейн. – Разве это серьезное исследование?

– Думаю, Аурелио Печчеи и другим членам Римского клуба важно было поскорее развязать всемирную дискуссию. Для этого, конечно же, программа «WORLD3» и ее предсказания походили идеально.

Маккейн вскочил и стал ходить взад-вперед вдоль окон, за которыми красовалась роскошная панорама огней ночного Лондона.

– А что насчет модели Месаровича и Пестеля? Она учитывает региональные различия.

– *«World Integrated Model»* , да. Похоже, вы действительно тщательно изучали материал, если еще помните ее. Тогда вы, вероятно, знаете и о том, что эта модель в гораздо меньшей степени учитывает окружающую среду, чем модели «WORLD». Ее часто критиковали за это, и тогда данный факт объясняли и без того невероятной сложностью модели.

– Но разве точная модель не обязательно должна быть сложной?

– Конечно. Но в первую очередь она должна быть убедительной. Нужно иметь возможность понять, что она делает. Иначе проще гадать на кофейной гуще.

Маккейн вынул из ящика толстый том и бросил его на стол.

– Что и сделали авторы этого исследования, если спросите меня. Полагаю, вам оно известно?

– Конечно, «Глобал 2000», исследование по поручению президента Картера. Предположительно, самая продаваемая из нечитабельных книг в мире.

– И что вы об этом думаете?

– Ну, она в основном строится на объединении оценок различных экспертов, а также дополняет их несколькими не очень точно документированными расчетами моделей. Что не обязательно делает ее хуже. Но самый большой недостаток – ограничение прогнозов 2000 годом. Сегодня уже ясно, что настоящие перевороты, если они вообще будут, произойдут в начале следующего тысячелетия.

– Вот именно. И я хочу знать какие, – сказал Маккейн.

– А когда будете знать?

– С помощью вашей модели я хочу выяснить, как я смогу предотвратить катастрофу.

Ученый долго смотрел на него, а потом неторопливо кивнул.

– Хорошо. Какими вам видятся условия?

Маккейн не колебался ни минуты.

– Во-первых, это должна быть кибернетическая модель. Неважно, насколько сложная, неважно, насколько дорогая. Никаких оценок, никакой интуиции, никаких предположений. Все должно иметь количественное выражение, быть связано друг с другом, ясно следовать из компьютерных расчетов.

– Как раз над такой моделью мы и работаем. В противном случае вы меня бы не стали приглашать.

– Верно. Во-вторых, вы отчитываетесь в первую очередь передо мной. Я решаю, когда могут быть опубликованы результаты.

Профессор Коллинз громко присвистнул.

– Это жестоко. Полагаю, вас от этого не отговорить?

– Можете даже не пытаться, – сказал Маккейн. – В-третьих…

– Сколько еще условий?

– Это последнее. Я хочу знать правду. Никаких политкорректных высказываний. Ничего для успокоения масс, никакой пропаганды. Правду.

Вскоре после этого был подготовлен «Джамбо Джет», который они купили за четыреста миллионов долларов и перестроили на верфи «Люфтганзы Фульсбюттель», превратив в комфортабельную базу на крыльях: с офисами, комнатой для переговоров, баром, спальнями и комнатами для гостей, со спутниковой связью со всем миром, разработанной в соответствии с положением владельца. Чтобы соответствовать имиджу концерна, весь самолет был выкрашен в белоснежный цвет, и только на заднем стабилизаторе красовалась размашистая темно-красная буква «*f* ». Из-за отдаленного сходства с цифрой 1 самолет стали называть «Манифорс Ван»[44] – сначала персонал, а потом и пилоты, и авиадиспетчеры во всем мире, то есть можно считать, что официально.

И теперь они иногда целыми неделями носились без остановок по всему миру, с одних совещаний, переговоров или осмотров на другие. Джону начало нравиться выступать в качестве делового человека, приземляться в любой стране мира на собственном самолете, позволять красивым людям сопровождать себя к длинным черным лимузинам, казаться самому себе важным и нужным. Ему начало нравиться сидеть в обставленных со вкусом конференц-залах за столами из благородных пород древесины, выслушивать доклады нервных пожилых господ, поскольку он все чаще понимал, к чему относятся цифры, называемые докладчиком и мелькавшие на большом проекторе на стене. Бывало, что он задавал два-три вопроса, на которые, как правило, отвечали, заметно вздрогнув; но чаще всего он погружался во многозначительное молчание, предоставлял говорить Маккейну и со временем снискал славу загадочного и неприступного человека.

---

[44] Сила денег – один (*англ.*).

Для журналистов и просителей Джон Фонтанелли мог быть сколько угодно неприступным, но только не для семьи и не для друзей. Как и прежде, у него был личный секретариат, с другим персоналом, однако работавший по тем же принципам, что и основанный семьей Вакки. Даже список людей, с которыми он был лично знаком, чьи звонки переадресовывались лично ему, а письма передавались нераспечатанными, – их только просвечивали на предмет наличия пластиковой бомбы, – был тем же самым. Его матери только после третьего или четвертого звонка удалось понять, что он теперь живет в самолете, но осознать этот факт она никак не могла. А еще просто поразительной была скорость и ловкость, с которой письма находили его в любом уголке земного шара. Похоже, они случайно наняли ясновидящего, который раньше их самих узнавал, где в следующий раз приземлится самолет. Таким образом ему однажды пришел первый диск Марвина.

Джон с некоторым любопытством вскрыл конверт с внутренней защитной подкладкой и усмехнулся, увидев диск. Назывался он *«Wasted Future»* [45]. С обложки на него взирал Марвин с искаженным мировой скорбью лицом, снятый на какой-то мусорной свалке. «Дорогой Джон, посылаю тебе, как я надеюсь, первый шаг к крутому восхождению», – было написано на вложенной в посылку карточке, подписано Марвином и Константиной, которая тоже значилась в списке вокалистов на диске.

Очень интересно. Джон бросил все дела, пошел в салон самолета, оснащенный новомодным музыкальным центром за пятьдесят тысяч долларов, и с любопытством вставил в него диск.

Он оказался, говоря коротко, ужасным. Глухой невнятный звук тянулся из колонок, в нем отчетливо и неприятно выделялась только бас-гитара, в то время как вокал беспомощно тонул во всеобщей какофонии. Что, в общем-то, было небольшой бедой, поскольку пение Марвина звучало так, словно на него обрушились разом клиническая депрессия и острая форма туберкулеза. Все грохало и перекатывалось в однообразном ритме, и если там и звучало что-то вроде мелодии, то она так походила на известные песни, что ее можно было с полным правом назвать украденной. Константины почти не было слышно, но то, что удавалось различить, позволяло догадаться, что потерял он немного.

Спустя полчаса Джон, содрогаясь, вынул диск; он не сумел дослушать ни один опус до конца и несколько раз переключал на следующую композицию. Ему было очень жаль, что на нем тоже лежит доля вины за появление на свет такой халтуры, которая явно была не первым шагом, а точкой в карьере. Так что вскоре Марвину снова понадобятся деньги.

Он швырнул диск вместе с обложкой и карточкой в мусорное ведро и позвонил в свой лондонский секретариат с просьбой вычеркнуть Марвина из списка.

24

Солнечный день в конце апреля, в принципе, первый по-настоящему весенний день. Замок казался роскошнее, чем когда-либо раньше, поистине центр мира.

Марко тоже сиял. Кнопка в ухе, переговорное устройство в руке, револьвер в плечевой кобуре – но главное, он излучал сногсшибательное ощущение счастья.

– Похоже, вам действительно нравится в Англии, – заметил Джон.

– Да, – кивнул Марко. – Впрочем, в сущности, дело не в Англии, а в Карен.

– Карен?

– Карен О’Нил. Может быть, вы помните, она была секретаршей мистера Маккейна в его старой фирме. – Он снова просиял. – Мы теперь вместе.

– А! – произнес Джон. – Поздравляю.

– Спасибо. – Рука Марко скользнула к уху, крепче прижала наушник. – Автомобиль премьер-министра только что въехал в ворота.

---

[45] Растраченное будущее (*англ.*).

А вот и кое-что, чего не купишь за все деньги мира. Напротив.

Со времен первого опыта с Константиной Джона снедал скептицизм, от которого он не мог избавиться. Он знал, что может уложить в постель самых красивых женщин мира, с оплатой или без, но с тех пор, как он приехал в Англию, он не подпустил к себе ни одну из них. При виде каждой улыбки, каждого взмаха ресниц его пронизывало подозрение, что заинтересовались не им, а его состоянием. Иногда для этого не нужно было даже улыбки. Как тогда, с журналисткой, которая забралась в архив Вакки и обнародовала пророчество.

А ведь она даже не была в его вкусе. Определенно нет. Одному небу известно, почему он о ней еще вспоминает.

Они вышли. Автомобиль премьер-министра, темно-серый «ягуар», съезжал с холма. Между клумбами стояли павлины, распустив хвосты, как по заказу.

Джон набрал побольше воздуха, незаметно вытер руки о брюки, почувствовал, как душа ушла в пятки. Как бы там ни было, это будет первый глава правительства, с которым ему придется разговаривать.

Все это было идеей Маккейна. И он оставил его с этим наедине. «Вы справитесь», – сказал он. «В таком темпе существования, – подумал Джон, – есть, по крайней мере, то преимущество, что я не слишком часто задумываюсь о своей личной жизни».

Автомобиль величественно притормозил. Один из сотрудников службы безопасности открыл двери, и вот он вышел во всей своей красе: премьер-министр Джон Мейджор, с неподражаемо уложенными на пробор седыми волосами, с большими очками в тонкой оправе и с широкой улыбкой, в точности как по телевизору, как будто политик тоже волновался.

«Он боится вас, – пояснял Маккейн. – Есть только горстка стран во всем мире, которые смогут противостоять атаке вашего состояния, – и Великобритания даже близко не в их числе. Он будет спрашивать себя, чего вы от него хотите. Будет задаваться вопросом, не потребуете ли вы в какой-то момент – во время обеда, между главным блюдом и десертом, совершенно спокойно – чего-то чудовищного».

У Джона было такое чувство, словно он вышел из тела, встал рядом и стал наблюдать за тем, как он пожимает руку премьер-министру ее величества королевы Англии, обменивается с ним приветственными фразами, словно всю свою жизнь только этим и занимался. Готовясь к этому приему, он настоял на том, чтобы взять несколько уроков у преподавателя этикета в Лондоне, который научил его всем тонкостям протокола и потренировал во всем, что только можно потренировать.

Маккейн рассмеялся: «Вы же богатейший человек в мире, Джон. Вы можете вести себя, как хотите!»

Когда они вошли внутрь, Джону показалось, что он чувствует потрясение Мейджора. Очевидно, дизайнеру интерьеров, который считался одним из лучших в мире, удалось то, что он намеревался сделать: создать элегантную величественную атмосферу, не делая вид, что здесь живет представитель столетней династии. Дорогие предметы старины стояли рядом с ультрамодной мебелью из стекла и стали, современные картины расставляли интересные акценты, и, в первую очередь, после проведенных работ в замке стало светлее, чем когда-либо раньше: лампы дневного света освещали каждый некогда темный уголок, что создавало в древнем холле атмосферу простора и легкости.

Они, как и предполагалось подготовленной в течение нескольких недель программой, немного прогулялись по саду за замком – издалека за ними наблюдали дюжины сотрудников системы безопасности – и пытались беседовать. Как оказалось, Джон Мейджор любит оперу и крокет – ни в том, ни в другом Джон ничего не смыслил. Не мог он сказать ничего особенного и по поводу ухода за павлинами, поэтому они похвалили необычайно хорошую для этого времени года погоду, несколько раз заверили друг друга, что очень рады знакомству. Наконец премьер-министр сообщил, что его королевское высочество принц Уэльский очень хочет познакомиться с ним.

– Он настоятельно просил меня приветствовать вас от его имени, – добавил глава британского правительства, – но может быть и так, что он когда-нибудь пригласит вас в гости.

Джон кивнул. Они с Маккейном обсуждали эту тему – не пригласить ли вместо премьер-министра наследника престола, но Маккейн был против: «Это слишком бесцеремонно. Не то чтобы мы не могли себе этого позволить, и, вероятно, принц Чарльз даже приехал бы – но таким образом мы слишком рано раскрыли бы истинное соотношение сил».

Полчаса спустя прибыли остальные гости. Издатель авторитетного ежемесячника «Обозреватель XX века» Виктория Холден, которую называли «великой пожилой дамой высокой журналистики», приехала на поезде из Лондона, и Джон распорядился встретить ее на вокзале. Вместе с ней прибыл Ален Смит, владелец массового издания «Сан», находящегося примерно на противоположном от «Обозревателя» конце на шкале журналистики. Несмотря на это, они приветствовали друг друга как старые добрые друзья. Вскоре после этого появился британский корреспондент газеты «Вашингтон пост», жилистый молодой человек по имени Дэвид Муди, рукопожатие которого Джон чувствовал еще несколько минут спустя, и наконец приехал лорд Питер Роберн, известный журналист: мотор его машины несколько раз глох, заставляя телохранителей нервно хвататься за пиджаки, прежде чем он перевалил через холм на груде металлолома под названием «астон мартин», нисколько не стесняясь, припарковался рядом с роскошными автомобилями, вышел, одетый в растянутые твидовые лохмотья, как будто прибыл прямо с охоты. Похоже было, что на условности он плевать хотел.

И именно Питер Роберн внес оживление в атмосферу вечера.

– Ну же, выкладывайте, мистер Фонтанелли, – произнес он, когда унесли тарелки с закуской. – Вы ведь не затем позвали нас, чтобы скоротать досуг, я прав?

Джон отложил в сторону салфетку, оглядел собравшихся и почувствовал в животе спазмы волнения, лишавшего его сна на протяжении нескольких дней. Оставалось надеяться, что он выглядел не настолько до смешного неуверенным, как себя чувствовал. Он сто раз репетировал речь перед зеркалом, перед видеокамерой, пока не почувствовал, что может произнести то, что нужно было сказать, в некоторой степени спокойно и так, чтобы *не казалось* , будто он тренировался сотню раз. Теперь оставалось только осуществить переход.

– На это я никогда бы не осмелился, – попытался пошутить он, но никто не засмеялся. Пожалуй, будет нелегко. Он начал, как заучил: – Я искал возможность кое-что исправить. Кое-что, касающееся моей фирмы. Общественность рассматривает «Фонтанелли энтерпрайзис» как обычное вложение крупного состояния с целью получения прибыли. – Джон сделал движение рукой, подчеркивая обстановку, в которой они находились. – Вы наверняка согласитесь со мной, что если мне что-то и нужно, то деньги – только в последнюю очередь.

«Единственное, чего вы не должны говорить им, так это того, что мы стремимся вроде как к мировому господству, – предупреждал его Маккейн. – Ведите себя скромно».

– Я знаю людей, к которым это тоже относится, – вставила мисс Холден. – И, несмотря на это, они не успокаиваются. Однажды я спросила одного из них, почему он хочет заработать еще больше денег, хоть они ему уже не нужны. И он сказал: «Я делаю это не потому, что они мне *нужны* , а потому, что *могу* это делать».

– Но ведь я не могу! – Это вырвалось у Джона спонтанно. Он откашлялся. – Я хотел сказать, никто ведь не станет утверждать, что я – прирожденный делец.

– Но, очевидно, вы быстро учитесь, – произнес Дэвид Муди. – Вы делаете довольно разумные капиталовложения по всему миру. Я думаю, что единственными странами, где вы ничего не осуществили, остаются Ирак и Северная Корея, а единственная страна, где у вас нет представительства, – это Антарктида.

– У меня умные сотрудники. Кроме того, такое большое состояние нельзя вкладывать

в одну страну, даже в один континент, не создавая монополию.

– Может быть, даже в одну планету, – пошутил Ален Смит.

Джону стало жарко. Даже не догадываясь об этом, издатель журнала «Сан» оказался близок к истине.

– В первую очередь я считаю, что состояние меня ко многому обязывает, – медленно произнес Джон. – Я не хочу накапливать еще больше денег, я хочу с их помощью послужить человечеству…

– Значит, это все-таки правда, – вставил лорд Роберн. – Пророчество вашего предка не дает вам покоя.

– Тогда почему вы не раздадите деньги бедным? – поинтересовался Смит. – Хотя бы часть.

Джон посмотрел на него.

– Я считаю, что от этого никому лучше не станет.

– Бездомный, ночующий под одним из мостов через Темзу, не согласится с вами.

– И будет неправ, – произнес Джон. И сам удивился тому, как уверенно эти слова сорвались с его губ, а еще больше удивился тому, как это подействовало. Ален Смит замолчал и кивнул, как будто всерьез размышлял над тем, что прав может оказаться именно Джон. Никто больше не возразил, и поэтому он вернулся к подготовленной речи. Внезапно ему показалось, что он сумеет довести ее до конца и не умереть. – Я хотел сказать, что моя первая задача – это защита окружающей среды. Мы собираемся ввести программы по защите окружающей среды, которые будут действовать на всех уровнях концерна, даже в тех странах и тех ситуациях, где это принесет нам убытки. Возможно, вы слышали о наших попытках сделать более безопасным транспорт для перевозки необработанной нефти. Это стоит денег, но я хочу сделать все, что могу, чтобы с моим кораблем не случилось нечто подобное тому, что случилось с «Си эмпресс». В данный момент мы осуществляем мероприятия, которые легко воплотить в жизнь: например, повсеместное использование вторичной бумаги для внутренних документов, разделение отходов и вторичная переработка, отказ от газообразного топлива, которое разрушает озоновый слой, и так далее. К сожалению, ценность всех этих мероприятий скорее символична. Вскоре мы начнем длительные проекты. Которые, к примеру, касаются экологического производства продуктов, тонкостей переработки и так далее. Но у нас есть и более честолюбивые планы. Вот только, – произнес Джон и посмотрел на премьер-министра, – им нужна поддержка политиков.

Мейджор вытаращил глаза, а может быть, так просто показалось из-за его больших очков.

– Я уже начал задаваться вопросом, зачем меня пригласили, – сухо заметил он.

Джон глубоко вздохнул. Волнение все еще не уходило. Продолжай, не дай сбить себя с толку!

– В будущем группа Фонтанелли, как мне кажется, будет играть важную роль во всемирной экономике. Это вдохновляет меня на то, чтобы провести определенные экономико-политические изменения, которые, я полагаю, в перспективе послужат на благо всех людей. Я буду поддерживать соответствующую политику, даже идя на экономические убытки в надежде на то, что тем самым «Фонтанелли энтерпрайзис» подаст пример, которому последуют остальные.

Он обвел взглядом озадаченные лица.

Ален Смит, сидевший на дальнем конце стола, взял бокал вина, и Джон услышал, как он пробормотал:

– А вот теперь начнется веселье.

Лицо премьер-министра было похоже на каменную маску.

– Я с удовольствием принимаю во внимание вашу готовность к сотрудничеству, – совершенно недовольным голосом произнес он. – Тем не менее должен указать на тот факт, что в демократическом государстве правильным способом достижения изменений,

относительно которых принимает решение парламент, является не частный разговор за ужином.

Виктория Холден наклонилась вперед, и жемчуга ее ожерелья звякнули о тарелку.

– Мистер Фонтанелли, вы скажете нам, какие конкретно экономико-политические изменения вам видятся?

Джон с благодарностью взглянул на нее. «Мисс Холден, несмотря на свои почти восемьдесят лет, пожалуй, самая прогрессивная и открытая для перемен личность из всех, кто будет сидеть за вашим столом, – предсказывал Маккейн. – И то, что она говорит, имеет бóльший вес, чем можно предположить, исходя из тиража ее газеты».

– Я, как уже было сказано, новичок в мире бизнеса, – пояснил он ей и остальным. – Быть может, поэтому меня удивляют некоторые вещи, к которым те, кто вырос в этом мире, уже привыкли. К примеру, я спрашиваю себя, как так могло случиться, что имеет смысл транспортировать морских крабов с Северного моря в Марокко, чтобы там их обрабатывать? Как могло случиться, что яблоки из Новой Зеландии продают дешевле, чем те, что выращивают внутри страны? – Он снова вошел в фарватер своей речи и наконец добрался до той ее части, где слова лились из самого сердца. – Или, говоря проще: почему экономически более выгодные проекты являются более вредными с точки зрения экологии? Только потому, что цена, которую предприятие должно за что-либо платить – в данном случае за транспорт, – не отвечает настоящим затратам. Если бы все, что загрязняет окружающую среду, оценивалось бы в соответствии с размерами загрязнения, проблемы с окружающей средой не возникло бы. Уж если мы, люди, и умеем что-то делать, так это избегать лишних затрат. В этом вопросе мы все знатоки. История индустриализации – это история сокращения затрат на необходимые в повседневной жизни вещи. Почему же мы не воспользуемся этой силой воображения, чтобы обеспечить более длительное использование Земли? Почему не потребовать, чтобы фактор загрязнения окружающей среды был заложен во все расчеты? Почему не сделать так, чтобы загрязнение окружающей среды стоило денег?

На какую-то бесконечную секунду стало так тихо, как будто он сказал что-то необычайно неприятное.

– Если вы поднимете цену на транспортные услуги, вы свернете шею мировой торговле, – наконец произнес Дэвид Муди и откинулся на спинку стула. – Экономика зависит от хороших транспортных условий.

Это возражение было предсказуемо. До него додумался даже он, когда разрабатывал эту речь вместе с Маккейном.

– Дело не только в транспортных расходах. Экономика развивается таким образом, как сейчас, потому что транспорт дешев. А не наоборот. Мне уже ясно, что воплощение в жизнь моего предложения будет иметь очень важные последствия. Я ведь и не говорю, что это должно произойти одним махом. Но это должно произойти.

– Ваше предложение, выходит, заключается в том, – заявил Смит, – чтобы, к примеру, отменить дотации на горнодобывающую промышленность и вместо этого повысить налоги на уголь? Или как? Но в результате мы будем иметь тысячи безработных.

– Если ничего не изменится, можем все оставить как есть, – сказал Джон.

Премьер-министр ее величества ничего не говорил, но, очевидно, рад не был. Он смотрел прямо перед собой и, похоже, страстно желал оказаться где-нибудь в другом месте.

В неловком молчании подали следующее блюдо: лососевый паштет в соусе из рислинга. «Какая неподходящая обстановка для того, чтобы говорить о нуждах мира», – подумал Джон при виде причудливо украшенной тарелки, которую умело поставила перед ним тренированная рука.

– Я полагаю, что мистер Фонтанелли прав, – заявил лорд Роберн и взял в руки нож и вилку. – Мы здесь все свои, все в той или иной степени умные люди, так что давайте не будем притворяться. Если посмотреть на экономический процесс, то всегда можно

провести границу, где у природы что-то забирают – сырье, натуральный продукт, и другую границу, где природе что-то отдают – как правило, отходы. Все, что происходит между этими границами, является, так сказать, внутренними делами человечества. Именно существование этих двух границ и создает проблему загрязнения окружающей среды. Мы пользуемся ресурсами, которые не являются неограниченными, а то, что мы отдаем, тоже не может быть принято в неограниченных количествах. Это мы все давно знаем, только вот это знание не дает результатов. Предложение мистера Фонтанелли затрагивает самую суть проблемы: пока загрязнение окружающей среды не отражается в негативном плане на экономике, а щадящий режим обращения с ней – в позитивном, действовать соответствующим образом невозможно. Я специально говорю «невозможно». Ожидать же этого, как всегда поступают идеалисты, это значит ожидать, что экономика будет действовать по неэкономичному принципу. Правила игры не предполагают оглядки на природу. Но мы можем изменить правила игры. В этом нет ничего особенного; мы постоянно делаем это. Мы изменяем банковское право, страхование, биржевое право, налоговое право – все правила игры для экономического процесса. И точно так же легко мы можем ввести правило игры, в соответствии с которым загрязнение окружающей среды будет стоить денег. И тогда то, к чему мы тщетно стремились прийти путем взывания к морали, произойдет словно само по себе, просто благодаря динамике рыночных сил. И это можно сделать только так. Другого пути нет.

Пока Роберн говорил, Дэвид Муди начал качать головой и, похоже, останавливаться не собирался.

– Конечно, все это с благими намерениями, – произнес он, – хоть и не особенно оригинально. А именно – призыв к государственному контролю. Но на самом деле природа чувствует лучше всего себя в тех странах, где существует свободный рынок, в то время как страны бывшей плановой экономики лежат в руинах.

Роберн наклонился вперед, нацелив острие своего рыбного ножа на американца, словно шпагу.

– Правила игры и плановая экономика – это не одно и то же, и вы хорошо знаете это, мистер Муди. Государство должно задать правила игры. Для того оно и существует. Ваш свободный рынок перестал бы работать без правил, которые создало государство, – мы говорим о таких вещах, как закон об акционерных обществах, банковский надзор, договорное право и так далее. И в государствах, которые не в состоянии обеспечить соблюдение правил игры, ваш свободный рынок тоже не работает. Знаменитые общие условия, на отсутствие которых все время жалуются, когда объясняют, почему не хотят инвестировать в Россию.

У Джона возникло чувство, что он должен что-то сказать, дабы не позволить разгореться враждебности, которую, как ему показалось, он ощутил.

– Я далеко не профессионал в вопросах экономики, – пояснил он. – Я просто задал себе вопрос: как выглядела бы наша экономика, если бы Земля, природа была фирмой? Если бы все, что нам нужно, нам пришлось бы покупать у этой фирмы? Действительно все – не только сырье, но и воду, и воздух, и землю?

«Однажды мы станем этой фирмой», – сказал Маккейн и поднял бокал.

Виктория Холден усмехнулась.

– Тогда жизнь, полагаю, было бы невозможно оплатить!

– Небылицы, – произнес Смит.

– Это была бы монополия, – пророкотал Муди. – Ваша фирма «Земля» могла бы установить такие высокие цены, что платить по счетам стало бы невозможно.

– Похоже, вы исходите из того, что мы, люди, нежеланны на Земле, – вставил лорд Роберн. – Интересная предпосылка, которую было бы любопытно рассмотреть при других обстоятельствах. А ведь ответ на вопрос мистера Фонтанелли лежит на поверхности: конечно же, природа – не фирма. Я вижу, сюда вызвали представителя государства. До сих пор государство являлось защитником интересов экономики, в лучших случаях – даже

интересов населения. Было бы разумнее предоставить экономику самой себе, а роль опекуна отдать природе.

– Все это звучит очень хорошо и красиво, лорд Роберн, – произнес премьер-министр, – но что касается политической реальности, это чистейшей воды утопия. Даже если предположить, что подобная смена курса способна набрать большинство голосов, все, чего вы добьетесь, так это того, что позиция Великобритании ослабнет в постоянно ужесточающихся условиях всемирной конкуренции.

– Конечно, это требует сотрудничества на международном уровне, – заметила мисс Холден. – Самостоятельные действия одной страны не только бессмысленны, но и безрезультатны.

Ален Смит махнул рукой.

– Забудьте, Виктория. Любое государство будет только искать способы обойти подобные договоренности.

Джон Мейджор мрачно кивнул.

– Могу только согласиться с вашим коллегой.

Ужин прошел в горячих, хоть и не очень плодотворных дискуссиях, без восхищений искусством поваров. После него, то есть при первой же допустимой этикетом возможности попрощался премьер-министр, конечно же, произнеся несколько благожелательных слов по поводу того, что он очень ценит это приглашение и надеется на хорошие отношения в дальнейшем.

Вскоре за ним последовал Ален Смит.

– Как бы там ни было, – произнес он на прощание, – меня успокаивает то, что во главе величайшего концерна мира стоит человек, который руководствуется более высокими ценностями, чем обычная комбинация жадности, честолюбия и жажды власти.

– Я уверен, что ваши меры по обеспечению охраны природы послужат знаком, – заявил Дэвид Муди. – Только не перегибайте палку. Проводите свою политику неспешными шагами.

Виктория Холден советовать ничего не стала, просто поблагодарила за приглашение.

И последним, кто ушел, был лорд Питер Роберн.

– Вы верно мыслите, – сказал он, пожимая Джону руку. – Просто до конца не продумали все.

И, произнеся эти загадочные слова, журналист сел в свой невзрачный автомобиль и уехал, загрязняя окружающую среду остатками сгоревшего топлива.

Джон еще некоторое время постоял у окна своей гостиной, глядя на ясное, усыпанное звездами небо, а призрачные очертания его идеи сгущались, образуя решение. Закончив, он бросил взгляд на часы. Половина двенадцатого.

Он подошел к телефону, полистал лежавший рядом справочник. В замке стояло двести телефонов; все внутренние телефоны были поэтому трехзначными. Он нашел необходимый номер и набрал его.

– О’Шонесси. – Голос на том конце провода прозвучал немного испуганно.

– Это Фонтанелли, – сказал Джон. – Надеюсь, я не разбудил вас.

– Э… нет, сэр, – произнес библиотекарь. – Я читал.

Джон кивнул. Ничего иного от худощавого ирландца с необычайно редкими для его возраста волосами он и не ожидал.

– Мне жаль, что приходится утруждать вас так поздно, но у меня срочная просьба…

25

Неделю спустя Джон вошел утром в офис Маккейна, положил на стол книгу и выжидающе замер у стола. Настроение у него было явно не самое лучшее.

– *Juan, un momento, por favor* [46], – попросил Маккейн того, с кем разговаривал в данный момент, зажал динамик рукой и наклонился вперед. Название книги гласило: «Полностью автоматизированное спасение человечества». Автора звали Питер Роберн.

Он снова поднес трубку к уху.

– *Juan? Lo siento. Podría llamar usted más tarde? Vale. Hasta luego* [47]. – Он положил трубку, взял книгу в руки и посмотрел на Джона. – Доброе утро, Джон. Где вы это раскопали?

– Ее нашел О'Шонесси, – пояснил Джон, начиная раскачиваться на каблуках.

– О'Шонесси? Смотри-ка. Находчивый библиотекарь, должен сказать. – Маккейн открыл обложку, с удовольствием перевернул форзац, изучил титульный лист. – Хорошо сохранившийся экземпляр. Лучше, чем мой собственный.

Джон фыркнул.

– Вы пригласили лорда Роберна и заставили излагать перед ним идеи, выдавая их за свои, а они пришли ему в голову еще двадцать лет назад! Я кажусь идиотом самому себе.

– Глупости, – ответил Маккейн. – Он ведь был просто в восторге. Вы мне сами рассказывали. Он встал на вашу сторону, разве нет?

– У меня едва глаза на лоб не полезли. Вы знали об этой книге. Почему не показали мне?

– Потому что было бы лучше, если бы вы сами пришли к этим идеям, – терпеливо объяснил Маккейн.

– Но я не сам пришел к этим идеям! Вы убедили меня, в каждой из них.

Маккейн покачал головой.

– Мы целый вечер просидели с бутылкой вина, разрабатывая стратегии для изменения мировой экономики. Мы оба, вы и я. *Alright* , я подбросил вам идеи Роберна, но вы оттолкнулись от них, сделали их своими, додумали, пришли в восторг. И что? Разве это что-то меняет, то, что кому-то эти идеи уже приходили в голову до вас?

– Вы должны были сказать мне, что автор этих идей будет сидеть за моим столом, где я собираюсь говорить об этом!

– Тогда вы действовали бы пристрастно. Вы же действовали как прозелит. Как человек, который только что обрел новую идеологию и теперь хочет осчастливить с ее помощью весь мир.

Джон замер.

– Причина была в этом? Вы хотели, чтобы я был беспристрастен?

– Джон, – произнес Маккейн, медленно захлопнул книгу и снова положил ее на стол, поверх стопки бумаг, – я не настолько гениален, чтобы сам до такого додуматься. Я признаю это. Но мне все равно, абсолютно все равно, откуда берется хорошая идея, кому она приходила в голову. Я не плачу роялти за спасение мира. Если идея чего-то стоит, я ее использую.

– А как насчет остальных? Они тоже знали, что я пережевываю идеи Роберна, так?

– Ни один человек сегодня не помнит идеи Роберна. – Маккейн указал на книгу. – Это был личный заказ. Тираж – двести экземпляров. Вы никогда не спрашивали себя почему? Не спрашивали себя, почему в тот вечер он просто не осадил вас? Почему делал вид, что просто развивает вашу идею?

– Нет, – вынужден был признать Джон.

– Потому что он поверил вам. Поверил вам в том, что вы сами пришли к этому. И это пробудило в нем надежду, что постепенно наступает время для его мыслей. Когда он написал книгу – ему тогда было самое большее двадцать шесть лет, – оно еще явно

---

[46] Хуан, минутку, пожалуйста (*исп.*).

[47] Хуан? Извините. Можно я перезвоню вам позже? Хорошо. До свидания (*исп.*).

не наступило. Вы представить себе не можете, какое неудовольствие вызвали эти тезисы в его кругу. Налоги на использование окружающей среды, на владение землей, на потребление воды и сырья, на произведенный мусор! Если бы все эти лорды сами не были полутрупами, они наверняка повесили бы его. – Маккейн откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. – Высшее общество до сих пор не может простить ему этого и никогда не простит. А остальной мир знает его как, пожалуй, самого компетентного экономического журналиста мира. Когда он говорит что-то, все навостряют уши, как Уолл-стрит, так и Даунинг-стрит, 10, как Франкфурт, так и Белый дом. То, что вы понравились ему, важнее для того, что мы задумали, чем если бы он подарил вам «Бритиш петролеум».

Джон судорожно сглотнул.

– Честно?

– Вы читали газеты за прошлую неделю?

– Э… нет.

– А надо было. Вы бы узнали, что стали героем. Английские газеты говорят о ваших инициативах в области защиты окружающей среды. Американские газеты открыли новую тенденцию развития с большей оглядкой экономики на окружающую среду, которую называют «трендом Фонтанелли». А на континенте и так нет ни одного главного редактора, который не выписывал бы журнал мисс Холден.

Джон смотрел на Маккейна, рубашка которого уже в этот ранний час была пропитана потом.

– И вы хотите сказать, что это результат одного-единственного ужина и моей тепленькой речи?

– Можете биться об заклад. Вы уже не безумный наследник, который не знает, куда девать деньги. Вы снискали симпатии. Люди начинают понимать, что вы – истинный наследник, что вы исполните пророчество. Вы поп-звезда, Джон, – произнес Маккейн. – Смиритесь с этим.

Лицо Джона омрачилось.

– Любой мог бы сделать то, что делаю я. Я неудачник, случайно получивший безумное наследство. – Он испугался собственных слов.

Маккейн задумчиво посмотрел на него, немного отодвинул кресло и взглянул на крыши Лондона.

– Вы потерпели поражение в мире, который устроен совершенно неправильно, – спокойно произнес он. – Мы сменим полярность. Мы позаботимся о том, чтобы правильным людям сопутствовал успех, чтобы верное поведение было вознаграждено, а остальное уладится само собой.

Другую поп-звезду Джон обнаружил, когда однажды вечером, слишком взвинченный после трудного дня, чтобы уснуть, сидел перед телевизором и переключал программы: и неожиданно с экрана на канале «MTV» на него уставилось мрачное лицо Марвина, под грохот музыки шепчущего с трудом различимые строфы, а на заднем фоне, словно по мановению волшебной палочки, вырастали горы сломанных автомобилей. Музыка была по-прежнему ужасной, но видео производило впечатление, особенно рефрен песни, когда начинала щебетать Константина, одетая только в самое необходимое, и даже это казалось найденным на свалке. Ее ленивые движения заставили Джона вспомнить вечер на некой яхте, стоящей на якоре на протяжении уже нескольких месяцев, и воспоминания были неприятными.

Прокурором ей в любом случае уже не стать.

В подвале здания адвокатской конторы Флоренции все еще стояло так много ящиков с надписью «Письма с угрозами Фонтанелли», что они заполняли собой целую кладовую. До отъезда Джона Фонтанелли в Англию ими занималась специальная комиссия,

что повлекло за собой целый ряд арестов и обвинений во всем мире, привело ряд индивидуумов в тюрьмы или сумасшедшие дома.

В июне 1996 года странные звуки, доносившиеся со внутреннего двора здания, привлекли внимание людей. Посреди двора стоял грузовой автомобиль фирмы, занимающейся уничтожением данных, и постукивал мотором, а машина в дальнем конце пожирала черные ящики, которые выносили из подвала: нераскрытые, упрямо не желающие перескакивать через сверкающие зубцы, подрагивающие, когда металлические штыри наконец вгрызались в картон, поглощая его, разрывая в клочья, выпуская стайку конвертов, словно спелые семена, но их тоже хватала механическая пасть и измельчала в клочья. Не прошло и двух часов, как сосредоточенные в одной точке угрозы в адрес самого богатого человека в истории мира превратились в топливо в коричневых бумажных пакетах.

– Прямое указание министра юстиции, – произнес главный прокурор своему посетителю, когда они наблюдали за спектаклем в окно, и воспользовался возможностью вынуть кусочек мяса, застрявший в зубах с обеда. – Который издал его по настойчивой просьбе министра финансов, как я слышал.

– Правда? – нарочито удивился его посетитель.

Кусочек мяса поддался. Какое восхитительное ощущение! Главный прокурор с отвращением посмотрел на крохотное коричневое волокно на пальце.

– Совершенно верно, если спросите меня. Когда синьор Фонтанелли получал гражданство, он обещал выплачивать налоги в этой стране, а три месяца спустя исчез в Англии. Непонятно, зачем работать на такого человека.

– Мы не платим налоги? – Джон поднял взгляд от обзорного баланса. – Это правда?

Маккейн занимался тем, что царапал какое-то длинное замечание на полях циркуляра.

– Это внутренний документ, предназначенный только для нас, – сказал он, не поднимая взгляда. – Я очень надеюсь, что каждое число, написанное там, верно, насколько вообще могут быть правдивы числа.

– Здесь написано «тринадцать миллионов долларов».

– На тринадцать миллионов долларов больше, если хотите знать мое мнение. Но это было неизбежно.

– Не знаю… Я обещал министру финансов Италии платить налоги в Италии по меньшей мере год…

– Тех семи миллиардов, которые мне не удалось спасти в прошлом году, ему должно хватить.

– Я обещал ему, понимаете? Лично.

Теперь Маккейн поднял глаза.

– Я сейчас распла́чусь. Извините, Джон, но мы говорим о двадцати-тридцати миллиардах, а то и больше. На эти деньги вы можете купить Украину или половину Африки. Я и думать не хочу о том, чтобы швырять их в пасть какому-то министру финансов.

– Но ведь мы не можем… Я имею в виду, мы ведь зарабатываем деньги. А тот, кто зарабатывает деньги, должен платить налоги, таковы правила, ведь так?

– У нас международная компания. Мы можем выбирать, где платить налоги. И если я могу выбирать, то я буду платить налоговую ставку Каймановых островов, а именно нуль долларов.

Джон озадаченно кивнул и снова уставился на листок бумаги, который держал в руках. Тринадцать миллионов.

– Как так получается? – спросил он. – Мы ведь не на Каймановых островах. Мы здесь, в Лондоне.

– У нас есть фирмы на Каймановых островах. Так же, как есть фирмы на острове Сарк, в Белизе, Гибралтаре, Панаме, и как там еще называются все эти налоговые райские кущи. Эти фирмы ничего не делают, в них нет сотрудников, они состоят только из записи в торговом реестре и небольшой таблички на почтовом ящике. И на этих табличках

написаны неброские имена, потому что не должно быть так, чтобы все сразу понимали, что они принадлежат вам. Одна из этих фирм, к примеру, называется «Интернешнел риэл эстейт», это фирма по торговле недвижимостью, которой принадлежат высотный дом и замок и которая выставляет нам за них немалые суммы. Эти суммы уменьшают наш доход, а значит, и налоги – но что делать финансовому управлению? Не могут же они запретить нам жить и работать в снимаемых комнатах. И подобную игру можно проворачивать со страхованием транспорта, инвестициями, консультационными гонорарами и так далее, пока налогов практически не остается.

– А деньги вообще в безопасности на всех этих островах?

– Не будьте так наивны. Деньги передвигаются только между компьютерами и банками, переходят с одного жесткого диска на другой. Ни пенни не покидает этой страны, даже в форме битов.

Это показалось Джону просто невероятным. Но он привык к тому, что попал в место, где случается невероятное.

– Кажется мне, что дело нечисто.

– А никто не может против этого возразить. С моральной точки зрения это абсолютно неприемлемо. Но посмотрите статистику Международного валютного фонда: более двух триллионов долларов вращается в оффшорных финансовых центрах. Мы ослабим свою позицию, если будем платить налоги, а остальные – нет.

Джон провел руками по лицу.

– Любой мелкий ремесленник должен платить налоги. Мой *отец* должен платить налоги. По какому праву я должен считать себя исключением?

Маккейн сильно откинулся в кресле, сложил пальцы рук и оперся на них подбородком, задумчиво разглядывая Джона.

– Можно посмотреть на это с разных сторон, – наконец произнес он. – Вы предприниматель. Вы один из крупнейших работодателей в мире. Вы обеспечиваете половину планеты товарами ежедневного спроса. Вы делаете то, чего не в состоянии сделать ни одно правительство. Так что, если спросите мое мнение, я не понимаю, почему вы должны ко всему прочему платить еще и налоги.

– Набег продолжается! – возвестил, входя в его офис, Маккейн.

Они несколько недель путешествовали по всему миру и теперь снова ненадолго остановились в Лондоне, и снова стало казаться, будто в здании работает ураган.

Недавно они провели многочасовые переговоры с фирмами Восточной Европы, Ближнего Востока и Африки, посетили фабричные залы, иногда напоминавшие музеи или мрачные подземелья, полные рабов, видели покрытые налетом трубы сточных вод, из которых беспрепятственно сливалась в реки вонючая пенящаяся жижа, бродили по маслянистой тине и запущенным свалкам, всегда в сопровождении членов правления или директоров, которым нужна была финансовая поддержка.

– Сирийцы потребовали, чтобы мы отказались от инвестиций в Израиле, – рассказывал он Джону за скромным обедом, который они привыкли поглощать за столом переговоров, практически на ходу. – А правительство Израиля захотело, чтобы мы не инвестировали в Сирию. Я обоим сказал: послушайте, если будете так себя вести, я не стану инвестировать ни в кого из вас. И они вдруг примолкли.

– Хороший урок, – заметил Джон, все еще поражаясь вложенной в его руки власти.

– Кстати, за строительство фабрики по производству микрочипов в Болгарии мы получаем государственную дотацию в размере трехсот миллионов долларов. Кроме того, на протяжении первых пяти лет государство несет девяносто процентов возможных издержек. Которые нам, конечно же, предстоят.

Джон замер.

– У нас что, деньги закончились?

– Не нужно делать такое испуганное лицо, Джон. У нас денег больше, чем когда-либо

прежде. Можете пойти к нашим валютчикам и посмотреть, как они их преумножают.

– А зачем нам тогда государственная дотация?

Маккейн отложил в сторону вилку.

– Как я уже говорил вам во время нашей первой встречи: триллиона долларов не хватит, чтобы купить весь мир. Поэтому мы должны, насколько это возможно, контролировать как можно больше чужих денег. И таким образом мы это и делаем. Каждый доллар, который даст нам болгарское правительство, оно не может потратить иначе. Оно ослабнет, мы станем сильнее. А поскольку мы станем сильнее, то во время следующей сделки сможем выторговать еще больше – и так далее. Бесконечный винт.

– Понимаю. – Узнавая о подобных трюках и маневрах, Джон испытывал неприятное чувство, хоть и пытался принять тот факт, что таковы условия властных игр. – Но какой толк правительству от того, что мы инвестируем в его страну, если в действительности оно практически все оплачивает само?

– Потому что я убедил их, – сказал Маккейн, – хотя они и так понимали, что мы можем построить такую фабрику с равным успехом и в Румынии, и в Венгрии, однако таким образом мы обеспечиваем им рекламу среди других инвесторов. Таков девиз: там, где инвестирует «Фонтанелли энтерпрайзис», могут попробовать и другие. – Он покачал головой и саркастически рассмеялся. – Знаете, мне нравится такая ситуация, когда эти главы правительств, со всеми их дворцами, титулами, вообще всей помпезностью становятся словно воск в моих руках. Когда они смотрят на меня, я вижу, как до них вдруг доходит, кто здесь главный. Что вся их власть – лишь карнавальный костюм для народа. Нет правительств, Джон, есть только люди на постах. Некоторые из них настолько тупы, что им можно говорить все, что угодно. Остальные хотят быть избранными на второй срок, и для этого новые рабочие места важнее, чем сбалансированный бюджет.

– Настало время вам узнать тайну чудесного преумножения денег, – некоторое время спустя заявил Маккейн и насмешливо добавил: – Поскольку недавно вы переживали, что нам может их не хватить.

Джону вспомнился Марвин, который в старые добрые времена увлекался подозрительными идеями обогащения и то и дело пытался подсадить его на «письма счастья» или другие подобные игры. Он заверил собеседника, что внимательно его слушает, но ничего особенного не ожидал.

– Для начала, – пояснил Маккейн, – мы основываем новую акционерную компанию. Назовем ее, скажем, «Фонтанелли пауэр». Коммерческая цель – торговля электроэнергией. В Европе самое позднее через четыре года либерализируется энергетический рынок, так что речь идет о довольно перспективной отрасли. В качестве капитала привнесем наши различные электростанции. Так что затем они будут принадлежать «Фонтанелли пауэр», акции которой в свою очередь будут принадлежать «Фонтанелли энтерпрайзис», поэтому в отношениях собственности де-факто ничего не меняется.

Основание «Фонтанелли пауэр лимитед» оказалось делом простым и произошло через несколько дней. В принципе, ничего больше не произошло, кроме того, что маленькая часть существующей фирмы отделилась и получила новое название. И собственную печать, разработанную недорого нью-йоркским рекламным агентством, в котором имела долю фирма «Фонтанелли энтерпрайзис».

– Теперь шаг второй. Мы объявляем, что «Фонтанелли пауэр» будет выставлена на биржевых торгах. Это довольно затратно, поскольку необходимо выполнить все правовые предписания, и в первую очередь, прежде чем выставлять фирму на биржевые торги, к ней необходимо пробудить интерес вкладчиков. Что с учетом имени Фонтанелли не должно стать проблемой.

Правовую сторону дела уладили адвокаты фирмы, и на совещаниях стали звучать такие слова как «биржевой проект» и «новый выпуск акций», которых Джон не понимал, но украдкой записывал, чтобы потом почитать насчет их взаимосвязи. Рекламное агентство

разработало кампанию, которую впоследствии не понадобилось проводить, поскольку уже благодаря одному только упоминанию в газетах появился огромный интерес к акциям «Фонтанелли пауэр».

– Мы выбросим на рынок только небольшую часть акций. Скажем, пятнадцать процентов. Поскольку таким образом акции будут преувеличены…

– Что-что? – переспросил Джон, уже довольно сильно раздраженный из-за того, что был вынужден выслушивать китайскую биржевую грамоту.

Маккейн снова принял вид учителя.

– Появится больше предложений покупки, чем собственно акций в продаже. Мы будем распределять акции при помощи жребия, что вызовет еще большее желание купить их у тех, кто уйдет ни с чем. Смотрите.

В итоге цена за акцию установилась на уровне 28 долларов. Уже в конце первого дня курс поднялся до 59 долларов, а через неделю – остановился на 103.

– Вы видели, что произошло? Мы все еще владеем 85 процентами «Фонтанелли пауэр» – но эти 85 процентов стоят больше, чем вся фирма до выхода на биржу. Наше вложенное состояние, таким образом, пусть только на бумаге, но совершенно легально, по всем правилам игры на бирже, увеличилось втрое за неделю.

Все это показалось Джону нереальным.

– И теперь мы будем продавать все? – попытался угадать он.

– А вот и нет. Это самое странное: в тот момент, когда мы выбросим на рынок остальные акции, предложение превысит спрос и, как следствие, собьет цену.

– Значит, эти деньги – всего лишь иллюзия?

– Что такое иллюзия? Ваш триллион долларов существует только в форме электронных импульсов в компьютерах банков. Ни один из этих банков не оказался бы в состоянии выдать вам всю сумму наличными.

– Но какая польза нам от того, что фирма стоит втрое больше, чем на прошлой неделе, если мы не можем обратить ее стоимость в деньги?

Маккейн лукаво улыбнулся.

– Очень просто. До сих пор мы покупали фирмы и платили за это деньги. Теперь мы можем поглощать фирмы, предлагая взамен акции «Фонтанелли пауэр». Нужно только следить за тем, чтобы сохранить пятьдесят один процент, тогда и контроль останется за нами. Если разобраться, этот маневр дает нам возможность завладевать фирмами при помощи денег, которых вообще не существует.

Джону потребовалось объяснить это еще раз, а потом еще раз с помощью рисунка в блокноте, прежде чем он понял, что на самом деле все работает именно так, как он догадался с самого сначала, но не мог поверить.

– Это и правда работает, – наконец признал он.

– Нравится? Как будто кто-то выдумал правила специально для нас, – заметил Маккейн. На лице его читалась неприкрытая уверенность в победе, когда он добавил: – А будет еще лучше.

– Еще лучше?

– Намного лучше. Следующим шагом будет основание банка.

Почти ровно через год со дня основания «Фонтанелли энтерпрайзис» произошло слияние нескольких банков, которые предварительно скупил Маккейн в средиземноморском регионе, под эгидой «Банко Фонтанелли ди Фиренце» – крупнейшего частного банка в мире с главным офисом во Флоренции.

Поскольку имя Фонтанелли в сознании общественности приравнивалось к невероятной сумме в один триллион долларов, это сообщение было понято превратно, будто бы «Банко Фонтанелли» является крупнейшим банком в мире. На самом деле это было не так, более того, на момент основания он находился примерно на четырехсотом месте. Джон Фонтанелли разместил в своем банке довольно скромный счет, по крайней мере,

по сравнению со счетами в крупных американских и японских банках. Поскольку «Банко Фонтанелли», будучи частным, подлежал только ограниченной обязанности документального подтверждения финансового положения, это обстоятельство так никогда и не стало достоянием общественности; «человек с улицы» исходил из того, что банк Фонтанелли располагает более чем триллионом долларов.

К такому сильному с финансовой точки зрения банковскому учреждению автоматически испытывали доверие, и, поскольку «Банко Фонтанелли» к открытию мог преподнести довольно интересные условия, многие крупные вкладчики решили сменить банк. Всего несколько недель спустя «Банко Фонтанелли ди Фиренце» занимал сто тридцатую позицию и продолжал подниматься выше по списку.

– Мы станем крупнейшим банком мира, – уверенно пророчествовал Маккейн, – и все это с помощью денег других людей.

– Зачем нам нужен банк? – поинтересовался Джон.

– Чтобы контролировать деньги, – ответил Маккейн, не отводя взгляда от бумаг, изучением которых занимался.

Их самолет направлялся во Флоренцию, пролетая над сверкающим синим Средиземным морем, над которым плыли крошечные, словно игрушечные, облака. Они примут участие в заседании совета правления и во второй половине дня будут в Лондоне, как раз вовремя, чтобы пожелать всего наилучшего Марко, который женился в тот день.

– Но как банк может контролировать деньги других людей? Я имею в виду, ведь владелец счета может в любой момент снять деньги и сделать с ними все, что угодно?

Теперь Маккейн поднял голову.

– С большинством денежных вкладов дело обстоит совсем иначе. И, не считая этого, все люди никогда не снимают деньги одновременно; это означало бы конец банка. Нет, деньгами, которые дает нам вкладчик, мы можем какое-то время распоряжаться.

– Но за это мы должны платить процент.

– Конечно.

Джон взял в руки листок с текущими ставками «Банко Фонтанелли».

– Честно говоря, это не похоже на особо прибыльную сделку.

– Потому что вы рассматриваете процентные ставки так, как человек с улицы. Три процента на сберегательный вклад, десять процентов за кредит, так что в целом предполагается, что банк зарабатывает семь процентов. Что считается допустимым. Но все работает иначе.

– А как?

Маккейн улыбнулся своей тонкой улыбкой.

– Когда слышишь это первый раз, звучит слишком невероятно, чтобы быть правдой. Но это так. Можете прочесть это в любой книге по банковскому делу. Банковский бизнес работает следующим образом: предположим, у нас есть сто миллионов долларов на вкладах, которыми мы располагаем. Из них мы должны отложить указанный законом минимальный резерв, скажем, десять процентов; остаток, в этом случае 90 миллионов долларов, мы можем выдавать на кредиты. Теперь тот, кто берет у нас кредит, должен, в свою очередь, иметь счет, возможно, даже у нас, что тем более вероятно, чем крупнее банк, а если захотим, мы можем сделать это обязательным условием, так что деньги, которые мы даем ему, снова оказываются у нас. В идеальном случае после выдачи кредита мы снова располагаем 90 миллионами долларов, из которых мы опять, за исключением минимального резерва, можем выдавать 81 миллион на кредиты, которые вновь окажутся в наших кассах, и так далее. Таким образом, из ста вложенных миллионов может получиться займов на 900 миллионов, на которые мы набавляем те самые десять процентов, в общем, 90 миллионов процентами. Похоже на прибыльную сделку?

Джон не верил своим ушам.

– Это действительно правда?

– Да. Звучит как лицензия на печать денег, правда?

– Похоже.

– А мы все контролируем. Мы можем выбирать, кому давать деньги, а кому нет. Можем разрушить фирму, внезапно потребовав возврат кредита, который они взяли у нас. На что мы имеем полное право, кстати: достаточно заявить о том, что усмотрели опасность невозвращения кредита. Восхитительно, правда?

– Но это нелегально, так ведь?

– Совершенно легально. Именно эти правила игры указаны в законе, контролируются государством. Банкиры – самые уважаемые и почитаемые люди из всех. А мы, – улыбнулся Маккейн и снова занялся своими документами, – теперь столь же уважаемые и почитаемые члены этого круга избранных. Нам доверят тайны, которых не узнает больше никто. Мы будем проворачивать сделки, невозможные для непричастных. Не считая того, что владение личным банком потрясающе подходит для того, чтобы защитить финансовые транзакции от любопытного взгляда государственных органов надзора. Если бы банки не существовали, нам стоило бы их изобрести.

Неуклюжее здание из песчаника высотой в одиннадцать этажей находилось, так сказать, в тени Всемирного торгового центра, что, как ехидно заметил Маккейн, на деле было совершенно не так. Над входом красовался огромный, выложенный сусальным золотом рельеф, на котором можно было прочесть: «Кредит – дыхание свободной торговли. Он поспособствовал богатству наций в тысячу раз больше, чем все золотые прииски мира». Джон был еще совершенно ослеплен, когда они вошли в скромное помещение за ним, в комнаты «Мудис инвесторс сервис», крупнейшего агентства по оценке капиталовложений.

«Муди» исследовал фирмы, страны – все, куда можно было вложить деньги, – на предмет инвестиционного риска. Ни в одном месте мира так не хранили достоверную информацию о таком количестве государств и предприятий. Никто из посетителей не имел права входить в офисы сотрудников, даже если это был лично Папа Римский. Аналитики по просьбе министерств разных стран проверяли государственные финансы и путешествовали исключительно по двое, чтобы предотвратить попытки подкупа, а также должны были раскрыть свои личные инвестиции, чтобы избежать конфликта интересов. Оценка кредитоспособности, проведенная агентством, выливалась на рынке в надбавку за риск, то есть в проценты, которые должны были выплачивать правительства по долговым обязательствам. «Муди» не взирал на лица, «Муди» был нечувствителен к попыткам давления со стороны правительств. Если незадолго до выборов «Муди» проверял кредитный статус страны, это могло означать, что правящая партия проиграла выборы. Именно это и произошло в марте сего года в Австралии и привело к одному из тяжелейших поражений правящей лейбористской партии.

В принципе, у них не было конкретной причины для визита.

– «Муди» – один из реальных центров мировой власти, – просто сказал Маккейн. – Не повредит, если мы здесь покажемся. Раз уж мы были неподалеку.

Их пригласили в выстеленную толстым ковром приемную, сразу после этого отвезли на одиннадцатый этаж, в элегантный конференц-зал, где их встретил президент основанного в начале века предприятия.

– Какая честь, мистер Фонтанелли, познакомиться с вами лично, – произнес он, и было видно, что он тронут.

Затем он заверил их, что «Банко Фонтанелли ди Фиренце», конечно же, оценивается наилучшим образом и обозначается в документах желанным для всех *тройным А,* «и если бы мы ставили четвертую, то она у вас, конечно же, была бы, добавил он; глаза его светились. Если бы седовласый мужчина тут же попросил у него автограф, Джон бы не удивился. Для заслуженного аналитика он, богатейший человек в истории мира, воплощал собой кредитоспособность. Сам бог Мамона.

– Рад слышать это, – произнес Джон и улыбнулся. В башнях Всемирного торгового

центра отражалось солнце ясного августовского дня.

Со временем они посетили и другие учреждения, о которых Джон никогда прежде не слышал. Сообщество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций, коротко СВИФТ, тоже сочло за честь визит Джона Фонтанелли. Лимузин с затемненными окнами вывез их из Амстердама и доставил извилистыми тропками к зданию, внешний вид и размеры которого он не смог оценить сразу, как только вышел из автомобиля.

– Синьор Вакки тоже однажды побывал здесь, – рассказывал им лысый голландец с очень светлыми глазами, который вел их по коридору, откуда даже сквозь бронированные стекла были видны бесконечные ряды больших компьютеров. – Но это было давно. Как он поживает?

– Хорошо, – просто сказал Джон, которому не хотелось говорить на эту тему.

СВИФТ, как довелось ему узнать, каждый год осуществляет пятьсот миллионов денежных переводов. Благодаря техникам шифрования, соответствующим военным требованиям, организация обеспечивала для банков возможность достигнуть двусторонних соглашений электронным путем. Послания по системе СВИФТ нужно было подтверждать дважды, прежде чем могло состояться собственно исполнение, – проникнуть в эту систему извне было невозможно. Нервная система глобальной финансовой сети была защищена, как ядерный бункер, и обладала высшей степенью секретности, как и ее коды.

Проводя время за разговорами с депутатами Европарламента в Брюсселе, они побывали в «Евроклире», организации, осуществляющей международную торговлю ценными бумагами, скрывающуюся за фасадом из стекла и гранита на авеню Жакмен без какой бы то ни было вывески: неприметное, скрытое, секретное здание. Здесь им не позволили увидеть компьютерный центр, не говоря уже о том, чтобы войти в него, – на это имели право только десять из более чем девятисот сотрудников, – но им показали аварийные генераторы и резервуары с охлаждающей их водой на крыше. В секретном месте, как довелось им узнать, параллельно работает полностью продублированный комплекс устройств, готовый взять на себя все операции, если выйдет из строя главный компьютер. Сделки на бирже совершаются за секунды по одному выкрику, но собственно операция может длиться до трех дней, хотя в распоряжении организации находится лучшее электронное оборудование, которое можно получить за деньги, работает сообщение со всем миром, поскольку наряду с собственно торговыми партнерами нужно подключать брокеров, национальные депозитарии, а также вовлеченные в операции банки.

– А не разумно ли перевести все мои сбережения из других банков к нам? – спросил Джон во время очередного перелета.

– Об этом я тоже уже размышляю, – ответил Маккейн и покачал головой. – Это точно было бы прибыльно. Но, с другой стороны, другие банки дрожат при мысли о том, что вы сделаете именно это. И мне нравится видеть, как они дрожат.

Они неустанно носились вокруг земного шара, проводили гигантские реорганизации и реструктуризации, покупали и продавали, организовывали рационализаторские мероприятия во время заседаний, редко длившихся более получаса. Если было ясно, что конференция потребует больше времени, ее проводили в воздухе, во время перелета к следующей цели, откуда их собеседники могли вернуться на родину рейсовыми самолетами.

Когда они что-то говорили, их слушали, когда они что-то приказывали, им подчинялись, если они кого-то хвалили, тот испытывал облегчение до глубины души. Они были повелителями мира. Большая часть мира не подозревала об этом, но они должны были стать правителями следующего столетия, и они были непобедимы.

Владение собственным банком, с невообразимой скоростью превращавшимся в настоящего финансового монстра на всех рынках планеты, в очередной раз открывало неожиданные возможности. Некоторые из этих возможностей были не совсем легальными, например, когда они под покровом ночи изучали движения по счетам, чтобы получить более точное представление о планах, отношениях и взаимоотношениях между конкурентами или найти кандидата для поглощения. Работники из аналитического отдела не спрашивали, откуда у Маккейна списки, которые он клал им на стол, но всегда считали их очень содержательными.

Однако именно самые действенные возможности были абсолютно легальными. Только лишь задавая инвестиционные стратегии и кредитные критерии, они могли поощрять целые отрасли и регионы или же, напротив, вызывать у них трудности, ввергать в кризис правительства стран третьего мира. Вследствие таких кризисов они дюжинами приобретали фирмы в Малайзии, Южной Корее или Таиланде за пресловутый бутерброд. Не было разрешения или концессии, которую не получила бы компания «Фонтанелли энтерпрайзис»; они скупили больше прав на разведку и лицензий на бурение, чем кто-либо смог бы использовать до конца тысячелетия. Уже не было ни единого человека на всем земном шаре, которого прямо или косвенно не касались бы решения, принятые в летающей базе империи Фонтанелли.

– Мы как черная дыра, – восхищался Маккейн, потирая руки, когда самолет в очередной раз взмыл в воздух. – Мы поглощаем все в округе, и чем больше берем, тем больше и непреодолимей становимся и тем быстрее поглощаем остальное. Мы растем и скоро сравнимся по размерам со всем миром.

Джон не смотрел на него и ничего не говорил. Он смотрел в окно, наблюдая за стартом. Мысль о том, что он представляет собой черную дыру, почему-то нравилась ему меньше, чем Маккейну.

Они получили невероятное сообщение. Во время почти забавной акции немецкие и итальянские чиновники из службы по защите налогового законодательства обыскали филиалы банка Фонтанелли во Франкфурте, Мюнхене, Флоренции, Милане и Риме, даже изъяли несколько ящиков с документами, которые, впрочем, незамедлительно были отвоеваны стаей налетевших адвокатов, прежде чем хотя бы один из стражей порядка успел заглянуть в них.

– Что, черт побери, это означает?! – воскликнул Джон, не удержавшийся в кресле. – Что они ищут? И что они могут нам сделать? – Он смотрел в окно, ничего не замечая.

– Ничего, – произнес Маккейн. – Они ничего не могут нам сделать. Не волнуйтесь, Джон, оно того не стоит.

Он стоял спокойно, разглаживал лацкан пиджака, поправлял галстук.

– Но мы ведь должны им как-то противостоять. Мы не можем это так оставить!

– Конечно, нет. Сейчас самое время выступить перед мировой общественностью и представить серьезные возражения. Мы будем очень обеспокоены финансовым положением Европы. Будем подчеркивать значение свободного движения капитала и неизбежность глобализации, неконтролируемость международных торговых потоков. И так далее. – Он рассмеялся, как будто для него все это было веселой игрой. – И они снова поверят каждому нашему слову.

Джон нерешительно смотрел на Маккейна.

– Разве это возможно? Контролировать международные денежные потоки?

Маккейн снова рассмеялся. *В высшей степени* забавная игра.

– Да, конечно. Все деньги текут через компьютеры банков, и из этой системы не улизнет ни один цент. Разве может существовать контроль лучше?

– А глобализация? Это ведь неудержимый процесс…

– Джон – это мы *делаем* глобализацию. Мы оба, вы и я, мы и *есть* глобализация. И если бы все государства объединились, они могли бы остановить нас одним движением руки, конечно. Но вот только они не объединяются. – Он поправил манжеты. – *Divide et*

impera [48], кажется, именно так называется этот принцип.

После стука в дверях показалась тициановская рыжая головка одной из секретарш.

– Мистер Фонтанелли, мистер Маккейн, представители прессы внизу, в вестибюле.

– Спасибо, Франс, – произнес Маккейн. – Мы уже идем.

Джон пожалел, что не может чувствовать себя столь же легко и уверенно, как Маккейн. Все это ему не нравилось. Вдруг показалось, что они ступают по тонкому льду. И, чтобы не слышать, как он трещит под ногами, громко распевают песни и насвистывают.

«Манифорс Ван» летел вдоль побережья Северного Борнео на север. Под левым крылом поблескивала темная синева Южно-Китайского моря, под правым – виднелся туман над темно-зелеными дремучими лесами Борнео.

– Вам понравится, – сказал Маккейн.

Джунгли расступились, открывая большую бухту, посреди которой виднелся город, казалось, паривший над водой. На золотых куполах мечетей и дворцов играли солнечные блики, словно в сказках из «Тысячи и одной ночи». Джон смотрел в окно рядом со своим креслом и не сразу заметил, что от удивления у него открылся рот.

– Вы правы, – произнес он, затаив дыхание. – Мне нравится.

Маккейн оторвался от изучения документа и бросил быстрый взгляд за окно, чтобы понять, что имеет в виду Джон.

– Ах, это, – произнес он. – Это еще что…

Кампонг-Айер, «город на воде», как позднее узнал Джон, действительно был построен на сваях, причем много веков тому назад. Еще арабские мореплаватели Средневековья называли его так. В этом столетии он расширился на материк по обе стороны бухты и теперь стал называться Бандар-Сери-Бегаван, столица государства Бруней-Даруссалам, султаната Бруней. Город, как выяснил Джон, когда они проезжали по широким бульварам, современный и богатый. На улицах не увидишь ни одного старого автомобиля, вдоль шоссе выстроились красивые бунгало и супермаркеты. С минаретов звали на молитву муэдзины, что заставило их водителя остановиться, выйти из машины и расстелить коврик.

– У здешних людей есть все причины благодарить Аллаха, – произнес Маккейн, наблюдая сквозь стекло за тем, как шофер творит молитву. – Им не нужно платить налоги, образование и медицинское обслуживание бесплатные, бедности не существует, выдаются дотации даже на частное строительство жилья. А всю грязную работу выполняют иностранцы, в основном китайцы.

– Все благодаря нефти? – предположил Джон.

– Благодаря нефти, – согласился Маккейн. – Само по себе примечательно уже то, как уверенно Творец разместил почти все крупнейшие нефтяные месторождения в исламских странах, вы не находите? Иногда заставляет задуматься. Наши коллеги из компании «Шелл» платят султану столько, что даже за вычетом всех государственных расходов он может откладывать до двух с половиной миллиардов долларов в год. А отложено уже, кстати, около тридцати миллиардов долларов. Султан Хаджи Хассанал Болкиах был богатейшим человеком в мире, пока не появились вы.

Шофер скатал свой коврик, положил его обратно в багажник и поехал дальше как ни в чем не бывало.

– И что именно нам здесь нужно? – спросил Джон, в душу которого закралось смутное недоброе предчувствие.

Маккейн сделал неопределенный жест рукой.

– Не повредит познакомиться с ним лично. Султан примет нас; он просил передать, что будет очень рад познакомиться с вами.

– Я должен чувствовать себя польщенным?

---

[48] Разделяй и властвуй (*лат.*).

– Хороший вопрос. Султан – *Dewa Emas Kayangan* , золотой бог, сошедший с неба. По крайней мере, для его традиционно настроенных подданных. Для всего остального мира он просто влиятельное лицо. Влиятельное лицо с нефтью.

Автомобиль выехал на набережную и покатился к огромному зданию с блестящими золотыми куполами.

– Красиво, правда? – насмешливо произнес Маккейн.

Джон в недоумении смотрел на уродливое сооружение, похожее на результат неудачного слияния собора Святого Петра и дюжины минаретов.

– Самый большой дворец в мире, – пояснил Маккейн. – Построен учеником Ле Корбюзье, который, кстати, этому не очень рад, поскольку султан многое просто навязал ему. Во дворце тысяча восемьсот комнат и двести пятьдесят туалетов. Дизайнеров по интерьеру приглашали из Италии, изготовителей витражей – из Венеции, шелковые обои заказывали во Франции, сорок видов мрамора – в Италии, золотые слитки для тронного зала – в Индии, ониксовую плитку – в Марокко и так далее…

– Боже мой, – произнес Джон. – Должно быть, это обошлось в целое состояние.

– Около пятисот миллионов долларов. Чуть больше, чем наш самолет. Впрочем, это было в 1981 году.

– Наш самолет, пожалуй, выглядит лучше.

– Но он не такой вместительный. – Маккейн пожал плечами. – Как бы там ни было, я хотел, чтобы вы увидели это. Может быть, вы наконец поверите мне, что все еще живете не в соответствии со своим положением.

Эти слова вспомнились Джону, когда они в очередной раз приземлились в Лондоне и он поехал домой. Домой – да уж… Замок был красив, и роскошен, и все такое, но настолько огромен, со штатом в сотни человек, что больше напоминал ему вокзал, нежели дом. И это *по-прежнему* «недостойно его положения»? Сколько же чванства и роскоши должен он нагородить вокруг себя? И зачем? Иногда он вспоминал – когда выпадало время в этом постоянном круговороте – первые недели в Италии, о том, какая идиллия тогда царила. Тогда ему казалось достаточно обременительным уже то, что за ним по пятам следуют один-два телохранителя. Теперь у него имелась постоянно разрастающаяся служба охраны, собственная армия, охранявшая его, обеспечивавшая безопасность каждого шага еще до того, как он успевал его сделать. Этим людям он должен был говорить утром, что собирается предпринять в течение дня, куда хочет пойти и где собирается находиться, а потом они разлетались, его личная разведка: они проверяли, исследовали местность на предмет наличия бомб и убийц, где-то, не на его глазах, обсуждали, что может пойти не так. Их было много, и они старались держаться на почтительном расстоянии, но он знал, что каждый раз они обливались по́том и кровью, когда он выходил под открытое небо или даже на людную площадь; поэтому они старались сократить число подобных событий до минимума, вот он и казался себе иногда пленником, а не богатым человеком. Пленником, которого с большой помпой перевозят с одного места на другое.

Но он не станет жаловаться. Ни Маккейну, который сражался, словно берсерк, ни кому бы то ни было еще. Он – наследник состояния Фонтанелли, он исполнит пророчество. Некоторые неудобства придется вытерпеть.

Его ожидал Джереми. В обстановке настоящего английского замка он уже не казался таким потрясающим дворецким.

– Звонил некий мистер Коупленд, – объявил он. – Сказал, что речь идет о жизни и смерти.

Джон нахмурился, почувствовал, как меж бровей залегла морщинка.

– Откуда у него этот номер?

Джереми казался расстроенным.

– Боюсь, сэр, в наши дни это можно выяснить.

– Если он позвонит еще раз, отделайтесь от него. Я не хочу с ним разговаривать.

– Как скажете, сэр, – почтительно склонился перед ним Джереми, чего Джон терпеть не мог в людях, даже в своих сотрудниках. – Да, сэр, есть еще кое-что…

Вообще-то он больше ничего не хотел обсуждать сегодня. Просто полежать на диване и послушать музыку, Брюса Спрингстина, быть может, или Мадди Уотерса.

– Да? Что еще? И пожалуйста, Джереми, когда разговариваете со мной, смотрите на меня!

Дворецкий предпринял попытку выпрямить спину. Несколько градусов он отвоевал.

– Сэр, мне кажется, что некоторые сотрудники на протяжении вот уже нескольких недель… э… воруют, сэр.

– Воруют?

– Не досчитались некоторых продуктов, из замка пропало несколько ценных предметов, сэр.

Джон озадаченно уставился на него. Мысль о том, что его обкрадывают люди, постоянно попадающиеся ему на глаза в его собственном доме, показалась ему абсурдной.

– Вы уверены?

– К сожалению да, сэр. – Прямая осанка, похоже, не давалась ему.

Первым побуждением Джона было проигнорировать это. Он был достаточно богат, чтобы не обращать внимания на парочку мелких краж. Но, как он тут же понял, они ему мешают. Он не хотел думать при виде любой из горничных, любого садовника и повара, не они ли обкрадывают и обманывают его в принадлежащих ему четырех стенах.

Ну хорошо. В принадлежащих ему четырехстах стенах.

– Покажите мне хозяйственные книги, – произнес он.

Изучив документы, он понял, что дело обстоит еще хуже, чем он опасался. Джереми просто не справлялся с управлением таким большим хозяйством. Списки поставок товаров велись небрежно, в бухгалтерские книги неделями не заносились счета. Кражи бросились в глаза только потому, что воры становились все наглее. Ничего не поделаешь – придется ему заняться этим делом. Только ради того, чтобы не наказать честных людей, ему нужно было найти виновных и немедленно уволить. Без привлечения полиции не обойтись. И еще ему понадобится новый управляющий.

Ему показалось, что он чувствует, как на льду под его ногами появляются первые трещины.

Маккейн встал, как всегда, до прихода почтальона и забрал газету, выходя из дома, чтобы прочесть ее в офисе.

В то утро, бросив взгляд на заголовки на первой полосе, он остановился на лестнице. Прочел их еще раз и еще.

Швейцарское банковское объединение SBC и Швейцарское банковское общество объединились. Новый банк назывался «Объединенный банк Швейцарии», на балансе у него было восемьсот миллиардов долларов, и оперировал он состоянием в полтора триллиона долларов. А значит, он становился крупнейшим банком в мире.

В статье ясно давалось понять, что соответствующие переговоры велись уже давно, но под давлением постоянно разрастающегося концерна Фонтанелли они были вынуждены поспешить.

В то утро соседи Маккейна впервые услышали, как он взревел во весь голос.

27

Таким взволнованным Джону еще не доводилось видеть Маккейна.

– Вот! – крикнул он, бросая ему газету, и принялся ходить по комнате, словно запертый в клетке лев. – Они объединяются против нас!

Джон взял газету. Снова слияние. Вчера – «Объединенный банк Швейцарии», сегодня – «Мобил ойл» и «Тексако». И снова с тем же обоснованием: необходимо что-то

противопоставить доминирующей позиции на рынке, которую завоевал концерн «Фонтанелли энтерпрайзис».

– И антимонопольное ведомство благословляет их на это! – бушевал Маккейн. – То же самое антимонопольное ведомство, которое встряло, когда мы хотели купить «Тексако». Это уже дурно пахнет!

– Мы хотели купить «Тексако»? – удивился Джон. – Я об этом ничего не знал.

Маккейн на миг остановился и махнул рукой.

– Интермеццо, сыгранное несколько дней назад. Зачем было беспокоить вас? – Он сжал кулаки. – Америка. Проклятье! Мы еще не готовы тягаться с США, но я хотел бы иметь возможность по-настоящему задать жару этим фигурам из Вашингтона!

– Вы говорите о демократически избранном правительстве. – Джон почувствовал, как напряглись его спина и шея. Собственный голос тоже показался ему более холодным, отстраненным, неодобрительным, чем хотелось. Но сдержаться он не мог, он должен был выразить свое недовольство. – В Северной Дакоте и Миннесоте есть ребята, которые строят себе в лесах хижины, вооружаются до зубов и ругают правительство. Примерно как вы сейчас.

Маккейн ничего не сказал, он просто посмотрел на него пристально, словно включая рентгеновские лучи в глазах, которые позволили бы увидеть его насквозь. Медленно разжал кулак, опустил руку, отвернулся и побрел к окну. Где-то по пути переполнявшая его ярость, похоже, исчезла, растворилась.

– Джон, – вдруг произнес он, и голос его был похож на удар хлыста, – вы все еще не поняли, каковы ставки в этой игре. Иначе не приводили бы таких смешных сравнений.

Он повернулся.

– Ваши ребята там, в Северной Дакоте, – я знаю этих людей. Я даже – хотите верьте, хотите нет – разговаривал с некоторыми из них. Я знаю, как у них все устроено. Они думают, что так дальше не может продолжаться. И когда все рухнет, они хотят иметь хорошую крепость, где смогут жить дальше. Крепость, которую будут защищать с оружием в руках. Они – величайшие эгоисты на свете, потому что их позиция такова: к черту весь мир, главное, что мы выживем!

Джон мрачно кивнул.

– Вот именно.

– Но правительства, – продолжал Маккейн, – избранные демократическим путем правительства – того же поля ягода! Кто же их выбрал? Народ! Правительство представляет интересы народа. А большинство людей живут по принципу: к черту остальных, главное, чтобы нам было хорошо.

Джон открыл рот, хотел что-то сказать, но не знал, что именно.

– Хм, – произнес он, сожалея, что чувствует себя таким беспомощным и неловким в подобного рода разговорах.

– А мы чем здесь занимаемся? Мы работаем над тем, чтобы завоевать положение, благодаря которому сможем направить мир в более благоприятное русло развития. Мы ведь не для себя стараемся. У нас есть все, больше чем достаточно. Любой из нас без проблем может спокойно отдавать. Поймите же, мы настолько богаты, что подозрений, будто мы хотим обогатиться еще сильнее, просто не возникает. И то, что мы сделаем, произойдет по абсолютно рациональным принципам. Вскоре в нашем распоряжении окажется компьютерная модель мира, самая подробная кибернетическая симуляция, которую когда-либо создавали. С ее помощью мы сможем точно предугадывать последствия любого поступка, с учетом всех взаимодействий с другими мерами. Любое принятое нами решение мы сможем обосновывать без проблем. И единственным критерием будет выживание человечества, наилучшее благосостояние для большей части человечества. – Маккейн встал перед ним, подняв руки в умоляющем жесте. – Разве вы не понимаете, что любой вид чьих-то групповых интересов – наш враг? Любой! Будь то правительство, профсоюз, объединение, союз лоббистов – все это организации, которые думают только о благополучии

своей группы. Которые *хотят* несправедливости! Вы понимаете? Это цель любого представительства чьих-либо интересов – создавать неравенство, вводить неравновесие, причем в свою пользу!

Джон невольно отступил на шаг. Находиться перед таким Маккейном было все равно что попасть под колеса локомотива весом в двадцать тонн. То, что он говорил, вынужден был признать с неохотой Джон, звучало необычно, почти кощунственно – но в этом была своя логика.

– С такой точки зрения я никогда на это не смотрел, – неохотно признал Джон.

– Да. – Маккейн смотрел ему прямо в глаза. – Я вижу.

– Я имею в виду, что за всю свою жизнь не пропустил ни одних выборов. По крайней мере, пока жил в Нью-Йорке. Дед втолковывал мне это снова и снова. Что я должен уважать избирательное право. Что многие, очень многие люди умерли ради того, чтобы я имел право выбирать. Он…

– …бежал от Муссолини, знаю. И он прав, ваш дед. Демократия – это великое достижение, отличная штука, я вовсе не собираюсь это отрицать. Но ее нужно иметь возможность себе *позволить* ! – Маккейн набрал в легкие воздуха, отступил на шаг, словно взвешивая, чего от него можно требовать, а чего нет. – Вам не понравится то, что я сейчас скажу.

– Мне и до сих пор не очень-то нравилось.

– Ничего не поделаешь. Таков мир. Когда надвигается опасность, не время для долгих разговоров. Умрешь прежде, чем успеешь принять решение. – Он поднял палец и указал на Джона. – В тяжелые времена нужен кто-то, кто возьмет на себя командование. Вождь. Вы знаете, откуда взялось слово «диктатор»? Это латынь. В древнем Риме на время кризисных ситуаций выбирали правителя, приказам которого подчинялись все. Вот это был *диктатор* . Когда наступает опасность, демократия упраздняется. Всегда, в любое время. Изучите историю непредвзято, и вы увидите, что я прав.

Джон почувствовал, как внутри у него поднимается горячая волна ужаса.

– Вы хотите, чтобы мы стали *диктаторами* ?

Маккейн громко расхохотался.

– А как вы назовете то, что мы всегда собирались сделать? Два человека выходят на позицию, благодаря которой могут командовать всем остальным миром, говоря ему, куда двигаться. Таков был план, не так ли, с самого начала?

– Вы никогда не называли это «диктатурой».

– Если бы я произнес это слово, вы встали бы и ушли.

– Да. И сейчас раздумываю, не уйти ли мне.

– Пожалуйста. Вас никто не держит. Это ваш триллион, но, Джон, – вы должны исполнить пророчество. Прежде чем уйти, скажите мне, как вы собираетесь это сделать. Вашей великолепной демократии до сих пор не удалось осуществить даже такой малости, как остановить производство фторхлоруглеводорода, не говоря уже о настоящих мерах. Пожалуйста, скажите мне, что вы собираетесь делать. Если вы придумаете способ лучше, говорите! Я искал его четверть века и не нашел.

Все это время Джон наблюдал за ним со всевозрастающим ужасом, глаза его готовы были вот-вот вывалиться из орбит. Ему пришлось отвернуться, внезапно он ощутил огромную тяжесть.

– Это нелегко, понимаете? Я имею в виду, что у меня никогда не было особенно четкого представления о собственной жизни. Но я совершенно точно не хотел становиться *диктатором* !

А ведь он давно мог додуматься до этого сам, все к тому шло.

– Джон, – тихо, почти мягко произнес Маккейн, – мы презираем людей вроде Саддама Хусейна не потому, что они диктаторы. Мы презираем их потому, что они преднамеренно убивают людей. Именно это превращает их в тиранов. Мы, Джон, не будем убивать людей – мы будем людей *спасать* . У нас такая власть, которой не было ни у кого, мы единственные,

кто может оттолкнуть человечество от пропасти, к которой оно несется.

Джон поднял взгляд. Он колебался. Мысли его превратились в хаос.

– Я знаю, что это нелегко. У меня было двадцать пять лет на то, чтобы свыкнуться с этой идеей, и все равно мне было непросто.

– Да уж! – Собственный голос звучал странно, как-то хрипло.

– Я тоже всегда ходил на выборы. – Маккейн безрадостно рассмеялся. – Впрочем, за Джона Мейджора я своего голоса не отдавал.

Ему снова вспомнился ужин. Холодная отстраненность, с которой отнесся к нему премьер-министр.

– Думаю, я справлюсь с этим.

– Значит, мы продолжаем?

– Да.

– Я должен знать, что за мной стоите вы, Джон.

Джон вздохнул, ощутив на языке мерзкое ощущение предательства.

– Да. Я вас прикрою.

– Спасибо.

Пауза. Тишина. Сквозь открытое окно донесся звон колокола на Биг-Бене.

– Что мы будем теперь делать? – спросил Джон.

Маккейн стоял у края стола, выстукивая кончиками пальцев негромкий беспокойный ритм. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль.

– Борьба началась, – сказал он. – Значит, будем сражаться.

В следующие дни в Лондон прибывали директора, председатели советов правлений и управляющие. Конференц-зал на верхнем этаже штаб-квартиры «Фонтанелли энтерпрайзис» был впервые заполнен настолько, что пришлось принести дополнительные стулья.

Самый главный босс всех этих директоров, председателей советов правлений и управляющих, Джон Сальваторе Фонтанелли, богатейший человек в мире, избранный на роль спасителя будущего, открыл собрание коротким докладом об опасности, грозящей естественным основам жизни, и центральной роли, отведенной концерну в защите окружающей среды. Венчала доклад фраза:

– Прошу вас, подумайте о том, что защита окружающей среды по карману не всем. Одними благими намерениями не обойтись. Только если мы сократим издержки всех наших предприятий и радикально станем бороться с расточительностью, мы сможем обеспечить будущее.

Затем Джон удалился в свой офис и предоставил Маккейну работать с деталями. Он по-прежнему не умел выступать. Перед произнесением этой небольшой речи из-за волнения он почти не выходил из туалета, ночью плохо спал, в полусне постоянно повторял свою речь, проснулся весь в поту, вынужденный принять душ и полностью переодеться. А он еще смеялся, когда Маккейн настаивал, чтобы в каждом их офисе была своя ванная и комната для переодевания!

– Она кажется мне несколько лживой, эта болтовня о защите окружающей среды, – признался он Маккейну, который пришел на минутку, чтобы подобрать документы, прозрачные пленки с числами и яркими диаграммами. – Я имею в виду, дело ведь просто в том, чтобы заработать больше денег.

Маккейн недовольно посмотрел на него.

– Вы меня разочаровываете, Джон. Вот эти, – он презрительно кивнул головой в сторону двери, за которой ожидали собравшиеся, – от них я не ожидаю понимания, что все взаимосвязано. Но вы…

– Похоже, такова моя судьба. Все люди чего-то от меня ожидают, а я никогда не соответствую ожиданиям.

– Ну ладно. Я не буду спешить, конспектируйте. Мы – крупнейший концерн в мире,

правильно? По крайней мере, *пока что* . О чем нам следует позаботиться, так это о том, чтобы сохранить положение. Чего не должно произойти, так это того, чтобы образовалось несколько примерно равных по силе блоков власти. Тогда у нас возникнет патовая ситуация, нельзя будет сделать ничего из того, что должно быть сделано. – Маккейн сложил пленки и ткнул Джона в грудь, словно собираясь пронзить его уголком пачки. – Неужели это так трудно понять? Думайте о будущем, Джон. Видение перспективы всегда побеждает.

И с этими словами Маккейн ушел обратно в конференц-зал, где собравшиеся люди смотрели на него, словно напуганные кролики, поправил микрофон и произнес то, что произнесет еще на нескольких подобных собраниях в течение ближайших дней.

– Господа, мне нужны от вас всего три вещи. Во-первых, доходы. Во-вторых, доходы. И, в-третьих, доходы.

Одной из немногих женщин среди участников этих экзекуций, замаскированных под конференции, была Глэдис Вейн, управляющая «Политон медиа», медиаконцерна, образованного путем слияния нескольких европейских фирм звукозаписи, со штаб-квартирой в Брюсселе. За прошедшие три месяца два популярных артиста, одна поп-певица из Израиля и одна английская группа перешли к «ИЭмАй Электрола», из-за чего доходы за квартал существенно снизились. Соответственно, миниатюрная женщина с пепельно-серыми волосами получила серьезную порку.

По возвращении в Брюссель она созвала похожее собрание, чтобы в подобных словах объяснить серьезность положения главам различных отделов и подразделений.

– Но ведь без созидательного труда не обойтись, – заметил руководитель испанского дочернего предприятия. – Мы должны вкладывать деньги в людей искусства. Пройдет время, прежде чем они сумеют пробиться на рынок, и если не дать им этого времени, то в какой-то момент у нас не останется артистов.

– Если мы будем нерентабельны, у артистов в какой-то момент не окажется фирмы звукозаписи, – заявила Глэдис Вейн, исполненная решимости не позволить этому грубому британцу еще раз превратить себя в девочку для битья. – Все будет именно так. Все, что нерентабельно, – долой.

Директора съежились и принялись старательно перелистывать свои списки. Руководитель «Каската рекордс», фирмы звукозаписи, расположенной в Милане и с середины этого года тоже входившей в состав «Политон», задумчиво рассматривал количество проданных экземпляров диска под названием *«Wasted Future»* .

– Сейчас мы переживаем спад, – сказал Маккейн. – Плохо, конечно, но таков закон жизни. Спады неизбежны, и они отделяют мальчиков от мужей.

Джон только кивнул. Они направлялись в аэропорт, однако их бронированный лимузин застрял в вечерней пробке. Глядя вперед, можно было подумать, что грузовики и красные двухэтажные автобусы срослись в одно целое. Моросил мелкий дождь, и по бокам улицы покачивались антрацитово-серые зонты.

– И именно сейчас мы не должны забывать о своих целях, иначе растратим силы на партизанскую войну. А одна из наших следующих целей – это Международный валютный фонд.

Вот преимущества личного самолета: не нужно переживать из-за того, что опоздаешь на рейс. Джон обдумал слова Маккейна еще раз и нахмурил лоб.

– МВФ? – повторил он.

Джон читал об этом. Международный валютный фонд был, подобно Организации Объединенных Наций, наднациональным учреждением, цель которого – обеспечивать функционирование всемирной финансовой системы, обмен валют и так далее. Описание было чрезвычайно скучным.

– Вам придется объяснить мне, – сказал он, – какое это имеет отношение к нам.

– МВФ в данный момент насчитывает 180 членов. Каждая страна-участница должна

внести определенный вклад, так называемую квоту, причем тем бóльшую, чем богаче страна. Квота также определяет право голоса, и это означает, что те, кто больше платит, имеют соответственно больший вес. На данный момент лидер – США с восьмьюдесятью процентами голосов. – Маккейн разогнул указательный палец и взялся за него другой рукой, словно собираясь что-то считать на пальцах. – Это пункт первый, который подходит под нашу концепцию: богатство означает влияние. Честно, неприкрыто, записано в уставе.

– Влияние, ну да, – заметил Джон. – Вопрос только в том, на что.

– Это пункт второй, который нас интересует. МВФ может заглянуть в активы каждого государства-участника, может требовать от правительств, чтобы они выложили в открытый доступ информацию о своей денежной и налоговой политике, но указывать, впрочем, не может. Обычно. Но все происходит совершенно иначе, когда страна получает кредит от МВФ. Такие кредиты выдаются только под строгие обязательства, и обязательства тщательно проверяются. Никаким иным способом нельзя оказать извне настолько прямое влияние на политику страны. – Маккейн обхватил рукой указательный и средний пальцы. – Вы понимаете? Через МВФ мы можем помешать тому, чтобы страны с переходной экономикой разрушали окружающую среду, поспешно начиная индустриализацию.

Джон смотрел на Маккейна так, словно видел его впервые. Сам он, и в этом следовало признаться сразу, никогда в жизни не додумался бы до такой идеи.

– Через МВФ, да, – кивнул он. – Но как вы собираетесь влиять на МВФ?

Маккейн пожал плечами.

– Добрым словом. Предложениями о сотрудничестве. Или, что было моей самой смелой задумкой, чтобы «Фонтанелли энтерпрайзис» стал первым членом МВФ, не являясь страной.

Джон невольно открыл рот.

– Вот это действительно смело.

– Не слишком. В данный момент стоимость МВФ, общая сумма взносов, составляет около 190 миллиардов долларов, половина из которых к тому же внесена в неконвертируемых валютах, то есть деньгами, которые нельзя использовать. Нам бы ничего не стоило заплатить даже больше, чем США.

На миг Джон снова почувствовал, что внутри у него разрастается чувство непобедимости, которое не покидало его на протяжении целого лета, которое было даже лучше, чем секс. Но в каких бы сосудах ни хранилось такое ощущение, его собственный, похоже, дал трещину, поскольку чувство непобедимости уходило, оставляя только смутное неприятное ощущение.

– Не думаю, что они примут нас.

Маккейн поглядел в окно.

– Это только вопрос времени, – сказал он. – Эра стран миновала. Некоторое время люди еще будут за нее цепляться, как за бабушкин сервиз, который никогда не используется, поскольку его нельзя мыть в посудомоечной машине, но одно из следующих поколений уже перестанет понимать, зачем нужна страна. – Он показал рукой в окно, на витрину книжного магазина, где были выставлены книги о давно закончившихся Олимпийских играх в Атланте. – Вы это еще застанете, уж поверьте мне. Однажды на Олимпийских играх атлеты станут выступать не от имени страны, а от имени концерна.

– А мы не можем учредить премию? – однажды вечером размышлял Джон, когда они летели высоко над Тихим океаном. – Что-то вроде Нобелевской премии, только за защиту окружающей среды?

Маккейн, который, как обычно во время полетов, изучал документацию, писал замечания на меморандумах и проектах договоров или диктовал письма, поднял глаза от блокнота.

– Премию Фонтанелли?

– Не обязательно. Но мне видится ежегодная премия людям, которые сделали что-то

в ключе пророчества. Я имею в виду, что это могло бы стать стимулом. Заставить мыслить иначе. И благоприятно повлияло бы на наш имидж.

Маккейн постучал себя кончиком ручки по лбу.

– Вы *хотите* учредить такую премию? – спросил он.

Фразовое ударение показалось Джону несколько своеобразным.

– Да, – ответил он.

– Так сделайте это.

– Я? – Джон с сомнением посмотрел на него. – Я понятия не имею, как происходит нечто подобное.

Маккейн задумчиво положил ручку на блокнот.

– Вам и не надо представлять себе, *как* что-то делается. Помните, что я сказал вам во время нашего первого разговора? Деньги могут все, деньги заменяют все, деньги победят все. Вам нужно только знать, *чего* вы хотите. А по поводу того, *как* это осуществить, – пусть думают другие.

– А кто, к примеру?

– Позвоните в организационный отдел, вызовите к себе кого-нибудь в офис и скажите ему, что хотите сделать. Все просто. И он сделает это, в конце концов, именно за это он получает деньги. – Маккейн улыбнулся. – Кстати, я считаю это отличной идеей.

Один из их рационализаторских проектов, фирма «ХЬЮДЖМУВЕР», мировой лидер в области строительных машин, выдала неожиданные результаты: профсоюз решил забастовать.

– Привет, Джим, – произнес Маккейн, когда началась видеоконференция. – Мы тут услышали то, во что верится с трудом.

Джон сидел несколько в стороне, за пределами видимости для камеры, – так посоветовал ему Маккейн.

– Наверное, это будет отвратительно, – заметил он.

Джим Строс, председатель совета правления «ХЬЮДЖМУВЕР», оказался робким на вид, мягким человеком с такой розовой кожей, какая бывает у только что выкупанного младенца. Но во взгляде, которым он смотрел с экрана, было что-то упрямое. Дональд Раш, его заместитель, сидел рядом с ним и, похоже, хотел выяснить, можно ли сломать ручку голыми руками.

– *Well* [49], я бы солгал, если бы стал утверждать, что не понимаю этих ребят, – заявил Строс. – Сократить зарплаты на 20 процентов, увеличить рабочее время на 2 часа, и все это сразу, без переговоров, просто ввести? Вы бы тоже забастовали, Малькольм.

– То, что сделал бы или не сделал бы я, обсуждению не подлежит. Вопрос в том, что сделаете вы, Джим.

– *Well* , полагаю, мы будем вести переговоры.

– Именно этого я не хотел бы слышать. Ваши зарплаты нереальны по сравнению с мировым рынком, а ваше рабочее время заставляет предположить, что «ХЬЮДЖМУВЕР» – это парк развлечений.

– Малькольм, вы наверняка помните, что я с самого начала просил не спешить. Изменения слишком серьезны и происходят слишком быстро. Я говорил вам об этом.

Джон заметил, как челюсти Маккейна несколько раз шевельнулись, словно он жевал жвачку.

– При случае прочтите в словаре, что такое «самоисполняющееся предсказание». И вы не станете проводить переговоры.

– Мы не можем иначе. Хорошие отношения с профсоюзом – традиция компании «ХЬЮДЖМУВЕР».

---

[49] Что ж (*англ.*).

Маккейн опустил голову и принялся ожесточенно массировать переносицу. Возникла пауза, казавшаяся тем страшнее, чем дольше она длилась.

– У меня и так было плохое настроение, – наконец произнес Маккейн, – а тут вы еще использовали слово, на которое у меня аллергия. *Традиция* . Сегодня не ваш день, Джим. Вы уволены.

– Что? – Джима сейчас можно было бы использовать как великолепную иллюстрацию понятия «перекошенные черты лица».

– Дональд, – обратился Маккейн к заместителю Строса, – скажите мне, будете ли вы вести себя лучше?

Здоровый, как бык, мужчина сломал свою ручку.

– Эмм… мистер Маккейн, сэр…

– Дональд, простой вопрос – простой ответ. Вы сделаете лучше? Да или нет?

– Э… – Раш бросил остатки своей ручки на документы, метнул на человека, который до недавнего времени был его начальником и который все еще пытался совладать с собой, неуверенный взгляд. Потом, похоже, понял, *что* поставлено на карту. – Да, мистер Маккейн.

– Что вы будете делать, Дональд?

– Я не буду вести переговоры. Пусть бастуют. Мы справимся с этим.

– Вы мой человек, Дональд. Вы получите новые документы в ближайшем будущем. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы мистер Строс тоже получил свои. – И с этими словами Маккейн отключился.

На миг он замер, глядя на мерцающий монитор, затем посмотрел на Джона.

– Это показалось вам слишком жестоким?

– Да, – сказал Джон.

Маккейн серьезно кивнул.

– Иногда иначе нельзя. Сейчас мы должны продемонстрировать решимость.

Журнал «Тайм мэгэзин» напечатал большую статью о забастовке в компании «ХЬЮДЖМУВЕР», прикрепив к ней иллюстрацию, основанную на афише старого фильма с Теренсом Хиллом и Бадом Спенсером, только их лица были заменены лицами Джона Фонтанелли и Малькольма Маккейна, а название гласило: «Правая и левая рука дьявола». Соответствующая статья была безжалостной, называла интерес Джона к защите окружающей среды «показным», а деловые приемы Маккейна «рыцарским разбоем».

Джон почувствовал, что во время чтения у него покраснели уши, выступил пот. Его удивляло то, с каким спокойствием пролистал журнал Маккейн.

– Что-то мне постепенно начинают надоедать такие вещи, – наконец произнес он. – Все равно по плану мы собирались покупать медиаконцерны – газеты, телерадиокомпании и так далее. – Он захлопнул журнал и, не глядя, отшвырнул его в сторону. – Настало время заняться этим.

Приближалось Рождество. Над Темзой все чаще висел туман, распространяясь на город, заколдовывая высотные дома, превращая их в жутковатые замки троллей, а уличные фонари – в эльфийские огни.

Победителем предрождественских продаж в этом году стали товары с буквой «*f* ». Люди покупали шапки, чашки, брелоки для ключей, шарфы, папки для документов и в первую очередь рубашки, все белое – не считая темно-красной, с фиолетовым отливом, размашистой буквы. Невероятно, но факт: одни только лицензионные сборы за использование логотипа принесли в кассу сотни миллионов долларов.

Пятнадцатого декабря Джон и Маккейн произвели слияние компаний «Боинг» и «Макдоннел Дуглас», и получившаяся компания стала крупнейшим самолетостроителем мира. Комментарии экономических журналов касались в основном быстро разрастающейся сферы влияния концерна Фонтанелли, и в ближайшие годы ожидалось множество подобных

слияний.

Ситуация с компанией «ХЬЮДЖМУВЕР» застряла на мертвой точке. Профсоюз бастовал, руководство предприятия отказывалось проводить переговоры. После Рождества и Нового года пришлось не только смириться со спадом производства, но и порадоваться ему с учетом пустых книг заказов, однако в новом году появились новые поручения и заказы, с которыми не удавалось справиться только силами неорганизованных рабочих.

– В США трудовое законодательство запрещает увольнять бастующих, – огрызался Дональд Раш. – Мы стараемся покупать как можно больше у наших заграничных дочерних компаний, каждую неделю проводим больше реорганизаций, чем обычно за год, но границы возможного уже близко. И с экскаваторами мы их почти достигли.

Маккейн держал руки возле рта, словно в молитве.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Нанять новых людей, – ответил начальник «ХЬЮДЖМУВЕР». – Трудовое законодательство не запрещает нанимать штрейкбрехеров. У нас кризис, другие фирмы тоже рационализируются, а из-за границы приезжают хорошие специалисты, готовые работать за небольшие деньги. Кроме того, мы уже настолько упростили рабочие процессы, что нам даже не обязательно нужны специалисты. Раньше проблема забастовок всегда заключалась в том, что мы были завязаны на людей, но теперь уже нетрудно найти новых.

– Профсоюз тоже об этом знает, ведь так? – спросил Маккейн.

– Хм, да, думаю, знает. – Раш смотрел на замершего в ожидании Маккейна. – Ах, вот оно что. Может быть, достаточно будет пригрозить этим.

– Попробовать стоит, – произнес Маккейн.

Два дня спустя бастующие вернулись к работе на условиях урезанной на 20 процентов зарплаты и удлиненной на два часа рабочей недели.

– Ну вот, – прокомментировал Маккейн, и впервые за долгое время на лице его появилось что-то вроде улыбки.

Джона разбудил стоящий рядом с кроватью телефон. Он вскочил, уставился на проклятый аппарат и сначала подумал, что на самом деле он не звонил. Половина третьего ночи. Ему приснилось, точно.

И вот он зазвонил снова, уже наверняка. Плохой знак. Телефон, звонящий в половине третьего ночи, никогда не предвещает радостную новость. Он поспешно снял трубку.

– Алло?

– Ты, чертова скотина… – Женский голос доносился издалека, на заднем фоне раздавались какие-то странные звуки, как будто она звонила из коллектора сточных вод. А еще она говорила по-итальянски.

– Что-что?

– Я сказала, что ты чертова *скотина.* – Голос был пьяным.

Джон провел рукой по лицу, словно это могло заставить мозг работать.

– Вне всякого сомнения, – сказал он, – но не скажете ли вы мне, кто вы такая?

– *Porco Dío* [50]… – Последовала долгая пауза, слышно было только тяжелое дыхание. – Ты ведь еще не забыл меня? Скажи, что ты меня еще не забыл. – Она тихо, с подвываниями заплакала.

Джон ломал голову, но никак не мог вспомнить, чей это может быть голос.

– Мне очень жаль… – нерешительно произнес он.

– Тебе очень жаль? Да. Так и должно быть. Тебе должно быть жаль. Ведь это ты во всем виноват. – Послышался всхлип, при звуке которого в Джоне пробудились смутные воспоминания. – Ты во всем виноват, ты слышал? Ты один. Ты виноват, что Марвин сидит

---

[50] Очень грубое итальянское ругательство.

в тюрьме. Меня тебе тоже когда-нибудь придется соскребать с дороги. Надеюсь, тебе снова будет жаль, скотина ты эдакая. – Трубку бросили с громким скрежетом, как будто звонившей было тяжело попасть по аппарату.

Джон продолжал сжимать в руках трубку, сердце гулко стучало в груди, а он в недоумении смотрел прямо перед собой. Константина. Это могла быть только Константина. Боже мой! А он ее даже не узнал.

Марвин в тюрьме? Непохоже на то, что ей это примерещилось спьяну. Он набрал номер службы безопасности. Трубку взял Марко, голос его был удивительно бодрым для такого времени суток. Джон рассказал ему о случившемся.

– Мне жаль, мистер Фонтанелли. Не могу понять, как она смогла к вам пробиться. Вообще-то ваш номер телефона – тайна всех тайн.

– Наверное, взяла у Марвина. А тот пройдоха в таких делах. Но я звоню не поэтому. – Он объяснил, зачем звонит. Потом надел халат и принялся беспокойно расхаживать по своим похожим на залы комнатам, пока телефон наконец не затрещал снова.

– Все верно, – сказал Марко. – Некий Марвин Коупленд был арестован в Бриндизи. Обвинение в торговле наркотиками.

28

Два стула – вот и вся мебель в квадратной комнате с высоким потолком, где воняло мочой и плесенью. В двери, через которую привели Марвина, было зарешеченное окошко, ее массивные петли казались новыми – похоже, единственная вещь здесь, произведенная в этом веке.

И вот он, Марвин Коупленд, расстроенный и разбитый, едва способный усидеть на стуле. В своей одежде он, похоже, спал на протяжении нескольких недель, а не только те дни, которые провел за решеткой.

– Что произошло? – спросил Джон.

Марвин пожал плечами, скривился.

Наконец он произнес:

– Ну, что могло произойти. Поймали меня.

– На торговле наркотиками? Это правда?

– Ах, *fuck* ! Моя фирма звукозаписи выставила меня на улицу, вдруг. Якобы мой альбом не продавался. А ведь они даже рекламы толком не сделали. Я имею в виду, что нужно время на то, чтобы пробиться среди таких асов, как Майкл Джексон или «Аэросмит». – Он сидел, наклонившись вперед, уставившись в пол, а потом посмотрел на Джона снизу вверх. – А почему «моя фирма звукозаписи»? Это ведь *твоя* фирма звукозаписи. Впрочем, тебе теперь принадлежит полпланеты.

– Марвин, у тебя было сто тысяч долларов. И я запросил данные из «Каската рекордс». Они заплатили тебе аванс в триста тысяч долларов. За полтора года ты промотал почти полмиллиона долларов.

– Чувак, не тебе говорить, с твоим «Джамбо Джетом».

– Это не «Джамбо Джет».

– Да, *shit* , все стоит денег. Я должен ездить на соответствующей машине, как рок-звезда, шмотки и так далее… Ты понятия не имеешь, во что это обходится.

– Ты хочешь сказать, я понятия не имею, во что обходится кокаин? Тут ты прав.

– Парень, парень! Ты бы себя слышал! Я говорил, что деньги изменят тебя. Я тебе говорил.

– Марвин, кокаин! Это же совсем не то, что твоя прежняя травка. И раньше ты категорически отказывался работать дилером.

Марвин откинулся на спинку стула с такой силой, словно хотел сломать ее, запрокинул голову и закрыл глаза. Он выглядел бледным и голодным. Просидел так некоторое время. Сквозь узкое, расположенное под потолком зарешеченное окно падал слабый свет, с улицы

доносился шум, словно кто-то включил его погромче, – сигналы машин и мотоциклов.

– Это комета, – наконец произнес Марвин и снова открыл глаза.

– Комета?

– Хейла-Боппа. Комета. Только не говори, что ты ее еще не видел. Она такая огромная. – Он с шумом выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. – Кометы предвещают несчастье. Это давно известно. А такой человек искусства, как я, чувствует это. Я чувствителен к подобного рода вещам, ясно тебе? Окей, кокс выносит тебя в другое измерение, но и без того… – Какое-то время он качал головой, размышляя. Потом взглянул на Джона. – Ты можешь вытащить меня отсюда?

Джон вгляделся в лицо Марвина, в выражение его глаз. На миг ему показалось, что он видит в них что-то вроде лукавства, но потом там снова осталась только просьба о помощи, сплошная мольба, словно только остатки гордости удерживали его от того, чтобы на коленях умолять вызволить его из заточения.

– За этим я и приехал вообще-то, – произнес Джон, спрашивая себя, действительно ли оказывает Марвину таким образом услугу. – Они сказали, что ты можешь выйти под залог. Не имеешь права покидать город и так далее. – Он глубоко вздохнул и с противным привкусом на языке добавил: – Хотя, если ты сделаешь это, я не разорюсь. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Марвин посмотрел на него так, словно не понял ни слова, потом кивнул:

– Ты все-таки мне друг. Несмотря на все деньги.

Маккейн был не *amused* [51], когда Джон вернулся в Лондон.

– Ваш друг, или тот человек, которого вы таковым считаете, – произнес он, – представляет собой самый явный тип неудачника, который я когда-либо видел. Он ничего не достиг, он никогда ничего не достигнет. Забудьте о нем, Джон. Как можно скорее. Избегайте контактов. Неудачники опасны для людей с высокими целями, поверьте моему слову. Вы можете быть самым способным человеком, который когда-либо ходил по созданной Богом земле, но если вы свяжетесь с неудачниками, все равно ничего не достигнете. Они утянут вас на дно. Они опошляют ваши планы, отравляют вашу жизнь тысячей разных способов, словно ходячая болячка. И я даже не уверен, что они действительно таковыми не являются.

Джон устал, он уже жалел, что не попросил отвезти себя из аэропорта прямо домой. Он был совершенно не в настроении спорить.

– Вы говорите о нем так, словно он крыса какая-то или что-то в этом роде.

– А как вы назовете то, что он делает с этой Константиной? – Маккейн стоял, как скала, на фоне вечерней панорамы Лондона, скрестив руки на груди. – Марко был столь любезен, что рассказал мне всю подоплеку.

– Константина Вольпе – взрослая женщина и отвечает за себя сама, – раздраженно ответил Джон. – А Марвин очень помог мне в трудные моменты жизни. Я ему кое-чем обязан.

– Вы были ему чем-то обязаны? А. Ну, ясно. И когда вы перестанете быть ему обязанным?

– Понятия не имею. – Об этом он еще не думал. Вообще-то, действительно, бесконечно так продолжаться не может. – Что ж, полагаю, теперь мы в расчете.

Маккейн хрюкнул.

– Вы, конечно же, исходите из того, что своими действиями оказали ему услугу.

– Я вытащил его из тюрьмы.

– А дальше? Вы об этом подумали? Вы внесли за него залог, он вышел и может убираться на все четыре стороны?

---

[51] В восторге (*англ.*).

– Примерно так.

– Вы действительно полагаете, что с его затуманенным наркотиками рассудком он способен уйти от пограничного контроля или розыска через Интерпол? Не будьте наивны.

– В таких вещах я считаю его очень находчивым, да, – раздраженно ответил Джон.

Маккейн опустил руки, немного постучал кончиками пальцев по краю стола Джона, затем произнес:

– Ну да ладно, как бы там ни было… Вообще-то я хотел попросить вас, Джон, только об одном: если когда-нибудь вы снова столкнетесь с проблемой подобного рода, обратитесь с ней ко мне. Договорились?

– Что вы имеете в виду под «проблемой подобного рода»?

– Вы понимаете, что я имею в виду. – Маккейн остановился в дверях, положив ладонь на дверную ручку. – Ничего не делайте тайком. Приходите ко мне с такими вещами. Я позабочусь об этом.

Джон поручил проект премии менеджеру по имени Лайонел Хиллман, суетливому человеку с ржаво-каштановой вьющейся шевелюрой; такого же цвета волоски торчали у него из носа – было просто невозможно не смотреть на них во время разговора с ним.

Хиллман с такой энергией окунулся в проект, что, казалось, стал с ним единым целым. Он предложил дать премии имя Геи, античной богини Земли, матери неба и титанов, источника снов, кормилицы растений и детей. Джон, которому все эти ассоциации были неизвестны, с восхищением согласился. В дальнейшем Хиллман собрал комиссию из пяти известных биологов, экологов и защитников окружающей среды из разных частей света, придумал устав и модель фонда – по образцу Нобелевской премии, поручил художнику создать эскиз награды, который всех, кто видел его, заставил бы благоговейно кивать, и, наконец, разработал рекламную кампанию, обещавшую заставить каждого жителя Земли осознать тот факт, что *премия Геи* существует, и понять, каково ее значение, еще до того, как в ноябре 1997 года, в последний понедельник месяца, ее присудят впервые. Момент – ровно две недели до вручения Нобелевской премии – был выбран столь же тщательно, как и место – Копенгаген, город, который должен был соотнести в сознании общественности *премию Геи* с этой высокой сферой.

Он пригласил Джона на фотосессию. Образ матери-земли представляла не кто иная, как Патрисия де Бирс, самая высокооплачиваемая модель в мире, единогласно провозглашенная СМИ прекраснейшей женщиной столетия. И, видит бог, она была действительно красива – настолько, что дух захватывало. Джон скромно остановился в тени – как называется эта штука, что-то вроде большого белого зонтика? – наблюдая за тем, как фотограф дает указания, как одетая в одну только вуаль богиня Земли эротично потягивается, наклоняется и извивается, как сверкают вспышки фотоаппаратов. Если это не подвигнет людей на то, чтобы заняться сохранением природы, то он не знает, что и предпринять.

– Перерыв! – крикнул фотограф. Он дал указания своим помощникам по поводу установки кулис и, оглядываясь по сторонам, заметил Джона.

– А, мистер Фонтанелли!

Он подошел к молодому человеку и пожал ему руку. Фотограф был старше, чем казалось издалека и из-за его подвижности: жилистый мужчина с пшеничными волосами и возрастными пятнами на лице.

– Кертис. Говард Кертис. Лайонел намекал, что, возможно, вы заглянете к нам. Добро пожаловать. Как вам, нравится?

Джон кивнул, колеблясь. Да, он был под впечатлением.

– Классная женщина, правда? Действительно крутая. Абсолютный профессионал, на сто процентов понимает, что как работает, полностью контролирует себя. Настоящий профессионал, правда.

Джон посмотрел мимо него на кулисы. Патрисия де Бирс сидела с прямой спиной

на табурете, сбросив вуаль, чтобы полноватая гримерша чем-то смочила ей грудь, наверное, смывая грим. Из-за такого зрелища ему с трудом удавалось следить за тем, что говорит фотограф.

– Знаете что? – Человек, которого Хиллман назвал лучшим в мире фотографом, отступил на шаг и, прищурившись, посмотрел на Джона. – Один вопрос, мистер Фонтанелли: нет желания кое-что попробовать?

– Только не говорите, что собираетесь меня фотографировать.

– Обязательно.

– Нет.

– Я не понимаю слова «нет», мистер Фонтанелли.

– Ни в коем случае.

– Ради вашего фонда.

– Именно поэтому. Я не хочу выставить премию на посмешище еще до того, как ее вручат впервые.

С очень глубоким вздохом Кертис отошел еще на шаг, почесал подбородок, ни на миг не отводя взгляда от Джона.

– У меня предложение, – произнес он.

– Нет, – сказал Джон, намереваясь просто уйти.

– Я сфотографирую вас вместе с мисс де Бирс и призом. А уже на основании готовых снимков вы примете решение. Пожалуйста. – Кертис поднял руку, прежде чем Джон успел что-либо сказать. – Ради меня. Я обязан сделать это ради своего реноме фотографа.

– А имея в руках готовые фотографии, вы будете обрабатывать меня до тех пор, пока я не соглашусь.

– Слово чести, нет. Можем записать эти слова, пригласить свидетелей, как пожелаете. Если скажете «нет», значит «нет», и точка. – Кертис лукаво улыбнулся. – Но вы не скажете «нет».

Спустя пару дней после фотосессии – он протягивал богине Земли приз, так сказать, передавал в надежные руки, стараясь не смотреть при этом на ее грудь, а затворы щелкали, вспышки сверкали, и так без конца, – он обнаружил за завтраком газету, лежащую таким образом, что взгляду открывалась заметка на одной из последних страниц. Кто-то к тому же еще и подчеркнул ее красным. Джон понятия не имел, кто именно. «Обвинения в торговле наркотиками, выдвинутые против американской рок-звезды, оказались беспочвенными». В тексте говорилось о том, что с Марвина сняли обвинения; первоначальные подозрения оказались ложными.

– Не будьте так наивны, Джон, – сказал Маккейн, когда Джон вошел в его офис и показал ему заметку. – Ваш друг виновен, как Иуда. Мне пришлось подкупить пятерых чиновников полиции и двух судей, чтобы они замяли это дело.

Джон озадаченно смотрел на него.

– Прошу прощения? Подкупить?

– Я ведь сказал, что я позабочусь об этом, правда?

– Да, но подкуп… – Джон показался самому себе страшным провинциалом.

Маккейн терпеливо сложил руки на животе.

– Джон… Вы ведь не думаете, что можно помешать газетам напечатать заголовок «Богатейший человек в мире выкупает торговца наркотиками»? Даже за все деньги мира. Разве вам это понравилось бы?

– Не знаю. То, что мы теперь подкупаем людей, словно какие-нибудь мафиози, мне тоже не нравится.

– А этого никто и не требует. – Маккейн пристально посмотрел ему в глаза, настолько напряженно, что Джон испугался. На миг в комнате воцарилась такая тишина, словно мимо пролетал ангел. – Правильно, что вам это не нравится, – наконец произнес Маккейн. Он говорил так тихо, словно ангел теперь сидел в углу комнаты. – Мне тоже не нравится.

Но если так нужно, я буду давать взятки, я буду лгать и обманывать, я поступлю так, потому что это необходимо для того, чтобы исполнилось пророчество. Вы можете понять меня? Я посвятил этой миссии всю свою жизнь. Я готов отдать за нее душу, Джон. Я серьезен, как никогда. Свою душу.

Джон смотрел на человека, сидящего за столом, заставленным телефонами и мониторами, в костюме с Сэвил-роу, сшитом для того, чтобы излучать власть и величие. Но в этот миг Маккейн излучал одну лишь самоотверженность, самоотверженность, превосходящую все человеческие масштабы. На какой-то миг он вдруг стал больше похож на монаха или кого-то подобного.

Джон откашлялся, посмотрел на свою руку, в которой сжимал газету.

– Да, – сказал он, и это слово показалось ему слишком жалким для ответа. Но в голове было пусто, и он смог добавить только одно: – Спасибо.

С этим он ушел, стараясь не смотреть на Маккейна.

Малькольм Маккейн действительно считал себя кем-то вроде монаха. Однако вечером того дня, заполненного, как обычно, до последней минуты работой без отдыха, принятием решений, которые должны были привести в движение тысячи людей и миллионы долларов, он пришел к выводу, что настало время сделать исключение.

Он потянулся, расправил плечи, бросил беглый взгляд на часы, висящие на стене перед ним и показывающие время в важнейших городах мира. Затем разложил папки с текущими делами поверх разных стопок на своем столе, где, казалось, царил полный хаос, надел пиджак, вынул кассеты из различных записывающих устройств и, уходя из офиса, выключил свет.

Все секретарши уже давно ушли. Он разложил надиктованное по столам, затем направился к лифту, который отвез его прямо в подземный гараж.

За прошедшие десятилетия он не смог выделить ни времени, ни энергии на то, что считал настоящими отношениями, и поэтому искал альтернативы для того, чтобы удовлетворить основные потребности организма. Одну из этих альтернатив представляло собой учреждение, к которому он и направился после недолгих размышлений. Благодаря потрясающей гигиене и репутации абсолютной секретности оно подобрало круг клиентов, готовых платить по действительно эксклюзивным тарифам.

Его приветствовала хозяйка заведения, со вкусом одетая женщина за сорок, которую легко можно было представить в роли директора маркетингового агентства. Она никого не называла по имени, но помнила всех в лицо.

– У нас много новых девочек, – сказала она, – красивых молодых женщин из Азии и Африки…

– Да, да.

Маккейн не совсем понимал, что она хочет сказать. Ему довелось пожить во множестве разных стран, он рос среди людей разных национальностей, разных цветов кожи, и расизм был ему совершенно чужд. Поэтому он и не заметил расизма в этой фразе.

Но он искал кое-что другое. Он медленно прошел вдоль шеренги девочек, очень близко, пристально вглядываясь в каждое лицо. Смотрел в равнодушные лица, в отупевшие лица, в жадные лица, время от времени встречая даже некоторое дружелюбие. Он знал, что непривлекателен – слишком высок, слишком тяжел, слишком неуклюж. Он двигался от одной к другой, пока не нашел в глазах выражение, которое сказало ему, о чем она думает: «Только бы не меня! Я надеюсь, он выберет не меня!»

– Ты, – произнес он, с удовлетворением отмечая ее испуганный вздох.

Она была стройной, но отнюдь не особенной, лицо обрамляли самые обычные волосы до плеч грязно-каштанового цвета. Ему нравилось подниматься с ней вверх по лестнице, видеть сопротивление в ее походке. Его возбуждало сознание того, что она презирает его, но ей придется раздвинуть ноги, потому что у него есть деньги.

Настал май 1997 года. Лейбористы во главе с Тони Блэром составили новое правительство, и новый харизматичный *Prime Minister* [52] пообещал, что все изменится к лучшему. Слушая новости по телевизору, Джон размышлял над тем, имеет ли смысл пригласить к себе как-нибудь и Блэра; как бы там ни было, он был ему более симпатичен, чем его предшественник.

Фотографии Кертиса с Джоном Фонтанелли и Патрисией де Бирс были уже готовы, и, как и предсказывал фотограф, Джону они понравились. После некоторых колебаний и разговора с Маккейном он дал свое согласие на использование этих фотографий в будущей рекламной кампании.

Снова возникли проблемы с компанией «ХЬЮДЖМУВЕР». Профсоюз с помощью итальянских забастовок и намеренного снижения темпа работы пытался вставить палки в колеса рабочему процессу и вынудить руководство пойти на переговоры. Обрисовав им ситуацию, Дональд Раш глядел на них с экрана несколько растерянно.

Лицо Маккейна выражало мрачную угрозу.

– У профсоюза наверняка есть на вашем предприятии ключевые фигуры, функционеры, зачинщики. Вы знаете, кто это?

– Да, – произнес Раш. – Конечно.

– Вышвырните их вон.

У коренастого американца глаза едва не выпали из орбит.

– Но… это ведь незаконно!

– И все равно вышвырните их.

– А потом? Рабочие будут бастовать. И в этом случае я не имею права использовать внешнюю рабочую силу для прекращения забастовки. По крайней мере, согласно действующему законодательству.

– Тогда пошлите тех, кто протирает задницу в креслах, в цеха, – сказал Маккейн. – Инженеров, всех менеджеров нижнего и среднего звена. Сами спуститесь, закрепите отвальный щит. – Он взял в руки листок со списком коллектива компании «ХЬЮДЖМУВЕР». – А еще у вас есть пять тысяч сотрудников с неполным рабочим днем, которых вы можете задействовать, не нарушая законодательства. Скажите им, что если они хотят сохранить работу, то пусть впрягаются.

– Но это… – Раш замолчал, закусил губу и кивнул. – Окей.

Маккейн некоторое время молчал, и тишина была подобна едкой кислоте. Потом он произнес:

– Здесь мы имеем дело с прецедентом. Это нужно протащить. Вы понимаете меня, Дональд?

Лицо Дональда Раша выражало тот факт, что в его интересах понять это.

– Да, мистер Маккейн, – сказал он.

На следующий день в газетах написали о том, что компания «ХЬЮДЖМУВЕР» уволила всех профсоюзных функционеров. Заводы снова забастовали, уверенные в своей победе, поскольку увольнение было неправомерным. То, что теперь руководители отдела продаж оделись в синие рабочие костюмы, сотрудники отдела кадров возились с тяжелыми ключами, а секретарши водили автопогрузчики, тоже вызвало бурю веселья.

Одинокий проектор во главе большого стола для заседаний отбрасывал на стену бледный прямоугольник света. Темнота поглотила дальние уголки комнаты и, казалось, затаилась там, словно пугливый зверек.

– Что вы скажете относительно великой шахматной партии? – поинтересовался Маккейн у профессора Коллинза, пока тот раскладывал свои пленки. – Человек против машин. Каспаров против «Дип блю».

---

[52] Премьер-министр (*англ.*).

Ученый поднял глаза.

– Вынужден признаться, что слушал отчет по этому вопросу лишь краем уха. А что там?

– Закончилась. Каспаров проиграл сегодня последнюю партию, после девятнадцатого хода. Компьютер Ай-би-эм теперь чемпион мира, если можно так выразиться.

Коллинз кивнул.

– Ну а что мне на это сказать? Я думаю, что те, кто усматривает в этом унижение человеческого достоинства, совершенно неверно оценивают турнир. Для меня он просто является признаком того, на что способны компьютеры. Зачем *существуют* компьютеры, зачем вообще существуют машины: чтобы лучше выполнять специальные задачи, чем это может сделать человек.

Маккейн улыбнулся.

– Хорошо сказано.

Отчет начался, как начинаются все отчеты: с оглядкой на деятельность прошлого года. Джон с трудом сдерживался, чтоб не зевнуть.

– Переезд в новое, большее здание, – рассказывал профессор Коллинз, выкладывая картинку ничем не примечательного строения с плоской крышей, – сказался на нашей работе более чем положительно. Мы смогли заполучить много выдающихся работников, хотя из-за условий секретности мы не особенно привлекательны для студентов и докторантов, чего нам, конечно, хотелось бы. Что касается оснащения компьютерами, мы полностью перебрались на RS6000 с операционной системой UNIX, все соединено в сеть и через фаерволл подключено к Интернету; так что в отношении того, что касается условий работы и мотивации людей, я могу утверждать, что все складывается наилучшим образом.

Маккейн благосклонно кивнул. Джон откинулся на спинку кресла и передвинул свою папку с документами на три сантиметра вправо, просто так.

– И мы запустили и оценили первые значимые модели, – продолжал профессор Гарлан Коллинз.

Джон увидел, как тонкие волоски на тыльной стороне его ладоней встали дыбом, и поднял взгляд. В голосе профессора было что-то такое, что было ему очень созвучно. Это был не просто отчет. Исследователь будущего принес пугающие известия.

Коллинз вложил в проектор пленку со сложными диаграммами, больше похожими на электрические схемы. Нервно подвигал ее из стороны в сторону, пока не удовлетворился ее положением на экране, несколько раз откашлялся, и, когда заговорил опять, голос его снова звучал привычно и деловито. Но теперь это было похоже на отвлекающий маневр.

– За последние десятилетия, – объяснял он, – мы наблюдали постоянное увеличение производительности, а значит, и уровня жизни. Это элементарная взаимосвязь, поскольку без учета других факторов средний уровень жизни в первую очередь зависит от средней производительности. Здесь идет речь о положительном контуре регулирования, то есть о самостоятельно усиливающемся развитии: это значит, что если удастся высвободить производительность, которая не используется для непосредственного поддержания жизни, то можно вкладывать средства в образование, в развитие новых орудий труда и вспомогательных средств, благодаря которым производительность снова возрастет и станет легче высвободить еще часть производительности, и так далее. Скачок производительности, которого добился в начале столетия Генри Форд, объяснялся концентрированным разделением труда вдоль конвейера. Сегодня работа на конвейере играет лишь незначительную роль; доля тех, кто трудится на конвейере, столь же мала, как и доля задействованных в сельском хозяйстве. Рост производительности сегодня достигается с помощью высокотехнологичного оборудования, использования роботов, химических добавок, но в первую очередь – благодаря сильно возросшему уровню образования и отточенных методов производства. Более того, возникает метауровень, что означает разработку методик для тех, кто изобретает улучшенные орудия труда, – а это области управления качеством, консультаций по вопросам менеджмента и так далее.

Маккейн воинственно наклонился вперед.

– Все звучит довольно радужно.

– В условиях неограниченной среды так оно и было бы. Но Земля не безгранична. Вместе с ростом производительности происходит – к счастью, не пропорционально – усиленное потребление природных ресурсов. Сырье добывается более эффективно, воздух, вода и земля используются интенсивнее.

– Разве возрастание производительности не приводит к сдерживанию этого? Я помню, что ребенком часто стоял на берегах рек, больше напоминавших вонючие клоаки, загрязненные стоками химических фабрик; сегодня очищение сточных вод вполне по карману, а в реках можно купаться, если захотеть.

– На это нет простого ответа. Неоднократно находили хорошо функционирующие технические решения. Например, последовательная очистка дымовых газов от серных соединений дает гипс настолько высокого качества, что теплоэлектроцентрали вытеснили с рынка традиционные способы добычи гипса. Но очистка содержащих тяжелые металлы сточных вод оставляет очень ядовитые отходы. Или подумайте об изменении климата. Все технологические решения связаны с расходом энергии, а расход энергии неизбежно означает нагревание: питаемый из множества струек могучий поток тепла, способный изменить климат Земли.

Маккейн положил ладонь на стол, послышался негромкий хлопок, прозвучавший в конференц-зале подобно сигналу.

– Хорошо. Как выглядит ваш прогноз? Если все и дальше будет идти так, как шло до сих пор?

Докладчик сменил пленку. На новой картинке было филигранно изображено множество пересекающихся кривых, причем некоторые из них были неаккуратно отмечены толстым фломастером.

– Текущая, на первый взгляд кажущаяся положительной тенденция будет продолжаться еще некоторое время, по меньшей мере лет десять, скорее даже двадцать. При условии, что не будет политических отклонений; на данный момент наша модель недостаточно избирательна, чтобы принимать во внимание подобные вещи. Поэтому мы будем продолжать наращивать производительность, с этим будет связано общее улучшение уровня жизни, менее явно выраженное в более бедных странах, в и без того богатых странах – сильнее. Рост производительности в настоящее время питается в первую очередь эффектами структурирования и интеграции, исчезает все больше препятствий вроде границ, языковых и торговых барьеров и тому подобного; тормозящие рост взаимоисключающие факторы устраняются, высвобождаются резервы производительности, которые раньше приходилось расходовать на то, чтобы преодолеть все эти препятствия. Говоря простым языком, мир срастается: в экономическом, коммуникационно-техническом, культурном – в общем, во всех смыслах.

Маккейн кивнул.

– Честно говоря, не вижу в этом ничего плохого.

– В принципе я с вами согласен. Но ничто не дается даром, и в данном случае цена – потеря былой гетерогенности. Мы не замечаем того, что в этом процессе все наши системы жизнеобеспечения, будь они природного или технического происхождения, становятся все более хрупкими. Типичный эффект монокультур. Возьмите, к примеру, компьютерные вирусы. В плохо соединенном, по большей части несовместимом компьютерном ландшафте появление вируса не представляет проблемы – он поражает один или два компьютера, остальные этого даже не замечают. Но дело обстоит иначе, если у нас есть соединенные в сеть высокоэффективные компьютеры, все с одной операционной системой, все с одинаковым программным обеспечением. Обычно все об этом мечтают, но как только в систему проникает вирус, он может в мгновение ока поразить сотни, тысячи, миллионы компьютеров и парализовать всю систему. Именно это и угрожает нашей системе жизненных основ.

– Компьютерный вирус?

– Нет. Коллапс. Выход из строя.

– Что это означает?

– Мы все сильнее нагружаем на многих уровнях объединенную в сеть систему, уже одной только своей растущей численностью. И неизбежно один из значимых компонентов перейдет предельное значение и перестанет работать. Исключение одного компонента повлияет на всю остальную систему, и, поскольку общая нагрузка высока, существует высокая вероятность того, что другие компоненты тоже перейдут свое предельное значение и тоже перестанут работать, и так далее, как падает ряд костяшек домино, как только падает первая костяшка в ряду. Выход из строя отдельных элементов поразит всю систему целиком, и это произойдет с невообразимой скоростью по сравнению с обычной скоростью изменений в системе.

Джон откашлялся.

– Прошу прощения. Что конкретно я должен под этим понимать? Что ядерная электростанция взлетит на воздух?

– Нет, в качестве спускового механизма это было бы слишком слабым событием. Для выхода системы из строя возможен ряд сценариев, среди которых есть и такие, где он вызывается прямыми действиями людей. Но это события из разряда атомной войны или искусственно вызванной эпидемии. Большинство сценариев исходят из отказа одного из природных ресурсов. – Он разложил карту мира, на которой были изображены морские течения. – Наша действующая в данный момент модель в качестве спускового механизма для катастрофы берет остановку Гольфстрима.

Казалось, при этих словах темнота поползла изо всех углов.

– Гольфстрима? – эхом повторил озадаченный Джон.

Кончиком карандаша Коллинз указал на соответствующую стрелку на карте.

– Североатлантическое течение, как в действительности называется Гольфстрим, несет теплую воду из тропических широт в Европу; та нагревает и увлажняет холодные воздушные потоки, прежде чем они достигают континента, и обеспечивает умеренные температуры и выпадение осадков до самого Урала. Механизм, приводящий в движение это течение, основывается на разнице в солености морской воды и в температуре. Чем дальше уходит на север теплая вода, тем холоднее становится, и, кроме того, из-за испарений ее соленость повышается. В конце концов, она становится *гиперсоленой* , как говорится, а значит, тяжелее всего, что находится под ней; она опускается на дно моря и к юго-западу от Гренландии низвергается большим подводным водопадом в глубину Атлантического бассейна. Создаваемое таким образом подповерхностное течение постоянно поднимает новую теплую воду из Мексиканского залива.

Джон вспомнил свои перелеты над Атлантикой и грандиозные виды бесконечных водных потоков, попытался представить себе, о каких титанических движениях воды идет речь.

– Это ведь гигантский процесс, – сказал он. – И что же может его остановить?

– К сожалению, это довольно просто. – Взгляд Коллинза стал мрачным. – И я не говорю об *ослаблении* Гольфстрима, я говорю о его *иссякании* . Чтобы вызвать его, достаточно повышения температур в Северном полушарии всего на пять процентов. К чему мы и движемся семимильными шагами. – Он положил другую диаграмму, сплошные стрелки и формулы, абсолютно ничего не говорившие Джону. – Хочу в общих чертах обрисовать ход событий. Потепление приводит, как, возможно, уже известно, к усилению таяния полярных ледников. В этой связи мы думаем только о поднимающемся уровне моря и радуемся тому, что не живем в портовом городе. Но что касается нас, европейцев, то поднятие уровня моря – меньшая из проблем. Гораздо важнее то, что полярные льды – это пресная вода. Пресная вода легче морской, поэтому она распределяется по большой площади на поверхности моря, а значит, легче замерзает. С наступлением зимы образуется тонкий слой льда, изолирующий теплые воды тропиков от арктического холодного воздуха, и тот не может ни потеплеть,

ни стать более влажным до того, как достигнет Европы. И наоборот, поскольку вода в тропиках не испаряется, она не становится более соленой и, вместо того чтобы погрузиться в глубину, просто распространяется в северных широтах. Подводный водопад иссякает, а с ним и подводное течение, питающее Гольфстрим. – Ученый обвел взглядом своих немногочисленных слушателей. – И внезапно в Европе установится климат Южной Аляски или Средней Сибири – холодный, сухой, с постоянно промерзшим грунтом. Здесь, в Лондоне, температура даже летом будет подниматься едва ли выше нуля. В Европе живут полмиллиарда человек – куда им деваться, как прокормиться? Цепная реакция политических, экономических и социальных изменений станет концом цивилизации в нашем ее понимании.

Джон почувствовал, что во рту у него пересохло, и готов был поклясться, что ощущает, будто в комнате стало холоднее.

– И как это можно предотвратить? – спросил он.

– Остановить нагревание Земли.

– А как остановить нагревание Земли?

– Сократить выбросы двуокиси углерода.

– А как?.. – начал Джон, но Маккейн перебил его.

– Нет, Джон, не так. Вы идете как раз по неправильному пути. Это линейный путь решения проблемы, и он не работает в сложных системах. Если вы не видите всю систему целиком, то принимаете решения, которые справляются с одной проблемой, но создают дюжину новых и ухудшают ситуацию в двух дюжинах уже существующих. – Он посмотрел на профессора. – Или нет? Я ведь прав?

Коллинз кивнул.

– К примеру, увеличение количества атомных электростанций заметно снизит выброс углекислого газа, но сильно увеличит вероятность аварии с обширным радиоактивным излучением. – Он сделал неопределенный жест рукой. – Кроме того, развитие модели показывает, что кризис в самых разных областях будет все больше заостряться и событие, способное стать спусковым механизмом для катастрофы, со временем будет приобретать все меньший масштаб. Если Гольфстрим сохранится, то десять лет спустя, скажем, будет достаточно сильного землетрясения в Токио, чтобы заставить рухнуть мировую экономику и вызвать голод небывалых масштабов, в ходе которого из-за отчаянных действий, таких как перелов рыбы, сжигание древесины и так далее, будет окончательно разрушена экологическая система. Вне зависимости от этого цивилизация будет становиться все более подверженной влиянию различных эпидемий, с одной стороны из-за того, что возбудителям будет все легче перемещаться по современным путям сообщения на большие расстояния, с другой стороны – поскольку иммунитет все большего количества людей ослабнет по ряду причин. И так далее. Я мог бы предложить вам длинный и страшный список возможных спусковых механизмов, но это будет отвлекать от мысли о том, что это всего лишь спусковые механизмы. В некотором роде детонаторы. А собственно взрывчатым веществом послужат медленная динамика: рост населения, усиление индустриализации, изменения климата и так далее.

Когда проектор выключился, темнота стекала по стенам, словно черная кровь.

– Что из того, что вы сейчас рассказали нам, – поинтересовался Маккейн, – известно другим лицам? Правительству, организациям вроде ООН?

– Трудно сказать, – произнес профессор Коллинз. – Как ни странно, в лице вице-президента Эла Гора в Белом доме появился человек, разбирающийся в этой проблематике; по крайней мере, на такие мысли наталкивает написанная им книга. Я думаю, что американское правительство в принципе располагает сходными данными. Впрочем, для решений, которые они принимают, важны скорее национальные, чем глобальные интересы.

Джон положил ладони на стол – бессмысленный жест, словно ему непременно нужно было коснуться чего-то, удостовериться, что оно реально, что это не сон.

– Насколько точны ваши прогнозы? – негромко спросил он. Голос терялся в тишине

темного зала, и в то же время его невозможно было не услышать. – Насколько надежна программа, профессор?

– Не считая предпосылок, которые восходят к работам Форрестера, Мидоуса и так далее, наша модель в основном базируется на трудах Акира Ониши, который в данный момент разрабатывает *FUGI Global Model. FUGI* – это сокращение от слов *Future of Global Interdependence* [53], то есть уже в самом названии есть указание на будущее, обширное взаимодействие всего происходящего. К этой динамической кибернетической модели, отдельные части которой были разработаны выдающимися специалистами, мы добавили факты, отобранные на основании исторических данных. Это означает, что наши модели начинают работу с 1900 года и их данные должны совпадать с тем, что мы наблюдали вплоть до сегодняшнего дня. Поскольку так и получается, мы исходим из того, что мы верно поняли систематические взаимодействия и поэтому расчеты на будущее верны.

Маккейн сложил руки.

– А та модель, о которой вы говорили, *FUGI* , она дает те же результаты?

– Нет. Профессор Ониши работает на ООН; он пытается получить прогноз будущих миграций и потоков беженцев. – Коллинз указал на пленку, все еще лежащую на проекторе. – Помимо этого в некоторых существенных моментах мы придерживаемся принципиально иного мнения. Иначе мы могли бы просто перенять его модель.

– Понимаю. – Маккейн отодвинул кресло. Раздался негромкий скрежет, напомнивший Джону похороны деда: когда могильщики закрыли крышку гроба и принялись закреплять ее, звук был точно такой же.

Никто ничего не сказал. Казалось, тишина слилась с темнотой. Быстро холодало или ему это только казалось?

– Следовало бы, – нервный голос профессора Коллинза нарушил молчание, – принять решение относительно того, что делать дальше. Опубликовать ли результаты исследования…

– Нет, – сразу же произнес Маккейн. Шумно втянул носом воздух, сжал подлокотники кресла. – И без того было опубликовано достаточно мрачных прогнозов. Это ничего не дает. Никто не хочет об этом знать. Я, кстати, тоже. – Он встал, очень резко, словно лопаясь от избытка энергии. – Я хочу знать, как мы можем это предотвратить. И тут нам должна помочь ваша модель. Вы завтра еще будете в Лондоне?

– Да, – кивнул профессор Коллинз, – у меня номер в…

– Хорошо. Соберемся завтра утром. Возьмите с собой этот пухлый том, описание системы. Мы определим все элементы, на которые можем влиять посредством «Фонтанелли энтерпрайзис», а также степень этого влияния. – Он прошелся в темноте, сделал пять шагов, повернул обратно, сделал пять шагов в другую сторону. – Вы создадите модели всех комбинаций возможных параметров влияния. Пока мы точно не будем знать, какая стратегия поможет предотвратить катастрофу.

Профессор Коллинз шумно вздохнул.

– Вы осознаете, что придется совершить довольно много попыток? Количество всех возможных комбинаций быстро переходит в миллионы и миллиарды…

Маккейн продолжал стоять.

– Ну и что? Вы получите столько быстродействующих компьютеров, сколько будет нужно. Я куплю вам «Дип блю», если вы сумеете его применить. Он ведь тем и занимался, что просчитывал миллиарды возможных комбинаций ходов? И он выиграл. – Его глаза сверкали. – И мы поступим точно так же.

Поезд проезжал мост через Эльбу, мимо проносились опоры. Открывался вид на гавань. Ярко сияло солнце, грузовые краны казались похожими на стадо древних

---

[53] Будущее глобальной взаимной зависимости (*англ.*).

животных, пасущихся в сверкающей реке. Гамбург, да, а почему бы и нет? Урсула Вален подышала на стекло, наблюдая за тем, как запотевшее пятно тут же снова исчезает. Если она действительно решит уехать из Лейпцига. Если найдет место – хотя даже не была уверена в том, что желает этого.

Зачем она здесь? Неужели действительно хочет заниматься рекламно-информационной деятельностью для торгового концерна? Конечно же, нет. Правда была в том, что она искала выход.

Оглядываясь назад, она понимала, что было ошибкой пытаться предотвратить неизбежное. Дела в магазине электроприборов, который открыл ее отец вскоре после объединения, поначалу шли хорошо, да. Но недостаточно хорошо. По крайней мере, ей нужно было настоять на том, чтобы он переехал в другое, более дешевое помещение, прежде чем начать затыкать постоянно открывавшиеся дыры собственными деньгами, подписывать долговые обязательства, по которым ей придется платить всю жизнь. Самое позднее – в тот момент, когда так безумно высоко подняли арендную плату. Но… Не помогло ни расширение, ни новые сотрудники, ни реклама в трамвае. Наконец ее отец сдался и стал радоваться тому, что получил место у одного из своих бывших клиентов.

Таков итог двух лет кропотливой работы: денег нет, по уши в долгах, вместо звания доктора в последнюю минуту едва успела получить степень магистра, причем с такими оценками, что диплом едва ли стоил бумаги, на которой был напечатан.

И что огорчало ее сильнее всего, так это то, что в конце концов именно большие траты на уход за дедом и положили конец бизнесу ее родителей. Почему все эти нацисты так чертовски долго живут? Восемьдесят восемь весен повидал ее дед, все еще бодрый, жесткий, словно выдубленная кожа, твердый, словно высококлассная сталь, полный бредней проклятого гитлерюгенда. Он подстрекал дряхлых идиотов вокруг себя, настраивая их против руководства дома престарелых, терроризировал санитаров-иностранцев расистскими высказываниями, а то, что некоторые темнокожие в итоге категорически отказывались иметь с ним дело, похоже, наполняло его огромной радостью. Расхлебывать же все это приходилось ее родителям, ясное дело. Если это вообще возможно, то после объединения Германии с ним стало еще труднее, чем прежде. Во времена ГДР он хотя бы время от времени пару лет проводил в тюрьме.

– Надо было вам меня отравить, – вот и все, что он сказал им, когда они в очередной раз упрекнули его в том, что он разрушил все их мечты.

Несмотря на то что Урсула Вален не верила в Бога, в ее душу иногда закрадывалось подозрение, что Он все же существует и теперь не торопится звать деда к себе, потому что не хочет с ним возиться.

Сутолока вокзала окружила ее. Огромный зал, в достаточной степени похожий на такой же в главном вокзале Лейпцига, чтобы на какой-то жуткий миг заставить ее подумать, будто она вернулась обратно. Девушка вышла из поезда, позволила потоку пассажиров нести себя, пытаясь думать о предстоящем разговоре, а перед глазами все стояли родители. Они были старыми и усталыми, простые люди, которые хотели всего лишь нормально жить и единственным светочем для которых была она, их дочь. Что бы ни увело ее из Лейпцига, все сводилось к тому, что она оставила их одних.

Она задумчиво изучала схему метро, выбирая нужную линию. Похоже, в Гамбурге немногое изменилось с тех пор, как она была здесь в последний раз. Два года назад, почти ровно два года. Тот визит оказался прибыльным, но, несмотря на это, все приходившие после запросы она отвергала, сама не зная почему.

Три часа спустя все закончилось. Ей сказали, что позвонят, но этот тон голоса она уже научилась понимать. Сквозь большие стеклянные вращающиеся двери она вышла на улицу, остановилась, закрыла глаза, сделала глубокий выдох, словно все это время задерживала дыхание. Облегчение. И полдня до отправления поезда обратно.

– Гамбург? Тогда вы непременно должны заглянуть в «Параплюи бле», – сказал ей кто-то, когда она мимоходом упомянула о предстоящей поездке.

– Что такое «Параплюи бле»? – поинтересовалась она.

– Бистро неподалеку от Гусиного рынка. Реклама – синий зонтик, мимо не пройдете.

– И что в нем такого особенного?

– Просто загляните туда, – сказал он ей, работник прессы, в прошлом репортер журнала «Штерн», теперь – высокий чин в «Лейпцигер».

Не заметить его было действительно невозможно. На тихой боковой улочке, в стороне от переполненных рядов Гусиного рынка балансировала на одной ноге кукла без лица, держа в вытянутой руке большой, метра три в диаметре, синий зонтик, который все время то раскрывался, то складывался. Урсула вошла, огляделась по сторонам. Здесь было довольно людно, пахло поджаренным хлебом и ветчиной, и вдруг она поняла, что проголодалась. Села на табурет у стойки.

Стоящий за ней мужчина нацедил два пива, поставил их на поднос, затем обернулся к ней. Меню выпало из рук Урсулы.

То был Вильфрид ван Дельфт.

– Что вы здесь делаете? – удрученно спросила она.

Похоже, ван Дельфт был удивлен не меньше нее. Поднял полотенце, выпавшее из руки, криво улыбнулся.

– Работаю.

Она невольно огляделась по сторонам в поисках забитых рукописями, журналами и книгами полок, поискала детские рисунки, приколотые к стене, но нашла только зонты всех цветов и форм, стойки для зонтов, фотографии дождя в городе – в рамках.

– Но…

Ван Дельфт посмотрел куда-то мимо нее. Его подбородок вдруг стал каким-то стальным.

– Я думал о том, чтобы позвонить вам и рассказать об этом, – произнес он. – Что меня вышвырнули вон.

29

Ближе к двум часам бистро значительно опустело, и у ван Дельфта нашлось время присесть к ней за столик и поговорить.

– Это заведение принадлежит моему брату и его жене. Удивительно, сколько денег приносят подобные вещи; можно даже поддаться искушению, – с мимолетной улыбкой на губах произнес он. Очень мимолетной улыбкой. – Но, конечно, не этим мне хотелось бы заниматься до пенсии.

Урсула Вален все еще не знала, что сказать. Она съела салат с жареной куриной грудкой, наблюдая за тем, как ван Дельфт записывает, подает, принимает деньги, все с удивительным спокойствием, и в голове у нее проносились тысячи вопросов. А теперь остался только один:

– Почему?

– Официально, – сказал ван Дельфт, – это было неизбежное увольнение в ходе внутренней реструктуризации. – За этими словами последовала пауза, недвусмысленно дающая понять, что это не вся история и к тому же неправда. – Одного вышвырнули за то, что он взял домой пригоршню шариковых ручек. Сувенирная продукция по тридцать пфеннигов за штуку, для своих детей. Нелояльность. Они в буквальном смысле слова шпионили за ним, пока не нашли повод, к которому можно придраться. Я имею в виду, что со мной тоже могло произойти нечто подобное. С этой точки зрения мне еще повезло.

– Но кому могла прийти в голову идея уволить кого-то вроде вас, с многолетним стажем…

– Сейчас я мог бы процитировать Гамлета, но не буду. Методика до ужаса простая. Вы ведь знаете, что «Грунер и Яр», как вот уже половина планеты, принадлежит концерну, созданному вашим симпатичным наследником триллиона, который любит природу? Что ж,

я был настолько самоуверен, что решил, будто могу противостоять установившейся с тех пор цензуре.

– Цензура?

– Конечно, никто не звонит из Лондона и не говорит: «Это вы можете печатать, а это нет». Настолько грубо мог действовать разве что Геббельс или Рэндольф Херст, но сегодня? Нет, если сегодня хотят что-то замолчать, то просто заполняют имеющиеся в распоряжении средства массовой информации чем-нибудь другим, предпочтительно всякими сплетнями о незначительных знаменитостях, и оправдываются тем, будто именно об этом желают читать люди. И нужно печатать то, что люди желают читать, иначе можно потерять рынок, квоты и объемы объявлений и погибнуть в безжалостной конкуренции, это ведь ясно? И вот уже никто не узнает, что эта африканская война, этот голод, это политическое мнение вообще существуют. – Он переставил свой бокал на мраморный столик. – Все знают, каковы темы, относительно которых наверху якобы имеется мнение, что именно они обеспечивают рынок и рекламодателей, а какие нет. И если кого-то увольняют, то всегда есть хорошая нейтральная причина, вынужденная необходимость, что-то в этом роде. Но все знают, что на самом деле его увольняют потому, что он не нравится хозяевам в Лондоне.

Урсула смотрела на человека с рыжими волосами. Ван Дельфт немного раздобрел с тех пор, как она видела его в последний раз, да и таким здоровым, как прежде, он уже не выглядел. Девушка не знала, что сказать. И не хотела верить в то, что он говорил.

Ван Дельфт испытующе смотрел на нее.

– Вам кажется, что это звучит параноидально? Как оправдания неудачника?

Она пожала плечами.

– И что же вы натворили?

– Пропустил репортаж о катастрофическом положении дел на болгарском химическом заводе, который входит в группу Фонтанелли. Отвратительный контраст по сравнению с хвалебными гимнами, которые распевают обычно по поводу их акций по защите окружающей среды и концепций вторичной переработки. Он вышел на четырех страницах, с семью цветными фотографиями, неделю спустя заговорили о реструктуризации, а к концу месяца я оказался на улице. Пособие уплачено, ясное дело. Но в моем возрасте – это конец, все.

– Но ведь от этого за версту несет!

– Конечно. *Должно* нести. Как думаете, насколько осторожны теперь остальные, ведь у них дети учатся, ипотеки не выплачены? Террор в прямом смысле этого слова. Террор, облаченный в бархатную ложь о производственной необходимости и давлении квот. – Ван Дельфт посмотрел на свой бокал, решительно поднес его к губам и опрокинул в себя содержимое – самую обычную воду. – Ладно, я поплакался. А как дела у вас? Что привело вас в Гамбург? Как учеба?

Коротко, с отсутствующим видом, она рассказала ему то, что можно было рассказать.

Теперь настала его очередь выглядеть расстроенным.

– Боже мой, Урсула! Вы ведь собирались защищать диссертацию? Оценить архив семьи Вакки и переписать экономическую историю последних пятисот лет?

– Да. – Она убрала волосы со лба, стянула их сзади, сжала рукой. Бесполезно. Все равно нет заколки. – Детские мечты. Вместо этого я сочиняла коммерческие предложения и вела бухгалтерию. Могу рассказать все о прокладке кабельной сети *Ethernet* , все, что хотите знать.

Вот теперь он по-настоящему забеспокоился.

– Это ведь было вашей мечтой. Вашей целью. Вы сказали, что флорентийский архив – подарок судьбы…

Урсула Вален посмотрела на край бокала, в котором отражались окна бистро.

– Подарок судьбы… Да, тогда мне все казалось именно так.

Некоторое время Кристофоро Вакки постоянно звонил, интересуясь, как у нее дела. Никогда не пытался настаивать, торопить. Просто в какой-то момент перестал звонить.

– А теперь? Я имею в виду, ведь еще ничего не решено. Что мешает вам написать свою диссертацию?

– К примеру, долги. Я должна зарабатывать деньги. И, кроме того, кто я такая? Одна из множества женщин, которые получили степень магистра и не знают, что с ней делать.

– Вы – женщина, которой Вакки предоставили доступ в архив.

– Интересно, почему они это сделали. – Она смотрела в пустоту, думая о том времени, об узких полках, заставленных книгами счетов, запахе пыли и кожи, завещании под стеклом… И покачала головой. – Нет. Эта глава закончилась.

Казалось, ван Дельфт хотел сказать что-то еще, но потом задумчиво посмотрел на нее и произнес:

– Вам лучше знать.

Некоторое время они смотрели на прохожих за окном, потом Урсула Вален негромко спросила, не глядя на ван Дельфта:

– Он действительно стал таким могущественным? Я имею в виду Фонтанелли.

– Так говорят. Я не очень разбираюсь в финансовом мире, но время от времени я встречаюсь с Джо Йеннером из экономического отдела – может быть, вы его еще помните, он всегда так шикарно одевался, носил очки в стиле пятидесятых…

– Да. Думаю, я знаю, о ком вы говорите. Он всегда был несколько бледноват.

– И он становится еще бледнее, когда речь заходит о Фонтанелли. Он говорит, что сложно даже представить, каким гигантом он стал. По его мнению, триллион долларов с самого начала был словно куча взрывчатки, достаточная, чтобы взорвать квартал. Но Фонтанелли расфасовал взрывчатку на маленькие пакетики, разместил их в стратегически важных местах, соединил проводами и проволокой. И теперь нажатием кнопки может заставить взлететь на воздух весь мир, в переносном смысле слова, конечно же.

– Мы должны наконец что-то сделать, – произнес Джон, отодвигая поднос.

Подали жаренное на гриле мясо индейки с салатами, но притронуться к нему он не смог. Тарелки уберут и вымоют, моющее средство со связанными жирами выльется в сточные воды. Все окажется в следующем очистительном сооружении, а потом Джон уже не знал, что будет. Разговор с профессором Коллинзом отбил у него аппетит.

– В принципе вы правы, – жуя, произнес Маккейн. – Но сначала нужно знать, что именно.

Коллинз снова уехал, имея в багаже рабочий план гигантских размеров и согласие на перечисление денежных средств, достаточных для того, чтобы увеличить количество компьютеров в десять раз – компьютеров, которые будут работать день и ночь, чтобы просчитывать миллиарды симуляций. Несмотря на это, только через три месяца можно было ожидать результатов – первой стратегии, первой рекомендации к действию.

С того самого вечера Джон стал плохо спать и днем не мог отделаться от ощущения надвигающейся опасности. Он с трудом заставлял себя читать газеты, а вечерами иногда пытался просто напиться.

– Вот уже два года, – сказал он, сжимая пальцы, – мы только и делаем, что скупаем фирмы. Но единственное, чего мы добились, это того, что теперь тонны формуляров печатаются на вторичной бумаге вместо обычной. Ведь это не то, верно?

Маккейн кивнул.

– Верно. Это не то.

– Будущее человечества. Дело в нем, ведь так? Но если послушать профессора, то с ним покончено. Будущего нет. Когда все закончится – только вопрос времени. В любом случае все закончится катастрофой.

– Если ничего не произойдет.

– Но что должно произойти?

– Он рассчитает это для нас.

– А потом? Мы сможем это осуществить? Обладаем ли мы властью для этого? Мы вообще обладаем властью? Можем ли мы действительно на что-то повлиять? Скажите мне.

Маккейн повернул к себе вилку, разглядывая зубцы, словно впервые в жизни задался вопросом, как она работает.

– У нас есть власть, – негромко произнес он. – Конечно, у нас есть власть.

– Но какого рода власть? Армии сдвинутся с места, если мы захотим? Мы можем приказать арестовать людей? Мы можем увольнять людей, вот и все.

– Вы ведь не всерьез? Чтобы армии сдвинулись с места, я имею в виду.

– Я просто хочу знать, каким влиянием мы вообще обладаем.

– Понимаю. – Маккейн снова занялся своей тарелкой, наколол на вилку кусок поджаренного на гриле мяса, положил его в рот, раздавил зубами. – Понимаю, – еще раз повторил он. – Ну, хорошо. Не повредит, если мы покажем когти. Проверим теорию на практике.

– На всем азиатском континенте существует проблема перенаселения, – пояснял Маккейн, стоя перед большой картой мира, украшавшей стену его офиса. – Китай кое-как борется с этим, и, что удивительно, это даже немного помогает, Индия по крайней мере пытается, хоть и без особого успеха. Абсолютно безнадежна ситуация на Филиппинах. Здесь по-прежнему правит римско-католическая церковь, практически все методы контрацепции считаются грехом или запрещены, филиппинский *machismo* [54] требует от мужчин иметь как можно больше сыновей, поэтому люди размножаются с такой скоростью, что даже становится страшно. – Он постучал пальцем по россыпи островов. – Вот здесь и начнем.

Джон скрестил руки на груди.

– Полагаю, с крупной рекламной кампании, поскольку мы являемся крупнейшим производителем презервативов и противозачаточных таблеток в мире.

– Слишком дорого, слишком хлопотно, слишком медленно, слишком безрезультатно. Вспомните то, что я говорил вам о Международном валютном фонде. Это рычаг. Мы поставим под финансовое давление весь регион – Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины и так далее, проведя сосредоточенную умозрительную атаку на все валюты этих стран. МВФ придется вмешаться, он предоставит финансовую помощь, и одним из условий станет массовое ограничение рождаемости.

– Вы уверены?

– Вы сами полетите в Вашингтон и расскажете директору МВФ об этом как о нашем условии прекращения финансовых атак. – Маккейн злобно улыбнулся. – У Камдессю самого шестеро детей. Я полагаю, что он не особенно обращает внимание на контроль рождаемости. Нам придется ему как следует помочь.

Джон смотрел на карту мира и пытался сглотнуть так, чтобы Маккейн этого не заметил. Он сам?.. Начинается.

– И какими же будут эти финансовые атаки? – спросил молодой человек; во рту у него совсем пересохло.

– Почти все валюты в том регионе привязаны к курсу доллара, а значит, были переоценены с тех пор, как вырос доллар. Это уменьшает шансы экспорта, но правительства и фирмы берут большие кредиты в долларах США, которые после обесценивания, конечно же, будет трудно выплатить. Чтобы защититься, они начинают менять местные деньги на доллары. Как поступим мы: будем по-крупному подписывать срочные контракты по обмену доллара на национальную валюту со сроком действия от одного до двух месяцев. – Он взял в руки тонкий переплетенный меморандум, в уголке которого красовались *«f»* Фонтанелли и красная косая черта, характеризовавшая его

---

54 Культ мужественности (*англ.*).

как конфиденциальный документ руководителя. – Наши аналитики уже все подсчитали. Нам нужно только выйти на критическую величину таких контрактов, тогда центральные банки будут вынуждены отойти от доллара и обменный курс упадет; после определенного момента мы сможем покупать те валюты дешевле, чем продавали. Джордж Сорос однажды проделал подобный маневр с британским фунтом и при этом мимоходом обрушил европейскую валютную систему. Верное дело, которое, кроме сочувствия со стороны МВФ, принесет нам немалую прибыль.

Джон взял в руки меморандум, пролистал его, посмотрел иллюстрации и расчеты. Спросил себя, когда Маккейн мог дать это поручение. Или аналитический отдел постоянно производит подобные планы военных действий? Вероятно.

– А если МВФ останется глух к нашей просьбе?

– Не останется. Он *должен* вмешаться, предоставить кредиты в несколько десятков миллиардов долларов. В новостях все это назовут «программой поддержки» или «немедленной помощью», но если присмотреться внимательнее, станет понятно, что эти миллиарды пойдут только на то, чтобы перетечь в наши кассы. И в кассы тех, кто будет запрыгивать на ходу в поезд. МВФ придется прислушаться к нам, иначе мы его просто высосем.

Невероятно. Внезапно Джон снова почувствовал зуд в груди, ощущение восхитительного триумфа. Значит, у них все же есть власть. Значит, деньги – самая большая власть на земле.

Но у чувства победы еще оставался отвратительный привкус.

– Но если это удастся, то только потому, что эти государства испытывают финансовые трудности, ведь так? Мы зависим от этого?

– Нет. – Маккейн покачал головой. – Если мы согласимся потерять пару миллиардов долларов, то сможем проделать это почти с любым государством на планете, и неважно, насколько хорошо у него обстоят дела с финансами.

Отвратительный привкус исчез. Джон прочел последнюю строчку плана, изучил итоговые цифры. «Все суммы указаны в долларах», – было написано сверху. Большие суммы.

– Вы уверены, что нам хватит для этого средств? – спросил он.

Маккейн, бесстыдно усмехаясь, взял у него тетрадку и швырнул ее обратно на свой стол.

– Никто не говорит, что это должны быть наши средства. Нет, мы только дадим толчок. Позднее я полечу в Цюрих на переговоры с объединением банков. Благородные господа весьма отзывчивы и готовы инвестировать по нашим указаниям крупные суммы. Очень крупные суммы. Если я заставлю их подчиниться нашему сценарию, все может начаться уже завтра. А я заставлю их, не беспокойтесь.

Джон последовал за ним, и ему казалось, что с каждым шагом он становится все легче и легче, будто готов в любой момент подняться и облететь комнату.

– Звучит хорошо.

– Вы этого хотели?

– Абсолютно.

– Тогда скажите «вперед!», и это произойдет.

Джон смотрел на Маккейна, изучая темные, исполненные ожидания глаза, в которых бушевала, казалось, нескончаемая энергия, готовая вырваться в мир, действовать в русле пророчества. Он набрал побольше воздуха, пытаясь почувствовать, действительно ли настал тот самый момент, – если бы это было фильмом, то раздалась бы драматическая музыка, но это не было фильмом, это было реальностью, – и произнес:

– Вперед.

Маккейн кивнул, нажал клавишу на переговорном устройстве и сказал:

– Договоритесь насчет времени встречи в Цюрихе. Сегодня вечером. И скажите пилотам. – Он отпустил клавишу и улыбнулся. – Начинается.

Возникла странная пауза, оба молчали.

– Э… – произнес Джон. – Это все?

Маккейн кивнул.

– Да.

– Хорошо. Тогда, э… желаю вам успеха и…

– Спасибо. Не переживайте.

– Все ясно.

Джон смущенно отвернулся, чувствуя себя несколько неловко, но Маккейн выглядел так, словно ему не терпелось остаться одному. Чтобы еще раз просмотреть документы и так далее. Подготовиться.

– Увидимся завтра?

– Полагаю, что да.

– Ну, тогда хорошего полета.

– Спасибо. Ах да… – вдруг произнес Маккейн, когда Джон был уже в дверях. – Еще одно дело. Его нужно уладить срочно.

Джон снова обернулся.

– Какое?

– Я давно уже хотел поговорить с вами об этом, но вы видите, столько проблем…

Джон медленно вернулся к столу. Маккейн откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, потер пальцем переносицу.

– Да, и что? – спросил Джон. Очевидно, он что-то пропустил; как бы там ни было, он не понимал, к чему клонит Маккейн.

Маккейн пристально посмотрел на него.

– Люди из объединения банков в прошлый раз задали мне вопрос, который мы должны были задать себе сами очень давно.

– Какой?

– Что произойдет с «Фонтанелли энтерпрайзис», – спросил он, – если вы умрете?

Джон смотрел на крупного мужчину, сидящего за массивным столом, и вдруг у него возникло ощущение, будто он наблюдает за всем со стороны. Как будто все происходящее здесь было нереальным.

– Умру? – услышал он собственный голос. – Почему я должен умереть?

– Они банкиры, Джон. Банкиры хотят быть уверены.

– Я исполняю пророчество. Божественную волю. Она не позволит мне умереть, пока я не закончу.

– Боюсь, – высоко подняв брови, произнес Маккейн, – что банкиры из Цюриха не настолько богобоязненны, чтобы понять логику этого аргумента. – Быстрое движение руки, словно он пытался отогнать надоедливую муху. – Вы должны понять этих людей, Джон. Если они вкладывают деньги в наших интересах, они хотят иметь возможность полагаться на то, что план сработает. Они не желают, чтобы в случае вашей смерти состояние унаследовали ваши родители и, что вполне вероятно, подарили его Красному Кресту, вы понимаете? И я могу их понять. Неважно, оправданы тревоги этих людей или нет, они беспокоятся, и поэтому их тревога представляет для нас нечто, что мешает нашим планам.

Джон закусил нижнюю губу.

– И что вы предлагаете? – спросил он.

– Долгосрочным решением стала бы женитьба и рождение детей. Тогда мы можем ссылаться на то, что есть наследники, которые, само собой, будут хорошо воспитаны, получат прекрасное образование и когда-нибудь смогут встать во главе концерна. – Маккейн поднял руки, развел их, словно рыбак, рассказывающий о крупном улове. – Как уже было сказано, это долгосрочное решение. На него уйдет пара годков. А во время разговора с банковским объединением, который состоится сегодня вечером, мне уже нужно что-то им предоставить.

Джону по-прежнему казалось, что он спит и видит сон.

– Но до сих пор никто ничем подобным не интересовался.

– До сих пор и мы имели дело только с всякими бедняками. А это банкиры, Джон, – люди, которые вместе распоряжаются бóльшим количеством денежных средств, чем есть у вас. Даже если мы продадим весь концерн, у вас будет капитал, лишь равный тому, который могут предоставить нам эти люди. Деньги других людей, Джон. Я ведь объяснял вам, это ключ ко всему.

Джон кивнул.

– Ну да, но я не знаю, как уже сегодня вечером я смогу обзавестись женой и детьми, – произнес он, не в силах отделаться от ощущения, что Маккейн уже что-то приготовил, например, блиц-свадьбу с последующим усыновлением ребенка.

Маккейн покачал головой.

– Вам нужны не жена и ребенок, вам нужен наследник. А его получить можно очень быстро. – Он вынул из ящика лист бумаги, взял ручку и придвинул к нему. – Напишите завещание и назначьте наследником меня.

– Вас?

– Стоп, – произнес Маккейн, поднимая руку. – Не поймите меня превратно. Речь идет только о том, чтобы я мог что-то показать ребятам из объединения банков. А поскольку они меня знают, то получится очень убедительно, если наследником вы назначите меня.

Джон, не отрываясь, смотрел на белый листок бумаги, на ручку.

– Это что, – медленно произнес он, – опять проверка? Урок по обращению с властью?

– Хороший вопрос. Ответ – нет. Вам нет необходимости делать это. Я могу попытаться убедить банкиров иначе. Правда, не знаю как. – Маккейн положил руки на стол перед собой, повернув их ладонями вверх, и серьезно взглянул ему в глаза. – Это было бы просто очень кстати.

Джон смотрел на него и чувствовал себя грязным, жалким, беспомощным. На миг он заподозрил, что Маккейн хочет убить его, а теперь почти устыдился этой мысли. Почти.

Он сел, придвинул к себе листок бумаги, взял ручку, снял колпачок.

– Значит, это, как говорится, только для проформы?

– Да.

– Что я должен написать?

– Я вам продиктую. Сначала заглавие. *Моя последняя воля.*

Джон поднес ручку к бумаге, снова замер.

– А не лучше ли напечатать на машинке?

– Наоборот, в этом случае оно будет недействительно. Завещания пишутся от руки.

– Но у меня ужасный почерк.

– Это неважно. Важно, что это ваш почерк.

– Если вы так считаете. – Джон снова поднес ручку к бумаге и опять остановился. – А что насчет моих родителей? Могу я написать, что они должны быть пожизненно обеспечены?

Маккейн вздохнул.

– Как угодно. Да, напишите. И упомяните своих братьев. Но не нужно так уж стараться. Это просто бумага, которую я смогу показывать на заседаниях вроде того, что предстоит сегодня вечером, ничего больше. Как только на свет появится ваш первый ребенок, вы перепишете завещание в его пользу, и тогда все станет окончательным.

– Хм, – произнес Джон.

Ситуация все равно ему не нравилась. Абсолютно. Кончики пальцев, сжимавшие ручку, побелели – настолько сильно он вцепился в нее. Может быть, это потому, что он всегда старался не думать о смерти и необходимость заниматься этим непосредственно стала для него шоком? Его смерть, смерть будущего, смерть человечества… Как он во все это ввязался? Куда подевались те беззаботные дни, когда он не размышлял ни о прошлом, ни о будущем? Все внутри него требовало вскочить и бежать прочь, не хотелось думать

о смерти, о ледниковых периодах, озоновых дырах, эпидемиях и войнах.

– Пишите, – сказал Маккейн.

И Джон написал.

Я, Джон Сальваторе Фонтанелли, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю …

– Спасибо, – произнес Маккейн, когда Джон поставил свою подпись и протянул ему листок.

На протяжении мая и июня спекулятивные атаки на таиландскую валюту – бат – сотрясали финансовые рынки. Таиланд и Сингапур вместе пытались поддержать бат, но в начале июня правительство было вынуждено прекратить борьбу и снять привязку бата к доллару США.

Восьмого июня 1997 года центральный банк Малайзии поддержал государственную валюту ринггит, которая оказалась под страшным давлением, но, несмотря на то что продажа валюты США сначала оказала свое воздействие, две недели спустя Малайзия тоже была вынуждена капитулировать, а за ней вскоре последовала Индонезия. Курсы акций на биржах в Бангкоке, Куала-Лумпуре, Джакарте и даже в Гонконге и Сеуле неудержимо падали.

Одиннадцатого августа Международный валютный фонд в Токио обнародовал программу помощи Таиланду, предоставив кредит в общей сумме на шестнадцать миллиардов долларов, финансированный частично МВФ, частично – соседними государствами.

– А что насчет Филиппин? – спросил Джон.

– Они давно уже под опекой МВФ, – ответил Маккейн. – Мы справимся со всем регионом одним махом.

В крупных журналах мира на протяжении этих недель появлялись большие цветные объявления о новом фонде, «Фонтанелли фондейшн», который в будущем станет каждый год награждать десятью миллионами долларов и премией Геи экологически сознательные и ориентированные на будущее проекты. В прилагаемом тексте перечислялись признанные ученые со всего мира, приглашенные в жюри. Образ Геи, матери-земли, воплощала в рекламе известная фотомодель Патрисия де Бирс, о которой было известно, что она выиграла больше конкурсов, чем любая другая женщина в истории; соответственно, она очень эротично воплощала мифический персонаж.

На второй фотографии можно было видеть, как Джон Фонтанелли, наследник триллиона долларов, передает приз в надежные руки *Геи* . Джей Лено был первым, кто упомянул об этой рекламе в своем полуночном шоу и снискал аплодисменты, назвав фотографию «Красавица и чудовище». Его слова подхватили, изменили, мотив использовали в скетчах и комиксах, и Маккейн начал беспокоиться об образе Джона Фонтанелли, который складывался в сознании общественности.

Во всех промышленных государствах институтам, занимающимся исследованием рынка, было дано поручение выяснить, что люди думают о Джоне Фонтанелли. Опросы показали, что шутки увеличили интерес к проводимой Джоном политике защиты окружающей среды. Человек с улицы считал Джона Фонтанелли той самой личностью, которая честно тревожится о будущем планеты, которая достаточно богата и могущественна для того, чтобы за тревогами последовали поступки.

– Великолепно, – сказал Малькольм Маккейн, и за рекламой в журналах последовала реклама на плакатах.

Урсула Вален увидела плакат с Геей в середине июля – сразу несколько экземпляров, расклеенных на длинном заборе вокруг стройки, – когда ехала от родителей домой. У нее

возникло размытое чувство раздражения, всплыли воспоминания о том, что к ней отнеслись довольно высокомерно и нагло. Потом «порше» перед ней, не подав световой сигнал, перестроился и заставил ее резко затормозить. Она принялась яростно сигналить и кричать вслед автомобилю, тут же забыв о плакате.

Дома оказалось, что разносчик газет не только доставил их поздно, но еще и так небрежно засунул ее газету в ящик, что она выпала и теперь лежала на полу. Неважно, Урсула и так знала, что произошло за день. Она скомкала грязную газету и понесла к мусорному баку. На одной из страниц снова показалось изображение Геи и Джона Фонтанелли, выдающего себя за ангела – защитника природы.

– Это уже не спасет мир, – пробормотала она и засунула газету в мусорный бак.

Но в голове уже закрутились мысли.

Она поднялась по лестнице в свою маленькую квартиру под крышей. Открыла окно, выходившее на крышу, чтобы проветрить, бросила сумку в угол и поставила воду. Взяла с полки чашку, положила в нее ложку растворимого кофе. Поставила пластинку. Нерешительно подошла к плите, ожидая, пока закипит вода.

Только через некоторое время она заметила, что чайник свистит. Приготовила кофе. Положила на тарелку немного печенья и яблоко.

Она подошла к книжному шкафу, стоящему рядом с письменным столом, поискала среди папок на нижней полке, пока не нашла то, что искала. Все еще было на месте. Она забыла о своей добыче, привезенной из Флоренции, решила, что все кончено, и на протяжении многих месяцев не думала о том, что все так и лежит, сложенное, упакованное в папки, в полуметре от ее жизни.

Она распустила завязки. Джон Сальваторе Фонтанелли. Он давно уже стал темой для редакций экономических журналов, не той, где спросят мнение студентки-историка. Но это не означает, что вопросы, касающиеся истории, уже выяснены.

Например, вот это. Она смотрела на фотокопии, которые сделала с книг счетов Джакомо Фонтанелли и Микеланджело Вакки. Книги счетов семьи Вакки были образцовыми. Каждая страница была написана так чисто, что даже в напечатанном виде не могла бы выглядеть лучше. Зато книги счетов Фонтанелли представляли собой страшную неразбериху из бухгалтерских записей во флоринах, цехинах, талерах, грошах и пфеннигах, частично их было не разобрать. Там вычеркнут абзац, там добавлены пометки, на страницах время от времени попадались дополнительные расчеты, относительно которых было неясно, к какой записи они имеют отношение и имеют ли вообще. Даже самый добродушный финансовый инспектор свернул бы этому купцу шею.

Удивленная небрежностью бухгалтерии Джакомо Фонтанелли, она едва не пропустила весьма странный факт.

Вакки начали вести свои книги 1 февраля 1525 года со счета в триста флоринов и с записи о получении этой суммы на сбережение от Джакомо Фонтанелли. Один флорин, *florino d 'oro,* весил три с половиной грамма золота. С учетом нынешних расценок на Лондонской бирже триста флоринов соответствовали примерно десяти тысячам долларов; сегодня это немного, а тогда – довольно приличное состояние.

Книги Джакомо Фонтанелли заканчивались 5 января 1525 года несколькими выписками о состоянии счета в различных валютах, переведенных друг в друга; в конце был подведен итог, который действительно соответствовал примерно тремстам флоринам, но не в единой валюте: значилось несколько сумм в цехинах, ряд взносов во флоринах и так далее. И под каждым числом было написано почти неразборчивое имя. Она тогда мельком спросила себя, что это может значить, но не додумала эту мысль до конца.

И теперь в ее душу закралось подозрение, настолько невероятное, что у девушки захватило дух.

Она перелистала книгу, просмотрела колонки цифр, взяла блокнот и калькулятор, попыталась проследить расчеты. Может ли это быть правдой? Неужели за пятьсот лет ей первой пришло это в голову?

Суммы, которыми завершались книги Джакомо Фонтанелли, обозначали не его имущество, а долги, а имена под числами были именами тех, кому он задолжал указанную сумму. Флорентийский купец разорился в 1525 году.

30

В начале августа забастовщики из компании «ХЬЮДЖМУВЕР» капитулировали. На протяжении нескольких месяцев они стояли перед воротами с транспарантами, раздавали листовки, а в цехах продолжалось производство, более того, оно даже возросло. Наконец они объявили, что забастовка окончена, и согласились на условия, которые тем временем ужесточились еще больше, объявили о том, что согласны с сокращением зарплаты, готовы в случае необходимости работать по двенадцать часов в день, даже в выходные, без доплаты.

– Я чувствую, что меня предали, – говорил по телевизору токарь, двадцать семь лет проработавший на компанию «ХЬЮДЖМУВЕР». – У меня такое ощущение, что моя фирма объявила мне войну.

Увидев на экране этого мужчину, Джон почувствовал, что к его горлу подкатил комок. Он посмотрел на Маккейна.

– Неужели такая жестокость была действительно необходима? Только из-за пары процентов прибыли?

Маккейн бросил на него презрительный взгляд.

– Во-первых, проценты никогда не бывают настолько незначительными, чтобы можно было говорить «пара». И вы-то должны это знать, раз уж обязаны своему состоянию самой жалкой, обычной процентной ставке. Во-вторых, – сказал он, мрачно выпятив нижнюю челюсть, – мы взялись не за то, чтобы сделать людей богатыми и счастливыми. Этому человеку, – он указал головой на экран, – не придется голодать, он не лишится крыши над головой, в отличие от миллионов людей на этой планете. Мы взялись за то, чтобы спасти будущее человечества, и нас ждет, если это вообще осуществимо, трудный путь. Людям придется отказываться от многого, им придется повиноваться. И некоторые должны учиться на ошибках других. Такова правда, хотя я, конечно, никогда не сказал бы этого на камеру.

Джон кивнул, наблюдая за тем, как на экране повесили и подожгли куклу, изображавшую Дональда Раша. Он понимал людей, их ярость, но понимал также и то, что они не видят всей картины, да и как они могут видеть ее? Все казалось таким неправильным, таким отвратительным, но альтернативы не существовало.

Как бы там ни было, они победили. Хоть у победы и был неприятный привкус.

Вскоре после этого Джон Сальваторе Фонтанелли, по-прежнему богатейший человек в мире, даже более богатый, чем когда-либо, вылетел в Вашингтон на переговоры с исполнительным директором Международного валютного фонда. В газетах уже укрепился термин «Азиатский кризис»; согласно последним известиям, теперь под давлением оказались и индийская рупия, и южнокорейский вон.

Самолет Джона приземлился с особым приоритетом в Вашингтонском аэропорту, был направлен в просторную отдельную зону, где его ждали три черных лимузина с затемненными стеклами, один из которых должен был отвезти Джона в штаб-квартиру МВФ, а другие два предназначались для того, чтобы отвлекать фотографов и репортеров, если они появятся. Джон успел только мельком взглянуть на здание МВФ – неуклюжую конструкцию из бетона и стали с довольно странными окнами на верхнем этаже, похожими на вентиляционные отверстия, прежде чем автомобиль нырнул в подземный гараж, откуда его и сопровождающих – юристов и экономистов с толстыми папками и важными лицами – по коридорам и лифтам проводили в большую комнату для переговоров. Там их ожидал хорошо одетый мужчина с коротко стриженными волосами, серебрившимися сединой, рука которого, когда Джон пожал ее, оказалась холодной.

– Меня зовут Ирвинг, – негромким четким голосом произнес мужчина. – Роберт

Ирвинг. Мистер Камдессю передавал вам сердечный привет и глубочайшие сожаления, поскольку по личным причинам не сможет сегодня встретиться с вами. Но он уполномочил меня провести переговоры.

Джон услышал, как его спутники отчетливо и недовольно откашлялись. Один из них наклонился к нему и прошептал на ухо:

– Предлог, сэр. Мы должны договориться о новой встрече и улететь обратно.

Но это было совершенно невозможно. На протяжении всего перелета он почти не выходил из туалета из-за напряжения и нервозности; он хотел, чтобы все поскорее осталось позади.

Кроме того, какие там переговоры! Он просто скажет то, что должно быть сказано, и баста. Джон улыбнулся и произнес:

– Очень рад.

Итак, они собрались за столом: Джон и его спутники с одной стороны, Ирвинг и его штаб – с другой. Одно место со стороны МВФ осталось пустым.

– Один из моих сотрудников подойдет позже, – сказал Ирвинг. – Мы начнем без него.

Шорох бумаг, с ручек снимают колпачки, поправляют блокноты. «Помните о том, что вы контролируете в десять раз больше денежных средств, чем валютный фонд, – втолковывал ему Маккейн. – У них есть все причины бояться вас». Джон откашлялся и начал короткую речь, которую репетировал вместе с Маккейном. Что развитие событий в Азии беспокоит его не из-за текущего финансового кризиса, а в первую очередь в аспекте долгосрочных изменений. Что речь идет, к примеру, о росте численности населения на Филиппинах, который внушает опасения.

– Вы знаете, что я пытаюсь исполнить древнее пророчество, – произнес Джон, чувствуя, как бьется сердце от напряжения. – Я хотел попросить вас о том, чтобы вы поддержали нас в этом. Я не считаю эту просьбу слишком дерзкой, поскольку в конечном итоге речь идет о благе для всех.

«Вы можете позволить себе говорить мягко, выражать вежливые просьбы, – учил его Маккейн. – Вы настолько могущественны, что вам нет нужды угрожать, помните об этом».

– У нас есть возможность покончить с кризисом на азиатских рынках. Мы предлагаем сделать это, если МВФ внесет в каталог регулятивных мер в данном регионе демографический компонент. Проще говоря, позаботится о том, чтобы там проводился активный контроль рождаемости. – Движение, всего один короткий взгляд, и его адвокат протянул через стол документ. – Подробности вы можете прочесть в предложении, разработанном нашими экспертами.

Бумагу передали Ирвингу, он быстро пролистал ее и отложил в сторону, чтобы закурить новую сигарету. В пепельнице перед ним уже лежало три окурка.

– Для меня это звучит так, – зажигалка высекала искры, поскольку он слишком торопился, – словно крупнейший в мире производитель презервативов и противозачаточных таблеток – которым вы, кстати, и являетесь, если меня правильно информировали, – хочет заполучить новый рынок сбыта.

– Чушь, – произнес Джон. Это прозвучало грубее, чем он намеревался, но все равно некоторые из присутствующих вздрогнули. Хорошо.

– Не считая того, что МВФ, будучи международной организацией, не может позволить частным фирмам диктовать себе условия, – продолжал Ирвинг, – подобные меры выходят далеко за рамки обычного вмешательства. С добрыми намерениями, которыми продиктовано это предложение, я даже не хочу спорить. Что касается демографической политики, кстати, даже эксперты не едины во мнении относительно того, как оценивать состояние дел в этой области на данный момент. Я полагаю, что подобные решения мы должны оставить на усмотрение каждой нации.

Джон озадаченно смотрел на стройного седовласого мужчину. Он сказал почти слово в слово то же, что и Маккейн, который во время их вечерней репетиции играл роль исполнительного директора.

– Возможно, вы правы, – произнес он поэтому, как делал уже дюжину раз. – Впрочем, мы придерживаемся совершенно иной точки зрения. Через несколько месяцев мы предоставим результаты самой обширной компьютерной симуляции глобальных взаимосвязей и развития, которая когда-либо создавалась. Несмотря на то, что в данный момент я не располагаю деталями, мы можем исходить из того, что будут необходимы огромные усилия, направленные на сокращение рождаемости. И чем раньше начать, тем лучше. – Хорошо получилось. Лучше, чем когда напротив сидел Маккейн.

Ирвинг ничего не сказал, затянулся сигаретой, потом вынул ее изо рта, наблюдая за тем, как тухнет огонек. Колечко дыма, которое он выпустил, было идеальным.

– Вы случайно не думали о том, что ваши слова и ваш тон похожи на угрозу?

– Я всего лишь хочу сказать, что я могу влиять на спекулянтов и инвесторов, которые определяют пути развития в Азии. И я предлагаю вам воспользоваться моим влиянием в этой сфере, если вы в ответ воспользуетесь своим влиянием. В моем понимании я предлагаю вам сделку, ничего более.

Ирвинг покачал головой; движение было скупым, едва уловимым.

– О которой не может быть и речи. Подобный способ воздействия выходит за рамки наших полномочий.

Джон почувствовал боль в животе. Что он вообще здесь делает? Три года назад он развозил пиццу, и единственной его заботой было то, как заплатить за квартиру. Разве это не лучше разговоров с подобными людьми на тему роста населения на Филиппинах? Внезапно у него не осталось сил бороться с холодным холеным человеком, который сидел по ту сторону стола.

– Я сказал все, что хотел, – глухо произнес он, желая поскорее уйти.

В этот миг открылась дверь. В комнату вошел последний советник со стороны Ирвинга, чье место до сих пор пустовало; он протянул ему руку и произнес:

– Привет, Джон. Давно не виделись.

То был Пол Зигель.

В какой-то момент Урсула Вален перестала понимать, то ли голова у нее раскалывается от безжалостной августовской жары, то ли от бесконечных расчетов. Фотокопии счетных книг Джакомо Фонтанелли окружали ее, такие яркие в солнечном свете. Ее блокнот был сделан из серой вторичной бумаги и был неярким, но капли пота оставляли на нем темные круглые пятна.

Нельзя ошибиться. Только бы не опозориться, допустив ошибку в расчетах. Проклятье, она учила историю, она в этом разбиралась! Итак, еще раз сначала, обратно к книгам. Финансовая система средневековья, тогда она называлась монетным делом. Карл Великий построил ее на серебре, один фунт – 384 грамма – разделил на двадцать су, также именуемых солидами или шиллингами, которые в свою очередь делились на двенадцать денариев или пфеннигов. В 1252 году Флоренция начала чеканить золотые монеты, на лицевой стороне которых был изображен герб города – лилия, а на оборотной – образ Иоанна Крестителя: *fiorino* , который позднее называли флорен или флорин, а в германских землях – *Goldener* [55] или гульден; позднее так стали называть и те золотые монеты, которые чеканили сами. В одном золотом флорине содержалось три с половиной грамма золота, в 1252 году он соответствовал двадцати солидам, в 1457 году – ста восьми, а потом найденный ею список заканчивался. Существовал также серебряный флорин, *fiorino d* ’*argento* , равнявшийся двум третям талера, но что такое, черт побери, в этой системе талер? Цехин был подобием флорина, который чеканила республика Венеция, его еще называли дукатом. В Северной Европе большее хождение имел грош, равный четырем пфеннигам… Сплошной хаос, будь оно все проклято. Она швырнула книгу вместе с блокнотом и ручкой

---

55 Золотой (*нем.*).

через всю комнату, чувствуя, как в ней растет огромное желание схватить всю папку и отнести вниз, в мусорный бак.

Если бы только не эта жара! И эта головная боль. Она поднялась, дошла до холодильника, влила в себя чаю со льдом, приторно-сладкого, но вкусного.

В двенадцатом веке в Генуе и других итальянских городах были основаны первые банки, которые принимали деньги и платили за это проценты, предоставляли займы купцам, ремесленникам и важным господам. Давно уже было принято давать деньги на сохранение меняле и отправляться в путешествие только с подтверждением вложенной суммы, которое даже принимали в качестве оплаты, то есть появились векселя. В четырнадцатом веке венецианские банки впервые допустили, чтобы клиент снял со счета больше денег, чем положил; в пятнадцатом на всем Западе закрепились арабские цифры и купеческая арифметика, в Италии была разработана двойная бухгалтерия. Но Джакомо Фонтанелли не использовал ее. Его книги строились на какой-то совершенно непонятной системе.

Что, если он откладывал сбережения, которые не отражались в дальнейших счетах, – чтобы скрыть их от налогов или просто так, по чистой небрежности? Этого от него можно было ожидать. Поскольку она скопировала далеко не все его счетные книги, это означало, что ей никак не обойтись без нового посещения архива.

По крайней мере, чтобы удостовериться.

Еще раз отправиться во Флоренцию? Рассказать Вакки то, о чем они наверняка не захотят слышать? Она посмотрела на частицы пыли, которые плясали в падающих в окно солнечных лучах, и внезапно мысли ее тоже заплясали. Не задумываясь, не колеблясь, как лучник дзен, слившийся воедино со стрелой и центром мишени, которому осталось только позволить выстрелу произойти, она взяла свой блокнот для записей, пролистала его до номера Кристофоро Вакки, подошла к телефону, набрала несколько цифр.

– Само собой, синьорина Вален, – тут же согласился Кристофоро Вакки. Голос старика звучал устало (или печально, трудно сказать), но, казалось, он был искренне рад ее звонку. Ни слова о прошедших двух годах, ни единого вопроса о причинах ее молчания, никаких упреков. – Приезжайте, когда хотите.

Комната была небольшой и из-за скругленных углов казалась еще меньше. Овал стола занимал свободное место в центре, напоминая арену, а серые кресла на колесиках окружали его в три ряда. В торце комнаты колыхался белый занавес; что он скрывал, было непонятно.

– Здесь заседает совет исполнительных директоров три раза в неделю, – пояснил Пол, скупым жестом обведя оббитые светлым деревом, а кое-где белой тканью стены. Посмотрел на Джона и покачал головой. – Странно, правда? То, что мы встретились именно здесь?

Джон кивнул.

– Да. Все довольно странно.

– Я так жалел, что меня не было дома, когда ты звонил из «Вальдорфа». Я как раз ездил в Японию на две недели. А когда вернулся, о тебе уже говорили во всех новостях, и я подумал, что звонить смысла нет.

– Да, это было бы довольно бессмысленно.

Пол полез в карман и достал футляр с визитными карточками.

– Но я поклялся себе, что дам тебе номер своего мобильного телефона, если мы когда-нибудь еще увидимся. И теперь я выполняю эту клятву. Нет, не говори ничего – клятва есть клятва, и кто знает, может быть, с тобой приключится что-нибудь такое… – Он нацарапал на обратной стороне карточки номер и протянул ее Джону.

Джон посмотрел на внушительную эмблему валютного фонда, не менее внушительную должность под именем Пола, перевернул карточку, прочел номер телефона и замер.

– Забавно.

Пол еще прятал ручку в соответствующий карманчик своего блокнота.

– Что? Что у меня есть мобильный телефон? Скажу тебе, я и шагу без него не делаю. Как только появятся такие, которые можно вживить в тело, я сразу себе приобрету.

– Нет, я имею в виду номер. Это ведь дата твоего рождения. Как тебе это удалось?

Пол поднял брови.

– Слушай, это же просто. Можно выбрать номер, а я обзавелся телефоном очень давно. Когда выбор еще был очень большим.

– Как бы там ни было, легко запомнить.

– Если знать меня.

Они присели. Джон – на кресло русского директора, Пол – на кресло саудовского, и они стали заполнять три года, прошедшие с тех пор, как они в последний раз виделись в квартире Пола в Вест-Виллидж. Джон был тогда бедняком, по уши в долгах. Два года назад Пол, как раз после того как Джон получил наследство, перешел с консультаций по вопросам менеджмента к работе в Международном валютном фонде и переехал в Вашингтон. Поэтому Джон не застал его тогда. Вот и все, что мог рассказать Пол. У него были новые очки, которые ему шли, упрямые темно-каштановые волосы были подстрижены по-новому, и это ему не очень шло, а в остальном он был все тот же: олицетворение ума, воплощенный здравый смысл.

Чтобы рассказать о том, что изменилось в его жизни за прошедшие три года, Джону понадобилось гораздо больше времени, и когда, он закончил, Пол долго и молча смотрел на него.

– Не знаю, то ли завидовать тебе, то ли сочувствовать, – наконец признался он. – Честно. Триллион долларов, боже милостивый! Даже неясно, то ли это кара, то ли проклятие. – Он рассмеялся. – В любом случае можно больше не переживать, что ты умрешь с голоду.

Джон тоже рассмеялся. Вдруг все стало как раньше. Как тогда, когда они сидели на стене разрушенного дома на Тринадцатой улице и обменивались предположениями и догадками относительно отношений с девочками.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросил он. – Строго между нами.

– О чем? О твоем филиппинском проекте?

– Обо всем. О том, что я делаю с деньгами. О Маккейне. «Фонтанелли энтерпрайзис». Пророчестве.

– О пророчествах я невысокого мнения, я и сам их сделал немало, – ответил Пол, откидываясь на спинку кресла. – О чем тебе наверняка известно. В остальном… Не знаю. Когда оказалось, что ты приедешь, я навел кое-какие справки. Много не выяснил. Некоторые детали о прежних фирмах Малькольма Маккейна – ничего особенного, о его становлении. Из Ай-би-эм его отпускали с неохотой, это я слышал неоднократно. Учебу он закончил с отличными оценками, некоторые профессора еще помнят его, нескладную птицу, вот и все. А «Фонтанелли энтерпрайзис» – м-да… – Он почесал нос, совсем как прежде. – У меня какое-то нехорошее чувство из-за существования такого колосса. Как у любого экономиста. Для экономики плохо, когда один участник рынка намного крупнее остальных. Ты доминируешь в огромном секторе экономики, быть может, даже в большей степени, чем предполагаешь, и именно эта ситуация мне и не нравится.

– А что бы ты сделал на моем месте?

– Хо-хо! – Пол покачал головой. – Если бы я знал… – Он огляделся по сторонам, обвел взглядом пустые кресла. – Я думаю, я стал бы тратить. Вкладывать деньги в проекты по уравниванию женщин в экономических правах во всем мире. Женщины – ключ ко всему. Мы заметили это в своих собственных проектах; для коллег из Всемирного банка это давно уже стало прописной истиной. Повсюду, где женщины образованны и достаточно свободны, рождаемость сокращается до разумных пределов. Повсюду, где женщины могут иметь собственность, вместо того чтобы быть ею, уровень жизни поднимается до такой степени, что позволяет думать о защите окружающей среды. Во многих проектах помощи развивающимся странам деньги в руки получают практически одни женщины, потому что они с этими деньгами могут что-то улучшить, в то время как мужчины их просто пропьют или купят себе золотые наручные часы.

– Значит, ты должен поддержать мое филиппинское предложение.

– Джон… Да, но МВФ – не самое верное место для этого. Мы – институт, который занимается контролем международной валютной системы, ничего более. Мы вынуждены сотрудничать со всеми правительствами, завязаны во все политические ходы… Нет, то, что я сказал, может сделать частная организация. Мы этого сделать не можем.

И вдруг все перестало быть таким, как раньше на стене. Они снова оказались в настоящем, сидели друг напротив друга – представитель верховного хранителя валют планеты и богатейший человек в мире, за одним столом, где каждую неделю принимались решения, касавшиеся всего мира, а за дверями дюжина мужчин ждала, когда они выйдут. Джон встал.

– Я подумаю об этом, – сказал он.

На вокзале Флоренции ее снова ждал «роллс-ройс», но за рулем уже сидел не Бенито, а молодой человек, которого Урсула никогда прежде не видела. На нем тоже была униформа, он взял ее чемодан, энергично распахнул дверцу автомобиля, окинув ее жарким взглядом.

– У Бенито случился апоплексический удар, – рассказывал ей по дороге Кристофоро Вакки. – Не такой серьезный, как можно было ожидать, но водить автомобиль ему уже нельзя. Сейчас он живет неподалеку, в семье, которая заботится о нем, и, как только снова встал на ноги, приходит каждый день полировать *Эмми* – ну, вы знаете, фигурку на радиаторе…

Урсула кивнула. *Padrone* казался более худым, чем она его запомнила, почти прозрачным. Должно быть, уход Джона Фонтанелли сильно задел его.

– Синьор Вакки, мне очень жаль, что я так долго…

– Я знал, что однажды вы вернетесь, – мягко улыбнувшись, перебил он ее. – Это был просто вопрос повода.

Урсула глубоко вздохнула.

– Не знаю, понравится ли вам повод.

Она ошибается, наверняка. Наверняка она просто ужасно ошиблась в расчетах. Вакки в лучшем случае высмеют ее, в худшем – обругают. Завтра она снова поедет домой, сожжет все документы со времен учебы и попросится на работу на кухне «Параплюи бле». Она набрала в легкие воздуха и рассказала о том, что показалось ей странным в счетных книгах Джакомо Фонтанелли, чувствуя себя при этом так, как будто заказывает свой последний обед приговоренного к смерти.

Но когда она закончила, Кристофоро Вакки произнес только: «А!». Какое-то время он просто сидел, задумчиво кивая головой.

– Это старая загадка…

Урсула почувствовала, как широко раскрываются ее глаза.

– Вы об этом знаете?

Padrone улыбнулся.

– О да! Моя семья давно уже ломает себе над этим голову. И мы понятия не имеем, откуда в действительности взялось первоначальное состояние.

31

– То, что вам довелось испытать в Вашингтоне, было инерцией, – пояснял Маккейн. – Сила, поддерживающая жизнеспособность всех процессов, против которых мы боремся. В первую очередь всем хочется, чтобы все оставалось так, как им нравится. – Он сжал руку в кулак. – Вы видите, что это иллюзия – ставить на такую вещь, как благоразумие, на добровольный отказ? Это противоречит человеческой природе. Принуждение – вот единственное средство, которое действительно работает.

Джон мрачно кивнул.

– Это значит, что мы должны продолжать бороться.

– На это можете положиться. – Маккейн потянулся к факсу, поднял вверх полоску мягкой бумаги. – Новости от Коллинза. Работы по расширению проходят согласно графику. Его люди в буквальном смысле слова только и делают, что распаковывают новые компьютеры, подключают их в сеть, устанавливают программу-симулятор и запускают ее. А это значит, что результаты будут в срок.

– Хорошо, – произнес Джон. – А что мы будем делать тем временем?

Маккейн бросил на него странный взгляд, встал и принялся расхаживать взад-вперед вдоль окна. Давненько он этого не делал. За окном город сверкал под ярким августовским солнцем, словно кто-то перенес его на берег Средиземного моря.

– Вы могли бы помочь мне, – вдруг сказал Маккейн и остановился, устремив взгляд на Джона. – Вам это может показаться странным, возможно, даже подозрительным, не знаю… Но вы бы очень, очень помогли мне.

– Если вы хотели разбудить во мне любопытство, – сказал Джон, – то вам это удалось.

– Нам предстоит борьба. Борьба суровыми методами. По всем фронтам наши противники призывают к сражению, и будет побоище, это точно. Возможно, нам придется сделать несколько ходов, не предусмотренных правилами, если вы понимаете, что я имею в виду. Короче говоря, ситуация такова, что нам ничто так не поможет, – произнес Маккейн и мрачно улыбнулся, – как отвлекающий маневр.

– Отвлекающий маневр?

Маккейн посмотрел на него исподлобья взглядом Джека Николсона.

– Я не хочу, чтобы обо всем, что я делаю или не делаю, писали в газетах, понимаете? Все просто. И поэтому хорошо бы, если бы в газетах написали о чем-нибудь другом.

– Ага, – произнес Джон. – Ну а в чем проблема? Я имею в виду, нам ведь принадлежит половина газет и…

– Проблема в другой половине. В газетах, которые нам не принадлежат.

Джон, моргая, смотрел на Маккейна.

– Хм… Да, ясно. Боюсь только, что я не понимаю свою роль во всем этом.

Маккейн вернулся к своему письменному столу, открыл один из ящиков, достал оттуда издание, издалека похожее на несерьезную бульварную газетку, и бросил ее Джону титульной стороной вверх.

– Посмотрите-ка на это.

Газета была двухнедельной давности, заголовок гласил: «Самая красивая женщина, самый богатый мужчина – это любовь?» Под ним была напечатана фотография, на которой Джон узнал фотомодель, рекламировавшую премию Геи, Патрисию де Бирс: она что-то шептала на ухо державшему ее за руку мужчине, с которым они вместе переходили через улицу.

И этим мужчиной, как с безграничным удивлением понял Джон, был он сам!

– Что это такое?

– Фотомонтаж, – пояснил Маккейн. – Кстати, сделанный довольно умело. Эта газета славится подобными вещами – обычно она печатает фотографии детей с двумя головами или летающих тарелок и тому подобного, и никто по этому поводу не переживает, но что интересно, с тех пор телефоны в отделе прессы не умолкают. Весь мир хочет знать, есть ли зерно правды в этих слухах.

– Ничего там нет, само собой. Я не ходил гулять с этой женщиной, не говоря уже о том, чтобы держать ее за руку.

– О чем я вас и хотел попросить, – мягко произнес Маккейн, – сделайте это.

Джон уставился на него.

– Мне кажется, что я потерял нить разговора. Еще раз, *что* я должен сделать?

– Да, я ошарашил вас, понимаю. – Маккейн взял газету, тщательно сложил ее, а затем поднял, словно вещественное доказательство на суде. – Обычно ни один человек не верит тому, что пишут в этой газете. Каждые шесть недель появляется то Элвис, то лох-несское чудовище, и никто, может быть, за исключением парочки безумцев, не принимает это

за чистую монету. Поэтому реакция на эту статью заставила меня задуматься. И она говорит о том, что мир *хочет* , чтобы это было правдой. Общественности ничего не хочется сильнее, чем любовной связи между самым богатым мужчиной и самой красивой женщиной в мире. Все предрассудки подтвердятся, все мечты сбудутся. Люди *тоскуют* по подобным историям.

– Может быть, это и так, но я совершенно ничего не испытываю по отношению к этой женщине. Во время съемок мы обменялись едва ли парой слов, и я изо всех сил старался не смотреть на ее грудь, вот и все. – Джон замолчал, внезапно почувствовав прилив очень неприятного ощущения.

Маккейн медленно, задумчиво кивнул.

– Но ведь это было бы идеальным отвлекающим маневром, вам не кажется? Вы и Патрисия де Бирс, и фотограф, которому удалось заснять, как вы держитесь за руки… Средства массовой информации лихорадило бы несколько недель.

– Вы ведь что-то задумали. – Джон всматривался в подчеркнуто безэмоциональное лицо Маккейна. – Скажите мне, что это не то, о чем я как раз подумал.

Маккейн свернул газету, которую держал в руках, в трубочку и изо всех сил скомкал.

– Я позволил себе приказать вашей яхте сняться с якоря. Ее все равно нужно было отправить на проверку радарной системы в Гонконг. Сегодня или завтра она должна войти в Манилу. Я также заранее нанял мисс де Бирс, чтобы…

– Что-что? *Наняли?*

– Я вставил в договор пункт о неразглашении, а агентство вело переговоры до тех пор, пока меня не попросили вставить со своей стороны пункт о неразглашении суммы гонорара – очень низкой. Было интересно.

– Наняли? Зачем же?

– Вы оба будете притворяться влюбленной парой, по крайней мере, для общественности, что вы будете делать наедине – дело ваше. Немного поплаваете по райскому миру Филиппинских островов, позволите разыскать себя репортерам, время от времени будете сходить на берег и делать покупки рука об руку, чтоб СМИ понравилось, пожалуйста…

– Вы шутите!

– Когда мир будет смотреть на Филиппины, должны видеть вас обоих, а не биржевой курс или основные процентные ставки банков. Вот то, что мне нужно.

– Вы *не* шутите. – Джон положил руку на лоб, словно чувствуя жар. – Все серьезно, все на самом деле… Вы хотите разыграть театральную постановку.

– Да бросьте, Джон. – Маккейн швырнул газету, точнее, то, что от нее осталось, в мусорную корзину. – Я мог бы придумать что-нибудь похуже, чем послать вас на пару недель отдыхать с одной из прекраснейших женщин планеты, не так ли? Кто знает, может, в конце концов вы друг другу понравитесь…

– Нет. Довольно.

– …и иллюзия превратится в реальность? – Маккейн усмехнулся, словно после непристойной шутки. – Хорошо. Я молчу. Как скажете. Я просто хочу напомнить о том, что вам постепенно нужно задумываться об основании династии…

– Уж точно не с оплаченной фотомоделью, – оборвал его Джон. Происходящее не укладывалось у него в голове. Нет, это уже слишком. Он откажется. Он просто скажет «нет», вот возьмет и скажет…

Маккейн внезапно снова посерьезнел.

– Вы бы мне очень помогли, – сказал он. – Будет и без того достаточно трудно. Нам нужно поставить на колени правительства полудюжины стран, к тому же – международные организации, и это при том, что конкуренты только и ждут малейшей ошибки с нашей стороны. Вы бы мне действительно очень помогли.

Джон устало прикрыл глаза. Вздохнул.

– Ну ладно. Когда начинаем?

– Как только сможете. Мисс де Бирс уже в пути. Она будет ждать вас в Маниле на яхте.

– О… Я сгораю от нетерпения. – Он встал, чувствуя безграничную усталость. – Тогда я пошел собирать вещи.

Маккейн двусмысленно усмехнулся. Если подумать, в последнее время он стал слишком часто двусмысленно усмехаться.

– Счастливого пути, – произнес он. – Наслаждайтесь.

– Большое спасибо. – Выходя, Джон посмотрел на свое отражение в узком зеркале, которое Маккейн повесил у двери, и пробормотал, ни к кому не обращаясь: – Неужели мне это нужно?

Урсула чувствовала себя хорошо. Она приняла душ, ощущая приятную усталость после продолжительного путешествия, и теперь сидела с *padrone* и двумя старшими Вакки – не хватало только Эдуардо – за этим чудесно накрытым столом в нижней столовой, где пахло майораном, помидорами и орегано. Что бы ни подала Джованна, на благородной посуде это выглядело восхитительно.

За едой говорили о том, что обнаружила она и что, похоже, давно было известно семье Вакки.

– Если вы представите себе, что состояние семьи Медичи, самой могущественной семьи своего времени, даже во времена процветания никогда значительным образом не превышало четыреста тысяч флоринов, – говорил Кристофоро Вакки, тщательно промокая губы толстой накрахмаленной салфеткой, – то вы получите представление о том, что триста флоринов были по тем временам довольно кругленькой суммой. Впрочем, иметь такого размера долг далеко не так приятно.

– Джакомо Фонтанелли был кандидатом на долговую яму, – вставил Альберто Вакки, отчаянно орудуя ножом и вилкой.

Padrone взял свой бокал вина, немного отпил.

– По меньшей мере он оказался в довольно трудной ситуации.

– Разве нельзя предположить, – произнесла Урсула, – что за годы он скопил резервы, не отраженные в книгах? Тогда на последней странице были бы просто подсчеты долгов, которые нужно оплатить. Я могу представить себе, что, прежде чем уйти в монастырь, он уладил свои мирские дела.

– В принципе да, – практически не разжимая губ, сказал Грегорио Вакки. Похоже, он решительным образом не одобрял подобное поведение. – Впрочем, из его деловых записей не следует, каким образом могли скопиться такие резервы. Говоря простым языком, дела у него шли недостаточно хорошо.

Урсула отложила вилку в сторону и по очереди обвела взглядом всех троих.

– И вас это никогда не озадачивало? Никогда не заставляло усомниться в своей миссии? Тот факт, что вы не знаете, откуда взялись деньги, на которых все строится?

Они замерли, переглянулись, и наконец Кристофоро Вакки отложил в сторону прибор, задумчиво сложил руки на краю стола перед своей тарелкой.

– Чтобы понять это, – сказал он, – вы должны знать, что книги Джакомо Фонтанелли появились у нас не так давно. Они попали к нам, когда я был еще ребенком, в преддверии Второй мировой войны, а тогда ни у кого не было времени на то, чтобы как следует этим заняться. Честно говоря, мы присмотрелись к тому, что обнаружили вы, всего несколько десятилетий тому назад.

– Несколько десятилетий тому назад? – удивленно повторила за ним Урсула. По дороге сюда ей казалось, что семья Вакки ломает себе голову над этим вопросом не первое столетие. – И как это получилось? Я имею в виду, где эти книги так долго были?

– В монастыре Святого Стефана.

– Монастыре Фонтанелли?

– Именно. То был крохотный горный монастырь в Апеннинах; если отправитесь из Флоренции по направлению к Форли, то будете проезжать мимо руин. Его забросили году

примерно в 1890, он стоял пустым, пока Муссолини не превратил его в склад боеприпасов, которые еще до конца войны взлетели на воздух. Говорят, во время воздушного налета.

– А книги?

– Насколько мне известно, после роспуска монастыря их вместе с другими документами привезли в Рим. И там они, должно быть, лежали несколько десятков лет, пока кому-то не пришла в голову идея передать счетные книги моей семье.

– И кому же?

Кристофоро Вакки устало пожал плечами.

– Мне очень жаль. Как я уже говорил, я был еще ребенком.

– Хм… Вы говорили, что там были и другие документы…

– Так рассказывал мой отец. Что они были. Он не знал, что это за документы и где они хранились.

– Но ведь интересно выяснить это, – сказала Урсула Вален, чувствуя то, что могло быть только выбросом адреналина в кровь.

Он проснулся от того, что в окно упал луч света, щекоча ему нос. «Все еще летим», – сказал ему брошенный в окно взгляд; облака под ним представляли собой роскошный вид, да и темный купол неба над самолетом вызывал не меньшее благоговение. Он сверился с часами. Уже недолго. Он услышал, как далеко позади негромко переговариваются охранники. Из-за ровного гула турбин невозможно было разобрать о чем; наверное, самые обычные разговоры, просто чтобы скоротать время.

Этого он даже предположить никогда не мог. Что часть пути к исполнению пророчества будет представлять собой нечто вроде того, что его ожидало: ходить повсюду с нанятой красавицей и изображать плейбоя. Смешно. И как неприятно, что правда не всплывет никогда.

Посадка была самой обычной, аэропорт похож на все остальные аэропорты. Им выделили защищенное место для стоянки, как обычно, их ждал лимузин, на этот раз большой и белый, похожий на «кадиллак», только меньше. Неважно. За последние два года он столько налетал, что пора уже было начинать беспокоиться из-за полученной дозы облучения. Хорошо будет расслабиться пару недель, и к черту репортеров!

Во время поездки он мельком выглянул из окна. Кондиционер работал на всю катушку, и из салона роскошного автомобиля Манила выглядела так, как все крупные города. Высотные дома, широкие улицы, слишком много людей на дорогах, яркие огни реклам, сделавшие бы честь и Лос-Анджелесу. Стройки. Люди возятся с горячим асфальтом или орудуют пневматическими молотками в дрожащем от жары августовском воздухе.

– Гавань, – произнес Марко, когда машина качнулась и свернула с главной улицы на широкую, менее наезженную улицу со множеством выбоин.

Вопреки ожиданиям, Джон преисполнился восхищением при встрече со своей яхтой. Она стояла, гордая и роскошная, белоснежная и огромная – мечта, чистейшая роскошь. Два года он не поднимался на борт, просто посылал ее в разные уголки мира, чтобы она оставалась на плаву, а команда – в движении, в то время как он целыми днями сидел в офисе и делал вид, будто что-то во всем этом понимает. Какая трата времени!

Капитан Бруссар стоял у поручней капитанского мостика и приветливо махал ему рукой. Джон помахал в ответ. И в тот миг, когда Джон собрался было поставить ногу на палубу, на сходнях из ниоткуда возникло что-то пестрое, порывистое, метнулось к нему, и, прежде чем он успел отреагировать, его уже обнимала и страстно целовала стройная женщина в тонких одеждах.

Долго. Джон, сначала застыв от неожиданности, защищаясь, постепенно стал находить это приятным, даже очень. Он тоже обхватил ее, почувствовал под ароматной тканью мягкую разогретую кожу, вдохнул запах вьющихся волос, ощутил однозначную реакцию своего тела…

Патрисия де Бирс отпустила его, отступила на шаг, словно желая рассмотреть после

долгой разлуки. Выглядела она хорошо, намного лучше, чем ему запомнилось. Идеальная фигура, правильные черты лица – воплощение женской красоты, а тропическое солнце выставило все это в выгодном свете. Похоже, это путешествие будет не таким, каким он его себе представлял.

Она взяла его за руку и сказала:

– Идем! – И потащила его за собой на ют, весело смеясь, словно влюбленная школьница, а там – за стеклянную дверь салона.

Здесь она отпустила его, закрыла двери и остановилась на расстоянии трех шагов, скрестив на груди руки.

– Насколько я поняла, это работа. Вы довольны?

– Что? – произнес Джон. Что-то было в ее голосе, обладавшее таким же эффектом, как ведро ледяной воды, внезапно вылитое на голову, а потом он понял. – О, да. Конечно. Сыграно абсолютно, э… убедительно. Абсолютно.

Все игра, ясно. Как и договаривались. Возможно, где-то даже есть сценарий того, как все должно происходить на протяжении последующих недель.

– Великолепно. Мне нравится, когда клиенты довольны. – Судя по ее голосу, это было не так. И выглядело не так. У нее было перекошенное лицо, тонкие волоски на шее стояли дыбом, все тело отчего-то дрожало.

Джон махнул рукой, ему очень хотелось сделать что-нибудь, чтобы успокоить ее.

– Грандиозно, – осторожно произнес он. – Как и было сказано.

Она отвернулась, посмотрела в окно на сверкающее море, лес парусов и яхт, обвела все взглядом. Некоторое время она стояла так и молчала, похожая на ожившее фото с календаря.

– Вы знаете, кого я себе напоминаю, *мистер* Фонтанелли? – наконец спросила она, вложив в обращение все свое презрение. – Вы можете себе это представить?

Все дело было в том, как ее наняли. Он понял без дальнейших слов.

– Послушайте…

– Нет, это *вы* послушайте. Вы – самый богатый мужчина на всем белом свете, ради бога. Но это не дает вам права обращаться со мной как с грязью. Я работала моделью для вашей премии Геи, ладно. Так уж вышло, что это моя профессия – быть моделью, рекламировать все, что угодно. Но это не делает меня шлюхой, понимаете? Вы можете купить мое время, можете купить мою внешность для своих целей – это одно. Вы сделали это, и я в игре. Я профессионал. Но вы не можете купить мою благосклонность, мистер Джон Фонтанелли, мистер Триллион Долларов. Я модель, но в первую очередь я женщина, понимаете? Женщина.

– Да, вижу… Извините, я хотел сказать, что это мне ясно. Что вы женщина. Я и не собирался…

Она заморгала, словно борясь со слезами.

– А ничего больше вы не заметили? Неужели таким становятся, когда появляются деньги? В голову ничего больше, кроме денег, не приходит?

– Нет, вы неправильно…

– Вы могли просто *спросить* меня. Просто спросить, как один человек другого. Мужчина может спросить женщину, хочет ли она быть с ним, даже если на какое-то ограниченное время, на время отпуска, на пару недель. Она может отказаться, ясное дело, но на этот риск приходится идти. Иначе, когда она согласится, это ничего не будет стоить, понимаете?

Джон беспомощно смотрел на нее. Ну и свинью подложил ему Маккейн.

– Да, – произнес он. – Я понимаю.

Она посмотрела на него, покачала головой, взметнулись роскошные волосы.

– Нет. Ничего вы не понимаете. Вы просто меня наняли. Вы мне платите. Поэтому мое согласие ничего не стоит. Ничего. – И с этими словами она ушла, скрылась в темноте коридора, не включая свет, и вскоре после этого Джон услышал, как захлопнулась дверь и повернулся замок. Он вздохнул.

Откуда-то появился стюард с телефоном.

– Это вас, – сказал он.

Звонил Маккейн.

– Капитан сообщил мне, что вы прибыли, – прогудел он. – Первое выступление уже состоялось, как он сказал, и его видели по меньшей мере десять фотографов. Прислать вам газеты, когда вы окажетесь на первой полосе?

– Нет, пожалуйста, – застонал Джон, устало бросившись в кресло. Похоже, путешествие окажется еще хуже, чем он опасался.

– Ну, хорошо, не буду. Еще пара деталей по поводу плана путешествия. Вы выйдете в море, как только багаж будет на борту, на ночь бросите якорь в небольшой гавани в бухте. Завтра на борт поднимется представитель филиппинского правительства, который будет сопровождать вас, переводить при необходимости, покажет вам самые прекрасные места среди тысячи островов.

– Где нас смогут найти репортеры, верно?

– Не беспокойтесь на этот счет. Не стоит слишком облегчать им задачу, пусть им будет интересно. – Маккейн остановился. – У вас какой-то подавленный голос. Что-то не так?

Джон запрокинул голову, касаясь мягкой спинки, глядя на деревянный узор на потолке. При желании там можно было разглядеть головы драконов и других монстров.

– С чего вы взяли? Все в лучшем виде.

На следующее утро по программе предполагался завтрак на палубе, чтобы фотографам было чем поживиться. Яхта «ПРОРОЧЕСТВО» стояла на якоре неподалеку от маленькой малолюдной гавани, и за столом на верхней палубе они были как на ладони. От прямых солнечных лучей их защищал тент из голубой парусиновой ткани, но ничто не защищало от влажной жары, которая обещала стать еще сильнее.

– Всего девятнадцать, мистер Фонтанелли, сэр, – произнес стюард, не двигая губами, подавая кофе и свежие горячие круассаны.

– Всего девятнадцать чего? – переспросил Джон, которого так удивила его мимика, что он не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Трое сидят там, на набережной, в сером «хюндаи», видите? У мужчины на заднем сидении самый большой телеобъектив, который мне когда-либо доводилось видеть. – Он наливал кофе с особой тщательностью. Вне всякого сомнения, насмотрелся фильмов о Джеймсе Бонде. – У нас на мостике есть отличная подзорная труба, и оттуда можно хорошо оглядеть все окрестности, а вас никто не заметит. Видите большую парусную яхту на третьих мостках, с голубым корпусом? Там на корме сидит еще один. Двое сидят на…

– Довольно, – сказал Джон, беря чашку у него из рук. – Спасибо. Не нужно таких подробностей.

Похоже, стюард обиделся. В воцарившемся неловком молчании он продолжил накрывать стол, пока появление Патрисии де Бирс не навело его на другие мысли. Настолько другие мысли, что, наливая ей кофе, он пролил несколько капель мимо.

– Это что еще такое? – засопела та на озадаченного молодого человека.

– Извините, мисс де Бирс, тысячу извинений, – принялся кланяться тот, – конечно же, я сейчас же принесу вам новую ча…

– Очень на это надеюсь. Причем сегодня, если это возможно.

– Сегодня, конечно, мисс де Бирс. – И он побрел прочь.

Джон озадаченно смотрел на нее поверх чашки, наблюдая, как она садится за стол. Как и было сказано вчера, она была профессионалом. Патрисия куталась в легкий халатик, волосы были не причесаны, и, несмотря на это, выглядела она восхитительно – сторонний наблюдатель решил бы, что у нее позади чудесная ночь любви. Резкий тон голоса ведь не был слышен на берегу.

– Ну, что мы делаем сегодня? – ледяным тоном, но с чарующей улыбкой произнесла она и потянулась за круассаном.

Джон поставил чашку. Придется немного напрячься, чтобы не испортить общее впечатление.

– Не знаю. Позже приедет посланник правительства, который будет нашим проводником.

– О, как исключительно!

– Не правда ли? – Неужели их реплики будут такими ядовитыми все время? Придется нелегко.

– Сегодня ночью, – начала она, сделала паузу, прожевала, улыбнулась, позволив словам отзвучать, – я читала путеводитель по Филиппинам. Нашла в библиотеке на борту, представьте себе. Невероятно, каких только аттракционов здесь нет. На острове Палаван можно на весельной лодке отправиться вплавь по подземной реке в огромной пещере со сталактитами, которая еще не до конца исследована. Разве это не волнующе?

– М-м… – произнес Джон. – Звучит хорошо.

Он даже не додумался заглянуть в путеводитель. Иногда у него возникало чувство, что, несмотря на свое безумное богатство, он пропускает все самое интересное. Вот как сейчас, к примеру.

– Или эти серные источники у подножия потухшего вулкана, Маунт Макилинг или что-то в этом духе. Совсем недалеко отсюда, милях в пятидесяти. Скажите честно, – она понизила голос до многообещающего шепота, – разве вам не хочется со мной вместе… *искупаться* в горячем серном источнике?

Джон уставился на нее. Хотел потянуться за круассаном, но рука замерла на полпути.

– Вы ведь шутите, правда?

Она надула губы и подтянула ноги к себе, поставив их на стул. Из-за чего ее халатик сбился в сторону самым интересным образом.

– Позвольте мне тоже насладиться путешествием, – многозначительно проворчала она. Потом повернула голову к мосткам и закричала: – Где мой кофе, черт побери?

Путь на пятый этаж канцелярии заставил обоих запыхаться: Урсулу – потому что она тащила за собой свою дорожную сумку, и Альберто Вакки – потому что тот был уже далеко не молод. Когда он открывал двери, руки его заметно дрожали.

– Вот, – произнес он, с трудом переводя дух, – эта квартира.

Урсула прошла мимо него, переступила через порог и огляделась по сторонам. Красиво. Потолок был низким, стены выкрашены в белый цвет, мебель старая, из прошлого века, дополненная холодильником и плитой, а также яркими покрывалами. Пахло застоявшимся воздухом.

– Здесь уже давно никто не бывал, – извиняющимся тоном произнес адвокат. Он прошел в комнату и распахнул окно. Внутрь тут же ворвался шум города, прогоняя ощущение безвременья, охватившее ее при входе в комнату. – Вы уверены, что хотите остановиться здесь? Водитель мог бы забирать вас по вечерам и…

– Можете закрыть, – ответила Урсула и положила сумку на сиденье кухонного уголка. – Нет, каждый день такое расстояние – пустая трата времени. Я уж как-нибудь справлюсь.

Альберто Вакки послушно закрыл окно и принялся обходить комнату, распахивая дверцы шкафов.

– Посуда, целая куча. Вот, баночки всякие. – Он взял одну из них, поднял голову, чтобы прочесть надпись с помощью нижней части своих бифокальных очков. – Даже срок годности еще не истек, вот как.

Урсула открыла холодильник. Он был включен на самый минимум, но внутри не оказалось ничего, кроме бутылки с водой.

– Могу посоветовать вам парочку ресторанов, совсем рядом, где вы сможете…

Урсула покачала головой.

– Я о себе позабочусь.

Старый адвокат провел рукой по волнистым волосам.

– Надо было подумать о том, чтобы купить продукты. Может быть, попросить привезти вам что-то?

– Я куплю. Мне много не нужно. Парочка *pani* , немного *latte,* чуть-чуть *verdura … e salame … vino rosso …*[56]

– *Bene ,* – ответил он. – *D 'accordo.* [57] – Некоторое время он задумчиво рассматривал свои туфли. – Я сообщу вам комбинацию для комнаты с документами. Она изменяется каждый месяц, но ведь до конца августа еще две недели. Вы получите ключ… Что еще? – Он посмотрел на нее. – Ах, да. Уведомлю ключника. Он заходит четыре раза в день и проверяет, все ли заперто. Он должен знать о вашем присутствии. – Мужчина задумался, но больше ничего ему в голову не пришло. – *Si* , это все. В остальном – повсюду есть телефоны, и если вам что-то понадобится… или что-то случится… Просто позвоните.

– Обязательно, – кивнула Урсула. Пожилой мужчина с торчащим из кармана уголком платка казался по-настоящему обеспокоенным.

– Что вы собираетесь делать? – спросил он.

Урсула пожала плечами.

– Искать, – сказала она. – Это я хорошо умею. Искать, пока что-нибудь не найду.

Посланник правительства оказался молодым стройным филиппинцем по имени Бенигно Татад, с поясницей как у олимпийского пловца. Он вежливо поздоровался с Джоном, пояснил, что президент Рамос лично передавал ему привет, и казался таким запуганным, словно богатство Джона было чем-то таким, перед чем нужно было немедленно падать на колени. Когда же на сцене появилась Патрисия, он совершенно растерялся. Дрожащими руками он развернул карту Филиппинских островов и предложил им курс к «сказочным островам и заброшенным пляжам мечты», как он выразился. И в буквальном смысле слова сбежал, когда Джон согласился с ним и попросил его сообщить о курсе капитану.

Вскоре яхта «ПРОРОЧЕСТВО» сильно набрала ход и пошла на юг. Они миновали залив Балаян, в то время как над Южно-Китайским морем садилось солнце, причудливо окрашивая мир в симфонию оттенков красного и оранжевого. Море было спокойным, темно-серым и фиолетовым из-за теней северного побережья острова Мондоро, когда они добрались до пролива у острова Верде. С наступлением ночи они бросили якорь перед Пуэрто Галера и на моторной лодке перебрались на берег, окунувшись в яркую ночную жизнь.

Странное они представляли собой зрелище. Считая телохранителей, вокруг Патрисии собралось семеро мужчин, чем, похоже, в буквальном смысле слова наслаждалась королева красоты. Она не шла, она пританцовывала, флиртовала направо и налево и, судя по всему, по-настоящему веселилась.

– За нами наблюдают? – спросил Джон у Марко, когда они покинули первую дискотеку.

Тот спокойно кивнул.

– Двое с камерой прямо за нами. А там, впереди, на велосипеде, кажется, еще один.

Джон склонился к Патрисии.

– Мы на работе.

– Готова спорить, вы получаете от этого удовольствие, – насмешливо произнесла она.

Они посетили еще несколько ярких дискотек и один довольно грязный бар, а затем наконец пошли к лодке вдоль берега. Их откомандированный государством постоянный

---

[56] Хлеба, молока, зелени, колбасы, красного вина (*итал.*).

[57] Хорошо. Договорились (*итал.*).

спутник старался делать хорошую мину при плохой игре, но улыбка его стала совсем неестественной, а когда Джон спросил его, тот признался, что он не считает ночную Пуэрто Галера одной из тех жемчужин, которые ему поручили показать.

На протяжении последующих дней они скользили мимо испещренных скалами побережий, густых лесов и обрамленных пальмами пляжей. Время от времени встречались ярко выкрашенные рыбацкие лодки, одинокие и в компании, с рычащими моторами и с уключинами, некоторые спокойно стояли на воде, другие – с натянутыми парусами. Им махали руками, но, похоже, особо не обращали внимания на огромную яхту. Они пересекли море Сибуян, прошли вдоль побережья Южного Лусона и, наконец, увидели вулкан Майон, уходящий высоко в небо, идеальной конусообразной формы. Из его узкого кратера поднималась, извиваясь, тонкая белая струйка дыма, словно постоянное напоминание об опасности, которую он собой представлял.

Патрисия предложила немного пройтись пешком по городу у подножия вулкана – Легаспи. Бенигно Татад осмелился осторожно заметить, что это исключительно неинтересный и скучный город без какого бы то ни было стиля.

– Ну и ладно, – сразу сказала Патрисия. – Тогда мы будем делать что-нибудь другое.

– Нам стоит направиться в Боракай, – посоветовал посланник. – Многие говорят, что пляжи Боракая – самые красивые в мире.

И они поехали дальше, среди маленьких и больших островов, по воде, прозрачной, как в раю, обратно в Висайское море и снова на запад. Один раз прилетел спортивный самолет, принялся наворачивать круги над ними, однако сложно было сказать, сидят там репортеры или просто туристы, которые хотят сделать необычные фотографии. То, что послужило поводом и целью путешествия, постепенно забывалось; спокойное равномерное течение дней, самыми важными событиями которых были вкусные ужины и часы дремы под тентом, мягкое покачивание корабля и шум разрезаемой килем воды убаюкивали, прогоняя прочь все мысли о мире, существовавшем по ту сторону этого рая. Джону казалось, что с него спадает все напряжение, скопившееся за два года в бесконечном марафоне без точек и запятых, без передышек. Иногда он спрашивал себя, останется ли от него что-то, если он полностью расслабится.

Боракай. По сверкавшим лазурью водам они проходили широкие бухты, где толпились маленькие весельные лодки с яркими парусами, дивясь пляжам, покрытым молочно-белым песком и, как в книжках, обрамленным кокосовыми пальмами. Самый крупный пляж, Уайт Бич, оказался с туристической точки зрения малообустроенным, но благодаря помощи Бенигно они нашли небольшой интересный пляж к югу от него.

– Здесь есть чудесные коралловые рифы. Если хотите, можете понырять рядом, – предложил Бенигно.

Джон особого восторга не проявил.

– Я не умею нырять.

– Я вызову инструктора, который научит вас, нет проблем. Со всем необходимым снаряжением.

Патрисия же сочла идею потрясающей. Она настояла на том, чтобы Бенигно нырял вместе с ней, на что тот, испытывая, очевидно, противоречивые чувства, согласился. Через несколько дней приехал инструктор по подводному плаванию, пожилой филиппинец с седеющими волосами, который, не считая необходимых для обучения выражений, говорил по-английски очень плохо, зато приволок с собой столько аппаратов, что их хватило бы на полбатальона.

Джон перенес свои часы безделья на бак, предоставив остальным возможность упражняться с дыхательными трубками на юте, и стал наслаждаться покоем.

– Официально я приехал затем, чтобы сообщить вам новые кодовые числа для замков, – пояснил Кристофоро Вакки, который недавно стал ходить опираясь на палку, и мягко улыбнулся. – Но, конечно же, для меня это был хороший повод посмотреть, как вы здесь

поживаете. Каждый раз за обедом и ужином мы говорим о вас. Ну, утверждать, что мы беспокоимся, – это было бы слишком громко, но размышляем – это да. Нам ведь ничего другого особенно и не остается.

Урсула, моргая, смотрела на *padrone* , удивленная тем, что он появился так неожиданно, озадаченная присутствием в этих комнатах другого человека.

– Что, уже действительно конец августа? – спросила она.

– Тридцать первое.

– Невероятно.

Она утратила чувство времени, как всегда, когда зарывалась в архивы и ее при этом оставляли в покое. Ей казалось, что она приехала только вчера, и в то же время, если бы ей сказали, что снаружи прошли годы, она бы поверила. Отложив в сторону карандаш, она встала, чувствуя неловкость из-за необходимости разговаривать.

– Я нашла кое-что, что кажется мне странным. Вам стоит взглянуть на это.

– С удовольствием.

Она открыла кондиционированный шкаф, где хранились книги Джакомо Фонтанелли, провела рукой по отчасти грубо, отчасти изысканно переплетенным корешкам, из которых торчали неровно разрезанные, исписанные торопливым почерком полоски бумаги и закладки, которые она перелистывала пальцем.

– Вот. – Она вынула из шкафа тонкую книгу, одну из последних, открыла на нужной странице, показала ему. – Вот. Эта запись. Как бы вы перевели это?

Padrone поправил очки, изучая бледные неровные строки.

– Хм… Нелегко.

– Фонтанелли постепенно приобрел привычку писать в своих книгах заметки на полях, почти дневник. С кем говорил, где почуял сделку, в таком духе. Это единственная заметка, которая носит более личный характер.

Кристофоро Вакки сел за рабочий стол, придвинул к себе лампу, прочел про себя строки.

– Действительно странно, – сказал он затем и перевел: – «Сегодня говорил с отцом. Возможно, это выход». Интересно, что он имел в виду?

– До сих пор я думала, что он был внебрачным ребенком и его отец неизвестен, – произнесла Урсула.

– Он говорит так в своем завещании.

– В котором он также утверждает, что оставил состояние, а не долги. – Урсула покачала головой. – Я все подсчитала. Все годы, все флорины и цехины, марки и пфенниги. Хаос царит невероятный, но он все записывал правильно. Если он когда и откладывал деньги, то только от сделок, которые не указаны в книгах.

Padrone осторожно перевернул древние шелестящие страницы.

– Когда сделана эта запись?

– В марте 1522 года. – Она сверилась со своими заметками, заглянув в толстый блокнот, исписанный колонками чисел. – Тогда у него было почти пятьсот флоринов долга, и он затягивал их возврат, пока вскоре некий Дж. не дал ему взаймы двести флоринов. Он многого добился плутовством, великий учредитель.

Вакки закрыл книгу, отложил ее в сторону.

– И как вы себе это объясняете?

Урсула помассировала подбородок.

– Пока никак. Я знаю только, что мне нужно в Рим. Я должна найти остальные документы Джакомо Фонтанелли.

– Которые могут быть бог знает где.

– Их перемещали в этом столетии. Наверняка существуют записи, протоколы, что-то, что поможет мне найти их.

– Вы считаете себя способной на это?

– Да.

Она входила в состав комитета, который после окончания просоветского режима должен был решить судьбу учителей, профессоров и других государственных служащих. Свой талант находить документы она обнаружила в архивах распущенной службы госбезопасности и иногда боялась самой себя, когда находила документы, уличавшие кого-то в работе на «штази», несмотря на то что они были спрятаны или неправильно отсортированы. Шестое чувство. Да, она верила, что сможет.

– Хорошо, – произнес *padrone* . – Мы все устроим. Знаю я кое-кого, кому можно позвонить, чтобы перед вами открылись кое-какие двери…

Разбудивший его стюард сделал это не для того, чтобы напомнить ему об обеде, а чтобы передать ему телефон. Звонил Маккейн, и он сказал:

– Принцесса Диана мертва.

Джон сел, поднес трубку к другому уху и скривился, прогоняя чувство глухой сонливости.

– Что-что?

– Бывшая супруга наследника британского трона. Сегодня ночью в Париже она врезалась на своей машине в опору моста.

– Что? – Влажная жара давила на затылок. – Как так?

– Похоже, они пытались сбежать от своры фотографов, преследовавших их на мотоциклах. Они были вчетвером: она, ее парень, водитель и телохранитель. Последний еще жив, но непонятно, выживет ли. Трагедия, да.

– Вот как. – Наконец зрение снова сфокусировалось. Он вспомнил, как его зовут. Наверное, ему следовало испытывать какое-то огорчение, сочувствие, но внутри не было ничего. – А зачем вы мне это рассказываете? Я должен приехать на похороны, что ли?

– Нет, все не настолько далеко зашло. Я рассказываю вам об этом, поскольку это означает, что внимание общественности привлекли другие и, должен признать, более интересные события, чем ваш роман с мисс де Бирс.

– Ах, вот как. – Может быть, он должен обидеться? – Значит, мне пора возвращаться?

Маккейн закашлялся.

– Да уж, похоже, вы ждете не дождетесь, когда это можно будет сделать. Неужели прекраснейшая женщина в мире настолько ужасна?

– Ну, уже терпимо.

– С тех пор, как вы уложили ее в постель, я полагаю. Нет, я собирался попросить вас остаться, несмотря ни на что. Сначала мне хотелось бы проследить за тем, продержится ли интенсивность сообщений на нужном уровне. Тут как раз намечается что-то вроде продолжительного публицистического оргазма, но даже похороны принцессы когда-нибудь закончатся, и тогда… Еще две недели. Если не придется больше ничего инсценировать.

Джон посмотрел на свои босые ноги, пошевелил пальцами, моргая, устремил взгляд на бесконечное голубое небо. Он совершенно не мог себе представить возвращение обратно в офис.

– Ну ладно. Мне все равно.

«Надеюсь, это прозвучало достаточно самоотверженно», – подумал он, когда по окончании телефонного разговора удовлетворенно вздохнул и опустился обратно на шезлонг. И, прежде чем снова уснуть, он подумал: «Кто мог знать, что фотографы могут быть настолько опасны…»

Маккейн положил трубку на рычаг, лоб его покрылся сеточкой тревожных морщин. Было пять часов утра, он просидел в офисе всю ночь. Напротив него стояли три телевизора, настроенных на три новостных канала: Си-эн-эн, «Нью» и «Скай-ньюс». На четвертом мониторе постоянно крутились новости в виде текста: служба новостей Рейтер. За окном постепенно просыпался Лондон.

– Фостер, – произнес он в темноту.

Человек, подошедший к его столу, был стройным и высоким, и больше вы почти ничего о нем не смогли бы сказать, если бы встретили его где-то на улице. У него были глаза цвета обсидиана, тонкие усы, но глаза его легко меняли цвет, а усы легко сбривались, если не были накладными.

– Принцесса – не единственная женщина, которая вчера умерла в Париже, – произнес Маккейн, вынул тонкую папку из стопки и пододвинул к нему.

Фостер молча прочел, просмотрел фотографии.

– Константина Вольпе. Что с ней могло случиться?

– Это не проблема. Проблему зовут Марвин Коупленд. Он хочет быть рок-музыкантом, и, к несчастью, он друг мистера Фонтанелли из прежней жизни. – Маккейн откинулся в кресле, провел обеими руками по волосам. – По справедливости он сейчас сидел бы не в парижской следственной тюрьме, а в настоящей итальянской кутузке. Мистер Фонтанелли допустил ошибку, освободив его. Если бы он не сделал этого, Константина Вольпе сейчас не стала бы не знаю какой по счету умершей от передозировки героина во французской статистике потребления наркотиков.

Фостер протянул папку обратно. Он прочел ее, она ему больше не понадобится.

– И что же вы хотите, чтобы я сделал?

Маккейн, вздохнув, снова поднял глаза.

– В аэропорту стоит самолет, готовый взлететь, он отвезет вас в Париж. Как только начнет работу французское правосудие, я хочу, чтобы вы были там. Вытащите Коупленда – под залог, под что хотите, главное, увезите его из страны.

– Куда?

– В Канаду. Там есть частная клиника, где хорошо работают и не задают вопросов, пока им исправно платят по счетам. – Он открыл ящик, достал оттуда карточку. – Вот адрес. – Еще одна карточка. – По этому номеру телефона вы свяжетесь с человеком, который уже давно работает на меня в США. Он сможет помочь вам на месте.

Фостер пристально изучил обе карточки в слабом свете настольной лампы и тоже вернул их обратно.

– Как его зовут?

– Как его зовут, да, – задумался Маккейн. – Скажем, его зовут Рон Батлер. – Он открыл другой ящик, достал из него стальную шкатулку для денег, извлек из нее толстый конверт. – Здесь сто тысяч фунтов. Все, что было в сейфе. Если вам понадобится больше для залога, позвоните мне. Позвоните мне в любом случае, как только Коупленд будет у вас. В клинику я уже сообщил, жду лишь окончательного подтверждения; их руководство работает только днем.

– *Alright* . – Фостер взял конверт, не глядя, спрятал в карман. – Клиника… Это надежное решение?

– Коупленд – друг мистера Фонтанелли, помните об этом.

– Я помню об этом.

– В остальном же могу вас успокоить. Клиника расположена в никому не известном месте в Квебеке, и тамошние люди умеют следить за пациентами. У них статистика побегов лучше, чем в Алькатрасе. Оттуда выходят только абсолютно *чистыми* – а иногда даже вообще не выходят. – Маккейн потер покрасневшие глаза. – Пока оплачиваются счета. А они будут оплачиваться.

Фостер кивнул. Не мелькнула ли улыбка? Наверное, это просто обман зрения, отблеск света, заливающего город.

Маккейн потянулся, тяжело опустил руку на стопку документов.

– На данный момент это все. Как будто мало мне этих жалоб профсоюзов, объявлений и проблем с балансом, еще приходится возиться с идиотом, который тянет за собой на дно всех, кто с ним соприкасается. Омерзительно. Идите, Фостер, и прошу вас, избавьте меня от этой проблемы.

– Как всегда, мистер Маккейн, – коротко кивнул тот и снова отступил в сумерки,

казалось, слившись с ними. Но вдруг остановился в дверях. – Это происшествие… Если бы про него пронюхали СМИ, мистеру Фонтанелли было бы неприятно, верно?

Маккейн мрачно посмотрел на него.

– Верно.

– С этой точки зрения смерть принцессы нам на руку.

– Да, – только и сказал Маккейн.

Они снова шли на юг, прямо в царство тысячи островов, мимо скалистых берегов, песчаных склонов, низко нависающих над водой пальм, везде, где радар обнаруживал фарватер. Патрисия и Бенигно ныряли, как только яхта «ПРОРОЧЕСТВО» бросала якорь, восхищенно рассказывали о роскошных ярких кораллах, морских анемонах и стайках рыб, когда встречались с Джоном за столом. При этом ему казалось, что в их общении появилась некая доверительность, заставившая его задуматься о том, не завела ли Патрисия роман с молодым привлекательным посланником правительства. С другой стороны, его это не касается; пусть делают, что хотят.

Наконец ему стало скучно спать целыми днями, и он позволил убедить себя попробовать понырять. Он некоторое время упражнялся с дыхательной трубкой под присмотром инструктора, понаблюдал, как те двое дружно исчезают в загадочных лазурных глубинах, осмотрел корпус «ПРОРОЧЕСТВА» и заскучал. Пока яхта скользила по кристально-чистому морю, Джон учился правильно дышать с помощью дыхательного прибора, как надевать неопреновый костюм, запоминал самые важные жесты. Наконец они снова бросили якорь неподалеку от довольно большого и, очевидно, населенного острова, напротив скалы, за которой словно по заказу начиналась сверкающая коралловая бухта; узкий песчаный пляж ее был усеян выброшенной на берег древесиной.

– Этот остров – вы знаете, как он называется? – обратился Джон к посланнику.

Тот возился со своим костюмом.

– Панглаван, – произнес он, подняв на него быстрый взгляд, с мимолетной, несколько кривоватой улыбкой на губах. Джон уже успел научиться понимать его; это означало, что Бенигно не знал ответа или, по крайней мере, знал неточно.

В принципе, какая разница? После прощальных напутствий инструктора Джон, как и все остальные, надел маску, поправил дыхательный прибор и отправился вниз, в лазурное море, к чудесам нетронутой природы.

Сначала его окружал только хаос пляшущих пузырьков воздуха, бутылка с кислородом, казалось, собралась отвалиться, и ему потребовалось некоторое время, чтобы сориентироваться. А когда он наконец смог оглядеться по сторонам, то увидел только пустыню.

Все здесь было мертво. Горстка маленьких пестрых тропических рыбок мелькнула над серым морским дном, словно торопясь убраться отсюда. Когда Джон подплыл ближе, они поспешно спрятались в темных дырах отмершего кораллового рифа. Джон коснулся чего-то, похожего на камень, и он раскрошился под его пальцами. Он поднял голову. К нему приближалась Патрисия, ее длинные волосы развевались, словно у русалки, и в ее глазах он прочел ту же самую подавленность, которую испытывал сам.

Они поплыли дальше, Бенигно далеко впереди, но, куда ни глянь, повсюду простиралась только серая безжизненная подводная пустыня. Любая площадь перед супермаркетом была менее унылым зрелищем, чем эта коралловая бухта. Наконец Бенигно остановился, обернулся и подозвал их к себе.

В этот миг Джон услышал глухое «бум!» и сразу за ним – снова, и потребовались бесконечные минуты, чтобы понять: то, что он слышал, было взрывами.

32

Альберто Вакки ждал ее на террасе перед отелем, когда она вернулась из городского

архива, как и во все минувшие дни. Она не знала, что он делает целыми днями; судя по всему, ничего, только сидел, пил капуччино и ждал ее.

Она опустилась на свободный стул напротив, держа на коленях сумку с блокнотами и фотокопиями, и устало посмотрела на него.

– Вы сегодня рано, – произнес старый адвокат, выдержав ее взгляд из-под сочувственно поднятых бровей. – Хотите чего-нибудь выпить? В горле у вас наверняка пересохло.

– Не только в горле, – кивнула Урсула Вален, переставляя сумку на третий стул. – Воды, да, пожалуйста. Или виски, виски. Двойной, тройной…

Он сделал знак официанту.

– *Madre mio,* звучит не очень.

– Это безнадежно, Альберто. Безнадежно. Я уже не могу придумать ключевое слово для поиска. Мне кажется, будто я успела подержать в руках каждый листок бумаги из тех, что у них там есть.

– Может быть, вам нужна помощь. Я мог бы пригласить нескольких студенток из…

– Нет, дело не в этом. Люди, которые помогали мне, они потрясающие – старательные, думают, говорят по-английски лучше меня… Нет, документов там нет. Точка.

Появился *cameriere* [58], стройный и смуглый мужчина с острым крючковатым носом. Урсула Вален заказала себе «Сан Пеллегрино» и *caffè con latte* [59], а Альберто Вакки – *amaretto* [60].

– Хм, – произнес он, когда официант снова удалился, втягивая голову в плечи, так что на шее образовались складки. – Но они были указаны в журнале для учета входящих бумаг, верно? Они должны быть там.

– Мы искали в поименном списке. Никаких Фонтанелли. Был один Вакки, но он не имеет к вам никакого отношения. Искали в списке по местностям, в каталоге по ключевым словам, в…

Внезапный грохот заставил ее обернуться. Кто-то врезался в двустворчатую дверь, которая вела на кухню, на полу лежал поднос, на нем – осколки зеленой бутылки из-под минеральной воды и стакана, а ученица, с трудом сдерживая слезы, выслушивала гневную тираду *cameriere.*

Альберто происшествие, похоже, развеселило.

– Когда я останавливался здесь в прошлом году, случилось то же самое, – рассказал он. – Им стоит повесить что-то вроде знаков дорожного движения, чтобы каждый сразу понимал, через какую дверь входят, а через какую выходят.

– Да, – с отсутствующим видом произнесла Урсула. – Думаю, рано или поздно они это сделают. – Луч заходящего солнца ярко отразился в одном из осколков. Одна из створок продолжала открываться и закрываться, издавая негромкие, похожие на птичий щебет скрипы. Альберто сказал что-то еще, она не услышала, думая о знаках и выходах на кухню, покачивая головой. – Я идиотка! Я самая большая идиотка, которая когда-либо…

– Урсула? – переспросил Альберто, обеспокоенно глядя на нее. – Что с вами?

Она встала, посмотрела на наручные часы. Еще можно успеть.

– Мне нужно еще раз наведаться в архив. – Она едва заметила, что внезапно перешла на немецкий язык.

– В архив? Но ведь уже поздно…

– Журнал регистрации исходящих бумаг. Я забыла посмотреть в журнале для исходящих.

---

[58] Официант (*итал.*).

[59] Кофе с молоком (*итал.*).

[60] Амаретто – горьковатый ликер (*итал.*).

Они вынырнули. Приняв вертикальное положение, Бенигно сорвал маску с лица.

– Динамитчики! – взволнованно воскликнул он, оглядываясь по сторонам, затем указал рукой: – Вон там.

И действительно, на волнах покачивалась узкая рыбацкая лодка, на расстоянии не более четверти мили. В ней виднелись двое мужчин, один был на веслах, второй орудовал большим сачком.

– Ну, тогда уходим, – произнес Джон, оглядываясь в поисках «ПРОРОЧЕСТВА», но яхта стояла на якоре за скалой, закрывавшей бухту, и была не видна отсюда.

– Нет, мне нужно туда, – настаивал посланник правительства. – Рыбная ловля с динамитом строжайше запрещена. Это разрушает кораллы, уничтожает мальков… Вы ведь видели. Остановить этих людей – моя задача.

– Как вы их остановите? Голыми руками? У тех людей *динамит* !

Но Бенигно только покачал головой, снова надел маску и нырнул, поплыв по направлению к лодке.

– И что нам теперь делать? – обеспокоенно спросила Патрисия. – Мы ведь не можем бросить его одного.

Джон скривился.

– Мои телохранители разом уволятся, если я просто возьму и поплыву за ним. – Он нащупал на поясе небольшой пластиковый футляр, который Марко дал ему перед погружением, расстегнул застежку и вынул рацию. – Посмотрим, действительно ли эти штуки настолько водонепроницаемы, как утверждает производитель. – Он включил рацию, и правда, даже на мокром приборе загорелся красный светодиод. – Милая игрушка. – Он нажал на кнопку вызова. – Марко? Вы меня слышите?

– *Шлышшу ваши хорохо,* – со скрежетом донеслось из запечатанного динамика.

– Марко, пожалуйста, приезжайте на моторной лодке, – крикнул Джон в запечатанный подобным же образом микрофон, надеясь, что выразился достаточно ясно и недвусмысленно. – Мы в бухте. И поспешите.

В ответ донеслось только невнятное *«мхрхкрхр»* .

– На лодке, – повторил он. – Лодке. Приезжайте. Быстро.

– *Имхрхр крххр техрхр* .

Джон посмотрел на светодиод, вдруг показавшийся ему похожим на насмешливо сверкающий глаз.

– Ну, в любом случае я сделал, что смог, – произнес он, снова выключил прибор и спрятал его обратно в футляр. – Идемте. Не будем оставлять Бенигно одного.

Они сняли дыхательные приборы и поплыли за ним над водой, не имея ни малейшего шанса догнать его. Очевидно, широкими плечами он был обязан не только своим генам. И пока они двигались к рыбацкой лодке, вокруг них всплывали на поверхность крохотные рыбы, все больше и больше по мере того, как они приближались к лодке, – жертвы двух подводных взрывов.

Оба рыбака возились с другой стороны лодки, собирая добычу, и не замечали их. Когда рядом с ними из-под воды внезапно вынырнул Бенигно, они до смерти перепугались.

Один даже едва не выронил свой сачок, второй закричал. Бенигно закричал в ответ на языке, состоявшем для ушей Джона из вариаций слов «маланг-маланг» и «алала», а потом они завопили наперебой.

Потом тот, который сидел на веслах, заметил, что к лодке подплыли и Джон с Патрисией. Он вскочил, поднял весло вверх, принялся кричать и жестикулировать, очевидно, вне себя от страха. Второй заговорил с ним, пытаясь успокоить его, но, очевидно, повлиять на своего спутника особо не мог.

– Боже мой! – закричала Патрисия, глотнула воды, тут же выплюнула ее. – Он сейчас проломит Бенигно голову!

Джон не ответил, в первую очередь потому, что не успел перевести дух после

стремительного рывка. Он остановился и вытянул руку, пытаясь помешать Патрисии подплыть ближе к лодке, раскачивающейся под вышедшим из себя гребцом, – та наверняка опрокинулась бы, если бы не выносные поплавки. Это уже были не шутки.

– Он боится за свою лодку, – тяжело дыша, произнесла Патрисия, принимая вертикальное положение. – Ее конфискуют, если поймают его на ловле с динамитом. Раньше за это даже полагалась смертная казнь.

Джон бросил на нее удивленный взгляд.

– Откуда вы знаете?

– Было написано в путеводителе.

Это объясняло волнение мужчины. Рыбак без лодки – это наверняка конец. Людей убивали и за меньшее.

Но вместо того чтобы ударить, держащий весло мужчина вдруг замер, уставившись на горизонт поверх их голов. Они невольно обернулись, чтобы посмотреть, что там такое, и увидели: прямо на них по волнам неслась моторная лодка с «ПРОРОЧЕСТВА», белая и элегантная. Теперь, когда крики стихли, слышался глухой стук подвесного мотора.

Приземистая фигура рыбака обмякла. Он выпустил весло, сел и заплакал, закрыв лицо ладонями. Второй смущенно поглядел на него, опустив руку в сачок, где извивались рыбешки, и оба покорились судьбе.

Моторная лодка величественно приближалась. За рулем сидел Марко, рядом с ним – молодой жилистый мужчина в солнечных очках, которого, насколько помнил Джон, звали Крис – ирландец с копной рыжих волос, явно страдавший от лучей тропического солнца.

– Все в порядке? – обеспокоенно спросил Марко, спуская вниз лестницу, чтобы они могли подняться на борт.

Но что потрясло Джона сильнее всего, так это то, насколько скудной оказалась добыча рыбаков. Дно допотопного горчично-желтого пластикового ведра было едва покрыто рыбой, каждая – не длиннее ладони. Вместе с теми, которые еще плавали в воде, их хватило бы, пожалуй, на то, чтобы пообедать два раза, если есть их с плавниками и костями.

– Я не понимаю, – сказал он, обращаясь к Бенигно. – Разве это выгодно? Я имею в виду, динамит ведь не раздают бесплатно?

Бенигно был не в настроении заниматься промышленными расчетами. Он сидел, вытирал лицо дрожащими руками и бормотал что-то на своем родном языке.

– Более девяноста процентов коралловых рифов уже уничтожены динамитом, – вырвалось у него. – Им запрещают. У них отнимают лодки. А они не останавливаются.

– Да, – кивнул Джон. – Но для этого должна быть причина.

– Потому что они *глупы* ! Глупы, суеверны и упрямы. – Он выглядел по-настоящему усталым.

Джон оглядел присутствующих. Марко смотрел на него, ожидая указаний. Патрисия сидела на скамье рядом с Бенигно и, казалось, не могла решить, обнять его или не стоит. Оба рыбака смотрели на него из своей раскачивающейся на волнах лодки, на их лицах читался ужас.

– Бенигно, – произнес Джон, – я хочу увидеть, как они живут.

Посланник правительства непонимающе уставился на него.

– Как они живут?

– Да. Их деревню, их семьи, все, что их окружает. Я хочу понять, почему они это делают.

– Зачем?

– Я ведь только что сказал: я хочу понять, как они живут.

Широкоплечий филиппинец собрался было что-то ответить, но тут вспомнил о своем поручении.

– Они живут очень просто. Вам наверняка будет неинтересно.

– Раз уж я этим заинтересовался, то мне наверняка будет интересно.

Тот боролся с собой.

– Но ведь это не входит в число достопримечательностей моей страны. Я должен показывать вам их. А не жалкую рыбацкую деревушку.

– Достопримечательности вашей страны я наблюдаю уже три недели.

Бенигно уставился на палубу, словно там лежало что-то очень увлекательное.

– Правда, нам стоит передать их соответствующим органам и плыть дальше. Так будет лучше всего.

– Для этих двоих – вряд ли. И у меня нет ни малейшего желания играть в полицейского. – Джон потер подбородок. – Но, конечно же, я не хочу вас заставлять. Мой секретариат найдет переводчика и пришлет его сюда в течение нескольких часов. – Это было ложью, на самом деле он хотел его заставить. Впервые он осознал уроки Маккейна относительно власти и умения с ней обращаться и сознательно применил их.

Надо сказать, успешно. Бенигно уставился куда-то в пустоту. В молчании, последовавшем за словами Джона, можно было почти услышать его мысли. Что его отправят домой. И какой это будет позор.

– Нет, в этом нет необходимости, – наконец пробормотал он. – Если вам так хочется…

– Спасибо. – Джон указал на рыбаков. – Скажите им, чего мы хотим. Чтобы они отвели нас в свою деревню.

– Прямо сейчас? – Патрисия вскочила. – Нет, Джон, вы не можете этого сделать. Мне нужно обратно на борт, смыть соль с волос.

«Конечно, прямо сейчас, – подумал Джон. – Потом мы их не найдем».

– Мы вернемся сегодня вечером. Бенигно, прошу вас.

Пока Патрисия ворчала, посланник перегнулся через поручни и заговорил с рыбаками. Тот, что с веслом, приземистый мужчина с испещренным шрамами лицом, говорил, очевидно, от имени обоих; второй, у которого, как заметил Джон, на каждой руке не хватало пальцев, что заставляло предположить, что он не первый день возится с динамитом, хоть и был заметно старше, но казался мягче и слабее.

– Они настроены довольно недоброжелательно, – сказал Бенигно. – Спрашивают, что нам нужно в деревне. Они думают, что мы хотим причинить вред их семьям.

– Скажите им, что им нечего бояться. Мы не станем на них доносить.

Бенигно откашлялся.

– Если позволите дать вам совет… Дайте им немного денег. Пять долларов или десять, здесь это целое состояние. Тогда они вам поверят.

Джон похлопал себя по неопреновому костюму. Конечно, денег у него с собой не было. Если подумать, с тех пор, как он стал богатым, он практически перестал носить с собой наличность.

– У кого-нибудь есть десять долларов? – спросил он, обводя всех взглядом. – Марко, может быть, у вас есть? Я вам верну.

– С процентами? – усмехнулся Марко, обшаривая карманы брюк. Действительно, там обнаружилась десятидолларовая банкнота, и телохранитель протянул ее Джону. – Теперь вы мне должны.

– Спасибо.

Он передал банкноту Бенигно, который, в свою очередь, протянул ее рыбакам. Последовали долгие переговоры, глаза у гребца засветились, он посмотрел на сидящих в большой моторной лодке и взял десять долларов.

– Итак, его зовут Педро, а второго – Франциско, – наконец сообщил Бенигно. – И они отведут нас в свою деревню.

Деревня стояла очень близко к воде, словно лес за ней постепенно подталкивал ее к морю. Маленькие серые хижины со стенами из плетеной соломы и крышами из потрепанных пальмовых листьев теснились почти вплотную друг к другу, некоторые из них были построены на сваях над водой или в кронах мангровых деревьев, росших прямо из воды. На веревках висели блеклые тряпки, в которых только со второго взгляда

угадывались футболки, рубашки, шорты, равно как не сразу замечались и перегородки из картона, гофрированной стали и пластика, стоявшие за хижинами и между ними. Стайки детей, по большей части полуголых, сбежались к берегу, когда большая белоснежная моторная лодка остановилась возле их полуразрушенного причала, словно предмет из другого мира.

– Не прикасайтесь к их головам, – негромко произнес Бенигно, – даже к детям. Это считается невежливым.

Но это им и не грозило, поскольку большинство детей держались на почтительном расстоянии и только хихикали, глядя на их облегающие тела и поскрипывающие при каждом шаге неопреновые костюмы. С таким эскортом они последовали за обоими рыбаками, даже Патрисия, которая упрямо твердила, что ее нога не ступит на эту землю, вплоть до того момента, пока лодка не остановилась. В ней остался только Крис.

Еще на причале им встретился мужчина, вместо правой руки у которого был ржавый крюк; они пожали ему левую руку. Перед одной из хижин на стуле сидел мужчина, от ноги которого осталось только бедро; на нем стояла коричневая бутылка, и он мрачно смотрел на них. Гости увидели нескольких безногих молодых людей, ходивших на самодельных костылях. Другой мужчина лишился руки, а когда их провожатые заметили, насколько их это трогает, то показали им хижину, где жил мужчина, у которого не было ни рук, ни ног; он лежал в свисавшем с потолка гамаке. Они что-то сказали на своем языке и от души расхохотались; смеялся даже мужчина в гамаке – резким беззубым смехом.

– Что они сказали? – спросил Джон.

– Что с тех пор, как с ним случилось несчастье, он произвел на свет двоих детей, – смущенно пояснил Бенигно.

Патрисия отвернулась.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – произнесла она.

Происходящее напоминало наркотическое опьянение, прогулку в другой мир, адский кошмар. Это была не рыбацкая деревня, это был театр военных действий. Ее жители производили впечатление живущих на фронте, где на каждом шагу попадаются мины, и, тем не менее, сражались они, похоже, только за выживание.

Они добрались до хижины Педро. Его жена, хрупкая женщина с большими умными глазами, низко поклонилась, а затем муж грубым голосом послал ее за угощением для гостей. Она исчезла и вернулась с опущенной головой, держа в руках коричневую бутылку без этикетки, откуда пахло алкоголем, и миску холодного риса с кусками рыбы в нем. Тем временем Педро продемонстрировал им своих семерых детей, четверо из них – сыновья, каждого представил по имени. А затем недвусмысленным жестом пригласил их присесть и поговорить.

– У меня есть с собой еще немного денег, – прошептал Марко. – Если будет уместно отблагодарить их за гостеприимство. Я имею в виду, что мы ведь съедим их недельный запас.

– Потом, – так же шепотом ответил ему Бенигно.

Франциско, относительно которого было все еще непонятно, какое отношение он имеет к Педро и его семье, остался с ними, и постепенно к ним присоединялись другие жители деревни, чтобы рассмотреть чужаков, – хотя вряд ли кто-то отваживался смотреть непосредственно на них, не считая самых маленьких, – и чтобы вставить в разговор свои пять копеек.

– Они говорят, что приходится выезжать все дальше и дальше, поскольку рядом с побережьем почти ничего не ловится, – перевел Бенигно их слова и с горечью добавил: – Неудивительно, они ведь все разрушили. Сами себя заперли.

С того места, где сидел Джон, он видел часть пляжа и старого оборванного мужчину на нем, который, похоже, ничего не слышал о происходящем: он забрасывал и вытягивал довольно мелкозернистую, судя по блеску, сеть из прибрежных вод, демонстрируя ангельское терпение, в одном и том же месте.

– Они вообще знают, что творят со своим динамитом? – спросил Джон. – Почему это запрещено?

Бенигно спросил, собравшиеся рыбаки ответили, а потом заговорил Бенигно, очевидно, объясняя причины запрета, о которых они, судя по выражению немого удивления на их лицах, никогда прежде не слышали. Что коралловый риф – родина для миллионов живых существ, и многие из них являются кормом для рыб, которых приманивают стаями. Что динамит разрушает все это. Что попытками увеличить улов они уничтожили свои рыболовецкие угодья, занимаясь сотворением подводной пустыни, которая не оставит средств к существованию уже их детям.

Джон снова посмотрел на старика на пляже и вспомнил, что когда-то однажды, сто лет назад, сидел в офисе и читал обо всем этом в книге. Тогда все казалось таким очевидным, причем сохранение коралловых рифов представлялось ему скорее делом вторичным. А здесь была реальность. Для этих людей сохранение коралловых рифов – вопрос жизни и смерти. Здесь все переставало быть простым, очевидным и чудесным.

– Они не знали, – ошеломленно сообщил Бенигно. – Они думали, что рыбная ловля с динамитом запрещена потому, что это опасно для рыбаков. – Он покачал головой. – И до конца они до сих пор не поняли…

Патрисия де Бирс зажала в пальцах кончики своих волос и принялась их рассматривать.

– Почему они вообще начали применять динамит? Я имею в виду, что старый добрый метод срабатывал на протяжении столетий, ведь так?

– Хороший вопрос, – кивнул Джон.

Бенигно передал вопрос. Первыми ответили более пожилые люди, разразившись длинными мелодичными рассказами, остальные утвердительно кивали, слушая их. Но посланник перевел все сказанное одним простым предложением:

– Уловов не хватало.

– А почему?

– Их стало слишком много.

– И им пришлось искать способ добывать больше рыбы, что было невозможно при помощи старых методов. – Джон понимающе кивнул. Итак, вот корень всех проблем: рост населения. Он огляделся по сторонам, посмотрел на детей. – А они не думали о том, чтобы вместо этого рожать меньше наследников?

Бенигно замялся, покачал головой.

– Об этом мне даже спрашивать не нужно. Подобные вещи запрещены.

– Что? – резко спросила Патрисия. – Предохранение от беременности?

– Это противоречит закону. И Божьей воле.

– А давать ребенку, больному воспалением легких, пенициллин – это тоже противно Божьей воле?

Он смущенно развел руками.

– Не мне судить об этом. Это дело Церкви. А я руководствуюсь тем, что говорят священники.

– Ты руководствуешься, вот как. – Она посмотрела на него с едкой обиженной улыбкой, наклонилась к нему и негромко сказала: – Хочу загадать тебе загадку. Я принимаю таблетки, да или нет? Угадай.

Бенигно смотрел на нее широко раскрытыми глазами, и Джону вдруг показалось, что у них был роман, который, впрочем, только что закончился.

Позже, возвращаясь к лодке, они встретили того старика с мелкозернистой сетью. За те два часа, что они там пробыли, он набрал горсть мальков – рыбок длиной один-два сантиметра.

Джон указал на них и попросил Бенигно:

– Узнайте у него, понимает ли он, что эти мальки уже никогда не вырастут в больших рыб, способных размножаться. Понимает ли он, что уничтожает последний шанс поймать здесь что-то через пару лет.

Бенигно сдержанно кивнул и сделал то, о чем его просили. Старик, на котором были только рваные красные спортивные брюки, посмотрел на них близорукими глазами, печально улыбнулся и что-то ответил. А потом прошел мимо них и на ходу слегка коснулся руки Джона.

Джон удивленно посмотрел ему вслед.

– Что он сказал?

– Он сказал, – перевел Бенигно, – зачем, мол, мне ждать, пока вырастут мальки, если до тех пор я умру от голода?

Было уже настолько поздно, что наконец-то подуло нечто вроде прохладного бриза. Они, как обычно, хорошо поужинали – с угрызениями совести, но хорошим аппетитом, а двое телохранителей помоложе выехали на лодке за костюмами, оставленными Джоном и Патрисией.

Большая яхта слегка покачивалась на волнах. Если прислушаться, стоя у поручней, можно было различить, как работают под водой стабилизаторы. Облака, похожие на струи дыма, закрывали часть звезд; и даже казалось, будто вдыхаешь дым.

Патрисия сидела в салоне, погрузившись в себя, и читала письма. Бенигно Татад сидел на носу и задумчиво глядел на воду. Джон совершил обход, поговорил со стюардом и поваром, с машинистами и капитаном Бруссаром, нашел, что все в полном порядке, и, наконец, удалился в свою каюту.

Именно эта комната казалась ему наименее жилой, напоминавшей скорее чересчур заставленный мебелью номер в отеле, чем дом, но сегодня вечером он был рад тому, что может закрыться здесь. Он рухнул в одно из кресел, некоторое время пытался просверлить взглядом воздух, а затем взял телефон, чтобы позвонить Маккейну.

– Окружающую среду на самом деле разрушает бедность, – сказал он, поведав о том, что пережил и узнал в течение дня. – Не рост населения, не нехватка образования – бедность. У того, кто голодает, нет выбора, оставить ли животное, которое он может убить, в живых только потому, что этот вид может вымереть. Потому что есть ему нужно *сейчас* . Он должен выжить, и это значит – или дерево, или он. Бедность – это когда ты прижат спиной к стене. Когда стоишь спиной к стене, нельзя считаться ни с другими людьми, ни с природой. Бедность – вот ключ ко всем проблемам.

Какой-то миг Маккейн помолчал, но, может быть, все дело было в спутниковой связи.

– Не могу возражать вам, – произнес он. – Вопрос только в том, какие выводы вы сделаете из этого?

– Я спрашиваю себя, не лучше ли организовать множество небольших проектов по всему миру, нацеленных на конкретные проблемы. К примеру здесь, на Филиппинах. Перед ужином я сделал несколько звонков тем людям, которых смог назвать мне посланник, и выяснил, что здесь можно было бы достичь огромных результатов, потратив до смешного малое количество денег. Если действительно перестать использовать динамит, оставить рифы на пару лет в покое, то жизнь возьмет свое, рыбы вернутся. Силы небесные, даже если погрузить в море старые автомобильные покрышки в качестве замены для рифов – это сработает! Нужно просто сделать это. Нужно снять простые учебные фильмы на каждом из множества существующих здесь диалектов и объяснить рыбакам взаимосвязь вещей. И нужно улучшить условия хранения – считай, треть улова пропадает, шестьсот тысяч тонн в год, только потому, что нет достаточного количества холодильных складов, ледогенераторов и вагонов-рефрижераторов, а дороги ужасны. Я предполагаю, что сумма в десять, быть может, пятнадцать миллионов долларов, распределенная на несколько лет, может сотворить здесь в буквальном смысле слова чудеса.

– М-м-м… Вне всякого сомнения, вам ясно, что подобных проектов в мире не счесть.

– Конечно. Но, в конце концов, у меня на расходы целый, черт его побери, триллион долларов…

– Уже как минимум в два раза больше, если позволите доложить.

– Тем лучше. В любом случае этого хватит на сто тысяч таких проектов. Сто тысяч подобных проектов по всему земному шару, с помощью которых мы вмешаемся в ситуацию, которая может сдвинуться в лучшую сторону благодаря небольшому толчку. Сплошные булавочные уколы, но в сумме – акупунктурное лечение планеты, и именно так я себе это и представляю.

Маккейн хрюкнул.

– То, что вы предлагаете, – заметил он, – в конечном итоге сводится к латанию.

– Зато это было бы нечто *реальное* , – настаивал Джон. – Не все эти гигантские планы, которые мы строим все время, – мы можем *однажды* взять и что-то сделать.

– Вы знаете, чем сейчас занимаетесь? Вы прячетесь за мелкими обстоятельствами, потому что сложность глобальных связей пугает вас. Но если вы вернетесь к линейному мышлению, то сделаете все еще хуже, потому что именно такое мышление привело мир к тому положению, в котором он оказался. Впрочем, вполне может быть, что подобные проекты окажутся рациональными, когда наша компьютерная модель…

– Но ведь это только *модель* ! Не реальность. Модель никогда не сможет учесть все тонкости, которые составляют реальность.

– К счастью, в этом нет необходимости. Расчет траектории Земли – тоже всего лишь модель, даже довольно грубая, и все равно там, наверху, кружит спутник, с помощью которого мы сейчас разговариваем, – терпеливо пояснил Маккейн. – Смотрите, Джон, я приведу вам пример. Остров, на котором вы были, называется Панглаван, говорите?

– Точно, – кивнул Джон.

– Я предполагаю, что деревня, которую вы посетили, была расположена у самого моря. Несмотря на то, что за ней равнина и густой лес.

Джон был искренне поражен.

– Да.

– Вы знаете, почему это так?

– Нет.

– Потому что лес принадлежит филиппинскому послу в Ватикане, равно как и поля сахарного тростника внутри острова, и набожный господин не разрешает никому из тех, кто не работает на него, жить в своем лесу. Филиппинцы строят свои хижины на сваях и в кронах деревьев не потому, что это романтично, а потому, что земля у моря никому не принадлежит. Потому что почти вся земля на Филиппинах находится во владении двадцати семей-кланов, которые еще во времена колонизации заняли правильную позицию и ничего так не хотят, как отсутствия перемен. Они будут только благодарны вам, если вы решите их проблемы, не подвергая сомнению текущие структуры власти. Нет, Джон, таким образом вы только потратите деньги, а потом пройдет несколько лет, и все станет, как было. Это не имеет ничего общего с тем, чтобы «вернуть людям утраченное будущее».

Джон почувствовал, что трубка в руках потяжелела, ему показалось, что он похож на воздушный шар, в котором кто-то проделал дырку, и теперь оттуда выходил воздух.

– Хм… – произнес он. – Боюсь, теперь мне нечего вам возразить.

– Ключ ко всему во властных структурах, – продолжал Маккейн. – Там не нужно заниматься подробностями. Кстати, это справедливо и для нас. Наше запретное время для охоты миновало. Сильные мира сего поняли, что происходит. США, Япония – они плетут против нас интриги. Конечно же, в полной тайне.

Для Джона это прозвучало несколько параноидально.

– Вы уверены?

Маккейн безрадостно рассмеялся.

– Мне достаточно посмотреть на другой край стола, чтобы убедиться в этом. Нас заваливают жалобами – нарушение правил конкурентной борьбы, картельного права, закона о праве участия в управлении предприятием, законов о защите окружающей среды, все, что занимает книжные полки адвокатов; к тому же – сертификационные жалобы на смешные суммы, которые необходимо возместить, – все высосано из пальца, все ложь,

а в суде выступают свидетели, о которых нам известно, что они работают на ЦРУ: как вам это нравится? В Японии мы скоро могли бы выдавать рабочие пропуска чиновникам из службы по обнаружению случаев нарушения налогового законодательства. Или вот это: в Марокко мы хотели купить «Бэнк оф Рабат», уже провели все переговоры, получили согласие, и тут на обратном пути из Израиля самолет американского министра иностранных дел делает промежуточную посадку, якобы с целью дозаправки – которая, как ни странно, длилась четыре часа, – и на следующий день нам сообщают, что они договорились с «Чейз Манхэттен бэнк». Мне продолжать?

– Я вам верю. – Джон наморщил лоб. – Вы хотите, чтобы я вернулся?

– Если за время отпуска вы сдали адвокатский экзамен и обзавелись десятилетним опытом работы, то пожалуйста. В противном случае вы не поможете, и мне хотелось бы, чтобы вы были на месте, если вдруг вскоре снова понадобится выступить в качестве носовой фигуры галеона защиты окружающей среды. Вы слышали о лесных пожарах?

– Лесных пожарах?

– В Индонезии вышло из-под контроля выжигание лесов, и теперь возникают опасения, что на протяжении последующих недель сгорит весь лес, поскольку в этом году была самая сильная засуха за последние пятьдесят лет. Беспрецедентная катастрофа. Дым и копоть уже долетают до Малайзии и Сингапура; по моим прикидкам на днях вы заметите кое-что и на Филиппинах. А ведь это только начало.

– И что я должен делать?

– Разоблачать злоупотребление природными богатствами, политическую несостоятельность правительства и тому подобное. Когда будет нужно, мы подготовим речь. – Судя по звуку его голоса, говоря это, Маккейн как следует потянулся.

Джон колебался.

– Мне несколько некомфортно расслабляться здесь в отпуске, если верно то, что вы рассказали обо всех этих жалобах и интригах. Не поймите меня превратно… Мне просто хотелось бы знать, что, когда я вернусь, от моей фирмы еще что-то останется.

Маккейн рассмеялся. На этот раз ему, похоже, действительно стало весело.

– Конечно, то, что я сказал вам, – правда. Но это не означает, что мы не держим все под контролем. Война идет полным ходом. Японские финансовые институты, которые заварили кашу с нарушениями налогового законодательства, уже некоторое время испытывают *странные* трудности при попытках купить на валютном рынке ликвидные средства. Один из них, «Ямаичи секьюритиз», старейшая брокерская фирма Японии, соответственно, весьма влиятельная, впуталась к тому же в крайне неприятную историю с вымогательством, а это ведет к тому, что все больше и больше клиентов изымают свой капитал, – если они переживут этот год, будет очень удивительно. А что касается США: тут Бог на нашей стороне. Мы узнали, что у президента всех американцев был роман с практиканткой Белого дома, а когда она надоела ему, он устроил ее на работу в Пентагон, на зарплату в семьдесят тысяч долларов, чтобы просто избавиться от нее. Как думаете, что получится из этого? Он изойдет потом и кровью. У него не останется времени на какие-то интриги, потому что ему захочется стать евнухом, это я вам обещаю.

– Хм… – произнес Джон. – Не знаю. Честно говоря, меня это не очень волнует. Разве не было у каждого президента младше шестидесяти лет романа? Я сомневаюсь, что это вызовет большие волнения.

«Поистине интересная точка зрения», – подумал Маккейн, когда разговор был окончен.

Хотел сделать глоток кофе, но в чашке остался только коричневый ободок по краю, а термос тоже опустел. Он переставил чашку и термос на журнальный столик, где уже громоздились горы пустых чашек. Нужно как-нибудь убрать их отсюда. Уборщиц он уже давно не впускал, поскольку в кабинете скопилось слишком много тайных материалов, на всех столах и в стопках на полу. С учетом текущей ситуации следовало готовиться к тому, что американцы используют шпионов, чтобы выяснить, какими сведениями обладает

«Фонтанелли энтерпрайзис», что он может и собирается сделать. Поэтому Маккейн установил перед дверями офиса охрану, поэтому собственноручно закрывал офис каждый вечер, и если внутри постепенно начинало вонять, то что ж, такова цена, которую приходится платить за секретность.

Он взял свою папку с заметками и вернулся в конференц-зал, который про себя называл не иначе как *war room* [61].

– …Премьер-министр в нашей платежной ведомости, так что это не проблема, – произнес упрямый мужчина с длинными седыми волосами, собранными во внушительный конский хвост.

Маккейн бросил быстрый взгляд на карту Южной Америки, светившуюся на экране проектора. Он не знал, о каком премьер-министре только что шла речь, и ему это было безразлично.

Гораздо важнее было поддерживать настроение Фонтанелли. Возвращение которого в данный момент стало бы большой проблемой, не считая необходимости объяснить ему действия, которые проводились или подготавливались в данный момент и не обязательно соответствовали тому, что везде называлось «моральной безупречностью».

Он сел.

– Мистер Фроман, – обратился он к мужчине с конским хвостом, – господа… Извините, что перебиваю вас. Мистер Фонтанелли только что сделал замечание, касающееся дела Клинтона, которое я считаю важным.

– А именно? – мрачно глядя на него, спросил Фроман.

– На него не произвело большого впечатления то, что он услышал о романе. Он заметил, что, по его мнению, у любого президента в возрасте младше шестидесяти лет были романы.

– Да, это верно, – заметил молодой человек, сидящий возле самого проектора.

Маккейн скрестил руки на груди.

– Вполне возможно, что мы переоцениваем эффективность этой истории.

– Хм… – произнес Фроман. Он наклонился вперед, в его движении читалась агрессия; он оперся локтями на стол и принялся крутить толстое кольцо с печатью, которое носил на пальце.

– Все дело в том, как это сделать, – сказал он, помолчав некоторое время. – Допустим, мы состряпаем не обычную историю с разоблачением, а… Да. Мы можем достать его по-другому. Это даже лучше. Сначала пусть кое-что просочится, ничего конкретного, ничего доказуемого. Для него все должно выглядеть так, будто он сможет выкрутиться, если просто будет все отрицать.

– А потом? – скептически поинтересовался сидящий рядом с ним человек, толстый чернокожий парень со шрамом на носу.

– Если мы вынудим его отрицать роман под присягой, – злобно улыбаясь, пояснил Фроман, – то он нарушит свою служебную присягу. Тогда появимся мы с доказательствами и сломаем ему шею, когда захотим.

– С каких это пор американский президент клянется не иметь романов? – проворчал его сосед.

Фроман пренебрежительно поднял брови.

– Принося присягу, американский президент клянется уважать законы Соединенных Штатов Америки. Вы хотите обсудить со мной то, значится ли дача ложных показаний в своде законов?

– Минутку! – поднял руку Маккейн. – Я не хочу свергать президента. Я хочу, чтобы он занялся другими вещами.

Фроман нетерпеливо кивнул.

---

61 Командный центр (*англ.*).

– Да, ясно. Сделаем. Но ведь вы ничего не будете иметь против того, чтобы позвонить ему и попросить о том или ином одолжении?

Джон проснулся неожиданно рано, а когда поднялся на палубу, то ощутил запах дыма. Он поднял голову к небу, которое стало серым – нездорового, угрожающе серого цвета: не тучи, а дым.

На борту еще были свернуты все тенты, никого не было видно. Но ожидавшая их днем жара уже начала ощущаться.

Он поднялся на солнечную палубу, сел за еще не накрытый стол для завтраков, осмотрел пейзаж, настолько прекрасный, что казалось, будто они нашли потерянный рай.

Спустя некоторое время по лестнице поднялся Бенигно. Заметив Джона, он безрадостно улыбнулся.

– *Magandang umaga po, ginoong Fontanelli* , – произнес он, присоединяясь к нему.

– И вам доброго утра, *ginoong* Татад, – ответил Джон. Указал на пустой стол. – Ничего не замечаете?

– Он не накрыт.

– Я имел в виду не это. Еще слишком рано.

Филиппинец уставился на столешницу, не зная, что ответить.

– Он серый, – наконец решил помочь ему Джон. – А должен быть белым. – Он провел ладонью по столу и показал собеседнику. Та почернела. – Сажа из-за лесных пожаров в Индонезии.

Бенигно посмотрел на руку, потом на след, оставленный на обработанной специальным образом деревянной столешнице.

– Жутко, – наконец произнес он.

– Правда? Такое ощущение, что ситуация обострилась. – Джон достал из кармана платок и кое-как вытер им руку. – Кстати, я собираюсь сегодня еще раз съездить на остров и поговорить с людьми из деревни. Есть еще кое-что, что мне неясно.

33

Известие о том, что вернулись люди, которые поймали Педро и Франциско на ловле рыбы с динамитом и не донесли на них, в мгновение ока разнеслось по деревне, да и то, что сегодня они раздают десятидолларовые банкноты, настоящие американские доллары, тоже недолго оставалось тайной. Вскоре посетителей окружили все, кто не выехал в море (то ли потому, что у них не было лодок, то ли потому, что они не годились для рыбной ловли); жителей спрашивали о всевозможных вещах: о деревне, о том, есть ли здесь телефон, где они закупают продукты, которые не собирают и не ловят сами. Они рассказали им о Туай и тамошнем рынке, где можно купить рис и кокосовое масло, о скупщике рыбы с его ледяным сундуком и о том, что в Туай есть не только телефон, но и настоящая почта, кроме того – управление, доктор и церковь.

– Спросите их, – наконец обратился к Бенигно Джон, – кто продает им динамит.

Внезапно улыбки на лицах застыли, глаза попрятались, один ушел прочь, забыв про долларовые банкноты. Джону не понадобился переводчик, чтобы понять: вопрос был нежелателен.

– Скажите им, что я их не выдам. Что мы не имеем никакого отношения к полиции.

– Уже сказал, – произнес Бенигно.

Джон сжал губы и задумался.

– Смотрите, Бенигно, должен быть кто-то, кому выгодно то, что здесь происходит. Должен быть кто-то, кому выгодно, чтобы все оставалось как есть. И должен быть кто-то, кто обладает достаточной властью, дабы заботиться о том, чтобы все оставалось как есть. Я просто хочу понять это, ничего больше. Мы находимся на самом краю паутины, и все, чего я хочу, – это найти паука. Скажите им это. – Он свернул пачку долларов в трубочку

и демонстративно положил в карман. – А еще скажите им, что в случае необходимости мы пойдем в другую рыбацкую деревню.

Теперь они, колеблясь, стали выкладывать информацию. Именно скупщик рыбы и продавал им динамит. Скупщик рыбы продавал им и бензин для лодок, у которых был маленький мотор, чтобы они могли выходить дальше в море, туда, где еще оставалась рыба. Бензин на одну поездку стоил пять песо, но у большинства и их не было. Скупщик рыбы давал им немного, но хотел получить обратно уже восемь песо.

– Круто, – сказал Джон. – Это же шестьдесят процентов сверху.

У большинства рыбаков были долги, и со временем долги росли, а не уменьшались. Почему-то, печально говорили они, у них не получалось их выплатить. Без динамита нечего и думать о том, чтобы сделать это. Существовало еще несколько мест, потайных, вообще-то расположенных слишком далеко для их маленьких лодок, там еще можно было поймать рыбу, заслуживающую этого названия, иногда даже лапу-лапу, самую благородную рыбу Филиппинских островов, которая приносила хорошие деньги. Хоть это иногда и означало всего лишь то, что скупщик рыбы зачеркивал одно число в своей черной тетрадке и писал другое, и его все равно приходилось просить о кредите, чтобы купить рис.

– Сколько таких скупщиков рыбы? – поинтересовался Джон.

В Туай он был только один. Его звали Джозеф Балабаган. Нельзя было портить отношения с Джозефом Балабаганом.

– Значит, он назначает цену, – понимающе произнес Джон, – и рыбакам не остается ничего иного, кроме как принять ее. Они от него зависят.

Он пытался оплатить свои долги, рассказал один из мужчин, у которого вместо руки был крюк. Выезжал с первыми лучами солнца, далеко, работал до самого вечера, пока глаза не начинали закрываться, почти до обморока. Он прервал рассказ и вытянул вперед правую руку, тонкую, покрытую шрамами, с ужасным обрубком на конце. И однажды вечером это произошло. Он настолько устал, что ошибся, на мгновение позже отпустил динамитную шашку.

– Моя прекрасная рука, – добавил на английском языке, чужом для него, и несмотря на то, что он улыбался, как улыбались они все, в уголках его глаз заблестели слезы.

Джон смущенно глядел на него, пытаясь представить себе, каково это – потерять руку, и не мог.

– И как же вы теперь живете? – негромко спросил он.

Рыбак опустил глаза, посмотрел на плетеную циновку, на которой они сидели, вдруг губы его превратились в жесткую складку.

– Моя дочь присылает деньги. Она работает няней в Гонконге, – перевел Бенигно.

– Няней? – удивился Джон.

Бенигно смущенно откашлялся.

– Наверное, это означает – проституткой, – тихо пояснил он.

– О!

Джон обвел взглядом загорелых инвалидов, сидящих вокруг него с мягкими улыбками на лицах, но с печальными глазами, и вдруг, словно в бреду, увидел, как за каждым из них разверзается зияющая пропасть власти, нищеты, злоупотребления и страданий, огромная пропасть, из которой доносились только крики и запах крови. Это длилось всего какое-то мгновение, но он вдруг содрогнулся при виде пальм, моря и деревни, на первый взгляд представлявших собой идиллию. Тропический пейзаж вдруг показался ему декорацией, маскировкой для ужасной тайны, как цветы, растущие на братской могиле.

– Чему равен песо в долларах? – обратился он к Бенигно.

– Примерно двум центам, – сказал он.

– Два цента. – Он раздал мужчинам остатки денег, встал и жестом подозвал к себе Марко. – Вызовите «ПРОРОЧЕСТВО». Пусть выгрузят вездеход. Мы поедем в Туай.

Первые рыбаки уже начали возвращаться с утренней ловли, когда на берег доставили

вездеход. Они вытаскивали лодки на берег и смотрели, как из моторной лодки выгружают большое, неестественно чистое транспортное средство с металлической грузовой платформой.

Приехала и Патрисия де Бирс.

– Я не позволю вам пережить все приключение одному, – сказала она.

– Ваши волосы пострадают, – предсказал Джон.

– Грязь можно смыть, а скуку нет.

Узкая дорога в Туай была засыпана мелким белым галечником, и автомобиль в мгновение ока покрылся пылью. Они проезжали мимо высоких крепких деревьев и пальм, грязных луж, сопровождаемые тучами насекомых, оглушительным стрекотом и щебетом, и не прошло и получаса, как они оказались в Туай.

Место это выглядело так, как будто было основано во времена испанского завоевания и с тех пор ни капли не изменилось. Церковь – неуклюжая, грязно-коричневого цвета – вздымалась среди кучки домов, в переулках между ними было почти невозможно проехать на машине. Пахло кострами, рыбой и разлагающимися отходами. Они видели ремесленников, пришивающих подошвы к обуви и строгающих доски, женщин у кипящих кастрюль, видели школьников, сидящих в ряд под навесом и слушающих учителя. И с удивлением обнаружили порт. Горстка мужчин выгружала из пришвартованного у причала буксира коричневые мешки и ящики бутылок колы.

– Может быть, «ПРОРОЧЕСТВО» сможет встать здесь на якорь, – заметил Марко. – Тогда мы смогли бы просто поднять вездеход на борт при помощи крана.

– Подумаем об этом на обратном пути, – неохотно ответил Джон.

Джозеф Балабаган оказался раскормленным мужчиной лет пятидесяти, одетым в шорты, чистую белую футболку; когда они подъехали, он возился возле своего дома с мопедом. Очевидно, мопед не хотел делать то, чего требовал от него хозяин, и потому тот крутил разные колесики и изрыгал дикие ругательства. Когда Марко остановил вездеход рядом с ним, Балабаган неохотно поднял голову, быстро и оценивающе оглядел их и засопел:

– У меня нет времени.

– Мы должны поговорить с вами, – сказал Джон.

Скупщик рыбы пнул свой мопед.

– Я сказал, у меня нет времени! – грубо ответил он. – Вы плохо слышите?

Пронзительный женский голос прокричал что-то из глубины дома, и Балабаган злобно прорычал что-то в ответ, в его речи было много «Оо!» и «Ого!». Затем он наступил на стартер мопеда, еще раз и еще, но все было напрасно.

Джон подал Марко знак заглушить мотор. Из-за спины мужчины в тени магазина показались две девушки, в магазине виднелся ряд выкрашенных синей краской деревянных ящиков, а в ящиках – уложенная на лед рыба. Запах соли смешивался с запахом плохо обработанных выхлопных газов.

– Мы хотим поговорить о ваших методах ведения дел, – упрямо пояснил Джон. – О кредитах, которые вы даете рыбакам. И о…

В этот миг из дома донесся крик, от которого кровь стыла в жилах. Кричала женщина, от боли, резко, пронзительно.

– Убирайтесь! – засопел на Джона Балабаган. – Вы меня поняли? У меня сейчас нет времени.

Джон посмотрел на него, на обшарпанный дом, крик все еще отдавался в ушах. Он беспомощно посмотрел на остальных.

– Джон, – между передними сиденьями вездехода протиснулась Патрисия, – спросите его, не нужно ли его жене в больницу.

– С чего вы взяли?

– Этот крик… Так может кричать только женщина, у которой начались схватки.

Вскоре после этого они находились на пути в Ломиао, ближайший крупный город,

где была больница. Марко вел так быстро, насколько позволяли мотор и дорога, Джон и Бенигно теснились на сидении рядом с водителем, Патрисия и чета Балабаган – на заднем. Женщина потела, была почти без сознания, она стонала, тяжело дышала, и ее живот мог занять все заднее сидение целиком. Выбоины и колеи наверняка были для нее настоящей пыткой.

Они проехали пятнадцать миль, когда наконец показались первые предместья города: беспорядочно разбросанные поселения из гофрированной стали, полные людей, яркие рекламные плакаты, велосипеды и мопеды. Взволнованный Балабаган наклонился вперед и показывал им дорогу по городу, пока они не достигли здания, которое было, вне всякого сомнения, больницей. Скупщик рыбы побежал в регистратуру, его жена лежала бледная как смерть на сидении и шептала что-то, что могло быть только молитвами, прижав руки к животу. Она выглядела так, будто вот-вот умрет. Патрисия поддерживала ей голову, и все нетерпеливо смотрели на широкую дверь, из которой в любой миг могли высыпаться врачи и медсестры.

– Наконец-то, – вырвалось у Марко, когда дверь открылась, но вышел только Балабаган в полном отчаянии. Он бормотал:

– У меня не хватает денег… Они не хотят принимать ее, если я не заплачу…

Джон полез в карман.

– Сколько вам нужно?

– Это стоит 650 песо, а у меня только 500…

– Вот, возьмите десять долларов. Они принимают доллары?

– Не знаю. Я спрошу.

Мужчина дрожал всем телом, снова входя в больницу, но, очевидно, там принимали доллары, потому что вслед за ним вышли две сестры с носилками и помогли беременной женщине выбраться из машины.

«Похоже, во всем мире больницы выглядят одинаково», – думал Джон. Они припарковали вездеход неподалеку и теперь сидели в холле, в надежде, что либо покажется Балабаган, либо им скажут, что произошло.

– Я удивился тому, – обратился к Патрисии Джон, – что вы знаете, как кричат женщины, у которых схватки.

Она удивленно подняла брови, украшавшие уже все журналы на Земле.

– Почему же?

– Почему-то вы не производите впечатления человека, которому это известно.

– А какое впечатление я произвожу?

– Ну… Как будто вы выше подобных вещей.

Она вздохнула.

– Вы ведь не думаете, что де Бирс – моя настоящая фамилия? Меня зовут Патрисия Миллер, я выросла в Мейне, где обстановка очень плачевная. У меня четыре младших сестры, которые все родились дома, все зимой и ночью, прежде чем успевала прийти акушерка. Я пытаюсь избегать таких вещей, но нет, я не выше этого.

– Ах вот как, – сказал Джон и показался самому себе страшно глупым.

Через некоторое время вернулся смущенный Джозеф Балабаган, теребя в руках кепку с надписью *«New York Yankee»* .

– Мне очень жаль, что я был с вами так невежлив, – сказал он, судорожно сглотнув, – когда вас, очевидно, послало само небо, я понял… – Он закусил губу, неуклюже махнул правой рукой, словно отбрасывая что-то прочь. – Этот мопед! Он меня с ума сведет! Всегда, когда он нужен, начинает барахлить. Нужно его выбросить. Да, точно, нужно его выбросить!

– Как там ваша жена? – спросила Патрисия.

Он развел руками.

– Они говорят, получше. Но пока еще рано – они сказали, еще три дня. Мне стоит поехать обратно домой…

Джона наполнила странная смесь удовлетворения и энергии. Удовлетворение – потому, что они смогли помочь отчаявшейся женщине, а энергия – потому, что именно мужа этой женщины он искал, а тот совершенно не соответствовал представлению, которое Джон составил себе по рассказам рыбаков. Балабаган не был ответом на его вопрос. Да, вероятно, он действительно эксплуатировал рыбаков, но он тоже был всего лишь звеном пищевой цепочки. Они продвинулись на шаг в паутине, но паука еще не нашли.

Он пригласил скупщика рыбы присесть, пояснил, что они узнали о практике ловли рыбы с помощью динамита на Панглаване, о кредитах рыбакам. Пока Джон говорил, Джозеф Балабаган все сильнее смущался, но когда речь зашла о динамите, он принялся испуганно оглядываться по сторонам.

– Послушайте, – негромко произнес он, – чего вы от меня хотите? Я только пытаюсь прокормить семью. Я прошу восемь песо вместо пяти, которые даю им, потому что большинство все равно не возвращают долги. А что мне остается делать? Я ведь не могу раздавать деньги. И платить за рыбу больше не могу, потому что иначе не заработаю ничего. О, я покупаю у них даже несвежую рыбу; я кладу ее в лед, надеясь, что на рыбной фабрике ничего не заметят. Но там часто замечают, с меня высчитывают деньги, а кто возместит мне это? Никто. Вы же видите, я небогат. Разве я имел бы сломанный мопед, если бы я был богат? Разве вынужден был бы просить деньги для больницы?

– А откуда берется динамит? – спросил Бенигно Татад.

Балабаган пожал плечами.

– Я беру его у полицейского. Должен платить ему и его шефу, остается немного. Я продаю его рыбакам, которые попросят об этом. Они просят потому, что хотят ловить больше; так уж получается. Каждому ведь хочется заработать побольше.

– А вы знаете, что динамит делает с коралловыми рифами? – прошипел посланник правительства. – И что это уничтожает рыболовецкие угодья?

– Коралловые рифы не съешь, – ответил Балабаган и беспомощно развел руками. – Если я не продам им динамит, это сделает кто-то другой.

– Эта рыбная фабрика, – снова вмешался Джон, – где она?

– В Сан-Карлосе. Они платят столько же, сколько и десять лет назад, а ведь все подорожало. Если мне попадается лапу-лапу, то я продаю ее в ресторан здесь, в Ломиао, но остальную рыбу они не хотят брать. Ничего не могу поделать. – Он покачал головой. – Мне еще нужно платить проценты. Мне тоже никто ничего не дарит, и меньше всех банк.

Джон вздрогнул.

– Банк? Какой банк?

– Здесь, в Ломиао. У них нет такого терпения, которое я проявляю по отношению к рыбакам, можете мне поверить.

– И какой же процент вы платите?

Скупщик рыбы с неохотой посмотрел на него.

– Ну, проценты, – протянул он.

– По кредитам?

– Конечно. А за что еще платить банку проценты?

– И какие это кредиты?

На миг Джону показалось, что мужчина сейчас встанет и уйдет. Даже Бенигно шумно втянул носом воздух. Филиппинцы не любят прямых вопросов, Джон уже успел это понять, но бросать след не хотел. Он смотрел прямо на скупщика рыбы, и наконец его сопротивление было сломлено.

– Да все время на что-нибудь нужно, – негромко произнес он. – Когда я выплатил деньги за ледогенератор, он сломался, а у меня не было средств на ремонт. Потом пришлось купить бензобак для оборудования пивной… И так далее. – Он скривился. – Сейчас я едва справляюсь с оплатой. Теперь я еще и вам денег должен.

Джон развел руками.

– Я дарю их вам. И вашей жене.

Его заинтересовала рыбная фабрика. Возможно, это следующий этап эксплуатации. Вероятно, они поступают точно так же, как Балабаган: пользуются своей монополией, тем, что торговцы рыбой никому больше не могут ее продать, назначают самые низкие цены и таким образом гребут деньги лопатой…

– Знаете, – произнес Балабаган, – двадцать семь процентов тоже кажутся мне довольно высокой ставкой.

– Что-что? – переспросил Джон, мысленно находясь далеко. – Двадцать семь процентов?

– Ну, вы ведь сказали, что я даю взаймы пять песо и хочу взамен восемь, что это составляет шестьдесят процентов. Но мой банк требует двадцать семь процентов, кроме всего прочего – гарантии… Я имею в виду, ведь это же много, правда?

Джон недоверчиво поглядел на него.

– Двадцать семь процентов? – переспросил он. – Здешний банк требует двадцать семь процентов по кредиту?

– Да.

Он припомнил соответствующие формулы, которые целую вечность назад разбирал в своем офисе. Двадцать семь процентов – это значит, что выплачиваемая в конце концов сумма удваивается примерно каждые два с половиной года.

– Как вы собираетесь выплатить свои кредиты?

– Я тоже задаюсь этим вопросом. С ледогенератором было только четырнадцать процентов, я справился…

– Но двадцать семь процентов! Почему вы на это пошли?

Балабаган отпрянул.

– А что мне было делать? Ледогенератор сломался. Я не могу вести дела без льда.

– Вы должны были обратиться в другой банк.

– Другие банки ничего не хотели давать.

Джон медленно кивнул. Вот это уже горячий след. Он почувствовал, как неутомимость уступает место холодной беспощадной ярости, и спросил себя, что сделает, когда найдет центр всех этих жестоких издевательств и бесцеремонных принуждений, паука в паутине, конец цепочки, босса всех боссов, главного эксплуататора.

Сможет ли он сдержаться.

– Ну вот, – прошептала Урсула Вален. В пыльной тишине библиотеки даже ее шепот прозвучал громко.

Журнал регистрации исходящих бумаг оказался тем, что она искала: в 1969 году документы были собраны и переданы на историческую кафедру университета, где находились в связи с работой над диссертацией, которая так никогда и не была написана, на протяжении полутора лет, чтобы наконец переместиться в библиотеку института, причем в отдельную часть, где хранились исторические подлинники, и поэтому входить туда можно было только по специальному разрешению. Разрешению, стоившему Альберто Вакки не более одного звонка.

Здесь были собраны неслыханные сокровища – средневековые рукописи, древние библии, письма и дневники исторических личностей и так далее. Она не могла удержаться от того, чтобы не заглянуть одним глазком в тот или иной серый архивный ящик с толстыми стенками, в одном из них наткнулась на письма Муссолини – короткие, написанные широким размашистым почерком. Конечно, она не смогла прочесть ни слова, и, возможно, она ошиблась, но это было довольно забавно.

Наконец она сняла с полки нужную коробку с нужным именем и отнесла к столу, который сам по себе являлся антиквариатом, открыла, затаив дыхание, и потом, на первом же листке, взятом в руки, узнала почерк, которым были сделаны заметки на полях книги счетов. Вот они, личные записи Джакомо Фонтанелли, флорентийского купца, жившего в пятнадцатом веке.

На удивление много записей для средневекового человека, как ей показалось, пока она перелистывала небольшую стопку. Листки были отдельными, хорошо сохранившимися – и разборчиво исписанными, если бы она владела средневековым диалектом итальянского языка. Почти все записи были датированы, большинство относилось к 1521 году. Некоторые листки были другого формата, исписаны другими почерками: очевидно, адресованные Фонтанелли письма, которые тот хранил…

На одном из них она остановилась. Очень странно. Все письмо состояло из колонок чисел, и только в конце были две строки обычного текста. Она поднесла листок к настольной лампе, внимательно изучила ряды чисел. Начинались они так:

15 25 300 12
15 26 312 12 ½
15 27 324½ 13

Она почувствовала, как приятное тепло заполнило низ ее живота, когда она поняла, что именно лежит перед ней. Первая колонка – это годы. Вторая – это состояние. Третья колонка – разница между числами во второй колонке, то есть прирост состояния. Она подсчитала в блокноте и получила примерное начисление в размере четырех процентов.

Взгляд ее спустился по колонке, и она снова испытала удивление, как тогда, когда подобные расчеты появлялись во всех газетах, пока она смотрела, как состояние росло, сначала робко и незаметно, даже до смешного медленно, в какой-то момент начало с невероятной скоростью набирать обороты, году, кстати, в 1556, когда триста флоринов превратились в более чем тысячу. В 1732 году оно перевалило за миллион, уже в 1908 году составляло более миллиарда, чтобы в 1995 наконец превратиться в тридцать миллиардов флоринов – в перерасчете как раз тот самый триллион долларов.

То, что она обнаружила, представляло собой расчет того, как будет развиваться состояние Фонтанелли на протяжении пятисот лет.

И он принадлежал *не* Джакомо Фонтанелли.

– Фабиана? – Она огляделась в поисках молодой студентки-историка, по поводу которой ей сообщили, что к ней можно обратиться с любыми проблемами относительно перевода.

У Фабианы были роскошные черные волосы до пояса, несколько рыхловатое лицо, но зато правильная фигура, и Урсула нашла ее сидящей возле каталога: девушка увлеченно покрывала лаком ногти.

– *Ciao* , Урсула, – спокойно улыбнулась она. – Что-нибудь нашли?

Урсула положила перед ней последнюю страницу письма и указала на текст под расчетами.

Фабиана склонилась, подула на ногти над пятисотлетним документом, вгляделась в нацарапанные строки.

– Это значит, хм… – Она нахмурила лоб, забыв о том, что нужно дуть на ногти. – Я бы перевела это так: «Так что видишь, как благодаря законам математики мой труд может стать бессмертным». Правда, странное предложение? – Она перечитала еще раз. – Нет, так и написано. И подпись: *Джакопо* .

– Что? – Урсуле показалось, что ее ударило током. Она вгляделась внимательнее. На первый взгляд подпись была похожа на неразборчивые каракули, но теперь, когда она знала… – Джакопо?

– Так написано, – спокойно произнесла девушка.

– Похоже, – слабым голосом произнесла Урсула Вален, – для начала мне нужно присесть.

Джон увидел, как расширились зрачки сотрудника банка, когда он представился. Вне всякого сомнения, его имя было мужчине знакомо, знакомо и его лицо, но он изо всех сил старался выглядеть спокойным.

– Очень приятно, – произнес он, назвал свое имя, которое было написано также на табличке, приколотой к отвороту его костюма консервативного покроя. – Лабариентос. – Он указал на стулья, стоящие у его стола. – Прошу вас, что я могу для вас сделать?

Банк был маленьким, в офисах стояла приятная прохлада благодаря кондиционерам, посетителей было немного. Джон, успевший повидать много банков, которые соревновались в роскоши, нашел эти помещения и обстановку достаточно простой, чтобы не сказать дешевой. Балабаган не отваживался ни на что, кроме как на то, чтобы, униженно согнувшись, присесть на краешек стула.

Джон не был уверен относительно того, как лучше всего поступить, чтобы распутать этот чрезвычайно разветвленный заговор, с которым он имел дело до сих пор. По пути сюда он размышлял над тем, чтобы просто купить банк и тем самым получить возможность заглянуть в их книги, но потом сказал себе, что это он всегда успеет сделать, и, может быть, стоит сначала войти в дом через дверь и посмотреть, что да как.

Он откинулся на спинку стула, огляделся по сторонам, закинув ногу за ногу и свободно сложив руки на коленях, используя те самые приемы, которым научил его Маккейн, чтобы во время переговоров казаться более важным и производить более сильное впечатление.

– Я хотел бы узнать, как так получилось, что вы насчитали мистеру Балабагану по кредиту двадцатисемипроцентную ставку.

Теперь господин Лабариентос нервно заморгал.

– Не в наших правилах рассказывать о состоянии кредитной истории клиента посторонним лицам.

Джон кивнул.

– Учитывая такие ростовщические проценты, я готов верить вам на слово, что вы предпочитаете решать вопросы с глазу на глаз. Но господин Балабаган здесь – пожалуйста, можете спросить его, согласен ли он.

Торговец рыбой закивал настолько поспешно, как будто хотел помешать менеджеру обратиться к нему.

– Ну хорошо, – произнес сотрудник банка, повернулся к своему компьютеру, нажал несколько клавиш, подождал. Прошло некоторое время, на экране появились числа. – Десять лет назад мы предоставили господину Балабагану ссуду, это верно. На тот момент она нужна была для погашения ряда других кредитов, по которым подошел срок оплаты. Вас интересуют точные взносы или что?

– Меня интересуют проценты. Двадцать семь процентов, все верно?

– Верно.

Джон наклонился вперед.

– Ответьте на один вопрос: сколько уже выплатил за это время господин Балабаган? Примерно?

Лабариентос бросил на торговца рыбой неуверенный взгляд, что-то набрал на клавиатуре, придвинул к себе выписку.

– Господин Балабаган неоднократно просил об отсрочке выплаты процентов, а восемь лет назад просил об уменьшении процентной ставки. Мы пошли навстречу, но, как вы понимаете, это замедлило выплату.

Джон почувствовал, как внутри поднимается холодная ярость.

– Говори, сколько он выплатил на данный момент? Два процента? Один? Вообще ничего?

На верхней губе сотрудника банка, несмотря на включенный кондиционер, выступили капельки пота.

– На самом деле, – признал он, – верно последнее.

– Что это значит? – недоверчиво переспросил Балабаган.

– Это значит, что все десять лет вы выплачивали только проценты, а долги ваши не уменьшались ни на песо, – грубо произнес Джон. Он чувствовал в себе неведомую доселе жестокость. Ему очень хотелось избить приземистого мужчину, сидящего по другую сторону

стола в красивом синем костюме.

– Что? – взвился торговец рыбой. – Да, но как? Я ведь почти всегда платил, столько…

– Недостаточно, – покачал головой Джон.

– И как это будет дальше? Что будет? Я должен платить всю жизнь?

Лицо Лабариентоса окаменело.

– Нет, – сказал он. – Кредит предоставлен на двадцать пять лет. Когда срок истечет, он должен быть выплачен, в противном случае мы заберем залог.

– Это значит, – перевел Джон, – что если через пятнадцать лет вы не выплатите все, что не выплачено до сих пор, – то есть заем плюс еще не оплаченные проценты сразу, то банк получит ваш дом или то, что вы оставили в залог.

– Но как я могу это сделать?! – в ужасе закричал Балабаган. – Где я должен брать деньги? Мой дом? Мой сын наследует дом и магазин. Зачем банку рыбный магазин?

– Наверное, он будет сдавать его в аренду вашему сыну, – сказал Джон. Постепенно он начал понимать, каковы правила игры. Он наклонился вперед, посмотрел на сотрудника банка, с трудом сдерживая гнев. – Мистер Лабариентос, как вы, как ваш банк дошел до того, чтобы устанавливать настолько высокие проценты на кредиты? Ответьте. Скажите мне, что это обычная практика.

Стук-стук-стук по клавишам компьютера. Он пытался выиграть время, подавить нервозность.

– Это был заем, – медленно произнес Лабариентос, – выданный в фазе высокой процентной ставки, под твердый процент. Гарантии займа были плохими, это означает, что банк рисковал. В подобных случаях обычно поднимаются процентные ставки – в связи с повышенным риском невыплаты.

– Это все? – спросил Джон, думая о рыбаках, о потерянных руках и ногах, о мужчине, который висел в гамаке, о дочери, которая уехала в Гонконг, чтобы продавать тело и посылать семье деньги. – Это все, что играет роль, – риск для банка?

Лабариентос посмотрел на Джона, быстро облизнул губы, сложил перед собой руки на письменном столе.

– Как банк, – нисколько не испугавшись, произнес он, – мы в первую очередь имеем обязательства перед своими вкладчиками. Перед вами, к примеру, мистер Фонтанелли. В нашем банке у вас один из самых крупных счетов, которые мы обслуживаем. Вы доверили нам много миллионов песо. Вы ведь наверняка не хотите, чтобы мы потеряли эти деньги, – и ведь вы наверняка хотите получать за них проценты, не так ли? Вот, чем мы здесь занимаемся. Зарабатываем ваши проценты.

На обратном пути лицо Джона пылало от стыда. Он едва не стал первым человеком, который, краснея от стыда, получил ожоги кожи. Джон полулежал на заднем сидении, закрыв лицо рукой, ему было дурно от ужаса.

Он должен был знать все это время, все это время. Все было настолько очевидно, настолько просто, настолько ясно. Лежало на поверхности.

Вопрос: как размножаются деньги? Ответ: они вообще не размножаются.

Какой же глупостью было думать иначе!

И, тем не менее, с раннего детства вам втолковывают, постоянно повторяют благочестивую мантру, настойчивее, чем «Отче наш», иначе просто нельзя: на сберегательном счету деньги преумножаются. Об этом неустанно твердит реклама, родители, учителя, друзья – все повторяют как заведенные: положи деньги в банк, чтобы их стало больше. Даже Пол, умненький Пол Зигель, закончивший Гарвард с *summa cum laude* [62], который был умен, как никто другой, постоянно напоминал ему: ты должен заставить свои деньги работать на тебя.

---

62 С высшим отличием (*лат.*).

Но деньги не работают. Работают только люди.

Если бы все было иначе, что могло бы помешать человечеству напечатать достаточное количество денег, чтобы сделать миллионером каждого? Ничего. Вот только тогда не осталось бы никого, кто пек бы булочки к завтраку, никого, кто выращивал, собирал и перемалывал бы пшеницу для булочек, ничего подобного.

Деньги не работают. Работать приходится всегда людям.

И деньги не преумножаются. Каждый доллар, каждый крошечный цент кому-то пришлось заработать, чтобы вырос счет. Кто-то, у кого есть долги, и поэтому он вынужден отдавать часть того, что зарабатывает, тому, кому должен.

Долги – это все равно что платить арендную плату за пользование деньгами. Долги и проценты – это огромный утонченный механизм, переводящий деньги от тех, у кого их мало, тем, у кого их много. Эти переводы производятся в гомеопатически малых дозах, которые не делают больно большинству, с математической, расчетной точностью.

Так возникло его состояние. Не считая капитала, с которого все началось, с тех смешных десяти тысяч долларов, каждый из тысячи миллионов долларов был добыт другими людьми. Внутренним взором Джон увидел кровеносную систему, крупные вены которой разветвлялись на мелкие, а те – на еще более мелкие, а те, в свою очередь, на тонюсенькие капилляры, протянувшиеся по всему земному шару, в каждую страну, в каждый город, в каждую деревню, в жизнь каждого человека на земле, но текла по этим жилам не кровь, а деньги: центы и десятые цента – по капиллярам, потом соединялись в четвертаки в крупных венах, в доллары – в еще более крупных, затем в сотни и тысячи миллионов, и наконец сливались в этот ужасный денежный поток, который постоянно, все набирая и набирая силу, наполнял его счета, сорок миллиардов долларов в год, более сотни миллионов долларов каждый божий день.

Он шел по паутине, чтобы найти паука, и смотри-ка: это он сам. Он исследовал пищевую цепочку и выяснил: в конце ее стоял он сам. Он – босс всех боссов. Он – конечный эксплуататор. Он был наследником состояния Фонтанелли и думал, что станет решением всех проблем в мире. На самом же деле он был их причиной.

– Остановите, – прохрипел он.

Автомобиль остановился. Пошатываясь, молодой человек вышел наружу, и его стошнило, как будто он должен был избавиться от всего, что съел за последние два года.

34

Каким-то образом они отнесли его обратно на борт. Каким-то образом он пережил ночь и утро, а потом пожелал снова отправиться на берег, потому что нужно было еще кое-что сделать. Они отвезли его на моторной лодке в Туай, где все еще стоял вездеход, спросили, нужен ли он ему. Нет, покачал он головой, можете снова погрузить его на борт. Они еще что-то говорили о том, что яхта «ПРОРОЧЕСТВО» слишком велика, чтобы причалить здесь, и он только кивнул (внутри все болело): да, она действительно слишком велика, слишком велика для одного человека. И пока они возились с вездеходом, погружая его в моторную лодку, он тяжелым шагом поднялся по улице, представлявшей собой всего лишь утоптанную землю с парочкой камней и ведущей к рыночной площади, которая хотя бы была заасфальтирована, почувствовал себя подавленным при виде слишком большой церкви, застыл с ощущением застрявшего в горле крика, который никак не мог вырваться наружу, и наконец направился к дому рыботорговца.

Джозеф Балабаган сидел на ящике и наблюдал за мальчиком, возившимся с мотором мопеда. Увидев Джона, он вскочил и пошел ему навстречу. Он звонил в больницу, с его женой все в порядке, и сегодня вечером он поедет туда, в крайнем случае, на автобусе, если мопед до тех пор не починят, еще раз поблагодарил Джона за все, что тот для него сделал.

Джон пошел с ним, кивнул мальчику, который весело улыбнулся ему, а пальцы у него были перепачканы моторным маслом. Торговец рыбой послал одну из своих дочерей

за стаканами, принес две бутылки колы из ящиков со льдом. Джон сел на предложенный стул, достал чековую книжку и ручку, которая, несмотря на свой внешний вид, стоила больше, чем все, чем владел хозяин дома.

– Сколько у вас долга? – спросил он.

У Балабагана расширились глаза.

– О нет, – выдавил он из себя. – Это… я не могу…

Джон только посмотрел на него, чувствуя себя оглушенным и израненным внутри, произнес:

– Мистер Балабаган, я самый богатый человек в мире. Вы помогли мне, теперь я хочу помочь вам. А вам нужна помощь, потому что своими силами вы этот кредит никогда не выплатите. Итак?

Скупщик рыбы уставился прямо перед собой, на лице отражалась работа мысли, пока наконец одна сторона в нем не победила, возможно, инстинкт самосохранения. Он негромко назвал сумму, и Джон написал, не затрудняя себя переводом в доллары, вдвое больше, вырвал чек и протянул ему.

– Было бы здорово, если бы вы постарались не продавать больше динамит, – сказал он.

– Но… – начал Балабаган.

– Прощайте, – сказал Джон, вставая. – Привет жене. И спасибо за колу.

И с этими словами он ушел. Снова запахло дымом, небо на западе было покрыто серыми полосами, потому что в Индонезии превратились в факел леса, потому что они работали на него и там, его подданные, ничего не знавшие о том, что они должны платить ему дань. Так было во всем мире, повсюду корячились мужчины и женщины, потели, напрягались, выполняли опасную, трудную или скучную работу, и, не зная того, большую часть своего времени они работали на него, вносили вклад в постоянный рост его состояния, делая его все богаче и богаче, а ему для этого не приходилось делать ничего.

Потому что, как с пугающей ясностью он осознал сегодня утром, это были не только те его подданные, его крепостные, его рабы, которые имели долги. Машинерия денежных средств работала гораздо более утонченным образом. Они с Марвином платили за квартиру мисс Пирсон, владелице дома, но она на самом деле не могла оставить деньги себе, она должна была отдать их в банк, чтобы выплатить ссуду, при помощи которой купила дом. Это называлось «затраты, связанные с привлечением капитала», и он видел эти слова во множествах расчетов, не задумываясь над ними. Отдавая деньги за все, что покупается, вы выплачиваете кредит производителя. Немалую долю налогов, которые взимаются с каждого, поглощают проценты государственного долга. И все эти деньги, иногда окольными путями, оказываются у него. Ну, не все, но с каждым днем все больше и больше. Самое крупное состояние в этой системе обладало самой мощной силой притяжения, было словно магнит, который, поглощая все больше и больше, постепенно набирал силу. Как говорил Маккейн: однажды вам будет принадлежать весь мир.

Джон остановился, обвел взглядом бухту и такой идиллический пейзаж, где пахло дымом и отходами. А не он ли, не его ли деньги, в конце концов, виноваты в кризисе? Не случилось бы иначе, если бы на протяжении столетий это огромное состояние своим ненасытным аппетитом не оставило на всем отпечаток процентов? Словно молох, которому мир вынужден был постоянно приносить такие жертвы, что осталось слишком мало для потребностей людей и природы?

И если это так – это нужно проверить, подсчитать, подумать, чтобы быть уверенным, – может быть, чтобы исполнить пророчество, он должен уничтожить состояние?

Какая мысль! Настолько парадоксальная, что звучит подкупающе убедительно. Неудивительно, что Вакки никогда не додумались до того, в чем заключается решение. Уничтожить состояние – значило снять с мира тяжесть жадного, прожорливого триллиона долларов. Неужели это оно? Неужели именно таков ответ?

Он увидел перед собой большое пространство, просторную равнину, возможно, в одной из пустынь на западе США. Им понадобятся дороги. Наверняка ведь захотят прийти

зеваки, чтобы посмотреть на это. Обналиченный триллион долларов – интересно, сколько это грузовиков? Наверняка не один. Какое зрелище! Оно войдет в историю, это зрелище: как грузовики один за другим выгружают деньги, скрепленные стопки долларовых банкнот, сложенные для костра, подобного которому не видел мир. Понадобятся вооруженные охранники, это точно. Он произнесет небольшую речь, расскажет о том, что понял и почему будет лучше уничтожить деньги. Возьмет факел, ткнет им в Бенджамина Франклина или Джорджа Вашингтона и вместе со зрителями в жутком облегчении станет наблюдать за тем, как величайшее состояние из всех, что когда-либо существовало, поднимается вверх с дымом и пеплом, пеплом, который осядет где-то далеко…

Джон заморгал, потер лоб, возвращаясь обратно на главную улицу Туай. Люди бросали на него странные взгляды.

Что-то здесь было не так. Сколь бы волнующим ни казалось видение. Он коснулся его, как касаются зубов языком, когда думают, что где-то там дырка. В памяти всплыло посещение Центрального банка, уже не вспомнить в какой стране: как они с Маккейном стояли за бронированными стеклами и смотрели на людей, сортировавших старые, порванные, потрепанные банкноты, бросавших их в измельчитель бумаг и заменявших на новые, только что отпечатанные.

Разве банкнота – то же самое, что деньги? Может ли он действительно уничтожить свое состояние, просто попросив снять со всех счетов и сжечь наличность? Ему вспомнилось, что во многих странах его за это могут подвергнуть наказанию. Во многих местах было запрещено уничтожать денежные банкноты, часто содержавшие портреты королей или национальных героев. Но, за вычетом этого, что мешало центральным банкам заменить уничтоженные деньги на новые? В конце концов, это ведь только бумага.

И если уже совсем задуматься: зачем все эти сложности с колоннами грузовиков, груженных деньгами? Он может попросить Федеральный резервный банк напечатать лично для него одну банкноту номиналом в один триллион долларов. А потом сжечь ее в пепельнице – удобно и без свидетелей. Боже мой, достаточно ведь просто выписать чек! Но даже это – зачем? Задача только в том, чтобы свести на ноль его счета. Это можно сделать, выдав ему наличные или чек, что в принципе почти то же самое, что товарный чек. В этом случае с бухгалтерскими записями все будет в порядке, все будет правильно. Но он с равным успехом может перевести все деньги в свой банк, там пойти в расчетный центр и сказать программисту или оператору:

– Вот это место в компьютере, где написано один триллион долларов, – или два триллиона, или сколько там есть, – сотрите все и напишите нуль.

Тогда состояние будет уничтожено, верно?

Джон покачал головой, убрал волосы со лба. Все так запутано… Если деньги можно легко уничтожить, что может помешать столь же просто создать новые? С равным успехом он может написать в том месте сто триллионов или сто квинтиллионов – но разве это тоже деньги? А если нет, то почему? Что это вообще такое – деньги?

Ноги понесли его дальше, на площадь в тени дерева. Он присел, глядя на море, устремив взгляд на белоснежно белую яхту, не видя ее.

Деньги. Допустим, он уничтожит не только свое проклятое состояние, но и все деньги, которые вообще существуют в мире. Что тогда? Что произойдет? Станут ли люди беспомощными, будут ли вынуждены разрабатывать новую экономику без денег, вернуться к бартерной торговле? Маловероятно. Его отец сделает чек на пару туфель, пойдет с ним к пекарю и обменяет его на буханку хлеба, а также чеки на определенное количество буханок, и масштабом для этого станут цены, которые были установлены на эти вещи раньше. Люди снова создадут деньги, каким-нибудь способом, в какой-нибудь форме.

Вот оно: деньги – это человеческое изобретение. И его так же трудно изъять из мира, как атомную бомбу.

– Эй? Мистер Фонтанелли?

Джон вздрогнул, вскочил. Перед ним стоял паренек лет шестнадцати-семнадцати, с интересом глядевший на него живыми любознательными глазами. В его взгляде читалось некое беспокойство.

– Что случилось? – Он огляделся по сторонам. Он сидел на грязном желтом пластиковом ящике, который используют для перевозки овощей. – Это твой ящик? Извини, надеюсь, я его не слома…

– Нет, сэр, мистер Фонтанелли, – отмахнулся мальчик. – Это не мой ящик. Просто я увидел, что вы сидите здесь, ну и решил поговорить с вами. – Он протянул ему руку и улыбнулся сияющей улыбкой. – Меня зовут Мануэль Мелгар, сэр. Для меня большая честь…

– Ну, раз так…

Джон пожал ему руку и вгляделся внимательнее. Мануэль Мелгар был стройным, можно сказать, даже жилистым. Черные волосы он небрежно расчесал на пробор, на нем были чистые синие джинсы, выглядевшие так, как будто являлись его единственной гордостью, и синяя футболка с портретом Джона Бон Джови и надписью *Keep the Faith* [63]. Прочтя это, Джон не сдержал улыбки; улыбки, от которой в груди стало больно.

– Привет, Мануэль. Как дела?

– Спасибо, хорошо, сэр, – гордо ответил тот. Он казался очень проворным, несмотря на то что стоял спокойно. Как будто он не любит сидеть без дела.

– Здорово, – произнес Джон. – Рад слышать это.

Мануэль потер переносицу и как будто задумался.

– Сэр, может быть, у вас найдется минутка времени? Я кое-что придумал и хотел бы узнать, что вы на это скажете. – Теперь он начал нервно переминаться с ноги на ногу. – Извините, если помешал вам размышлять или что-то в этом роде. Я просто подумал, раз уж вы здесь…

– Все в порядке, – кивнул Джон. *Keep the Faith* . – У меня есть время.

Мануэль улыбнулся несколько напряженно и в то же время радостно.

– Так вот, я заметил, что у рыбаков пропадает довольно много рыбы прежде, чем они успевают ее продать. Наверняка четверть, если не треть улова. Это все потому, что до скупщика рыбы далеко идти; большинство трогаются в путь по возвращении с утреннего лова, а рыба с вечера уже успела пролежать всю ночь. Неудивительно, что много пропадает.

Джон кивнул.

– Ясное дело.

– Если бы кто-то, – произнес Мануэль, – купил бы трайсикл…

– Прошу прощения, – перебил его Джон. – Что такое трайсикл?

– Трехколесный мотоцикл. Ну, обычный мотоцикл с коляской. Вы ведь вчера были в Ломиао; там многие ездят на них как на такси.

Джон мимоходом спросил себя, откуда мальчику знать, что он был вчера в Ломиао, и кивнул. Да, он вспомнил, что видел несколько таких поскрипывающих транспортных средств, с кучей наклеек и множеством бессмысленных дополнительных фар.

– Их называют трайсиклами? Я не знал.

– Мы называем их так; не знаю, как они называются в других местах.

– Думаю, в других местах их нет.

Мануэль запнулся, немного сбитый с толку, но тут же снова собрался.

– Я мог бы купить такой мотоцикл. Подержанный, выгодная сделка. И перестроил бы коляску таким образом, чтобы ее можно было наполнить льдом. Мне поможет друг, он работает в мастерской в Ломиао. Тогда я каждый день ездил бы в рыбацкую деревню и забирал рыбу, пока она еще свежая. Хоть на это и придется тратить бензин, но получится

---

63 Храни веру (*англ.*). (*Примеч. ред.*)

выгодно, потому что уже не будет столько испорченной рыбы; я все подсчитал. – Он выжидающе посмотрел на него. – Как думаете, мистер Фонтанелли, это хорошая идея?

Джон озадаченно смотрел на паренька.

– Звучит неплохо, да. А где ты возьмешь лед?

– У мистера Балабагана. Он бы согласился, чтобы я возил ему рыбу и за это он давал мне лед бесплатно, но я на это не пойду.

– Почему же?

Мануэль хитро улыбнулся.

– Нужно сохранять самостоятельность, если хочешь чего-нибудь добиться. Если я начну возить для него рыбу, то буду делать это и через десять лет, а он – получать прибыль. Нет, я стану выкупать у рыбаков рыбу и продавать ее мистеру Балабагану. Куплю у него и лед, а как только смогу, куплю холодильный агрегат для мотоцикла.

– Но ведь это более рискованно.

– Некоторые проигрывают деньги в кости; я лучше займусь чем-то более разумным. Кроме того, на побережье есть и другие скупщики рыбы, и я хочу иметь возможность продавать рыбу тому, кто платит больше всех. Если у кого-то незадолго до срока сдачи в ящиках окажется мало рыбы, ему будет выгоднее заплатить больше, потому что иначе возрастет цена за одну рыбину из тех, что он будет перевозить в фургоне.

– Хорошо продумано. – Это произвело впечатление на Джона.

– А я, раз уже все равно езжу по деревням, могу заключать дополнительные сделки, – с гордостью продолжал Мануэль. – Я возьму рис, масло и так далее и буду продавать их по той же цене, которую им приходится платить на рынке. А я буду закупать все в Ломиао, на крупном рынке, где все гораздо дешевле. – Он сложил руки и выжидающе посмотрел на Джона. – Как считаете, хорошо?

Это было не просто хорошо, Джон в буквальном смысле слова завидовал деловой хватке паренька. Он живо представил себе, как тот разъезжает по деревням на своем ярком мотоцикле со льдом.

– Это очень хороший план, – заявил он.

– Не правда ли? Это будет хорошо для всех. Если сейчас пропадает треть рыбы, а потом еще, то положение улучшится вполовину, а дополнительных расходов не возникнет ни у кого. – Он засиял и добавил, в то время как в его улыбке появилось что-то хитрое: – Как полагаете, мистер Фонтанелли, сможете поддержать это начинание с помощью кредита?

Джон отпрянул. Он вынужден был невольно схватиться за грудь, настолько неожиданными оказались слова паренька.

– Кредит? – прохрипел он. – Я больше не даю кредитов. Я больше не хочу высасывать соки из человечества, словно вампир.

– Да, видите ли, сэр, – Мануэль перешел к мольбам и просьбам, – мне ни один банк кредит не даст. У меня нет ничего, мои родители тоже бедны, у меня нет гарантий. Только идея. Вы богаты. Я полагаю, что вы могли бы, пожалуй, ссудить меня сотней долларов на некоторое время… Вы получите их обратно со всеми причитающимися процентами. Слово чести.

Он смотрел на мальчика, все еще чувствуя себя больным и жалким, но да, пришлось признать: идея хороша. Именно это и нужно было сделать здесь, и этот мальчик был готов, он хотел это делать, и он был достаточно умен, чтобы сделать это хорошо, вне всякого сомнения. Он достал из кармана чековую книжку.

– Сколько тебе нужно?

Его глаза засветились. Руки плясали, словно рисуя числа, продуманные, вероятно, уже давно.

– Итак, мотоцикл будет стоить сто пятьдесят долларов, плюс переоборудование, я полагаю, еще долларов пятьдесят. Плюс деньги на первый бензин и лед, чтобы заплатить рыбакам… Я думаю, мне нужно триста долларов.

– Я дам тебе тысячу, – сказал Джон и написал «Мануэль Мелгар» в графе

«Получатель».

– Нет, сэр, – возразил тот. – Вы наверняка хотите как лучше, но на такую сумму я не смогу выплатить проценты.

– Тебе не нужно платить проценты. Я дарю тебе эти деньги.

Паренек отпрянул.

– Извините, сэр, мистер Фонтанелли. Я так не хочу. Нет.

– Я не обеднею, поверь мне.

– Дело не в том. Дело… вот в чем! – Он хлопнул ладонью по груди. – Сэр, когда… когда я состарюсь, я хочу иметь возможность сказать, что я всего добился своими силами, понимаете? Что я всем обязан своей идее. Своему труду. Не подачке. – Он решительно покачал головой. – Так не интересно. Пожалуйста, сэр, триста долларов в качестве ссуды. Сделка.

Джон посмотрел на него, на то, как он стоит, исполненный энергии и решимости, и ему захотелось обладать этими качествами. *Keep the Faith* . Точно.

– Хорошо, как хочешь, – кивнул он. – Заключим сделку. Триста долларов?

– Триста долларов.

– А сколько это в песо?

– Я хотел бы в долларах США, сэр.

– Все ясно. – Он заполнил чек и протянул его парню, принявшему его с завидной радостью. Какая разница, если он называет это ссудой?

Мануэль тщательно сложил чек и засунул его в карман брюк.

– Теперь мне нужна ваша карточка, – деловым тоном заявил он.

– Моя карточка?

– Ваша визитная карточка. С адресом. Чтобы я знал, куда отсылать проценты.

– Ах, вот как.

Он порылся в карманах, нашел карточку, передал юноше. Тот наверняка будет показывать ее своим детям. Со временем он подумает, что ничего страшного не произойдет, если он оставит деньги себе; что все и так было достаточно сложно.

А в данный момент, как бы там ни было, он был счастлив, благодарил от всего сердца, желал всего самого хорошего, снова благодарил, а затем удалился вместе с чеком. Джон встал, отряхнул брюки и пошел дальше, вниз, к причалу, где ждала моторная лодка.

– Я вас покидаю, – заявила Патрисия де Бирс, когда он вернулся на борт. Она сидела на кремового цвета диванчике в салоне, вокруг нее лежали журналы, стояли пустые чашки из-под кофе. Она помахала в воздухе письмом.

– Оно пришло сегодня. Кастинг в Голливуде; я ждала этого очень долго.

– Удачи, – сказал Джон.

– Я попросила капитана, чтобы сегодня во второй половине дня он организовал мне перелет на вертолете в Себу. Ничего страшного? Оттуда агентство доставит меня в Лос-Анджелес.

Он рухнул в кресло.

– Я даже не знал, что в Себу есть аэропорт.

– Международный аэропорт Мактан Себу. Но я думаю, что перелет в любом случае будет через Манилу. Все равно нужно отсюда выбираться. Вы слышали о пожарах в Малайзии и Индонезии? Недавно передавали по телевизору: это просто ужасно. В Куала-Лумпуре ситуация похожа на атомную войну. Люди носят дыхательные маски, а дым настолько густой, что не видно даже высотных домов, не говоря уже о солнце.

Джон выглянул в окно. Небо на западе было маслянисто-серого цвета; с каждым днем ситуация ухудшалась.

– Да, – сказал он. – Я слышал об этом.

Появился стюард. Джон попросил его принести почту и для него.

Патрисия де Бирс задумчиво смотрела на письмо, которое держала в руке.

– Как это вообще работает? Как ваше почтовое отделение знает заранее, куда переслать почту?

– Самая популярная теория заключается в том, что мы случайно приняли на работу ясновидящего, – сказал Джон, беря стопку писем, которую подал ему стюард. Особенно ему бросился в глаза большой коричневый конверт. Судя по штемпелю отправителя, оно прилетело из Рима, но имя не говорило ему ни о чем.

– Ясновидящий. Интересно. Не лучше ли передать его вашим биржевым маклерам?

– Не знаю, – произнес Джон. – А что тогда случилось бы с моей почтой?

Он разорвал конверт указательным пальцем. Стопка сложенной вдвое бумаги, фотокопии напечатанного на пишущей машинке текста. На итальянском языке. Он вынул сопроводительное письмо, которое, к счастью, оказалось на английском.

Оно было от главного редактора школьной газеты, для которой писал Лоренцо. Нашлась вторая часть его статьи, и копия прилагалась. «Вопреки ожиданиям, – писал он, – в задержке виновна не итальянская почта. Письмо Лоренцо завалилось за один из наших шкафов; там мы его и нашли, когда недавно выделенные местным торговым домом средства позволили нам оборудовать офис новой мебелью. За это время я успел с отличием закончить школу; впрочем, я проинструктировал своего последователя относительно великодушного пожертвования от вас, о котором мы говорили, – в случае обнаружения статьи».

Конечно же, на борту не оказалось итальянского словаря. Поэтому он выписал все слова, которые были ему незнакомы и которые он не понял из контекста, послал список по факсу в свой секретариат с просьбой перевести и поднялся на палубу, чтобы попрощаться с Патрисией.

На прощание она поцеловала его, а Бенигно только пожала руку.

– А что я должен делать? – воскликнул он, когда взревел мотор вертолета. – Я седьмой из восьмерых детей. Если бы существовал контроль рождаемости, я бы вообще не появился на свет!

– Классный аргумент, – ответила Патрисия. – У меня есть подруга, которой не было бы на свете, если бы ее мать не изнасиловали. При случае я спрошу ее, считает ли она, что изнасилования – это хорошо. – С этими словами она забралась в вертолет, и машина взмыла в небо, уже наполовину закрытое облаками дыма.

Когда Джон спустился обратно, факс из бюро переводов уже ждал его. Он взял бумагу, нашел блокнот и ручку и удалился в свою каюту.

В первой части мы выяснили, что не техника и не наука виноваты в несчастьях этого мира, а индустриализация, иными словами, экономика. И хотя нашему уровню жизни позавидовал бы любой средневековый вельможа, в голове у нас только одно: рост! Все больший и больший экономический рост, все быстрее и быстрее расходуются запасы Земли, груды мусора громоздятся все выше и выше.

Но, собственно, почему? И это главный вопрос: почему все мучаются, словно ненормальные?

Обычно на такой вопрос отвечают, что мы, люди, просто жадные и никогда не бываем довольны. Ответ, обладающий преимуществом простоты и недостатком неправильности. Оглянитесь по сторонам: сколь немногим довольствуется большинство! Жареная картошка, пиво и футбол – этим удовлетворяются массы. Есть несколько жадин, но большая часть людей довольствуется настолько малым, что просто жуть берет.

Нет, смотрите внимательнее. Если вы еще разговариваете со своими родителями, поговорите с ними. Они расскажут вам, что они так вкалывают потому, что должны. Потому что, как ни мучайся, всегда остается чувство, что никогда не справишься со всеми своими выплатами. Даже когда увеличивается доход, расходы возрастают еще сильнее: цены, налоги, пошлины, все. Как Алиса в Стране чудес – нужно бежать очень быстро, только чтобы остаться на месте.

И в основе всего этого, друзья, римляне, соотечественники, маленькая конструкционная ошибка нашей экономики. Безделица, вообще-то, но не забывайте: эта безделица собирается разрушить нашу планету. Маленькая причина, большие последствия.

Ощущение того, что что-то не так, что в систему закралась ошибка, гложет людей уже давно. Сначала ошибку искали в самих деньгах. Ребята, как только ни ругали деньги. Ни одна религия, ни один постулат морали не обошли их проклятием – но в кошельке они всегда радовали. Несмотря на это, друзья, дело не в деньгах. Мы могли бы разговаривать долго и нудно, если бы для этого хватило бумаги и желания читать; но поскольку ни того, ни того нет в избытке, сообщаю конечный результат: сами по себе деньги – это классное изобретение, и они ни в чем не виноваты.

Следующим подозреваемым стали проценты. Если помните математику, расчет процентов – дело непростое, и иногда оно приводит к удивительным результатам, поскольку сложные проценты, то есть проценты на проценты, быстро увеличиваются до невообразимых размеров. В большинство людей проценты вселяют ужас, но в принципе все связи очень просты. Если один человек дает другому деньги взаймы, он хочет иметь что-то взамен, и хорошим решением является то, что ему платят, так сказать, арендную плату за этот заем. А арендная плата за деньги называется процентами. Ясно: если кто-то наделает слишком много долгов, он может вспотеть, отдавая их, если не подумает как следует предварительно. А тот, у кого денег много, больше, чем ему нужно, может давать взаймы и получить кучу арендной платы или процентов, вероятно даже, настолько много, что он сможет ничего не делать, а только давать деньги взаймы.

Это было бельмом на глазу для наших не слишком хитрых предков – а может быть, они просто завидовали. В любом случае в истории время от времени появлялся запрет на то, чтобы брать проценты. И поскольку евреям это можно было делать, а христианская церковь это запрещала, повсюду случались отвратительные погромы, и, что довольно странно, в статутах фашистов тоже занял место запрет на начисление процентов, на основании того, что получать доход и не работать – это аморально и недостойно.

Но даже во времена церковных запретов проценты все равно выплачивались, поскольку всегда существовала необходимость брать деньги в долг. Для некоторых вещей вообще нужна целая куча денег, чтобы можно было хотя бы начать их реализацию.

К примеру, было бы глупо копить деньги всю жизнь, чтобы к восьмидесяти годам построить дом. Лучше построить его раньше, а потом уже копить, даже если из-за этого он будет стоить дороже. Или если кто-то хочет стать предпринимателем, например, ремесленником: ему нужны инструменты и машины, чтобы он мог работать и зарабатывать деньги, поэтому разумнее взять недостающие деньги в долг и вернуть их потом с процентами. Если бы пришлось запретить это, воцарилась бы нищета.

И, несмотря на это, уже становится теплее. В переплетении денег и процентов и скрыта ошибка конструкции. Мы уже подбираемся к ней.

Сначала я хочу напомнить о том, что в нормальной жизни деньги представляют собой круговорот. Вы покупаете в магазине за углом колу. Ваши деньги переходят в кассу, а владелец магазина с их помощью оплачивает счета фирмы, которая производит напитки. Фирма покупает, к примеру, новый компьютер и оплачивает его, кроме всего прочего, с помощью тех денег, которые когда-то были в вашем кармане. Ваш отец работает на этой компьютерной фирме, которая из полученных денег платит ему зарплату, откуда вы, в свою очередь, получаете деньги на карманные расходы. И так далее.

Вы наверняка уже не раз играли в известную игру «МОНОПОЛИЯ». Вначале касса очень маленькая, вы свободно перемещаетесь по игровому полю, тщательно взвешивая, какие улицы можно позволить себе купить. К концу все массово строят дома и отели, получают головокружительную аренду и купаются в деньгах. И вот теперь, внимание, трудный вопрос. Откуда взялись все эти деньги? Смотрите внимательно. Не считая

нескольких небольших сумм, полученных на карточках-событиях, все деньги попали в игру благодаря тому, что кто-то перешел через «Via!», то есть стартовое поле, и каждый раз получал 20000 лир.

А теперь подумайте, как это соотносится с реальной жизнью. Там тоже существует определенное количество денег, которые есть в обороте, и это количество не может всегда оставаться неизменным. Экономика растет буквально как одержимая, поэтому нужно больше денег. Откуда они берутся? Конечно, нет никаких проблем с тем, чтобы напечатать новые банкноты, – дело не в этом. Вопрос в другом: как они попадают в игру? Я никогда еще не получал письма из Центрального банка, где было бы написано что-то в этом роде: «В этом году снова возникла необходимость увеличить находящуюся в обращении денежную массу. Поэтому каждый гражданин получает пятьсот тысяч лир, см. приложенные купюры». Я знаю, вы тоже не получали ничего подобного, да вообще никто не получал.

Но как же это работает? Как в игру попадают новые деньги? И не говорите мне, что вас это не интересует. Это должно вас интересовать. Потому что здесь и кроется ошибка конструкции.

Тому, что я сейчас объясняю, не учат в школе. Мы все знаем, что в школе и так ничему не учат из того, что нужно в жизни, поэтому примите это как знак качества. Тот, кто не верит и настроен скептически, может посмотреть в книгах по экономике и финансам; ключевое слово – создание денег.

Допустим, что упомянутая фирма, производящая напитки, хочет построить новую установку для розлива. Для этого она берет кредит в банке. Обычно банк дает деньги из вкладов, которые разместили у них вкладчики, но предположим, что сейчас ситуация сложная, потому что взяли много кредитов. В этом случае он обращается в Центральный банк. Центральный банк имеет право давать кредиты, не имея вкладов. Они могут давать их, так сказать, из ниоткуда и таким образом вносить в игру новые деньги. Здесь любой банк может получить дополнительные деньги, конечно, тоже в форме займа, то есть под гарантии и установленную процентную ставку, так называемую учетную ставку. Об этом каждый день пишут в экономической части газет, проверьте как-нибудь. Она устанавливается самим Центральным банком, причем по следующему принципу: если Центральный банк полагает, что берется больше кредитов, чем это приносит пользу экономике, то он поднимает учетную ставку, из-за чего кредиты становятся дороже и, соответственно, менее интересны. И наоборот, понижением учетной ставки он может сделать кредиты дешевле, а значит, интереснее для инвестиций. Таким образом, учетная ставка является чем-то вроде инструмента, управляющего экономикой.

Звучит хорошо, правда? А ведь это самая большая глупость. Миллионы банкиров знают об этом и полагают, что это великолепно, но если вдуматься, то обнаружишь, что именно здесь и заключается конструкционная ошибка.

Давайте подумаем, что получается. Центральный банк выдает кому-то кредит из ничего в размере, скажем, ста миллионов лир. Процентная ставка, к примеру, составляет три процента. Это означает, что вернуть нужно (предположительно через один год, который мы, упрощая, возьмем для всех расчетов) сто три миллиона лир.

Но откуда возьмутся эти дополнительные три миллиона? Их ведь вообще нет! И нет возможности создать три дополнительных миллиона лир, потому что создавать деньги имеет право только Центральный банк, а за это он опять же хочет получать проценты и так далее! Какая чушь!

Да, конечно, в обороте еще много денег, и из этих денег на практике тоже выплачиваются проценты – но с тем результатом, что не хватает денег где-то в другом месте. А там, где не хватает денег, берут кредиты в надежде выплатить их позже. Финансы – это одна большая система, где многое распределяется, выравнивается, вступает в силу с некоторым запозданием, но не происходит одного: ничего не теряется, ни единой жалкой лиры. В конце концов все сводится к тому, что в какой-то момент

в Центральном банке берется новый кредит, чтобы оплатить проценты за первый.

Если бы экономика была человеком, мы сказали бы: он зависим, он подсел на Центральный банк.

Но тут иначе. Вы еще помните прошлогодний юбилей в нашей школе. Каждый из нас получил красный пластиковый жетон в качестве талона на пиццу, синий жетон – на колу и зеленый – на мороженое. На время праздника эти жетоны стали деньгами. Я обменял свой зеленый жетон на красный, потому что не люблю мороженое. Видел одного парня, который обменял все свои жетоны на синие, потому что ему очень хотелось пить. Все работало чудесно, каждый получил более или менее то, что хотел. А когда праздник закончился, наш директор выбросил жетоны, потому что пиццы были съедены, кола выпита, да и от мороженого тоже ничего не осталось.

Представьте себе, что фирма, которая производит эти жетоны, не просто продала бы их ему, а сказала бы: вот вам тысяча красных жетонов – но мы хотим получить за них тысячу тридцать красных жетонов. Даже наш директор не настолько глуп, чтобы не заметить: это полная чушь.

Нет, то, что мы видели на празднике, хоть мы и не понимали этого, было денежной системой, такой, какой она должна быть. Деньги находились в равновесии с существующими товарами, а когда те были использованы, они снова исчезли. Они существовали только для той цели, для которой изначально были изобретены: чтобы упростить обмен товарами. Таким образом, после вечеринки все могли спокойно пойти домой. Не нужно было охотиться за жетонами, которых вообще не существует.

Давайте подытожим: из-за того, что Центральный банк требует проценты за вновь созданные деньги, возникает больше долгов, чем существует денег. И в этом ошибка системы.

И с этого момента все получается в точности как в карточной игре «Черный Петр», только в каждом круге в игру вводятся все новые и новые Черные Петры [64]*. Каждый должен пытаться избавиться от своих Петров, и чем их больше, тем сложнее это становится. Нужно стать быстрее, работать еще упорнее, нужно обходить других, нельзя ни с кем считаться, выжимать из себя все. Все ускоряется без надежды на возможность избежать этого. Спираль закручивается все сильнее и сильнее.*

Разве не это мы наблюдаем? Экономика все растет и растет, но – о чудо, о диво! – повсюду все стараются скопить как можно больше, рабочих мест не хватает, всем приходится работать усерднее, не остается времени на себя и свою семью, налоги растут, у каждого возникает чувство, что все становится только хуже, и это при том, что все работают на то, чтобы все стало как можно лучше. А лучше не становится. Чем больше усилий мы прикладываем, тем больше возникает долгов, которые нельзя вернуть, которые нельзя разрушить. Чем больше мы пытаемся уйти от нищеты, тем больше ухудшаем ситуацию. Единственный выход – найти того, кто расплатится за всех, – кого-то очень далекого или вот природу. Давайте вырубим тропический лес, это принесет деньги, с их помощью я смогу избавиться от долгов. Давайте выбросим на рынок еще один продукт, который в принципе никому не нужен, и убедим людей в том, что без него им никак, даже если только для того, чтобы быть «модным», и давайте сделаем его таким, чтобы он быстро ломался, чтобы мы могли продать побольше. Давайте будем вытаскивать деньги из карманов людей всеми средствами, чтобы мы могли хотя бы оплатить свои долги. Давайте просто закопаем ядовитые отходы, мы не можем позволить себе оплачивать их утилизацию. Каждый сам себе ближний свой, каждый борется за себя.

И самое подлое в этом, что долги – это нечто настолько личное, настолько тайное … Большинство людей скрывают свои долги как знак личной неудачи. Они скорее признают, что склонны к сексуальным извращениям, чем то, что имеют долги. Официально ни у кого

---

64 Пиковый туз в игре «Черный Петр».

нет долгов, внешне все счастливы. Нет никаких финансовых проблем, так же, как в викторианскую эпоху нельзя было позволить заметить наличие половых органов.

И что делать? Экономика служит для того, чтобы добыть то, что нам нужно для жизни. Она не работает без денег, они, так сказать, кровь экономики. Но эта кровь больна. Из-за нее экономика разрастается до абсурда, разрушая при этом основы нашего существования. Если бы экономика была живым существом, можно было бы сказать, что у нее что-то вроде лейкемии. Поэтому, если не оздоровить финансовую систему, то все, что мы могли бы сделать для спасения Земли, не будет иметь эффекта. Нужно устранить ошибку конструкции.

Зазвонил телефон. Джон поднялся и только сейчас почувствовал, что глаза болят от усталости. Он посмотрел на часы. Уже половина второго, боже мой! Время, когда следует ожидать сообщений о катастрофе. Он снял трубку.

– Фонтанелли слушает.

– Эдуардо Вакки, – произнес голос, которого он не слышал уже целую вечность. – Извини, мне только что сказали, что ты на Филиппинах. Очень поздно?

– Да. Но я не ложился.

– Речь идет о дедушке, – произнес Эдуардо. – Он умирает. И он попросил меня передать тебе, что хотел бы повидаться с тобой еще раз.

35

Пересадка в Маниле. Самолет в Бангкок. Он отправится дальше, в Париж, с промежуточной посадкой в Карачи, а оттуда во Флоренцию, спустя двадцать шесть часов. Столько нужно было продержаться Кристофоро Вакки, если тот хотел увидеть его.

Джон почти не обращал внимания на окружение, шел туда, куда направляли его телохранители. В аэропорту Манилы словно разверзся ад, в залах и снаружи. Просто невероятно, что самолеты могли приземляться в маслянистой черной дымке, закрывавшей небо, но, по слухам, в других местах дело обстояло еще хуже: говорили, что аэропорт Куала-Лумпура закрыт, в Сингапур ничего не летает; никогда еще не бывало такого, чтобы больницы были переполнены людьми, глаза или дыхательные пути которых не выдерживали смога, уже произошли первые смертельные случаи.

Наконец они поднялись в воздух и вырвались из колокола дымки. Внутри самолета перестало вонять гарью. Джон отмахнулся, когда стюардесса предложила ему напитки; он просто хотел сидеть, прижимаясь лбом к прохладному пластиковому окну. Самолет летел по широкой дуге на запад. Отсюда, сверху, из сверкающей высоты стратосферы туча дыма была похожа на отвратительный черный кочан цветной капусты, простирающийся до горизонта: атмосферная опухоль, растущая, как на дрожжах, и омерзительная до дрожи.

Метастазирующая опухоль у его деда – так сказал Эдуардо. Опухоль обнаружили полтора года назад, она росла довольно медленно, как часто бывает у стариков, и из-за его возраста сделать можно было немного. А теперь все пошло к концу очень быстро. Джону стоит поторопиться.

Интересно, какие упреки придется ему выслушать? Перед лицом смерти *padrone* не станет ни с чем считаться, откровенно выскажет ему свое мнение. Что он вместе с Маккейном пошел по неверному пути, впустую растратил драгоценное время на построение империи, которая никому не помогает. Что он, Кристофоро Вакки, в нем глубоко разочарован. Что Джон все же оказался не тем наследником.

Лоренцо бы знал. Эта мысль не давала ему покоя, долбила его в одно и то же место, как китайская пытка водой. Уже то, что эта статья нашлась, казалось ему насмешкой невидимых сил судьбы. И не только потому, что ему никогда в жизни не приходили в голову такие мысли, – даже после статьи он только местами понимал, что вообще имел в виду Лоренцо.

«Лоренцо бы знал, – скажет ему Кристофоро Вакки. – Лоренцо стал бы настоящим наследником».

Все в нем трепетало в ожидании момента, когда он снова предстанет перед стариком. А ведь можно было бы легко подстроить опоздание. Как ни крути, путешествие вокруг половины земного шара не пустяк. Никто не стал бы его упрекать.

Никто, кроме него самого.

Странное это было ощущение – снова приехать сюда, выглянуть в окно, прочесть надпись «Петерола Аэропорто» рано утром, почти как тогда, два с половиной года назад. Именно здесь она и началась по-настоящему, его новая жизнь. Два с половиной года. Одновременно казалось, что это было целую вечность назад и словно только вчера.

Странное это было ощущение – его снова встречал тот же самый «роллс-ройс», на котором он ехал из Флоренции, и поехал он по тому же самому пути, мимо магазина, где продавались «феррари»… Но вел автомобиль уже не Бенито. Эдуардо рассказал о его болезни и пожал плечами: мол, такова жизнь.

– Как прошел перелет? – поинтересовался он.

– Без четырех с половиной часов ожидания в Карачи он был бы еще лучше, – заметил Джон. – А в остальном все в порядке. Я радовался, что нам вообще удалось купить билеты.

– Я думал, что ты, наверное, прилетишь на своем личном самолете.

– Нет, его… э…

«Самолет нужен Маккейну», – едва не сказал он. Но лучше не стоит.

– Его пришлось бы вызывать. И вышло бы не быстрее.

Эдуардо кивнул.

– Ах, ну да, ясно.

Он выглядел иначе, чем запомнилось Джону. Серьезнее. Нет, более зрело. Взрослее. Ему очень хотелось узнать, как Эдуардо жил все это время, но не хотелось спрашивать. Может быть, позже.

– Как…э… он? – неловко спросил Джон вместо этого.

Эдуардо посмотрел в окно.

– Он угасает. Не знаю, как выразить иначе. Каждое утро мы входим к нему, а он… он еще здесь. Так тихо и мирно, понимаешь? Ничего не хочет, всем доволен, улыбается, когда разговаривает с нами. Большую часть времени спит.

– А точно, что… Я имею в виду, уже действительно ничего нельзя сделать?

– Врач приходит два раза в день и устанавливает морфиновый насос так, чтобы ему не было больно. Только это и можно сделать.

– Понятно.

Джон посмотрел вперед. Марко сидел рядом с водителем и, похоже, наслаждался тем, что может снова разговаривать на своем родном языке. По крайней мере, так казалось через разделительную перегородку.

– Значит, это только вопрос времени.

– Врач каждый день удивляется. Он сказал, что у него такое чувство, будто дедушка чего-то ждет.

«Меня», – подумал Джон, чувствуя, что ему становится дурно. Он оглянулся, чтобы увидеть черный «мерседес», в котором следовали за ним телохранители. Они ему сейчас помочь не смогут.

Со странным чувством он снова входил в загородный дом семьи Вакки. Оглянулся по сторонам и понял, что ничего не изменилось. Разве он уезжал? Может быть, время прошло слишком быстро? Он поздоровался со всеми, лица их были серьезны.

– Идите, – негромко произнес затем Альберто, словно заметив, что Джон медлит. – Он ждет вас.

Итак, не осталось рук, которые можно было пожать, и ему пришлось подниматься

наверх, по столетним мраморным ступеням, по коридору с высоким потолком, а сердце бешено колотилось в груди, дрожали руки, когда он подошел к двери, на которую указала ему медсестра. Тяжелая дверная ручка приятной прохладой легла в ладонь, и он нажал на нее, потому что не было другого выхода.

Комната была большой, тихой и затемненной. Хотя чувствовалось, что ее регулярно и хорошо проветривают, в воздухе витал запах дезинфицирующего средства, напоминавший о больнице. Большая кровать с подвязанным пологом стояла изголовьем к стене, примыкавшей к коридору, и занимала собой почти все пространство комнаты. С противоположной стороны располагалась стойка для капельницы, на которой висел мешочек с прозрачной жидкостью, трубка была еще развернута, рядом – металлический столик на колесиках, где лежал перевязочный материал, коробочки от медикаментов и различные приборчики. А в постели покоился почти невидимый на первый взгляд *padrone* . Та его часть, которая еще осталась в этом мире.

– Джон, – произнес он. – Вы пришли…

Он не спал, смотрел на него темными, глубоко запавшими глазами. Голос его был едва различим, несмотря на то что в комнате стояла абсолютная тишина. Джону пришлось подойти ближе, чтобы разобрать его слова.

– *Padrone* , я… – торопливо начал Джон, но умирающий перебил его:

– Присядьте хотя бы. – Палец его указал в полутьму. – Где-то там должен стоять стул.

Джон пошел туда и принес нечто, что он никогда не обозначил бы словом «стул»: кресло с подлокотниками и мягкой обивкой, с красиво вырезанной спинкой, древнее, хорошо сохранившееся и, вне всякого сомнения, стоившее целое состояние. Но, как бы там ни было, на нем можно было только сидеть.

– Я рад, что смог еще раз повидать вас, Джон, – произнес старик. – Вы хорошо выглядите. Загорели.

Джон сцепил пальцы.

– Я был на Филиппинах. Шесть недель или что-то вроде того. На судне.

– Ах да, Эдуардо что-то об этом говорил. На Филиппинах, прекрасно, но меня иногда мучает совесть, поскольку я оказал на вашу жизнь такое влияние, из-за которого на вас все это свалилось… Однако, судя по вашему виду, у вас все в порядке, я прав?

– Да, конечно. У меня… да, все в порядке. Да.

Padrone улыбнулся.

– Эта девушка, с которой вас видели в газетах… Я сказал «девушка», извините, конечно, это женщина, Патрисия де Бирс. У вас с ней что-то серьезное? Уж простите мое любопытство.

Джон судорожно сглотнул, покачал головой.

– Это было просто… Я имею в виду, что в целом она ничего, и под конец мы даже стали нормально уживаться, но с самого начала это была просто… акция. Для СМИ, понимаете?

– Ах да. – Он кивнул, очень слабо, едва различимо. – Это он придумал? Маккейн?

– Да.

Он улыбнулся.

– Маккейн. Почему-то я испытываю облегчение, услышав это. Я почти догадался, но подумал, что никто не может быть настолько неуклюжим, чтобы инсценировать подобные вещи… Фотографии выглядят постановочными. Не знаю даже почему. Мисс де Бирс, конечно, женщина сказочной внешности, без сомнения… но мне всегда казалось, что она вам не подходит.

Джон кивнул, не зная, что на это сказать. Равно как и не знал, что об этом думать. Он не ожидал, что умирающий человек будет интересоваться подобными вещами.

Padrone на миг прикрыл глаза, провел рукой по лбу: бледная, почти прозрачная кожа.

– Вы, наверное, думаете, – произнес он и снова открыл глаза, посмотрел на него на удивление ясным и твердым взглядом, – что я в вас разочарован? Скажите честно.

Джон сдержанно кивнул.

– Да.

Он улыбнулся мягко, почти нежно.

– Вовсе нет. Вы думали, что я хочу повидать вас, чтобы читать вам нотации? Что буду тратить на это свои последние часы?

Джон кивнул, в горле у него стоял комок.

– Нет, я просто хотел еще раз повидать вас. Весьма эгоистичное желание, если угодно. – Его взгляд устремился к окну, через которое виднелось чистое небо. – Я еще помню момент, в который мне стало ясно, что я смогу застать тот миг, когда будет найден наследник. Кажется, тогда мне было лет двенадцать. Незадолго до войны. Все говорили о Гитлере, это я тоже помню. Я несколько раз пересчитал, пока не уверился: мой отец, который рассказывал мне об этом всю жизнь, не застанет, а я – застану. Я чувствовал себя избранным. Я чувствовал себя связанным с вами прежде, чем вы родились на свет. Я каждый год приезжал к вам, когда вы были ребенком, наблюдал за тем, как вы росли, видел ваши игры, пытался разгадать ваши мечты и желания. Неужели так трудно понять, что я не хотел умирать, пока не повидаю вас еще раз? – Он замолчал. Похоже, произнесенная речь утомила его. – Вы не сделали того, что я ожидал. Разве это причина судить вас? Я не ожидал, что вы сделаете то, что я ожидаю. Иначе я и сам бы мог это сделать.

– Но ведь я связался с человеком, от общения с которым вы меня отговаривали, каждый из вас. Я использовал деньги для создания всемирной империи вместо того, чтобы помочь бедным, накормить голодных, спасти тропический лес или сделать с их помощью еще что-нибудь толковое. Я же стремился к власти и сейчас вообще не понимаю, зачем, собственно. Я…

– Ч-ш-ш, – произнес старик, поднимая руку. – Я расстроился, когда вы ушли. Признаю. Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять. Довольно много времени, если быть честным. – Он опустил руку. – Но когда смерть подступает так близко, что уже видишь ее краем глаза, куда ни глянь, расставляются приоритеты. Не думайте так плохо о себе. Вы наследник. Что бы вы ни сделали, это будет правильно.

– Нет. Нет, я не тот наследник, который имелся в виду в пророчестве. Теперь я это понял. Настоящим наследником был бы Лоренцо. Он…

– Джон…

– Мне прислали его сочинение, в котором он исследует финансовую систему и приходит к выводу, что в ней заложена ошибка, в самой финансовой системе. Это гениально. Ни до чего подобного я бы в жизни не додумался. Я даже сейчас до конца не понимаю. Лоренцо знал бы, что делать, *padrone* , а я нет.

– Но Господу было угодно призвать Лоренцо к себе за несколько дней до решающего дня. Так что наследник – вы. Вы вернете людям утраченное будущее с помощью состояния. Таково пророчество, и так и случится. Вы не можете сделать ничего для этого, ничего против этого, это не в вашей власти. Что бы вы ни делали, в конце концов окажется, что это было правильно.

Джон в недоумении смотрел на него.

– Вы все еще верите…

– Я все еще верю, совершенно правильно. Но ничего не могу с этим поделать. Просто это так. – Он закрыл глаза, словно прислушиваясь к себе. – Я думаю, мне пора немного поспать. Джон, спасибо, что приехали. Я немного беспокоился по этому поводу, честно говоря…

Его голос становился все тише, наконец, от него осталось только дыхание, слишком слабое, чтобы пробиться даже сквозь шорох одежды.

Джон осознал, что это могли быть последние слова, которыми он обменялся с *padrone, мистером Анжело* его детства, вестником лета и осени; все, что нужно еще сказать, должно быть сказано или сейчас, или никогда. Он поискал несказанное и не нашел ничего, только беспомощно посмотрел на умирающего мужчину.

– Ах, пока не забыл, – вдруг произнес Кристофоро Вакки, – здесь гостит молодая дама… Вы ее знаете, полагаю… Она нашла кое-что поистине удивительное. Вам стоит на это взглянуть. – Его тонкая рука поползла по одеялу и легла на правую руку Джона, она оказалась легкой, больше похожей на тень, чем на реальную часть тела. – Прощайте, Джон. И расслабьтесь. Вот увидите, в конце концов все будет хорошо.

После этих слов рука вернулась обратно, бессильно опустилась рядом с истощенным телом, почти неразличимым под одеялом. На миг ужаснувшемуся Джону показалось, что он присутствует при моменте смерти, но Кристофоро Вакки просто уснул. Если присмотреться повнимательнее, то можно было увидеть, как едва заметно поднимается и опускается его грудь.

Джон осторожно поднялся, стараясь не наделать шума. Поставить стул обратно? Лучше не надо. Он смотрел на *padrone* , пытаясь осознать, что сейчас, возможно, он видит его в последний раз, – и все равно не понимал, понял только, что был прав, попрощавшись, как бы это ни произошло. Он смотрел на него, не отводя взгляда, пытаясь удержать миг, вырвать его у времени и сохранить хотя бы в воспоминаниях, но все ускользало. Никогда еще он не чувствовал, с какой неотвратимостью летит время.

Наконец он сдался, перестал пытаться чего-то добиться, просто смотрел на человека, который испытывал к нему такое невероятное доверие, стоял и смотрел, пока внутри не образовалось какое-то подобие мира и понимание, что уже довольно. Тогда он отвернулся и вышел из комнаты.

И только оказавшись за дверью спальни, осторожно прикрыв ее за собой, он заметил, что у него мокрые щеки и судорожно сжимается горло.

Она сидела за столом, словно была частью семьи, бледная и серьезная, и Джон на миг задумался, откуда он ее знает: верно, тогда, в архиве. Студентка исторического факультета из Германии, которая обнародовала историю с пророчеством.

– Урсула Вален, – напомнила она ему свое имя, когда он поздоровался.

Тогда он довольно сильно разволновался из-за нее, это он еще помнил, но уже не помнил почему.

– *Padrone* сказал, вы нашли то, что я непременно должен увидеть, – произнес он.

Она удивленно подняла брови.

– Он сказал вам это? Удивительно.

– Почему?

– Ах, да так. Вы поймете, когда увидите. – Она махнула рукой. – Как только это… что ж, *закончится* .

Но все происходило не так быстро. Они сидели и ждали, а врач каждый раз качал головой, спускаясь вниз.

– Я такого еще не видел, чтобы кто-то умирал так мирно, – сказал он однажды, а в другой раз спросил: – Есть ли какая-то определенная дата в ближайшем будущем, которая имеет значение? Годовщина или что-то в этом роде?

– Мне об этом неизвестно, – сказал Альберто. – А почему это важно?

– Бывает, что умирающие всеми силами цепляются за жизнь, потому что хотят дожить до определенного дня – дня рождения, юбилея, дня смерти супруги…

– Наша мать умерла в мае 1976 года, это не то, – произнес Грегорио. Достал календарь, поразмыслил, вглядываясь в него, затем покачал головой. – Нет, мне ничего не приходит в голову.

И они продолжали ждать. Урсулу поселили в комнате для гостей, Джона тоже, для телохранителей, которые не поместились в доме, сняли номера в деревенской гостинице. Они сидели рядом, Вакки рассказывали о былых временах, ели и пили то, что готовила Джованна, а это было немало: словно они могли спасти жизнь *padrone* , опустошив весь подвал запасов. Ночь сменялась новым утром, *padrone* еще жил, дышал, часами неотрывно глядел в окно на небо, ни с кем не хотел говорить; ничего.

И в эти часы в доме, во всем поместье словно расстилался глубокий покой, который был, казалось, уже не от мира сего. Казалось, что на них накладывается некое заклятие, из-за которого все вокруг погружается куда-то и время застывает.

Но за переделами семейной резиденции заклинание, похоже, не действовало.

– Прошу вас, не сочтите меня непочтительным, – обратился к врачу Грегорио Вакки, – но дело в том, что жизнь не стоит на месте, есть дела, которые не так-то просто отложить…

– Ничего не могу вам сказать, – ответил врач. – Я не знаю, сколько это еще будет продолжаться. Никто не сможет сказать. Еще несколько дней назад я был уверен, что вы сможете не беспокоиться относительно назначенных на следующую неделю встреч, но теперь… Вполне вероятно, что это продлится до октября. По крайней мере, я бы не удивился.

И они снова ждали. Тем для разговоров находилось все меньше; они предавались своим мыслям или бесцельно бродили по округе, из-за напряженной атмосферы сдавали нервы.

– Вы тоже думаете, что он чего-то ждет? – спросила Урсула Вален, когда встретила Джона в саду ближе к вечеру, в его самом дальнем конце, там, где было видно море.

Джон пожал плечами.

– Понятия не имею. Надеюсь только, что он не ждет того, чтобы мне пришла в голову гениальная идея относительно того, как исполнить пророчество.

– Звучит так, как будто вы верите в это пророчество.

– Не знаю, во что я должен верить. Но он верит в любом случае.

Она кивнула.

– Да, я знаю. – Она повернулась и тоже стала смотреть на море. Над побережьем тянулась тонкая полоска тумана. Осень приближалась, это чувствовалось даже здесь.

Джон изучал ее со стороны. Она была красива какой-то грубоватой красотой. Во время первой встречи он этого даже не заметил. Почувствовал желание сделать ей комплимент, но не внял ему, вспомнив, как вел себя в прошлый раз.

– Вы проводили исследования в архиве, я полагаю, – вместо этого произнес он. – Для своей книги. Вы ведь хотели написать книгу, если я правильно помню?

– Да, когда-то хотела. – Она бросила на него мимолетный взгляд, скрестила руки на груди и снова уставилась вдаль. Великолепно, теперь он заставил ее вспомнить о том споре в конторе. Именно то, чего он хотел избежать.

Она обернулась и вгляделась в дом.

– По-моему, мы стоим прямо напротив окна мистера Вакки. Там, где толстые шторы. Верно?

Джон посмотрел туда, куда она показывала, попытался воссоздать в памяти планировку дома. Вспомнил тяжелые, золотистого цвета шторы.

– Вполне может быть.

– Как думаете, он нас здесь видит?

– Я думаю, что из своей постели он видит только небо. – Во время паузы он осознал двусмысленность своих слов. – В некотором роде я ему завидую, – признался он и тут же спросил себя, зачем рассказывает ей это.

– Умирающему?

– Он умирает с осознанием выполненного долга, которому посвятил свою жизнь. Хотелось бы мне, чтобы когда-нибудь я мог почувствовать то же самое. Мне хотелось бы, по крайней мере, знать, в чем вообще состоит мой долг.

Похоже, ей это не понравилось.

– А разве у нас у всех не одна задача? Прожить жизнь?

Джон поглядел на траву под ногами, на сухие застывшие травинки.

– Честно говоря, не знаю, что это означает.

– Что в жизни нет ничего сложного. Просто живешь. Любишь. Смеешься. Или плачешь, если это уместно.

– Люди делают это на протяжении столетий, и если будут продолжать делать то же

самое, то через несколько десятилетий людей больше не останется. – Он покачал головой. – Нет. Это не ответ.

Теперь она посмотрела на него. Глаза ее были похожи на большие темные озера. Бездонные. Но ему понравилось, как она смотрела на него. Что она на него смотрела.

– Вы многовато на себя берете, – заметила она.

– Это не я. Это положили на мои плечи вместе с безумной кучей денег – денег, которые поработили целый мир. Об этом лучше не думать.

– Полагаю, – сказала она, – есть кое-что, что я срочно должна вам показать.

– Удивительное открытие?

– Оно более чем удивительно. – Девушка огляделась по сторонам. – Для этого нам нужно поехать во Флоренцию, в контору.

Он вдруг заметил, насколько вокруг тихо. В кустах звенели цикады, но даже они, казалось, ждали чего-то. Как и облака в небе, неподвижные и бледные.

– Врач сказал, что это может продлиться еще долго, – сказала она.

Джон колебался.

– И только потому, что я любопытен, рисковать…

– Разве это риск? Умирает в любом случае каждый в одиночку.

Имей он что сказать, возможностей было более чем достаточно, да. Джон смотрел на нее и испытывал странное чувство, что знает ее уже целую вечность. Он ощутил, что на глаза набежали слезы, и скрывать их не было нужды.

Молодой человек поднял глаза к окну, за которым ждал смерти старик, и почувствовал, как его пронизывает глубокое согласие. *Что бы вы ни сделали, это будет правильно.*

– Идемте, – сказал он.

На втором этаже конторы царил хаос. Были открыты стеклянные шкафы, драгоценные фолианты бесцеремонно сложены в стопки, на столах лежали раскрытые справочники, горы записей, даже на стенах висели листы бумаги с номерами годов, сумм, ключевые слова на немецком языке, которые он не мог прочесть. Должно быть, она провела здесь уже немало времени.

– Вот, посмотрите для начала на это. – Она вынула книгу из климатизированного шкафа, который слегка запотел, когда она его открыла, и положила ее перед ним, раскрыв в нужном месте.

– Это одна из счетоводческих книг Джакомо Фонтанелли. В ней примечательны две вещи. Во-первых, в пятнадцатом столетии в Италии развилось то, что сегодня мы называем *двойной бухгалтерией* . Тогда это называлось бухгалтерией *a la veneziana* [65], и эта новая методика была одной из причин привилегированного положения, которое занимали тогда итальянские купцы. Но Фонтанелли ее не использует, он ведет нечто вроде делового дневника, и то, мягко выражаясь, довольно несистематично. Посмотрите на почерк – закругленные, плавные неровные буквы. Это тот же самый почерк, что и в завещании.

Джон посмотрел на бледные каракули, сравнил их с почерком завещания, по-прежнему лежащего на своем месте под стеклом. Там автор больше старался писать красиво, но, не считая этого, вне всякого сомнения, это был тот же самый почерк.

– Ну да, – произнес он. – Этого следовало ожидать, разве не так?

Урсула Вален мимоходом кивнула.

– Позднее это станет важным. На данный момент важно то, что этот способ, скажем так, хаотичного ведения записей, не помогает быстро разобраться с состоянием дел купца. Поэтому никто долгое время не замечал, что книги Фонтанелли заканчиваются не тремястами флоринами прибыли, а тремястами флоринами убытков. Если быть точной, то первой это заметила я, не далее как три месяца назад. – Она положила перед ним другую

---

[65] По-венециански (*итал.*).

счетную книгу, последнюю из ряда, открытую на последней исписанной странице. – Пункт второй.

– Убытки? – Джон нахмурил лоб, изучая цифры. Они ничего ему не говорили. Он должен поверить ей, положиться на то, что она знает, о чем говорит. – Но как он мог оставить состояние, если у него его не было?

– Этот вопрос я тоже задала себе. Поэтому я охотилась за остальными документами Джакомо Фонтанелли – кстати, с помощью Альберто Вакки, который, похоже, знает в этой стране всех, – сказала она, подняла крышку старого на вид металлического ящичка и вынула оттуда столь же старый на вид листок бумаги. – И наконец нашла вот это.

Там было несколько листков с колонками чисел. Джон уставился на них, попытался понять, что именно он видит. Цифры были странными, двойка напоминала волну…

– Это годы? – вдруг дошло до него. – Вот, 1525, 1526… – Он пролистал до конца. – Заканчивается 1995 годом.

– Бинго! – сказала Урсула. – Это расчет того, как будет развиваться состояние с учетом простых и сложных процентов. И обратите внимание на почерк – он четкий, точный, буквы ровные. Кто бы это ни написал, это точно не Джакомо Фонтанелли. То, что вы видите, – это письмо, полученное им примерно в 1523 году.

Джон уставился на ряды чисел, и ему вдруг показалось, что в глазах защипало.

– Это значит…

– Что это были не его деньги и не его идея, – произнесла она чудовищные слова. – Кто-то другой разработал весь план и предоставил для него деньги.

Ему вдруг показалось, что земля качнулась под его ногами.

– Тот, кто написал письмо? – Он перевернул листки до самого конца. – Этот… что это значит? *Джакопо* ?

– *Джакопо* , – подтвердила Урсула Вален, – итальянская форма имени Якоб. Известно, что при жизни Якоб Фуггер имел привычку подписывать таким образом свои письма в Италию. Вам что-нибудь говорит имя Якоб Фуггер?

– Якоб Фуггер Богатый, – услышал собственный голос Джон. Маккейн упоминал это имя. *Самый могущественный человек, когда-либо живший на этой планете.* – Думаете, ему я обязан своим состоянием?

Ее глаза были словно огромные загадочные драгоценные камни.

– Более того, – сказала она. – Я думаю, что вы его потомок.

Когда он сидел и смотрел на нее, он казался таким открытым и беззащитным, что больше всего ей хотелось обнять его. Не осталось ни следа наглости, которую она увидела в нем в прошлый раз, лишь притяжение, действительно настолько сильное, что все сигнальные устройства били тревогу, заставляли ее думать о Нью-Йорке, о Фридгельме, обнаженном, изменяющем ей с незнакомой женщиной, о своей безумной ярости. Спустя столько времени она все еще ощущала шрамы на ранах, нанесенных ее душе. Ощущала их при виде этого мужчины, к которому ее влекло необъяснимым образом, как будто он был кем-то, кого она долго ждала, кем-то, кто долго отсутствовал и наконец вернулся.

Но, конечно же, этого не должно быть. Не может быть. Это не так. Нет, она просто разволновалась из-за разыгравшейся внезапно три недели назад болезни старого Вакки. Близость смерти создала исключительную ситуацию, из-за которой все чувства, все ощущения стали сильнее, пробудили жажду жизни… Нужно быть настороже. Ни на что не поддаваться.

Сфера фактов и исторических теорий была ее надежной крепостью. Она ухватилась за историю, словно за спасательный круг.

– Все сходится. Якоб Фуггер родился в 1459 году, младший из семерых сыновей, и вообще-то ему прочили духовную карьеру. Однако после того, как четверо его братьев умерли от инфекционных болезней, как полагают, в сентябре 1478 года Якоба отозвали из монастыря обратно на фирму в Аугсбурге. Первым делом он отправился в Италию, чтобы

изучить дело с самого начала на базе тамошних филиалов Фуггеров. Сначала он поехал в Рим, а вскоре после этого в Венецию, где прожил около года. Затем он вернулся обратно в Аугсбург, чтобы стать тем, кого назовут Богатым. – Она отложила книгу в сторону, посмотрела на него. – Согласно официальной исторической точке зрения у Якоба Фуггера не было детей по неизвестным причинам. Его часто обвиняют в импотенции, но это маловероятно. Более вероятная причина бесплодия – болезнь в раннем возрасте. Но как бы там ни было, тогда, в 1479 году, он был молод, ему было около двадцати лет, и он находился в Венеции, городе, пульсом которого являлась торговля, непривычный к сильной жаре и палящему солнцу… Возможно ли, чтобы это не оказало на него влияния? Маскарады, часто безудержные и разгульные… Можно ли представить себе, чтобы он, молодой здоровый мужчина, провел в этой атмосфере целый год, не заведя даже короткого романа? И даже если впоследствии он стал бесплодным, разве не вероятно, чтобы тогда, в расцвете лет, он хотя бы однажды не проявил способность к производству потомства? Вполне возможно, вполне логично, что во время своего пребывания в Венеции Якоб Фуггер сделал ребенка женщине и уехал, так и не узнав об этом. Женщине, о которой нам известна только ее фамилия.

Он посмотрел на нее, понимающе кивнул.

– Фонтанелли.

– Именно. Дата рождения Джакомо Фонтанелли, 1480 год, вполне подходит по временным рамкам. Сходятся и другие подробности. Почему, к примеру, он отказался вести свои книги *a la veneziana* ? Возможно, потому, что из-за плохих воспоминаний мать привила ему отвращение ко всему, что связано с Венецией.

Джон Фонтанелли смотрел на письмо, написанные в нем числа, подпись.

– А что насчет почерка?

Она вынула из папки факс, присланный ей куратором из Германии, с изображением другого письма Фуггера.

– Вот. Не идентично, но на удивление похоже.

– Невероятно. – Он положил обе бумаги рядом, посмотрел на них, но мыслями, казалось, был где-то далеко. Вдруг он поднял голову, посмотрел на нее и произнес: – Мисс Вален, я хочу извиниться. Не помню уже, почему во время нашей первой встречи я был так невежлив, но мне жаль.

Она озадаченно смотрела на него. Это было настолько неожиданно, что она даже не знала, что ответить.

– Что ж, – с трудом выдавила она, – я тоже не была сама любезность.

– Но я начал первый, – настаивал он. – Прошу вас, простите меня. Я действительно восхищен тем, как вы все это выяснили. Правда, мне хотелось бы, чтобы я мог… – Он с беспомощной улыбкой поднял письма. – Как бы там ни было, я не унаследовал деловой хватки, понимаете? Состояние моих счетов до получения наследства скорее свидетельствует против вашей теории.

Она невольно рассмеялась и была благодарна ему за то, что появилась возможность вернуться к истории.

– Ах, это ведь ничего не значит. Нельзя сказать даже, что ваш предок Джакомо унаследовал деловую хватку. Он часто влезал в долги, перебивался с хлеба на воду. Вот, посмотрите сюда. – Она положила перед ним книгу счетов, которую показывала и *padrone* . – Вот, эта запись. Март 1522 года. Некий Дж. дает ему взаймы двести флоринов.

– Дж.? Как Джакопо?

– Вполне допустимо.

– Но как он вступил в контакт со своим отцом? И почему никогда не говорил о том, кто его отец?

Урсула колебалась. Все это были такие безумные предположения, что ей становилось дурно.

– Я предполагаю, что в какой-то момент мать ему все рассказала. Может быть,

незадолго до смерти, хотя мы не знаем, когда она умерла. А что стало с Якобом Фуггером, с которым она познакомилась в Венеции в молодости, тогда в Европе знали все. Я могу допустить, что своими ссудами Фуггер купил молчание Фонтанелли. Судя по записям в книгах счетов, контакт состоялся самое раннее в 1521 году. Тогда Якобу Фуггеру оставалось жить еще четыре года, и, возможно, он предчувствовал приближение смерти. Его наследником был назначен его племянник Антон, и Якоб Фуггер наверняка не хотел ничего менять в пользу своего незаконнорожденного сына, учитывая то, что тот был столь мало удачлив в делах.

– Но он разработал этот план.

– Однозначно. И от человека с дальновидностью и финансовым гением Якоба Фуггера вполне можно такого ожидать.

– Но, – произнес он, помедлив, – как же пророчество?

Теперь они добрались до самого щекотливого вопроса. Урсула почувствовала, что ей стало жарко.

– Я думаю, что Джакомо Фонтанелли действительно снился этот сон. Вы должны помнить о том, что он вырос в монастыре, в окружении мифов и легенд, историй о пророках и мучениках. Я не вижу ничего удивительного в том, чтобы пятнадцатилетнему парню приснился такой сон и он счел его видением.

– Сон, в котором он довольно точно описывает наше время, которое наступило через пятьсот лет.

– Вы так думаете? Это ведь все довольно общие картины, которые с таким же успехом могут иметь под собой основу из Библии, книги Апокалипсиса или пророка Даниила, к примеру. Нет, ему приснился этот сон, он расценил его как видение, как пророчество, если угодно, но я думаю, что Якоб Фуггер воспользовался этим пророчеством. – Она указала на последние строки письма. – Если правильно перевести, то это значит следующее: «Так действуют законы математики, которые обессмертят мое состояние, и ты можешь исходить из этого, чтобы одновременно исполнить свое видение». Он хотел воспользоваться религиозными убеждениями Джакомо Фонтанелли и своего друга Микеланджело Вакки, чтобы позволить тому, чего он добился, – величайшему состоянию в истории – возникнуть снова, но уже в будущем.

Некоторое время Джон задумчиво смотрел прямо перед собой.

– Можно рассматривать это и так, что божественное провидение использовало деньги и ум Якоба Фуггера, чтобы создать предпосылки, необходимые для исполнения пророчества.

– Да. Можно рассматривать это и так. Кристофоро Вакки, к примеру, рассматривает это именно так. А я нет.

– Вы показали ему это все?

– Конечно. – Урсула подняла брови. – Но ускорило течение болезни не это, не переживайте.

Он встал, потянулся, словно пытаясь избавиться от лежащего на его плечах груза – тщетно, и прошелся вдоль ряда стеклянных шкафов.

– А все это? Семья Вакки совершила невероятное, вы не находите? Мне тяжело поверить, что в ответе за это Якоб Фуггер, а не божественная сила.

– Я не ставлю под сомнение религиозные убеждения семьи Вакки. Что я ставлю под сомнение, так это истинность пророчества.

– Я думал, это одно и то же.

– Нет. Я сомневаюсь в том, что задачей одного-единственного человека может быть возвращение людям утраченного будущего. Я сомневаюсь в том, что для этого нужны деньги. Я даже сомневаюсь в том, что человечество утратило будущее.

Он широко раскрыл глаза.

– Все расчеты свидетельствуют о том…

– Все расчеты ошибаются. Всегда ошибались. На сломе веков существовали расчеты относительно все возрастающего количества транспорта, согласно которым к сегодняшнему

дню мы должны были увязнуть в навозе по самые бедра. Все это чепуха, Джон. Мы живем не ближе и не дальше к концу времен, чем в любой период истории. Мы просто немного нервничаем, поскольку начинается новое тысячелетие, новый отсчет, вот и все.

Он остановился перед ней, посмотрел на нее и увидел в ее глазах душу, на которой лежит груз льда.

– Вы не знаете, каково это. Владеть таким количеством денег – это все равно что держать в руках судьбу мира. Я бы очень хотел сделать с их помощью что-то хорошее, но не знаю что. Я даже не знаю, можно ли вообще с их помощью сделать что-то хорошее. Но прекрасно знаю, что с их помощью легко можно сделать много плохого.

– Так отдайте их. Создайте фонды. Распределите их. Не позволяйте им давить на себя.

– Вы не понимаете. Я наследник. Я должен…

– В первую очередь вы должны жить, Джон, – сказала она. – Жить.

– Жить, – повторил он медленно, словно никогда прежде не употреблял это слово. В его взгляде появилось что-то похожее на боль. – Сказать честно, я не знаю, как это делается.

Нет . Его тело было словно водоворот, в который ее затягивало. *Нет. Я ни на что не поддамся* . Она вспомнила Фридгельма, Нью-Йорк, но воспоминания вдруг лишились красок, поблекли, словно старые фото.

– Вы ведь уже делаете это. Нужно только перестать верить, что с вами говорил Бог. Он этого не делал.

– А кто тогда? Якоб Фуггер?

– Никто. Это просто старая история, ничего больше.

Он стал тяжело дышать, так продолжалось вот уже несколько мгновений, но теперь это заметила и она, что он дышит рывками, как человек, который вот-вот заплачет. Его руки дрожали, в глазах полыхал ужас.

– Но если… – начал он, и его дыхание вырывалось с хрипами. Он прошептал: – Но если у меня нет задачи… если у меня нет задачи в жизни… то кто я тогда? Кто? Зачем я живу?

Она не удержалась и обняла его, прижала к себе, когда он заплакал, она держала его и чувствовала, как он дрожит, вздрагивает, в каком он отчаянии, как слезы ужаса медленно уходят и он постепенно успокаивается. «Какие декорации, – подумала она вдруг, – мы стоим здесь, среди всех этих древних книг, в этом древнем доме…»

Наконец он высвободился из ее объятий. Девушка заметила, что ей не хотелось его отпускать.

– Спасибо, – сказал он и выудил из кармана брюк платок. – Не знаю, что на меня нашло.

– Много всего сразу свалилось.

Странно, но никакой неловкости не чувствовалось.

Он стоял, внимательно смотрел на нее, казался даже немного удивленным.

– Мне понравилось чувствовать вас, – произнес он, и в его голосе сквозило что-то вроде недоумения. – Возможно, это звучит глупо, но я не хочу уходить, не сказав вам этого.

Ей показалось, что все вокруг поплыло.

– Это нисколько не звучит глупо.

Они смотрели друг на друга. Просто стояли и смотрели друг другу в глаза, и что-то произошло. «Такого не бывает!» – кричало нечто в ней, но между ними возникло силовое поле, нарушавшее все правила, отменявшее действие всех ограничений, толкнувшее их друг к другу и заставившее обняться, и они стояли, чувствуя друг друга, целую вечность, пока их губы не встретились и не слились воедино, и то, что было сильнее вселенной, унесло их за собой в танце, который был самой жизнью.

– Идем наверх, в квартиру. – Это была последняя четко произнесенная в этот вечер фраза, и позже они не могли сказать, кто из них ее произнес.

В ту ночь, в два часа тридцать минут, умер Кристофоро Вакки, по странной случайности за несколько минут до того, как сильное землетрясение сотрясло центральную

часть Италии, унесло с собой многие жизни и частично разрушило знаменитую на весь мир базилику Сан-Франческо в Ассизи. Подземные толчки шли из эпицентра в горном регионе Фолиньо и ощущались до самого Рима и Венеции, но на пятом этаже конторы Вакки во Флоренции мужчина и женщина были слишком заняты друг другом, чтобы заметить это.

36

Маккейн бушевал среди гор документов, лежащих на полу его офиса. Это было уже невыносимо. Но после того, как несколько дней назад наконец доставили стальной шкаф, который, под его присмотром, конечно же, был установлен и привинчен к полу, ему уже и не нужно было это выносить. Стопочку за стопочкой перекладывали, сортировали, помещали в ящик, папку, присваивали регистрационный номер и технический паспорт, все аккуратно, можно найти в любой момент, взять в любой момент. В углу стоял шредер, но работы у него было мало: Маккейн не любил уничтожать документы. Слишком часто возникала необходимость посмотреть подробности даже завершенных проектов и дел: для того чтобы поучиться на собственных ошибках, либо для того чтобы задокументировать изменение текущих данных.

Шкаф был чудовищем, но настолько искусно вписанным в интерьер, оббитым древесиной орешника, что почти не бросался в глаза. Маккейн предпочел бы палисандр, но это не годилось для директора концерна, на стягах которого написана забота об окружающей среде. Нужно следить за подобными вещами. Он уже давал интервью в этом офисе, даже журналистам различных телекомпаний, и шкафы из тропической древесины смотрелись бы нехорошо. Несмотря на то, что в его глазах это было типичным примером недальновидного подхода к решению проблем с окружающей средой, без учета всех связей. По его мнению, самым действенным способом борьбы с выжиганием тропических лесов является возможность выгодно продавать растущие в них деревья вместо того, чтобы сжигать их. Но он не питал надежд относительно того, что удастся втолковать это кому-нибудь из журналистов, не говоря уже об общественности.

Он то и дело выглядывал за двери, но в приемной еще царили утренняя тишина и покой.

– Неужели я единственный идиот, который пытается прикладывать усилия к чему-то в этом мире? – проворчал он однажды, закрывая за собой дверь.

Это была трудная работа. Каждая папка предназначалась для одного дела, для завоевательного похода, для вторжения. И не все эти проекты были успешны, наоборот. Становилось все труднее и труднее. Биржевые ориентировки росли как безумные, у каких-то смехотворных предприятий внезапно оказывалась биржевая стоимость в несколько миллиардов: у каких-то Интернет-фирм, в буквальном смысле слова состоявших из *ничего* – имени, офиса, пары вшивых компьютеров, – и за все время своего существования не получивших ни единого цента прибыли. Ну ладно, он все равно не хотел их иметь, но на то, чтобы разобраться с ними, требовалось время. Непосильно. И что самое горькое: он сам в значительной степени приложил к этому руку, со всеми биржевыми маневрами, которые проводила в прошлом фирма «Фонтанелли энтерпрайзис». Поглощения фирм, оплаченные напечатанными на ровном месте акциями, так сказать, воздухом. Теперь все возвращалось.

Наконец, когда часы показывали без десяти семь, первая секретарша неохотно явилась на работу.

– Кофе! – зарычал он, обращаясь к ней, еще прежде, чем она успела снять пальто. – Целый чайник!

А Джон Фонтанелли был в Италии, еще у Вакки. Только бы они не нажужжали ему что-нибудь опять. Он чувствовал сильное желание швырнуть чем-нибудь в стену, когда он думал о том, как можно было повлиять на все, каких страшных вещей можно было избежать, если бы он мог начать пользоваться состоянием Фонтанелли двадцать лет назад. Слишком

поздно! Он вынужден был думать об этом слишком часто, слишком часто приходить к такому выводу. *Слишком медленно* ! Все, за что он брался, что приводил в движение, гнал вперед, – все двигалось слишком медленно, сколько бы он ни пытался, ни угрожал и ни разговаривал.

Он посмотрел на карту мира, висевшую за его столом, на которую были нанесены все филиалы, предприятия, капиталовложения, кооперации и дочерние предприятия, их монополии и рынки, степень их влияния. Это была беспримерная империя, но она по-прежнему была еще слишком мала и слишком слаба, чтобы остановить ход вещей. И было неясно, как все это должно измениться. Они начали слишком поздно и слишком медленно двигались вперед.

В дверь постучали. Кофе. Он принял его и потребовал соединить его с профессором Коллинзом. Поднялся, попивая кофе из чайника, уставился в окно и стал ждать.

На двадцать лет раньше – и можно было бы предотвратить схождение лавин. Все, что они сейчас пытались сделать, – это остановить их. Безнадежно.

Телефон. Коллинз, заспанный голос.

– Мне нужны результаты, – потребовал Маккейн. – Я приеду к вам, только скажите когда.

– В следующую пятницу? – предложил профессор. – До тех пор…

– Согласен. В пятницу в пять я буду у вас, – произнес Маккейн и положил трубку.

– Знаешь, от чего мне немного неловко? – спросил Джон.

– От того, что ты вел себя так безудержно? Что ты ревел, словно обезумевший от похоти бык?

– Я?

– Не знаю. Может быть, и я.

– Нет, мне неловко, что я забыл о Марко и Крисе. Они, наверное, целую ночь в машине просидели. Они подумают неизвестно что.

– Ах, вот как. Твои телохранители. – Урсула закрыла лицо подушкой. – До этого момента мне успешно удавалось не вспоминать о жизни, которую ты ведешь.

– Сначала эта женщина исследует мое происхождение до неслыханных подробностей, а потом такое.

– Не смейся. Для меня это серьезная проблема.

– А для меня разве нет? Но тогда у меня был выбор между «слишком мало денег» и «слишком много денег». А каково это – «слишком мало денег», я уже знал.

– А что бы они сделали, кстати, если бы ты отказался принять наследство?

– До сих пор я об этом не задумывался. Хм. Наверняка было бы интересно увидеть их лица, да?

– Точно. С фотоаппаратом ты бы… Эй, это что еще такое?

– Угадай.

– Итак, если Якоб Фуггер действительно был импотентом, мне нужно еще раз обдумать свою теорию…

Когда они проснулись во второй раз, был почти полдень.

– Пожалуй, нам действительно стоит начать вставать, – сонно пробормотал Джон, перекатился поближе к Урсуле и страстно поцеловал ее.

В какой-то момент она высвободилась и, с трудом переводя дух, пробормотала:

– *Боже мой* , меня еще никогда так не целовали. На миг я готова была поклясться, что подо мной дрожит пол.

Польщенный Джон улыбнулся.

– Наверное, это отложенный спрос, который… – Он умолк. – Ой, *shit* , похоже, пол действительно дрожит.

Они вместе с недоумением наблюдали, как чашка, стоявшая на краю стола, упала и разбилась о каменный пол.

За ночным землетрясением в Умбрии наутро, в 11:41 и в 11:45, последовали два новых подземных толчка, среди прочего стерших с карты мира горные деревушки Чези, Коллекурти и Серравилле. Об этом они узнали на обратном пути в загородное имение Вакки от телохранителей, слушавших двенадцатичасовые новости по радио. От них же они узнали о том, что ночью умер *padrone* : мирно, во сне.

В доме царила атмосфера смешанной грусти и облегчения. Жители деревни, пришедшие отдать дань уважения умершему, говорили, что Кристофоро Вакки был старым человеком, прожившим богатую событиями жизнь, и заслужил отдых. Джованна готовила и угощала всех, кто приходил. Грегорио Вакки организовывал похороны, в то время как его старший брат Альберто потерянно стоял в саду и то и дело теребил себя за бороду. «Теперь я – старший из Вакки», – говорил он тем, кто обращался к нему, делая большие глаза. Скоро *его* станут называть *padrone* .

Им показалось неподходящим в этой ситуации, в этой обстановке говорить о своей только что родившейся влюбленности. Вечером каждый пошел в свою комнату, а как только в доме все стихло, сидящие в темноте и молчании телохранители услышали скрип открываемой двери и быструю поступь босых ног по коридору. Как только закрылась вторая дверь, они деликатно и бесшумно перешли на другие места, достаточно далеко, чтобы не слышать, что происходит в той комнате, но достаточно близко, чтобы прибежать на помощь, если раздастся крик.

– Что мы будем делать с нами? – спросила Урсула в одну из таких ночей. – Когда все закончится, я имею в виду.

– Я заберу тебя в свой замок, – сонно пробормотал Джон, – оберну тебя в шелк и парчу, увешаю драгоценностями, потом мы поженимся и нарожаем кучу детей.

– Здорово. Именно такой я всегда и представляла свою жизнь. – Это прозвучало достаточно саркастично, чтобы заставить Джона проснуться.

– А почему ты спрашиваешь? Я имею в виду, что мы ведь все равно останемся вместе, это же ясно.

– Я не уверена, что это сработает.

Он сел.

– Эй! Только не говори теперь, что я для тебя просто приключение.

– Разве я для тебя что-то другое?

– Ты?.. Что-что? – Он провел рукой по волосам. – Ты – женщина всей моей жизни. Я вообще-то думал, что у меня это на лбу написано.

– Я видела у Джованны один из этих журналов. Ты был на титульной странице, рука об руку с Патрисией де Бирс. Отпуск на Филиппинах. Ты ей тоже говорил что-то подобное?

– Нет, постой. О, проклятье! Это было не так. Я…

– Тебе не нужно оправдываться. Все в порядке. Ты богатый и известный мужчина, женщины слетаются к тебе…

– Ко мне? Ты о чем? Может быть, к моему кошельку.

– Я ведь не жалуюсь. Хорошее приключение. Но тебе нет нужды меня обманывать. Вот и все, что я хотела этим сказать.

Он покачал головой.

– Я тебя не обманываю. У меня ничего не было с Патрисией де Бирс, честно. И я… Я люблю тебя. Давай поженимся. Пожалуйста.

– Мне нужно подумать, – ответила она, повернулась на другой бок, спрятав под собой подушку. – Кроме того, предложения так не делаются. Их делают в ресторане, во время романтического ужина и с розой в руке.

В понедельник они поехали во Флоренцию за покупками, потому что ни у кого из них не было ничего подходящего для похорон. Поскольку Джон даже не имел при себе денег, он первым делом отправился в роскошный главный офис «Банко Фонтанелли», и только когда он заметил шокированный взгляд, которым Урсула обвела похожий на церковный неф

холл, полный золота, лепнины и мрамора, ему стало жарко от осознания того, что, возможно, это было не самой лучшей идеей. Потом менеджер едва не рухнула в обморок от благоговения, несколько раз воскликнув «Синьор Фонтанелли!» – настолько громко, что почти все обернулись к ней, и все никак не могла успокоиться. Отвести его к директору? Или позвать директора? Джон поднял руки, успокаивая ее, попытался объяснить ей, что ему просто нужны наличные.

– Сколько денег нам нужно? – спросил он Урсулу, когда женщина наконец поняла его и повела к кассе.

Урсула смотрела только на высоченные мраморные колонны, огромные, в золотых рамах картины эпохи Возрождения, висящие на стенах, большой, по-современному раскрашенный купол.

– Это все *принадлежит* тебе, – в недоумении прошептала она. – Или нет? Оно ведь принадлежит тебе?

Джон проследил за ее взглядом. Маккейн полагал, что главная резиденция «Банко Фонтанелли» должна выглядеть так, как будто кто-то купил собор Святого Петра и перестроил в здание банка. Его вид даже на него почти производил впечатление.

– Боюсь, что да.

Она с трудом вырвалась из оцепенения, покачала головой, словно пытаясь сбросить с себя чувство скованности.

– Фуггер в городе Медичи. Полагаю, ты можешь повести меня в один из этих престижных магазинов, «Гуччи», или «Ковери», или что-то в этом духе. Возьми двадцать миллионов лир.

Он передал это мужчине, сидящему за бронированным стеклом, и спросил:

– Сколько это в долларах?

– Около десяти тысяч, я полагаю, – сказала Урсула, повисая у него на локте. – Кстати, сказочно богатый мой любовник, скажи-ка мне, почему у такого человека, как ты, нет кредитной карты?

– Потому что у меня ее нет, – ответил Джон. Пожалуй, не стоит говорить ей, что обычно магазины привозят ему ассортимент товаров на дом, а из ресторана он может уйти, не заботясь о таких неприятных мелочах, как счет. – Ах, дайте мне лучше сорок миллионов лир, – сказал он кассиру, который поспешил отсчитать ему банкноты и в конце концов почти подобострастно попросил его подписать квитанцию.

– Кстати, по-твоему, разве это нормально, что люди ползают перед тобой на брюхе? – поинтересовалась Урсула, когда они оказались на улице, снова среди зданий такого на удивление средневекового города.

– Нет, – ответил Джон. – Но я перестал пытаться отучить их от этого.

Она обвела четверых телохранителей, снова собравшихся вокруг них, скептическим взглядом.

– Они меня бесят со своими крутыми солнцезащитными очками, – прошептала она ему на ухо.

– Эй, успокойся. Как бы там ни было, в кармане у меня сорок миллионов лир.

– Да, хорошо. Можешь посидеть со своими крутыми парнями в уличном кафе, пока я в одиночестве немножко пройдусь по магазинам, радуясь тому, что я нормальный человек.

Посетителей пришло намного больше, чем могла вместить маленькая деревенская церковь. Несмотря на то что даже на передней скамье для близких людей было тесно, половине пришедших пришлось стоять на улице и слушать службу через открытые двери; принести громкоговорители и усилители забыли.

Люди выстроились вдоль узких улиц деревни, когда похоронная процессия отправилась на кладбище. Кристофоро Вакки похоронили, как он и предполагал всегда, в семейном склепе Вакки, который вот уже сотни лет возвышался прямо за кладбищенской капеллой и представлял собой что-то вроде центра узкого кладбища, расположенного слегка

под уклоном.

– Отсюда красивый вид, – задумчиво произнес Альберто, когда были произнесены все молитвы, спеты все песни и возложены все венки и цветы.

Когда они медленно возвращались обратно, Урсула взяла Джона под руку и незаметно отвела в сторонку.

– Я хотела бы познакомить тебя со своими родителями, – прошептала она ему.

Джон удивился. Это звучало многообещающе. Потому что, в конце концов, с каких это пор мимолетное увлечение представляют родителям?

– В любое время, – прошептал он в ответ. – А я тебя со своими.

– По пути туда мы можем заехать в Аугсбург.

– Аугсбург?

– Город Фуггеров.

– Фуггеров? Я думал, их больше нет?

– Кто бы говорил!

Он почувствовал, как внутри у него поднимается волна безудержной радости. Это равносильно просьбе подумать о ресторане и розах.

– Ясно, – произнес он. – Когда отправляемся?

Она с опаской огляделась по сторонам.

– Может быть, сегодня вечером?

– Я за. – Он и так уже слишком долго злоупотреблял гостеприимством семьи Вакки.

– И как насчет того, – добавила она, – чтобы оставить своих горилл здесь?

Джон закашлялся.

– Вот как. Ты имеешь в виду…

– Только ты и я. Мы прорвемся. Поедем вторым классом, как миллионы других людей, и на пару дней забудем про весь этот цирк.

Отчетливый голос внутри него подсказал ему, что ему придется пойти на это приключение, если он не хочет потерять ее.

– Это не так просто, как ты думаешь, – тем не менее осторожно ответил он. – Обо мне постоянно пишут в газетах, показывают по телевидению. Меня узнают. И кому-нибудь может прийти в голову глупая мысль.

– Если ты поедешь без телохранителей, тебя ни одна живая душа не узнает. Готова спорить. Людям бросается в глаза не твое лицо, а то, что идет человек, окруженный заметно незаметными качками.

– Не знаю. Я уже так привык, что кажусь себе голым при мысли…

– Боже мой! – Она закатила глаза.

– Ну, хорошо, как хочешь, – поспешил согласиться он. – Но сначала нужно узнать, когда ходят поезда и…

– Около десяти часов вечера идет ночной скоростной поезд в Мюнхен, – сказала Урсула и добавила: – Я посмотрела, когда ходила по магазинам в понедельник – без вас, без мужчин.

Джон невольно вспомнил о своем «феррари», стоящем без дела в Портечето, в гараже дома, в котором никто не живет, но который, вне всякого сомнения, хорошо ухожен.

– А как мы собираемся незаметно попасть туда?

Она насмешливо взглянула на него.

– Ну, это же совсем просто, – сказала она.

Вечером они попросили отвезти их обратно во флорентийскую контору. Сказали, что хотят немного покопаться в книгах, и все полностью поддержали их, хотя было очевидно, что никто не поверил ни единому их слову. То, что Урсула забрала из своей комнаты некоторые принадлежности, никто не заметил.

Телохранители, как обычно, остановились перед дверью, проверили обстановку и позволили им выйти из машины. Прежде чем они закрыли за собой дверь дома, Марко спросил:

– Мы вам еще будем нужны сегодня?

– Нет, – ответил Джон. И это даже не было ложью. – Спасибо, я вам позвоню.

Они навели порядок, собрали вещи Урсулы, Джону пришлось надеть дешевую куртку из серого кожзаменителя, которую она тоже купила во время своего похода по магазинам.

– Твой шикарный миллионерский пиджак на время поездки отправится в сумку, – решила она.

– Да, ты это давно готовила, – понял Джон, разглядывая себя в старом зеркале в коридоре. – Я выгляжу ужасно.

– Ты выглядишь как обыкновенный турист, – поправила его она.

Уже стемнело, на узкой боковой улочке было тихо и пусто, когда дверь конторы Вакки открылась и оттуда вышли две фигуры, одна из них – с дорожной сумкой через плечо. Они затворили за собой дверь и услышали, как потайные стальные засовы со щелчком вошли в свои пазы. Немногим позже они пришли на флорентийский вокзал Санта Мария Новелла и купили два билета до Мюнхена.

Все это оставалось незамеченным, пока на следующее утро в половине десятого охранник не позвонил в дом Вакки:

– Разве вы не говорили, что эти двое молодых людей должны быть здесь? Здесь никого нет. Только рядом с замком внизу висит записка.

Но в это время Урсула Вален и Джон Фонтанелли уже гуляли по улицам Аугсбурга.

Здание было выкрашено в скромные красно-коричневые цвета, отдельные контуры подчеркнуты золотистым.

– «Частный банк князя Фуггера», – прочел Джон на табличке рядом с простой стеклянной входной дверью.

За ними по мостовой катились автомобили, ходили толпы прохожих, в некотором отдалении промчался большой синий трамвай. Город был полон древних фасадов, лепки, настенных картин и золотых украшений, но улицы казались ему широкими, просторными, после средневековой узости Флоренции здесь было легко дышать.

Он посмотрел на Урсулу.

– Значит ли это, что Фуггеры здесь все еще имеют вес?

– Нет. Но они еще существуют. Вроде бы этот банк принадлежит семье Фуггер-Бабенхаузен. Фуггеры по-прежнему невероятно богаты, владеют пивоваренными заводами, долями в промышленности и зáмками, но в первую очередь землей. Они входят в десятку крупнейших землевладельцев Германии. При том, что эта семья со времен Антона Фуггера перестала зарабатывать деньги. Она существует за счет своего наследства на протяжении вот уже четырехсот лет. – Она указала на бистро неподалеку. – Идем, позавтракаем.

Под развешанными на стенах фотографиями с мотоциклетных гонок, лавровыми венками и флагами «Формулы-1» они пили крепкий кофе и ели круассаны с ветчиной. Джон извлек из кармана некоторую сумму немецких денег, которые они обменяли в Мюнхене на лиры, и принялся изучать монеты и банкноты.

– Кто такая Клара Шуман? – пробормотал он. Перевернул банкноту и увидел изображенный с другой стороны рояль. – Должно быть, она имеет какое-то отношение к музыке.

Это были роскошные банкноты с водяными знаками, блестящими полосками и словно тисненой печатью. Никакого сравнения с долларовыми бумажками. Которые, впрочем, по его мнению, производили более сильное впечатление.

Тем временем он успел привыкнуть к тому, что на него не обращают внимания. В принципе, это давало ощущение свободы. За все время поездки к нему действительно никто не обратился; никто даже не заметил, что он немного похож на Джона Фонтанелли. Единственное, что его мучило, так это то, что Марко и остальные наверняка будут, мягко говоря, переживать, – они, наверное, уже исходят пóтом. Просто слинять было нечестно

по отношению к ним.

– А что здесь можно посмотреть? – поинтересовался он. – Полагаю, музей.

– Кое-что получше, – сказала Урсула и вытерла пальцы о крошечную салфетку. – Фуггерай.

Они перешли улицу, побродили по крохотным запутанным переулкам, миновали еще одну большую улицу, затем свернули на перпендикулярную, затем за турецкой закусочной еще раз направо и сразу после этого оказались перед выкрашенным бледной желтой краской фасадом дома с двумя рядами маленьких окон под отвесной крышей, которые позволяли предположить, что внутри находятся комнаты с низкими потолками. Над раскрашенными синими и кремовыми полосками воротами было высечено латинскими буквами: MDXIX. JACOB FUGGER AVGUST GERMANI. В воротах была узкая дверь, позволявшая войти внутрь, и они оказались в другом мире.

Как раз в тот самый момент, когда они проходили под аркой ворот, из-за туч показалось солнце, залившее широкие улицы между красивыми песочными домами золотистым осенним светом. Джону померещилось, будто он вернулся в Италию, – настолько другим, настолько средиземноморским казалось место, в котором они очутились.

– И где же этот Фуггерай? – спросил он.

– Мы как раз вошли в него. Это и есть Фуггерай, древнейшее социальное поселение в мире.

– Социальное поселение?

Джон смотрел на простые, но красивые дома, сильно заросшие плющом стены, видневшиеся тут и там фигуры святых. Невольно вспомнились пресловутые кварталы Нью-Йорка, построенные как социальные поселения: выбитые окна, испачканные краской стены и переполненные мусорные баки.

– Удивительно. Фуггерай? Это значит, что он был построен Фуггерами?

– Лично Якобом Фуггером Богатым. Примерно в 1511 году он почувствовал необходимость стать меценатом, и, поскольку ему не хотелось вкладывать деньги в художников, как делали Медичи или Гримальди, он приказал построить вот это. Вне всякого сомнения, гениальная идея, потому что до сегодняшнего дня Фуггерай снискал ему лучшую славу, чем можно было бы ожидать с учетом его поступков.

Джон кивнул. Все это действительно выглядело настолько уютно, что ему уже начинал нравиться его предполагаемый предок.

Они подошли к красивому колодцу, подобный которому можно было увидеть и в старой части Портечето. Короткое пребывание в Италии, похоже, наложило отпечаток на всю последующую жизнь ставшего впоследствии таким могущественным купца, если он выбрал подобный стиль строительства.

– А кто здесь живет? – поинтересовался Джон.

Несмотря на то что в каждом маленьком окне видны были гардины или горшки с цветами, на улицах было на удивление тихо. Только одна скрюченная пожилая женщина, одетая во все черное, с трудом шаг за шагом продвигалась вперед, держа в одной руке сетку для покупок, а в другой – палку.

– Фуггерай закладывался как место жительства для не имевших долгов, но впавших в нищету жителей Аугсбурга, исповедовавших католическую веру. Если не ошибаюсь, здесь ровно сто шесть квартир, большей частью состоящих из трех комнат, для тогдашних условий обустроенных довольно комфортно. Все поселение окружено стеной: город внутри города, – пояснила Урсула. – Ворота закрываются на ночь даже сейчас.

– Когда, говоришь, он приказал его построить?

– Между 1514 и 1523 годами. Это означает, что когда Джакомо Фонтанелли вступил с ним в контакт в 1521 году, он встретил Якоба Фуггера, который уже годами занимался планированием того, что случится после его смерти с его состоянием в далеком будущем.

– Хм… – неуверенно произнес Джон. – Или он оглянулся на свою жизнь, спросил себя, зачем все это было нужно. То, что потом объявился его сын, о существовании которого он

не подозревал, и попросил о помощи для того, чтобы исполнить свое видение, должно было показаться ему божественной волей.

Урсула Вален покачала головой.

– Не думаю, что Якоб Фуггер рассуждал именно так, – заметила она и убрала волосы со лба. Она указала на длинный переулок, расположенный перпендикулярно маршруту, которым они шли до сих пор.

В конце переулка между домами обнаружилась церковь, небольшая постройка с высоким кессонным потолком, большим роскошным алтарем и несколькими скамьями перед ним. В витрине рядом со входом, где, очевидно, располагалась информация для посетителей, висел текст, где было сказано, что сей дом Божий называется церковь Святого Марка и служит жителям квартала для вознесения ежедневных молитв за спасение души основателей Георга, Ульриха и Якоба Фуггеров.

– Теперь понимаешь? – спросила Урсула, которая перевела для него содержание аккуратно отпечатанного текста. – Каждый житель Фуггерай с давних времен обязан делать две вещи. Во-первых, он должен платить арендную плату в размере одного гульдена в год. Это еще тогда было скорее символической суммой, а сегодня жители платят ровно одну марку семьдесят два пфеннига, совсем смешные деньги, на которые можно купить разве что буханку хлеба. Во-вторых – и это именно то, что я хотела тебе показать, – каждый житель Фуггерай обязан каждый день молиться о спасении душ основателей квартала. Это указывается в договоре, все чертовски серьезно. В учредительной грамоте точно записаны виды молитвы: один раз «Отче наш», один раз «Аве Мария», один раз «Верую» и один раз «Славься, Господи Отец». И церковь была построена исключительно с этой целью.

Джон задумчиво рассматривал узкие окна и пытался понять, что могло заставить кого-то установить такие предписания.

– Это ведь получается довольно много молитв за пятьсот лет, правда?

– Точно. Я сомневаюсь, что за чью-либо душу молились больше, чем за души Якоба Фуггера и его братьев.

Представив себе это, Джон почувствовал неловкость.

– Странно, ведь так? Что же, по его мнению, он сделал, раз ему понадобилось столько молитв?

– Я не думаю, что он руководствовался этим, – сообщила Урсула. – Я думаю, что он и в религиозных вопросах рассуждал как купец. Если одна молитва за спасение души – это хорошо, то много молитв – это еще лучше. И он, как в жизни, так и в смерти, нашел способ, чтобы обеспечить себя лучше других. Якоб Фуггер хотел быть богатым человеком и на небесах, все просто.

Фуггеры в Аугсбурге были повсюду – такое ощущение сложилось у Джона к концу этого напряженного дня. Они поднялись на башню, обошли исторические кварталы и фрагменты городской стены, побывали в Золотом зале ратуши, а в соседнем зале размещалась выставка, рассказывавшая о невероятных размерах экономической империи, созданной Фуггерами во всем мире, даже в недавно открытой на тот момент Южной Америке. Они посетили бывший концертный зал и те самые дома Фуггеров на Максимилианштрассе, мимо которых проходили еще утром и неподалеку от которых завтракали. Сегодня в них располагались банк Фуггера и роскошный отель, входить в который Джону показалось рискованным; они переночевали в другом, более скромном отеле в центре города, где никто не спрашивал документы и где они зарегистрировались как Джон и Урсула Вален.

Урсула пошла еще раз позвонить своим родителям – на всякий случай не из отеля, а из расположенной неподалеку телефонной будки, а Джон остался в постели, чтобы глядеть в потолок и пытаться упорядочить хаос собственных мыслей, напоминавших ему вспугнутый рой пчел. *Padrone* умер, так и не разуверившись в пророчестве. Открытие того,

что деньги не размножаются и что на самом деле он не спаситель, а огромный паразит на теле человечества. Вторая статья Лоренцо… Может ли быть правдой то, что написал его кузен? Мог ли шестнадцатилетний парень додуматься до того, что ускользнуло от ученых экономистов, лауреатов Нобелевской премии? Это казалось ему маловероятным. Хотя мысль была ясной, звучала логично и правдоподобно… Нужно будет спросить кого-нибудь, когда он вернется обратно в Лондон. Экономиста. Может быть, Пола Зигеля. Он может знать.

Он посмотрел на часы. Где же она? Ну, раз он уже пошевелился, можно с тем же успехом встать и подойти к окну. Вдоль улицы горели яркие огни реклам, половина надписей свидетельствовала о том, что это были фирмы, полностью или частично принадлежавшие «Фонтанелли энтерпрайзис». Даже этот отель входил в сеть, в которой ему принадлежало тридцать процентов. Часть того, что они заплатили за эту простую комнату, пройдя множество этапов, вернется к нему. То же самое касалось и черного платья, которое купила Урсула. Все шло к тому, что однажды ему будет принадлежать все, и тогда он вообще не сможет тратить деньги.

Потом он увидел ее, Урсулу, – она пробиралась между припаркованными автомобилями и прогуливающимися прохожими, целеустремленно направляясь к отелю и внимательно оглядываясь по сторонам. Джон отпустил старую штору. Он все еще не понимал, что с ним случилось, но должен ли он понимать? Он знал только, что в ее присутствии он чувствовал себя счастливым, и все остальное становилось неважным, как только он видел ее.

Может быть, стоит сделать так, как предложила она. Просто раздать деньги на маленькие нужные проекты. Вагоны-рефрижераторы для Филиппин – в таком роде. Акупунктурное лечение планеты. Занимаясь этим, он проведет остаток своей жизни, и это будет чертовски хорошая, счастливая жизнь. Долой всю эту глупую роскошь, чванство, позерство. Неважно, был ли Якоб Фуггер его предком или нет, – он продолжит там, где остановился Фуггер, построив свое поселение. Он станет помогать людям, а будущее пусть позаботится о себе само.

Дверь открылась, в комнату вихрем ворвалась Урсула.

– Все выяснилось, – объявила она, – мои родители ждут нас завтра во второй половине дня.

Он смотрел на нее и был счастлив.

– А на выходных мы полетим в Нью-Йорк, – предложил он. – И ты познакомишься с моими родителями.

Что-то в выражении ее лица заставило его засомневаться в своих планах.

– Подожди, – неуверенно произнесла она. – Подожди, пока познакомишься со всей моей семьей.

То, что сообщили ему телохранители рано утром, Маккейну вовсе не показалось забавным.

– Иными словами, вы не знаете, где он провел вчерашний день, – прорычал он.

– Мы выяснили, что девушка звонила своим родителям в Лейпциг, – донесся из трубки голос Марко Бенетти. – Они ожидают ее и мистера Фонтанелли на кофе сегодня во второй половине дня.

– А вы ожидаете обоих на вокзале, смею надеяться.

– Само собой. Крис как раз ведет переговоры с пилотом самолета, который отвезет нас в Лейпциг.

– Молите Бога, чтобы они вас не одурачили. – Он швырнул трубку обратно на аппарат и потянулся к пульту телевизора, чтобы сделать погромче, когда рядом с диктором новостей показался логотип Фонтанелли.

– …сенатор Друммонд решительно высказался против поглощения компании «Дайтон кемикалс» концерном «Фонтанелли». Он потребовал от сената…

Маккейн уже снова набирал номер.

– Уизли? Я как раз смотрю новости на телеканале «NEW». Кто вообще такой этот сенатор Друммонд? – Некоторое время он слушал молча. – Ладно, тогда пошлите к нему кого-нибудь, кто объяснит ему, что мы не станем больше ничего покупать у некоего поставщика из Огайо, если он не устранится от этого дела. Если он не поймет этого, то передайте ему, сколько рабочих мест будет потеряно, расскажите ему, на каких телеканалах и в каких газетах он окажется главным виновником происходящего, а потом предложите будущему экс-сенатору работу помощника упаковщика в центре отправки грузов в Толедо. Как? Конечно, еще сегодня. Сегодня вечером я хочу увидеть новости о том, что мы купили «Дайтон кемикалс».

Сплошные неприятности. Он потер виски, просматривая список встреч на день. Делегация из Венесуэлы уже ожидала. Нефть все еще оставалась стержнем концерна. Он дал почувствовать свое влияние почти во всех важных заправочных портах, и корабли «Кумана ойл» заправлялись особенно поздно и проверялись особенно часто. Проваливались встречи, уходили клиенты, высокие договорные неустойки сделали остальное, фирма была готова к штурму, и сегодня он ее купит. Затем обед с шефом «Миясаки стил корпорейшн», которого нужно заставить пересмотреть структуру своих поставщиков в свете напряженной ситуации с кредитами.

И, наконец, он отправится в Хартфорд, чтобы услышать из уст профессора Коллинза о том, как использовать всемирную сложную сеть власти и влияния, которую он построил для того, чтобы исполнить пророчество Джакомо Фонтанелли.

«Слишком много машин на дорогах», – с недовольством заметил он по пути из Лондона. Вот что станет первой мерой, как только он добьется монополии на нефтяном рынке: нужно поднимать цену на бензин до тех пор, пока автомобильный транспорт перестанет представлять интерес.

Сплошная толчея, гудки, давка. Он подумывал о том, чтобы вызвать профессора Коллинза к себе в офис, но затем изменил планы. Он хотел увидеть Институт исследования будущего своими глазами, выяснить, во что тот превратился с тех пор, как в него стали вливаться бесконечным потоком деньги, и понять, насколько надежны те сведения, которые даст ему профессор. А это можно сделать только на месте.

Переговоры сегодня прошли нехорошо. Вероятно, он мысленно был где-то не здесь. В обычной ситуации он съел бы венесуэльцев со всеми потрохами за требование гарантий самостоятельности «Кумана ойл», но сегодня он удовольствовался тем, что отослал их домой несолоно хлебавши и приказал ребятам из отдела инвестиций усилить заградительный огонь на бирже. Что они о себе возомнили? Конечно же, предприятие по сути своей было здоровым. Иначе бы он им не заинтересовался. Но они мелки, а он велик; поглотить их – его право, данное самой природой.

И Касагуро Гато, должно быть, нашел себе кредитора, о котором Маккейн ничего не знал. Вероятно, ему удалось завоевать одного из японских миллиардеров в качестве теневого пайщика, только так можно было объяснить его улыбчиво-непреклонную позу. Пока что пришлось забыть о влиянии «Миясаки стил» на крупнейшего работодателя в южно-японском регионе и тем самым – о влиянии на правительство.

Он чувствовал себя нехорошо. Слишком много неудач за день. У него не получалось отвлечься от того, что случилось. Вообще-то он решил поехать в Хартфорд еще и поэтому – один, без шофера, без телохранителей, – чтобы по дороге отстраниться от дневных дел, чтобы быть в состоянии увидеть все взаимосвязи. Но все внутри бурлило. Плохой день.

Небо затягивали темные облака, что показалось ему очень созвучным его настроению. Сегодня вечером пойдет дождь, может быть, даже будет гроза. На темных тучах лежала жуткая фиолетовая тень.

И по-прежнему пробка, даже здесь, за городом, после того, как Лондон, к счастью, остался позади. Он сжал руль своего «ягуара»; автомобиль продвигался вперед за автомобилем так медленно, словно в китайской пытке водой. А там, впереди, похоже,

решили устроить ремонтные работы, причем довольно продолжительные, да еще в пятницу вечером, когда люди возвращаются домой. «Одни идиоты», – раздраженно подумал он.

Перед местом проведения ремонтных работ проезжая часть сократилась с двух полос до одной. Маккейн наблюдал, как автомобили, словно зубцы застежки-молнии, вливаются в одну полосу, пропустил дребезжащий «фольксваген» с дряхлой бабулькой за рулем и как раз собирался последовать за ней, когда слева вылетел грязно-коричневый автомобиль и втиснулся в полосу, не обращая внимания на Маккейна. Сердито взглянув на него, он увидел за рулем светловолосого широкоплечего обезьяноподобного человека, который с ликованием вытаращился на него своими небесно-голубыми глазами и, похоже, испытывал буквально звериную радость из-за того, что обогнал «ягуар». Рядом с ним сидела какая-то баба, одетая словно потаскуха, и бездумно улыбалась.

Маккейн в недоумении смотрел им вслед. И пока они медленно продвигались мимо участка ремонтных работ, – где, кстати, возились целых два усталых недовольных рабочих, – женщина несколько раз оглянулась на него, злорадно усмехаясь и, очевидно, восхищаясь героическим поступком своего спутника. Они говорили о нем. Смеялись. Чувствовали свое превосходство. Маккейн почувствовал, что его вот-вот стошнит. Но у того парня вместо мозга были мускулы, и, вне всякого сомнения, не стоило хватать его, вытаскивать из машины и пытаться удавить или что-то в этом роде.

На протяжении бесконечных минут он полз за ними, размышляя над вопросом, почему, черт возьми, он вообще пыжится, пытаясь спасти человечество. Человечество? Разве большинство не такие же глупцы, как те двое, что едут впереди? Глупый, бессмысленный скот, а он тратит на них все свое время. Эволюция – или слепая случайность – породила немного людей, ради которых стоило стараться, но остальное, похоже, просто отбросы.

Может быть, мрачно подумал Маккейн, вымирание человечества не просто неизбежно – для него настало самое время?

37

За полчаса до прибытия в Лейпциг поезд остановился в небольшом городке Наумбург-на-Зале, и, повинуясь внезапному импульсу, Джон с Урсулой вышли и оставшуюся часть пути решили проделать на такси.

Таксист обрадовался неожиданной роскошной дальней поездке, а когда Урсула стала договариваться с ним о том, где он должен ссадить их, Джон только и сказал:

– Главное, не на вокзале. – Он не мог избавиться от ощущения, что Марко и остальные уже будут ждать его там.

Они вышли в центре города, на большой площади с большим фонтаном и красивыми фасадами домов. Джон заплатил таксисту, который поблагодарил его на ломаном английском языке и, приветливо помахав рукой, уехал прочь, затем присоединился к Урсуле, которая ждала неподалеку: сумка стояла у нее под ногами, а руки были спрятаны глубоко в карманах куртки. Она становилась все более молчаливой и замкнутой по мере приближения к Лейпцигу, словно их ждало что-то ужасное.

– Ну? – спросил он.

– Мы на месте, – произнесла она и обвела взглядом окрестности, словно желая убедиться, что все осталось таким, как она помнила. – Площадь Аугустусплац. Раньше она называлась Карл-Маркс-плац. Здесь все началось. – Она указала на красивое здание за колодцем. – Это опера. Напротив – Гевандхаус, концертный зал. – За ним возвышалось высотное здание, похожее на огромную приоткрытую книгу. – Это принадлежит университету, равно как и здание впереди…

– Началось? – переспросил он. – Что здесь началось?

Она посмотрела на него.

– Демонстрации. Восемь лет назад здесь еще была ГДР. Варшавский пакт. Мы жили за «железным занавесом», а вы, американцы, считались нашими врагами.

– Ах да, точно, – кивнул Джон. Восемь лет назад? Тогда его отношения с Сарой стремились к болезненному и неизбежному завершению. – Я смутно припоминаю. В то время пала Берлинская стена, верно?

Урсула безрадостно улыбнулась.

– Она не пала. Мы сломали ее. – Она смотрела мимо него, но на самом деле взгляд ее был направлен в прошлое. – Здесь все началось. Первые демонстрации в сентябре 1989 года. Здесь, в Лейпциге. В ноябре люди выходили на улицы уже по всей стране. Венгрия открыла западные границы, а девятого ноября была открыта граница и с Западной Германией. С ФРГ. А год спустя ГДР уже не существовала. – Она едва заметно вздрогнула. – Все это так легко говорить. А вот присутствовать при этом – совсем другое.

Она указала на довольно современное прямоугольное строение прямо напротив них: много белого цвета и стекла, большой барельеф над входом, покрытый чем-то темным.

– К этому месту я стремилась. Университет. – По лицу ее скользнула болезненная улыбка. – Голова на рельефе, кстати, вроде бы принадлежит Карлу Марксу. Эта штука сделана из литого металла и так связана с фундаментом, что пришлось бы снести здание, чтобы убрать ее. Только поэтому она еще здесь. – Урсула повернулась и указала на длинный комплекс зданий напротив. – Вот там я работала. На главпочтамте: всякие документы, печать счетов, глупое занятие. Тогда я считала случайностью, что университет находится так близко. Во время обеденного перерыва я иногда смешивалась со студентами и представляла себе, что я одна из них.

– А почему ты не была одной из них? – осторожно спросил Джон.

– Для этого мне нужно было закончить полную среднюю школу, а мне этого не разрешали. Не потому, что я была слишком глупа, а потому, что происходила не из той семьи. По политическим причинам. – Она подняла сумку и нерешительно забросила ее на плечо. – Политика. Все было дело в политике. Я долго держалась в стороне от демонстраций, не хотела еще больше привлекать к себе внимание… Я боялась. Все знали, что «штази»[66] фотографирует каждого, кто ходит на богослужения в Николаикирхе. И все равно ее посещало все больше и больше людей, даже когда церковь оказалась слишком мала для всех. После богослужения все выходили на улицу, на площадь Карл-Маркс-плац, а потом шли дальше, к вокзалу, по всему центру города, со свечами в руках, так мирно. Это доконало правительство: то, что все оставались мирными. Иначе у них появился бы повод вмешаться, понимаешь? Но так… Они проходили мимо «Рунден Эк», штаб-квартиры «штази», пели песни и ставили свечи на лестнице. И что было делать? Все ведь так безобидно, правда? А на самом деле это стало началом конца.

Джон с восхищением слушал ее, пытался представить себе, каким было тогда это обыденное место, и понимал, что никогда не сумеет этого сделать.

– Кульминацией стало девятое октября. Понедельник. Демонстрации всегда проходили по понедельникам. Ходили слухи, что ЦК СЕПГ решила устроить в этот понедельник контрреволюцию в Лейпциге. Так они это назвали. На самом деле это означало, что они собираются приказать стрелять в демонстрантов. Это было именно то, чего все боялись, – «китайское решение». В июне случилось восстание студентов в Пекине, ты помнишь? На «площади небесного мира», когда появились правительственные танки и были убитые. Многие думали, что то же самое произойдет и в Лейпциге. Но все равно пошли.

Она смотрела на длинное здание песчано-коричневого цвета, в котором по-прежнему размещался главпочтамт.

– В тот вечер я сидела в офисе. Я задержалась, потому что было много работы и так далее, но в первую очередь… я не знаю. Может быть, я хотела увидеть, как это произойдет. Я еще помню, как мы стояли у окон, там, наверху, на пятом этаже… Мы выключили свет, просто стояли у открытого окна, и тут появились они… тысячи людей, вся площадь была

---

66 Служба государственной безопасности ГДР.

полна людей, повсюду, тогда еще не было фонтана… И они кричали: «Мы – народ!» Они то и дело выкрикивали одну эту фразу, снова и снова, под черным небом в свете фонарей, в один голос: «Мы – народ! Мы – народ!» Это поразило меня до глубины души. Ничто больше не могло удержать меня, я вскочила и побежала вниз. Мне было все равно, что произойдет. Если будут стрелять, пусть стреляют. С того момента я всегда ходила с ними, каждый понедельник, до самого конца. Раз я уж не была с ними с самого начала, то хотя бы помогу отнести диктатуру в могилу, так я думала.

Он с удивлением смотрел на нее. Движение вокруг них, люди, которые несли пакеты со всемирно известными модными брендами или ждали трамвая, сжимая в руке мобильный телефон, – все казалось нереальным, тонким мазком на фоне мрачной, удручающей реальности.

– Тебя вообще это интересует? – спросила она. Он испугался серьезности в ее глазах. Сумел только молча кивнуть и был рад, что, похоже, ей этого оказалось достаточно. Она вытерла глаза, сумка все еще висела у нее на плече. – Для меня это словно путешествие в прошлое. Извини.

– Я рад, что в тебя не стреляли, – сказал он и забрал у нее сумку. – Что все это оказались только слухи.

Она покачала головой.

– Это были не только слухи. Позднее выяснилось, что такое решение действительно было принято. Дежурный полк имени Феликса Дзержинского откомандировали в Лейпциг, и солдаты получили приказ стрелять. Но они не стали стрелять. Они просто не сделали этого. Они посоветовались и решили не выполнять приказ.

Институт исследования будущего находился к югу от Хартфорда и издалека напоминал военный объект. Три больших невысоких барака с окнами из сверкающего зеленоватого изоляционного стекла располагались вокруг собственной теплоэлектростанции – старого кирпичного строения с новой, словно отполированной, трубой. Охранник на входе пожелал увидеть документы Маккейна и, нисколько не смутившись при виде столь высокого гостя, позвонил из своей кабины в институт, и все это время грозный доберман не спускал глаз с Маккейна. Тот тем временем изучал забор, опоясывающий территорию и уходящий на три метра вверх; его венчали толстые витки колючей проволоки. На высоких мачтах были размещены прожектора, газон вокруг здания института был ровно и чисто выкошен. Все так, как он велел.

– Добро пожаловать, сэр, – произнес неотесанный охранник, возвращая документы с почти таким же выражением лица, как у его собаки.

Он вернул полуавтоматическое оружие, которое все это время держал наготове за спиной, в предназначенное для него крепление и нажал на кнопку, которая подняла покрытые белым лаком металлические ворота.

Маккейн поставил машину где-то на сильно занятой для этого времени суток парковке и, только подойдя ко входу, заметил, что для него зарезервировали место совсем неподалеку. Небо хмурилось и над Хартфордом, в воздухе пахло грозой. Еще один охранник за стеклом пропустил его через вращающуюся дверь, а за ней его ожидал профессор Коллинз, который приветствовал его неожиданно подобострастно и тут же начал экскурсию.

Маккейн увидел коридоры и кабинеты, большие и маленькие залы, и повсюду стояло множество компьютеров вплотную друг к другу – целые полки с мониторами, по которым бежали ряды каких-то цифр, подрагивали диаграммы, сменяли друг друга разнообразные графики. Звуки бесчисленного множества вентиляторов соединялись в глухой хор возвещающих несчастье ангельских голосов, время от времени перекрываемый звуками печатающего принтера, с жужжанием выплевывавшего бумагу. И она не оставалась лежать, ее тут же подбирал сотрудник, чтобы прикрепить к стене, полной похожих распечаток, или отправить в тщательно выбранную папку. На стенах красовались доски с надписями вроде «Стратегия EN-1» или «Комплекс RES/POP», на столах громоздились пустые коробки

из-под пиццы и кофейные чашки, полные сигаретных окурков. Под потолком тянулись трубы мощной вентиляционной системы, и, несмотря на это, в комнатах воняло нестираными рубашками и сигаретным дымом. В одном из небольших кабинетов Маккейн увидел молодого небритого мужчину, который лежал на раскладушке, открыв рот, и спал, еще сжимая в руках ручку.

– Тим Джордан отвечает за сведение стратегий экстремальной точки, – негромко пояснил Коллинз. – Он здесь с самого четверга.

– Сразу видно, – проворчал Маккейн, испытывая недоверие к столь нарочитому усердию.

Наконец они добрались до кабинета профессора, который не выглядел комфортабельнее, чем весь остальной институт, но обладал таким неоспоримым преимуществом, как пустое кресло. Стены, не занятые книжными полками и архивными шкафами, были покрыты диаграммами и тщательно склеенными из множества распечаток графиками.

– Прошу, присаживайтесь, – проводил его к креслу Коллинз. – Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить? Чай, сок, вода…

Маккейн покачал головой.

– На данный момент достаточно плана, который будет работать.

Глаза профессора часто заморгали за стеклами очков.

– Ах да, понимаю, – произнес он и нервно потер руки. – Вы хотите знать, к какому результату мы пришли. – Он кивнул, словно это стало ясно ему только сейчас, и принялся расхаживать вдоль своих обклеенных стен. – Возможно, будет уместно, если сначала я поясню стратегию, по которой мы действовали. Мы ведь условились в мае, на какие параметры вы можете оказать влияние посредством «Фонтанелли энтерпрайзис» и насколько большое, то есть масштаб. Это дает определенное множество параметрических скачков, как мы говорим, то есть дискретные изменения состояний в определенный момент времени, причем эти моменты времени тоже нужно было варьировать, в нашем случае начиная с января 1998 года. Поскольку мы имеем дело со сложной моделью, различные параметрические скачки могут оказывать друг на друга непредсказуемое влияние, что в свою очередь означает, что на всякий случай необходимо действовать по методу грубой силы, то есть сопоставлять комбинацию каждого параметрического скачка с каждой комбинацией всех остальных параметрических скачков, для чего в математике используется понятие пермутации. Даже пермутации небольших множеств дают огромные числа, а в нашем случае число астрономически велико. Поэтому мы использовали различные метастратегии с целью заранее исключить области недействующих комбинаций или хотя бы оттеснить их на второй план и сосредоточить свое внимание на различных многообещающих факторах. Одной из таких стратегий стало исследование пермутаций точек экстремума, то есть наиболее возможных влияний в наиболее ранний момент времени. Другая стратегия была направлена на то, чтобы изучить влияние ударных групп, чтобы определить чувствительные области, – что, забегая вперед, оказалось неплодотворным. Поэтому в середине июля мы прекратили эти исследования, чтобы сосредоточить все силы на уточнении многообещающих комбинаций экстремумов. Мы…

Маккейн поднял руку, чтобы остановить поток речи профессора.

– Если я ничего не путаю, – сказал он, – все это мы уже обсуждали в мае.

Коллинз запнулся, затем кивнул.

– Может быть. Действительно.

– Тогда я хотел бы попросить вас *наконец* перейти к результатам.

– Да. Конечно. Как пожелаете. – Он казался чрезвычайно напряженным. Его рука неловко потянулась к диаграммам на стенах и тут же опустилась, безвольно повиснув вдоль тела. – Вот они, результаты. Все сразу.

– Это всего лишь линии, – произнес Маккейн.

– Конечно, вам нужны интерпретации. Это, к примеру, развитие экономики в Азии

как сумма развитий всех отраслей в азиатских странах, причем заштрихованная линия – положительный экстремум – обозначен показателями соответствующего направления, а пунктирная линия – негативный экстремум, тоже с указаниями на набор исходных данных. Список рядом – это обзор всех наборов данных, которые дали значения экстремума; через ссылки легко прослеживается взаимосвязь…

– Профессор Коллинз, – снова перебил его Маккейн, – в данный момент меня не интересует обсуждение ваших методик. Я пришел за результатами.

Ученый задумчиво кивнул, тяжело опершись на край своего письменного стола.

– Вы имеете в виду план, каким образом можно перевести развитие человечества в стабильное русло?

– Совершенно верно. И, честно говоря, ваши долгие вступления будят во мне подозрение, что вы не настолько далеко продвинулись в своей работе, как мы договаривались в мае и как вы отчитывались мне все это время.

– О нет, напротив, – ответил Коллинз, снял очки и начал протирать их полой своего белого халата. – Мы продвинулись даже дальше, чем предполагалось. Но плана, на который мы рассчитывали, боюсь, среди наших результатов не обнаружить.

– Этого не может быть.

Профессор взял со стола листок.

– Целью были сто двадцать миллионов симуляций к началу октября. Тем самым все наборы точек экстремума были разработаны до количества пятисот наилучших применений. На самом деле на сегодняшний день к десяти часам утра мы завершили 174131204 симуляции, то есть почти в полтора раза больше, чем планировалось. – Он снова отложил листок. – Причина, по которой мы не нашли рабочего плана, заключается не в том, что мы работали слишком медленно, и не в том, что у нас не хватает компьютеров. Причина в том, что такого плана не существует.

Они отыскали место среди церковных скамей, старых, покрытых белым лаком, сели и замолчали.

Джон впитывал в себя атмосферу. Ему казалось совершенно невероятным, что это и есть то самое место, откуда началась революция. Николаикирхе была маленькой и неприметной, снаружи окруженной лесами, внутри слабо освещенной и почти пустой. Окна по периметру были закрыты ставнями, если темные шторы не занавешивали матовое стекло. В углу рядом с ними, рядом с доской объявлений и церковной кружкой, стоял большой, разукрашенный от руки щит, на котором внутри радуги была изображена фигура мужчины, на чем-то поднимавшегося к небу.

– Мечи на орала, – шепотом перевела ему надпись Урсула. – Мирная молитва в церкви Святого Николая, каждый понедельник в 17.00.

Значит, с этого все началось. С простого приглашения в эту церковь. Джон попытался почувствовать, сохранило ли это место воспоминания о надеющихся, отчаявшихся, испуганных, рассерженных, дрожащих, готовых на все людях, – но ничего не было, а если и было, то он этого не ощущал. Он видел матовые белые доски, узоры нежно-зеленого цвета, крепкие колонны, несшие на себе свод церкви с опорой на стилизованные венцы и завершающиеся такими же стилизованными зелеными кронами; самая обычная церковь. Ему казалось странным, что здесь нет даже памятной доски в честь событий осени 1989 года. Что даже новое правительство не сочло это необходимым.

Как будто новое правительство тоже хочет забыть, насколько просто свергнуть любое правительство: все люди просто встанут и скажут: «Довольно!»

Урсула пристально смотрела на него.

– Ты вообще… как это называется? Верующий?

– Ты имеешь в виду, часто ли я хожу в церковь? Последний раз я был в церкви двадцать лет назад, когда женился Чезаре. Это мой старший брат, – добавил он.

Она улыбнулась мимолетной улыбкой.

– Я знаю. Я сидела рядом с ним в самолете.

– Ах, вот как, да. – Это была одна из историй, которые они рассказывали друг другу в одну из минувших ночей.

– Нет, я имею в виду, религиозен ли ты. Веришь ли ты в Бога.

– Верю ли я в Бога? – Джон глубоко вздохнул. – Три или четыре года назад я смог бы ответить четко, но сегодня… Не знаю. Ты спрашиваешь из-за пророчества, правда?

– Ясное дело. Если ты думаешь, что Джакомо Фонтанелли получил свое видение от Господа, то, по логике вещей, ты должен верить в Бога.

Джон склонил голову.

– Скажем, я пытаюсь быть открытым для возможности, что за всем этим стоит божественный план… Может быть, я даже надеюсь. Но верю ли я…

– Так, как верил Кристофоро Вакки?

– Нет. Не так, – решительно покачал головой Джон. – Мне хотелось бы.

– Последний раз я верила во что-то во время Югендвайе[67]. Готовы ли вы приложить все силы ради счастливой жизни рабочих? Да, клянемся. Ради мирной, демократической и независимой Германии? Да, клянемся. И так далее. Я хотела жить в духе дружбы народов, влиться в солидарность трудящихся… А потом меня не пустили в полную среднюю школу, хотя я была лучшей в классе. Когда я стала жаловаться, все только смущенно отводили взгляд и искали отговорки – какая там солидарность трудящихся. Все пустые фразы. Вера и идеализм – это просто попытки использовать других.

Молчание, через которое до их сознания донесся далекий шум транспорта.

– Ты имеешь в виду, так, как Якоб Фуггер воспользовался верой Джакомо Фонтанелли?

– И не забывай о Микеланджело Вакки.

Рядом с алтарем появился мужчина, наверное, работник церкви; он перетащил на новые места два подсвечника и стал возиться со свечами. Все казалось таким пугающе нормальным.

– А тогдашние люди, – спросил Джон, – во что они верили? Они ведь пришли сюда, в церковь. Они должны были во что-то верить.

Урсула пожала плечами.

– Не знаю. Мне тогда казалось, что они просто в отчаянии и нет другого места, куда они могли бы пойти. И уж совершенно точно они не верили в то, что смогут свергнуть государство.

– Не верили?

– Никто не верил в это. Этого хотели немногие. Большинство удовлетворилось бы некоторой демократизацией общества и свободой передвижения. С этого все и началось – с того, что имена людей, которые подавали запрос на поездку за границу, вывешивали в витрине церкви, потому что те боялись однажды бесследно исчезнуть. – Она обернулась к нему. – Никто всерьез не ожидал, что может произойти что-то вроде воссоединения, – в этом вся и шутка, понимаешь? Несмотря на Горбачева в Москве, несмотря на гласность и перестройку, ни один человек не рассчитывал на это. Ни тайные службы, ни правительства, никто. Ни один ясновидящий не предсказывал этого, ни один компьютер не рассчитал этого, нет ни одного утопического рассказа, в котором автор осмелился бы описать воссоединение Германии и развал Варшавского пакта, да еще мирно и без кровопролития. И я утверждаю, что это было невозможно ни предугадать, ни заставить свершиться. Все с тем же успехом могло произойти иначе. Они могли начать стрелять девятого октября. Девятое ноября с тем же успехом могло стать началом третьей мировой войны. Все ходили по лезвию ножа. Нам просто повезло.

– Или так было предначертано.

– И по этому же предначертанию все временами случается иначе? Нет, спасибо. Какой

---

[67] Светский аналог конфирмации, посвящение в круг взрослых.

мне прок от предначертанного, которое может означать с равным успехом и мою смерть? Я уж лучше скажу, что мне повезло, если повезет.

– Неужели все было действительно настолько опасно? Я и не помню.

– Об этом никогда особенно не говорили. Я исследовала данный вопрос; впоследствии это стало одной из моих первых работ во время учебы на историческом факультете. Не было ни единого военного плана на тот случай, если произойдет мирное восстание и после него правительство сдастся. Кроме того, вечером девятого ноября люди только потому массово устремились через границы, что неправильно поняли соответствующие заявления правительства: было предусмотрено не настоящее открытие границ, а всего лишь упрощение обработки туристических заявлений. А если бы хотя бы один пограничник выстрелил? – Она дала ему время подумать, наблюдая за ним, а когда заметила, что это произвело на него впечатление, добавила: – Для меня это означает, что все хитрые планы, расчеты вероятностей и анализы тенденций ничего особенного не значат. Что будет, то будет, и только по-настоящему важные события в этом веке произошли неожиданно. И если сегодня посмотреть на старые прогнозы, которым лет пятьдесят и больше, то становится просто смешно: почти ничего не случилось так, как было предсказано. – Она накрыла его руку ладонью. – Поэтому я тебе говорю: все это мистификация. Пророчество – это мистификация. Люди, утратившие будущее, – мистификация.

– А то, что мне принадлежит половина планеты? Это тоже мистификация?

Урсула зажмурилась.

– Ты вынужден бежать от собственных телохранителей, словно вор. Как бы ты это назвал? Свободной, полной жизнью?

Профессор открыл толстую папку, бросил ее – она тяжело упала на стол перед Маккейном – и стал перелистывать в ней диаграммы.

– Вот, к примеру. Возможный сценарий развития всех экономик. Как вы легко можете видеть, здесь вы имеете большое влияние. Вы можете выбрать почти любую страну мира и решить, расцветет ли ее экономика до невиданных масштабов или разрушится полностью. Номера соответствующих наборов данных указаны в диаграммах, относящиеся к ним стратегии – в приложении. Справочник по мировому господству.

Маккейн перевернул страницы кончиками пальцев.

– В голове не укладывается, что подобное влияние бесполезно.

– Потому что вы путаете две вещи: деньги и реальность. Все, что вы можете контролировать, – это деньги. Но деньги – это просто фикция, человеческая условность. Если вы контролируете деньги, то можете контролировать экономику, но только до тех пор, пока придерживаетесь всех уговоров по умолчанию. А на все, что не является частью экономического процесса, вы практически не имеете влияния. Например, на размножение. – Коллинз подошел к одной из иллюстраций, постучал по ней тыльной стороной руки. – Это прогноз возможного развития численности населения. Поразительно узкий канал, вы не находите? Еще до наступления 2000 года на свет родится шестимиллиардный человек, что неизбежно. И это число удвоится снова, с этим можно справиться разве что маргинальными методами.

Маккейн поднес ко рту сжатый кулак, мрачно воззрился на кривые и недовольно покачал головой.

– И это только половина правды, – продолжал ученый. – Потому что если посмотреть на стратегии, которые постепенно влияют на рост населения, то выяснится, что они, к примеру, способствуют превращению земель в степь, росту пустынь и засолению почв. – Он указал на другую, меньшую иллюстрацию. – Вот, развитие пахотных земель. В 1980 году на одного жителя Земли приходилось 0,31 гектара плодородных земель, в 2000 году это число будет составлять всего 0,16 гектара. И плодородные земли исчезают, что касается как их площади, так и их качества и урожайности. Эрозия, усиленная неизбежной культивацией: засоление почв в тех местах, где ирригация обязательна, и, наконец,

отравление вносят свой вклад. Через двадцать пять лет, судя по всему, одному человеку придется довольствоваться менее чем 800 квадратными метрами, то есть просто большим садом. Как это может быть? – Он бессильно опустил руки. – Этого не будет.

Некоторое время они сидели, словно примерзнув к своим местам, предаваясь размышлениям. Затем Маккейн задумчиво откинулся на спинку кресла, которое издало пронзительный скрипящий звук.

– И все равно я не могу поверить, – произнес он. – Как, к примеру, насчет сырья? «Фонтанелли энтерпрайзис» де-факто обладает монополией на множество металлов, имеющих решающее значение в технике. Мы можем остановить добычу, если захотим. Или энергия? Хоть мы и не контролируем весь рынок нефти, но можем поднять цену до почти любого уровня. Это ведь должно иметь значение для ваших моделей.

Коллинз снова сел на краешек стола.

– Имеет. Даже если вы будете давить на всю сложную систему, то возникнут стратегии отклонения – совершенно автоматически, поскольку тем самым вы усилите привлекательность альтернативных вариантов. Возьмите хотя бы энергию. В той же степени, в какой будет расти цена на нефть, будут становиться все более привлекательными другие варианты, к примеру, солнечная энергия.

– Против этого я ничего не имею.

– Но тем самым вы теряете средства давления. То же самое касается сырья. Этому даже существуют прецеденты в истории. Во время мировых войн враждующие стороны пытались отрезать друг друга от обеспечения сырьем путем бойкота или морских блокад, от того сырья, которое считалось важным для ведения военных действий, – с тем результатом, что были изобретены заменители, иногда намного лучшие.

Маккейн с каменным лицом положил руки на подлокотники.

– Значит, таков ваш результат? Что все потеряно, что это только вопрос времени?

– Этого я не говорил. Результат таков, что ваших возможностей недостаточно для влияния на систему, чтобы предотвратить коллапс. Проще говоря, это не в вашей власти.

– О, спасибо, – произнес Маккейн.

– Однако никто не говорит, что благодаря далеко идущим мерам в рамках международного сотрудничества…

Профессор замолчал, когда его гость при этих словах запрокинул голову и издал резкий звук, отчасти напоминавший крик, отчасти смех.

– Международное сотрудничество? – проревел Маккейн. – Профессор, вы на какой планете живете? Когда и где существовало плодотворное международное сотрудничество? Для этого существуют прецеденты? Я знаю только прецеденты катастроф. Все эти экологические конференции, не давшие абсолютно никакого результата… Нет, не говорите мне об этом. Это просто смешно.

– У нас здесь есть самые точные, самые обоснованные прогнозы, которые когда-либо производились. Мы могли бы рассчитать результаты любой предложенной программы и представить их вниманию участников международной конференции.

Маккейн засопел и покачал головой.

– Забудьте об этом.

– Благодаря публикации мы могли бы…

– Публикаций не будет.

– Вы начальник. – Казалось, худощавая фигура Коллинза сморщилась еще больше. – Но если быстро и решительно не принять серьезные меры, то я не смогу предложить вам ничего, кроме голода и эпидемий, лежащих за границами воображения, а в конце концов – огромную пустынную планету, на которой уже не будет смысла жить.

Они ждали их перед домом, в котором у родителей Урсулы была маленькая трехкомнатная квартира с балконом. Вдруг словно из-под земли вырос Марко и произнес: «Добрый день, мистер Фонтанелли», изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не было упрека.

Полностью ему это не удалось. Остальные ребята, вышедшие из припаркованной машины, мрачно посмотрели на него и ничего не сказали.

Семья Вален жила на пятом этаже, лифт отсутствовал. Они ждали их в дверях, когда Урсула и Джон, с трудом переводя дух, поднялись по темной лестнице, – два скромных обывателя, лица которых при виде дочери, казалось, засияли. Они поприветствовали гостей. Мать Урсулы произнесла: *«Welcome»* [68], но тут же поспешила добавить: *«I don ’t speak English»* [69], и ей пришлось произнести это несколько раз, прежде чем Джон понял, что она хотела ему сообщить.

Отец немного говорил по-английски; компьютерная фирма, которая раньше была его клиентом, а теперь стала работодателем, представляла собой немецкий филиал американского концерна, и ему пришлось немного подучить язык. В школе он изучал только русский, рассказывал он, но его уже совсем забыл. Разговаривая, он много смеялся и обращался к Джону так, словно они были знакомы уже целую вечность. За столом он то и дело откладывал в сторону прибор, чтобы мимоходом помассировать запястья; от Урсулы Джон знал, что у него ревматизм.

Сама Урсула была очень похожа на мать, и ту можно было бы счесть ее старшей сестрой, если бы не старческое платье в цветочек, которое она носила, и серый передник поверх него. Урсуле приходилось играть роль переводчицы, поскольку ее мать хотела многое узнать о Джоне, о его родителях, братьях, о том, хочет ли он иметь детей и сколько. Когда на последний вопрос Джон ответил «десять», Урсула отказалась переводить. Но отец понял ответ и выдал его своей супруге, после чего все громко расхохотались, а Урсула покраснела.

– Здесь я росла, – сказала Урсула, когда они смотрели с балкона на детскую площадку во дворе. – Да, здесь по-прежнему стоят старые качели. Я их так любила. А там, за мусорными баками, меня хотел поцеловать мальчик, когда мне было одиннадцать.

– Неподходящее место.

– Мне тоже так показалось.

Квартира была маленькой и тесной, кроме того, заставленной мебелью и разным хламом. Бывшую детскую Урсулы занимала собранная с любовью модель железной дороги, которую с увлечением продемонстрировал ее отец, в то время как мать на кухне добавляла последние штрихи к ужину. Перед ужином было шампанское, названное именем сказочного персонажа, – Джон не совсем понял, какого именно, равно как и того, какое отношение он имеет к шампанскому, но сам напиток был хорош. После десерта достали фотоальбомы, и Джон увидел Урсулу голенькой малышкой, в детском саду, в первом классе, подростком в Венгрии во время каникул. Пришлось им посмотреть и диафильмы о путешествии семьи Вален на Гран-Канарию для празднования тридцатой годовщины свадьбы, и когда они наконец распрощались, была уже полночь, а папаша Вален не совсем трезв.

Шел небольшой дождь. Заметно молчаливые телохранители проводили их до квартиры Урсулы на другом конце города и только оскалились, когда Джон заверил их, что они не понадобятся ему ночью.

Когда Маккейн вышел из института поздно вечером, с неба упали первые капли, а к тому моменту, когда он остановил машину перед хартфордским отелем, где он заранее забронировал номер, ливень шел вовсю. Он оказался единственным постояльцем в эту ночь, и номер, который он получил, был слишком велик для одного человека. Маккейн бросил дорожную сумку на казавшуюся неуместной двуспальную кровать и, не включая свет, вышел на террасу.

---

[68] Добро пожаловать (*англ.*).

[69] Я не говорю по-английски (*англ.*).

О сне нечего было и думать. Дождь стучал по крыше, как будто где-то снова ждал великого потопа ковчег, сверкали молнии, грохотал гром, словно желая разрубить небо на куски.

38

Как это могло случиться? Он ведь сделал все, что можно было сделать, приносил в жертву ночи, друзей, отношения, голодал ради учебы, не щадил себя, нет, не щадил – и тем не менее…

Как это могло случиться? Ведь все так хорошо складывалось. Судьба предназначила его для этой задачи, в этом он был уверен всегда. Провидение указало ему шаги, поставило его на место, на котором он в конце концов оказался, а когда все было готово… Он отдал жизнь за то, чтобы следовать своему предназначению, об этом можно было говорить с полным правом. Не одну. И, тем не менее, все оказалось напрасно?

Невообразимо. Невозможно.

Невыносимо.

Маккейн смотрел в окно на бушующую стихию, прижав руки к прохладному стеклу, чувствуя биение собственного пульса в кончиках пальцев. Дождь с силой хлестал в окно, превращаясь в неровные полосы, сжимался под силой бури. Улицу за окном было уже не видно, даже когда сверкала кипяще-яркая молния – бело-голубой свет невероятной силы, оставлявший силуэты за пыльно-туманными завесами на сетчатке его застывших глаз. Где-то распахнулся и ударился о стену ставень, жалобно завыла собака, словно с нее живьем сдирали кожу, но все это были лишь слабые фоновые звуки, едва проникавшие сквозь бушевание бури.

А раскаты грома, взрывы силы, способной уничтожить мир, расколоть голову, обратить кровь в пыль? Он просто стоял и наблюдал за тем, как его пронизывают отголоски бушующей стихии, всего целиком, если только он хотел хоть немного смыть с себя отчаяние, горевшее, кипевшее внутри него, пожиравшее его изнутри.

Слишком поздно. Слишком медленно. Прогнозы профессора подтвердили то, о чем он догадывался. Он слишком поздно начал то, что нужно было сделать. Он слишком долго ждал. То, чего он опасался с тех самых пор, как Вакки прогнали его.

Он потерпел поражение… Нет. Этого не может быть, не может, не может. Он сделал все, отдал все, он выполнил свою часть работы. Теперь провидение должно было выполнить свою.

Снова молния и гром, на этот раз одновременно, обрушились на него, как кара господня. Он отпрянул от стекла, ослепленный, оглушенный, ему показалось, что сердце его разорвалось на куски, и он возликовал бы, случись это на самом деле так. Галстук душил его, и он сорвал его с шеи, сорвал пиджак, швырнул не глядя и то, и другое в темноту позади себя. У него не укладывалось в голове: эти чудовищные, эти ни с чем не сравнимые средства, это превосходящее воображение богатство – все это ничто, их не хватит, чтобы повернуть ход истории с рельс гибели на рельсы долгой жизни, рельсы, заслуживающие названия «будущее»? Неужели действительно ни один план не может изменить это? Он был так уверен, всегда. Раскаленной уверенностью, которая поддерживала его в ночи, когда у него не было угля, чтобы обогреть комнату, и он сидел за столом, закутавшись в свитера и пальто, сжимая ручку в одетых в перчатки руках, записывая, читая, изучая. Уверенность, столь же ясная, как и то, что каждое утро восходит солнце, которая поддерживала его в моменты отчаяния, в первые дни самостоятельности, когда падали акции, в которые он вложил средства, а инвесторы требовали деньги назад… Он был уверен всегда, нет, он знал, что все закончится хорошо. Потому что провидение выбрало для него этот путь, избрало его из всех людей, чтобы он выполнил одно совершенно особое задание.

Неужели это не так? Неужели это никогда не было так?

Но все эти счастливые случайности! Столько совпадений, упростивших ему путь,

событий, помогавших ему, совладать с которыми было не в его власти. Неужели все это?.. Нет, это не может быть самообманом. Все законы статистики и вероятности говорили об обратном. Невозможно. Его вели, им руководили, все это время, все эти годы, всю его жизнь.

«На всех не хватит», – сказал профессор Коллинз на прощание. Глаза, легкие, сердце – все горело. Нет ошибки в стратегиях, нет ошибки в самой модели, ничего, что могло бы дать надежду. На всех не хватит. Земля недостаточно велика, чтобы дать будущее всем людям, достойную, здоровую жизнь в безопасности. Недостаточно богата. Числа подтверждают это. Диаграммы однозначны. Трезвые, безжалостные расчеты не оставляют и тени сомнений.

Может ли быть, что этого хочет Бог? Может быть, Он передумал со времен пророчества? Может быть, Он все же решил стереть человечество с лица Земли?

Маккейн расстегнул рубашку, вытащил ее из брюк, сорвал с себя, отшвырнул прочь. Взгляд его упал на прикроватный столик. Ящик. Он бросился к нему, открыл. В нем лежала книга. Ной, как там случилось с Ноем? Он пролистал книгу, но это оказался Новый Завет на трех языках, а ему нужен был Ветхий Завет. Ной. «Господь сказал: Я хочу стереть людей с лица земли, от людей и до скота, от червей до птиц под небом, ибо сожалею Я о том, что сделал». Давно он учил это, еще в школе. Воспоминания были смутными.

– Может быть, я второй Ной? – спросил он темноту, прислушался к звукам собственного голоса. Прислушался в ожидании знака, но его не последовало.

Он сидел на кровати, смотрел на льющиеся по стеклу потоки воды и уличный фонарь, размытый силуэт которого виднелся за окном; видно было и то, как он раскачивается на ветру. Ной построил ковчег, огромный корабль, на который загрузил по паре каждого вида животных и семена каждого вида растений. Легенда, конечно, но сегодня это осуществимо. Бункер, оборудованный на отдаленном участке земли, замаскированный, надежный, в нем – все знание мира в хранилищах данных, на дисках или микрофильмах, генные пробы всех известных видов… Дорого, да, но возможно. Вне всякого сомнения, средств «Фонтанелли энтерпрайзис» хватит на подобную затею.

Он почувствовал, как холод поднимается по его телу, но сидел неподвижно, только дышал, а сердце замерзало. Может быть, на самом деле он должен выполнить такое задание? Позаботиться о том, чтобы знания человечества пережили мрачные годы или столетия, чтобы однажды снова стало возможно начать все сначала? Это показалось ему таким жалким. Таким трусливым. Необходимость ждать конца…

Компьютеры профессора предупредят его заблаговременно. Еще остается несколько лет, возможно, десятилетий. Он может подумать, кого нужно спасти, может принять меры для выживания в бункере – а потом? Что потом? Куда вернутся последние люди? В зараженный, изможденный мир? В радиоактивные пустыни? В руины?

Нет. Это выглядит жалко. В этом не было ничего от того величия, которое он чувствовал всегда во всем, что сделало с ним провидение. Этого не может быть.

На всех не хватит . Слова звучали в его голове, словно жестокая мантра, как приговор всем людям, легший на его плечи. Он встал, шатаясь, словно под тяжестью груза, расстегнул брюки, и они упали под ноги; он снял туфли, затем избавился от брюк.

И в этот миг на заднем плане сознания он почувствовал мысль, великую, могучую и настолько страшную, что ее нельзя было осознать сразу, понимание настолько фундаментальное и логичное, что могло остановиться сердце, если подставиться ему слишком беспечно. Он замер, не зная, что делать. Мысль поднималась – айсберг прямо по курсу, падающая комета – мысль, которую должны были продумывать титаны, не простые смертные.

Катастрофа …

Однажды наступит конец, сегодня это еще невозможно представить, но многое когда-то невозможно было себе представить, а потом оно произошло, столь многое было предсказано, осмеяно, а потом действительно случалось. И однажды это случится: конец цивилизации. Конец известного мира.

Белье вдруг обожгло ему кожу. Он снял носки, снял с себя все и остался обнаженный в темноте, ожидая удара.

Катастрофа …

Может быть, эпидемия, против которой нет средств. Вирус, смертельный, как СПИД, и заразный, как грипп. Или локальная катастрофа, взрыв атомной электростанции, к примеру, в Европе, как следствие – массовые миграции, захваты, войны, крушения, развал отрасли снабжения продовольствием, энергией…

Затем появился первый осколок этой раздавливающей в порошок, уничтожающей все на своем пути мысли, обрушился на него, сияющий, яркий, прекрасный в своей отвратительности, в своей хрустальной божественной неизбежности.

«Чем позже произойдет катастрофа, – понял Малькольм Маккейн в тот страшный миг, когда перед ним распахнулся занавес божественной мудрости, – тем хуже».

Он рухнул на колени, наклонился вперед и обхватил голову руками. Он дрожал от того, что с ним происходило. Его словно пронзила молния, словно поглотил огонь, и хотя снова стало тихо и темно, ощущение осталось, и ничто не могло устранить его. *Чем позже произойдет катастрофа, тем хуже* . Тем сильнее будут разрушения. Тем больше будет израсходовано сырья. Тем больше яда расползется, тем больше радиоактивных отходов скопится, больше пахотных земель обратится в пустыню.

Тем больше трупов, которые придется убирать.

Он закрыл глаза, хотелось перестать размышлять. Из этого понимания что-то следует, он догадывался об этом, он знал, но не хотел пока думать, хотел потянуть время, насколько это возможно.

Может ли быть ?…

Нет. Не думать дальше. Только не в этом направлении.

Может ли быть, что …

Этого не требовали даже от Ноя. Даже от Понтия Пилата. Маккейн вскочил, затравленно огляделся по сторонам: неужели в комнате нет бара, нет алкоголя, чтобы заставить мысли остановиться?

Может ли быть, что на самом деле его задача …

Он тяжело дышал. Сердце стучало как бешеное. Внезапно он понял, что эта мысль, доведенная до конца, убьет его, эта мысль предназначена для титана, но ему она просто сожжет душу. И да, это будет избавлением. Да.

Может ли быть, что на самом деле его задача – ускорить катастрофу ? И позаботиться о том, чтобы не кто-нибудь, а именно правильные люди выжили – а потом нашли мир, в котором можно построить будущее?

Он лег на бок с закрытыми глазами. Время шло. Он не мог сказать, сколько пролежал вот так, но буря закончилась, когда он осмелился пошевелиться снова, признаться себе, что еще жив. Ему было холодно, очень холодно. Сердце тяжело стучало, кровь, казалось, превратилась в густой сироп, нос заложило.

Теперь, значит, все в его руках. Он с трудом поднялся, дрожа, чувствуя, что в любой миг может развалиться на куски. Но видел он ясно. Видел путь перед собой, видел тот путь, который прошел, понял, почему все так получилось.

Конечно, все эти взаимосвязи не могли открыться ему раньше. В молодые годы он был слишком большим идеалистом, чтобы справиться с такой ответственностью. Знание истинного положения дел оказалось бы ношей, которая раздавила бы его вместо того, чтобы окрылить. И провидение милосердно предоставило ему иллюзию того, что он откроет дверь в будущее для всех людей. Хоть он и задавался вопросом, каким образом это должно произойти, но поверил. И это придавало ему сил.

Ему нужна была уверенность беспрецедентно подробного прогноза, чтобы открыть глаза на истинные масштабы кризиса. Нужно было ввергнуть его в пучину кромешного отчаяния, чтобы помочь понять необходимость того, что нужно сделать. Его пробрала дрожь от величественной жестокости природы. Не только жизнь несла она, она несла и смерть.

Они едины, одно без другого невозможно. Жизнь – это путь проб и ошибок, полнота и искоренение негодного.

На эту ипостась божественного он всегда закрывал глаза, пребывая в заблуждении, свойственном его времени. Но там, где живут, должны и умирать. Без этого равновесия нет будущего, нет продолжения. Это равновесие он всегда искал в своих планах, своих расчетах, но не мог найти, потому что не был готов заплатить цену, чтобы получить его.

Он не стал вставать на ноги, пополз по грубому ковру к постели, сбросил дорожную сумку и пальто на пол, забрался под одеяло. Сколько он пролежал так, обнаженный, на холоде? Он с трудом повернул голову. Цифры на электронных часах бездумно мигали, должно быть, были перебои с электроэнергией. Он потер руки и плечи, но теплее не становилось. Ему нужен горячий душ, и неважно, который сейчас час.

Пока на него лилась вода, болезненно, словно поток игл, рождая покалывание во всем теле, он снова вспомнил о белокурой полуобезьяне в машине, которая, примитивно ликуя, обогнала его на дороге, об этом широкоплечем *homo erectus* [70], у которого в голове было, наверное, только спаривание и гонки на автомобиле. Какое право на существование – вопрос ведь нужно поставить совершенно непредвзято – может быть у таких примитивных существ? Люди – ах, да что там, такие *существа* , как эти двое, были ничтожествами, паразитирующими на других, продуктивных людях, таких, как он сам, или тех, кто работает на него. Ценные, полезные люди. Люди умные, со вкусом, пытающиеся чего-то добиться, у которых есть жизненные цели, которые стремятся быть полезными для своего окружения. Но есть не только такие люди. Есть еще и паразиты, причем масса. Совершенно бесполезно оставлять в живых подобных полулюдей, когда и так нет места.

Поскольку на всех не хватит, нужно позаботиться о том, чтобы хватило достойным.

Малькольм Маккейн пустил себе в лицо горячую струю и мимоходом подумал о том, что Джона Фонтанелли будет трудно убедить в необходимости этого.

Когда Джон проснулся, ему потребовалось время, чтобы понять, где он находится. Сквозь окно в крыше падал мягкий солнечный свет, который щекотал ему нос и тем самым разбудил его. Квартира Урсулы была маленькой, состояла из одной или двух – смотря как считать выступы стен и перегородки – комнат и ванной, но все было изобретательно встроено в сложную крышу и выглядело интересно. И хотя по большинству предметов мебели было видно, что стоили они недорого, от всего исходило волшебство, благодаря которому становилось уютно.

Урсула лежала рядом с ним, наполовину укрытая одеялом, и, словно почувствовав, что он на нее смотрит, тоже проснулась, сонно заморгала и улыбнулась.

– Похоже, я тебе нравлюсь, – не совсем разборчиво пробормотала она.

– Похоже, – усмехнулся Джон.

Она перевернулась, что тоже представляло собой великолепное зрелище, и потянулась к будильнику.

– О, сегодня суббота, да?

– Если в календаре ничего не изменилось.

– Не шути. Сегодня наш красивый роман может внезапно закончиться.

– Дай угадаю. Ты хочешь представить меня своему мужу, и он боксер.

– Все гораздо хуже. Я хочу представить тебя своему деду, и он – старый нацист.

Нервозность Урсулы казалась Джону странной. В конце концов, он ведь не на дедушке собирается жениться, ведь так? Но на эти слова она отреагировала только напряженным «посмотрим». Похоже, она действительно беспокоилась, что он без разговоров бросит ее и улетит. Должно быть, он порядочная скотина, этот дед. Постепенно Джон начинал

---

70 Человек прямоходящий (*лат.*).

испытывать настоящее любопытство относительно него.

По дороге в дом престарелых Урсула была на удивление весела, постоянно болтала с телохранителями, интересовалась, как им это удалось: целую ночь охранять дом, а утром выглядеть отдохнувшими и свежими, как огурчик. Марко охотно объяснил им схему, кто когда мог поспать и принять душ в комнате отеля неподалеку, а затем позавтракать в машине.

– Еще есть надежда, – пояснила она позже, когда они вошли в ворота дома престарелых. – Я тут вспомнила, что дед ведь ни слова не знает по-английски.

Джон усмехнулся.

– Тогда будет очень скучно слушать его истории о войне.

Двое охранников следовали за ними. Урсула была права: впервые за несколько дней их снова провожали взглядами.

– Он не рассказывает историй о войне, – мрачно заявила Урсула. – Он был инструктором танковой дивизии СС «Тотенкопф». Он настоящий нацист и знает книгу Гитлера «Моя борьба» наизусть.

Он сжал ее руку, надеясь, что это успокоит ее.

– Он не говорит по-английски, я – по-немецки. Ты можешь рассказывать мне, что угодно, мне придется поверить.

Йозеф Вален действительно не говорил по-английски.

Зато говорил по-итальянски, и даже лучше самого Джона.

– Мы три года базировались в Италии по личному приказу рейхсфюрера СС Гиммлера, – последовало по-военному резкое заявление. – Офицер связи с итальянскими товарищами. Доскональное изучение языка было обязательным, меня могли задействовать для тайных заданий. Позднее все изменилось, но знание языка осталось.

Урсула присела с недовольным видом. Джон чувствовал растерянность. Дед Урсулы был очень стар, сидел в кресле-каталке, но Джону редко доводилось встречать людей настолько рассудительных и энергичных, как Йозеф Вален.

И он понял, почему боялась Урсула. Что-то злое исходило от старика, флюид безжалостности и жесткости, от чего волосы на затылке невольно вставали дыбом. Его редкие волосы были коротко подстрижены и зачесаны строго на пробор, а ясные серые глаза пристально смотрели на Джона, как волк смотрит на добычу. Легко можно было предположить, что этот человек стрелял в женщин и детей. И страшно было спрашивать об этом, потому что не хотелось услышать ответ.

– Значит, вы тот самый знаменитый Джон Сальваторе Фонтанелли, – произнес Йозеф Вален. Он указал на один из стульев, стоящих у стены. – Присаживайтесь. Мой сын говорил о вас; для меня это честь.

– *Grazie* [71], – пробормотал Джон, опускаясь на стул. Урсула закрыла рот рукой, в ее взгляде читалась паника.

Вален немного повернул свое кресло.

– Я много читал о вас, синьор Фонтанелли. Конечно, я не мог и думать, что однажды познакомлюсь с вами. Что меня потрясло, так это ваше пророчество.

– Да, – кивнул Джон, чувствуя, как ему постепенно становится нехорошо. – Меня тоже.

– Вернуть человечеству утраченное будущее… – Старик не отводил от Джона пристального взгляда своих холодных серых глаз. – Я всегда спрашивал себя, понимаете ли вы, когда именно человечество *утратило* будущее?

Джон откинулся назад, почувствовал за спиной стену. Неужели в комнате похолодало или ему просто так кажется?

– Честно говоря, – нерешительно ответил он, – нет.

– В 1945 году, – сказал Вален. – Когда еврейский мировой заговор поставил нашу

---

71 Спасибо (*итал.*).

родину на колени. Когда выяснилось, насколько крепко держат Америку еврейские капиталисты.

«Наверное, – подумал Джон, – следовало догадаться, что в ответ я услышу нечто подобное».

– Ах да, – кивнул он. Это тоже когда-нибудь закончится. – Я понимаю.

– Не говорите «я понимаю»! Вы *не* понимаете, я ведь вижу! – пролаял старик. – Адольф Гитлер был избран провидением, чтобы увидеть все взаимосвязи, освободиться от слепоты лжеучений, на протяжении столетий отравляющих человечество, и начать действовать. И он *действовал.* – Вален наклонился вперед, ткнул в него костлявым пальцем. – Вы вообще понимаете, что он хотел того же самого, что и вы?

Джон открыл рот от удивления.

– Того же, что и я?

– Сохранить будущее человечества, конечно! Он работал именно над этим. Ему было ясно, что мир конечен, что его не хватит на всех. Что за землю и ресурсы нужно бороться. И он понял, что эта борьба желанна природе, что в ней должны закаляться расы, что только борьба сделает их сильными.

– Разве ограничение рождаемости не стало бы более оригинальным решением проблемы? – колко заметил Джон.

– Вы не понимаете, синьор Фонтанелли. Природа швыряет существ в жизнь, и там они должны закалиться. Слабые умирают, сильные выживают – таков закон природы, аристократический принцип самой жизни. Природе неведомо ограничение, ей ведомы только избыток и уничтожение нежизнеспособных. Только сильнейшие выживают, так хочет природа. А сегодня? Вы только посмотрите – спариваются безо всякого расового сознания, людей с генетическими болезнями и дебилов изо всех сил поддерживают, они имеют право размножаться, и каковы результаты? Генофонд слабеет, портится. Белые расы, истинные носители человеческой культуры, больны до мозга костей. Дегенерация, вы понимаете? Мир, в котором мы живем, – мир испорченных и неспособных к жизни, и поэтому он обречен на гибель.

Джон хотел что-то сказать, хотел остановить поток безжалостных слов, но не знал как.

– Человечество должно снова подчиниться мудрости природы, или оно вымрет. Это единственный путь, синьор Фонтанелли, – продолжал Йозеф Вален. – Но мудрость природы жестока. В ней нет места пацифизму и религиям сострадания, ей ведом только закон сильного. Сильные подчиняют слабых и этой победой доказывают свое право на жизнь. В Третьем рейхе речь шла не просто о завоеваниях, речь шла о том, чтобы улучшить само человечество, речь шла о том, чтобы сохранить вид. Вы понимаете? Сохранение вида, такова была цель. Та же самая цель, которую преследуете вы…

– Один вопрос, синьор Вален, – с замиранием сердца перебил старика Джон. – Вы сами выглядите не как пышущий здоровьем и силой человек. Но вы имеете право жить, за вами ухаживают – против этого вы ведь ничего не имеете, правда?

Йозеф Вален подкатился ближе, так близко, что Джону стало дурно от запаха, идущего у него изо рта, и прошипел:

– Я презираю их всех, и эти трусы терпят меня. Я плюю на их жалкое сочувствие, но они это терпят. Так что они ничего иного и не заслуживают. Рабская натура, у всех!

– Ясное дело. Я, кстати, больше терпеть не буду. – Джон встал и отошел на шаг назад. – Мне было неприятно познакомиться с вами, *синьор* Вален, и я надеюсь, что больше мы не увидимся. Умрите с миром. – И с этими словами он встал и позднее вынужден был признаться себе, что в тот момент ему было все равно, пойдет за ним Урсула или нет.

Но она пошла за ним, он обнял ее и почувствовал, как она дрожит. Старик рассмеялся, и Джон успел услышать, как тот крикнул ему вслед:

– Вы мне нравитесь, Фонтанелли! Подождите, однажды вы еще сделаете то, что нужно…

Потом они повернули за угол, и скрип кресла-каталки заглушил окончание фразы.

– Ненавижу, – пробормотал Джон, обращаясь скорее к самому себе, чем к кому-то другому. – Если кто-то еще раз скажет мне, что я сделаю то, что нужно, я закричу…

– После войны его приговорили к двадцати пяти годам тюрьмы, – рассказывала Урсула по пути на самолет. – Что, наверное, было счастьем для моего отца, так он смог спокойно вырасти. Он был последним ребенком, два его старших брата погибли в последние дни войны.

– Не понимаю, почему вы вообще от него не откажетесь.

– Я тоже. Почему-то отец не может от него избавиться. Иногда я думала, что он хочет что-то ему доказать. Может быть, что любовь все же побеждает ненависть или что-то в этом духе, понятия не имею. Просто мне всегда казалось ужасным, что мы ходим навещать его в тюрьмах или больницах, а он терзает нас своими изречениями.

Джон выглянул в окно. Сотрудник аэропорта открыл зарешеченные ворота и, приветливо улыбаясь, пропустил их на взлетную полосу, где уже стоял наготове его самолет, который должен был отвезти их в Лондон.

– Как по мне, тебе нет нужды навещать его, – сказал он.

Маккейн объявил, что в течение двух часов ему нельзя звонить. Он сидел перед панорамой омытого дождем, блестящего в лучах октябрьского солнца Лондона, переведя спинку кресла в самое низкое положение, подняв ноги, держа на коленях папку с рядами актуальных чисел, устремив взгляд в бесконечность, и думал о том, как должно умереть человечество. Или, по крайней мере, его самая ненужная часть.

Конечно, существовала такая возможность, как голод. Голод – это тихая, незаметная смерть. Каждый год от голода умирают миллионы людей, уже на протяжении нескольких десятилетий, и это заметно не влияет на общественное мнение. Умирающие от голода люди слишком слабы, чтобы затеять войну; тоже, кстати, аргумент в пользу голода как оружия.

Минусом является то, что голод, судя по статистике, вызывается не недостатком пищи, а недостатком ее распределения. Люди умирают от голода не потому, что им нечего есть, а потому, что у них не хватает денег на еду. Потребуется много усилий по развитию международной логистики, чтобы перестроить торговые отношения во всем мире, ничего при этом не меняя. И будет вдвойне сложно сделать это, не вызывая подозрений.

Очень весомый минус. Почти исключающий критерий.

Маккейн смотрел на диаграмму развития населения за последние две тысячи лет. Одна-единственная впадина на стремящейся вверх кривой была вызвана болезнью – эпидемией чумы в середине четырнадцатого века, унесшей треть населения Европы. Больше ничто не оставило следов, даже Вторая мировая война.

Болезни. Чума, конечно, уже исключается, ее слишком хорошо научились лечить. Но СПИД неплох, правда? СПИД вызывается вирусом, не бактерией, а против вируса в арсенале медицины нет почти ничего. СПИД практически не заразен и в то же время практически неостановим, поскольку передается половым путем. А от заражения до начала болезни проходит достаточно времени, чтобы успеть заразить других.

Он пролистал эпидемиологический отчет, написанный известным шведским институтом. То, что там было написано, следовало понимать так: СПИД поражает в первую очередь тех, кто недостаточно умен, чтобы предохраняться, или слишком сильно руководствуется инстинктами, чтобы делать это. Иными словами, СПИД успешно проведет отбор, так? Эта мысль восхитила его. Она придавала ситуации ореол провидения, божественного промысла, которым ему так нравилось руководствоваться.

СПИД действительно неплох. СПИД – это та же чума, лучше не придумаешь. Единственный вопрос: сработает ли это достаточно быстро?

В этом вопросе статистика обескураживала. Процент заражаемости был низок по сравнению с рождаемостью, а во многих местах он даже шел на убыль. Конечно, все только начиналось, но для еще одного спада на кривой роста населения по-прежнему

недостаточно.

Может быть, именно сейчас нужно вмешаться. Можно начать контролировать соответствующие фармацевтические фирмы, сделать медикаменты невероятно дорогими и сократить исследования прививок до минимума. Веские причины найдутся всегда; в крайнем случае, можно использовать такой аргумент как *shareholder value* [72], который в данный момент снова становился все более эффективным и обещал превратиться в священную причину любого предпринимательского решения.

Зазвонил телефон, несмотря на указание. Он потянулся к трубке.

– Да? А, понятно. С подругой? Ну и ну! Хорошо, спасибо, что сообщили. – Крис О'Ганлон был самым надежным осведомителем среди телохранителей, этого у него не отнять.

Маккейн закрыл папку и поставил ее на место в шкафу. Нужно будет заблаговременно позаботиться об усилении контроля за посевным материалом и вакцинами, но не сегодня. Понадобится оружие, чтобы суметь защитить последние укрепления цивилизации от штурмующих их варваров. Это тоже потребует серьезного пересмотра портфолио, а он до сих пор понятия не имел, как убедить в этом Джона Фонтанелли.

39

У него действительно был за́мок. Она с трудом верила собственным глазам, даже тогда, когда они остановились перед коваными воротами в ожидании, когда перед ними раскроются створки, украшенные красной буквой *«f»* Фонтанелли. Мало того что они летели на небольшом самолете, который был целиком в их распоряжении, и из аэропорта их забрал один из этих длинных черных лимузинов, в котором она вдруг почувствовала себя словно в фильме, – теперь еще оказалось, что этот замок, о котором постоянно говорил Джон, действительно существует. А она-то считала, что это шутка.

Серый, суровый, огромный, он вынырнул из-за холма и показался ей странно неподходящим тому, у кого просто есть деньги, но нет семьи, которая правила бы этой местностью на протяжении поколений. А слуги стояли рядами в ожидании, их были сотни – мужчин и женщин в традиционных униформах, соответствующих профессии: повара, горничные, официанты, садовники, рабочие, конюшие и так далее. Как только шофер открыл дверцу, подошел настоящий дворецкий в строгом фраке и, поджав губы, приветствовал их на высокопарном британском английском.

Сотни пар глаз смотрели на нее, когда она выходила из машины. Только бы не споткнуться, только бы не сделать глупого движения, о котором будут шептаться на протяжении нескольких недель. Джона все это, похоже, оставляло совершенно равнодушным, он не казался исполненным достоинства и не пытался казаться таковым; посреди всех этих помпезных декораций он выглядел как обычный нью-йоркский парень.

Замок, самый настоящий! Оказавшись в холле, она испытала чувство, будто вошла в недавно отреставрированный музей; она невольно ожидала увидеть кассу, где продают входные билеты. И опять слуги, которые смотрят на нее с любопытством, или это зависть сквозит в глазах у некоторых? Она затосковала по своей маленькой простой комнатке, в которой могла быть собой, где никто не наблюдал за ней.

– К этому быстро привыкаешь, поверь мне, – сказал Джон, беря ее за руку. – Идем, я должен тебе кое-что показать, а то не поверишь.

Вверх по лестницам, вдоль по коридорам, двери, двери, двери и наконец портал, достаточно высокий для того, чтобы самый высокий человек всех времен выглядел между створками как карлик, за ним – бальный зал в синих и золотых тонах, с роскошными портьерами на стенах и огромными хрустальными люстрами на потолке. И посреди всей

---

72 Акционерная стоимость (*англ.*).

этой почти восточной роскоши… огромная позолоченная кровать с балдахином! Заполненная шелковыми подушками и роскошными одеялами, закрытая блестящими занавесками, висящими на мраморных колоннах, настоящий парчовый кошмар.

Урсула лишилась дара речи на некоторое время.

– Ты ведь не думаешь, – наконец произнесла она, – что я буду спать на этом монстре?

Джон только усмехнулся.

– На этом монстре еще никто никогда не спал. Это такая шоу-спальня – существует только для того, чтобы ее снимали фотографы. У голливудских звезд есть такие, как рассказал мне дизайнер интерьеров, и он посчитал, что мне она тоже нужна.

Бассейн, похоже, ей все же понравился, равно как и обе сауны, парная и маленькая галерея, ведущая через оранжерею с тропическими растениями. Джон присел на край, поболтал ногами в воде и наблюдал за ней, как она плывет на спине, закрыв глаза, как от нее расходятся мягкие волны и устремляются к краям бассейна. Пятнышки света плясали по выдержанной в голубых тонах мозаике на потолке и искусственным скалам, с которых можно было при желании спустить небольшой водопад.

– Ты часто делаешь это? – спросила она, отфыркиваясь, когда вернулась к нему. – Проплываешь пару полос?

Джон смущенно улыбнулся.

– Вообще-то скорее нет.

Она оттолкнулась от стенки, нырнула, показалась на поверхности и затрясла головой; мокрые волосы разлетелись во все стороны. Выглядела она восхитительно.

– Эй! – крикнул он. – Тебе уже доводилось видеть такое?

Выключатели были расположены вокруг бассейна, защищенные от брызг. Он нажал на один из них, и, словно по волшебству, большие стекла, отделяющие плавательный зал от сада, стали молочного цвета и потеряли прозрачность. Это был последний писк моды, и стоил он головокружительно дорого.

Ошеломленная Урсула наблюдала за процессом.

– Что это было?

– Пьезо-что-то, я забыл точное название. Пока подается ток, стекло совершенно непрозрачное, но пропускает столько же света, сколько и прежде.

– Здорово, но зачем?

– Ну, – осторожно произнес Джон, – чтобы никто не мог за тобой наблюдать. Я имею в виду, что… мы могли бы, к примеру, купаться голышом. Если захотим. Или… ну, что угодно…

Она одарила его недвусмысленным взглядом.

– Я не чувствую себя настолько дома, – сказала она и исчезла под водой. Цветной силуэт, скользивший в глубине.

– Я просто пояснил, – пробормотал Джон и нажал на кнопку, снова вернувшую стеклу его былую прозрачность.

К этому можно было привыкнуть. К элегантно накрытому столу, всегда свежему полотенцу рядом со всегда чистым душем, к четвертьчасовому предварительному массажу. Комнаты, в которых они спали и жили, были обставлены со вкусом, всегда чисты и убраны, словно по мановению волшебной палочки. К этому можно было привыкнуть, да.

А это, значит, Лондон, за тонированными бронированными стеклами.

– Я вот уже целых два месяца не был в офисе, – сказал Джон и попросил ее пойти с ним, чтобы познакомиться с его партнером и директором Малькольмом Маккейном.

Она никогда прежде не была в Лондоне, да и вообще в Великобритании. Наблюдение за левосторонним движением привело ее в ужас, поэтому она сосредоточилась на изучении городских пейзажей. Некоторые мужчины здесь действительно носили котелки и остроконечные зонты, просто невероятно! Соответствующие рисунки в учебнике

английского языка она всегда считала карикатурами.

Имя Малькольма Маккейна было ей, как и всякому жителю Земли, знакомо так же, как и имя американского президента. Шеф «Фонтанелли энтерпрайзис», крупнейшего концерна в истории. Человек, получающий зарплату в сто миллионов долларов в год. Человек, которого одна половина журналистов экономических изданий считала самым одаренным управляющим планеты, а вторая – лживым обманщиком.

Но они не узнали бы его, если бы встретили на улице. Его почти никогда не показывали по телевизору. У всех газет, похоже, было одно-единственное его фото в архиве, причем у всех одно и то же. Ван Дельфт рассказывал ей, что полгода назад австралийский экономический журнал хотел назвать его *Управляющим 1996 года* , но он не согласился на фотосессию и не дал интервью, поэтому замысел провалился.

Шофер сделал ей одолжение и проехал мимо Букингемского дворца, через Трафальгар-сквер и немного вдоль Темзы, чтобы она могла увидеть Биг-Бен. Значит, они действительно существовали, эти легендарные постройки! После всех путешествий подобные открытия по-прежнему приводили ее в восторг.

Потом пошли высотные дома, старые и современные, банки и страховые компании, известные во всем мире и неизвестные. Перед одним из зданий автомобиль свернул, остановился, сотрудники службы безопасности высыпали на улицу, огляделись по сторонам, словно находясь на вражеской территории, и только после их знака они смогли выйти и поспешить в стеклянное фойе. Небрежная вывеска сообщала о том, что здесь находится штаб-квартира «Фонтанелли энтерпрайзис», настолько неброская, что Урсула едва не проглядела ее.

Эскорт к лифту, в котором на стене висел подлинник Пикассо, умело освещенный и наверняка столь же умело защищенный от кражи. Они поднимались вверх, и с каждым метром можно было представить себе, что чувствуешь, как приближаешься к центру мира, единственному существующему сосредоточию власти завершающегося двадцатого века. Гонг, который сопровождал последовавшее наконец открытие дверей, звучал так, словно возвещал о прибытии к подножию трона, с которого правил миром Бог Отец.

– Мисс Вален, – услышала она низкий голос, и теперь она его узнала. Маккейн. Он пожал ей руку, слегка поклонился, улыбнулся, произнес: – Рад познакомиться с вами. – Похоже, он был искренен.

Джона он приветствовал не менее радостно.

– Хорошо выглядите, – объявил он, – тропическое солнце пошло вам на пользу. И, как видно, вы нашли даму своего сердца?

Ей стало почти неприятно при виде того, как расцвел при этих словах Джон. Как ученик, получивший похвалу от учителя, которого боготворит. Она отвела взгляд, посмотрела на огромные цветочные горшки, стоящие между мягкими уголками: орхидеи, папоротники и кусты, самый настоящий девственный лес под низко висящими лампами дневного света.

Они провели ее в зал для конференций, излучавший такую атмосферу власти и величия, что у нее едва не остановилось сердце, провели по офисам. В то время как офис Джона казался нежилым, офис Маккейна дышал неутомимой жаждой деятельности. Карта мира за огромным письменным столом, покрытая красными логотипами Фонтанелли, с головой выдавала тот факт, что на самом деле центр здания находится здесь. Джон владел им, но все равно был лишь гостем.

Затем они спустились на этаж ниже, в общий зал, в собственный небольшой, роскошно обставленный ресторан, где все вместе пообедали. В обиходе Маккейн, несмотря на излучаемую им кипучую энергию, в некоторые моменты казался жутким, почти ужасающим. Он расспрашивал ее о жизни, предпочтениях и с интересом выслушивал ответы, причем она никак не могла отделаться от ощущения, что все, что она рассказывает, ему давным-давно известно.

– Произошло много всего, пока вы путешествовали, – сказал он, обращаясь к Джону, и,

криво улыбнувшись Урсуле, продолжил: – Но я не стану докучать этим вашей спутнице.

Джон серьезно кивнул.

– Скоро я снова буду регулярно приходить в офис. Думаю, уже с завтрашнего дня.

– Только не перетрудитесь, – отмахнулся Маккейн. – У нас все под контролем. А то, что я отвык от личной жизни, не должно стать для вас поводом разрушать свою.

Еда была вкусной. Вид сказочным. Маккейн посоветовал ей как-нибудь походить по магазинам и изучить культурную жизнь Лондона.

– Хоть я уже и не в курсе событий, – признался он, – но, говорят, здесь, как и прежде, происходит многое.

Урсула пообещала заняться этим.

– Замечательный человек этот Маккейн, – проронила она на обратном пути.

Джон кивнул.

– Можно сказать и так.

– В принципе все делает *он* , не так ли? Он ведет дела. Он решает все.

– Ну да… но без моей подписи ничего не случается, – поспешил заверить ее Джон. Урсула внимательно поглядела на него. Похоже, эта тема была ему неприятна.

– Я не хотела критиковать, – сказала она. – Я спросила просто потому, что хочу понять, что происходит.

Джон мрачно взглянул на нее.

– Он управляющий. Как следует из названия должности, он управляет делами. Но он мой служащий. А принадлежит все мне.

– Но ты подписываешь то, что он приносит, так ведь? Или иногда говоришь: нет, мы поступим иначе?

– Конечно, я мог бы сказать так в любое время. Просто еще никогда не было такой ситуации. Потому что он по чистой случайности очень хорош и ему не приходят в голову глупые идеи.

Она разбередила рану, это было ясно как божий день. Рану, о существовании которой Джон даже не подозревал.

– Разве ты можешь судить об этом? – спросила она, исполнившись вдруг странной жестокости, о происхождении которой даже не догадывалась. – Я имею в виду, что ты ведь не изучал ни производственную экономику, ни…

– Мне это и не нужно, – перебил ее Джон. – Я так жутко богат, что мне вообще не нужно ничего знать и уметь. И, тем не менее, мне принадлежит полмира. И это самое странное.

Она невольно задержала дыхание.

– Звучит так, – осторожно заметила она, – как будто ты не особенно этому рад.

– А я и не рад. – Его взгляд был устремлен прямо вперед. – Три года назад я развозил пиццу. Нужно время, чтобы найти свое место в такой ситуации. Это происходит не сразу. – Он сделал неопределенный жест. – Ясно, Маккейн все это изучал, знает все, имеет план и так далее. Моим единственным решением было позволить ему заняться этим.

Она потянулась к нему, положила руку на плечо.

– Ничего страшного в этом нет, – негромко сказала она.

Он посмотрел на нее.

– Но теперь все изменится, – заявил он. – В дальнейшем я собираюсь уделить пристальное внимание деталям.

Все снова стало как обычно, только лучше. Было приятнее идти на работу, когда позади у тебя чудесная ночь и когда знаешь, что дома ждет чудесная женщина. Джон здоровался со всеми, кого встречал, с сияющей улыбкой, чувствовал, поднимаясь на лифте, как возвращается грандиозное ощущение победы, вошел в офис Маккейна и воскликнул:

– Ну что, у нас есть план?

Маккейн как раз собирался звонить, но отложил трубку в сторону и, нахмурившись,

посмотрел на него.

– План? У нас всегда был план.

Джон покачал головой.

– Нет, я имею в виду профессора Коллинза. Он ведь уже должен был закончить расчеты, ведь так?

– Ах, это, – кивнул Маккейн. – Да, конечно. Я был у него в прошлую пятницу. Он закончил первую фазу. Мы до полуночи спорили относительно результатов.

– И что?

Маккейн пролистал стопку документов, лежащую у него на столе, хотя не было ощущения, что он ищет что-то конкретное.

– Странная штука с этими компьютерами. Конечно, они не дают идей. Но если их упрямо снабжать всеми возможными комбинациями самых различных исходных значений, то они обрабатывают их совершенно бесстрастно, без каких бы то ни было предрассудков. Они не думают: «Ах, это все равно ничего не даст!» – они проглатывают числа и выплевывают результат. И иногда находят что-то, что в некотором роде идет вразрез со всеми ожиданиями, и наталкивают тебя на идеи, до которых бы ты иначе не додумался. – Он поднял взгляд, посмотрел на Джона, похоже, подыскивая слова. – Вы помните первые дни здесь, в Лондоне? Как я сказал вам, что однажды американские элеваторы будут представлять собой бóльшую власть, чем авианосцы морских вооруженных сил США? Именно это и есть точка приложения сил.

– Элеваторы или авианосцы?

– И то, и другое. В принципе, все очень просто. Население растет, площадь пахотных земель сокращается. Каково логичное следствие? Весь мир вынужден увеличивать урожайность. Но обычными методами многого не выжмешь. Так что остается?

Джон скрестил руки на груди.

– Голодать, полагаю.

– Это – или генная инженерия.

– Генная инженерия? – Он озадаченно заморгал. – Вы всегда говорили, что эта область нам неинтересна.

– С прошлой пятницы это не так. С прошлой пятницы это стало самой интересной областью. – Маккейн злорадно улыбнулся. – Генетическим способом можно будет создать сорта растений с намного более высокой урожайностью и в то же время более устойчивые к разным болезням, вредителям и другим негативным влияниям, чем все, что может дать обычная селекция. – Он наставительно поднял указательный палец. – И в первую очередь: соответствующий генетический код можно запатентовать. Это означает, что никто, кроме нас, не сможет производить это растение. И никто не сможет в перспективе отказаться от наших семян просто потому, что его вынудят к этому проблемы с урожаем. Звучит ведь как выгодная позиция для нас, не так ли?

Джон кивнул.

– Выгодно – не то слово.

– А может быть еще лучше. Рынок семян уже сегодня занимают немногие производители…

– …которых мы купим… – вставил Джон и усмехнулся.

– Само собой. Но интересно то, что уже на сегодняшний день состояние отрасли позволяет выводить то, что называется *гибридами* , то есть неплодородные скрещения родственных видов. Проще говоря, дело обстоит так, что вы покупаете семена, из которых вырастает чудесная пшеница или овощи, которые, однако, не дают семян, а если и дают, то такие, которые, в свою очередь, не прорастут.

– Значит, нельзя добиться самостоятельности, приходится каждый год покупать семена, – с удивлением понял Джон.

– Это свойство, конечно, тоже можно привить генетически созданному посевному материалу, – кивнул Маккейн. – А это означает, что если мы сделаем все правильно,

то контроль будет абсолютным.

Джон опустился в кресло, сложил руки за головой и удивленно посмотрел на Маккейна.

– Это гениально. Государства будут вынуждены делать то, что мы хотим, поскольку будут опасаться, что в противном случае мы не станем поставлять им семена.

– Хотя, конечно же, мы никогда не станем угрожать открыто.

– Конечно, нет. Когда мы начинаем?

– Я уже начал. К сожалению, биржевая стоимость фирм, занимающихся генетикой, мягко говоря, заоблачная. Мы будем вынуждены взять нескольких партнеров. И должны для начала подготовиться к тому, что нам попортят много крови. Это означает, что нам придется контролировать все СМИ, чтобы спустить дело на тормозах.

– Попортят кровь? Как кто-то может возражать против того, что мы занимаемся разработкой семян?

– Генные инженеры – большая редкость, и в настоящий момент многие из них работают в медицине. Нам придется обрушить несколько исследовательских проектов, чтобы заполучить нужных людей. – Маккейн потер нос. – Думаю, в первую очередь исследования СПИДа.

Урсула разглядывала Джона через роскошно накрытый стол. Он вернулся из Лондона в приподнятом настроении, что-то сказал по поводу гениального плана, который поможет исполнить пророчество, и, казалось, находился в такой эйфории, как будто принял наркотик.

– Тебе вообще нравится жить здесь? – спросила она его, когда разговор наконец стал более спокойным и в комнате не осталось официантов.

Он ковырялся в десерте.

– А что? Замок ведь, круто? Как в сказке.

– Как в сказке, точно. Я сегодня его осмотрела.

– Неужели дня хватит? Я разочарован.

Она вздохнула.

– А ты его уже видел? Был уже во всех комнатах?

– Был ли я во всех комнатах? – Он поднял голову, пожал плечами. – Понятия не имею.

– Джон, я нашла коридоры, где на каждой дверной ручке лежит пыль. Есть дюжины комнат, где вообще ничего нет – совершенно пустые.

Он не понимал. Ей захотелось встряхнуть его.

– Пыль на дверных ручках? – повторил он и нахмурил лоб. – Вот это да. За что же я плачу людям?

– Ты платишь им за то, что они обслуживают замок, который слишком велик для тебя, – мрачно произнесла Урсула.

Джон с удовольствием облизнул ложку.

– Знаешь, где мне было по-настоящему хорошо? – спросил он и взмахнул ложкой. – В моем доме в Портечето. Нужно будет показать его тебе как-нибудь. Он такой красивый. На юге. Италия. И не слишком большой. В самый раз.

– А почему ты не живешь там? Если тебе там так нравится?

Он недоуменно посмотрел на нее.

– Потому что мой командный центр находится в Лондоне. И потому что, если присмотреться, дом в Портечето не совсем соответствует моему положению.

– Не соответствует положению. Понятно. А кто определяет, что соответствует положению, а что нет?

Джон поднял бокал и посмотрел на золотисто-желтое вино в нем.

– Смотри, я самый богатый человек в мире. Это должно быть видно. Психологически важно производить впечатление на людей.

– Почему это важно? То, что ты самый богатый человек в мире, знает уже каждый ребенок; тебе никому не нужно это доказывать. Да и кто это все видит? Ближайшая дорога

в трех километрах отсюда.

Он терпеливо посмотрел на нее.

– К примеру, здесь однажды был премьер-министр. Не Блэр, предыдущий, Мейджор. Поверь мне, он был впечатлен. И это было важно. – Он обреченно вздохнул. – Это все часть плана Маккейна. Мне тоже пришлось поначалу привыкать ко всему. Эй, я сын простого сапожника из Джерси – думаешь, я в детстве ел с золотых ложек?

Она невольно рассмеялась над веселой гримасой, которую он при этом состроил. И может быть, подумала она, ей действительно все видится в слишком мрачном свете. Она вспомнила собственное детство, когда часто в разговорах за столом речь шла о том, как получить что-то определенное и где это достать. Дефицит был вездесущим, а импровизация – постоянной необходимостью. Хотя со времен объединения дела пошли в гору, однако оказаться вот так, внезапно, в мире полнейшего изобилия было для нее слишком.

Время спуститься в общий зал они находили только тогда, когда нужно было уделить внимание гостям. В остальном же они вернулись к своей привычке перекусывать в полдень в конференц-зале.

– Кстати, вы понимаете, что деньги на самом деле не преумножаются? – как-то спросил Джон.

Маккейн, жуя, посмотрел на него.

– Что вы имеете в виду?

– Ведь об этом все говорят. Что нужно отнести деньги в банк, чтобы они приносили проценты. Но если я вкладываю деньги, то проценты, которые мне за это начисляют, я получаю от других людей. Которые должны работать ради этого.

И в двух словах Джон попытался описать знания, полученные на острове Панглаван, впрочем, не вдаваясь в подробности и не рассказывая о шоке, в который его повергло это открытие, – было слишком неприятно, что он не видел всей картины раньше: почти то же самое, что всю жизнь верить в Деда Мороза и только недавно узнать, что на самом деле подарки делают родители.

– Верно, – согласился Маккейн. – Вкладывать деньги означает давать их взаймы. И тот, кому вы их даете, должен уже соображать, как он с вами расплатится.

– А почему же мы все время дурачим людей? Я смотрел наши банковские проспекты: все то же самое. «Пусть ваши деньги работают на вас».

– Мы рассказываем это, потому что людям нравится верить в сказки. И пока они верят в сказки, они не интересуются реальностью, все просто, – пояснил Маккейн. – На самом деле, деньги есть не что иное, как вспомогательное средство, служащее для регулирования двух вещей, необходимых для сосуществования людей: во-первых, *кто* и *что* должен делать, и, во-вторых, *кто* и *что* получает. Если два человека вступают в контакт, в принципе, всегда один должен заставить другого делать то, чего хочет он. А это чаще всего довольно примитивно: *дай* ! Дай мне кусок добычи! Дай мне секс! Дай мне то, что у тебя есть! Так уж устроены мы, люди, и поскольку деньги – наше изобретение, оно отражает нашу природу, а что же еще? – Маккейн взмахнул вилкой. – Но это звучит совершенно не романтично, нужно признать. Никто не хочет этого знать. Поверьте мне, люди предпочитают слушать сказки.

Постепенно Урсула научилась узнавать каждого из домашней прислуги. Официанта, сервировавшего завтрак, звали Ланс, у него были обкусанные ногти и бледная кожа, он говорил мало, зачастую вообще молчал. Франческа была одной из горничных в ее крыле: девушка не отваживалась поднять глаза и всегда казалась печальной, зато выполняла все свои задания с настоящей самоотверженностью. А шофера с волосатыми руками, который возил ее за покупками в город, когда бы она ни пожелала, звали Иннис. Во время поездки нужно было либо разговаривать с ним, либо поднимать перегородку, потому что если его рот

не был занят чем-то другим, то он насвистывал себе под нос искаженные до неузнаваемости мелодии.

Джон дал ей золотую кредитную карточку на ее имя, лимита которой хватило бы на всю жизнь по нормальным меркам, не говоря уже о месяце, но Урсула старалась пользоваться ей как можно осторожнее. Большую часть времени она просто гуляла, наблюдала за людьми, смотрела на то, что могла себе купить, и пыталась забыть о присутствии двух широкоплечих мужчин, следовавших за ней по пятам, конечно же, на деликатном расстоянии. Однажды к ней подошел пьяный и довольно грубо заговорил с ней на диалекте, которого Урсула почти не поняла, – кажется, насколько она разобрала, он хотел денег, но тут словно из-под земли выросли двое мужчин справа и слева от него, и… что ж, они быстро избавились от него, незаметно и эффективно.

После этого случая она стала так задумчива, что не могла сосредоточиться на выставленных в витринах духах, платьях и украшениях, и вскоре попросила, чтобы ее отвезли домой.

Во время одной из таких прогулок она посетила самые большие книжные магазины и наконец нашла большую иллюстрированную книгу о средневековье, содержащую хорошую репродукцию портрета Якоба Фуггера Богатого, нарисованного Альбрехтом Дюрером. Она купила книгу, вырезала иллюстрацию, изображавшую серьезного, одетого в безвкусные черные одежды мужчину со строгим живым взглядом, заказала для нее рамку в соответствующей мастерской и повесила ее в спальне на стене, так что ее невозможно было не заметить.

– Решила открыть фамильную галерею? – удивился вечером Джон.

Урсула покачала головой.

– Это должно служить напоминанием.

– Напоминанием? О чем? О Якобе Фуггере?

– О том, что он всю свою жизнь дергал за ниточки. Что он поставил все на то, чтобы заставить остальных действовать по его указанию.

Джон посмотрел на нее. В глазах его сверкнула злость, когда до него дошло.

– Оригинальный способ испортить вечер, – проворчал он и повернулся на бок.

Джон попросил принести ему большие комплекты документов из бухгалтерии, принялся подробно изучать их, не стесняясь вызвать к себе соответствующего исполнителя и потребовать отчета по неясным моментам. Оставаясь наедине, он отваживался заглянуть в книги по экономике, которые тщательно прятал под замком в своем письменном столе, и, только когда уже и они не могли помочь ему, отправлялся к Маккейну.

Это означало, что впервые он ворвался к нему с вопросом:

– С каких пор мы владеем долей в фирмах, занимающихся производством оружия?

– Что-что? – Маккейн недовольно оторвался от работы. – Ах, это. Это неважно. Отложенные деньги.

Джон помахал в воздухе бумагами.

– Это *миллиарды* . У одного производителя боеприпасов для пулеметов, бронебойных снарядов и различных взрывчатых веществ.

– Нам известно о предстоящем заказе из арабского региона. Мы заберем курсовую прибыль. – Маккейн поднял руки, словно собираясь сдаваться. – Это все идет через подставное лицо, и капитал мы потом переместим в область генной инженерии. Мы должны действовать осторожно, иначе курс без надобности поползет вверх.

Джон озадаченно заморгал, начиная смутно догадываться о взаимосвязях.

– Ах, вот оно что, – произнес он и, когда Маккейн дал понять, что хочет снова заняться документами, удалился, сдержанно поблагодарив партнера.

Но на следующий день снова нашелся пункт, в котором обнаружились такие загадки, что он опять пошел к Маккейну.

– У вас найдется минутка времени? – вежливо спросил он.

Маккейн сидел перед компьютером и разглядывал ряды чисел. Судя по всему, оторваться от их созерцания было тяжело.

– Снова что-то нашли? – только и спросил он, мысленно витая где-то далеко.

– Да, можно сказать и так. – Джон взглянул на листок, который держал в руках. – Согласно этой смете мы заплатили фирме под названием «Каллум консалтинг» только в прошлом году более трехсот миллионов фунтов в качестве гонораров за консультации. – Джон недоверчиво поднял взгляд. – Ради всего святого, что это за фирма?

– Занимается консультациями по вопросам менеджмента, – неохотно ответил Маккейн. – Это ведь видно из названия.

– Консультации по вопросам менеджмента? – эхом повторил Джон. – Зачем нам нужны консультации по вопросам менеджмента? Да еще с такими гонорарами? Это же… это же почти миллиард долларов!

Маккейн издал громкий, словно взрыв, вздох, повернулся в кресле, оторвался от экрана и встал. То было резкое, угрожающее движение, как у боксера, выходящего из угла в первом раунде.

– Эти люди работали на нас. Повсюду в мире. Высококвалифицированные люди. Лучшие, которых можно нанять за деньги и доброе слово. И именно такие люди нужны мне для того, что мы собираемся сделать. Потому что я, кстати, не могу все делать один, понимаете?

– Да, но, простите, Малькольм, миллиард долларов на гонорары консультантам! Это безумие!

Маккейн встряхнулся, он по-прежнему был похож на пребывающего в дурном настроении боксера.

– Джон, – медленно произнес он, выпячивая вперед нижнюю челюсть, – я думаю, наступает время кое-что прояснить. В моем дне двадцать четыре часа, и в один момент времени я могу находиться только в одном месте. Я работаю днем и ночью – в то время как вы, кстати, катаетесь по южным морям, спариваетесь с прекраснейшими женщинами мира и играете со своими телохранителями в казаки-разбойники. Кстати, я хотел вас попросить никогда больше этого не делать. Вы понятия не имеете, какой опасности подвергли все наше начинание. Все остальное было в порядке – я просил вас об этом, это служило нашему делу, и к тому же вы – наследник, что дает вам привилегии, которые я не собираюсь оспаривать. Но, – продолжал он, и слова его падали с тяжестью топора, – крестовые походы и сексуальные оргии не дают мировой власти, которая нам нужна. Кто-то должен выполнять работу, тот, кто может это делать. Люди из «Каллум консалтинг» могут. Они – мои глаза и уши, мои руки и рупоры во всем мире. Они делают то, что нужно, и работают настолько упорно, насколько это необходимо. Мы платим им много денег, да, – но они стоят каждого потраченного пенни.

Джон уже почти просверлил взглядом дыры в бумагах, которые сжимал в руке, ему казалось, что уши его стали красными, словно фонари. Пульс бешено стучал. Его не ставили на место таким образом с тех пор, как он закончил школу.

– Ладно, – пробормотал он. – Я просто задал вопрос. Просто было важно понять… – Он остановился, поднял голову. – Если они так хороши, то не разумнее ли просто купить их?

Маккейн опустил плечи, удостоил его снисходительной улыбкой.

– Некоторые фирмы, – сказал он, – нельзя купить, Джон. Это не можем сделать даже мы.

– Правда? – удивился Джон.

– Кроме того, конечно же, я воспользовался тем временем, когда вы с мисс де Бирс отвлекали внимание на себя. То, что вы видите, – это мелочь. Покупать фирму не стоило бы. Никто ведь не покупает корову, собираясь выпить только стакан молока.

– Хм… – нерешительно произнес Джон. – Ну ладно. Я просто спросил.

– Спрашивайте. Но только если можете выслушать ответ.

Джон не нашел, что на это возразить, поэтому кивнул и ушел. Уходя, он снова

обернулся и сказал:

– Кстати, я не спал с Патрисией де Бирс.

Маккейн только презрительно поднял брови.

– Тут уж я ничем не могу вам помочь.

А потом Урсула сказала, когда он встал перед ней на колени, держа в левой руке розу, а в правой – футляр с кольцом за двадцать две тысячи фунтов:

– Я не могу этого сделать, Джон. Я не могу выйти за тебя замуж.

Он смотрел на нее, и ему казалось, что на него только что свалился мешок тяжестью в двадцать две тысячи фунтов.

– Что? – прохрипел он.

Ее глаза блестели. Пламя свечей отражалось в набегающих слезах.

– Я не могу, Джон.

– Но… почему нет?

Он так старался, правда. Организовал этот совершенно особый ужин, подобрал меню, нанял струнный квартет, исполнявший романтические произведения в исторических костюмах, не пропустил ни единой детали в обстановке маленькой столовой, все должно было идеально подходить к этому моменту. И кольцо купил. Целый букет цветов, из которого выбрал один, самый красивый. Он перестал понимать мир.

– Неужели ты меня не любишь?

– Что ты, конечно, люблю. И поэтому мне так тяжело, – ответила она. – Вставай.

Он остался стоять на коленях.

– Тебе не нравится кольцо? – глупо спросил он.

– Ерунда, кольцо чудесное.

– Тогда скажи мне, почему нет.

Она отодвинула стул, села рядом с ним на пол и обняла его, и так они сидели вместе на ковре рядом со столом и плакали.

– Я люблю тебя, Джон. С тех пор, как я впервые прикоснулась к тебе, мне показалось, что я знала тебя всегда. Как будто наши сердца бьются в такт. Как будто я когда-то потеряла тебя и наконец нашла снова. Но когда я представляю себе, что выйду за тебя замуж, – ломающимся голосом произнесла она, – у меня все внутри переворачивается.

Он посмотрел на нее затуманенным взглядом, ему хотелось одновременно и убежать на край света, и чтобы она никогда не отпускала его.

– Но почему же?

– Потому что, если я выйду за тебя замуж, я буду вынуждена сказать «да» и той жизни, которую ты ведешь. Которую я должна буду разделить. А от этого я прихожу в ужас, Джон.

– Ты приходишь в ужас от богатства?

– Я прихожу в ужас от того, что приходится вести жизнь, не принадлежащую ни тебе, ни мне, Джон. Я целыми днями ходила по этому замку, и я не увидела в нем ничего от тебя, нигде. Он, похоже, не имеет к тебе никакого отношения. Твои работники живут в нем. А ты здесь в гостях.

Он почувствовал, как что-то задрожало в горле, словно оно собиралось разорваться. Мир начал трескаться, вот оно что, и под трещинами оказалась бездна.

– Хочешь, чтобы мы жили где-нибудь в другом месте? – спросил он заплетающимся языком, зная, что ничего уже не спасти, что все рушится. – Мне все равно, можем купить, не знаю, дом в городе или за городом… где захочешь…

– Дело не в этом, Джон. Дело в том, что я хочу разделить с тобой жизнь, но у тебя нет своей жизни. Ты позволяешь человеку, который мертв вот уже пятьсот лет, определять смысл твоего существования. Твой управляющий говорит тебе, где и как ты должен жить. Ты даже позволяешь дизайнеру интерьеров навязывать тебе шоу-спальню, боже мой!

– Все будет по-другому, – сказал он. Собственный голос показался ему слабым и беспомощным. – Все изменится, клянусь тебе.

– Не клянись, Джон, – печально попросила она.

Он поднял голову, огляделся по сторонам. Они остались одни. Музыканты, должно быть, втихомолку вышли, а он и не заметил. Официанты тактично удалились. Столовая была покинутой, пустой, мертвой.

– Что ты теперь будешь делать? – спросил он.

Она не ответила. Он поднял на нее взгляд, посмотрел ей в лицо и все понял.

Маккейн долго смотрел на него, не говоря ни слова, только кивал время от времени и, похоже, всерьез задумался над тем, что сказать и что сделать.

– Мне очень жаль, Джон, – наконец произнес он. – Мне действительно казалось, что она та самая для вас… С моей точки зрения, конечно же. Хотя я не эксперт в отношениях.

Джону казалось, будто он умер. Словно ему вырезали сердце, и на его месте осталась пустота.

– Она настояла на том, чтобы вернуться рейсовым самолетом, – сказал он. – И даже не захотела, чтобы я проводил ее в аэропорт.

– Хм…

– Думаете, это правда? Если женщина говорит, что ей нужно время, чтобы все обдумать… может ли быть, что в конце концов она вернется?

В двери постучали, в комнату заглянула секретарша. Маккейн жестом велел ей удалиться.

– Не знаю, Джон. Но если быть до конца честным, то я думаю… – Он не закончил.

– Что? – спросил Джон с широко раскрытыми глазами.

Маккейн закусил губу, словно уже жалея, что заговорил.

– Конечно, я могу судить только по тому, что вы мне рассказали, Джон.

– Да? И что?

– Мне жаль, что я вынужден говорить вам это, но мне кажется, что она – человек принципов. Принципов, которые для нее важнее, чем вы.

Джон застонал. Нет, сердце все же осталось. По крайней мере, в качестве места, которое может болеть.

– И совершенно очевидно, – Маккейн продолжал растравлять открытую рану, – что она не может принять ответственность, связанную с наследством. Вы, Джон, можете сделать это. Это большая ноша, и иногда она болезненна – но, тем не менее, вы несете ее. Именно это и делает вас наследником. И как бы ни было мне жаль, ваша спутница должна поддерживать вас, или она не может быть вашей спутницей.

Да, пожалуй, это верно. Джон смотрел прямо перед собой, изучая рисунок из темно-синих и черных линий на застеленном ковром полу, который расходился во все стороны, да, словно трещины.

– Вы справитесь, – сказал Маккейн. – Но вы не имеете права вешать нос, Джон.

– Не знаю… – простонал Джон.

– Джон, черт возьми, у вас есть задача. На вас лежит ответственность. Вы наследник, Джон!

– Если бы я им не был, она бы не ушла.

Маккейн издал звук, похожий на сильно сдерживаемое проклятье, сделал несколько шагов по комнате, схватился руками за голову.

– Силы небесные, Джон, это недостойно! Я не могу на это смотреть. Прекратите, черт побери, мучить себя!

Джон вздрогнул, словно от удара плетью.

– Вот там, снаружи, настоящие мучения, – фыркнул Маккейн и ткнул пальцем в экран телевизора. – Их приносят нам с доставкой на дом, по всем каналам, и никто не понимает, что мы заглядываем в будущее, в *наше* будущее – если мы оба, вы и я, Джон, не соберемся и не сделаем то, что должно быть сделано. Вы понимаете? Мы не можем позволить себе

сидеть и зализывать раны, причинять себе боль. Мы должны действовать. Дорог каждый день. А поэтому проглотите обиду. У нас много дел.

– Много дел? – эхом повторил Джон. – Это каких же?

Маккейн протопал через комнату, остановился перед картой мира и хлопнул рукой по Центральной Америке.

– Мехико-сити. На следующей неделе здесь состоится первая подготовительная встреча для конференции по защите окружающей среды, встреча специалистов национальных рабочих групп. Вы должны принять в ней участие.

– Я? – Джон с ужасом посмотрел на карту. С Мехико его связывали только тако в ресторане быстрого питания, когда он уже не мог видеть пиццу. – Но ведь я не специалист, ни в какой области.

– Но вы – Джон Сальваторе Фонтанелли. Вы – основатель премии Геи. Если вам будет что сказать, вас будут внимательно слушать. И вы узнаете многое о положении дел в мире, если будете внимательно слушать.

Джон потер щеки ладонями.

– В Мехико? Я должен лететь в Мехико?

Маккейн скрестил руки на груди.

– По крайней мере, это вас отвлечет.

Маккейн проводил его в аэропорт и по дороге снабдил документами для переговоров в Мехико. Стопка документов была внушительной – папки, переплетенные научные отчеты со всего мира, дискеты, заключения, переводы и рефераты. Девятичасового перелета как раз хватит на то, чтобы все хотя бы пролистать.

Как обычно, их автомобиль пропустили на летное поле, где уже стоял готовый ко взлету «Манифорс Ван». Воняло керосином, горелой резиной, когда они вышли из машины, земля была мокрой после ночного дождя, над ровным бесконечным полем носился резкий, пронизывающий ветер.

– Это как перетягивание каната, – крикнул Маккейн, пытаясь перекрыть рев заведенных турбин. – С одной стороны, мы должны стремиться к тому, чтобы начали функционировать обязательные для всех положения по защите от атмосферных воздействий, а с другой стороны, это не должно нам сейчас ничего стоить. Такова цель программы для биржи вредных веществ, понимаете?

Несколько мужчин и женщин в униформах бросились вниз по трапу, чтобы помочь выгрузить коробки с документами и перенести их на борт. Пилот тоже спустился, держа под мышкой папку с контрольными списками, пожал им руки и объявил, что самое время взлетать.

– Если мы пропустим стартовое окно, может пройти не один час, прежде чем нам дадут новое. Евроконтроль снова хозяйничает.

– Да, да, – нетерпеливо отмахнулся Маккейн. – Еще минутку.

– Почему это не должно нам ничего стоить? – поинтересовался Джон.

Маккейн, похоже, избегал встречаться с ним взглядом и вместо этого принялся изучать горизонт.

– Я ведь вам уже объяснял. Мы перестраиваем целый концерн под новую стратегию. Если на этой стадии мы примем обязательство наладить повсюду очистку выхлопных газов, то это будет стоить нам денег, которые позднее могут решить вопрос победы или поражения.

Внезапно Джону все показалось нереальным. Словно они стоят на сцене и играют пьесу в театре абсурда. Он почувствовал, как в груди его что-то медленно поднимается, что могло быть как невинным приступом смеха, так и приступом рвоты, или того и другого одновременно.

– Когда мы по-настоящему будем что-нибудь делать? – Он перекрикивал шум моторов. – Мы все время что-то покупаем, накапливаем власть и влияние, но мы ничего с этим не *делаем* . Наоборот, мы делаем только хуже!

Маккейн посмотрел на него в буквальном смысле слова убийственным взглядом. Совершенно ясно, он отклонился от запланированного сценария. Это смертный грех для актера, ведь так?

– Вы совершенно неверно все себе представляете, – крикнул Маккейн. – Однако боюсь, что нам не хватит времени обсудить это сейчас. Давайте поговорим об этом после вашего возвращения.

В этот миг они увидели автомобиль, несшийся прямо к ним на безумной скорости. Мгновением позже Марко оказался рядом с ним, закрыл Джона собой и произнес:

– Может быть, вам все же стоит подняться наверх, мистер Фонтанелли.

– Что, черт побери!.. – крикнул Маккейн, но автомобиль уже остановился, взвизгнули тормоза, открылась дверь, и к ним бросился мужчина.

– Я ищу Марко Бенетти, – заявил он. Мужчина был стройным, в темном костюме, на лице – тонкие усы, а в руке дорожная сумка.

Марко все еще тянулся к пиджаку.

– Это я.

Мужчина продемонстрировал удостоверение с печатью, принадлежащей концерну службы безопасности.

– В штаб-квартиру поступил странный звонок от вашей жены, – с трудом переводя дух, произнес он. – По крайней мере, мы считаем, что это была ваша жена. Пытались перезвонить, но никто не подошел к телефону. – Он вынул ключи от автомобиля. – Я должен сменить вас. Можете взять автомобиль.

Марко побледнел.

– Что-то с ребенком?

– Я ведь уже сказал, мы не знаем. Мы решили, что будет лучше, если вы посмотрите сами. Вот. – Он встряхнул ключи в руке.

– Идите, – кивнул Маккейн, видя нерешительность Марко.

Пилот выглянул из кабины, многозначительно постучал по наручным часам. Пора.

– Да, идите, – произнес Джон. – Мы разберемся.

– Спасибо, – сказал Марко и пошел к машине.

Позднее, когда они были уже в воздухе, а впереди их ждал почти бесконечный день трансатлантического перелета, Джон подозвал новенького из числа телохранителей.

– Мне хотелось бы знать, как вас зовут, – сказал он.

Мужчина посмотрел на него ничего не выражающим взглядом. Глаза его были цвета застывшей лавы.

– Фостер, – произнес он. – Меня зовут Фостер.

Он остановил автомобиль, несмотря на знак запрещенной стоянки. Перед этим мчался на красный свет. Не обращал внимания на знаки «СТОП», превысил все возможные ограничения скорости, ему было наплевать на все. Дом – не самый новый, на шесть семей – находился в расположенном к юго-востоку от Лондона Уолтоне-на-Темзе и казался таким тихим и мирным, что ему стало плохо. Он бросился вверх по лестнице, на бегу вставляя ключ в замок, дрожащими пальцами открыл дверь и…

Карен стояла в прихожей, в руке у нее были детская бутылочка и нагрудник.

– Марко?

– *Madre Dios!* [73] – вырвалось у него. Он обмяк от облегчения, на негнущихся ногах подошел к ней и буквально упал в ее объятия.

Она не знала, что и думать.

– Эй, тише, она только уснула… Дай я хоть нагрудничек положу… Скажи, я что-то перепутала? Разве ты не должен был лететь в Мехико?

---

[73] Матерь Божья (*итал.*).

Марко отпустил ее, пристально вгляделся в лицо.

– Ты не звонила в головной офис?

– В офис?

Он рассказал о том, что случилось.

– В Мехико сейчас летит мой багаж. Придется мне купить новую бритву, наверное. – Он покачал головой. – С чего в офисе взяли, что ты звонила?

Карен пожала плечами.

– Понятия не имею. Я не звонила. Я хотела позвонить Бетти, спросить, не зайдет ли она сегодня на чай, но соединения не было.

– Соединения не было. – Марко подошел к телефонному аппарату, снял трубку и прислушался.

– Гудки и сегодня утром звучали странно, – скептически произнесла Карен.

Марко покачал головой.

– Это не гудки. Нет связи.

Он очень осторожно положил трубку на рычаг. Конечно, все это может быть случайностью. Ошибочный звонок, недоразумение, чрезмерная реакция, неполадки в телефонной сети. Вполне может быть и так.

Но, несмотря на это, его не покидало дурное предчувствие.

40

Самолет приближался к городу, и Мехико возник перед ними, словно бесконечное, безбрежное море домов, окруженное горами и вулканами, закутанное в коричневатый смог. Джон смотрел вниз, на родину двадцати миллионов людей, на один из крупнейших городов мира, практически наглядный пример приближающейся экологической катастрофы. Вне всякого сомнения, это было подходящим местом для подготовки следующей экологической конференции. Он закрыл последнюю папку, отложил ее в сторону и очень захотел лечь в постель.

Из аэропорта они полетели дальше на вертолете, потом на машине: ему объяснили, что иначе им не проехать.

– *Rush hour* [74], – говорили все, и действительно, с воздуха Джон увидел бесконечных, казавшихся неподвижными жестяных змей на всех дорогах, в то время как шум мотора вертолета буквально разрывал ему голову.

Они летели на юг над тенью надвигающейся темноты. Незадолго до посадки Джон увидел знакомое по иллюстрациям в путеводителе, который он изучал во время перелета, знаменитое здание университетской библиотеки с огромной загадочной мозаикой. На территории университетского городка будут проходить и заседания секций, но они начнутся только через несколько дней, когда он наконец немного выспится. Он позволил Крису и Фостеру помочь ему выбраться из вертолета, сел в ожидавшую машину, и тут вдруг молодому человеку показалось, что он оглох.

Безопасный жилой комплекс, куда его отвезли, представлял собой окруженный со всех сторон стенами райский уголок, где шумели пальмы и журчали искусственные ручьи. Колючая проволока на зубцах стен, улыбающиеся сотрудники службы безопасности с револьверами в кобурах и современная электронная система наблюдения, *made in USA* [75], предназначались для того, чтобы никто и ничто не потревожило мир и покой жителей. Молодой человек в светлом костюме выступил вперед, чтобы провести Джона в предназначенные ему апартаменты, и при виде чистой воды, плескавшейся вдоль дорожек,

---

[74] Час пик (*англ.*).

[75] Сделано в США (*англ.*).

Джон вспомнил, что читал о постоянной нехватке воды в Мехико, расположенном на высоте более двух тысяч метров, где иногда не хватало даже кислорода. Очень, очень подходящее место для экологической конференции.

Апартаменты отличались современным минимализмом в интерьере: белые стены, стекло и металл, но при этом они были огромны. Немногочисленные, но благородные предметы мебели в колониальном стиле подчеркивали величину комнат; сплошная мечта.

– Где спальня? – поинтересовался Джон.

Крис поставил дорожную сумку с самым необходимым на один из низеньких комодов.

– Вам еще что-нибудь нужно, сэр?

– Сон, – ответил Джон.

– Понимаю. Доброй ночи, сэр. – Он закрыл двери снаружи.

Джон опустился на кровать, чувствуя себя настолько тяжелым, словно находился не просто в другом часовом поясе, а еще и в зоне повышенного земного притяжения. Сегодня он уже не сумеет встать. Он уснет прямо в костюме и завтра утром будет выглядеть ужасно.

Зазвонил телефон. «Я сплю», – подумал Джон.

Но покоя не было. Наконец он перекатился поближе к аппарату и потянулся к ночному столику.

– Да?

– Это Фостер, мистер Фонтанелли. – Голос телохранителя доносился до ушей словно издалека. – Мне очень жаль, что я вынужден вас побеспокоить, сэр, но, возможно, это важно…

– Ну, говорите уже, – пробормотал Джон.

– Я в сторожке у ворот, – сказал Фостер, – и у дверей стоит молодая женщина, которая говорит, что ее зовут Урсула Вален…

– Что? – Это было словно удар тока – звучание этого имени, выброс адреналина. Он выпрямился, прежде чем понял, что произошло. Урсула? Как, ради всего святого, Урсула попала сюда, в Мехико? Да еще сейчас, сегодня вечером, сюда? Откуда она могла узнать…

– Вы спуститесь, сэр?

– Да! – проревел в трубку Джон. – Да, я спущусь! Минутку, я уже иду.

Урсула? Здесь? Невероятно, просто невероятно… Он швырнул трубку на рычаг и побежал, распахивая двери, промчался по прохладному гладкому мрамору, вниз по лестнице, по красивым извилистым тропкам между пальмами и кустами: все было освещено, все тихо и мирно.

Добежав до ворот, он увидел Фостера, с нерешительным видом стоящего на улице.

– Это действительно странно… – пробормотал тот себе под нос, уперев руки в бока.

– Что такое? Где она? – с трудом переводя дух, произнес Джон, которого на миг пронзила горячая волна ужаса – а вдруг звонок ему приснился?

Фостер выглянул на улицу, потер нос.

– Она ушла. Я ей сказал, что вы придете, но…

– Ушла? Куда?

– Туда, за угол, – произнес телохранитель, указывая на конец ограды, где начиналась небольшая перпендикулярная улица и ездили машины.

Джон бросился бежать.

– Сэр, нет! – услышал он крик за своей спиной, но это почему-то стало неважным, нужно было только догнать ее.

Дорога шла под гору, ноги бежали словно сами собой, он успеет. Воздух был пронизан выхлопными газами, резал глаза, мешал дышать, но он бежал. Добрался до конца высокой стены жилого комплекса, повернул за угол, увидел фигуру женщины в конце узкой улочки, крикнул:

– Урсула!

Удар по голове заставил исчезнуть женщину, город и вообще все на свете.

Маккейн проснулся от того, что зазвенел стоящий на его столике телефон. Телефон, предназначенный исключительно для экстренных случаев. Он сел на постели и включил свет. Без трех минут пять. Через несколько мгновений его все равно поднял бы будильник.

– Дали себе достаточно времени, – пробормотал он, откашлялся и снял трубку. – Маккейн.

– Это Крис О'Ганлон, сэр, – послышался прерывающийся голос. – Сэр, здесь кое-что произошло. Мы… э… потеряли мистера Фонтанелли.

Маккейн поднял брови. Интересная формулировка, если подумать.

– А вы не могли бы объяснить подробнее?

Было слышно, что телохранитель едва сдерживается.

– Все было так, как будто… Ну, Фостер дежурил у ворот первым, а я на это время прилег. Проснулся только тогда, когда пришла машина из аэропорта с документами и остальным багажом, и тут он рассказывает мне, так, мимоходом…

– Что он вам рассказывает?

– Что мистер Фонтанелли вскоре после того, как я проводил его в апартаменты, спустился вниз и вышел. Сказал ему, что хочет прогуляться, что договорился встретиться с кем-то из университета в каком-то ресторане неподалеку…

– Позвольте, я угадаю. Он все еще не вернулся.

– Да, к сожалению, это так, сэр. А ведь я был готов поклясться, что он собирался упасть в кровать, он выглядел таким усталым…

Маккейн хрюкнул.

– Фостер когда-нибудь размышлял над тем, зачем строятся защищенные жилые комплексы?

– Я ему уже сказал. Он довольно подавлен, у меня такое впечатление, что он опасается за свою работу и все такое…

– И не сказать, чтобы он был неправ, – произнес Маккейн и добавил: – Пока что не стоит это афишировать.

– Да, сэр. – О'Ганлон судорожно сглотнул. – Иисус-Мария-Иосиф, сэр, этого не случилось бы, будь здесь Марко. Этого совершенно точно бы не произошло.

– Да, я тоже так думаю, – ответил Маккейн. Из стопки документов он вынул свой календарь, который, как обычно, лежал на никогда не использовавшейся второй половине двуспальной кровати, и открыл его. День был свободным. Он взял ручку. – Успокойтесь, Крис, и слушайте внимательно. Сейчас вы сделаете следующее…

Сначала он ничего не понял, только почувствовал ужасную боль в голове. Озадаченно потянулся к затылку и обнаружил шишку, которая болела и на которой, похоже, запеклась кровь. Почему-то он понял, что все плохо. Было еще и странное давление на запястья, что-то мешало, движение сопровождалось позвякиванием… Наконец он сумел открыть глаза и увидел то, что сковывало его запястья: наручники.

– Ну, классно! – застонал он. Похитили. Его похитили.

Он поднялся. Ужас осознания случившегося начал отступать, хотя при каждом движении голова угрожала расколоться на две половинки. Вот стена, к которой можно прислониться, что он и сделал, с трудом переводя дух, словно от сильного напряжения, и огляделся по сторонам.

Камера. Нештукатуреные стены, замурованные окна, оставлена только щель в самом верху, в которую лился яркий утренний свет. Здесь, внутри, царили сумерки и неприятный запах пота и человеческих экскрементов: тюрьма, все ясно, три шага в ширину и четыре в длину, если бы он мог двигаться. Но он не мог; его наручники были пристегнуты к цепи, которая вела к массивной литой трубе, пересекавшей комнату от пола и до потолка. Его пространство было ограничено матрасом, на котором он сидел, в углу стояло ведро с крышкой, а на ней лежал рулон туалетной бумаги… Джон с отвращением отвернулся

и пожелал себе запора.

Значит, все это было всего лишь ловушкой. В которую он, как идиот, попался. Он вздохнул и захотел покачать головой, но решил не делать этого. Откуда похитителям было известно имя Урсулы? Загадочно. Может быть, из газет. Хоть короткое интермеццо в Германии и могло остаться незамеченным, но он был публичной особой, и его личная жизнь представляла интерес для общественности. Вот только когда папарацци нужны по-настоящему, их нет. Как сейчас.

На темном полу что-то мелькнуло, и Джон весь покрылся гусиной кожей, невольно поджал ноги. Там что-то шевелилось. Затаив дыхание, он наклонился вперед и обнаружил толстого таракана, который полз к нему, темно-коричневый, размером с блюдце, жуткий под своей оснащенной усиками броней. Джон быстро стянул с ноги ботинок, взял его обеими руками и ударил насекомое, и ему даже показалось, что он попал, но таракан, вместо того чтобы, как положено, оказаться размазанным по полу, повернулся и шмыгнул в щель в стене, из которой, наверное, и вылез. При мысли о том, что насекомое, вполне возможно, ползало по нему, пока он валялся без сознания, Джону стало совсем плохо.

Он снова прислонился к стене, закрыл глаза, почувствовал глухую пульсирующую боль в голове и пожелал оказаться подальше отсюда, в другом месте, в другой жизни. При этом он, похоже, ненадолго задремал сидя, потому что его заставил очнуться звук приближающихся шагов.

В дверь постучали.

– *Hola!* [76] – крикнул кто-то. – Ты проснуться?

Джон скривился, движение тут же отозвалось болью.

– Не совсем.

– Ложиться. Лицо на матрас. Не смотреть, а то мы тебя убивать. Ложиться – *ándele, ándele!* [77]

– Да, я понял, – крикнул Джон и сделал, как было велено. Вонял матрас ужасно. Наверное, пропитался выступившим от страха пóтом бесчисленного количества других жертв похищений.

Он услышал, как отодвинулся засов, услышал шарканье шагов, затем дверь снова захлопнулась, издав такой звук, будто была сделана из картона; тяжело лязгнул металлический засов.

Шаги удалились. Тишина.

Вероятно, это означало, что он снова может пошевелиться. Джон медленно поднялся. Возле него стояла тарелка с куском хлеба, а рядом жестяная чашка, из которой пахло чем-то вроде кофе; это был настоящий аромат по сравнению с запахами узилища.

И да, ему хотелось есть. Вообще он чувствовал себя, если не считать головной боли, хорошо. Выспавшимся. Словно проспал целый день. Точно он сказать не мог, поскольку его часы, на которых был указатель даты, исчезли.

Он взял тарелку и чашку. Кофе был терпимым, с молоком и сахаром, хлеб был свежим на вкус. Такой комфорт наверняка скажется на сумме выкупа, но, как бы там ни было, за свои деньги тут кое-что получаешь. И вообще все шло очень по-деловому; в голосе незнакомца и в его поведении не было ни следа паники или какого-то исключительного состояния, скорее можно было подумать, что он занимается своей обычной работой похитителя.

Похищение! Невероятно! А ведь все эти годы ничего подобного не случалось. Телохранители сопровождали его повсюду, но им никогда не приходилось делать ничего более трудного, чем временами прокладывать ему дорогу, когда репортеры или зеваки

---

[76] Привет! (*исп.*)

[77] Мексиканское выражение, означающее «шевелись, быстрее!».

становились слишком назойливыми. Он никогда не чувствовал себя по-настоящему под угрозой, тем более после того, как сбежал вместе с Урсулой и все прошло хорошо. Но, наверное, просто повезло. Маккейн был прав, как обычно.

Когда он отставил тарелку и его цепь, как обычно, звякнула о металл, он поднял голову и посмотрел на толстую трубу. Звук, издаваемый цепью, должно быть, хорошо слышен наверху. Может быть, таким образом они заметили, что он очнулся? Точно. И сразу поставили воду для кофе.

Джон встал, стараясь не издавать лишних звуков цепью, подошел к трубе. То, что работает в одном направлении, должно сработать и в другом, ведь так? Он приложил ухо к холодному металлу, осторожно прижал его и заткнул – что оказалось непросто – другое ухо.

Точно. Он услышал, как бормочет телевизор – сентиментальная музыка и низкий голос ведущего, услышал, как кто-то возится с кухонными приборами и спокойно насвистывает. Труба была настоящим подслушивающим устройством. Зазвонил телефон, трубку сняли и заговорили на мелодичном, но непонятном испанском языке.

Впрочем, долго слушать было тяжело из-за неудобной позы, а поскольку он все равно не знал испанского, это дало ему лишь общее впечатление о положении вещей. Судя по всему, у похитителей все было под контролем. Он снова сел и занялся изучением трещины, в которой жил монстр-таракан.

Потом он поспал еще, его разбудили для очередного приема пищи, состоящего из бобов, некоторого количества мяса и кружки воды.

– Будьте терпеливы, – посоветовал ему незнакомец (хотя его никто ни о чем не спрашивал), когда ставил еду и забирал посуду, оставшуюся с завтрака.

Чтобы последовать этому совету, лучше всего было продремать все время. Постепенно яркий свет в щели сменился вечерним. Прежде чем стало совершенно темно, Джон поддался необходимости и помочился в ведро, которое после этого постарался поставить как можно дальше от матраса.

Снова прислушался. По телевизору показывали американский сериал, вероятно, с испанскими субтитрами: какой-то детектив, в котором речь шла о похищенной дочери мультимиллионера. «Это можно расценить почти как поучение», – подумал Джон, ложась спать. Но вместо того, чтобы уснуть, он уставился в бесформенную темноту и замер, ожидая нападения орды тараканов.

В какой-то момент он, похоже, все же уснул, потому что, когда проснулся, за окном был день. И вокруг не было тараканов. Он поднялся, не зазвенев цепью, и прислушался. Телевизор не работал, зато он услышал разговор нескольких мужчин, очень спокойный, словно они сидели за чашечкой кофе и им нечего было делать, кроме как тратить время.

– Завтрак, *por favor* , – пробормотал Джон и сильно зазвенел цепью.

Но вместо завтрака пришел другой человек, не тот, что вчера, который не стал стучать и раздавать указания, а просто вошел в камеру. Мужчина, говоривший по-английски, более того, на сленге американского восточного побережья.

– Мы еще никогда не встречались, – произнес он, – но мы знакомы.

Джон скептически оглядел мужчину. У него было одутловатое лицо с крупными порами, на котором оставили грубые следы подростковые прыщи, из-за воротника и из-под рукавов торчала густая растительность. Несимпатичный вид. Такого человека Джон бы не оценил.

А потом он вспомнил. Да, он действительно уже видел этого человека. С немного другой прической. На экране телевизора.

– Бликер, – произнес он. – Вы Рэндольф Бликер.

Позже было уже не понять, как пошли слухи. Сотрудников мексиканской полиции, созванных из-за чрезвычайных обстоятельств, обязали молчать, и последовавшее за этим внутреннее расследование не давало повода предположить, что кто-то из них проболтался.

Несмотря на это, в аэропорту Мехико вдруг стали приземляться команды иностранных телекомпаний, пошли звонки по телефону и факсу, весь мир хотел знать, есть ли доля правды в утверждениях, будто Джон Фонтанелли был похищен.

Лондонская централь концерна «Фонтанелли энтерпрайзис» отказывалась от каких бы то ни было комментариев. Полиция Мехико отказывалась выражать свое отношение. Территорию *Universidad National Autònoma de M éxico* [78] вдруг наводнили люди с камерами и микрофонами.

– Это уже не прекращается, – пожаловалась Маккейну одна из секретарш. – Теперь звонят даже с наших телеканалов. И что я должна им говорить?

– Ничего, – отвечал Маккейн. Нахмурившись, он захлопнул тонкую папку и спрятал ее в ящик. – Отмените все мои встречи на следующие пять дней и забронируйте мне билет до Мехико.

– Что это еще такое? – спросил Джон. – Месть за то, что не сработал маневр с моим братом?

Бликер презрительно усмехнулся.

– Месть? Ах, бросьте. Я не злопамятен. Знаете, я тут совершенно беспристрастен. Я делаю то, что мне поручают.

– Вот как. То, что вам поручают.

– Вы ведь не спрашиваете, кто поручает, правда? Для этого вы слишком умны.

Джон только пожал плечами.

– И что теперь будет? Как вы собираетесь со мной поступить?

– О, ваш выкуп, думаю, войдет в историю. – Бликер изо всех сил старался держаться за пределами его досягаемости. На нем был легкий, довольно потрепанный льняной костюм, он постоянно тер маленькое пятно за ухом. – А в остальном… Это зависит…

– От чего?

– От вас, к примеру. От вашего поведения, готовности сотрудничать. И от других вещей, на которые вы не можете повлиять.

– Это не сработает, – произнес Джон и удивился собственному спокойствию. – Вы снова потерпите поражение, Бликер. В точности как тогда, когда вы втянули в беду Лино.

Бликер взглянул на него и оскалился.

– Вы бы удивились, узнав, насколько подробно представлял себе ваш брат жизнь в качестве отца наследника триллиона долларов.

Джон догадывался, что это даже не ложь. Лино всегда был приверженцем девиза «Бери все, что можно взять». В отношениях с женщинами, с деньгами – во всем. Он скрестил на груди руки.

– Может, вы наконец скажете мне, чего хотите?

– Контроль качества, – произнес Бликер. – Я ведь должен быть уверен, что мои… *субподрядчики* все сделали правильно. Что они поймали того человека.

– Ваши субподрядчики?

– Я делаю это исключительно ради денег, мистер Фонтанелли. Поскольку мне их никто не дает просто так, я ради них работаю. Я обнаружил, что можно вести довольно приятную жизнь, если время от времени делать неприятные вещи. Вот как это, к примеру.

– И как, к примеру, что? Вы ведь не собираетесь оставлять меня в живых. Я подам на вас в суд, как только окажусь на свободе.

– Что меня совершенно не волнует. Я и так в бегах, помните? Я уже нашел нужные зацепки, и хотите верьте, хотите нет, но мне и так хорошо. По крайней мере, жизнь остается интересной.

---

[78] Автономный национальный университет Мехико (*исп.*).

Маккейн с ужасом разглядывал огромную хрустальную люстру, висевшую прямо у него над головой. В Мехико иногда случались землетрясения; если одно из них произойдет именно сегодня, люстра просто убьет его. Он откашлялся, и все глаза, микрофоны и объективы камер устремились к нему.

Пресс-конференция проходила в большом зале отеля «Эль Президент». Потолок и стены были задрапированы полотнами зеленого бархата, делая комнату похожей на шатер; украшенные золотом колонны, похоже, поддерживали символический полог, и все это составляло причудливый контраст огромному красочному панно за спиной Маккейна, созданному собственноручно Диего Риверой, величайшим из мексиканских художников. Не нужно было иметь особенного образования, чтобы об этом узнать: отель всеми возможными способами – информационными брошюрами, указателями и надписями – не позволял долго пребывать в неведении относительно этого факта.

– До сих пор, – заявил Маккейн после того, как рассказал о причине своего приезда, – нам известно только то, что мистер Фонтанелли исчез. Обстоятельства его исчезновения, насколько мы знаем, не связаны с насилием; хотя за это не поручусь. Если речь идет действительно о похищении, то похитители до сих пор не объявились.

Одна женщина подняла руку.

– А известно, кто был тем человеком, с которым собирался встретиться мистер Фонтанелли?

– Нет, – сказал Маккейн. – Я также сомневаюсь в том, что договоренность о встрече вообще существовала. Насколько мне известно, мистер Фонтанелли не имел таких знакомых в местном университете, с кем он мог бы договориться.

Это вызвало волнение.

– Тогда почему он так сказал? – выкрикнул мужчина, не дожидаясь, пока Маккейн даст ему слово.

Маккейн перегнулся через лес микрофонов, стоявших перед ним.

– Всем известно, что мистер Фонтанелли время от времени рискует отправляться в общественные места без сопровождения охраны. В прошлом это никогда не создавало проблем, но, конечно, телохранители подобное поведение не одобряют. Я, кстати, тоже. Однако мистер Фонтанелли – взрослый человек и не нуждается в предписаниях со стороны кого бы то ни было относительно того, что он должен или не должен делать. Впрочем, мы выяснили, что вскоре после этого исчез один из телохранителей. – Он обвел взглядом старательно стенографировавших журналистов. – Существует ли связь между этими событиями, полиция пока сказать не может.

Полный репортер, одетый в футболку с логотипом американской телекомпании, взял слово.

– Вы исходите из того, что речь идет о запланированном похищении?

– Я понятия не имею, как кто-либо мог это спланировать. То, что мистер Фонтанелли приедет в Мехико, стало ясно только несколько дней назад, да и то узкому кругу лиц, – произнес Маккейн. – Насколько мне известно, полиция исходит из того, что речь идет о спонтанно совершенном преступлении.

– Вы заплатите выкуп? – крикнул кто-то.

– Насколько большой? – поинтересовался другой репортер.

Сверкали вспышки, поднимались вверх диктофоны, Маккейн некоторое время задумчиво смотрел прямо перед собой, а затем ответил.

– Мы, – наконец произнес он, – конечно же, сделаем все возможное, чтобы вернуть мистера Фонтанелли в целости и сохранности, если он находится в руках похитителей. Но в данный момент, как уже было сказано, конкретной информации у нас нет.

– Утверждают, что есть свидетель, видевший, как мистер Фонтанелли бежал куда-то, – произнес кто-то в зале. – Что вы скажете на это? От чего он мог бежать?

Маккейн виновато развел руками.

– Ничего не могу на это сказать. Меня там не было.

– Что, если мистер Фонтанелли мертв? Кто унаследует состояние? – выкрикнул кто-то в задних рядах.

– Да, вот именно! Кто унаследует? – повторил еще один, и поднялся шум, как будто все только и ждали этого вопроса, но никто не отваживался его задать.

Маккейн мрачно обвел взглядом собравшихся, подождал, пока все хоть немного не успокоятся.

– Вы можете исходить из того, что все вопросы о наследовании урегулированы, – сказал он. – Но в настоящий момент я считаю некорректным подробно говорить об этом или давать пояснения.

Он не счел нужным упоминать о том, что сел в самолет, отправлявшийся в Мехико, только после того, как самый знаменитый британский эксперт тщательно проверил завещание Джона и заверил его, что оно, вне всякого сомнения, будет признано действительным.

Ожидание действовало на нервы. Если бы он мог, он бродил бы по камере туда-сюда, как загнанный зверь, но цепь не позволяла. Если бы он мог хотя бы избавиться от нее! Когда незнакомец приносил еду, Джон просил, смиренно вжавшись лицом в вонючий матрас, снять ее, но мужчину, похоже, это лишь веселило. Потом он посмотрел на свою дверь и понял почему: если бы он был не на цепи, то смог бы выбить ее не самым сильным пинком.

Поэтому он каждые пару минут вставал, подходил к трубе, прижимался ухом к металлу и прислушивался, пока не затекали спина и шея, и тогда он садился обратно. Большую часть времени он слушал телевизор. Похоже, тот работал весь день напролет. Слащавая музыка сменялась сентиментальными или нарочито напряженными диалогами дешевого сериала, в промежутках диктор читал новости пулеметным стаккато. Время от времени доносились звуки с кухни: звон кастрюль и крышек, стук ножа по деревянной доске. Иногда переговаривались несколько человек, всегда только мужчины, низкими грудными голосами, и эти разговоры звучали на удивление скучно. Мужчины общались по-испански, но, даже если бы Джон владел этим языком, он не понял бы ни слова, настолько невнятно и гнусаво они разговаривали.

Каждый раз, когда он снова опускался на матрас, он говорил себе, что может спокойно прекратить это подслушивание, потому что оно не помогало ему понять, что происходит или что собираются делать с ним похитители. Он говорил себе это, смотрел на тараканью щель и ждал, а потом вдруг не выдерживал и снова вставал, чтобы приложить ухо к трубе.

Так он слушал и вдруг услышал свое имя.

В звучании собственного имени есть что-то магическое. Даже если ты невнимателен, даже если вокруг звучит язык, в котором не понимаешь ни слова, даже если стоишь посреди людской толпы, где все говорят наперебой, – как только кто-то произносит твое имя, ты его слышишь. И как раз потому, что ты не был к этому готов, тебя словно бьет током.

Джон услышал свое имя. И назвал его голос из телевизора.

Он испуганно отпрянул назад. Должно быть, это галлюцинация или нет? «Точно», – сказали ему трещины и пятна на стене. Он снова прижался ухом к холодному металлу и, затаив дыхание, различил, как в голосах мужчин вдруг появилось волнение.

Новости по телевизору. Нервное перешептывание. Аппарат переключили на другой канал, шепот превратился во взволнованные крики. Один перебивал другого, слово за слово, все громче и громче, пока наконец не зазвучал один голос, а остальные замолчали.

Похоже, он стал звонить, неприветливо набросился на кого-то. Трубку с грохотом швырнули на рычаг, наверху снова разволновались, и в голосах все отчетливее слышалась паника.

Что-то пошло не так.

Джон отошел от трубы и схватился за грудь, настолько сильно колотилось о ребра сердце. Это нехорошо. Это даже очень плохо. Что-то пошло не так, как предполагали

похитители, а он видел достаточно историй о похищениях, чтобы понимать: это может стать опасным для него.

Он попытался дышать спокойно, не звенеть цепью и вернулся на свою позицию.

Все еще волнение, такое же сильное. Через некоторое время хлопнула дверь, послышались тяжелые шаги, в разговор вмешался новый голос, говоривший на ломаном испанском, в котором, как показалось Джону, он узнал голос Рэндольфа Бликера.

Мужчины насели на него, обрушили на него шквал упреков и, похоже, не только упреков. Бликер держался: он говорил, кричал, умолял и ругался, и наконец Джон понял, что пошло не так: его похитители не знали, кого похитили. Они не знали, кто он. Только в тот миг, когда по телевизору сказали о похищении самого богатого человека в мире, до них дошло, кто сидит у них, прикованный к трубе в подвале. И теперь им стало страшно.

Вероятно, они действительно были профессиональными преступниками, время от времени похищали более или менее зажиточных людей, отпускали их в обмен на соответствующее вознаграждение и таким образом зарабатывали себе на жизнь. Должно быть, полиция не успевала раскрывать все эти дела или просто не обращала на них внимания. Но, вне всякого сомнения, говорили теперь себе они, похищение Джона Фонтанелли так просто не оставят. Перевернут небо и землю, чтобы найти их, и не успокоятся, пока не найдут. Это дело оказалось для них чересчур серьезным.

Вне всякого сомнения, Бликер пытался убедить их в обратном. Он ругался, уговаривал, наверняка хотел, чтобы они продолжали действовать по плану, но теперь все мужчины кричали наперебой, падали стулья, слышались звуки ударов, и в конце концов они вышвырнули Бликера прочь. Джон услышал, как бывший адвокат выкрикивает американские проклятия, но похоже было на то, что они выставили его в коридор, а вскоре после этого дверь захлопнулась.

Джон отошел на шаг.

«Они убьют меня, – подумал он, чувствуя, как внутри поднимается кристально чистая волна ужаса, как сжимаются сердце и горло. – Они придут и убьют меня».

Он опустился на матрас и спросил себя, как они это сделают. Выстрелом, ударом ножа? Будет ли больно? Здесь, боже мой, в тюрьме, где воняет мочой! Какой конец для человека, который был избран для того, чтобы выполнить божественное пророчество!

Из груди поднялся злой сдавленный смешок. Как же повезло *padrone:* он умер спокойно, прожив насыщенную жизнь, в уверенности, что выполнил свою миссию, – и достаточно рано, чтобы не увидеть, насколько сильно он ошибся.

Урсула говорила ему, все это время. Его вера в пророчество была всего лишь удобной отговоркой для того, чтобы не принимать решения. Потому что это означало бы, что он должен взять на себя ответственность. Было так удобно говорить: *этого хочет Господь* . Неважно, что происходит, никто не виноват. Классная штука для трусов.

Джон смотрел на блеклую дверь, через которую скоро войдут его убийцы, и почувствовал, как внутри него умирает эта вера, как она вспыхивает, сгорает, не оставляя даже пепла. Разве не говорится, что перед смертью перед глазами пролетает вся жизнь? Он снова увидел все ее этапы, с болезненной четкостью, равно как и то, что он все время искал того, кто скажет ему, что нужно делать. Его родители. Брат. Он ушел из дома, потому что так хотела Сара. Он послушался совета Марвина и пошел работать в пиццерию Мурали. Кристофоро Вакки сказал ему, что у него есть предназначение, а Малькольм Маккейн знал, как выполнить это предназначение. Только Урсулу он не стал слушать.

Проклятье, даже лечь в постель с Константиной ему посоветовал Эдуардо! А Урсула? Урсула хотела, чтобы он поехал с ней в Германию без охраны, и он послушался.

Дверь никто не трогал. Не было шагов. Его убийцы не торопились.

Он посмотрел на трубу и решил больше не слушать. Он не хотел услышать, что там, возможно, уже никого нет. Он не хотел знать, что они сбежали и бросили его, чтобы он умер и его никогда не нашли. Он сидел, смотрел на сумеречный свет, перестав размышлять о своей жизни, вообще перестав размышлять, просто смотрел прямо перед собой и только

дышал. Время остановилось, свет постепенно угасал, пока не погас совсем, и наконец раздались шаги.

Стук в дверь.

– *Hola!* Ты не спать?

– Нет, – ответил Джон.

– Ты ложиться. Лицо на матрас.

Он всю свою жизнь слушался других, так почему бы не сделать этого и в смерти? Поэтому он лег на живот, закрыл глаза и подчинился неизбежному.

Дверь открылась, и теперь в камеру вошли несколько мужчин. Чья-то рука нащупала его волосы. Джон почувствовал дрожь в глубине своего существа, стиснул зубы: только не молить о пощаде! Потом ему резко натянули что-то на голову, завели запястья за спину, связали их; сильные руки подняли его.

– Идти, – произнес незнакомец.

Они повели его вверх по лестнице, по коридору, где он ударился плечом о какой-то предмет мебели, предупредили относительно порога, за которым последовало несколько ступеней вниз, в комнату, где сквозь маску пахло опилками и дизельным топливом. Очевидно, это был гараж, потому что они подняли его, как игрушку, и затолкали в просторный багажник машины. Он успел услышать, как открылась дверь, потом кто-то завел мотор, тот взревел, и поездка началась.

Они ехали бесконечно долго, и все попытки запомнить дорогу или хотя бы повороты налево и направо были безнадежными. Кроме того, в багажник проникали выхлопные газы, из-за которых ему стало настолько дурно, что пришлось сосредоточить все свои силы на том, чтобы его не стошнило прямо внутрь мешка, закрывавшего голову до самой шеи.

Наконец они остановились. Кто-то вышел из машины, через некоторое время снова сел, автомобиль повернул и немного проехал назад по неровной дороге. Багажник открыли. Схватили его ноги, связали и их – проволокой, больно впившейся в кожу. Джон протестовал, но его, похоже, даже не слышали, просто схватили, вытащили наружу, пронесли немного и, размахнувшись, швырнули куда-то.

Джон вскрикнул. Приземлился он относительно мягко, на грунт, похожий на ощупь на тряпки и смятую бумагу, впрочем, смешанные с твердыми и острыми камнями, о которые он больно ударился. Воняло невыносимо. Он попытался перекатиться, но при каждом его движении двигалось то, на чем он лежал, причем каким-то жутким образом, как будто он в любой миг мог в этом утонуть.

И он остался лежать в неудобном положении на боку, со связанными ногами, связанными за спиной руками, лицом вниз. Постепенно под маску стала проникать вонь, какой ему никогда прежде не доводилось вдыхать: невероятная смесь гниения и разложения, тления и разрушения, зверское зловоние, запах плесени, ржавчины и гнили, по сравнению с которым запах в его камере казался почти чудесным ароматом. И с недоверчивым удивлением он понял, что сделали с ним похитители. Это была свалка. Они выбросили его на *помойку* .

41

Холод подступал медленно, постепенно заползал под одежду, проникал в кожу, неумолимо пронизывая его до самых костей. И по мере того, как становилось холоднее, становилось и тише. Сначала он слышал вдалеке шум транспорта, звук какой-то машины, но мотор выключили, поток автомобилей иссяк, и из всех звуков осталось лишь его собственное дыхание.

И ужасающий шорох в глубине.

Крысы.

Джон невольно вздрогнул, перевернулся, провалившись еще глубже, и в ужасе застыл.

Конечно, на свалке должны быть крысы. Которые умеют кусаться. Которые могут серьезно ранить человека, даже, возможно, убить. Он невольно представил себе мохнатые отвратительные тела с острыми зубами и голыми хвостами, с повизгиванием копошащиеся в разлагающихся продуктах и мусоре в поисках добычи, и его тело стало словно само по себе извиваться от ужаса, да так, что едва не сломались связанные за спиной руки.

Может быть, если он будет вести себя тихо… Может быть, тогда они оставят его в покое. Он почти не осмеливался дышать, прислушивался, напряженно следил за каждым звуком, готовый бросаться из стороны в сторону, как только животное хотя бы прикоснется к нему, готовый кричать изо всех сил, чтобы прогнать его. Он был сама бдительность. Только это могло спасти его.

Он испугался, когда вдруг почувствовал руку на своем плече, и в тот же миг понял, что, должно быть, уснул. Вернулся шум машин, гул далекого механизма, вокруг раздавались шаги. Ему было так холодно, словно он провел ночь в холодильнике, его руки превратились в онемевшие мясистые придатки, а связанные ноги словно отмерли.

– Помогите! – прохрипел он, покачал головой и едва не задохнулся, почувствовав во рту тряпку, которая успела затвердеть и стать липкой. – Да развяжите же меня!

Над ним переговаривались люди. Дети. Один из них толкнул его ногой, как толкают лежащего зверька, проверяя, не сдох ли он.

– Да помогите же мне! – закричал он и принялся брыкаться, чтобы не оставить никаких сомнений в том, что он не сдох. Проклятье, пусть даже он не говорит по-испански – неужели так трудно понять, чего он хочет? – Развяжите меня, прошу вас!

Он снова почувствовал руки на теле, маленькие руки с ловкими пальцами, но они не развязывали узлы, не распутывали веревки, они обыскивали карманы его брюк и рубашки. В голосах зазвучало разочарование, когда руки не нашли ничего: ни бумажника, ни денег, ни ключей.

– Эй, проклятье! – взревел Джон, но дети не собирались помогать ему. Похоже, они совещались, потом их шаги удалились, шурша по мусору, и все его крики не вернули их обратно.

И он снова остался один, потерянный, чувствуя, как сбегают по телу струйки пота. Который, вне всякого сомнения, привлечет животных. Вообще, разве в его положении виновата не Урсула? Только потому, что она бросила его, он попал в ловушку своих похитителей. Если однажды его труп найдут здесь, она узнает об этом и ужаснется, и поделом ей.

Кто-то захныкал, и через некоторое время Джон понял, что это он сам. Дрожь охватила все его тело, связанные конечности болели, но он не мог сдержаться. Ему было очень плохо; наверняка все дело было в вони, навязшей на языке, проникшей в каждую пору его тела, угрожавшей разложить его. А еще теперь ему было жарко, ужасно жарко, язык пересох и распух, напоминая резиновый мячик во рту.

Шуршание приближалось. Шаги? Крысы? Пусть сожрут, какая ему разница. Но они не жрали его, они сожрали ремень на спине, а когда они сделали это, руки безжизненно обвисли вдоль тела, словно неживые, словно уже не принадлежали ему; кровь стучала и пульсировала, словно собираясь взорвать их.

Потом их зубы потянулись к горлу, но там они стали похожи на руки, развязывавшие, теребившие и тянувшие веревки, и наконец с него сняли мешок. От яркого света на глазах выступили слезы. Над собой он видел только бесконечный серый цвет, а на его фоне – размытое лицо темноволосой женщины.

– Урсула… – счастливо произнес он.

Урсула что-то сказала, и он удивился тому, что она говорит с ним по-испански. Когда боль отпустила икры, стало щекотно. Она протянула ему руку; у нее было широкое лицо ангела и темные, словно колодцы, глаза. Она помогла ему встать, помог и ребенок, находившийся рядом с ней, но стоять было больно, ноги болели, словно открытые раны, а когда он осмотрел себя, то заметил, что его ботинки пропали.

– Как подло, – сказал он ей. – Это были сшитые на заказ туфли за шесть тысяч долларов.

Она просто посмотрела на него, разрешила опереться на себя, и они медленно пошли вниз по склону мусорного холма к двери, на которой висела клетчатая тряпка. За ней было темно и тесно. Кто-то поднял ему голову и дал попить теплой воды с металлическим привкусом, но она намочила язык и горло, тело впитало ее, а когда стакан опустел, ему разрешили лечь и поспать.

Он то и дело просыпался от лихорадочных снов, выныривал из измерений страха и отчаяния, с криком вскакивал – и чувствовал руку, которая была рядом, укладывала его обратно, подносила к губам стакан воды. Мягкий голос, которого Джон не понимал, но тот говорил с ним успокаивающим тоном, пока он снова не проваливался в темноту.

Его сердце безумно стучало в этом времени без меры, используя удары половины жизни, чтобы выгнать яды из его кровеносной системы, чтобы убить возбудителя болезни, прогнать с потом кошмары. Он тонул в поту, колотил руками, слышал собственный плач, жалобы и стоны, пока забытье не уносило его обратно.

Она говорила с ним, пела ему странные песни. Это была не Урсула, нет. У этой женщины была бархатная коричневая кожа и печальный взгляд. Она охлаждала ему лоб влажными платками, когда ему было жарко, когда пекло глаза, а сердце грозило взорваться. И время от времени она клала руку ему на грудь и заклинала неведомых богов, пока веки не тяжелели и не возвращался сон.

Джон проснулся и почувствовал, что жар спал. Он ослаб, от малейшего усилия начинало колотиться сердце, но голова была ясной, тело легким, взгляд осмысленным. Он помнил, что произошло, и знал, что его спасли.

Там висела занавеска, которую он помнил, занавеска из клетчатой ткани, и она просвечивалась, поскольку снаружи был день и сияло солнце. Слышались голоса, далекие крики, близкие разговоры, сотни людей повсюду. Стучал металл, камни укладывали на камни, все были заняты. И все это было пронизано едким запахом мусора, дыма, разложения и гниения.

Воздух был грязным. Он сам был грязным. Кожа казалась жирной на ощупь, покрытой несмываемой пленкой, белье заскорузло и мешало двигаться, кожа головы немилосердно чесалась… Коснувшись подбородка, он обнаружил бороду, да еще какую, великий Боже! – сколько же он болел? То была уже не щетина, а мягкие длинные волосы настоящей бороды, какой у него никогда не было.

Он огляделся по сторонам. Жалкое пристанище из жести и картона, только стена прямо перед ним представляла собой обломок каменной постройки. Он лежал на единственной постели в комнате – узловатом и порванном матрасе, застеленном сверху серым одеялом. Рядом с ним стояли коробки из-под апельсинов и покосившаяся, поблекшая плетеная корзина с пожитками; образ Богоматери был единственным украшением на стене, под ним висел осколок зеркала, а на полу вдоль стены он увидел грязные зеленые бутылки с водой, коробку со сморщенными овощами и – довольно странный здесь предмет – пару туфель на высоких каблуках.

Застонав, он перевернулся, чтобы хоть немного разглядеть себя в зеркале, и увидел незнакомца. Впалые щеки, изможденное лицо, спутанные волосы, странная курчавая борода: его не узнала бы даже собственная мать. Должно быть, он провел здесь недели две, если не больше. Если тот человек, которого он видит в зеркале, действительно он. Если благодаря колдовству или запрещенной операции его душу не пересадили в тело другого человека – старого бродяги и сборщика мусора. Но до конца он уверен не был.

Занавеску отодвинули в сторону, слева упал широкий луч света, прогоняя живописное очарование его пристанища, безжалостно открывая его убожество. Джон, заморгав, оглянулся. Она. Та, кто спасла его, вытащила из мусора, освободила, взяла к себе и стала

ухаживать. Невысокая темнокожая женщина с широким лицом индианки, маслянистыми черными волосами, в простом платье непонятного цвета, она стояла в проеме и смотрела на него.

– Ты порядок? – спросила она.

– Да. Спасибо, – кивнул Джон. – Мне уже гораздо лучше. Большое спасибо, что подобрали меня; я уж подумал, что умру там, среди мусора.

Она слегка покачала головой, похоже, размышляя над тем, что он ей сказал, казалась обеспокоенной.

– Ты уходить, – сказала она потом. – Один час. Потом возвращаться. Окей?

Джон озадаченно посмотрел на нее, не будучи до конца уверенным в том, что верно понял ее.

– Я должен уйти на час?

– Да, один час, потом назад. Ложиться.

– Все ясно, – кивнул он. – Нет проблем. – Он сел и почувствовал, что это все же проблема. Ему пришлось опереться на каменную стену, пока не прекратилось темное мерцание вокруг. – Нет проблем, – повторил он упрямо и встал на ноги.

Потолок был слишком низким, чтобы стоять во весь рост, поэтому пришлось идти наружу, отодвинуть занавеску и, щурясь, выбраться на яркий дневной свет.

– Я тебя звать, – услышал он ее слова, увидел расплывчатую фигуру на головокружительно ярком фоне.

– Я понял, – произнес Джон, старательно кивая, и принялся пробираться вдоль невысоких, достигавших его бедер остатков стены. Некоторое время ему это удавалось, потом его ног коснулось животное – кошка, и он решил, что, пожалуй, лучше не слишком удаляться от хижины.

Ему еще было не совсем хорошо, нет. Он огляделся вокруг слезящимся взглядом в поисках места, где можно присесть. Густой дым обжигал нос и глаза, которые он потер тыльной стороной руки и при этом обнаружил, что дым исходит от открытого огня неподалеку. На нем стоял погнувшийся котелок, в котором что-то кипело, пахло овощами и кукурузой. Рядом, высунув языки, лежали две шелудивые собаки. Появилась согбенная старуха, помешала суп, прошипела что-то, но Джон не понял, было это адресовано ему или собакам. На всякий случай он встал и пошел дальше.

Это оказалось настоящее поселение у подножия горы: деревня из жести, брезента и деревянных досок, уложенных поверх строительного мусора, гор старой газетной бумаги и насыпей порванных пластиковых пакетов. Джон с удивлением наблюдал, как дети и взрослые, согнувшись, обыскивают склоны мусорной горы и залежи отходов, перебирают их в поисках того, что может иметь ценность, вроде металлолома, чтобы сложить его затем в кучи под присмотром других членов разношерстной армии сборщиков мусора, как вскрывают коробки, потрошат мусорные пакеты, выуживая на свет порванную одежду, старые аккумуляторы, бутылки, банки, разные мелочи. На старших были бейсболки, носы завязаны платками, руки в перчатках; дети носили джинсы и полосатые футболки. Они даже не выглядели особенно бедными, скорее как будто решили прогулять школу и провести время на мусорной свалке.

Внезапно мужчины, женщины и дети заволновались. Взвыл тяжелый мотор, послышался грохот и треск, и наконец на верхнем крае мусорного склона появился огромный грузовик. Он занял положенное место, в то время как внизу, вдоль склона, люди разбегались по своим местам, затем с пронзительным скрежетом поднялась платформа, и содержимое обрушилось вниз. Почему-то это выглядело очень абсурдно, как будто рог изобилия, полный благодеяний, высыпается на мусорных мародеров.

Тут же разгорелся отчаянный спор за лучшие вещи. Кто-то ухватил связку электрических кабелей, другой тащил прочь мешок одежды, третий взял побитую микроволновку. Выуживали бутылки, складывали в притащенные с собой пластиковые мешки. Похоже, здесь находили применение деревяшки любого размера; жестяные банки

сплющивали каблуком, прежде чем бросить в пакеты и мешки.

Только теперь Джон заметил полные фигуры, сидевшие на стопках матрасов или разбитых креслах, к которым шли собиратели, чтобы выложить перед ними добычу, взвесить ее и получить за нее деньги. Похоже, каждый из главарей отвечал за разные виды материалов: один за металл, другой за пластик, пышнотелая женщина скупала стекло, а толстый мужчина – дерево. Так что здесь все тоже продавалось за деньги, как и везде. Вероятно, он мог бы начать расспрашивать их, допытываться и в конце концов узнать, что все эти люди копаются в мусоре, собирают и сортируют его, чтобы внести свою лепту в его состояние. Ему стало плохо от вони, от самого места, от всего.

Кто-то крикнул. Джону потребовалось некоторое время, чтобы понять, что зовут его.

– Идти, – позвала от хижины женщина, замахала рукой.

Он поднялся, переступил через горы мусора, через поток коричневатой, поблескивающей маслянистыми пятнами жидкости, сочившейся из-под горы мусора. Он увидел, как за спиной женщины из хижины вышел мужчина, на ходу застегивая штаны, и понял, что она проститутка.

Лихорадка вернулась, выжигая его дотла и лишая его хозяйку возможности заработать. Один раз он проснулся ночью, увидел, как она зажигает свечу перед ликом Мадонны и страстно молится, и с лихорадочной уверенностью осознал, что она молится о его здоровье или о том, чтобы можно было по-хорошему от него избавиться. Просыпаясь днем, он видел мальчика, который сидел рядом с ним, клал ему на лоб мокрые платки и серьезно смотрел на него.

– Как тебя зовут? – спросил Джон.

– *Mande* ?[79] – ответил на это мальчик. Ему было лет семь или даже меньше, он носил короткие брюки и клетчатую рубашку, всю в пятнах.

Джон видел, как женщина сидит перед дверью и что-то готовит на костре, и, когда она приносила ему миску супа, голод оказывался сильнее предрассудков. Похоже, ей это нравилось, в любом случае она всегда улыбалась и давала добавки.

Жар вернулся, но перестал изнурять его, нужно было просто переждать, дать ему завершить начатое, и он спадал день ото дня. Вскоре Джон уже сидел рядом с ней, когда она готовила, смотрел на нее; а она постоянно разговаривала со своим ребенком, как будто то, что Джон находится здесь, было самой нормальной вещью на свете. Время от времени они обменивались парой слов с помощью ее ломаного английского и жестов. Он узнал ее имя: Марикармен Бертье. Она даже смогла написать его на маленьком кусочке картона, который он тщательно спрятал в карман.

– Я отблагодарю, как только смогу, – сказал он ей, не зная, поняла ли она. – У меня есть счет в каждом банке мира, можешь себе представить? Мне нужно только пойти и назвать себя, и я получу деньги. И тогда я тебя отблагодарю. Более чем.

Он говорил, а она помешивала что-то в кастрюле и жалобно улыбалась.

Наконец он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы уйти. Она сказала ему, что нужно идти на запад. Он еще раз поблагодарил ее и попрощался. Женщина стояла возле хижины, скрестив руки на груди, словно сдерживая себя, и смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Когда он добрался до дороги, рядом с ним остановился маленький грузовик, ехавший со стороны свалки, и ему разрешили сесть рядом с металлоломом на грузовой платформе. Грузовик в бешеном темпе несся по широким и узким дорогам, мимо бесконечных трущоб, по задымленным промышленным кварталам и бездушным районам высоток. На то, чтобы пройти это расстояние пешком, ему понадобился бы целый день, но в какой-то момент он

---

79 Чего тебе? (*исп.*)

понял, что понятия не имеет, куда едет машина и не уносит ли она его прочь от цели. И какова вообще его цель? Он постучал по стеклу и жестом попросил водителя остановиться.

И вот он стоит на обочине дороги, не зная, где находится, в городе, по сравнению с которым Нью-Йорк кажется обозримым, предоставленный сам себе. Он помахал вслед уносящемуся прочь грузовому автомобилю, из которого ему махнули голой загорелой рукой, а потом исчезло и это.

Он огляделся. Высокие неприветливые стены, потрескавшиеся рекламные щиты, зарешеченные окна. Те немногие люди, которые попадались на улицах, обходили его стороной, и, оглядев себя с головы до ног, он понял почему. Его когда-то элегантный светлый, сшитый на заказ костюм свисал с него клочьями непонятного цвета, у него на ногах не было туфель, а только дырявые носки, а воняет ли от него или нет, он давно уже перестал понимать. С нехорошим чувством он вдруг осознал: будет тяжело доказать, что он – самый богатый человек в мире.

В месте, похожем на автобусную остановку, к стене дома была прикручена табличка – простая деревянная доска с приклеенным к ней расписанием и большой картой федерального округа Мехико и окрестностей, в изучение которой и погрузился Джон. Судя по всему, он находился на севере города, вероятно, в той его части, которая называлась Аскапоцалько. Он попытался вспомнить путь, проделанный на грузовике, и пришел к выводу, что свалка находилась, должно быть, в Нецауалькойотле, местечке неподалеку от озера, называемого Текскоко.

Это означало, что теперь ему следует придерживаться южного направления. Он попытался на основании положения солнца и предположительного времени определить, где может находиться юг. На миг он призадумался, как бы организовать поездку на автобусе, но ничего не придумал. Ему потребуются многочасовая ванна, совершенно новый гардероб и деньги, чтобы можно было хотя бы подумать об этом.

Он повернул голову, когда увидел приближающуюся машину. То была полицейская машина. Конечно, полиция! Его наверняка ищут после похищения. Нужно просто обратиться к первому же полицейскому, чтобы избавиться от всех хлопот.

В этот миг под крышей дома распахнулось окно, пожилая дама высунула голову, показала на него пальцем и что-то прокричала. Полицейский автомобиль остановился, из него вышли двое мужчин и стали приближаться к нему важной походкой, держа наготове дубинки.

Было не похоже на то, что они идут к нему, дабы уменьшить количество его бед. Джон поспешил ретироваться в противоположном направлении и очень обрадовался, когда понял, что полицейские решили этим удовлетвориться.

Значит, это не самая лучшая идея. Обращаться в полицию – значит, снова отдать себя на произвол того, у кого есть оружие, а этого с него пока хватит. Ему вдруг вспомнилось замечание, оброненное кем-то из его телохранителей во время перелета: в Мехико нет ничего опаснее полиции. Нет, он будет действовать сам. У «Фонтанелли энтерпрайзис» есть филиал в Мехико, туда обратиться безопасно. Хотя он точно не знал, где находится офис, но наверняка в центре города. А туда он доберется и пешком.

И он пошел. Даже если ему потребуется целый день, что с того? Ему ничего не нужно, даже есть не хочется после продолжительного жара. Время от времени он обнаруживал фонтан или небольшой ручей, из которого делал несколько глотков, чтобы смыть пыль с горла; то, что у воды был противный привкус или что она маслянистая, его не волновало. Он брел вдоль улиц, движение становилось все более оживленным по мере продвижения, и он посчитал это признаком того, что идет в верном направлении. Он шел по живописным улочкам среди крохотных разноцветных домиков, перед дверями которых росли цветы, садовые травы в ржавых железных бочонках, и сохло белье на натянутых над дорогой веревкой. Дети играли здесь с кошками и с любопытством смотрели ему вслед, а одна женщина подозвала его, чтобы подарить пару стоптанных кед: подарок, от которого на глаза

у него навернулись слезы. Он прокладывал путь через бедняцкий квартал, где утоптанная земля была покрыта отходами, дома справа и слева представляли собой лишь наполовину готовые бетонные строения, из стен которых во все стороны торчала ржавая арматура, а в небе было полно телевизионных антенн и причудливо, вдоль и поперек натянутых кабелей. В темных углах копошились вшивые дворняги, некоторые дети были завернуты в одеяла: здесь он не выделялся. Потом он снова оказался в кварталах получше, где у домов имелись украшенные штукатуркой фасады или маленькие балконы во французском стиле, где перед церквями были красивые площадки, обставленные клумбами или толстыми пальмами. Дома постепенно росли, увеличивалось количество светящихся реклам и дорог, а когда он снова обнаружил карту города, на ней был изображен только центр, а окраин не было.

Здесь он впервые увидел множество попрошаек: изувеченных мужчин, сидящих на обочине улицы и жалко тянущих руку к каждому прохожему, женщин с запеленутыми детьми, донимавших мужчин в деловых костюмах по пути к автомобилю и отступавших только после получения монетки, детей в грязной одежде, каких он сам видел в трущобах, которые с жалобными криками окружали японских туристов. Жители города терпели попрошайничество, но по их лицам было видно, что они стараются обращать на него как можно меньше внимания.

Он нашел телефонную кабинку, где телефонный справочник сохранился настолько, что в нем он нашел адрес филиала, а также с помощью карты сумел определить его примерное местонахождение. Площадь Сан-Хуан, неподалеку от парка Аламеда, который было просто найти: когда он спрашивал кого-то, те радовались, что он хочет только узнать дорогу и не хочет денег; ему достаточно было последовать в направлении поспешно вытянутой руки.

– *Alameda? Allá!* [80]

Наконец он нашел офис – здание в колониальном стиле с узким фасадом, на котором красовалась темно-красная буква *«f»* на белом фоне, – и обнаружил, что тот окружен журналистами.

Мужчина за рулем радиопередвижки осушил банку колы до дна. Его кадык дергался при каждом глотке. Затем он раздавил банку руками и не глядя швырнул ее на улицу.

– Допустим, его труп плавает в каком-нибудь озере, – сказал он, обращаясь к женщине, стоящей рядом с открытой дверцей. – Как они собираются его найти? Мы так еще пять лет здесь проторчим.

– Пять лет мы торчать не будем, успокойся, – ответила женщина. Она была стройной, миниатюрной, с пышной волнистой шевелюрой.

Джон, который стоял позади них на улице и, как и они оба, смотрел на здание, понял, что говорят о нем. Его считали мертвым. Если сейчас он войдет в этот дом, то на него набросятся так, что в конце концов он еще пожалеет, что не умер.

– Именно в Мехико, – продолжал причитать мужчина. – Меня тошнит от этого города. Такое противное чувство в груди, я тебе говорю. Каждое утро, просыпаясь, я так кашляю, как будто совершенно зря отвык от курения. Слушай, ну что это такое? Тут бросаешь курить, а потом сидишь целыми неделями в городе, где на каждом углу воняет просто безбожно… – С этими словами мужчина внезапно обернулся, словно учуяв Джона. Скривил и без того перекошенное лицо. – Эй, Бренда, смотри-ка, у нас есть зрители.

Его коллега повернула голову и посмотрела на Джона. Того окатила горячая волна ужаса, когда он понял, что знает эту женщину. «Бренда Тейлор, Си-эн-эн», – подсказала ему бессмысленно хорошая память. Это она, сто лет назад, на первой пресс-конференции в доме Вакки спросила его, счастлив ли он оттого, что богат. И теперь она пристально смотрит

---

[80] Аламеда? Туда! (*исп.*)

на него…

Повинуясь спонтанному порыву, Джон втянул голову в плечи, простер руку и пробормотал примерно на том же сленге, который слышал от мексиканцев по телевизору:

– *Please, missis! Ten dollars, please, missis!* [81]

– О боже! – простонал мужчина. – Как я это *ненавижу* …

Она вдруг перестала пристально всматриваться в его лицо. Отвернулась, скрестила руки на груди и нервно прошипела, обращаясь к своему коллеге:

– Дай ему эти чертовы десять долларов, пусть исчезнет.

– Десять долларов? Это уж слишком, Бренда, остальные… – Он с отвращением полез в карман, выудил купюру и швырнул ее Джону. – Ну ладно, вот. А теперь убирайся. *Vamos* [82]. Проклятье, как я ненавижу этот город! – скрипнул зубами он и тоже отвернулся.

– *Gracias* , – пробормотал Джон, почти полностью исчерпав свои познания в испанском языке. – *Muchas gracias, seňor* [83]. – И с этими словами он убрался восвояси.

Через несколько улиц он отыскал небольшой переговорный пункт, под бело-голубой вывеской которого рекламировали *larga distancia* [84]. Несколько ступенек вели в комнату с низким потолком, где стоял телефонный автомат и сидел за прилавком толстый мужчина, за спиной которого висела карта Мехико. На стенах также висели толстые слои старых плакатов с концертов и богослужений. Офис был бедным, но достаточно чистым, чтобы мужчина посмотрел на него довольно подозрительно.

– Я могу позвонить отсюда? – спросил Джон и положил на прилавок десятидолларовую купюру. – За границу.

Брови мужчины снова опустились. Жадная лапа убрала купюру со стола, другая указала ему на два телефонных аппарата, висевших на стене.

– *Está bien. Dos minutes* [85].

Джон с благодарностью кивнул и взял трубку. Теперь, главное, не ошибиться. Он набрал код выхода за границу – 98, который невозможно было не заметить – надпись на всех языках красовалась на стене. Потом 1 для США.

И тут он остановился. Он хотел позвонить в нью-йоркский секретариат, чтобы его немедленно забрала служба безопасности. Но идея почему-то показалась ошибочной.

Мужчина за прилавком проворчал что-то, жестами велел ему продолжать набирать номер: «*ándele, ándele* !».

Нет. Это была плохая идея, неважно почему. Джон поднял руку, хотел уже нажать на рычаг, когда в голову пришла другая мысль, мысль, которой он последовал не задумываясь. Его палец набрал ноль, а потом цифры телефонного номера, который он не мог забыть, равно как и день рождения своего лучшего друга.

– Алло? – произнес голос Пола Зигеля.

42

Площадь Сокало являлась центром города, его главной гордостью. Она была велика,

---

[81] Пожалуйста, миссис! Десять долларов, пожалуйста, миссис! (*англ.*)

[82] Давай, иди (*исп.*).

[83] Спасибо. Большое спасибо, сеньор (*исп.*).

[84] Большие расстояния (*исп.*).

[85] Хорошо. Две минуты (*исп.*).

словно создана для парадов и демонстраций, опоясанная величественным собором и помпезным дворцом, большая и пустая, днем и ночью населенная прохожими, попрошайками, художниками, рисующими на асфальте, влюбленными парочками и фотографирующими туристами. Неиссякаемый поток транспорта омывал площадь, в центре которой развевался национальный флаг. Вечерами проходил гвардейский полк, чтобы спустить огромный флаг во время длительной церемонии, после этого тысячи ламп вдоль фасадов вокруг площади загорались, сливаясь и образуя впечатляющую ночную иллюминацию.

Джон казался себе незаметным. Он медленно обошел площадь, все время оглядываясь по сторонам, готовый убежать в любую минуту, но никто не смотрел на него, ничего не хотел. Он прошел вдоль бесконечного фасада *Palacio National* [86], углубился в изучение рельефа на соборе, прошелся через аркады, где расположились магазины, в которых продавались украшения или шляпы, ничего больше. Однажды он остановился перед витриной и задумчиво стал рассматривать украшение, лежавшее в ней, словно золото ацтеков, когда полная матрона с завитыми волосами вложила ему в руку несколько монет, настолько уверенно, что он не отважился возразить. За них на одном из лотков на перекрестке он получил тако, которое проглотил с волчьим аппетитом, а потом ощутил, что оно легло в желудок, словно кусок бетона.

Он чувствовал себя невидимым и удивительным образом свободным. За прошедшие недели с него, похоже, слетела вся шелуха цивилизации, все эти надоедливые правила личной гигиены, бесчисленные обязательства совместной жизни, которые он помнил только как нечто, что когда-то относилось к кому-то другому, о чем он только слышал. Делать было нечего, но ему не было скучно, он был доволен, что может присесть где-то, прислонившись спиной к стене, и спокойно смотреть в никуда. Время от времени он испытывал телесные потребности, но как-то приглушенно, как будто тело решило предоставить ему выбор, удовлетворять их или нет. Голод, жажда, усталость – все это было, да, но держалось где-то на заднем плане, никогда не становилось навязчивым или требовательным. Он находился в состоянии гармонии с собой и миром, которого не испытывал никогда, и почти хотел, чтобы Пол не приехал.

Но в какой-то момент он оказался там. Эта худощавая фигура в очках, которую ни с кем не спутаешь; он стоял перед главными вратами собора и, не обращая внимания на историческое строение, обыскивал взглядом площадь. Джон со вздохом поднялся и побрел к нему по широкой дуге, не привлекая к себе внимания, пока незаметно не добрался до друга.

– Привет, Пол, – произнес он.

Пол Зигель обернулся и уставился на него, сначала недоверчиво, потом, чем дольше смотрел, все более недоуменно.

– Джон?.. – прошептал он, так вытаращив глаза, что стало казаться, будто они держатся только благодаря стеклам очков.

– Неужели я так изменился?

– Изменился? – задохнулся Пол. – Боже мой, Джон, ты выглядишь словно факир, спустившийся с Гималаев после двадцатилетней медитации.

– И воняю как работник канализации, полагаю.

– После двадцати лет работы в канализации, да. – Он покачал головой. – Какое счастье, что я взял автомобиль напрокат.

Они выехали из города и двинулись на север с открытыми окнами, потому что иначе Пол не выдержал бы. Он взял с собой различные продукты: печенье, фрукты, напитки в бутылках и тому подобное, и он удивился, что Джон берет их весьма неохотно.

---

86 Национальный дворец (*исп.*).

– Все гигиенично, не сомневайся, – подчеркнул он.

– М-м-м… – произнес Джон.

Возле отеля, который Пол выбрал при помощи толстого и подробного путеводителя, они остановились.

– Во время перелета из Вашингтона у меня была куча времени, чтобы почитать, – извиняющимся тоном произнес он. – Можешь сейчас спросить меня все, что хочешь, у меня такое чувство, что я знаю Мехико как собственную квартиру. – Он уладил формальности, а потом протащил Джона в номер, где были теплая вода и ванная. – Я подумал, что это не повредит, после того как ты рассказал о свалке. И это тоже, – произнес он и вынул из сумки большую пластиковую бутылку специального жидкого мыла. – Таким пользуются подземные рабочие и, гм, мусорщики тоже.

Джон взял в руки ярко-красную бутылку, которая производила неизгладимое впечатление.

– Пожалуй, тебе можно доверить организацию чего угодно. Дай угадаю – чистая одежда у тебя тоже есть.

– В багажнике. Я принесу ее, пока ты окунешься.

– Ты гений.

Пол грустно улыбнулся.

– Ах, правда? Тогда почему я не богат и не счастлив? Давай, марш в ванную. Ты позоришь род человеческий. Да, и вот еще что: бороду я на твоем месте оставил бы.

После ванной и специального мыла Джон почувствовал себя словно заново родившимся. Белье, которое купил Пол, вполне подошло, а рубашки, брюки и открытые туфли подобрал так, что ошибиться было практически невозможно. Потом они сидели в крытом патио отеля, ужинали и обсуждали дальнейшие планы.

– Я прилетел в Сан-Антонио и пересек границу в Лоредо, – рассказывал Пол, – и если ты не назовешь мне причину, по которой не стоит этого делать, я этим же путем уеду обратно. Ах да, кстати, твой паспорт, – добавил он, вынул из кармана синий американский паспорт и передал ему через стол.

– Что-что? – Джон взял его, пролистал. На фото был мужчина с тонкой бородкой, Дэннис Юнг, родившийся 16 марта 1966 года в Рочестере. – Кто такой Дэннис Юнг?

– Хороший друг хорошего друга. Который не задает вопросов и не знаком с журналистами.

Джон посмотрел на казавшееся юным лицо.

– Думаешь, сработает?

– Тебе нужен паспорт, если хочешь перебраться через границу, ведь так? И я, честно говоря, потрясен тем, как хорошо подходит эта фотография к тебе, после твоей экскурсии на свалку. Даже представить себе не могу, чтобы таможенники что-то заподозрили.

– Хм… – примирительно пробормотал Джон. – Ну, если что не так… – Он спрятал документ в карман. – Спасибо.

– Пожалуйста, – ответил Пол. Налил себе немного вина, а потом наклонился вперед, держа бокал за ножку. – Тебе ясно, какой вопрос я должен задать?

– Совершенно ясно.

– Ты мог пойти в полицию.

– Да.

– Они все еще тебя ищут.

– Сильно на это надеюсь.

– По крайней мере, ты мог позвонить своим телохранителям.

– Я сначала так и хотел. – Джон шумно вздохнул. – Не могу объяснить. Это было… такое чувство. Можно сказать, вдохновение. Голос, посоветовавший мне незаметно исчезнуть и некоторое время скрываться.

Пол скептически посмотрел на него.

– Голос.

– Ну, не совсем голос, – признался Джон. – Точно не знаю, что это было. Такое чувство, оно иногда возникает, когда проводишь языком по зубам и тебе кажется, что они не в порядке, но потом ты смотришь в зеркало и ничего не видишь.

– Хм… – произнес Пол.

Джон собрал несколько крошек со скатерти.

– Бликер говорил о заказчиках. И это не дает мне покоя.

Квартира Пола в Вашингтоне напоминала ту, которая была у него на Манхэттене, причем настолько сильно, что некоторое время Джону казалось, будто он оказался не в каком-то определенном месте. Из окна больше не видно было Гудзона, видна была река Потомак, а вдалеке угадывался Капитолий, но мебель стояла та же; тот же изысканный вкус и почти такая же планировка.

– Та же самая строительная фирма, – произнес Пол. – Я полагаю, что гораздо выгоднее использовать проверенный строительный план.

Все прошло гладко. Они без проблем проехали Мексиканское нагорье, без проблем перешли границу в Лоредо и сели на ближайший рейс до Вашингтона. Возвращая автомобиль, Пол пожаловался сотруднику службы проката на запах, который во время поездки становился все хуже и хуже, и тот ответил, что, возможно, возникла проблема в системе вентиляции, предложил скидку и с облегчением вздохнул, когда Пол отказался; что ж, все прошло не так уж плохо.

– Кстати, я отпустил уборщицу, – заявил Пол, вернувшись с покупками на выходные. – Так что грязь за собой придется убирать самим, пока ты будешь здесь.

– Без проблем. – Джон устроился перед телевизором и смотрел новости.

Похоже, Маккейну удалось заставить банк «Ямачи» объявить о банкротстве и вовлечь японское правительство в финансовый скандал; постоянно повторялись кадры, на которых министр финансов то и дело кланялся и просил прощения. Говорили, что директор банка совершил самоубийство.

Об исчезновении Джона Фонтанелли спустя три недели упоминалось лишь мельком. Сообщалось, что специальная комиссия проверяет все сигналы от населения, но до сих пор никто не выдвигал никаких требований, по крайней мере достоверных. Похоже было на то, что в принципе никому ничего не известно.

– Что ты теперь собираешься делать? – спросил немного позднее Пол.

Они сидели за обеденным столом, прямо у окна с великолепным видом. Пол готовил, и блюдо получилось потрясающе вкусным, хотя и простым. Джон спросил себя, есть ли что-то такое, в чем друг его юности не достиг совершенства.

– Вчера, перед тем как я заснул, – рассказывал он, глядя вдаль на призрачный блеск реки, – мне пришла в голову мысль. Довольно страшная мысль, честно говоря, и больше всего мне хочется уничтожить ее на корню и забыть, но почему-то не получается.

– Мыслям это иногда свойственно.

– Это подозрение.

– Тоже недалеко ушло.

Джон принялся переставлять стакан по столу и симметрично укладывать нож и вилку.

– За несколько дней до того, как Маккейн послал меня в Мехико, – запинаясь, начал рассказывать он, – я как раз стал интересоваться бухгалтерией концерна. До сих пор меня это ни в коей мере не занимало, ясно тебе? Сперва я ничего не понимал, но потом то одно, то другое… В общем, я принялся задавать вопросы.

– Очень интересно, – сухо произнес Пол. – Похоже на серию «Династии».

– Пол, «Фонтанелли энтерпрайзис» заплатил миллиард долларов консалтинговой фирме. Миллиард долларов!

Пол озадаченно посмотрел на него, на какой-то бесконечный миг застыл, а потом расхохотался.

– И ты думаешь, – восхищенно воскликнул он, – что Маккейн поэтому решил убрать

тебя с дороги? Потому что ты его раскусил?

Джон мрачно посмотрел на него, наблюдая, как он буквально лопается от смеха.

– Что в этом такого смешного?

– О, Джон… – Он смеялся буквально *до слез* . – В принципе ты все тот же сын сапожника из Нью-Джерси. Для которого даже миллион – это больше, чем он может себе представить. О, Джон, это действительно здорово…

– Это значит, что мои подозрения нелепы?

– Нелепы? – смеялся Пол. – Более чем нелепы, для этого и слова-то нет…

Джон откинулся на спинку и стал ждать, пока Пол возьмет себя в руки.

– Я рад, что хоть немного повеселил тебя, – произнес он потом, – но мне тоже хотелось бы посмеяться.

– Джон, – начал Пол, все еще вытирая слезы в уголках глаз, – ты заинтересовался бухгалтерией. Тогда наверняка сможешь назвать мне пару элементарных чисел. И с их помощью мы проведем некоторые элементарные рассуждения. К примеру, каков был оборот концерна в прошлом году?

Джон наморщил лоб.

– Чуть больше 2,4 триллиона долларов.

– А *operating profit?* [87] То есть валовой доход.

– Почти 180 миллиардов долларов.

Пол отметил для себя эти числа.

– Что ж, – произнес он, – не самый блестящий показатель, но для концерна таких размеров вполне терпимо. Сколько всего сотрудников у «Фонтанелли энтерпрайзис»?

– Семь с половиной миллионов.

– Больше, чем население Финляндии, кстати. А каковы общие расходы на персонал?

Джон пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Хм, – произнес Пол. – Если не зарываться, то примерно полтриллиона долларов в год. Зависит от доли дешевой рабочей силы. – Он усмехнулся. – И ты думаешь, что Маккейн хоть пальцем пошевелит из-за какого-то жалкого миллиарда? Не говоря уже о том, чтобы строить зловещие планы? Я тебя умоляю.

Джон кивнул. В принципе, он испытал облегчение от того, что услышал это. Внезапное недоверие к Маккейну тяжким грузом лежало у него на душе, хотя он этого и не осознавал.

– Думаю, ты прав. В том, что касается сына сапожника. Вообще-то я привык самое большее к понятию «миллион». Миллиард за консультации – боже мой, подумал я, какие чудовищные деньги…

– Мне эта сумма кажется скорее скромной, – произнес, покачав головой, Пол. – Я все время спрашивал себя, как Маккейн со всем управляется. За столь малое количество лет поднять такой концерн…

– У него ведь были в распоряжении мои деньги, – заметил Джон.

– Тогда подумай, где бы ты был сейчас один, – посоветовал Пол. – Нет, это уже само по себе такое достижение, которое не так-то просто повторить. Согласен, он не самая приятная личность. Но Генри Форд тоже таковой не был. – Он задумался. – Так, с ходу, мне не приходит в голову ни один крупный предприниматель, который не имел бы хотя бы одного большого изъяна. Думаю, такова цена.

– Хм, – произнес Джон. Настоящего удовлетворения он не чувствовал. Было еще что-то, какая-то деталь, которая ускользнула от его внимания, но тем не менее казалась важной. Какая-то взаимосвязь, но, проклятье, он понятия не имел, где ее искать!

– Это говорит скорее в его пользу, что он приглашает консультантов, несмотря на то что его не вынуждает к этому кризис, – продолжал разглагольствовать Пол, и сейчас

---

87 Операционная прибыль (*англ.*).

казалось, будто он читает лекцию перед заинтересованной аудиторией экономистов и исследователей. – Как раз в такой позиции, как у Маккейна, возникает опасность, что человек будет мало прислушиваться к критике и станет пытаться судить самостоятельно. Вследствие чего он теряет контакт с реальностью, не замечая этого, и постепенно принимает все больше и больше глупых или опасных решений. Очевидно, он осознает эту опасность. Сохранять внутри предприятия культуру критики – это очень сложное дело, а в предприятии таких размеров, как «Фонтанелли энтерпрайзис», практически недостижимое. Консультант извне представляет собой – именно потому, что ему платят за то, что он будет критиковать, – необходимый в таких ситуациях компромисс. А для управления щекотливыми проектами зачастую лучше привлечь внешних экспертов, которым может быть все равно, будут ли его любить по окончании проекта или ненавидеть…

– У меня было такое чувство, что мы финансируем всю отрасль, – признался Джон, слушавший друга краем уха.

– О, это вряд ли, но порядочную ее часть, – снова взял слово Пол. – Можешь меня пристрелить, но в голове у меня крутится цифра в сорок или пятьдесят миллиардов, что касается общего оборота консультационной отрасли во всем мире. Как же называются фирмы? Я полагаю, что гиганты этой отрасли достаточно хороши: «Маккинси», «Андерсон», «КПМГ»…

– Нет. Фирма была только одна. «Каллум консалтинг».

– «Каллум»? – удивился Пол. – Никогда не слышал.

Джон наморщил лоб.

– Судя по всему, ты не в курсе, так?

– Судя по всему, – кивнул Пол и встал. – Ты извини, но я этого так не могу оставить.

Он поднялся вверх по винтовой лестнице, которая вела в крошечный кабинет. Джон последовал за ним, и они вместе включили компьютер. Отсюда сверху открывался хороший обзор велосипедных дорожек и садов.

– Есть несколько экономических справочных агентств, которые работают на МВФ, – пояснил Пол, устанавливая соединение с Интернетом. – Я сейчас зайду на страницу одного из них, и вообще-то я должен попросить тебя отвернуться, когда буду вводить пароль.

– Еще что-нибудь? – проворчал Джон.

На экране показалась домашняя страница с эффектным гербом. Пол ввел свои данные, затем появилось сообщение о том, что устанавливается защищенное подключение. Песочные часы переворачивались снова и снова.

– «Каллум консалтинг». – Джон смаковал название фирмы. – Что-то крутится в голове все время, только не могу понять что. Что это вообще такое – Каллум?

Пол пожал плечами.

– Думаю, это имя. Шотландское, если не ошибаюсь.

– Имя? – О, проклятье! Почему-то это было важно. Монетка, но она повисла в воздухе, вместо того чтобы упасть.

Пол ввел запрос.

– В первом полугодии в Гарварде я делил комнату с одним типом, которого звали Каллум, – рассказывал он. – Тот еще нахал. Его отец был успешным адвокатом, но, думаешь, я вспомню его фамилию?

– Маккинли? – продолжал рассуждать вслух Пол. – Нет, не Маккинли.

Внезапно Джону показалось, будто по всему его телу пронеслась горячая волна. «Я не особенно изобретателен в том, что касается названий моих фирм; я называю их всегда по именам членов семьи».

– Маккейн, – вырвалось у него.

– Нет, точно не Маккейн, это бы я…

– Отца Маккейна звали Филипп Каллум Маккейн, – выдохнул Джон. – Поэтому «Каллум консалтинг». Его мать зовут Рут Эрнестина, и его брокерская фирма называется «Эрнестина инвестментс». Он распустил ее, но я никогда не спрашивал, есть ли у него еще

одна фирма…

– Что? – непонимающе переспросил Пол.

В этот момент на экране появился результат запроса, и они получили ответ черным по белому. «Каллум консалтинг» представлял собой консультационную службу по вопросам менеджмента со штаб-квартирой в Гибралтаре. По правовой форме она была фирмой, принадлежащей одному владельцу, насчитывала аж целых десять сотрудников, и единственным собственником и управляющим был Малькольм Маккейн.

До Рождества оставалось около трех недель, и Артуро Санчез не знал, любить ему это поручение или ненавидеть.

– Подождите здесь, – произнес адвокат, обращаясь к шоферу небольшого автомобиля.

Мужчина наморщил нос, что Санчез вполне понимал. Воняло невыносимо. И лучше не стало, когда он вошел на территорию свалки и принялся опрашивать *pepenadores* – нищих, живущих там, которые таращились на него, как на осла с двумя головами.

Наконец он добрался до покосившейся от ветра жестяной хижины у подножия горы мусора и смог спросить молодую, изнуренную работой женщину в заскорузлых от грязи одеждах:

– Вы Марикармен Бертье?

И она сказала:

– Да.

Санчез с облегчением вздохнул. Наконец-то.

– Это вы примерно четыре недели назад спасли из груды мусора мужчину и взяли его к себе, поскольку тот был болен?

Та нерешительно кивнула.

– *Americano* [88]. Мой сын нашел его. Я думала, он умрет от лихорадки, но он не умер. Матерь Божья хранила его. – Она подняла руки. – Но его уже нет. Примерно неделю назад он ушел.

– Да, я знаю. – Артуро Санчез огляделся по сторонам. – Мы можем куда-нибудь… Ах, какая разница! – Он положил чемодан на ближайший камень и открыл блестящий замочек, достал блокнот и ручку, протянул их ей. – Пожалуйста, напишите свое имя на этом листке бумаги.

Похоже, она смутилась, но в конце концов написала свое имя. Адвокат достал фотокопию, которую ему прислали, сравнил почерки. Это была она, без сомнения.

– *Señora* [89] Бертье, – сказал он, – человека, за которым вы ухаживали, зовут Джон Фонтанелли, и он поручил мне найти вас. Он желает поблагодарить вас за то, что вы спасли ему жизнь. И поскольку он человек богатый, то хочет кое-что вам подарить.

Откуда-то появился маленький мальчик и спрятался за юбку матери. Санчез замер и посмотрел на них обоих, как они стояли посреди этой нищеты. Видит Бог, они это заслужили.

– Кое-что подарить? – удивленно переспросила она.

Санчез кивнул и достал документы.

– Речь идет о квартире в новом поселении Сан-Розарио, единовременной сумме на покупку мебели, одежды и тому подобного и щедрой ежемесячной ренте до конца ваших дней. Мистер Фонтанелли просил вам передать, что он был бы счастлив, если бы вы приняли его подарок. Ваш сын смог бы ходить в школу, – добавил он.

– В школу? – удивленно повторила она. Она огляделась по сторонам и, похоже, впервые осознала, в каком окружении жила до сих пор. На лице ее мелькнул ужас.

---

[88] Американец (*исп.*).

[89] Сеньора (*исп.*).

Санчез положил документы обратно в карман. Все это подождет.

– У меня автомобиль наверху, – сказал он. – Если хотите, можете уйти прямо сейчас.

43

В субботу, 29 ноября 1997 года, в Лондоне было холодно и промозгло. На город лег туман, проглотив верхушки высотных домов, силуэт Тауэрского моста казался костлявым призраком, удары Биг-Бена звучали жутковато. В такой день никто без нужды старался не выходить из дома.

Около полудня из-за тумана показалось солнце – светящийся белым диск в белой пелене, выкатившийся из широкой Темзы. Сити с его прохладными, древними и почтенными фронтонами зданий и величественно возвышающимися строениями казался покинутым, в нем виднелись только полицейские, которые ходили кругами, высоко подняв воротники, и время от времени – мужчины в костюмах из дорогого сукна, торопливо спешащие к ближайшей станции метро. Поэтому привратник, несший службу на первом этаже здания «Фонтанелли энтерпрайзис», поднял голову от газеты, когда перед подъездом остановилось лондонское такси, которое ни с чем не спутаешь.

Из такси вышел мужчина. На нем была темно-зеленая куртка с капюшоном, и, не удостоив отъезжающее такси даже взглядом, – что, по давнему наблюдению сторожа, делал почти каждый, – он пошел прямиком к зданию. В его движениях читалась решимость, внушавшая почти страх. Он напоминал танк в человеческом обличии, намеренный вломиться через центральный вход, будь он хоть сто раз из пуленепробиваемого стекла. Сторож отложил газету в сторону и положил руку на тревожную кнопку.

Он едва заметно перевел дух, когда мужчина остановился, чтобы набрать код доступа, что должен был делать каждый сотрудник вне обычных часов работы. Но замок не щелкнул. Вместо этого на пульте загорелась красная лампочка. Значит, неверный код.

Сторож нахмурил лоб. Лучше всего позвать сотрудника службы безопасности, ведь так? Тот выйдет и посмотрит на этого парня повнимательнее.

Мужчина попытался еще раз, снова безуспешно. Потом сдался, подошел прямо к окну, постучал в стекло и откинул капюшон.

– Мистер Фонтанелли! – вырвалось у сторожа.

Лично босс. Которого весь мир ищет в Центральной Америке. Которого уже считали погибшим, и вот он стоит прямо под окном! Сторож махнул рукой, что сейчас откроет, лично и немедленно, торопливо обошел пульт, вставил карту-ключ во внутренний замок и открыл двери, чтобы впустить его вместе с волной влажного холода.

– Мистер Фонтанелли, какая радость… Я не знал… Я думал, вы…

– Да, спасибо, – ответил Джон Фонтанелли. – У меня все в порядке.

Сторож все никак не мог перевести дух.

– Мне очень жаль по поводу кода доступа, – заверил он. – Мистер Маккейн приказал заблокировать ваш код на всякий случай…

– Активируйте его снова, пожалуйста.

– Я… ну, его сегодня нет, мистера Маккейна, я имею в виду…

– Я знаю, – ответил Джон Фонтанелли.

– Он в Копенгагене, знаете ли, на присуждении…

– …премии Геи, – кивнул Фонтанелли, – я знаю. Скажите, сколько сейчас в здании сотрудников службы безопасности?

Сторож заморгал.

– О, – произнес он, удивленный вопросом, – думаю… полагаю, обычная смена выходного дня. Думаю, человек двенадцать.

– Позовите их, – приказал Фонтанелли. Указал на красный телефон, стоящий на стойке сторожа. – И пусть возьмут с собой то, что у них есть из отмычек, ломов и прочего.

Музыканты во фраках настраивали свои инструменты. Пожилой мужчина в ливрее ходил через зал и поправлял стулья, пока они не выстроились как под линейку. Осветители прокладывали кабели вокруг штативов и переговаривались с людьми телевизионной команды. Две художницы наносили последние штрихи на декорацию: искусно драпированный флаг с логотипом премии Геи. Посреди всей этой суеты стояли три африканки в роскошных праздничных нарядах и пытались понять, чего хочет от них церемониймейстер. Эти три женщины были представительницами лауреата этого года – женской инициативной группы, которая начала удивительный проект по восстановлению леса на краю области Сахель и провела его собственными силами.

Маккейн сидел в кресле в заднем ряду и наблюдал за приготовлениями к торжественному вечеру. Замок Кристиансборг, обширное, внушающее благоговение здание, откуда было видно гавань, представлял собой вполне подходящее место для торжества: здесь заседал фолькетинг, парламент Дании, а также верховный суд; роскошные и величественные королевские залы подходили идеально. К сожалению, не удалось уговорить ее королевское высочество Маргариту II, милостью Божьей королеву Дании, вручить премию; теперь эту задачу возложили на старшего из членов жюри. Впрочем, королева и принц-консорт будут присутствовать на праздничной церемонии, и Маккейн настойчиво вдалбливал команде телевизионщиков, чтобы они снимали их как можно больше во время вручения премии. Приглашения были разосланы во все организации мира, занимающиеся защитой окружающей среды, и большинство из них не заставили себя долго упрашивать; в лучших отелях Копенгагена, наверное, никогда не видели столько гостей, рассуждающих о защите окружающей среды, как в эти выходные. «Фонтанелли энтерпрайзис», положившись на проделанную рекламно-информационную работу, во время оформления праздничного мероприятия решила поставить на скромность; тому, кто хотел увидеть темно-красную букву *«f»* , пришлось бы долго ее искать. Маккейн, с учетом прискорбного отсутствия Джона Фонтанелли, должен был произнести лишь короткую приветственную речь.

Итак, все шло наилучшим образом, когда рядом с Маккейном появилась секретарша.

– Звонок из Лондона, – сказала она и протянула ему бумажку.

Примерно в этот самый миг, стоя перед дверью офиса Маккейна, оснащенной кодовым замком, Джон Фонтанелли сказал, обращаясь к десяти сотрудникам службы безопасности с ломами в руках:

– Взламывайте.

Маккейн прочел записку.

– Фонтанелли? – прошипел он и недоверчиво уставился на женщину.

Она кивнула.

– Он так сказал.

– В Лондоне?

Та только пожала плечами.

Это произошло примерно в тот же самый миг, когда тяжелая дверь в Лондоне поддалась и открылась. Джон Фонтанелли вошел в комнату, находившуюся прямо за ней, указал на ящики письменного стола и оббитый деревом шкаф и произнес:

– Взламывайте. Все.

– Позвоните в аэропорт, – шепотом произнес Маккейн. – Пусть подготовят самолет. Я собираюсь вернуться как можно скорее.

И вот он сидел, перелистывая толстенные папки, читал названия фирм, о которых никогда не слышал, производственно-экономические термины, о которых имел лишь весьма смутное представление, видел непонятные кривые на исписанных загадочными числами бумагах, с трудом разбирал примечания и краткие тезисы, набросанные грубым почерком Маккейна, проглядывал факсы, тексты договоров, графики и копии писем. Чтобы в конце концов сложить, нахмурив лоб, документы в кучу других таких же, которые он уже вытащил

из ящика и в которых понял столь же мало.

Он не представлял себе, что это будет так трудно. Его бурная решимость улетучивалась с каждой минутой, которую он проводил за столом Маккейна со взломанными ящиками, демонстрировавшими ему свои потайные замки и лопнувшую деревянную обшивку. Погнутую дверь оставалось только прислонить к стене, за ней он слышал негромкие голоса охранников, очень удивленных бурной деятельностью, которую он развил за прошедшие полчаса. Буря улеглась. Сейчас его наполняло только отчаяние: ощущение того, что он оказался непроходимым идиотом.

Он поднял голову. По ту сторону стеклянной стены царило белое ничто, сквозь него лишь призрачным контуром проступало соседнее здание с окнами, которые, казалось, смеялись над ним. Что он ожидал здесь найти? Или, точнее сказать, как он мог ожидать найти здесь что-то изобличающее? В этих документах могли открыто декларироваться величайшие заговоры, самые страшные интриги, хитрейшие обманы – он ничего бы не обнаружил.

Шкаф с документами. Когда открыли все двери, он оказался настоящим монстром. Джон изучал каталог, тщательно составленный указатель папок, всю внушающую почтение систему, которой нельзя было ожидать от Маккейна, учитывая состояние его автомобиля или его изобретательность в отношении ежедневного выбора галстука, точнее сказать, абсолютное отсутствие изобретательности. Но один взгляд в этот с безжалостной дисциплиной ведущийся архив открывал целеустремленность, от осознания которой захватывало дух, почти чудовищную одержимость миссией, для выполнения которой ни одна жертва не была слишком велика, ни личная, ни какая бы то ни было в принципе.

Вот, папка об «Эксоне». Джон прикоснулся к ней, спросил себя, что он может обнаружить там, и решил ее не трогать, посмотреть позже, а затем он увидел корешок, наполовину скрытый тенью от верхней полки, с надписью «Фонтанелли, Джон».

Он вынул папку, открыл ее. В ней оказалась вся его жизнь – аккуратно собранный отчет нью-йоркского детективного агентства «Дэллоуэй».

> *Джон Сальваторе Фонтанелли родился 1 сентября 1967 года в Бриджуотере, Нью-Джерси, сын мастера-сапожника Франческо Фонтанелли и Джанны Фонтанелли, урожденной Вентура. Два старших брата: Чезаре, родился в 1958 году, и Лино, родился в 1961 году, оба бездетны. Отец 1936 года рождения, единственный ребенок Энрико Фонтанелли, в 1932 году бежавшего от преследования Муссолини в США …*

И так далее, и тому подобное.

> *В данный момент работает на развозе пиццы в «Супер-пицца-сервисе», владелец Г. Мурали. Видимого желания что-либо менять нет.*

Это Дэллоуэй, кем бы он там ни был, подметил чертовски верно. Джон пролистал отчет. Копии школьного аттестата, фото с ним, разъезжающим на велосипеде по Манхэттену, даже копии его жалких выписок со счета, пока тот у него еще был. Документы о его родителях, его братьях, и смотри-ка, Элен три года лечилась у психотерапевта! Об этом Чезаре никогда ничего не говорил.

И, конечно же, протокол допуска к полетам для Лино. Он задумчиво пролистал страницы, пока не добрался до последней, на которой и тогда, и сейчас было написано: «бесплоден».

Одно слово, развязавшее войну между братьями.

Ну что ж. Он снова захлопнул папку и хотел уже было поставить ее обратно, когда его взгляд упал на другую, стоящую за его досье, из-за чего она сразу не бросилась в глаза.

– Ну-ка, – негромко произнес Джон и достал вторую папку. Открыл ее. Прочел.

Это было написано сразу на первой странице, по-итальянски, но решающее слово,

краткое решающее предложение было подчеркнуто красным, с восклицательным знаком на полях. Джон прочел его, еще раз и еще, поскольку скорее был готов усомниться в своих языковых познаниях, чем в том, что читали его глаза и понимал его рассудок, но с каждым прочтением от мира, знакомого ему, отламывался кусочек, пока от него не осталось ничего, кроме зияющей пропасти.

Торжественная колонна черных лимузинов. Атака мужчин в серых костюмах. Малькольм Маккейн, директор крупнейшего концерна в истории человечества и самый высокооплачиваемый управляющий мира, воинственным шагом направлялся к главному входу, который привратник поспешил открыть перед ним.

– Где он? – прошипел тот.

– Наверху, сэр, мистер Маккейн… – пролепетал мужчина в служебной ливрее.

– Вызовите мне лифт.

Когда сторож торопливым шагом бросился выполнять поручение, Маккейн сказал, обращаясь к своим сопровождающим:

– Я разберусь сам, подождите меня здесь.

Затем прозвучал гонг, и сверкающие серебристые двери лифта открылись.

Наверху стояли, застыв, сотрудники службы безопасности, когда Маккейн вышел из лифта, некоторые вытянулись, словно собираясь в следующий миг отдать честь. Маккейн проигнорировал их, глядя только на дверь, погнутую и разбитую, висевшую на петлях. Он прошагал к ней, толкнул в сторону и вошел в свой офис, вот уже на протяжении двух лет представлявший собой истинное сосредоточие власти на этой планете.

За его столом с опущенными плечами сидел Джон Фонтанелли. Ящики были взломаны, то же самое касалось и шкафа с документами. Бумаги неаккуратными стопками были разложены по всему офису, ковер усеян щепками.

– Могу я, – с трудом сдерживаясь, произнес Маккейн, – узнать, что здесь происходит?

Джон Фонтанелли устало поднял взгляд. Глаза у него были запавшие, он был бледен, словно повстречался с призраком, более того, как будто сверхъестественное явление предсказало ему раннюю и насильственную смерть. Он заговорил, но после первых же слов вынужден был откашляться и начать сначала.

– Поэтому я и пришел, – сказал он. – Чтобы узнать, что здесь происходит.

Маккейн скрестил руки на груди, демонстративно огляделся по сторонам.

– Это вы? Это вы велели взломать все мои шкафы?

– Да, – просто сказал Джон.

– Могу я узнать зачем? И могу я узнать, – с ледяной яростью продолжал он, – что, черт побери, вы вообще здесь делаете? Откуда вы так внезапно взялись, когда весь мир полагает, что вас похитили в Мехико? И вы, возможно, вообще давно уже мертвы?

Джон почесал подбородок.

– Мертв, да, – примирительно произнес он. – Еще бы чуть-чуть…. – Он устало потянулся к папке, лежащей на столешнице, и придвинул ее к Маккейну. – Вы знаете, что это такое?

Тот бросил неохотный взгляд.

– Понятия не имею.

– Это досье, которое я нашел в вашем шкафу. Кстати, прямо за досье, собранном на меня. – Он повернул папку так, чтобы была хорошо видна надпись на корешке. – Что совершенно неудивительно, учитывая алфавитный порядок.

На рейтере значилось: «Фонтанелли, Лоренцо».

– И что? – злобно поинтересовался Маккейн.

Джон открыл папку.

– Первый документ в ней, – со вздохом пояснил он, – это дневник истории болезни. Похожий на тот медицинский отчет, который вы раздобыли на моего брата, одному небу известно как. Отчет на итальянском, но пометки не заметить невозможно – полагаю,

они сделаны вашей рукой и указывают на то, что это важно. – Он постучал пальцем по подчеркнутой строке. – Здесь написано: «Аллергия на пчелиный яд – опасность анафилактического шока».

Маккейн молча смотрел на него. В рано наступивших сумерках один его вид внушал страх. Казалось, он заполнял собой всю комнату и был способен удушить кого угодно, если захочет.

– Я идиот, – произнес Джон. – Я это признаю. Мне можно рассказывать все, что угодно: я не задаю вопросов, не замечаю несовпадений, а обман и подавно не различаю. Я настолько наивен, что, должно быть, трудно сдерживать смех, когда смотришь на меня. В общем, идиот. – Он взял папки и положил их перед собой. – Но когда передо мной предстают факты, ясно и отчетливо, когда мне, кроме всего прочего, дают достаточно времени и, может быть, пару раз ударят по голове тяжелым предметом, тогда даже я понимаю, какая идет игра.

Он встал с таким трудом, словно на плечах у него лежала тонна груза.

– Вы двадцать пять лет готовились к решающему дню. Конечно же, вы, равно как и Вакки, наблюдали за возможными наследниками. Вы наблюдали за мной, а когда появился на свет Лоренцо, вы стали наблюдать за ним – что он за человек, как развивается, что собирается делать в жизни. – Джон горько рассмеялся. – Лоренцо не повезло в том, что он был слишком умен, слишком самостоятелен, слишком сообразителен. Он был вундеркиндом, к тому же еще и признанным. Должно быть, вы поняли это и пришли к выводу, что никогда не сможете руководить этим мальчиком. Лоренцо был человеком, который разработал бы свои планы для применения наследства, да еще и *хорошие* планы. Он был гением в математике, производственно-экономические расчеты были для него как семечки. Он быстро научился бы обращаться с деньгами и властью – если не он, то кто же? Лоренцо вы были бы не нужны. Весь ваш прекрасный план, все ваши приготовления оказались бы бесполезны, если бы Лоренцо унаследовал триллион. Поэтому вы решили, что лучше будет сделать наследником простодушного, ни к чему не способного сына сапожника из Нью-Джерси.

Маккейн по-прежнему молчал. Сумерки наступали, но в высокие окна проникало еще достаточно света, чтобы можно было увидеть, что глаза Джона Фонтанелли полны слез.

– Лоренцо был истинным наследником, – прошептал Джон, – и вы убили его. Это он – наследник, о котором сказано в пророчестве, человек, который мог бы вернуть человечеству утраченное будущее. У него было все, что необходимо для этого. Я все время подозревал, что это не я, и я никогда им не был – я просто пешка в вашей игре, Маккейн. Вы убили истинного наследника, потому что хотели любой ценой воплотить в жизнь свой план.

Его шепот отдавался в темных уголках комнаты странным эхом, похожим на шипение змей.

– Джон, – медленно произнес Маккейн, – вы в этом сами себя убедили.

Казалось, Джон Фонтанелли не слышит его.

– Не знаю, как вы сделали это. Как можно убить кого-то при помощи пчел? Мне представляется банка с завинчивающейся крышкой, а в ней – свежая, сладкая, сочная груша, может быть, с парочкой крошечных отверстий для пчел. Я представляю себе человека, который хватает тщедушного мальчишку и засовывает ему в рот грушу, полную пчел. Не знаю, как это сработало. Вы общались с Лоренцо? Заговорили с ним под каким-то предлогом, чтобы выяснить, как с ним расправиться? Может быть, вам тоже досталась пара укусов, ну и что? Вы знали, что от пчелиного яда Лоренцо умрет, как вы всегда знаете все и о каждом, с кем имеете дело. И он умер, как раз вовремя, до назначенного дня, потрясающе неподозрительным образом.

Воцарилась немая тишина, в которой слышно было только дыхание Джона, похожее на тихое всхлипывание.

Наконец Маккейн осторожно откашлялся.

– Нет, Джон, так не пойдет. Прежде чем выдвигать против кого-то столь тяжкие обвинения, вы должны убедиться, что все вами сказанное вы сможете доказать.

– Ага, – задумчиво кивнул Джон.

– А вы не сможете, Джон, – добавил Маккейн. – Ничего этого вы не сможете доказать.

Джон шмыгнул носом.

– Где вы были в тот день, когда умер Лоренцо?

– Не будьте глупцом, – несдержанно ответил Маккейн. – Конечно же, я не помню. Но не сомневаюсь, что достаточно заглянуть в старый еженедельник, и я смогу восстановить события.

– Дело может быть пересмотрено.

– Нет никакого дела. Вы прямо помешались, Джон.

– Если посмотреть бронь в авиакомпаниях, можно установить, когда вы были в Италии. – Он запнулся. – Но если вспомнить, насколько легко я улетел из США по поддельному паспорту, то, вероятно, это не имеет смысла, да?

Маккейн кивнул.

– Вы ничего не сможете доказать. Потому что доказывать нечего.

– Вы правы. Я не смогу это доказать, – сказал Джон и включил настольную лампу. – Но вы сделали еще кое-что, настоящую глупость, и ее я смогу доказать. – В его голосе вдруг звякнула сталь, и движение, которым он вынул из пиджака сложенный лист бумаги, было похоже на удар лапы пантеры. – Вы оплатили консультационные услуги общей стоимостью в миллиард долларов фирме «Каллум консалтинг». Фирме, которая принадлежит вам. Любой суд на этой планете усмотрит в этом по меньшей мере нелояльность работодателю, а значит, тяжкое нарушение трудового договора управляющего, что оправдывает немедленное увольнение.

Маккейн оглянулся. Словно из-под земли вдруг выросли в дверях и вдоль стены сотрудники службы безопасности. Включение настольной лампы было сигналом, о котором они условились с Джоном.

– Вы уволены, Малькольм, – ледяным тоном произнес Джон. – Если у вас еще остались личные вещи в письменном столе, вы можете сейчас забрать их с собой. А затем господа проводят вас к выходу. – Он бросил на него полный презрения взгляд. – Ну, да вы знаете процедуру.

44

А потом он остался один. Один отвечал на вопросы прессы. Один сидел в комнатах по ту сторону мраморного барьера и пытался управлять концерном, который знал только схематично. Один читал договоры, беседовал с сотрудниками, проводил совещания, принимал решения. Один сидел за огромным столом в огромном конференц-зале, обедал и обводил взглядом зимнюю панораму финансового центра Лондона, одиноким и бесспорным королем которого он был.

Прессе Джон рассказал о похищении в целом так, как представлял себе это сам. Только умолчал о деталях своего неожиданного возвращения в Великобританию; ему помог друг, так он сказал, и этого должно быть довольно. Он упомянул о встрече с Рэндольфом Бликером и о том, что тот утверждал, будто действует по чьему-то поручению. А еще он рассказал о неделях, проведенных на мусорной свалке.

То были минуты, во время которых царила взволнованная, необычная для пресс-конференции тишина.

– Я поручил адвокату найти ту женщину. Она сможет подтвердить мои слова, к примеру то, что, когда она меня нашла, я был связан, – сказал Джон. – Хотя главной причиной моего поручения стало не это. Главная причина в том, что я хотел выразить ей свою благодарность. – Он рассказал о квартире, которую собирался подарить женщине, о пожизненной ренте, и представители «желтой» прессы негромко взвыли от восторга.

Единственное, о чем они жалели, – что Джон не назвал ее имени.

Позже к нему еще раз пришли чиновники из Интерпола, которые занесли его показания в протокол, но не стали внушать ему надежду, что это в какой-либо форме приведет к задержаниям. Самое большее, однажды Бликера по какой-нибудь случайности поймают, и поэтому они хотели иметь материал для обвинения в папках и, соответственно, компьютерах Интерпола. Как бы там ни было, он узнал от них, что Урсулы, конечно же, в Мексике не было, она ничего об этом не знала, и что по-прежнему ничего не дали розыски телохранителя, который при загадочных обстоятельствах сменил Марко Бенетти и который представлялся коллегам как Фостер.

Таким было единственное развлечение в последние недели. Не считая этого, он работал так, как не работал никогда в жизни. Утром в семь часов он приезжал в офис, а когда заметил, что времени все равно не хватает, стал приезжать в шесть и наконец в пять, до девяти пробирался сквозь горы писем, проектов договоров и меморандумов, потом одно за другим, до самой ночи, следовали совещания. Он вызывал для отчетов людей, раздавал указания, выслушивал проекты строительства и финансирования, проблемы и предложения по поводу их нейтрализации и принимал решения, то и дело принимал решения, говорил «да» или «нет», требовал альтернатив. Он сидел во главе большого блестящего стола с силуэтом города за спиной, на него смотрели глаза пятидесяти или даже более директоров (каждый из них был по меньшей мере лет на десять старше его), говорил им, чего он хочет, требовал, звал к себе и отпускал кивком головы, потому что приближалось следующее совещание.

Сначала это было волнующе. Чистый адреналин. Было важно, что он держит вещи под контролем, несет бремя всего мира на своих плечах. В некоторые моменты это было лучше, чем секс, и он начал понимать, почему многие так стремятся к карьере, власти и влиянию. Приятно было поздним вечером встать из-за стола, когда уже много часов его окружала темнота, из-за стола, за который он садился утром – то есть целую вечность назад, настолько истощенный после напряженного дня, как после спортивного состязания или ночи любви.

Потом, уже через несколько дней, он почувствовал, что это подтачивает силы. Утром он с трудом вставал с кровати, видел круги под глазами, когда смотрелся в зеркало в ванной, пил невероятное количество ужасно крепкого кофе, чтобы войти в колею, и еще больше, чтобы в ней остаться. Вскоре его «роллс-ройс» стал выезжать из подземного гаража далеко за полночь, а на обратном пути в замок он постепенно засыпал. Во время совещаний он был раздражителен, быстро терял терпение, становился несдержанным и резким. Хотя люди вздрагивали, ища причину плохого настроения самого могущественного человека на земле в себе, но Джон знал, что это его собственная слабость, что он уже не контролирует свои слова и поступки. Он испытывал отчетливое ощущение, что это может стать опасным, но имел весьма расплывчатое представление о том, что конкретно это может означать: в конце концов, концерн принадлежал ему от последнего винтика и до самого сточенного карандаша – опасности потерять свою должность не существовало. И он был достаточно богат для того, чтобы и умереть богатым, даже в том случае, если всю жизнь будет терять миллиарды.

Памятуя о девизе Маккейна, что деньги компенсируют все, даже нехватку таланта, он на протяжении нескольких дней тайком брал уроки у лучшего консультанта-управляющего в мире. Он начал расставлять приоритеты. Перестал принимать отчеты длиннее, чем в одну страницу. Стал требовать, чтобы никто не приходил с проблемой, не предложив варианта решения. На совещаниях присутствовал стоя, чтобы они не затягивались. Он учился руководству настоящего дирижера. И так далее.

Несмотря на это, он ничего не добивался. Хотел уже продать замок и купить квартиру в городе, но не успевал заняться этим. Стал размышлять о том, чтобы поставить себе кровать в соседней с офисом комнате. Он даже не мог найти времени, чтобы позвонить Урсуле, – причем он вынужден был признаться себе, что, если бы даже она вернулась к нему,

он не знал бы, где найти для нее место в его забитой до отказа жизни.

Рождество он почти полностью проспал, сделав передышку, так необходимую ему. С невольным уважением он спрашивал себя, как Маккейн вообще выдерживал это на протяжении нескольких лет.

– К сожалению, – сказал адвокат, потирая руки цвета слоновой кости, которые, если не были заняты, всегда словно сами по себе тянулись в карман рубашки к пачке сигарет и одергивались только в последний момент.

Джон смотрел на него, чувствуя бесконечную усталость, накрывающую его, словно снежным покровом. Угли гнева тлели где-то под ней, едва различимые, почти погасшие.

– Но ведь то, что сделал Маккейн, – это обман, ведь так? – спросил он.

– Вопрос не в этом. Вопрос в том, будет ли у нас приговор. А это видится мне в черном цвете, – мягким голосом произнес адвокат. – Уже только до того момента, пока будет установлена подсудность, могут пройти годы. Мистер Маккейн богатый человек. Он может выставить лучших адвокатов, которые только существуют.

– Лучших адвокатов? Я думал, они у нас.

– Что ж, скажем так, это будет борьба между равными. Как бы то ни было, весьма интересная. Один из тех случаев, которые кормят конторы круглый год.

Джон пристально посмотрел на адвоката, на проект искового заявления и подумал о Лоренцо, который был истинным наследником и был вынужден умереть от укусов пчел, потому что у Маккейна имелись другие планы. Он никогда не сможет этого доказать, несмотря на то что до глубины души был уверен в том, что все произошло именно так. Если уж не за это посадить Маккейна в тюрьму, то хотя бы за обман.

– Обвините его, – сказал он, чувствуя грусть, словно занозу в сердце. – Мне все равно, сколько это продлится.

– Как пожелаете, – кивнул адвокат, и, когда он кивал, было видно, какие редкие у него волосы. – Как бы там ни было, если вас это успокоит – для ожидаемого встречного иска мистера Маккейна справедливо то же самое.

– Какого встречного иска?

– Я удивлюсь, если он не подаст иск на дальнейшую выплату заработной платы и восстановление на рабочем месте из-за неправомерного увольнения. В его трудовом договоре есть несколько весьма неоднозначных параграфов, с которыми можно сделать практически все, что угодно. – Он высокомерно улыбнулся. – Но, как было уже сказано, может пройти не одно десятилетие. Мы умеем делать это так же хорошо.

Необычайно много ведущих руководителей уволилось в первые дни января 1998 года со своих ответственных, хорошо оплачиваемых должностей в широко разветвленной иерархии «Фонтанелли энтерпрайзис». И только когда один из главных аналитиков попросился на прием к Джону и рассказал ему, что во вторую рождественскую пятницу ему позвонил Маккейн, который пытался убедить его оставить концерн ради нового, лучше оплачиваемого места, Джон понял, что у него есть более опасные противники, чем цейтнот и перенапряжение.

У тех, кто уволился, было уже не узнать мотивов; только один туманно говорил о *слабости руководства* и *обеспечении будущего* , не вдаваясь, впрочем, в подробности, что конкретно имеется в виду. Во время некоторых таких разговоров у Джона возникало чувство, что люди действовали не совсем добровольно, а так, словно у Маккейна было что-то против них.

Некоторые увольнения создавали чувствительные пробоины и дополнительную нагрузку. Но постепенно стало выясняться, что существуют более серьезные проблемы, чем люди, верные Маккейну и покидающие концерн: те, кто оставались, чтобы продолжать ставить палки в колеса. Внезапно пустели склады, поскольку кто-то «забыл» вовремя заказать снабжение, вследствие этого останавливались целые промышленные улицы.

«Глупые» ошибки возникали в важных объявлениях, выписках и договорах, ошибки, которые влекли за собой потери или неприятные юридические перебранки. «Необъяснимые компьютерные сбои» парализовали целые заводы, спутывали всемирную логистику, наносили вред балансу и реноме. В отделе валютных операций после двух лет триумфа вдруг началась черная полоса и сделки стали настолько неудачными, что Джон был вынужден полностью закрыть его.

В середине января Джон решил позвонить в Хартфорд. Уже сам по себе замогильный голос, которым ответил ему профессор Коллинз, не предвещал ничего хорошего, и Джон почему-то не особенно удивился, когда исследователь будущего на вопрос, как поживает проект, ответил:

– Больше ничего нет. Компьютерный вирус уничтожил все.

Те времена, когда профессор Коллинз еще иногда обращал внимание на свою внешность и одежду, давно прошли. Немногие оставшиеся волосы жили своей жизнью, и то, что на рубашке у него красовались пятна, а пиджак порвался, он, похоже, вообще не замечал. Судя по кругам под глазами, спал он в последнее время немного.

– Это мог быть только саботаж, – заявил он. – Полностью отформатированы были не только компьютеры с системой UNIX, но и те ПК, на которых мы хранили код программы, и он потерян безвозвратно.

Солнце сияло на фоне ярко-голубого весеннего неба, заливая конференц-зал неподходяще праздничным светом. Джон попытался немного затемнить кабинет, просто потому, что сверкание кофейника резало ему глаза. А потом удовлетворился тем, что отвернул металлическую рукоятку кофейника немного в сторону.

– Этого я не понимаю, – устало произнес он. – Вы ведь должны были иметь резервные копии всего.

– Само собой. Но все пленки с копиями нечитаемы. Абсолютно все. Кто-то, должно быть, обработал их сильным магнитом. – Ученый принялся массировать лоб. – Все уничтожено. Мы пытаемся восстановить программы и данные по письменным записям, распечаткам и так далее, но на это потребуются месяцы. Это катастрофа.

– А когда это произошло?

Коллинз вздохнул.

– В середине декабря. В ночь на четырнадцатое. Это был выходной.

– А почему я узнаю об этом только сейчас?

Исследователь будущего замер, удивленно посмотрел на Джона.

– Да, я спрашиваю себя об этом все время…. Нет, нет, я ведь посылал вам факс. Я хорошо помню. Мы целый понедельник потратили на то, чтобы оценить размеры ущерба, и во вторник я послал вам факс. Так и было. Я не хотел звонить, потому что был очень взволнован, это я помню. И я ведь должен был дать вам знать по поводу второй фазы.

– Второй фазы? – Джон покачал головой. – Факса я не получил, профессор. Сейчас это бывает довольно часто. И о второй фазе я тоже ничего не знаю.

– Значит, мистер Маккейн не сказал вам…

– Нет.

– Ах, вот как. – Он понимающе кивнул. А потом пересказал события того вечера, когда представил Маккейну результаты первой фазы. – На следующее утро он приехал еще раз, захотел скопировать версию программы на ноутбук. На это потребовалось некоторое время, а мы пока обсудили задачи второй фазы. Они довольно умозрительной природы; к примеру, он хотел, чтобы мы рассчитали последствия всемирной эпидемии в 2009 году и тому подобные вещи… – Его глаза с темными кругами под ними сверкнули. – Я подумал… этот ноутбук! Он ведь должен быть у него. Он случайно его здесь не оставил?

– Нет. Вероятно, забрал его с собой. – Джон отмахнулся. – Пусть это его осчастливит.

Примерно в конце января 1998 года одна тема стала все больше и больше занимать

новостное пространство и наконец оказалась на устах у всех: сексуальные проступки американского президента. Едва тот, после долгой юридической возни, успел дать показания под присягой по тянувшемуся месяцами делу, как всплыли новые имена и сомнительные пленки, споры ужесточились. Говорили, что президент пытался заставить практикантку дать ложные показания, чтобы скрыть роман, который у них был. В то время как его противники требовали начать процесс по отстранению его от должности, президент вообще отрицал факт существования романа с указанной женщиной. Его жена говорила о заговоре правых сил, курс доллара на международных финансовых рынках падал, а финансовый кризис, приближавшийся в Юго-Восточной Азии к очередному апогею, угрожал перекинуться на Соединенные Штаты.

Джон смотрел новости по телевизору, испытывая странное чувство нереальности. В ушах еще звучал телефонный разговор с Маккейном во время путешествия по Филиппинам. Он послушал комментатора, встал, подошел к старому шкафу с документами, сделанному для Маккейна, нашел папку с надписью «Клинтон, Билл», содержащую сценарий тщательно спланированной дискредитации. Вначале было подшито краткое досье от действовавшего в скандале «Уайтуотер» особого агента, рядом с портретом которого были нацарапаны пометки рукой Маккейна: «родился в Верноне, штат Техас; отец пастор; параллельно процветающая адвокатская практика (1997: 1 миллион долларов), среди клиентов, в числе прочего, табачная индустрия». Он прочел краткое содержание соглашения, к которому американское правительство хотело вынудить табачную индустрию: производители сигарет, чтобы быть защищенными от дальнейших жалоб, за временной промежуток в 25 лет должны были выплатить 368,5 миллиарда долларов на лечение больных курильщиков. «Интересно, сколько они вообще зарабатывают? – нацарапал поверх Маккейн, и кроме того: – Клинтон хочет ужесточения, до 516 миллиардов (в устной беседе)».

Смутное предчувствие близкой беды посетило Джона.

И словно в подтверждение этого предчувствия, вскоре после того, открыв газету «Файнэншел таймс», он прочел, что Малькольм Маккейн был назначен председателем совета директоров концерна «Моррис-Кэпстоун». Об этом предприятии не было известно почти ничего, кроме того, что оно практически полностью находится во владении старинной американской предпринимательской семьи, для которой стоило изобрести определение «живут замкнуто»: не существовало даже фотографий большинства членов этой семьи. Джону пришлось спросить своих аналитиков, чтобы узнать, что «Моррис-Кэпстоун» не только имеет доли в некоторых загадочных фирмах, занимающихся генной инженерией, и фабрике, производящей ручное оружие самого разного калибра, – он является в первую очередь одним из крупнейших производителей табачных изделий в мире.

Также во владении вышеназванной американской предпринимательской семьи находилась телекомпания, которой Малькольм Маккейн дал первое интервью после ухода из «Фонтанелли энтерпрайзис». На эту тему он распространялся весьма пространно. Нет, его ни в коем случае не уволили, подчеркнул он в ответ на соответствующий вопрос; нет, он, достаточно настрадавшись от эскапад Джона Фонтанелли, последней каплей в череде которых стало подстроенное похищение в Мехико, не видел для себя иного выхода, кроме отставки.

– Представьте себе, вас похитили, – потребовал он от журналистки, – и если вам удалось освободиться, что вы станете делать? Наверняка пойдете в полицию, правда? Так поступил бы каждый. Но не Джон Фонтанелли. Он бесследно исчезает и словно чудом возникает, в целости и сохранности, на расстоянии шести тысяч миль от того места, где его похитили, в Лондоне. Вы считаете это нормальным?

Конечно, бравшая интервью журналистка не сочла это нормальным.

Он, страстно продолжал Маккейн, всеми силами пытался создать стабильное предприятие, где даже во времена глобализации миллионы людей получили надежные рабочие места.

– Фонтанелли думает, что справится с этим сам, – продолжал он. – Но он руководит

концерном не более двух месяцев, а у него уже кризис по всем фронтам. Больно смотреть на это, – с горечью добавил он. Потом подробно описал кризис империи Фонтанелли, настолько подробно, что мог бы с равным успехом признаться, что у него в концерне есть свои информаторы.

– Каков ваш прогноз? – спросила журналистка. – Все эти рабочие места в опасности?

Маккейн серьезно кивнул.

– В огромной.

После этого интервью Джон вынужден был выключить телевизор. Дал указание секретариату не мешать ему в течение ближайшего часа, затем подошел к окну, чтобы целый час смотреть на сильную метель над лондонским Сити и спрашивать себя, что, черт побери, началась за игра.

Мелкий снег с дождем стучал в высокие окна, город за окнами расплывался за черно-белыми пятнами. Секретарша подала кофе с выпечкой, но лорд Питер Роберн до сих пор не притронулся к ним. Экономический журналист, которому нравилось носить вместо делового костюма толстый белый свитер ирландской вязки, темно-зеленые кордовые брюки и стоптанные сапоги, сидел, уютно устроившись в кресле, и внимательно слушал, что говорил ему Джон о цели приглашения.

– Я, к слову, со времен памятного ужина в вашем замке ждал этого момента, – сказал он и скрестил руки. – Честно говоря, тогда я думал, что достаточно сильно заинтересовал вас, но… ну что ж. – Он на миг поднял руки и снова уронил их на колени. – Итак, вы хотите знать, как еще можно спасти человечество.

Джон сдержанно кивнул.

– Можно сказать и так.

– Прекрасно. – Мимолетная улыбка. – Что ж, первый шаг очень прост: отмените подоходный налог.

На какой-то миг Джону показалось, что он наблюдает за всем со стороны, из какого-то другого места.

– Вы шутите, правда?

– Заверяю вас, это совершенно серьезно.

Наморщив лоб, он посмотрел на журналиста.

– Вообще-то я ожидал чего-то другого.

– Потому что вы прочли мою книгу, ясное дело. Но я написал ее двадцать лет назад. И после этого я не переставал размышлять над этой проблемой. А когда размышляешь над чем-то довольно долго, почти постоянно, неизбежно придет в голову что-то новенькое. – Роберн развел руками. – Хотя я признаю, что упразднение подоходного налога в первую очередь является средством для того, чтобы моя реформа нашла одобрение. Если посмотреть, на что готовы люди, только бы не платить налоги… Таким образом их можно будет подготовить к изменениям. Не считая этого, – с ухмылкой добавил он, – мне нравится эта сентенция, потому что вызывает столь интенсивную реакцию.

Джон скрестил на груди руки и откинулся на спинку кресла.

– Это точно.

Роберн взял лекторский тон, словно уже неоднократно делал такой доклад или, по крайней мере, тренировался.

– Весьма интересно изучать историю налогов. Налоги для простого населения увеличиваются с тех пор, как существует городская цивилизация. Таким образом правящие классы финансировали свою жизнь, военные приключения и другие проекты. Многие налоги, изобретенные во времена античности, кстати, взимаются до сих пор, несмотря на то что составляют лишь крохотную долю доходов государства и в некоторых случаях их дороже собрать, чем пополнить ими казну. Это связано также и с тем, что налоги сегодня несопоставимо больше, чем раньше. На протяжении веков даже «десятина», то есть десять процентов дохода, считалась практически неподъемным налогом. – Он поднял брови

и улыбнулся аристократической насмешливой улыбкой. – Мы встали бы на колени от благодарности, если бы налоги когда-нибудь упали до такого уровня, – чего, кстати, никогда не произойдет. Потому что со времен промышленной революции и связанных с ней перемен, таких как возросшая стоимость вооружений и ведения войны, повышение социальных выплат и изобретение субсидий для различных отраслей промышленности и так далее, расходы государства стали расти гораздо быстрее, чем экономика, и выросли настолько, что сегодня практически у всех государств есть долги и можно только удивляться, как они с ними справляются.

– Очень просто, – негромко произнес Джон. – Они берут взаймы у меня.

Но Роберн на это не отреагировал.

– Великобритания ввела подоходный налог в 1799 году, чтобы финансировать наполеоновские войны, и в 1815 году снова отменила его. Но государство успело войти во вкус. В 1842 году его ввели снова, якобы только в качестве временной меры, но, как нам всем известно, он прижился. Почти такая же история произошла со всеми западными странами, в которых налоги на товарооборот, прибыль, зарплату и доход составляют львиную долю доходов государства. – Он поднял указательный палец. – Что я хочу этим сказать, так это то, что подоходный налог не является ни Богом данным, ни неприкосновенным. Его ввели, и его можно отменить снова. Нужно только сделать это.

– Но зачем это делать? – вставил Джон. – Я имею в виду, что платить налоги никому не нравится, но разве подоходный налог настолько разорителен, что его нужно отменять?

– Конечно, вместо него нужно ввести что-то другое, – согласился Роберн. – Современное государство не может жить только с налогов на соль.

– Ваш налог на загрязнение окружающей среды…

– Вы уже близки к сути. Но таковой мне представлялась ситуация, как уже было сказано, двадцать лет назад. В своих размышлениях я уже продвинулся немного дальше. – Роберн неопределенно махнул рукой. – Сначала нужно уяснить себе, что налоги выполняют управляющую функцию. Они уменьшают то, на что их вводят. Налоги на такие добавляющие стоимость виды деятельности, как работа, инвестиции или торговля причиняют вред именно им, потому что, поскольку они рассчитываются в процентном соотношении и, как правило, еще и прогрессивно, то являются фактором, которым никогда нельзя пренебрегать, сколько бы вы ни зарабатывали. В США взимается в среднем 500 долларов подоходного налога, но из-за этого, конечно же, возрастают расходы по заработной плате, вследствие чего создается мало новых рабочих мест, поскольку, пока рабочее место не начнет окупаться, расходы повышаются. Потери народного хозяйства в целом доходят до 150 миллиардов долларов. Подобные расчеты можно произвести для любого вида налогов и для любой страны, и нет уловки, с помощью которой можно было бы устранить из мира эту причинно-следственную связь, поскольку здесь мы имеем дело с математической закономерностью, нерушимой, как звезды, и непреодолимой, как закон силы притяжения.

Джон призадумался.

– Но эти потери возникают при любом виде налогов, ведь так? Их нельзя устранить, только если вообще отменить налоги.

– Верно, – согласился журналист. – И здесь речь не идет о том, чтобы их отменить, нужно лишь понять, каким образом налоги влияют на поведение и решения людей. Налоги управляют. Они карают то, на что их вводят, уменьшают его проявление. – Он повернул руки ладонями вверх. – Основная идея заключается в том, как вы уже говорили, чтобы ввести налоги на загрязнение окружающей среды. Звучит на первый взгляд здорово, правда?

Джон замер.

– Да. Поэтому мы и сидим здесь.

– Вот так нас настигают грехи юности, – вздохнул лорд, но настоящего сожаления в его голосе не слышалось. – Вся загвоздка в мелочах. Потому что как рассчитать загрязнение окружающей среды? В своей книге я избегал подобного рода вопросов. Сколько должны

стоить те или иные выбросы вредных веществ? Стоит ли кадмий в земле больше, чем углекислый газ в воздухе, и если да, то насколько? Как рассчитывать налог на мусор – по объему, весу или по тому и другому? И как охватить выделение тепла машинами? Сложная тема, буквально призывающая к манипуляциям и хитростям. Тогда я думал, что это вторичные мелочи, но когда я начал этим заниматься, то в целом более десятилетия потратил на тщетные поиски простоты и справедливости. Пока я не понял, что решение в принципе ошибочно.

Теперь он наконец потянулся к своей чашке кофе, наполнил ее, добавил сахар, спокойно размешал его. Джон обратил внимание на то, что у Роберна чувствительные руки, руки музыканта или художника, представлявшие собой странную противоположность его грубой внешности.

– В восьмидесятых годах в поле моего зрения попал экономический баланс Коста-Рики, на первый взгляд многообещающий, а на второй – просто ужасный. Эти люди вырубили более сорока процентов своих росших на протяжении столетий лесонасаждений и экспортировали дерево. Что меня шокировало по-настоящему, так это то, что это весьма положительно сказывалось на расчетах валового социального продукта. По этим меркам получалось, что лучше бы им вырубить каждое дерево в стране и продать его. То, что в течение следующих лет это выльется в экономическую катастрофу, по данным цифрам было непонятно. Я тогда долго размышлял и пришел к выводу, что все зло начинается с этого: просто-напросто неправильные расчеты.

Джон хотел уже потянуться за своей чашкой, но замер на полпути.

– Неверно рассчитанный баланс? Не понимаю.

– О, сам баланс был правилен, я имел в виду не это. Правила, по которым его нужно было считать, неверны. Определение валового социального продукта – это чушь, поскольку оно абсолютно не принимает в расчет такие факторы, как окружающая среда и ограниченные природные ресурсы. Со временем перешли на другие параметры, на валовой внутренний продукт, но это немногим лучше.

– Вы критикуете экономику саму по себе, если я правильно понимаю.

– Есть известные люди, которые вообще оспаривают сам факт существования такого понятия, как экономика.

– Это случайно не те же самые люди, которые оспаривают факт высадки на Луне?

– Я не был там, а вы?

– Мне тогда и двух лет не исполнилось.

– Разница в том, что здесь мне не нужно довольствоваться тем, что мне кто-то говорит. Я сам могу подсчитать. И с тех пор, как я понял это, я то и дело выясняю, что все катастрофы начинаются с неверных расчетов. – Он отпил глоток кофе. – Возьмите, к примеру, ядерную энергию. Вне зависимости от всех споров об использовании атомной энергии, большинство из которых питаются скорее чувствами, чем рассуждениями, факты таковы, что ни одной гражданской атомной электростанции никогда бы не построили, если бы с самого начала все правильно рассчитали. Якобы дешевая атомная электроэнергия казалась дешевой только потому, что управляющие всеми силами пытались избегать упоминаний об отчислениях в резервный фонд для утилизации атомарных отходов. Атомная энергия была политически выгодна, и исходили из того, что смогут подсунуть эти расходы общественности в тот момент, когда это будет уже не так важно. Если бы энергетическое предприятие стояло перед выбором, построить атомную электростанцию или что-нибудь другое, то неизбежно стало бы ясно, что атомная энергия не окупается. Вот что я имею в виду под неверными расчетами. Если ваш бухгалтер сделает что-то подобное, мистер Фонтанелли, он сядет в тюрьму.

Он спокойно отставил кофейную чашку.

– Итак, я некоторое время размышлял о методиках расчета и о том, как в случае Коста-Рики нужно было рассчитать потерю лесонасаждений, и наконец пришел к тому, что ошибка, которую допускает обычная точка зрения, состоит в том, что ресурсы считаются

бесконечными и в качестве стоимости берутся только чистые эксплуатационные расходы. Это примерно столь же разумно, как если бы купец, взявшийся за дело с большим количеством товаров, скажем, тостеров, в расчете цены указал только те расходы, которые требуются для того, чтобы пойти на склад и снять тостер с полки. Но именно это мы и делаем. Вот есть лес, и в расходы мы закладываем только те средства, которые требуются для того, чтобы спилить дерево: на рабочую силу и износ пилы, может быть, еще на транспортировку к экспортирующей гавани, – и радуемся тому, что получаем за это. Да, наше экономическое учение даже поощряет нас к тому, чтобы думать так, считать так и действовать так. Причем в случае с лесом постепенно становится понятно, что дело обстоит иначе. Но пока мы достаем что-то из земли – нефть, руду и тому подобное, – мы не задумываемся об этом.

Поскольку возникла пауза и лорд Роберн смотрел на него так вопросительно, Джон кивнул и произнес:

– Понимаю.

Гость удовлетворился этим и продолжил:

– Я размышлял, как уже было сказано, некоторое время, и наконец у меня забрезжила мысль, что здесь кроется решение проблемы, над которой я бился более десяти лет. – Прежде чем сказать это, он сделал театральную паузу. – Как насчет того, подумал я, чтобы убрать все существующие налоги и взимать только налоги на сырье?

– Что? – вырвалось у Джона. – Но ведь это было бы в высшей степени… Ах, вот как? – Он запнулся. – Я хотел сказать, что было бы несправедливо, если бы это коснулось только предприятий, занимающихся переработкой сырья, но…

Роберн наставительно поднял палец.

– Совершенно верно подмечено, налоги должны быть уравновешены во всем мире, чтобы не было оттока промышленности, а платить должны в любом случае те, кто что-то берет из земли, – бурильные компании, угольные шахты, рудники и так далее. Конечно же, это вернется в виде повышения цены и в конечном итоге платить будут все. Только расходы на управление стали бы радикально меньше, чем сегодня. Никаких больше налоговых деклараций, никаких вычетов налогов из зарплаты – зато вещи, необходимые в повседневности, стали бы дороже.

– Потому что на ценах, к которым имеют отношение добывающая и перерабатывающая промышленность, сказывались бы налоги.

– Совершенно верно.

Некоторое время Джон обдумывал его слова. Что это – самая большая чушь, которую он когда-либо слышал, или же гениальное решение, в некотором роде Колумбово яйцо?

– Люди станут бережнее обращаться с сырьем и энергией, – рассуждал Джон. – Станет невыгодно перевозить консервы через половину Европы; по крайней мере, тогда они не будут стоять на полках по паре центов за штуку. Упаковка станет дороже, а значит, люди предпочтут то, что не упаковано.

Роберн кивнул.

– Вдруг станет выгодной переработка. Сегодня фирмы нужно вынуждать к тому, чтобы они принимали обратно упаковки от напитков и тому подобное. А почему? Потому что сырье слишком дешево. Потому что цены на него не отвечают действительности, ни экономической, ни экологической. Но стоит начать взимать налог на сырье, как вдруг фирмы, занимающиеся вторичной переработкой, примутся звонить в дома и скупать мусор.

– Это послужило бы хорошим стимулом к тому, чтобы делать более долговечные и крепкие приборы, – продолжал развивать мысль Джон. – Даже если они будут стоить дороже, это все равно будет выгодно.

– Вот именно. Если сырье станет дорогим, все трижды подумают, стоит ли распылять его по миру в виде вредных веществ. – Роберн поднял руку. – И помните, само собой, упраздняются все налоги на добавленную стоимость. Это означает, что работа снова подешевеет, потому что перестанет облагаться налогами. Разного рода услуги станут скорее

дешевле, чем дороже. Безработица уже не будет проблемой.

Джон задумчиво кивнул.

– Но разве это справедливо? – вдруг пришло ему в голову. – Я имею в виду то, что определенный объем ресурсов и в первую очередь энергии необходим для того, чтобы остаться в живых. Не скажется ли ваш налог в первую очередь на бедняках, в то время как богатым загорится зеленый свет, позволяя тратить средства на разрушающие окружающую среду виды деятельности?

Роберн развел руками.

– Мистер Фонтанелли, ведь в прошлом вы не могли не заметить, что все несправедливости больше сказываются на бедных, чем на богатых, не считая, пожалуй, кризиса в отрасли производства икры. Это ведь наше определение богатства, не так ли?

– Конечно, но ведь мне не нужно еще больше ухудшать ситуацию с помощью системы налогов. Или вот подумайте о том, что различные страны обладают различными залежами полезных ископаемых. В Японии, к примеру, практически нет никаких. Поэтому ей достанется минимальное количество налогов.

– Это уже довод получше, – согласился Роберн, – и по этому поводу у меня тоже есть предложение. Налоги на сырье, как уже было сказано, должны быть едины во всем мире, но я бы разрешил отдельным государствам или даже регионам дополнительно облагать налогами состояния своих граждан. Такой налог сильнее сказывался бы на богатых и таким образом обеспечил бы социальное равенство. Более того, такой способ позволил бы устранить многие препятствия, которые на самом деле мешают свободе передвижения: границы, иммиграционные квоты, ограничение на разрешение заниматься трудовой деятельностью и так далее, – поскольку вся миграция сама собой урегулируется различной привлекательностью регионов.

«Это звучит неплохо», – признал Джон. И вдруг ему вспомнился его первый визит в Лондон, в другой офис, при других обстоятельствах, и как все тогда звучало хорошо, практически гениально.

Как давно это было… Так много всего произошло с тех пор – и все же… *ничего* …

– Но разве не вернемся мы к той же самой проблеме? – спросил он. – Как вы собираетесь определить, сколько должны стоить те или иные полезные ископаемые?

Роберн кивнул, словно только и ждал этого вопроса.

– Это та же самая проблема, с той лишь разницей, что для нее существует решение. Почти до грубости простое математическое решение. Достаточно лишь верно все сбалансировать в тех же самых масштабах, которые справедливы для предприятия. Возьмем, к примеру, уголь или нефть. Никто сегодня не станет спорить с тем, что эти вещества представлены в ограниченных количествах. Существуют различные теории насчет того, насколько велики запасы, но в том, что они ограничены, едины все. Итак, в экономике предприятия запасы относятся к наличному капиталу, и поэтому их нужно уравновесить с издержками на восстановление. Именно так нам следует поступить и в этом случае.

– Издержки на восстановление? – удивился Джон. – Но откуда нам взять новую нефть?

– Нефть – это ископаемый энергоноситель, а значит, в принципе представляет собой окаменелую солнечную энергию. Следовательно, в качестве издержек на восстановление нужно по меньшей мере учесть расходы, связанные с получением соответствующего количества солнечной энергии в наши дни. Поскольку сжигание данного количества нефти вызывает к тому же измеримое ухудшение качества воздуха, то придется в налоге на ископаемый энергоноситель еще и учесть надбавку за очистку воздуха, которую, признаю, рассчитать несколько сложнее. Вуаля – налог на ископаемый энергоноситель.

Джон нахмурил брови.

– Но ведь это означает, что солнечная энергия в любом случае станет дешевле любого другого вида энергии.

Роберн лукаво улыбнулся.

– Поздравляю. Вы уже начинаете понимать, к каким благословенным последствиям

приведет человечество моя реформа.

– Но как вы собираетесь рассчитать издержки на восстановление, скажем, меди? Ее придется завозить с другой планеты или как?

– Да, пожалуй, но в этом месте мы можем позволить себе мыслить прагматично, – сказал Роберн. – Как вам, возможно, известно, практически любой элемент, встречающийся в земной коре, можно добывать из морской воды, причем в головокружительно больших количествах, и запасов хватит на больший срок, чем мы можем выжить на этой планете в качестве вида. Единственная проблема заключается в том, что добыча названных элементов, той же меди из воды – довольно энергоемкий процесс. Рассчитываем расход энергии, и вот уже получаем наш налог на медь.

– Однако похоже на то, что сырье тогда станет безумно дорогим.

– Что дает также безумный стимул к развитию более экономной технологии, – согласился с ним Роберн. – Существует немало чудесных историй о том, как нехватка чего-то пробуждает технический гений.

– Но если в море присутствуют все вещества в огромных количествах, – пришло в голову Джону, – то на самом деле вообще не существует никакой нехватки сырья.

Высокородный журналист ткнул в него пальцем.

– Этот кандидат набрал сто очков. Мы приближаемся к сути моей концепции. Налог на сырье, кстати, не имеет своей целью в первую очередь сберечь ограниченные запасы. На самом деле у нас не настолько быстро закончится сырье, не считая нефти и газа. А вот что закончится скоро, так это способность экосистем вбирать в себя вредные вещества и избыточную энергию. Мы можем превратить весь мир в одну огромную нежилую свалку, а в земной коре все еще будет достаточно металлов, чтобы поддержать существующее техническое производство. Самое основное заключается в том, что нам нужны полезные ископаемые и энергия для того, чтобы загрязнять окружающую среду. В принципе, это та же самая идея, что высказывалась и тогда, в моей книге, только теперь я подхожу к ней с другой стороны. С той стороны, которую легче контролировать. Принцип тот же самый: обложить налогом то, что вредно, и таким образом наметить вехи для преобразования экономики. И, что самое прекрасное в моем концепте, это преобразование произойдет совершенно свободно. Не нужно никаких предписаний, никаких десятилетних планов, никакой экологической полиции, ничего подобного. Вы можете предоставить заботу о деталях механизмам рынка. Рынок решит все так же идеально, как делал это всегда. Лишь задать граничные условия, вот что нужно сделать. Упраздните налоги на произведенную механическую работу и введите налог на сырье – и спасение человечества произойдет автоматически.

После того, как Роберн ушел, Джон ходил взад-вперед по своему кабинету, словно пойманный в клетку тигр, по кругу, как мысли в его голове. Он надеялся получить новый план по исполнению пророчества, но вместо ясности и уверенности его наполняли смущение и малодушие.

– И как мне это сделать? – спросил он. – Я ведь не устанавливаю налоги. Налоги устанавливают правительства.

Роберн только пожал плечами.

– Вы самый могущественный человек. Вас послушают.

Неужели? Послушают предпринимателя, который требует изменить систему налогообложения? Да никогда в жизни.

– Я могу только подать идею, – защищался Роберн. – А воплощать ее придется другим.

На этом они и расстались.

Джон неотрывно смотрел в окно, которое все сильнее и сильнее засыпал снег. Сработает ли это вообще? Все звучало так хорошо, но ведь он не специалист и в принципе не мог судить. Ладно, он может подключить к этому экономический отдел. Может начать исследование совместно с каким-нибудь университетом. Пригласить для разговора людей

из валютных фондов или Всемирного банка, знакомых с международными финансовыми концептами.

– Я не могу, – произнес вслух Джон, прислушиваясь к звуку своего голоса. – Я не могу, – повторил он и решил, что это звучит довольно правдиво.

Он уже был не способен еще раз вложить всю душу и сердце в чей-то план, обещавший спасти мир. И неважно, насколько убедительно он звучит. У него уже не было сил, больше не было веры. Маккейн вначале тоже был убедителен, а способность Джона довериться чему-то полностью исчерпалась в этом проекте.

Он сжал правую руку в кулак, медленно, глядя при этом на свои пальцы.

– Хотелось бы мне, чтобы хоть раз в жизни мне пришла в голову идея, – сказал он, обращаясь к собственному отражению в стекле, через которое уже не было видно мира снаружи, погружавшегося в ночь и холод.

Позднее он позвонил Полу Зигелю и сказал:

– Ты мне нужен.

– Что, опять? – спросил тот.

– Я хочу, чтобы ты взял на себя управление «Фонтанелли энтерпрайзис».

На другом конце провода послышался протяжный вздох.

– Джон… это мило с твоей стороны, ты наверняка хотел как лучше, я польщен, конечно же. Но я специалист по политической экономии, а не по экономике и организации предприятия.

– Пол, – ответил Джон, – оборот моего концерна выше, чем внутренний валовой продукт большинства государств этого мира. У меня больше сотрудников, чем жителей в Финляндии. Кто, если не специалист по политической экономии, должен с этим справиться?

На миг воцарилась тишина. Потом Пол Зигель кашлянул.

– В любом случае это аргумент.

45

Общество «Темпл туморроу» приглашало на конгресс под названием «Планетарный менеджмент». Приглашало в Сан-Франциско лауреатов Нобелевской премии, бывших президентов США, убеленных сединами бывших глав государств и самых именитых управляющих экономикой со всего мира, чтоб на протяжении трех дней в знаменитом отеле «Фермон», этом культовом месте благосостояния, обсуждать *исследование и указание пути в XXI век, пути к новой цивилизации* . То, что во время подъема в стеклянном лифте с внешней стороны башни отеля в ресторан «Краун рум» открывался вид на мост Золотые Ворота, далекие холмы Беркли и Силиконовую долину, казалось подходящим случаю и в то же время волнительным. То, что Джона Фонтанелли не было в числе приглашенных акул экономики, похоже, никого не волновало.

– Я не обижен, ничего подобного, – сказал Джон, когда Марко пришел, чтобы представить ему результаты расследования, которое провели на месте сотрудники службы безопасности. – Я просто хочу знать, что там происходит.

– Само собой, мистер Фонтанелли, – сказал Марко.

Джон посмотрел на него.

– Вы ведь мне верите, правда?

– Да, – ответил телохранитель и положил пленку на проектор.

Общество «Темпл туморроу» было основано незадолго до Рождества 1997 года. Основателем и почетным председателем стал Брэдфорд С. Темпл, до того времени председатель совета директоров «Моррис-Кэпстоун», после вступления в должность Малькольма Маккейна отправившийся на пенсию. Темпл был светловолосым полным мужчиной с Дикого Запада, которого можно было, судя по имевшимся фотографиям,

заподозрить в пристрастии к скачкам или молоденьким обнаженным танцовщицам, но никогда – в основании общества, которое выбрало себе девизом *«Упростить человечеству путь в будущее »*.

– Значит, за этим стоит Маккейн, – решил Джон. Тогда ясно, почему его не пригласили.

Конгресс «Планетарный менеджмент» заседал за закрытыми дверями, строго отгородившись от СМИ. Лишь небольшая горстка избранных журналистов была допущена к некоторому числу открытых заседаний, причем все отчеты, все видеопленки – все проверялось перед публикацией.

Одну из этих видеопленок и запустил Марко. Это стоило небольшого состояния – быстро переправить ее из Сан-Франциско в Лондон.

Профессор экономики говорил о свободной торговле и ее развитии в будущем. Миллиардер распространялся об инвестициях в новые рынки. Никто не говорил дольше пяти минут, все излагалось очень кратко. Топ-менеджер компьютерной фирмы рассказывал, как у них круглосуточно трудятся разработчики программного обеспечения со всего мира благодаря соединенным в сеть компьютерам, без проблем, связанных с переездами, независимо от национальных правительств и предписаний для рабочих.

– Людей нанимают при помощи компьютера, они работают на компьютерах, и увольняют их тоже через компьютер.

Торговый магнат из Юго-Восточной Азии предсказал, что из-за увеличивающейся производительности труда в будущем окажется достаточно двадцати процентов работающего населения, чтобы поддерживать функционирование экономики всего мира. Одной пятой хватит, чтобы производить все товары и оказывать все услуги, которые может позволить себе мир.

После него к кафедре подошел Малькольм Маккейн, мрачно оглядел собравшихся, чтобы потом задать вопрос, который нужно было задать:

– Но что нам делать с лишними людьми?

Джон не поверил своим ушам. Маккейн действительно воспользовался понятием *surplus people* – лишние люди. И никто не возразил. Даже шепоток не прошел по залу.

Пол Зигель начал свою деятельность в качестве управляющего «Фонтанелли энтерпрайзис» в начале марта. За несколько дней до этого он приехал в Лондон и занялся тем, от чего Джон безнадежно пытался отговорить его: с помощью маклера и «наглого везения» он пытался найти квартиру, причем такую, которая соответствовала всем его требованиям. И она снова оказалась поразительно похожей на все его предыдущие квартиры, вот только сверху открывался красивый вид не на Гудзон или Потомак, а на Темзу.

Джон велел отремонтировать офис Маккейна и перебрался в него сам, а Полу отдал свой прежний. Мысль о том, что Пол будет сидеть в том же офисе, что и Маккейн, так сказать, как замена, была ему отвратительна.

Пол ввел новый способ общения на этаже руководства. Немедленно было покончено с одинокими скромными обедами за столом в конференц-зале – Пол Зигель обедал в общем зале вместе со всеми присутствующими директорами, не стеснялся сдвинуть несколько столов, поощрял мужчин и немногих женщин прямо говорить о деле. После некоторого колебания Джон присоединился к ним и нашел, что решение на время оставить высоту своего командного поста довольно-таки освежает.

Но Пол Зигель был не только общительным и отзывчивым. Он быстро доказал, что может и действовать решительно, когда это необходимо. Он внимательно выслушал, как три директора восхищались мнением Маккейна о том, что существуют некие *surplus people* . Детективы, которых Пол пустил по следу, нашли доказательства связи двух из них с Маккейном, после чего он уволил их со словами: «*Surplus people* – это вы», обвинив в нелояльности, подстрекательстве к нанесению ущерба чужому имуществу и промышленном шпионаже. Впоследствии он нашел еще множество «вражеских агентов» на различных уровнях системы, которых уволил, всех без исключения.

Джон трижды пытался позвонить Урсуле. Первый раз он начал набирать номер, но, набрав код, положил трубку и сказал себе, что она позвонила бы, если бы он для нее что-то значил. Несколько дней спустя он заставил себя набрать номер до конца, но услышал только ее автоответчик и положил трубку, не оставив сообщения: то, чего он хотел, не устраивалось с помощью автоответчика. А когда он попытался позвонить спустя еще несколько дней, не отозвался даже аппарат, раздавались лишь бесконечные тщетные гудки.

Как раз в эти дни одна из секретарш принесла Джону письмо, отличавшееся от обычной деловой корреспонденции.

– Мы сначала подумали, что это одно из тех писем, которые иногда пишут вам дети, – сказала она, – но оно действительно деловое.

– Правда? – удивился Джон и взял в руки конверт.

Как и все письма, ему адресованные, его, конечно же, просветили и вскрыли. Оно все было в переводных картинках, подписано неровно, от руки, но, верно, адресовано мистеру Джону С. Фонтанелли; на нем красовались почтовые марки Филиппинской республики. Отправителем был некий Мануэль Мелгар.

– Кто такой Мануэль Мелгар? – пробормотал Джон и в тот же миг вспомнил. Мальчик. Туай. Панглаван. Который попросил у него взаймы триста долларов.

В конверте было письмо, в котором Мануэль описывал свои первые успехи и неудачи – он купил мотоцикл с коляской и переоборудовал его, спустя два месяца поссорился с мистером Балабаганом, затем нашел другого скупщика рыбы; дело процветало, особенно прибыльной неожиданно оказалась продажа сладостей встречающимся по пути детям. К письму прилагалось фото его усеянного рекламными наклейками мотоцикла, с лучащимся от гордости филиппинцем за рулем, дальше на листке бумаги в клеточку был представлен тщательно разработанный план погашения ссуды в триста долларов. Мануэль по собственному почину выбрал срок пятнадцать лет со ставкой шесть процентов и вышел на месячную выплату в 2 доллара 53 цента. За первое полугодие он прилагал чек на 15 долларов 18 центов.

– Да черт побери, – пробормотал Джон. – Неужели я никогда не смогу потратить свои деньги?

Похоже, Пол не понял волнение Джона. Он пробежал взглядом письмо, спокойно изучил план погашения ссуды, указал на одно из чисел и произнес, потянувшись за калькулятором:

– По-моему, он обсчитался.

– Речь вообще не об этом! – возмутился Джон.

– А о чем же еще? Ты ссудил ему деньги, он их возвращает. Самая нормальная вещь в мире.

– С процентами! – Джон вскочил. – Проклятье, я дал ему деньги, чтобы у него был шанс что-то построить… а теперь я еще на этом и зарабатываю! Чем все это закончится? Я даю людям деньги, они мне их возвращают. Должно же это когда-нибудь закончиться! Иначе когда-нибудь у меня окажутся *все* деньги, и что потом? Тогда у меня будет весь мир или как? Это же не имеет смысла!

Пол откинулся в кресле и задумчиво посмотрел на него.

– Не думаю, что до этого дойдет. Что тебе когда-нибудь будет принадлежать весь мир, я имею в виду.

– Ты так не думаешь, вот как. Пол, деньги текут ко мне быстрее, чем я успеваю их тратить. Как же все может не прийти когда-нибудь ко мне?

– До сих пор все огромные состояния однажды исчезали.

– До сих пор.

– Если бы все было так просто, как ты думаешь, то весь мир давно принадлежал бы семье Рокфеллеров, если уж не потомкам Фуггеров.

Джон пронзительно вскрикнул:

– А как же? Кто я такой? Я потомок Якоба Фуггера!

– Утверждает некая Урсула Вален. На мой взгляд, ты в первую очередь потомок Франческо Фонтанелли.

– О да! – Джон рухнул в кресло, закрыл рот кулаком и уставился в потолок. Некоторое время царило молчание, нарушаемое щелканьем ручки, которой поигрывал Пол. – А как насчет пророчества?

– А что насчет него? – Голос Пола доносился словно с расстояния в миллион миль.

– Я наследник? Да. *Истинный* ли я наследник? Нет. Я не могу вернуть людям утраченное будущее. Я понятия не имею, как это сделать. Я даже не знаю, о чем вообще идет речь. – Он шевельнул сложенными руками. – Лоренцо знал бы. Лоренцо был им. Но Маккейн убил его…

– Джон, – произнес Пол.

– Хм…

– Не знаю, стоит ли мне восхищаться божественным провидением, которое позволяет ломать свои планы с такой легкостью, как это сделал Маккейн.

Джон удивленно поднял голову. Пол сидел за своим письменным столом, вертел в руках шариковую ручку и казался несколько раздраженным.

– Что?

– Я считаю все это величайшей чушью, – сказал Пол. – Без разницы, чей ты потомок и какие там у кого были видения. Важно настоящее. Сейчас у тебя на шее состояние и концерн, и ты должен управляться с ними. До чего другого мог бы додуматься твой кузен? Ему было шестнадцать, боже мой! Разве в этом возрасте можно что-то знать о жизни?

– Что в этом возрасте можно знать о жизни? – Джон встал. – Я тебе покажу, что знал о жизни в своем возрасте Лоренцо. – Он бросился в свой офис, перерыл все ящики в поисках обеих частей статьи в школьной газете и их переводов, сделанных им самим, и вернулся с ними к Полу. – Вот. Почитай.

Пол прочел. Читая, он сначала ухмылялся, потом по мере прочтения стал хмурить лоб и наконец произнес:

– Хм…

– Ну? – нетерпеливо поинтересовался Джон. – Гениально, правда?

– Не знаю. Немного напоминает один из этих памфлетов, которые хотят доказать, будто Эйнштейн был неправ, или то, что не может быть верна теория эволюции. Которые вкладывают нам в руки на Таймс-сквер какие-то ненормальные со вшивой бородой и безумным взглядом. – Он отложил листки в сторону, словно в них поселились блохи.

– Почему? – набросился на него Джон. – Скажи мне, что не так. Я читал, проверял. Создание денег работает именно так. Через Центральный банк и через коммерческие банки. Лоренцо не писал об этом, но ведь я знаю игру по своему собственному банку: кто-то вкладывает деньги, чтобы я мог их дать взаймы, и так далее. Так возникает все больше активов, которые считаются деньгами. Ведь все верно?

– Да, – неохотно кивнул Пол.

– Но то, что он говорит, не написано в книгах, которые я читал. А ведь это так очевидно. Потому что вместе с активами должны возникать долги. Всегда, неизбежно. И причем из-за процентов *больше* долгов, чем активов. Вся эта система необратима. Ее нужно запускать снова и снова, и чем больше стараешься, тем глубже увязаешь. Эффект снежного кома.

Пол Зигель озадаченно заморгал.

– Не знаю. Это довольно неортодоксальный взгляд на вещи… Он противоречит всему, что я учил.

– Да, я догадался. – Джон снова опустился в кресло. – И при всем желании я не пойму, что мне со всем этим делать.

Некоторое время царило молчание. Негромкий шелест, доносившийся с той стороны стола, свидетельствовал о том, что Пол еще раз читает текст.

– У тебя есть две альтернативы, – наконец произнес он. – Либо денежная экономика со всеми ее преимуществами и недостатками, либо вернуться к форме бартерной торговли. Которая обладает в основном только недостатками. Ладно, сегодня легко представить себе, что со всеми этими компьютерами и Интернетом можно сделать все то, что не работало раньше… Но я, честно говоря, не представляю себе, как конкретно это можно осуществить.

– Думаешь, что мы, даже если изобретем гениальную альтернативу денежной системе, не обладаем властью, необходимой для ее реализации?

– Нет, – без колебания произнес Пол.

– Крупнейший концерн мира? Крупнейшее состояние всех времен в одних руках?

– Никогда в жизни. Тут мир вдруг объединился бы. Но против тебя.

– Да, – кивнул Джон, запрокинул голову назад. – Именно так я и подумал.

В голове пульсировало. Он чувствовал какое-то недомогание, примерно такое, как будто он что-то проглядел, какую-то взаимосвязь, какую-то важную деталь, но не мог понять какую. Но, может быть, он просто заболел. Он коснулся лба. Горячий. Неудивительно – после всех этих недель стресса.

Он встал. За окнами уже темнело.

– Пойду домой, – сказал он. Пол удивленно посмотрел на него. – Мне нехорошо. Лучше выпью-ка я травяного чая и пораньше лягу спать.

– О! – сказал Пол. – Так и сделай. – Он поднял переводы статей Лоренцо. – Можно, я пока оставлю это у себя? Может быть, мне что-нибудь придет в голову.

– Ясное дело, без проблем. Спасем мир в другой раз.

Когда Джона привезли к замку, его встретил противный снег с дождем.

– Подъехать через гараж, сэр? – спросил шофер. Таким образом можно было добраться до дома, не замочив ног, хоть и по множеству лестниц, подъем по которым показался Джону в тот момент более утомительным, чем пять шагов под дождем.

– Нет, – сказал он. – Я дойду.

В доме дворецкий снял с него мокрое пальто, протянул ему нагретое полотенце для волос и, после того как Джон высушился, расческу и зеркало. Джон попросил передать на кухню, чтобы ему принесли чай от простуды, и поплелся наверх, в свои комнаты.

Чай принесла горничная – Франческа, спустя столько лет такая же робкая, как и тогда, когда начинала работать на вилле в Портечето. Она принесла поднос, на котором были маленький фарфоровый чайник, подходящая чашка, лимон, молоко, сахар, а также небольшие песочные часы в золотой оправе, показывавшие, когда можно вынимать ситечко, и блюдце для последнего. Поскольку необходимое время как раз подошло, она вынула ситечко и налила ему чашку чая.

– *Grazie* [90], – сказал Джон.

– *Prego* [91], – прошептала она, но вместо того, чтобы, как обычно, удалиться, словно тень, она нерешительно начала: – *Scusi, signor Fontanelli* …[92]

Джон понюхал чай, чувствуя себя больным, а его голова при этом собиралась вот-вот расколоться.

– *Si?* [93]

Казалось, она никак не может осмелиться рассказать о своем деле.

---

[90] Спасибо (*итал.*).

[91] Пожалуйста (*итал.*).

[92] Извините, синьор Фонтанелли (*итал.*).

[93] Да? (*итал.*)

– Я… э… получилось так, что я, э… – начала она, и каждое слово отдавалось в его ушах с такой силой, что его начинало трясти.

– *Come?* [94] – прошептал он.

– Диск, – выдавила она из себя, размахивая руками, словно у нее начались судороги. – Я купила себе диск и… хотела спросить вас, не будете ли вы против…

Он смотрел на бледную узкобедрую горничную слезящимися глазами и спрашивал себя, неужели она всерьез полагает, что он может разрешать или не разрешать покупку дисков.

– …если я как-нибудь послушаю его на вашей стереоустановке? – наконец выдавила она и отпрянула, словно ожидая, что ее побьют, глядя на него огромными глазами. – Конечно, только когда вас нет дома, – шепотом добавила она.

И это все? Джон устало кивнул.

– *Si. D 'accordo* [95]. – И возблагодарил небо за то, что она наконец оставила его в покое.

Он пил чай маленькими глотками, и с каждым глотком происходящее с ним все меньше напоминало простуду. Скорее было похоже на то, как будто в голове его начали брожение мысли. Казалось, она стала весить тонну. Может быть, вызвать врача? Или принять таблетку?

Он был уже не в состоянии размышлять над этим, принимать какие бы то ни было решения. Без сомнения, сегодня ночью его голова взорвется – ну и пусть. Он выпил чай и лег в постель, где провалился в беспокойный сон со множеством безумных сновидений.

На следующий день он проснулся, чувствуя себя так, словно не спал, а был в обмороке. Ему стало лучше, но ненамного: ощущение было примерно таким же, когда на серьезной ране появляется первая тонкая кожа, которая может в любой момент порваться. Несмотря на это, сидеть дома ему не нравилось, поэтому он попросил отвезти его в офис. Там он обнаружил на своем столе записку от Пола, где тот желал ему скорейшего выздоровления и писал, что улетает в Париж на переговоры и вернется только к вечеру.

Он отменил все встречи, вместо этого стал читать деловые отчеты из «Банко Фонтанелли» и южноамериканской рудничной компании, а также газеты. Маккейн, который за последние недели выступал перед общественностью чаще, чем за два года на должности главы «Фонтанелли энтерпрайзис», постепенно становился идолом инвесторов всего мира. Он открыто высказывался за то, чтобы освободить от налогов «результативную элиту», единственным смыслом которой якобы является поддержание существования тех, кто «не достигает результатов».

– Природа тоже не знает социальных выплат, – провозглашал он под аплодисменты на экономическом симпозиуме и требовал, кроме прочего, жесткого упразднения всех препятствий для торговли, а также радикального дерегулирования рынков.

Джон посмотрел новости о демонстрациях, состоявшихся перед закрытыми дверями центра, где проходила конференция. Пожилой человек в толстых, словно донышко бутылки, очках пояснял репортерше:

– Я тяжело болен, у меня сахарный диабет, я безработный вот уже семь лет. Я вышел на демонстрацию, потому что у меня такое чувство, будто Маккейн и его прихлебатели предпочли бы отправить таких, как я, в газовые камеры.

Меморандум из отдела рыночной аналитики сообщил о том, что создается все больше предпринимательских кооперативов под руководством Маккейна, который уже заседал в одиннадцати наблюдательных советах, среди прочего – во втором по величине после «Фонтанелли энтерпрайзис» производителе энергии. Биржевой курс предприятий,

---

[94] Как? (*итал.*)

[95] Да. Я согласен (*итал.*).

принадлежащих «Моррис-Кэпстоун», если они были ориентированы на биржу, поднимался до высот, казавшихся прежде неслыханными.

Джон принял все это к сведению и подумал о том, что, как бы он ни изворачивался, его не оставляло чувство грядущей опасности, а также чувство того, что он не справился с задачей.

Общий зал лежал в полутьме, в окнах виднелась панорама огней Лондона. Они были единственными посетителями, и если стоящий за барной стойкой мужчина в дальнем конце большого зала ждал, когда они наконец уйдут домой, то не подавал виду, полируя и без того чистые бокалы.

– Раньше можно было просто посидеть в какой-нибудь забегаловке, – сказал Джон.

Пол отпил из своего бокала.

– И, тем не менее, мы этого не делали.

– Но мы *могли* это сделать.

– Не могли. Потому что у тебя, кстати, никогда не было достаточно денег.

– Вечно что-нибудь не так. – Джон заглянул в свой бокал. – Со времен Мехико они настолько тщательно меня оберегают, что мне иногда кажется, что я живу в тюрьме.

– М-да. Ничто не дается даром. Даже безграничное богатство.

От окон исходила приятная прохлада. Вдалеке морозно сверкала Темза. Далеко внизу видны были машины, пешеходы, идущие большей частью парами, возникающие на несколько мгновений в неярком свете фонарей и через несколько шагов снова сливающиеся с ночью.

– А что дальше? – поинтересовался Джон.

Пол поднял брови.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы забываем о пророчестве. Мы похоронили все амбиции относительно того, чтобы повлиять на ход истории. Мы занимаемся *business as usual* [96], покупаем, продаем, нанимаем, увольняем, платим деньги. – Джон повернул бокал в руках. – А потом?

Пол откинулся назад.

– Ничего «а потом». Этим можно заниматься всю жизнь.

– Но какой в этом смысл?

– Ты не предприниматель, это хорошо видно. Дело не в выплатах, а в том, чтобы что-то делать. Такой концерн – это постоянное развитие. Где-то постоянно что-то происходит, изменяются условия, нужно реагировать или успевать предугадать. Такова игра. Да, игра, как бейсбол. В конце концов играешь просто потому, что это доставляет удовольствие.

Джон вгляделся в остатки на дне бокала, наконец опрокинул его в себя и жестом заказал новый.

– Когда ты последний раз был на бейсбольном матче?

– О! – Пол задумался. – Это было давно. Думаю, последний раз мы были вместе на игре «Нью-йоркских янки». Перед тем, как я уехал в Гарвард. – Он покачал головой. – Но, хоть убей меня, я не помню, против кого они играли.

– Я тоже. – Официант подошел, поставил перед ним новый напиток, забрал старый бокал. Пол тоже попросил повторить. – Я когда-то следил за играми в лиге, но потом у меня некоторое время не было телевизора, и я оказался совершенно не в теме.

– У меня примерно так же. Готовился к экзаменам.

Джон кивнул, сухо рассмеялся.

– Разве это не ужасно? То, как быстро теряется смысл истинных ценностей?

– Буквально трагично.

Принесли новый напиток для Пола. Он взял его, с благодарностью кивнул, отпил

---

96 Обычным бизнесом (*англ.*).

глоток, подождал, пока официант удалится.

– Знаешь, – произнес он, – сейчас происходит становление новой финансовой династии. Семья вроде Рокфеллеров, Ротшильдов или Медичи. Или Фуггеров – как угодно. Когда-нибудь ты найдешь себе женщину, которая переносит деньги и роскошь, нарожаешь кучу детей, которые спокойно себе вырастут, будут посещать лучшие школы мира и постепенно входить в курс дела…

– Ты сейчас говоришь, как Маккейн. Тот тоже постоянно доставал меня тем, что я должен основать династию.

– Ну что ж, не все, что он говорил, было глупостью. Судя по тому, что ты рассказывал, и тому, что я читаю в газетах, нервы у него сдали недавно. – Пол стал двигать бокал по столу. – Так просто и случается, веришь? В Гарварде это хорошо видно, все эти сынки и дочки… Еще при твоей жизни состояние вырастет, у твоих детей будет стабильная жизнь, а уже в поколении твоих внуков оно начнет таять. Так происходит со всеми крупными состояниями. Но триллиона долларов хватит на много поколений, сколь расточительны они ни были бы.

Джон сделал еще глоток, и ему захотелось сегодня напиться вдрызг.

– Звучит потрясающе. Может быть, когда-нибудь им придется потратить последние пару миллионов на ведро воды, кто знает?

– Эй! – сказал Пол. – Ты можешь и пожертвовать деньги, если тебе это больше нравится. Старый Рокфеллер так и сделал, когда у него под конец помутился рассудок, и его пожертвования сегодня уже неотделимы от медицины, образования и науки.

– Лучше поискать кого-то с виде́нием. Который положит полмиллиона на пятьсот лет в банк, а какой-нибудь нищий идиот в 2500 году унаследует триллион долларов. Или какая там будет валюта. – Он допил залпом, наслаждаясь жжением в горле. Это помогло, боль в душе отпустила, словно кто-то накрыл ее ватным одеялом. – Кто знает, может быть, состояние Фуггеров тоже возникло аналогичным образом? Я буду хохотать до упаду, если однажды это обнаружится. Эй! – крикнул он, поднимая пустой бокал. – Еще один. Двойной!

Пол критически посмотрел на него.

– Ты собираешься напиться?

– Верно подмечено, – похвалил Джон.

– Не делай этого.

– Я должен. Я должен, иначе сегодня ночью у меня взорвется мозг от всех этих мыслей, которые там крутятся. – Но затем махнул рукой мужчине за стойкой: – Отменяется. Одну колу, пожалуйста.

Повисло неловкое молчание, длившееся до тех пор, пока кола не оказалась на столе перед Джоном. Потом Пол вздохнул и произнес:

– Знаешь, возможно, сейчас мы переживаем гораздо более важную фазу, чем понимаем сами. Может быть, мы становимся свидетелями возвращения средневековья.

– Средневековья? – В этот миг перед внутренним взором Джона вдруг возникло строгое лицо Якоба Фуггера, портрет которого все еще висел в его спальне.

– Я когда-то что-то подобное читал, не помню уже где. Кто-то провел параллели между сегодняшними концернами и властными структурами в средневековье. К примеру, ты король, я твой канцлер, директоры – это герцоги, которых ты назначил, и так далее до твоих служащих, твоих подданных. – Он сделал жест рукой от потолка до пола. – Твой замок, охраняемый верными рыцарями, так? У тебя собственная система коммуникации, и если подумать, то во всех столовых, на фирменных заправках и так далее можно расплатиться удостоверением фирмы, а значит, есть и своя финансовая система. И пока вокруг запустевают земли, деградируют нравы, пока варвары толпятся у границ и повсюду возникают кризисы, ты и другие короли развиваете свои империи, ваша власть растет, и когда-нибудь старая великая империя – тогда это был Рим, сегодня предположительно Америка – падет и в мире наступит новый порядок.

– Эй! – восхищенно воскликнул Джон. – А ведь неглупо.

Перед его внутренним взором возникли старые стены монастыря, закованные в броню рыцари и пестрые торговые караваны. Он вдруг почувствовал горностаевую мантию на плечах.

– Правда? – произнес Пол и с горечью добавил: – Но ведь средние века – это темные столетия невежества, полные войн, болезней и нищеты. Может быть, пока мы еще можем, мы должны основать ряд монастырей, где хотя бы будет шанс сберечь сегодняшнее знание. Если уж свобода и демократия после столь короткого расцвета снова скатываются в феодализм.

Джон кивнул, потрясенный.

– Да, – произнес он. – Может быть, нам действительно стоит сделать это. – Он обвел взглядом город. Башни вокруг вдруг стали выглядеть как зубцы вражеского замка, а улицы внизу – как бастионы и ходы на крепостной стене. Туман показался дымом близкой битвы. – Какая мысль…

Позже он уже не мог сказать, что в конечном итоге послужило спусковым механизмом. Он вдруг почувствовал, что оцепенел, как что-то внутри него судорожно сжалось, так, как будто кожа, которую он начал чувствовать на раненом месте души, натянулась пузырем и лопнула, как потекло вниз все, что в нем собралось, переполнило его волнами образов, идей и чувств. Наверняка в том, что сказал Пол, было ключевое слово, вызвавшее цепочку ассоциаций, неудержимую, словно ряд падающих костяшек домино, и, пока все это происходило, мир его разбился, он сам разбился и снова собрался из тех же самых частей, только в новом порядке, лучшем порядке, впервые правильно, с тех пор как он научился мыслить. Ощущение было такое, словно на него обрушилась лавина кусочков мозаики, чтобы потом собраться самостоятельно. На это не нужно было тратить усилий, поскольку все усилия давно уже были приложены, нужно было только втянуть голову, чтобы не покалечило, и задержать воздух.

– Я понял, – хрипло прошептал он. И остался сидеть неподвижно, глядя куда-то вдаль, на улицу, на здание, на светящееся окно – далеко-далеко, лишь в виде яркой точки.

– Что-что? – переспросил Пол.

– Я знаю, что нам нужно сделать. – Он сидел неподвижно, потому что малейшее движение могло прогнать видение.

Пол наклонился вперед и посмотрел на него, раздраженно и внимательно.

– Что мы должны сделать? – повторил он.

– Чтобы исполнить пророчество.

– Джон, ты не…

– Это совсем просто. Так просто. Мы давно уже могли додуматься.

– О! – озадаченно произнес Пол. Некоторое время он размышлял, пока Джон смотрел неотрывно на светящуюся точку в темной дали, и наконец спросил: – И что же?

Джон сказал ему. Сказал ему, что они должны сделать.

Когда он закончил, в комнате повисла тишина, такая, словно замерз воздух. Джон вышел из оцепенения, отыскал взгляд Пола, заглянул в большие удивленные глаза.

Впервые в жизни ему удалось озадачить Пола Зигеля.

46

Нью-Йорк, *caput mundi* , столица мира. Первый по-настоящему чудесный весенний день разлился над городом на Гудзоне, от мокрых крыш домов поднимался пар, сияние стеклянных башен Манхэттена было видно далеко в Атлантическом океане. Можно было подняться на крышу Всемирного торгового центра и окинуть взглядом просторный свежевымытый мир, не прячась от ледяных ветров и ливней.

Никто из тех, кто видел, как заходит на посадку знаменитый, единственный и неповторимый самолет с темно-красной буквой *«f»* на борту, ничего не заподозрил. Самолет прилетал в Нью-Йорк достаточно часто, чтобы стать привычным зрелищем.

– «Манифорс Ван», посадка разрешена.

Никто не догадывался, что на этот раз Джон Фонтанелли прилетел, чтобы изменить мир.

Резиденция Организации Объединенных Наций на Ист-Ривер представляет собой большое открытое, удачно расположенное здание, построенное по идеям архитектора Ле Корбюзье, до сих пор излучающее величие и оптимизм. При этом каждый, кто хотел войти в него, должен был иметь при себе пропуск с большой цветной фотографией, который можно было получить только после тщательных проверок, и позволить тщательно досмотреть свой багаж и себя самого. Вооруженные сотрудники службы безопасности и металлоискатели создают особую атмосферу сразу же, у входа.

Лимузину, доставившему Джона Фонтанелли и Пола Зигеля из аэропорта, махнул рукой крупный охранник, указав подготовленное место для парковки. Кордон вооруженных людей проводил их по широким лестницам наверх, провел их через все заслоны, и никто даже не поинтересовался их пропусками. Наконец их доставили на 38 этаж, где их встретили большие, почти стерильные на вид комнаты и лично генеральный секретарь ООН Кофи Аннан.

– У меня всегда было такое чувство, что однажды мы познакомимся, – произнес он. – Добро пожаловать.

Позднее, устроившись поудобнее, после обмена обычными любезностями, Джон заговорил о своем деле.

– Вы знаете, что я стараюсь исполнить пророчество своего предка, – сказал он. – Я долго не мог понять, как это осуществить. Но теперь знаю. Я хочу сделать кое-что, для чего мне не помешает ваша поддержка. Она мне не нужна, но хотелось бы иметь ее. В крайнем случае я могу сделать то, что собираюсь, и сам, но мне хотелось бы, чтобы это было не так.

– Чем я могу вам помочь? – спросил Аннан.

– Давайте сначала поговорим о глобализации, – попросил Джон.

В 1998 году во всем мире было 25000 объединений фирм, то есть слияний или поглощений. Одним из самых сенсационных стало объединение немецкого акционерного общества «Даймлер-бенц» и американской корпорации «Крайслер», которые образовали первое трансатлантическое предприятие «Даймлер-Крайслер», став третьим по величине производителем автомобилей в мире. Самой же гигантской сделкой стало поглощение инвестиционного дома «Бэнкерс траст корпорейшн» банком «Дойче банк», который благодаря общей сумме в 1,4 триллиона долларов вышел на первое место в мире, обогнав предыдущего фаворита «УБС» – «Объединенный банк Швейцарии».

– О чем мы говорим? – произнес Пол Зигель. – Мы говорим о том, что разбираются шкафы и устанавливаются коммуникации. Мы говорим о том, что нечто давно известное нам на примере Олимпийских игр – всемирное состязание, невзирая на происхождение, цвет кожи или религию, – происходит сейчас и в области экономики. Программисты из Индии, врачи из Египта – то, что во всем мире есть способные люди, уже давно перестало быть теорией, мы все это видим. Былые предрассудки меркнут, возникает обоюдное уважение. Разговоры ведутся не потому, что люди вынуждены делать это, а потому, что они этого хотят. Мы говорим о всеобъемлющем глобальном объединении, которое делает мир привлекательнее и вероятнее войны, что уже само по себе оправдывает его. Когда мы говорим о глобализации, то говорим, если уложиться в одну фразу, о процессе, обладающем потенциалом для того, чтобы решить крупнейшие проблемы человечества.

Генеральный секретарь благосклонно кивнул.

– Вы говорите о том, чем я живу, – произнес он.

– Темная сторона глобализации, – произнес Джон Фонтанелли, – заключается в том,

что возникли концерны, способные противопоставить друг другу государства, чтобы заставить их пойти на губительные уступки. Я знаю это, потому что сам поступал так достаточно часто. Я давил на правительства, подкупал депутатов, манил инвестициями или угрожал оттоком рабочей силы, чтобы получить то, чего хотел: право разведки или другие лицензии, прибыльную монополию или условия, которые позволили бы мне исключить из игры конкурентов. Иногда я просто разрушал национальную промышленность, чтобы заполучить рынок целиком. С тем результатом, что не оставалось равных шансов, даже приблизительно. Выступать против такого концерна как «Фонтанелли энтерпрайзис» для обычного предприятия равносильно игре против того, кто одновременно обладает пятнадцатью ферзями. – Он поднял руки, извиняясь. – Я не горжусь этим. Я просто говорю, как было. Я действовал под влиянием своего бывшего управляющего, и, тем не менее, я за это в ответе. На всех договорах, письмах и прочей документации стоит моя подпись.

– Никто вас не упрекает, – произнес Аннан.

Джон кивнул.

– Да. Но именно в этом и заключается проблема, правда? Что нет никого, кто мог бы меня упрекнуть. Не осталось законов, которые связывали бы меня по-настоящему. Я могу делать все, что угодно. – Джон наклонился вперед. – У нас есть слово для организаций, которые делают все, чего им хочется, не обращая внимания на законы. Слово, которое пришло в наш язык из итальянского: *мафия* .

12 июля 1998 года французская национальная сборная выиграла чемпионат мира по футболу благодаря убедительной победе над командой Бразилии, которой прочили первенство. Интересно то, что многие игроки команды были родом из бывших французских колоний за морем или в Северной Африке. После чемпионата мира можно было наблюдать, как правые партии Франции сворачивают свои расистские кампании.

– Это должно быть совершенно очевидно, – продолжал Джон. – Мы вынуждаем повсеместно сокращать заработные платы и социальные выплаты. Зато наши прибыли возрастают десятикратными темпами, не говоря уже о биржевых курсах. То есть совершенно ясно, что те правительства, для которых действительно важно благосостояние граждан, не должны поддерживать такие изменения. Но на самом деле у них нет выбора. Несмотря на то, что многие главы правительств до сих пор пребывают в мире иллюзий относительно того, что хотя бы в главных вопросах они сами могут принимать решения: они не могут, а концерны вроде моего получают на этом прибыль.

Мужчина, возглавляющий ООН, обеспокоенно кивнул.

– Когда я говорю «получают прибыль», то имею в виду, что они зарабатывают деньги. И этой цели приносится в жертву все, подчиняется все. Даже концерн «Фонтанелли энтерпрайзис», как я понял, несмотря на все благородные декларации, там, где это было ненаказуемо, сливал отравленные сточные воды в реки, сбрасывал промышленные отходы на мусорные свалки, отравлял воздух, игнорировал условия по охране труда, пренебрегал обязательствами по охране окружающей среды и обходил предписания здравоохранения. А почему? Потому что, если мы этого не сделаем, это сделают другие. В некоторых случаях я препятствовал этому, с тем результатом, что наши конкуренты смогли предложить более дешевый товар и наш сектор на рынке сокращался, пока нам не приходилось закрывать отдел. – Джон вытянул руку ладонью вверх. – Мы поступаем так не потому, что мы жадные. И мы не просто злые люди. Мы поступаем так, потому что у нас возникает чувство, будто мы должны так делать. Мы дичь, которая гоняется друг за другом. Поскольку все дозволено, мы не можем позволить себе бояться собственных бесчестных поступков.

На какой-то удивительный миг у Джона возникло чувство, что он всегда знал, что однажды будет здесь сидеть. Даже тогда, когда проезжал мимо с пиццами на велосипеде, там, где сейчас стоял лимузин. Как будто вся его жизнь была лишь подготовкой к тому, чтобы произнести слова, которые он говорил теперь.

– Но разве это идеал – предприятие, которое может действовать вне закона? Я не вижу,

чем такое предприятие отличается от преступной организации. – Он покачал головой. – Я не думаю, что кто-то действительно хочет этого. Может быть, кто-то хочет стать богатым – но этого можно достичь и там, где есть правила игры. Просто правила должны быть справедливыми и одинаковыми для всех. Это отправная точка. Такие правила игры, такие законы на самом деле не служили бы ограничением, наоборот – они принесли бы облегчение. В принципе, нам их *не хватает* .

Генеральный секретарь ООН промолчал, только поднял брови.

Джон сцепил пальцы рук.

– В эпоху Дикого Запада люди быстрее уходили в неизведанные земли, чем за ними могла последовать государственная власть. Тогда разбойничьи банды правили большими районами страны, пока закон постепенно не начал набирать силу. И в такой ситуации мы оказались снова. Многонациональные концерны стали могущественнее государств. Это значит, что превышен принцип упорядочивания национального суверенитета. Что необходимо, так это транснациональная власть, которая будет представлять закон и порядок на глобальном уровне.

Кофи Аннан глядел на него с обеспокоенной задумчивостью.

– Вы случайно не думаете при этом об Организации Объединенных Наций? – на всякий случай уточнил он.

– Нет, – ответил Джон Фонтанелли. – Я не думаю при этом об Организации Объединенных Наций.

В эти дни здание номер 40 по улице Уолл-стрит, до сих пор известное как «Фонтанелли тауэр», стало объектом интенсивных строительных мероприятий. Батальоны упаковщиков в униформах вытаскивали мебель, коробки и ящики, сгружая их в автомобили, подъезжавшие бесконечной чередой. В то же время на внешней стороне фасада велись работы. Нижние пять этажей раскрашивали различными стилизованными человеческими фигурками красного, желтого, черного, зеленого и синего цветов. Этажи выше красили совершенно новой, недавно изобретенной краской, содержащей оптические осветлители, подобные тем, что содержатся в моющих средствах, и заставлявшей здание сверкать невиданным, почти неземным белым цветом.

– Что это будет? – поинтересовался репортер у старшего прораба.

– Нижние пять этажей, – пояснил тот, перекрикивая шум грузовиков и компрессоров для распылителей краски, – станут штаб-квартирой…

– Нет, та часть, которая выкрашена белым?

– О, это? – Старший прораб снял шлем, вытер с лица пот, брызги краски и пыль. – Да, это вещь…

– Равно как и все остальные международные организации – ВТО, МВФ, Всемирный банк и так далее, Организация Объединенных Наций была создана правительствами стран в основном для того, чтобы вести диалог в вопросах международного значения. Но сама она не имеет власти. Никогда не было намерения создать мировое правительство. Напротив, люди хотели всеми средствами *помешать* возникновению всемирного правительства. Поэтому ООН лишили настоящей власти.

Генеральный секретарь нахмурил лоб.

– Что именно вы имеете в виду?

– На этой планете существует лишь одна реальная власть, – сказал Джон Фонтанелли. – Мне понадобилось много времени, чтобы это понять. Хотя это было так очевидно.

Энергичный на вид мужчина с рыжевато-каштановыми волнистыми волосами подождал, пока фотографы приготовятся снимать, а затем размашистым жестом снял белое покрывало с вывески рядом со входом в здание. И так и стоял, в окружении вспышек, указывая рукой на символ, который он открыл.

Напоминая эмблему ООН, он состоял из пяти стилизованных голов неопределенного пола на фоне карты мира, голов тех же самых цветов, которыми обычно рисуют олимпийские кольца: синего, желтого, черного, зеленого и красного, – и расположенных примерно так же.

Под ним была надпись: «*We The People Org. – Headquarters*» [97].

У него было такое чувство, будто в груди тлеет пожар, поглощающий его, заставляющий говорить то, что нужно было сказать, прежде чем станет поздно, без отсрочки, без колебаний, без размышлений. Словно дальние отблески света на краю сознания, возникали другие, полные сомнений мысли; он уже не позволял говорить Полу, хотя они заранее распределили роли, и генеральному секретарю: возможно, за его вежливым интересом, в конце концов, только и стоит, что вежливость? Потому что даже генеральный секретарь ООН не может позволить себе сердить самого богатого человека в мире? Но уже в следующий миг эти мысли улетучивались, забывались, словно их и не было никогда.

– Я уже не смогу сосчитать случаи, – говорил он, – когда я обманывал, надувал или по крайней мере успокаивал общественность, поводы, по которым я пытался отвлечь внимание общественности от определенных вещей путем манипуляций средствами массовой информации. Не знаю уже, сколько часов в целом я провел, ломая себе голову, как отнесутся люди к тому, что я собираюсь сделать. Я тратил кучу денег, чтобы вызвать определенные эмоции у людей, которых нужно было привлечь или удержать от чего-то, короче говоря, чтобы повлиять на ход их мышления, их чувства, а тем самым и на их решения. А теперь я спрашиваю вас: для чего же?

Казалось, вопрос повис в воздухе, словно звук, который стихает так медленно, что в какой-то момент вы уже не уверены в том, слышите ли вы его или вам это только кажется. Джон Фонтанелли огляделся по сторонам, всматриваясь в лица молчаливых собеседников. Интересно, как чувствовал себя Джакомо Фонтанелли, рассказывая о своем видении? Мучили ли и его тоже эти моменты малодушия, эти искры жгучего страха, накатывавшие на него, словно волны?

– К чему все эти усилия? – негромко, дрожащим голосом продолжал он. – Я ведь могущественный человек, так говорят. Зачем мне прикладывать такие усилия, чтобы повлиять на людей, обычных людей на улицах, на фабриках и в метро? Мне ведь должно быть все равно, что они думают. Или нет?

Звук его голоса терялся среди голых стен офиса, откуда открывался вид на просто бесконечное море домов, лишь на горизонте исчезавшее в коричневой дымке.

– И подумайте обо всех *по-настоящему* могущественных людях, великих диктаторах истории – каждый из них был одержим тем, чтобы контролировать и подчинить господствующей идеологии СМИ, чтобы контролировать то, что печатается, показывается, говорится. Зачем? Если он так могущественен, какое ему дело до болтовни? – Джон сложил руки, обхватил указательный палец правой руки левой, почувствовал, как тот пульсирует. – Потому что настоящей властью он не обладал. Потому что и я не обладаю настоящей властью. Это только так кажется.

Теперь наконец, словно выйдя из оцепенения, генеральный секретарь снова закивал – лишь слегка, лишь легкая улыбка показалась на его губах. Нечто похожее на опьянение овладело Джоном при виде того, что происходит: он, сын сапожника из Нью-Джерси, говорит с первым человеком в ООН – и тот внимательно его слушает…

– Есть только один источник истинной власти на земле, – произнес Джон с таким чувством, словно слова его были из стали, – и это сами люди. Народ. И когда я говорю это, то говорю не о чем-то, что «должно быть». Я говорю не о благородной идее или красивой мечте. Я говорю о факте, столь же неизменном, как движение звезд на небе. Человек,

---

[97] Штаб-квартира организации «Мы, народ» (*англ.*). Со слов «Мы, народ…» начинается Конституция США.

который хочет обладать властью, должен заставить других высказаться в его поддержку – это демократия, или заставить их забыть о том, что они обладают властью, заставить их поверить в то, что они бессильны. И это тирания.

Он посмотрел на Пола, который ободряюще кивал ему, потом на Аннана, поглаживающего свою седоватую бороду. Но ему казалось, будто в этот миг он снова сидит в Лейпциге, в Николаикирхе, и на этот раз чувствует то, что был не в силах воспринять тогда.

– Я понял это совсем недавно, – признался он. – В Лейпциге я узнал, что народ может просто встать и сказать: «Довольно». И что потом бывает. Я только удивился. Я сказал себе, что, наверное, это было какое-то особенное событие – нет сомнений, так оно и было, – но я не понял, что здесь проявился основополагающий принцип. – Он поднял руки, словно в знак капитуляции. – Даже в демократических государствах можно заметить это, если присмотреться внимательнее. Играют роль не только выборы, которые проходят каждые несколько лет. Нет, почти каждую неделю бывает так, что какой-нибудь министр или государственный секретарь мимоходом обронит какое-нибудь замечание или выскажет предложение, а потом смотрит на реакцию населения. Если поднимается недовольство, то еще можно все опровергнуть, подчеркнуть, что подразумевалось нечто другое, а все не так поняли. Таким образом народ постоянно участвует в принятии решений – сам того не замечая!

Он указал пальцем на генерального секретаря, почувствовал, как дрожат руки.

– Народы вас не выбирали. Никого из тех, кто сидит здесь, в Ассамблее, не выбирал народ. ООН не имеет демократической основы. И поэтому она слаба.

– Кажется, я начинаю догадываться, что вы задумали, – произнес Аннан.

– Нет, – сказал Джон Фонтанелли. – Это вряд ли.

Четырехэтажное здание было расположено рядом с главной площадью Цюриха, резиденцией всех швейцарских банков и местом крупнейшего денежного оборота в Альпийской республике. Из окна офиса, где работал руководитель организации «Фонд Фонтанелли по вопросам денежного образования» Эрнст Фербер, виднелся чугунный лев и несколько фонарей в форме виноградных гроздьев; слышался звон трамвая.

– Несколько десятилетий тому назад, – говорил своим посетителям неуклюжий мужчина с усиками и пронзительным взглядом васильково-синих глаз, – по всему миру проводились кампании, целью которых было донести до сознания всех людей необходимость основных гигиенических процедур. За ними последовали кампании по обучению каждого неграмотного взрослого. Свою будущую деятельность мы видим в этом ключе.

Один из журналистов поднял карандаш.

– Э… означает ли это, что вы хотите научить считать людей в странах третьего мира?

Фербер взглянул на него. На лбу у него образовалась грозная морщина.

– Если вы напишете это, молодой человек, вас больше никогда не пригласят ни на одну пресс-конференцию. Мы собираемся научить всех людей верному обращению с деньгами. Считать? Это самое малое. Большинство отлично умеют делать это.

– Но ведь и с деньгами обращаться – тоже, – скептически заметил другой репортер.

– Вы так думаете? А почему тогда так много погрязших в долгах хозяйств? Почему так много людей тяжко трудится всю жизнь и все равно умирает бедными? – Фербер покачал головой. – Позднее я познакомлю вас с доктором Фюели, нашим психологом, который придерживается той точки зрения, что у большинства людей больше проблем с деньгами, чем с сексом. Разделять его мнение или нет – этот вопрос я оставляю на ваше усмотрение, но, дамы и господа: обращение с деньгами – не вопрос роскоши. Не то, чем можно заняться на досуге, так, как в отпуске перелистывают путеводитель. Деньги – это элементарно. Никто не может уйти от этой темы, даже монах в монастыре. Денежные проблемы могут разрушить ваш брак или довести до болезни, слишком большие долги могут стать причиной ранней

смерти, и то, исполнится ваша мечта или нет, вполне может зависеть от того, умеете ли вы правильно рассчитать расходы на кредит.

Он провел горстку представителей прессы по светлому, кажущемуся свежим и просторным дому, позволил заглянуть в большие и маленькие офисы, где за комфортабельными столами сидели усердные сотрудники.

– Мы владеем собственными телевизионными спутниками, которые могут передавать в любую населенную точку Земли, – пояснил он. – Со следующего месяца наши телецентры будут производить и передавать учебные программы на ста двадцати одном языке. В данный момент мы каждый день учреждаем минимум два института в различных точках мира, которые тут же начинают работу; как правило, с того, что заказывают в типографии учебные материалы и книги.

– Звучит так, как будто вам самим денег вполне хватает, – заметила одна из журналисток.

Фербер солидно кивнул.

– Капитал фонда составляет шестьдесят миллиардов швейцарских франков. С таким капиталом «Фонд Фонтанелли по вопросам денежного образования» становится крупнейшим из когда-либо учрежденных фондов. – Он позволил себе скромную улыбку. – По крайней мере, в данный момент.

– Есть такая пословица: деньги правят миром. Однако, как ни странно, почти никто не думает о том, кто правит деньгами, по каким законам это происходит. Пожалуй, нет более загадочной отрасли, чем финансовая аристократия.

Джон посмотрел на присутствующих, а внутри у него растекалось тяжелое жалкое чувство. Страх. Как будто, произнося эти слова, он вступает на территорию могущественного врага.

Это ведь безумие, правда? Ему принадлежит один из крупнейших банков мира. Он владеет крупнейшим состоянием всех времен. Он и есть враг!

Но такого ощущения не было. На самом деле он не имел к этому отношения. Для директоров его банка он был чужаком, незваным гостем, узурпатором. Даже спустя три года его не принимали и не слушали.

– Финансы рассматривают как нечто вроде водоснабжения. Скучно. В принципе неважно. Они и без того функционируют по неизменным закономерностям, поэтому не стоит тратить время на эти рассуждения, – произнес Джон, и ему показалось, что он говорит о самом себе. Так он чувствовал большую часть своей предыдущей жизни. Деньги или были, или их не было, и если они были, то он их тратил. Даже сберегательный счет был за гранью его восприятия. Что-то для других людей. Как бы там ни было, экономической частью газеты он застилал мусорное ведро. – А ведь не может быть более ошибочного представления. Закономерности не неизменны и уж точно не незначительны.

Он увидел монитор компьютера на письменном столе генерального секретаря, указал на него.

– Финансы – это двигатель нашей цивилизации. Законы этой системы определяют то, как работает все остальное. Тот, кто может установить их, правит миром.

Мужчина, стоящий во главе ООН, поднял брови.

– Прежде я готов был поспорить, что ваше предложение заключается в том, чтобы основать мировое правительство, которому подчинялись бы войска всего мира. И тогда я сказал бы вам, что это невозможно.

Джон кивнул.

– Не сомневаюсь.

– Но, похоже, вы клоните скорее к тому, чтобы создать единое видение финансовой системы во всем мире.

– Верно.

Генеральный секретарь сложил руки.

– Подобное уже пытались сделать, мистер Фонтанелли, – серьезно сказал он. – Никто не спорит, что подобное начинание может сказаться благотворно на положении дел. Но до сих пор все подобные инициативы проваливались, поскольку государства не хотят никому позволить лишить себя суверенитета.

Джон кивнул. Вдруг ему стало кристально ясно, что было недоразумением полагать, будто видение может дать человеку уверенность. Этого оно не давало. Оно придавало человеку решимость.

– Ваше начинание достойно уважения, – продолжал Кофи Аннан, – но я не представляю себе, как вы собираетесь добиться этого.

– Не представляете? – Джон Фонтанелли удивленно поднял брови. – Я думал, это очевидно.

Ларри Кинг перегнулся через стол, заложив большие пальцы рук за широкие подтяжки своим коронным жестом.

– Мистер Фонтанелли, что может дать такой институт? Такой… Что это вообще будет? Что-то вроде всемирного Центрального банка?

– Нет. Скорее что-то вроде всемирного министерства финансов, – ответил гость.

– Разве нам это нужно? – спросил известный ведущий. – Мистер Фонтанелли, мне кажется, что я помню идею пророчества, которое вы пытаетесь исполнить, и суть была в том, что наследник состояния – то есть вы – вернет человечеству утраченное будущее. Тут в первую очередь думается о таких вещах, как озоновая дыра, защита от атмосферных воздействий и демографический взрыв. А вовсе не обязательно о деньгах и налогах.

– Но за всем стоят деньги. Люди голодают, потому что у них нет денег на еду. Люди рожают много детей, потому что это единственный шанс иметь спокойную старость. Зарабатывать на жизнь означает зарабатывать деньги, поэтому финансовые условия означают почти все, что мы делаем и позволяем делать.

– Но разве мир будет спасен, если я буду платить ту же налоговую ставку, что и, скажем, крестьянин, который выращивает рис в Индокитае, или сельский врач в Танзании?

Самый богатый человек в мире улыбнулся.

– Все сводится скорее к тому, что будет изменена система налогов в целом. – Он оперся на подлокотники кресла. – Я приведу вам пример из собственного опыта. Вы знаете, что по валютным рынкам мира бродят невообразимые суммы, более полутора триллионов долларов в день, и за доли секунды одну валюту обменивают на другую, чтобы заработать на малейших колебаниях курса. Это сделка, чтобы говорить уже абсолютно ясно, в ходе которой ничего не производится, не получается ничего стоящего. Никто от этого не насыщается. Каждый день меняет владельца большее количество денег, чем требуется для всего товарооборота земли, а вечером из-за этого на свет не появляется даже дополнительная краюха хлеба. Получаются огромные прибыли, но каждая прибыль до последнего знака после запятой – это с неизбежностью потеря для другого. У меня самого до недавнего времени был валютный отдел, и я принимал участие в этих сделках, но я не горжусь этим, поверьте мне.

– Но ведь люди в этих сделках играют друг с другом? Я имею в виду, это ведь все равно что банк в карточной игре – почему мне должно быть до этого дело?

– Потому что это оказывает влияние на вас. Смотрите, такая волна денег, которая постоянно находится в пути, настоящее цунами электронных валют, подчиняет себе все проявления в реальной, материальной сфере экономики, просто раскатывает ее весом больших чисел. Причиной возникновения азиатского кризиса, со всеми его ужасами, разоренными предприятиями и обанкротившимися фирмами, мы обязаны внезапной буре в торговле валютой.

– Которую вызвал концерн «Фонтанелли энтерпрайзис», – вставил Ларри Кинг, и его глаза за стеклами очков часто заморгали. – Нарочно. Чтобы надавить на правительства в регионе.

– Да. Это было довольно просто. Возможно, это было некрасиво, но вполне легально.

– Но что могло бы сделать против этого всемирное министерство финансов?

– Нечто удивительно простое и действенное, – сказал Джон Фонтанелли. – Кстати, еще с семидесятых годов существует план, разработанный экономистом, лауреатом Нобелевской премии Джеймсом Тобином, который в принципе экономически неоспорим. Он предполагает введение налога на все валютные транзакции, которому нет нужды быть выше одного процента.

– То есть я должен платить один процент налогов, если, скажем, собираюсь поехать в отпуск во Францию и хочу обменять доллары США на французские франки?

– Это будет практически неощутимо по сравнению с пошлинами, которые снимет с вас банк. Обычные экспортные сделки почти не ощутили бы этого, то же самое касается долговременных серьезных инвестиций.

– Чудесно, но что может дать такой налог?

– Торговцы валютой, – пояснил Фонтанелли, – меняют большую сумму денег в одной валюте – скажем, сто миллионов долларов США – на другую, чтобы через несколько часов, быть может, даже минут обменять обратно. Допустим, курс изменился на сотую долю процента, и они получили десять тысяч долларов. Если же за обмен он должен будет платить один процент налога, что в данном случае будет составлять миллион долларов, – а ведь ему нужно обменять дважды, один раз в другую валюту, второй раз обратно, – сделка вдруг перестанет быть выгодной. Причем налоги необязательно устанавливать в размере одного процента, даже ставка в десятую долю процента скажется благоприятно.

Ларри Кинг почесал подбородок.

– Ну ладно. Парни лишатся своей работы – а потом? Какой от этого прок крестьянину, выращивающему рис в Индокитае?

– Сегодня ситуация такова, что финансовый кризис в одной части мира тут же перекидывается на остальную часть глобуса. Вполне возможно, то крестьянин вдруг получит меньше денег за свой рис и окажется в беде только потому, что в Японии разорился банк или застопорилось производство в Бразилии. – Фонтанелли изобразил руками на столе что-то вроде вала. – Налог Тобина стал бы словно плотиной для наводнения. Она до определенной степени отграничит регионы друг от друга, чтобы эмиссионные банки смогли управлять уровнем налогов в своих странах так, как это будет уместно для текущего положения экономики. Причем речь идет всего лишь о пороге, не о стене – правительства и дальше смогут поступать, как им заблагорассудится.

– Но будет ли в этом смысл? Я имею в виду, когда на кону столько денег, как вы говорили, наверняка нужны легионы компьютеров, чтобы контролировать это?

– Конечно. Но все эти компьютеры уже существуют, иначе со всемирной торговлей вообще никто не совладал бы. Нужно только настроить программное обеспечение. Этот налог ввести легче легкого.

Ведущий покачал головой.

– Не знаю. Если это так просто, как звучит, то почему это давно уже не было сделано?

– Потому что те, кого это должно коснуться, натравливают государства друг против друга. Потому что, как только один-единственный финансовый центр в мире будет освобожден от налогов, он тут же перетянет на себя всю торговлю валютой. Это может сработать только в том случае, если будет введено во всем мире.

– И как это спасет наше будущее?

– Это только первый маленький шажок. Есть другие идеи, которые нужно проверить, – например, переход к экологически ориентированным налогам.

Ларри Кинг повернулся к камере.

– Все это мы обсудим после рекламы. Оставайтесь с нами.

Генеральный секретарь смотрел на своего посетителя весьма скептически.

– Я основал организацию, которая начинает работать на днях, – пояснил Джон

Фонтанелли. – Речь идет о независимом фонде с капиталом в сто миллиардов долларов, который в течение грядущих месяцев сможет организовать голосование во всем мире, референдум по поводу того, хочет ли человечество иметь такой институт с глобальными полномочиями. Организация называется «Мы, народ»; она будет располагаться по адресу Уолл-стрит, 40. – Ну, вот и сказано. Весь безумный план. – Будет избран всемирный спикер, представитель народов, для координации действий национальных правительств в вопросах глобального значения. – Джон поднял руку, словно желая опередить возможные возражения. – В бюллетене, конечно же, будет предусмотрена возможность голосования против подобного учреждения.

Кофи Аннан наклонился вперед, облокотившись на поручни, и посмотрел на Джона.

– Это очень смело. – Прозвучало это так, словно он собирался сказать что-то очень недипломатичное. Генеральный секретарь покачал головой. – Это безрассудно… смело, – повторил он, словно забыв другие слова.

Все время, с тех пор как он вошел в это здание, даже еще тогда, когда они садились в самолет, Джон пытался психологически подготовиться к возможному отказу. И теперь, к своему безграничному удивлению, он почувствовал, что именно из-за этого отказа у него прибавилось сил, которые помогут его идеям окрепнуть и расцвести. Он улыбнулся.

– Почему-то так говорят все. Вы сомневаетесь в том, что такой референдум можно провести?

– Имея сто миллиардов долларов за плечами? Мне хотелось бы иметь хотя бы один из них. Нет, я не сомневаюсь, что вы сможете провести такие выборы. Я сомневаюсь только, что из этого что-то получится. Почему вы думаете, что правительства станут слушать всемирного спикера?

– Потому что за ним или за ней будет стоять мнение всего человечества.

Генеральный секретарь хотел что-то ответить, но остановился, некоторое время задумчиво глядел прямо перед собой и наконец задумчиво кивнул.

– Без сомнения, это сильная моральная позиция, – признал он. Он поднял голову и посмотрел на Джона. – Как вы собираетесь справиться с обвинениями в подтасовке голосов?

– Все, кроме самого процесса отдачи голоса, будет происходить открыто. На каждый избирательный пункт допустят наблюдателей, после завершения голоса тоже подсчитают открыто. Мы будем использовать обычные избирательные бюллетени, где нужно будет поставить крестик, – никаких компьютеров, никаких других приборов, которыми можно манипулировать. Даже финансы организации «Мы, народ» будут радикально открытыми. Поскольку прятать нечего, каждый, кто захочет, сможет через Интернет посмотреть все движения по счетам и все отчетные документы.

Возникла продолжительная пауза, похожая на вдох мифологического чудовища.

– Мы, народ, – задумчиво повторил Аннан.

– Да, – кивнул Джон Фонтанелли. – Люди, которые девять лет назад в Лейпциге и других городах Восточной Германии вышли на улицы, кричали: «Мы – народ». Об этом и идет речь.

– Этого еще никто не пытался сделать, – произнес потом генеральный секретарь.

– Поэтому настало время кому-то сделать это, – ответил Джон.

Название фонда : организация «Мы, народ».

Резиденция : Уолл-стрит, 40, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, США.

Цель фонда : организация и проведение всемирных голосований, выборов и референдумов.

Капитал фонда : капитал фонда составляет 100 миллиардов долларов. Основатель фонда – Джон Сальваторе Фонтанелли. Размер капитала фонда был выбран именно таким, чтобы все ожидаемые расходы можно было полностью покрыть из доходов с капитала.

Управляющий : Лайонел Хиллман.

Главные области задач : оборудование избирательных участков (всего ок. 5,1 миллиона) во всех странах Земли. Наем и обучение местных агитаторов. Регистрация избирателей. Ведение списков избирателей. Принятие кандидатур, знакомство общественности с кандидатами. Печать и изготовление избирательных бюллетеней. Объявление и проведение голосований. Публикация результатов.

Открытость : все документы, движения по счетам, бухгалтерские записи и остальные процессы внутри фонда общедоступны. Через веб-сайт фонда (www.WeThePeople.org) все счета можно просмотреть в любой момент. Заинтересованным гражданам также будут предоставлены все документы; необходима предварительная заявка по телефону.

Исключения : списки избирателей не являются общедоступными. Однако по запросу любой гражданин может узнать, внесен ли он в список, а если да, то в какой, а также по желанию перевестись в другой список. Для этого необходимо предоставить удостоверение личности; обращайтесь в региональный офис организации.

Публичность во время голосования : наблюдатели должны быть допущены на все избирательные участки, как во время голосования, так и во время публичного подсчета отданных голосов. Результаты голосования по участкам будут опубликованы в региональных газетах.

Принципы выборов : все голосование происходит тайно, свободно и одинаково. Правом голоса обладают все взрослые, в возрасте 18 лет и старше, на момент проведения голосования не находящиеся под стражей за совершение преступления или под опекой по причине умственной неполноценности.

Указания для туристов : офисы фонда находятся на нижних пяти этажах (легко узнать по яркой окраске фасада; речь идет о работе чилийского художника Чико Роксаса). Верхняя, выкрашенная белым часть здания, начиная с шестого этажа, предназначается для будущей резиденции всемирного спикера.

Аннан задумчиво сидел, откинувшись на спинку кресла, переплетя тонкие пальцы. По выражению его лица было видно, что в нем борются восхищение и профессиональный скепсис.

– Вы уже подумали о том, – наконец спросил он, – что вам нужны кандидаты?

Джон Фонтанелли и Пол Зигель переглянулись.

– Это одна из причин того, почему мы пришли сюда, – кивнул Джон.

– Для должности всемирного спикера идеально подходит бывший глава государства или кто-то примерно того же уровня, – заявил Пол. – Человек, известный во всем мире, с определенной репутацией и уже имеющий отношения с ключевыми правительствами.

– Мы думали о вас, – добавил Джон.

Кофи Аннан сначала удивленно поднял брови, потом замахал руками.

– О нет. Я не гожусь для этого. – Он покачал головой. – Нет. Спасибо.

– Почему нет? Вы…

– Потому что я дипломат. Посредник между различными уровнями. Управляющий. – Он развел руками. – Не будем ходить вокруг да около. Фактически вы намерены избрать всемирного президента. А меня в качестве такового не воспримут.

– Но нет никого ближе к этому посту, чем вы.

– Напротив. – Генеральный секретарь покачал головой. – Уже только по причинам политической неприкосновенности я был бы последним, кто выставил бы свою кандидатуру. Я должен сначала спросить себя, поддерживаю ли я ваше начинание, чтобы самому делать карьеру.

Пол Зигель откашлялся.

– Честно говоря, сначала мы обратились к Михаилу Горбачеву, – произнес он. – Он отказался, поскольку его жена тяжело больна и он собирается ухаживать за ней. Именно он предложил вас.

– Я польщен, хоть и вынужден отказаться.

Джон почувствовал глубокую усталость, накатившую на него вдруг, в один момент. Может ли это стать проблемой? Нет, невозможно. Видения не рушатся из-за таких мелочей. Он убрал с лица прядь волос, собственная рука показалась ему выжатой тряпкой.

– Но, – продолжил Кофи Аннан, – я могу кое-кого вам предложить. Человека, которым я очень восхищаюсь и который подходит для этой должности как никто другой.

47

Еще когда их самолет пересекал Атлантику, полетели соответствующие сообщения в агентства печати, во всем мире в новостях объявили о глобальном референдуме. И уже на пути из лондонского аэропорта Хитроу в лондонский район Сити в кармане пиджака Джона зазвонил телефон.

– Джон? – проревел голос в трубке. – Вы там что, совсем с ума сошли?

Молодой человек был вынужден отодвинуть трубку подальше от уха.

– Малькольм? Это вы?

– Да, черт побери. Скажите, вы что, совсем ничего не поняли? Всемирное голосование? Необразованные, ничего не смыслящие люди будут решать, что делать дальше? Не понимаю. Я годами объяснял вам, как устроен мир, и стоило мне уйти, как вы начали заниматься сказками. Как думаете, что решит крестьянин с рисовых полей Джакарты или горнорабочий из Перу, если вы спросите его, как он хочет жить?

– Я не собираюсь его об этом спрашивать, – холодно ответил Джон.

– Джон, если человечество сможет решать, какую жизнь ему вести, то придется сплошь покрыть Землю пригородными виллами, бассейнами и торговыми центрами. Это будет конец, надеюсь, вы это понимаете?

– Я уверен, что для большинства справедливость и будущее детей важнее, чем бассейн.

Маккейн издал такой звук, словно собирался одновременно закричать и набрать в рот воздуха.

– Вы мечтатель, Джон!

– Вот и мама моя всегда это говорила, – ответил Джон. – Думаю, поэтому судьба сделала наследником меня, а не вас. Прощайте, Малькольм. – Он разорвал связь, позвонил в секретариат и дал указание переадресовывать все звонки Маккейна не ему, а в правовой отдел.

Музыка, звучавшая в его гостиной так громко, что у него еще в прихожей едва не лопнула голова, показалась Джону смутно знакомой.

Unborn children
want your money
and their screaming
never stops.
House on fire,
god is leaving,
you’re not important
anymore.
Wasted future,
wasted future,
all you offer
me are tears…[98]

[98] Нерожденные дети / хотят твоих денег, / и их крики / бесконечны. / Дома горят, / Бог уходит, / ты уже / неважен. / Растраченное будущее, растраченное будущее. / Все, что ты можешь предложить мне, – это слезы… (*англ.*)

Дребезжащий саунд, чахоточное пение – это был диск Марвина, вне всякого сомнения. Но разве он не выбросил его еще тогда?

Войдя в гостиную, он увидел, что Франческа стоит посреди комнаты, закрыв глаза, обхватив себя руками, словно обнимая себя, и с упоением раскачивается в такт рокочущей бас-гитаре. Джон смотрел на нее словно на восьмое и девятое чудо света одновременно: эта глухая какофония электроинструментов, похоже, по-настоящему нравилась ей!

Однако она тут же обернулась и увидела в дверном проеме его. Бросилась выключать проигрыватель. Внезапно наступившая тишина была оглушительной.

– *Scusi,* – прошептала она, вынимая серебристый диск из проигрывателя и убирая его обратно в коробку. – Я совсем забыла, что вы сегодня возвращаетесь. – Она неловко обвела рукой комнату. – Но все убрано. Все чисто, все сделано.

– *Va bene* [99], – успокаивающим тоном произнес Джон, но она уже проскользнула мимо него с едва слышным *«Buona notte»* [100], прижимая к груди диск с портретом Марвина, словно сокровище.

Джон посмотрел ей вслед, странным образом обеспокоенный свидетельством того, насколько различными могут быть вкусы и ценности разных людей. И Марвин, боже мой! – он не слышал о нем уже целую вечность. И понятия не имел, где тот может быть.

Когда Марвину разрешали выйти, его тянуло к непроходимым холмам, наверх, в леса, которые окружали долину, словно величественные стражи. Там он мог часами бродить в подлеске, переступая через поваленные деревья, вдыхал чистый холодный воздух и вслушивался в тишину, в которой раздавались лишь звуки природы, его собственное дыхание и шорох шагов. Если бы не было этих красно-белых полосок на деревьях и стальных столбах, обозначавших границу между местностью, где можно бродить с электронным поводком, и всем остальным миром, он чувствовал бы себя свободным как никогда.

Ему уже разрешали гулять до четырех часов во второй половине дня. И несмотря на это, звуковой сигнал на его лодыжке, звавший его обратно, всегда звучал неожиданно рано.

Сверху клиника напоминала элегантный белый загородный дом, удивительно неуместный среди непроходимого безлюдья. То, что окна зарешечены, а подъезд охраняется, замечалось только уже вблизи. И другие пациенты, все сплошь янки – наглые, холодные сынки из богатых семей, паршивые овцы, которых приковывал к этому месту в тридевятом царстве ежемесячный папенькин чек, – их тоже можно было заметить, только войдя в двери. Марвин ненавидел этот момент.

В этот день у него было такое чувство, что в лесу он не один.

Никого не было видно. Скорее он… почуял. Кто-то из них? Он надеялся, что нет. Марвин побрел обратно, к месту на краю леса, откуда можно было видеть территорию клиники, пересчитал жалкие фигурки на садовых дорожках. Все на месте. Кто бы ни находился здесь, наверху, пациентом он не был.

Он решил не обращать на него внимания. Прошел по своей тропе в мелких зарослях, хрипло дыша, и при виде белого облачка собственного дыхания невольно подумал о прошлом, о городе, выхлопных газах на улицах, косячках у окна. Казалось, все это было в другой жизни. Он готов был поклясться, что живет в клинике уже лет сто, в комнате с зарешеченным видом на кусок газона, бесформенный и скучный, словно зеленый ковер.

---

[99] Хорошо (*итал.*).

[100] Спокойной ночи (*итал.*).

И, судя по всему, он останется здесь до конца своих дней.

Вдруг показался мужчина. На нем была мшисто-зеленая куртка на подкладке и темно-синяя бейсболка, он показался в подлеске внезапно, по другую сторону линии границы, и принялся наблюдать за ним.

Марвин смотрел на него. Мог просто не думать о нем и пойти своей дорогой; в конце концов, бродить по лесу не запрещено. Но он не сделал этого, а крикнул:

– Эй! Как дела?

Мужчина приветственно поднял руку, махнул ему, приглашая подойти поближе.

– *Sorry!* [101] – крикнул в ответ Марвин, указывая на правую ногу. – У меня на лодыжке прибор, который вколет мне в ногу наркотик, если я пойду дальше. Здесь так принято, понимаете?

Похоже, мужчина понял это, потому что подошел ближе, неловко переступая через корни и камни.

– Правда так строго? – спросил он, добравшись до Марвина.

Марвин пожал плечами.

– Самое позднее двадцать шагов спустя подается сигнал тревоги. Как-то связано с расстоянием от передатчика. А если меня придут забирать с собаками, я минимум две недели не буду дышать свежим воздухом.

– Звучит невесело.

У мужчины было грубое, покрытое шрамами лицо с пышными усами над верхней губой. Марвину показалось, что он когда-то его уже видел, но в последнее время ему часто казалось подобное. Побочный эффект медикаментов, которые он получил вначале, утверждал доктор Доббридж, его терапевт.

Марвин пожал плечами.

– Думаю, они вынуждены так поступать. Здесь есть несколько совершенно ненормальных типов.

– Похоже, вы в их число не входите. В число ненормальных типов, я имею в виду.

– О боже, нет. Я ведь и принимал совсем немного. Если бы захотел, мог бы в любой момент бросить. – Марвин потянулся за травинкой, сорвал ее и зажал между губами. Ему казалось, что так он выглядит круче. – Это входит в образ рок-звезды, понимаете? Просто нереальный стресс. Может свалить кого угодно, если вы догадываетесь, что я имею в виду.

– Хм, – произнес незнакомец. – Но, похоже, вы снова в полном порядке.

– Да, ясное дело. – Он весьма смутно помнил, как чувствовал себя раньше. Но доктор Доббридж полагал, что скоро вспомнит. – Что они только с тобой не делают, просто невероятно! Водные процедуры, удаление токсинов, гипноз, разговорная терапия – но да, они неплохо меня подлечили.

Во взгляде мужчины появилось что-то хитрое, как у змеи.

– А почему вы тогда еще здесь?

– Понятия не имею. Думаю, еще не совсем долечили.

– И вы действительно в это верите?

Марвин недоверчиво поглядел на незнакомца. На нем был темно-красный вязаный свитер, из выреза которого виднелись густые черные волосы.

– Что вы имеете в виду?

– Вы ведь уже меня поняли. Никогда не задавались вопросом, что на самом деле стоит за всем тем, что вам пришлось пережить?

– И что же за этим стоит?

– Подумайте на досуге, – посоветовал ему мужчина и повернулся, чтобы уйти.

– Эй, что это все значит? – возмутился Марвин; больше всего ему хотелось пойти

---

101 Извините (*англ.*).

за ним. – Вы ведь не можете просто бросить меня здесь? Кто вы вообще такой?

Мужчина на миг поднял руку, не оборачиваясь.

– Я вернусь! – крикнул он. – А вы пока подумайте. – И он исчез среди деревьев.

Больше всего Марвину хотелось забыть эту встречу, но, конечно же, остаток дня он не мог думать ни о чем другом. А среди ночи он вспомнил, откуда знает этого человека.

СМИ не подружились с понятием «всемирный спикер». Даже принадлежащие концерну Фонтанелли газеты и телекомпании не стали с ним долго возиться. Из новостей можно было узнать, что будет избран президент мира. И первые комментаторы, похоже, не были уверены в том, что речь не идет о чьей-то злой шутке.

А ведь им стоило бы переспросить в отделе объявлений. Уже на следующий день практически во всех свободных газетах мира – даже в некоторых правительственных, где обычно не печатали ничего подобного, – появилось объявление на две страницы, оплаченное как положено, которое представляло организацию «Мы, народ» и поясняло план и условия голосования. Удивленные люди со всех концов света узнали о том, что каждый взрослый человек может претендовать на пост всемирного спикера при условии, что он наберет достаточное количество голосов, которые поддержат его кандидатуру, причем половина из них может принадлежать людям другой национальности. В забегаловках и столовых предлагали первые кандидатуры, еще прежде, чем правительства мира оправились от изумления. Уже на второй день после начала кампании послали первые заявления в Нью-Йорк. А выпуск огромных объявлений продолжался. Затем последовали минутные объявления по радио и телевидению в самые лучшие и дорогие часы. Логотип с пятью разноцветными головами появился вдруг повсюду: на стендах для афиш, на станциях метро, на обратных сторонах билетов в кинотеатры и перед каждым фильмом, демонстрировавшимся в любом кинотеатре на планете. На Интернет-страничке организации «Мы, народ» можно было прочесть, что до момента выборов организация потратит на рекламу больше денег, чем корпорация «Кока-кола» за десять лет. Люди поняли, что у «Мы, народ» бесконечное количество денег и что организация готова израсходовать на просветительскую работу столько, сколько понадобится. Люди поняли, что дело серьезное.

Политики разных уровней были достаточно умны, чтобы не высказываться без нужды относительно плана Фонтанелли. Инстинктивно они понимали, что таким образом только поднимут рейтинг его начинания. Но даже если их спрашивали, они увиливали от ответа, говорили о праве на свободное волеизъявление, хвалили проверенные демократические структуры. Комиссар Евросоюза, то есть член того могущественного органа, состав которого был выбран правительствами стран – членов Евросоюза, без какого бы то ни было участия избирателей, заявил, что не видит повода что-либо менять в существующих отношениях.

Интервью, данное Джоном Фонтанелли японскому телевидению, было лишь одной из остановок во время путешествия вокруг света, когда он рекламировал свое начинание. Уже спустя несколько дней он мог предсказать ход любого разговора практически дословно. Куда бы он ни приехал, любой собеседник подробно объяснял ему, насколько отличается его страна от других, как отличается его культура от всего остального мира, и в конце концов задавал те же вопросы, что и все остальные.

– Мистер Фонтанелли, – произнес атлетически сложенный японец, имя которого Джон позабыл сразу после передачи, но визитную карточку отложил на всякий случай, – вы действительно думаете, что такие страны, как Китай, Ирак или Северная Корея, допустят проведение свободного и тайного голосования?

Правительство в Пекине уже согласилось, вот только он никому пока не станет об этом говорить. Китаю нужна пшеница; все просто. Куба – вот это настоящий крепкий орешек.

– Правительство, которое не позволит своим гражданам голосовать, должно понимать, что таким образом оно откажется от какого бы то ни было участия в новом урегулировании

глобальной финансовой системы. – Джон удовлетворился этим проверенным утверждением.

– Вы будете давить на такие правительства? – поинтересовался мужчина.

Высокооплачиваемый штат психологов, ораторов и составителей речей разработал на этот ожидаемый вопрос столь же впечатляющий, как и ничего не значащий ответ, но ведь можно было с равным успехом прислать запись, ведь так? Внезапно он испытал непреодолимое желание бросить вызов. Он откашлялся и с мрачной улыбкой произнес:

– Скажем так: если кто-то еще думает, что одна страна может противостоять влиянию крупных концернов, то сейчас самое время получить урок.

Прошла неделя, прежде чем мужчина вернулся снова.

Каждый день Марвин выглядывал его среди огромных стволов красного дерева, в дождь и в холод, но никого не было. Он возвращался на то место, смотрел на следы, чтобы удостовериться, что встреча ему не пригрезилась. И когда он пришел туда через неделю, мужчина уже ждал его.

– Я знаю, кто вы, – сразу заявил Марвин.

– Замечательно, – произнес тот.

– Я видел вас по телевизору. Вас зовут Рэндольф Бликер. Вы представляли брата Джона Фонтанелли, и с тех пор, как раскрылся обман, вас ищет полиция.

Похоже, того это нисколько не обеспокоило.

– Верно, мистер Коупленд, – сказал он. – А вы знаете, что вас тоже ищет полиция?

Марвин уставился на него, словно его ударили.

– Меня?

– Французская полиция с удовольствием задала бы вам пару вопросов в связи со смертью вашей подруги Константины Вольпе. Вы помните мисс Вольпе?

– Константина?..

Воспоминание пришло, словно волна. Он увидел перед собой темные переулки, алжирца, отсчитывавшего франки, пластиковый пакетик с белым порошком… А потом – разрыв пленки. Пробуждение рядом с холодным посиневшим телом. Попытки дрожащими руками набрать телефонный номер. Снова тюрьма. Пока не пришел мужчина с пустыми черными глазами.

– Кто-то привез вас сюда. В безопасное место. Это не просто клиника, мистер Коупленд, – это укрытие. Как бы там ни было, для вас точно. – Мужчина, который оказался Бликером и который в другой жизни пытался одурачить его приятеля Джона и весь мир в придачу, пренебрежительно смотрел на него. – Вы никогда не задавались вопросом, кто это был? И почему он это сделал?

Нет, он действительно никогда не задавался этим вопросом. Марвин нерешительно покачал головой.

– Нет, – признал он. – Я понятия не имею.

– Хотите узнать?

– Да. Конечно.

Бликер шумно втянул носом воздух.

– Вам не понравится, – с сомневающимся видом произнес он. – Вы впутались в дело, которое больше, чем вы можете представить себе в самом страшном кошмаре.

– Эй, – заявил Марвин, – пусть это будет моя забота, ладно?

Бликер некоторое время смотрел на него и, похоже, принял решение.

– Хорошо. Идите сюда, присядем на тот ствол дерева. Вам лучше сесть.

Теперь Марвину стало по-настоящему жутко. В голове что-то застучало, что-то, похожее на пытавшегося вырваться на волю зверя. Он сел рядом с Бликером на ствол дерева, поваленного зимней бурей, и стал ждать неизбежного.

– Вы можете представить себе, – начал человек с грубым лицом, – что за всем, что происходит в мире, на самом деле стоит небольшой круг могущественных людей, которые повсюду тянут нити, манипулируют новостями и преследуют свои интересы,

никому не известные? Что все не так, как кажется?

Марвин кивнул.

– *Yeah* , чувак. Я все время так думаю.

– Так оно и есть. Я знаю это, потому что работал на этих людей.

Безумие! Если бы только не эта головная боль…

– Честно? – спросил он, пытаясь сохранять спокойствие.

Бликер склонился, словно под невидимой ношей, оперся руками на колени.

– Хорошо, – произнес он. – Поэтому я здесь. Вы должны узнать правду.

48

Нельсон Холилала Мандела, родившийся в 1918 году, с 1962 по 1990 год был политзаключенным Южноафриканской республики, а с 1994 года – ее демократически избранным президентом. Он подошел к микрофонам приглашенных представителей прессы и заявил, что Джон Сальваторе Фонтанелли просил его выставить свою кандидатуру на пост всемирного спикера.

– И я решил, – произнес он, – пойти навстречу этой просьбе.

Журналистов, в общем-то, не так-то легко смутить. Они привыкли слышать самые неожиданные заявления и самые шокирующие речи. Но после этих слов в зале разразилась буря. Забыв о дисциплине, все выкрикивали вопросы, доставали мобильные телефоны, быстро надиктовывали нацарапанные на скорую руку сообщения, а снаружи в коридорах было видно, как люди устремляются к телефонным кабинкам.

То, что Мандела не собирается баллотироваться на второй срок, было известно, однако до сих пор предполагалось, что дело в возрасте. Но президент мира?..

– Скоро мы попрощаемся с веком, во многих отношениях ставшим болезненной эпохой человечества. Подводя итоги, мы не можем не заметить, что конфликты и войны все еще царят во многих частях нашей планеты. Мы вынуждены отметить, что большая часть населения Земли живет в бедности и что отношения между народами находятся не в равновесии, в пользу более могущественных. Я говорю это не для того, чтобы посеять отчаяние и безнадежность, а для того, чтобы обозначить определенные сложности, с которыми мы вступаем в новое тысячелетие. Мы видели ужасные примеры собственной бесчеловечности. Мы уничтожали животных и растения, многих вытеснили на грань вымирания, жестоко обращались с окружающей средой. Но нельзя забывать и о том, что мы стали свидетелями многих триумфов человеческого духа в науке, литературе, искусстве и многих других областях. Современные средства коммуникации и глобальная экономика превратили мир в маленькое, обозримое пространство, в котором ни одна страна не может жить замкнуто или самостоятельно решать проблемы. Нам приходится создавать межнациональные организации, эффективно служащие интересам всех, которые могут упрочить единую для всех нас человечность. По этой причине я с радостью и смирением откликаюсь на просьбу выставить свою кандидатуру на должность представителя народов. Одновременно с этим я призываю людей во всех частях Земли воспользоваться историческим шансом и принять участие в голосовании; прошу каждого из них отдать свой голос. Я обещаю всеми силами поддерживать тех, кто честно пытается создать мир, где люди смогут сосуществовать в согласии и дружбе. Благодарю вас.

– Черт меня побери, – обратился один английский журналист к своему коллеге, – но я чертовски хорошо себе это представляю.

– Это не повод ругаться, – ответил второй.

В Колумбии во время облавы, проводимой в рамках кампании по борьбе с наркотиками, был обнаружен тайный упаковочный лагерь в джунглях. При этом солдаты конфисковали пятьдесят центнеров кокаина в пластиковых пакетах с фирменной эмблемой компании «Моррис-Кэпстоун». Представитель фирмы поспешил заявить по телевидению,

что концерн «Моррис-Кэпстоун» не имеет к этому никакого отношения. Якобы пакеты предназначались для бразильских табачных плантаций; вероятно, они были похищены.

Примерно в это же время в ходе очередного ток-шоу Маккейн высказался против спонсируемых государством реабилитационных программ для наркозависимых.

– Они не работают, только деньги тратятся. Они не могут работать, потому что тем, кто бежит от бросаемых жизнью вызовов в искусственное наркотическое удовлетворение, не хватает самостоятельности, – заявил он. – Необходимость финансировать такие программы – это насмешка над всеми людьми, которые хотят жить и которые честно прикладывают к этому все усилия. Поскольку мир и так трещит по швам, мы должны быть благодарны каждому, кто добровольно уходит отсюда.

Не подавать виду, когда поступит сигнал, – таков был уговор. Как бы там ни было, у него есть четыре часа. Куча времени.

Выкрашенная белым дверь закрылась за ним на замок, с грохотом, все как всегда. Марвин понюхал холодный пряный воздух, не дольше, чем обычно, но и не меньше, а потом потопал, столь же обстоятельно, как и каждый день, вверх по склону.

Из-за одного из слепых окон за ним наблюдают, в этом он был уверен. Они никогда не показывались, делали вид, что их не интересует, куда он идет, пока он возвращается вовремя. Ведь на нем был прибор радиопеленгации и так далее; они были просто помешаны на том, чтобы знать все и обо всех.

Четыре часа, как уже говорилось. Путь до опушки леса занимал не более десяти минут.

Сигналом была желтая лента на одном из деревьев, видневшихся из его комнаты, почти незаметная, если не вглядываться и не знать, что именно искать. Пришлось долго идти сквозь непроходимый подлесок, пока он не достиг дерева и действительно не обнаружил сучок, а на нем – пластиковый пакет с картой местности, ключами от машины, тремястами канадскими долларами и двумястами американскими, а также штукой, которая могла быть только ключом от его оков. Она выглядела несколько иначе, чем инструмент, которым пользовались охранники, но она подошла. Марвин снял оковы и, как неоднократно советовал ему Бликер, тут же защелкнул их снова.

Но он не смог удержаться от того, чтобы не задать ребятам задачку. Он нашел два молодых деревца, стволы которых росли почти вплотную друг к другу и пересекались на уровне бедра, и замкнул оковы на одном из них. Будет выглядеть так, как будто волшебник превратил его в дерево. Мысль о том, какие у них будут лица, когда они зададутся вопросом, что, черт возьми, произошло, ему понравилась.

Потом он забрал все остальное и отправился в путь. Он шел вдоль подъездной дороги поверх гребня горы, через непроходимую каменистую местность, полную расселин и опасных обрывов. Это оказалось чертовски тяжело, и, хотя без штуки на ноге идти было легче, вскоре он был весь в поту и совершенно запыхался. Каждая клеточка его тела умоляла о передышке, но этого в программе не значилось. У него было четыре часа, далеко не так много, как казалось, и у него была самая важная миссия, которая когда-либо предназначалась человеку.

Кандидатура Нельсона Манделы открыла новые горизонты в противостоянии «за» и «против» относительно глобального референдума. Давно уже никто не спорил о том, стоит ли принимать эту инициативу всерьез; дискуссия сосредоточилась на вопросе, нужен ли всемирный спикер и если да, то кто именно.

Популярность южноафриканского президента во всем мире была, как показала реакция на его заявление, просто невероятной. Актеры, писатели, претендовавшие на этот пост, особый посол ООН сэр Питер Устинов, который выставил свою кандидатуру одним из первых, – все они отозвали их, чтобы однозначно встать на сторону Нельсона Манделы. Те публицисты, которые были против референдума и поэтому пытались дискредитировать личность Манделы, оказали своему делу плохую услугу, поскольку подобные вещи

население стран третьего мира толковало как расизм. Во многих точках планеты происходили спонтанные демонстрации, а без плакатов с надписью «Нельсона Манделу – в президенты мира» вскоре не обходился уже ни один митинг, даже если собирался он по другому поводу.

Но поднимались и другие голоса. Одна европейская инициативная группа высказалась за кандидатуру чешского президента Вацлава Гавела и, несмотря на его нежелание, собирала подписи.

В США образовалось движение, собиравшееся просить бывшего президента Джимми Картера выставить свою кандидатуру, от чего тот, будучи на шесть лет младше Манделы, отказался со словами: «Не думаю, что на этих выборах белый имеет шансы победить».

В рамках особого выпуска телекомпания Си-эн-эн взяла подробное интервью у директора организации «Мы, народ» Лайонела Хиллмана.

– Мистер Хиллман, – приветствовала журналистка мужчину с рыжевато-коричневыми кудрями, – правда ли, что Каддафи выставил свою кандидатуру?

Хиллман с улыбкой кивнул.

– Если вы следите за нашими публикациями, то должны знать, что это правда. Муаммар аль-Каддафи вчера прислал составленную по всем правилам заявку.

– Это значит, что глава ливийского государства будет в бюллетене?

– Само собой.

Журналистка, темноволосая женщина по имени Дебора Норрис, нахмурила лоб.

– Вы считаете, что это нормально?

Будущий глава всемирной избирательной комиссии счел, что это совершенно нормально.

– Это демократия. Для всех справедливы одни и те же правила. И если вам не нравится кандидат, то не выбирайте его, вот и все.

Мисс Норрис сочла за благо сменить тему.

– Насколько вы уже покрыли карту мира? Китай разрешит голосование, как я слышала. Что насчет Ирака? Кубы? Северной Кореи?

– На Кубе пройдет голосование, это уже ясно. Сначала Кастро был против референдума, поскольку тот был инициирован капиталистом, но после личной беседы с Джоном Фонтанелли дал свое согласие. Ирак, пожалуй, тоже разрешит голосование, впрочем, мы можем наблюдать, что в данный момент на людей оказывают сильное давление, чтобы они не ходили на избирательные участки: тактика запугивания, которую, к сожалению, используют во многих местах, например, в Афганистане или на Гаити.

– А Северная Корея?

– Северная Корея, судя по всему, остается последним изолированным анклавом. Я сожалею об этом, но в данный момент ничего нельзя изменить.

– Многие правительства заявляют, что они не признают всемирного спикера, даже если он и будет избран.

– Что значит «многие»? Почти все, – сказал Хиллман и пожал плечами. – Но я не вижу в этом проблемы. Моя работа состоит в том, чтобы организовать выборы. Остальное приложится.

– Ключевое имя – Джон Фонтанелли. Какая у него роль в организации «Мы, народ»? – задала провокационный вопрос Дебора Норрис.

– Никакой, – резко ответил Хиллман. – Он гражданин Земли и обладает одним голосом, как и все другие.

– Но он дал деньги, с помощью которых вы работаете.

– Конечно, но вложить деньги – значит попрощаться с ними. Кстати, я не знал, что в нашей организации у кого-то могут быть какие-то особые права. Мы все едим в одной и той же столовой, ходим в те же самые туалеты, и наш статут может изменить только всемирный спикер и лишь после решения народа.

Она с довольным видом кивнула.

– Какова будет процедура? Сколько туров предполагается?

– Два. В первом туре будут предложены все существующие кандидаты, второй тур станет решающим для двух кандидатов, набравших наибольшее количество голосов.

– Кого вы ожидаете увидеть в финале?

Хиллман склонил голову набок.

– Официально я не имею мнения на этот счет.

– А неофициально?

– Неофициально я ожидаю, что будет выбор между кандидатурой Манделы и отказом от выбора.

– То есть возможностью проголосовать против существования всемирного спикера?

– Вот именно.

– Какой результат вам хотелось бы видеть?

На лице Лайонела Хиллмана появилась мудрая улыбка.

– Чтобы в выборах приняли участие более семидесяти процентов населения планеты.

– И что вы будете делать, если победит отказ от выборов?

– То же, что предполагается в любом другом случае: проведем еще одни выборы через четыре года.

– У нас уже есть президент мира, – сказал Малькольм Маккейн в телевизионном интервью. – Вы все его знаете; его зовут Джон Сальваторе Фонтанелли. Разве это не очевидно? Повсюду на планете происходит то, чего хочет он. Случайно он захотел, чтобы были оборудованы избирательные участки, потому что он вбил себе в голову утопичную идею. Но несмотря на то, что каждому должно быть ясно, насколько все это глупо, его все равно слушаются.

Маккейн был первым, кто пошел в атаку на план Фонтанелли. В объявлениях, на плакатах, в рекламе, оплачиваемой фирмой «Моррис-Кэпстоун», на это начинание нападали, его высмеивали. В Европе его пропагандисты во время интеллектуальных ток-шоу рассуждали так: хотя в идее мирового правительства, конечно же, есть своя доля «шарма», для первого шага еще слишком рано. В еженедельных газетах они расписывали, как миллиард индийцев и миллиард китайцев в будущем получат право определять судьбы европейцев. В Израиле в радиорекламах предупреждали о том, что нельзя давать арабам ни малейшего шанса участвовать в радостях и горестях иудейского государства, в то время как оплаченные особые выпуски передач арабского телевидения объясняли, что сказать «да» плану Фонтанелли означает открыть двери коррумпированному, морально разложившемуся Западу. В Соединенных Штатах газетные объявления на всю страницу и минутные рекламы в самое дорогое эфирное время кричали:

– Американский президент – самый могущественный человек в мире. Нет никакой причины ничего менять!

А на автомобилях появились наклейки, где поверх логотипа организации «Мы, народ» похожим шрифтом было написано: *«Just ignore!»* [102]

Посол ООН в Соединенных Штатах раскритиковал решение Кофи Аннана поддержать запланированный «триллионером» референдум необычайно резкими словами. В хорошо информированных кругах после этого стали полагать, что дни генерального секретаря сочтены.

Марвин остановился на засыпанной гравием обочине и посмотрел на мотель издалека. Вырезанный из ствола дерева медведь гризли перед входом, два ряда длинных одноэтажных построек, выкрашенные желтым стены – описание соответствовало действительности. Судя

---

[102] Просто не обращай внимания (*англ.*).

по припаркованным автомобилям, сданы были только два номера, и в одну из двух машин, старый «форд пикап», двое кряжистых мужчин, похожих на путешествующих лесорубов, снова складывали багаж.

Он опять завел мотор и проехал оставшийся отрезок до стоянки мотеля. За стойкой администратора сидел неопрятного вида мужчина со странным лицом без подбородка и конским хвостом; он с невеселым видом произвел процедуру регистрации.

– Из комнаты можно позвонить? – спросил Марвин, когда администратор складывал деньги в кассу.

– Просто сначала набираешь нуль, – последовал ворчливый ответ.

– И за границу?

– *Yep* [103]. – Он пододвинул к нему ключ через стойку. – Номер три. Выйдешь, и сразу налево.

В комнате оказались отвратительные коричневые обои, но в целом она была ничего. Марвин умылся, один раз выглянул в окно, не увидев ничего, кроме леса, леса и еще раз леса, затем сел на постель и взял на колени телефонный аппарат. Никаких мобильных телефонов, вдалбливал ему Бликер. *Они могут определить местонахождение любого мобильника в мире с точностью до десяти шагов.* Это было частью их плана. Который он им испортит, даже если это будет последним делом в его жизни.

Марвин на миг задумался, затем набрал длинный номер. Ответил женский голос, он назвал имя, последовал гудок. Сразу же трубку взяла другая женщина, говорившая по-английски с восхитительным итальянским акцентом.

– Привет, Франческа, – сказал он. – Это я, Марвин.

– Марвин? – прошептала она, похоже, едва не упав в обморок у телефона. – Где ты? Я все время о тебе думаю, Марвин, каждый день, и… я купила твой диск…

– Франческа, – мягко перебил он ее, – мне нужна твоя помощь.

– Моя помощь?

– Франческа, дорогая, ты должна выяснить для меня один телефонный номер…

– О мирном переходе Южной Африки к демократии часто говорят как о чуде, – говорил Нельсон Мандела во время государственного визита в Австралию. – Похоже, весь мир уверен в том, что Южная Африка была просто обязана погибнуть в кровавых расистских беспорядках. Однако руководители различных обществ и политических партий уложили тех, кто пророчил погибель, на обе лопатки своей готовностью к переговорам и компромиссам. Если опыт Южной Африки что-то значит для всего мира в целом, то, я надеюсь, как пример того, что люди доброй воли могут собраться, преодолеть различия между собой в пользу всеобщего блага, найти мирное и справедливое решение самых трудных проблем.

Собравшиеся под открытым небом слушатели вежливо захлопали. Свет был уже осенний, в Австралии наступало холодное время года.

– Очень уж елейно, – прошептал один из журналистов, обращаясь к своему соседу, и поднял руку, чтобы задать вопрос. – Есть ли что-то в слухах о том, что на посту всемирного спикера вы будете подчиняться концерну Фонтанелли? – спросил он, когда ему предоставили слово.

Мандела задумчиво посмотрел на него.

– До меня дошли эти слухи, – произнес он затем. – Они неверны. Не мистер Фонтанелли будет при случае голосовать за меня, а люди всех народов земного шара. Вот им я буду подчиняться. Но чего вы можете ожидать от меня, если меня выберут, так это того, что я буду делать то же самое, что и в своей стране: стремиться к правде и справедливости.

По рядам собравшихся прошел неопределенный гул. Некоторые слушатели, особенно приглашенные гости из отраслей экономики и политики, похоже, сочли вопрос журналиста

---

[103] Угу (*англ.*).

неуместным.

– По прихоти судьбы, – продолжал Нельсон Мандела с мягкой, почти извиняющейся улыбкой, – получается так, что в рамках нового финансового миропорядка именно мистер Фонтанелли пострадает первым. Потому что он в свое время вступил в право наследования, не заплатив налог. А это несправедливо. Мы этого не потерпим.

49

Значит, этим все и закончится.

Свет в холле был, похоже, мрачнее, чем обычно, голоса в коридорах приглушеннее, краски обстановки – серее. Люди, еще вчера считавшие его властелином мира, сегодня избегали его, смотрели как на приговоренного к смерти.

Адвокаты, окружившие тяжелый стол, словно свора злых собак, застыли, когда Джон Фонтанелли вошел в комнату заседаний юридического отдела. Под мышками у них проступили пятна пота, перед ними лежали горы бумаги, и некоторые из них выглядели так, словно всю ночь боролись с жаждой крови. В воздухе пахло бойней.

– Ну что? – спросил Джон, присаживаясь.

– До сих пор совершенно неясно, – пролаял глава адвокатской фирмы, весьма коренастый мужчина с покрытой сеточкой сосудов кожей и толстыми пальцами, – в какой стране нужно платить налог. В Италии? В США? На каком правовом основании можно требовать позднейшей выплаты?

– Какую правовую систему вообще нужно применять, когда дело дойдет до судебного заседания? – тявкнул приземистый адвокат с подрагивающим адамовым яблоком.

– Как насчет договора, который вы заключили с итальянским правительством? – взвизгнула казавшаяся едва не умирающей от голода блондинка, размахивая шариковой ручкой, словно рапирой.

– Но мистер Фонтанелли его не выполнил, – набросился на нее толстяк с покрытой пустулами кожей. – К этому мы апеллировать не можем.

Джон Фонтанелли поднял руку и подождал, пока все хоть немного не успокоились. Они смотрели на него с дрожащими губами, почесываясь, они хотели, чтобы их выпустили из клетки, чтобы они получили разрешение наброситься на врага, но они смотрели на него и ждали.

– Сколько? – спросил он.

– Пятьсот миллиардов долларов, – тявкнул один.

– Самое малое, – другой.

– Если не будут выдвинуты другие требования.

– Достаточно кому-нибудь вспомнить о том, что Вакки не платили налоги.

– Но почему мы должны нести за это ответственность? – взвыл кто-то и стукнул кулаком по одному из переплетенных в кожу фолиантов, лежащих на столе.

Джон снова поднял руку, приглушая голоса.

– Я заплачу, – сказал он.

У всех присутствующих отвисли челюсти. Глаза вывалились из орбит, словно все они были связаны под столом скрытой системой нагнетаемого воздуха.

– А что мне еще остается? – добавил он.

Они переглянулись в поисках того, кто знает, что еще остается, но не увидели ничего, лишь раздались неопределенные звуки, похожие на стоны.

Джон сам удивился, когда провел в размышлениях целую бессонную ночь. Человек, опирающийся на согласие большинства населения земного шара, – это была потрясающая идея, когда она возникла в его голове, когда ее обсудили и отточили. О том, что она коснется их самих, более того, *должна* коснуться, неизбежно, неотвратимо, – об этом они не задумывались ни на секунду. Они уже так привыкли не придерживаться законов отдельных государств, так наловчились стравливать страны к собственной выгоде, по своему

усмотрению, что сама мысль о том, что всемирный спикер выдвинет требование, оказалась шоком.

Он слышал слова Манделы по телевизору. Их повторяли на всех каналах, все телекомпании, ликуя, подхватили это утверждение, принялись обсуждать и комментировать его. В первый миг Джон испытал что-то вроде насмешливого презрения. О чем бы ни говорили, какие бы решения ни принимали эти политики, они ни разу не коснулись его по-настоящему, он был выше этого. За годы, проведенные с Маккейном, он привык так мыслить, понял Джон позднее, и он добавил к этому кое-что свое. Презрительно усмехнуться, а потом подумать, как можно их обойти, этих шавок и брехливых собак, – такой у него выработался рефлекс, и его мысли текли по этой колее словно сами собой.

И остановились почти болезненно. Куда он собирается сбежать от всемирного спикера? Кого на него натравит? Нет такой силы. И забрать у него деньги – это было дело, в котором все нации мира с огромной охотой пойдут за всемирным спикером.

У него не было шансов.

– Я заплачу, – повторил Джон. – Это означает, что мне придется продать большую часть концерна. Я хочу попросить вас направить свои усилия на то, чтобы подготовить этот процесс. Я уже поручил аналитическому отделу разработать соответствующие проекты. До выборов еще есть несколько месяцев; времени должно хватить для того, чтобы не оказаться под давлением и установить оптимальные цены.

Похоже, кто-то хотел возразить, открыл рот и тут же закрыл его снова, не сказав ни слова, и просто кивнул, как и все остальные.

– И, э… мне очень жаль, что вчера пришлось заставить вас столько работать, – закончил Джон и встал. – Это было необдуманно. Прошу вас меня простить.

Они снова кивнули. И кивали, пока он не скрылся за дверью.

Навстречу ему шел Пол – он искал Джона, проводил его к лифту.

– Хорошенький подарочек, да? – произнес он.

Было приятно идти по коридору, разговаривать, слышать эхо шагов.

– Почему? – спросил Джон. Вдруг у него стало легко на душе, почти весело. – Я ведь этого хотел, верно?

– Чтобы Мандела отнял у тебя все деньги?

– Миллион-другой, думаю, он мне оставит. А с остальными деньгами я все равно не знал бы, что делать. Пусть сам думает, кто их получит.

– Ну, не знаю… – покачал головой Пол. – Почему-то это кажется мне неблагодарностью.

Джон резко остановился.

– Мы всегда хотим именно этого, правда? Справедливости для всех, особых привилегий для себя. – Он рассмеялся. – Пол, ты что, не понимаешь, что происходит? Не видишь? Оно работает! План работает!

Звонок раздался, когда Джон сидел в автомобиле, везущем его домой. В дом, который уже скоро перестанет принадлежать ему, подумал он, вынимая телефон из кармана.

– Да?

– Это я, – раздался голос, которого он не слышал уже целую вечность. – Марвин.

– Марвин? – вырвалось у Джона. – Это же… – Более чем неожиданно. – Как ты там? Откуда звонишь?

Голос звучал тихо, издалека и доходил с едва различимым запаздыванием, как в трансатлантических переговорах.

– Без разницы, где я, чувак. Я звоню не затем, чтобы поболтать о старых добрых временах. Я звоню из-за тебя. Ты собираешься разворошить кучу дерьма. Ты смываешь всех нас в унитаз и думаешь, что делаешь доброе дело. Поэтому я и звоню, чувак.

– Что? – заморгал Джон. За окном пролетали фонари, словно ожерелье из перламутровых лун на фоне черного бархата.

– Джон, я знаю, ты стал большой шишкой, и все слушаются твоих команд, но хоть раз в жизни, прошу тебя, раз в жизни выслушай меня. До конца. Потому что в данном случае это чертовски, дьявольски важно, уяснил? – Глубокий вздох. – Я был далеко. В клинике. То, что значится в этой истории мелким шрифтом, а также милые анекдоты я расскажу тебе как-нибудь в другой раз, важно то, что там я познакомился с одним типом, который в курсе. Который абсолютно – ты понимаешь? – все знает за кулисами. Потому что он был занят в спектакле, который там ставят, и вышел из игры. И они за ним охотятся, кстати. Пока ясно?

– Хм… – нахмурившись, произнес Джон. – Ясно.

– Первый молот – это твои деньги. Твой триллион долларов. Проценты, сложные проценты и пятьсот лет, вся эта история. Состояние Фонтанелли, известное по фильмам, радио и телепередачам. Ах, ты, кстати, сидишь?

Джон машинально удостоверился в этом, положив руку на невероятно мягкую замшу заднего сидения.

– Да.

– Хорошо. Состояния Фонтанелли на самом деле вообще не существует.

Каким-то необъяснимым образом голос Марвина звучал иначе, чем обычно. Не под кайфом, не пьяный, но и не так, как запомнилось Джону.

– Марвин, я как раз еду в бронированном «мерседесе», который стоит один миллион долларов, и мне так кажется, что я за него заплатил. И не из тех денег, которые я зарабатывал, развозя пиццу, это я по чистой случайности запомнил совершенно точно.

Похоже, Марвин был не расположен шутить.

– Да, чувак, ясное дело – они дали тебе кучу денег. Это понятно. Суть не в этом. Суть в том, что они не оттуда взялись, откуда ты думаешь. В старой Флоренции хоть и был Джакомо Фонтанелли, купец и, наверное, даже твой предок, но он не оставил денег. Нуль. *Nada* [104]. *Niente* [105].

– О! – произнес Джон. Откуда Марвин мог узнать о том, что выяснила Урсула? Кто еще мог знать об этом? – И что?

– Когда-то, – рассказывал Марвин, – в середине восьмидесятых годов существовал тайный проект под названием «Фонд миллениума». Что-то вроде инвестиционного фонда, но доступный только для типов с очень толстыми кошельками. Банкиры, промышленники и прочие складывали деньги, пока не насобирали триллион долларов. Это были те деньги, которые ты получил. Вся остальная ерунда, пророчество и так далее – все это обман. Завещание, вообще все документы – это подделки. Ты ввязался в разыгрываемое как по нотам дело, где каждый знает, в чем фишка, кроме тебя. И общественности. Все остальные посвящены. Маккейн. Семья Вакки. Микеланджело Вакки никогда не существовал, чувак. Ты хоть раз заглядывал в учебник истории последних пяти сотен лет? Ни один человек не может быть настолько гениален, чтобы аккуратно пронести такое состояние сквозь весь этот хаос, я тебе отвечаю. Совершенно исключено. Ты поверил в брехню, говорю тебе. Ты был марионеткой с самого начала. А теперь, Джон, – добавил он, – настал платежный день. Теперь они придут за прибылью. Потому что инвестиционный фонд не хочет просто отдавать – в какой-то момент они пожелают получить свое обратно. Причем больше.

– Платежный день? – обеспокоенно повторил Джон. Почему-то от того, что рассказывал Марвин, у него мурашки бежали по коже. Или дело было в звучании его голоса, в том, как он это рассказывал? – О чем ты говоришь, Марвин? Даже если допустить,

---

104 Ничего (*исп.*).

105 Ничего (*итал.*).

что это правда, какая кому-то выгода от того, что произошло?

– Дело же вообще не в этом, *shit* . Дело не в том, что было. Дело в том, что *будет* . Ну что, въезжаешь?

Джону вдруг захотелось опустить стекло и просто вышвырнуть телефон в ночь.

– Нет. Мне жаль.

– Всемирное правительство, чувак. Ты собираешься установить всемирное правительство. А именно этого они и хотят. Все остальное: самый младший потомок мужского пола, наследство, пророчество – все это кино. Голливуд. Выдумано, приврано, чтобы получилось шоу. Чтобы произвести впечатление на людей. Чего они хотят, так это того, чтобы возникло всемирное правительство, а ты – как наживка, чтобы заставить людей принять это с воодушевлением. Потому что люди верят в тебя. Ты наследник, ты исполнишь пророчество, ты вернешь всем нам будущее, аминь. *Shit* , чувак. Фиг там. Всемирное правительство – это означает, что у них просто появится еще одно место, которым они будут манипулировать, подкупать, управлять из-за кулис. Для них все станет проще. Они получат окончательный контроль над нами. Нанесут нам штрих-коды на кожу, а мы будем радоваться, что можно не носить с собой кредитку. Они отговорят нас от того, чтобы заводить детей, и станут выращивать будущих рабов в своих генетических лабораториях так, как им захочется. В какой-то момент останутся только они, примерно сотня семей с абсолютной властью, правящая раса, а мы, остальные, будем их рабами, безмозглыми, беззащитными, просто *мясом* . Джон, заклинаю тебя, ты должен это остановить!

На миг он ему поверил. На миг ему показалось, что занавес расступился и обнажил невыразимо отвратительные декорации, заговор гигантских размеров, настолько чудовищный мир, что простой взгляд на него мог стоить человеку рассудка. А потом ему вспомнились другие идеи Марвина: розуэльские пришельцы, предания индейцев хопи, наркотическая философия Карлоса Кастанеды, пророческая сила рун и целительная магия драгоценных камней.

– А что этот твой загадочный знакомый говорил по поводу того, жив ли еще Элвис?

– Что? – поперхнулся Марвин. – Эй, это еще что за дерьмо?

– Марвин, забудь об этом. Это невозможно. Никто не смог бы спланировать то, что произошло.

Послышался звук, похожий на вой, передаваемый с замедлением межконтинентального телефонного разговора.

– Ты не знаешь, на что они способны! Они повсюду, в каждой организации, в каждой партии… они стоят за всем, правда за всем… И у них такие технологии, что ты себе даже не представляешь: гипноз, невероятные наркотики, они могут повлиять даже на твою ауру…

– Да, прямо так себе и представляю, что они это могут.

– Да. Чувак, я тебе говорю, у них даже есть технологии инопланетян, потерпевших крушение в сороковых годах. Они могут летать на Марс на гипермагнитных дисках, давно уже строят там города, а нам говорят, будто там мертвая пустыня…

– Марвин? – перебил его Джон. – Все это *bullshit* . Кто бы тебе это ни рассказал, у него не все дома. Или он лжет. Даже история с всемирным правительством – это неправда. Я не устанавливаю всемирное правительство.

– Но все к тому идет.

– Может быть, лет через пятьдесят. Пока что речь идет о том, чтобы выбрать всемирного спикера, а он изменит в крайнем случае парочку налогов и…

– О, чувак! – Прозвучало это так, как будто Марвина стошнило. – Я должен был догадаться. Они уже тебя захватили. Они держат тебя морально. Блин, чувак! Они в твоем мозгу, Джон, а ты этого даже не замечаешь!

– Никого в моем мозгу нет.

– Черт, чувак, я прямо слышу, что они *говорят* твоим языком! – закричал Марвин, а потом связь оборвалась.

Джон поднес телефон к уху, обеспокоенно посмотрел на него, а потом выключил.

Откуда у Марвина его номер? По крайней мере, в этом Маккейн был прав. Действительно, лучше избегать контактов с ним в будущем.

После первого приступа злорадства по поводу удара по триллионеру Джону Фонтанелли люди поняли, что их состояниям тоже стоит опасаться взгляда справедливости.

Появился новый тип давления. Повсеместно адвокаты, в числе клиентов которых были богатые и могущественные люди, до сих пор отличавшиеся скорее скрытностью и незаметностью, внезапно обнаружили, что участие в выборах всемирного спикера может быть расценено как государственная измена. В конце концов, большинство кодексов законов включают наказание за вступление во вражескую армию, и разве участие в глобальном референдуме – это в принципе не то же самое? Тут же разгорелись неясные дебаты с правоведами, представлявшими другую точку зрения, подиумные дискуссии, ток-шоу, появились статьи в газетах.

Многие предприятия самым бестактным образом заставляли своих сотрудников и рабочих писать заявления с обязательством не ходить на голосование.

– Неправомерно! – кричали другие адвокаты и обвиняли предприятия в ущемлении права на свободное волеизъявление. Но процессы затягивались, а времени до выборов оставалось совсем мало, и все вдруг смутились.

Группировки, которые были против референдума, заявили, что хотят послать наблюдателей на избирательные участки: не столько наблюдать за выборами, сколько за избирателями, и записать имена тех, кто примет в них участие. Многозначительно умалчивали о том, для чего эти списки предназначены, что было страшнее конкретных угроз. Организация «Мы, народ» не могла просто запретить их намерение, в конце концов, открытость процесса выборов была основой мероприятия, и право наблюдать предоставлялось каждому гражданину, даже тем, кто был в целом против.

Давление. Неуверенность. Запугивание. Опросы показывали внезапный спад предположительного участия в выборах. Более того, многие эти опросы были подделаны, чтобы еще больше разуверить тех, кто хотел голосовать.

Он ждал. Сидел на кровати с темно-желтым комплектом белья, выглядевшим омерзительно на фоне коричневых обоев, смотрел на двери номера и ждал. Вскакивал каждые пять минут, подбегал к окну и выглядывал из-за штор, вонявших столетним дымом, на площадь перед мотелем, на подъезд, на стоянку. Приезжали и уезжали автомобили. Из них выходили молодые пары, говорившие по-французски и выглядевшие так, словно позади у них была страстная ночь. Одинокие пожилые мужчины в шляпах и рубашках в грубую клетку выгружали удочки, наживку для рыбы и небольшие холодильные камеры. По задним сиденьям ползали младенцы, матери шикали на них. На выходных здесь происходило чертовски много всего.

В мотеле был небольшой киоск, называвшийся *«Super Marché»* [106], размером не больше разложенной газеты. Время от времени он совершал на него набеги и покупал что-нибудь перекусить: чипсы, шоколад и все сэндвичи, лежавшие у них бог знает сколько, – похожие на резину, с безвкусной курицей, безвкусным салатом из капусты, моркови и лука или с ужасно вонючей ветчиной, но он все равно все съедал. Не потому, что был по-настоящему голоден, а потому, что это стало словно бы развлечением. Он требовал, чтобы ему давали сдачу четвертаками – канадскими четвертинками доллара, они странно выглядели, и это были единственные монеты, которые проглатывал телевизор. Один час стоил четвертак, и он, как правило, заканчивался тогда, когда детектив становился интересным, а потом изображение исчезало, возвращая его обратно к действительности, которая набрасывалась на него со всех сторон и раздавливала.

---

106 Супермаркет (*франц.*).

Внутри него возникла дрожь. Словно мелкие насекомые ползали по его коже, постепенно пожирая его рассудок. Это была дрожь, словно шедшая из костей, против которой он был бессилен. И он ждал, сидя на темно-желтом белье, усыпанном крошками, смотрел на двери номера, и когда человек наконец пришел, он едва смог встать, чтобы подать ему руку.

– Я все испортил, – сказал он, прежде чем последовал вопрос.

Вошедший посмотрел на него. Сначала он не захотел садиться, отодвинул ногой все пластиковые пакетики и упаковки от крекеров, посмотрел на него, но потом все равно сел.

– Что это значит? – поинтересовался он, и Марвин рассказал ему, как было дело.

После телефонного разговора он подумал, что, наверное, не стоило говорить об НЛО и городах на Марсе; обо всем этом Бликер не упоминал, это он сам додумал. В конце концов, он тоже кое-что читал, кое-что слышал и мог сложить два и два. Для Джона это оказалось слишком, он полностью закрылся. Но об этом Бликеру лучше не говорить. Не стоит позволять никому заподозрить, что он знает слишком много.

– Что это значит? – снова спросил Бликер, когда он пересказал ему ход разговора.

Марвин посмотрел на него, помолчал некоторое время, боясь вынести приговор.

– Они уже захватили его, – наконец решился он. – Каким-то образом. Обработали под гипнозом, не знаю. Но он… он полностью блокируется, когда начинаешь объяснять ему суть дела. Полностью. И не пробиться.

При этих словах Бликер побледнел, словно смерть, потрясенно уставился на него огромными, словно блюдца, глазами.

– Значит, судьба человечества предрешена, – сказал он.

Он повторил это еще раз и еще, словно заклиная злых богов, и голос его звучал низко, как китайский гонг, эхом отдававшийся в глубине его души.

В пятницу, 26 июня 1998 года, в полночь по нью-йоркскому времени закончился десятинедельный срок подачи кандидатур на пост всемирного спикера. Всего поступило 167411 заявок, из которых, однако, лишь 251 соответствовала требуемым критериям. Большинство кандидатов приложили слишком мало собранных подписей или вообще не приложили их; многие списки не соответствовали требованиям, чтобы имена в них можно было перепроверить; в 12 списках с необходимым числом подписей были обнаружены фальсификации, что привело к исключениям кандидатов. И, несмотря на это, бюллетень первого тура получился на удивление длинным.

Среди кандидатов обнаружилось лишь 12 женщин, на что сетовали все, однако изменить уже ничего было нельзя; как сказал руководитель избирательной комиссии Лайонел Хиллман, «вероятно, это свидетельствует о состоянии мира». Наряду с несколькими бывшими главами государств заявки подали известные актеры, успешные предприниматели, знаменитые писатели и прославленные спортсмены, среди которых был южноафриканский футбольный идол (и шансы его, по крайней мере, судя по ставкам букмекеров, были удивительно высоки), далее – глава одной спорной секты, бывшая порнозвезда, настоящий король (африканского племени), а также поразительное количество неизвестных людей, по поводу которых оставалось загадкой, каким образом они собрали необходимое количество подписей. Только 34 кандидата были моложе шестидесяти лет, и не было ни одного моложе сорока. Опубликовали еще одну статистику, где кандидатов разбили по странам происхождения, но других категорий не было.

В субботу, 27 июня, на Генеральной Ассамблее ООН должна была состояться церемония по случаю начала избирательной кампании. Должен был выступить генеральный секретарь Кофи Аннан, за ним его гость, глава избирательной комиссии Лайонел Хиллман, который собирался еще раз пояснить уже известные всем правила проведения выборов, и камера, передающая это на весь мир, должна была на миг отклониться к Джону Фонтанелли, которого пригласили присутствовать в качестве зрителя. Повод и место сильно оспаривались, но члены Генеральной Ассамблеи простым большинством выступили за,

и поскольку они определяют, что происходит на восточной стороне Манхэттена, территории, принадлежащей ООН, на восемнадцати моргенах земли, их правительства могли бесноваться, сколько угодно. (Говорили, будто генеральный секретарь в ходе приватных разговоров с делегатами не скрывал своей убежденности в том, что ООН права, неофициально считая всемирного спикера своим будущим главой, поскольку когда-нибудь, рано или поздно, образуется всемирный парламент и сделает существование ООН излишним.)

Джон Фонтанелли и его штаб прибыли в Нью-Йорк накануне Глобальной церемонии открытия плебисцита. Во время перелета поступили результаты новейших опросов, которые представляли собой не любительскую сумму любительских интервью с прохожими всего мира, а заказанные газетой «Нью-Йорк таймс» уважаемому институту исследования. Методы находились на научном уровне, выбор опрашиваемых был репрезентативным, числа – соответствующими.

И результат был разгромным.

– Это неудача, Джон, – обеспокоенно произнес Пол, изучая факс, словно надеясь, что сможет что-то изменить в том, что было написано черным по белому, слегка под наклоном. – Если на выборы действительно придут лишь пятнадцать процентов, ты можешь забыть о всемирном спикере. Он станет персонажем анекдотов.

Джон взял листки, прочел их и без комментариев отдал обратно.

– Нет, – поднял он руки, когда увидел, что Пол хочет продолжить. – Никаких дискуссий. Мы проведем выборы, кто бы что ни говорил.

Для пресс-конференции вечером того дня, когда они прибыли в Нью-Йорк, не хватило даже большого зала отеля. Журналистов собралось, должно быть, тысячи, сверкали вспышки, вперед устремлялись микрофоны, и все, все они читали опрос общественного мнения.

– Опрос – это не голосование, – заявил Джон Фонтанелли. – Это мгновенный снимок. У нас впереди двадцать недель избирательной кампании, во время которой кандидаты на пост всемирного спикера будут бороться за наши голоса. В ноябре, после подсчетов всех голосов, мы будем знать больше.

Крики, возня. Невозможно расслышать вопрос. Джон просто продолжал говорить дальше, говорил то, что приходило в голову. Он устал. Мысль о том, что проект провалится, приводила его в больший ужас, чем он готов был признать.

– Мы выбираем не между 251 кандидатом, – говорил он. – Перед нами гораздо более основополагающее решение, а именно – между расширенной на одно измерение демократией и новой эпохой феодализма, который на этот раз будет феодализмом концернов.

Как все принялись строчить, записывая эти слова, передавая их дальше, думая о заголовках и первых полосах!.. А Джон чувствовал лишь пустоту. Тихий внутренний голос шептал ему, что лучше перестать говорить, замолчать, чем сказать что-то, о чем он впоследствии пожалеет. Но он не мог перестать, по какой-то причине, которая была сильнее всех аргументов, всей мудрости паблик рилейшнз.

– Если Бог поставил меня на это место и дал мне это поручение, – произнес Джон Фонтанелли к ужасу своего штаба и к вящему восторгу публики, – то он, без сомнения, хотел, чтобы я сделал то, что я искренне считаю верным. А то, что должно произойти, я считаю правильным. Мы сталкиваемся с большими трудностями. Если мы не сможем справиться с ними подобающим, человечным образом, то мы не стоим того, чтобы существовать дальше.

«Это звучало как разговор впавшего в депрессию человека со своим психотерапевтом», – скажет впоследствии Пол Зигель, которому удалось в этом месте резко завершить пресс-конференцию.

Участников церемонии пригласили на генеральную репетицию в два часа пополудни

местного времени, чтобы прокрутить точный сценарий того, кто когда и откуда выходит, дать возможность осветителям оптимально выставить свет. И Джон после трудной ночи и молчаливого утра поехал на своем лимузине, на этот раз один, сопровождаемый только Марко и двумя другими телохранителями, поскольку Пол проводил день в переговорах с представителями американских концернов. Судя по всему, первая фирма, которую он купил, станет также и первой из тех, которые он продаст: «Мобил корпорейшн» высказала заинтересованность в приобретении «Эксона».

Он едва не проглядел его. Вышел из автомобиля, когда перед ним открыли дверцу, двинулся по красной ковровой дорожке, как множество раз до этого во множестве мест по всему миру, мимо охранников и другого персонала, высматривая важных людей, когда до его ушей, до его сознания вдруг донесся голос:

– Привет, брат.

Джон обернулся, оглядел лица вдоль своего пути и наконец нашел его.

– Лино?

– Сюрприз, – с кривой ухмылкой ответил тот. Он просто стоял среди других телохранителей в униформе войск ООН, как будто был в их числе.

– Лино?.. Что ты здесь делаешь?

Лино похлопал рукой по кобуре, висевшей у него на поясе.

– Они решили, что я должен немного присмотреть за тобой.

– Ты? – Джон покачал головой. – Как так?

– Приказ есть приказ. В прошлую субботу я еще морозил себе задницу на Беринговом море и не догадывался, какое привалит мне счастье.

– А где твой боевой реактивный самолет?

Лино напряженно посмотрел на навес перед ними, на ряд флагштоков с флагами стран – членов ООН.

– Ну, – произнес он, – тесновато здесь для маневров.

Он постарел. Как будто северные холода вырезали морщины на его лице, сделали его когда-то темные пышные волосы снежно-белыми. В глазах сверкала боль.

Джон схватил его за рукав и потащил за собой в холл, где они нашли спокойный уголок.

– Лино, мне так жаль, – сказал он, в горле стоял ком. – Что все тогда так получилось…

Тот покачал головой.

– Не стоит, Джон. Я сам виноват. Я… что ж, я думал, что чертовски хитер. А при этом оказался полным идиотом.

– Они не позволяют тебе больше летать, это правда?

– Не из-за тебя, не воображай. Там, наверху, чертовски холодно, и иногда нужен литр виски, чтобы согреться. – Лино закусил губу, по крайней мере, эта привычка у него осталась. – Я пошел вразнос после того, как Вера вышла замуж за этого маклера по недвижимости. Они так и хотели меня вышвырнуть. Понадобилось немного. Готов спорить, они считают тяжким наказанием то, что выдворили меня за Полярный круг.

– А поскольку ты опять что-то натворил, они послали тебя сюда.

Лино с благодарностью ухмыльнулся.

– Да, может быть, я перестарался в драке с комендантами…

Они рассмеялись, потом обнялись, неловко, поскольку в последний раз делали это в детстве, и лишь на краткий миг.

– Это было довольно странно, – произнес Лино, готовый вот-вот расплакаться, и украдкой потер глаза. – То, как я сюда попал, я имею в виду. Моему коменданту просто позвонили, и бац, я уже сижу в первом же самолете. Сначала я подумал, что он рад от меня избавиться, но потом решил, что кто-то задумал дать нам шанс помириться. Понятия не имею, кто именно.

– Все может быть, – кивнул Джон. Посмотрел на брата. – Ты был дома?

Лино со значением кивнул.

– На сороковую годовщину свадьбы. Мать была так разочарована тем, что тебе какая-то фабрика в Болгарии оказалась важнее.

– Хм… – произнес Джон. – В следующую пятницу, кажется, у них сорок первая, я прав? Я мог бы приехать на недельку, когда все это закончится…

В этот миг к Джону подошла миниатюрная женщина с азиатскими чертами лица.

– Мистер Фонтанелли? Простите, пожалуйста. Вас ждут внутри.

Джон, извиняясь, поглядел на Лино.

– Но пока что это не закончилось, как видишь.

– Приказ есть приказ, – произнес Лино, отдавая честь. – Иди, а я пока покараулю снаружи.

– Так точно.

Зал Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, пожалуй, представляет собой самое внушительное здание парламента, когда-либо выстроенное людьми. Это единственный зал заседаний на территории, содержащий эмблему Организации Объединенных Наций: окруженный оливковой ветвью стилизованный земной шар. Ее невозможно не заметить на сверкающей золотом фронтальной стороне зала, окруженную архитектурой, которая неповторимым образом захватывает взгляд наблюдателя и образует панораму, полностью передающую дух статута. Два мощных перпендикулярных выступа смело обступают партер. За узкими окнами в них видны переводчики, необходимые для выполняемой здесь работы, но взгляд неудержимо стремится дальше, вперед, к сцене и трибуне оратора, и кто бы ни стоял там, в архитектурном фокусе зала его невозможно не заметить, и в то же время он кажется крохотным, лишь человеком, зависящим от общности других людей и их сплоченности.

Сто восемьдесят делегатов вмещает зал, за длинными изогнутыми столами, нежно-зелеными, с желтой окантовкой и микрофоном на каждом рабочем месте. Над партером поднимается большой купол, с которого, словно звезды, сияют прожектора. У того, кто входит в этот зал впервые, захватывает дух, и если он не совершенный циник, он чувствует здесь, на что могут быть способны люди.

Во второй половине дня 27 июня величественная комната была почти пустой. Перед сценой стояла горстка людей, которые что-то обсуждали, у двух из них на плечах были телекамеры, а высоко над ними включались и выключались прожектора. Кто-то с папкой в одной руке и попискивающей рацией в другой носился вокруг и отдавал команды. Мужчины в комбинезонах прокладывали толстые кабели, приклеивали их к полу черной липкой лентой. Генеральный секретарь стоял на ораторской трибуне и терпеливо сносил то, что делали с его лицом гримеры. Лайонел Хиллман ждал в некотором отдалении, скрестив на груди руки, и внимательно слушал то, что говорил ему другой человек с папкой под мышкой.

А Джону Фонтанелли делать было нечего, кроме как сидеть на своем месте, которое ему указали, в ожидании момента, когда на него посмотрит камера, чтобы потом сделать достойное лицо или, по крайней мере, постараться не ковыряться в этот момент в носу. Все, что ему пришлось запомнить, – это когда он должен войти в зал и через какую дверь, что выяснилось довольно быстро. Теперь он сидел, исполненный спокойствия благодаря неожиданному примирению с братом, смотрел на других и вбирал в себя атмосферу зала.

От зала, казалось, исходила утешительная уверенность, терпеливая, прочная, почти упрямая настойчивость, как будто здесь жили души Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. «Несмотря ни на что», – казалось, говорили эти стены. «Однажды», – шептали скамьи. Это только вопрос времени. Однажды появится всемирный парламент, правительство всей Земли, и людям, которые будут жить тогда, это покажется совершенно естественным. На уроках истории дети будут изучать, что когда-то континенты были разделены на страны, что у каждой из них было собственное правительство, собственная армия и собственные деньги, и это будет казаться им таким абсурдным, каким сегодня

кажется время, когда Северная Америка была провинцией Англии, а с рабами обращались как со скотом.

Джон поднял взгляд к куполу. Может быть, однажды здесь будет место заседаний парламента, старинное, богатое традициями. Ему виделось, как там, впереди, стоит всемирный президент, возможно, женщина, и зачитывает правительственную декларацию. Он чувствовал скрытое беспокойство в рядах парламента, поскольку все еще существовали партии, различные точки зрения, споры за деньги, влияние и путь, по которому нужно идти. Так – и он вдруг увидел это с необычайной четкостью – и будет, пока есть люди на этой планете, потому что это в природе человеческой. И он почувствовал мир по ту сторону стен, мир будущего – большой, безумный, сложный мир странной моды и причудливых технологий, полный людей, мыслей и еще не рожденных идей, пульсирующий космос различных образов жизни, удерживаемый вместе головокружительно сложной сетью зависимостей и взаимоотношений, не оставляющий места для разделения и раскола. Он почувствовал мир, который уже был не заинтересован в том, чтобы тратить малейшие усилия на сепарацию, и он понравился Джону. «Да, – подумал он. – Да».

Он с трудом оторвался от своего видения, вернувшись в реальность, заморгав, огляделся по сторонам, когда мужчина с рацией указал на него и крикнул:

– Вы готовы, мистер Фонтанелли? Сейчас мы сыграем вашу часть.

В вестибюле было необычайно светло и людно. СМИ устроили свой собственный гардероб, из дюжины огромных прожекторов падал свет, туда-сюда бегали люди, переподключая приборы, монтируя камеры на штативы. Джон огляделся по сторонам, увидел, что на улице ждет автомобиль, поискал взглядом Лино, которого нигде не было видно. Он помахал рукой Марко, шедшему к нему через толпу.

– Там кое-кто хочет поговорить с вами, – произнес он и указал кивком головы за спину Джона.

Джон обернулся и почувствовал удар, потом еще один и горячую волну боли, обжегшую все его тело. Ноги подкосились, вокруг все бегали, кричали – колышущийся хор голосов и движений, а он смотрел на себя, видел кровь на животе и на своих руках, прижатых к нему. Она была сверкающе красной, буквально лилась рекой, и вдруг он вспомнил, о чем забыл, о чем не думал все это время.

«Завещание!» – хотел крикнуть он тем, кто был вокруг него, но они вопили, бегали и не слушали его, и почему-то ему казалось, что он не может произнести ни звука. Во рту появился привкус железа, горло наполнилось жидкостью, затопившей его голосовые связки.

Теперь мир начал вращаться вокруг него в странном балете, он видел все: неужели они не понимают? Завещание. Это ключ. Большая ошибка. У него течет кровь из живота, а они его не слушают.

Кто-то склонился над ним. Марко, со слезами на глазах. Завещание! Было важно сделать еще и это. Раньше он не имеет права провалиться в милосердную тьму, звавшую его, манившую обещанием мира и покоя. Сначала он должен сказать им, что он обнаружил, что пришло ему в голову, возможно, слишком поздно…

Завещание. У Маккейна мое завещание. Я забыл написать новое. Если я умру, он получит все …

Следственная комиссия под руководством старшего детектива Роберта А. Уилсона по завершении дознания представила отчет на тысячу страниц, позднее названный «отчетом Уилсона».

Согласно этому отчету Марвин Коупленд, родившийся в 1968 году в Нью-Йорке, 3 сентября 1997 года поступил в клинику Ландштайнера, расположенную в канадском Квебеке, с симптомами героиновой зависимости и лечился там под именем Марвина Брюса. То, что имя было не настоящим, объяснили дознавателям как общепринятую практику; поскольку туда поступают на лечение члены известных семей, основой ведения бизнеса

является обеспечение анонимности. Персонал клиники также утверждал, будто ему ничего не было известно о том, что в тот момент Коупленда разыскивала французская криминальная полиция.

Исчезновение Коупленда, похоже, было связано со смертью бывшей итальянской помощницы прокурора, безработной Константины Вольпе из-за передозировки героином 31 августа в одном из отелей Парижа. Коупленда задержали после того, как другие постояльцы отеля услышали крики, доносившиеся из их комнаты, и руководство отеля вызвало полицию. К моменту задержания Коупленд был не способен давать показания, и поэтому его перевели в стационар следственной тюрьмы Девятнадцатого административного округа. Оттуда он необъяснимым образом исчез ранним утром.

Неясно также, как Коупленд попал в Канаду. В момент поступления в клинику его сопровождал мужчина средних лет, представившийся как Брайан Смит. Затраты на лечение оплачивались ежемесячным переводом с банковского счета в банке конгломерата «Фест пасифик» в Ванкувере, открытого на имя Рона Батлера. Этот счет открыли 2 сентября 1997 года крупным вложением наличности, единственным движением средств были списания на счет клиники. Личность по имени Рон Батлер обнаружить не удалось; представленные копии документов оказались фальшивыми, что до прибытия следственной комиссии в банке не обнаружили.

Коупленд провел в клинике более девяти месяцев и прошел там обычную процедуру клинического избавления от героиновой зависимости, телесного восстановления и психотерапии. 10 июня 1998 года, за три недели до запланированной, по словам врачей, выписки, Коупленд сбежал из клиники. Исходя из принятой в ней системы безопасности, приходится предположить, что ему помогли извне. Его исчезновение было обнаружено спустя примерно четыре часа; на поиски тут же отправились с собаками и на принадлежащем клинике вертолете, и в лесу был обнаружен след, заканчивавшийся на стоянке у подъездной дороги. Оттуда Коупленд, похоже, продолжил свой путь на транспортном средстве, что опять же позволяет предположить наличие сообщника.

Во второй половине дня 11 июня Коупленд снял номер в расположенном на шоссе № 113 мотеле «Деревянный гризли», где оставался до 14 июня. Согласно документам мотеля, к этому моменту он ездил на угнанном в Торонто «мицубиси кольте». По свидетельствам сотрудников мотеля на протяжении этих дней Коупленд питался едой из магазина-закусочной при мотеле, которую съедал в своем номере, и для других нужд его не покидал. У него было два длительных междугородних разговора, один поздно вечером 11 июня, второй – на следующий день. Согласно данным телефонной станции, первый раз он звонил в лондонскую резиденцию Джона Фонтанелли, второй – на личный мобильный телефон Фонтанелли. Вечером 13 июня к нему приехал мужчина на черном спортивном автомобиле, предположительно «корвете», который провел у Коупленда около трех часов. На следующее утро Коупленд покинул мотель.

Его дальнейший маршрут точно реконструировать не удалось. Существуют указания на то, что он купил в расположенном неподалеку от озера Сен-Жан местечке Ла Доре необычайно большое количество фруктов. Свидетели утверждают, что видели неподалеку от озера Ле-Барройс, расположенного чуть в стороне от шоссе № 167, мужчину, упражнявшегося в стрельбе. В указанном месте позднее были обнаружены ошметки фруктов, не оставляющие сомнений в том, что на них упражнялись в стрельбе.

По сведениям знакомых Коупленда, у того никогда прежде не было оружия, он никогда не стрелял и не имел военного образования.

Неясно также, в каком месте Коупленд пересек границу. Таможенник полагает, что припоминает казавшегося расстроенным молодого человека на сером «мицубиси», подходящего под описание Коупленда; он проверил его на предмет наркотиков, но ничего не нашел, и оружия тоже.

Установлено, что Коупленд прибыл в Нью-Йорк 22 июня 1998 года, поскольку его автомобиль был обнаружен в половине десятого утра патрульным по имени Уоррен Мартин

в месте, где запрещена стоянка, и идентифицирован как угнанный. Но Коупленд не вернулся к своему автомобилю. Неясно также, где он провел неделю в Нью-Йорке. Все его знакомые утверждают, что у них его не было; впрочем, высказывались неоднократные предположения, что он находился у одной из своих бывших возлюбленных.

То, что в субботу в здании Организации Объединенных Наций будет проходить церемония открытия всемирного референдума – официальное начало выборов всемирного спикера, было известно благодаря средствам массовой информации. О том, что состоится репетиция и когда именно, тоже можно было легко узнать, даже просто позвонив в управление. Вся территория ООН в тот день была закрыта для посетителей. По этой причине не проводился обычный контроль службы безопасности (с помощью металлоискателей, просвечивания багажа), зато были присланы дополнительные телохранители из числа войск ООН для мистера Фонтанелли, поэтому меры безопасности считали достаточными.

Особого упоминания достойны удивительные обстоятельства, которые привели к тому, что среди сотрудников службы безопасности присутствовал Лино Фонтанелли, старший брат Джона Фонтанелли. Лино Фонтанелли, бывший летчик военно-воздушных сил США, стал известен в мае 1995 года в связи с так называемой «аферой Бликера», был разжалован из-за психологических проблем и алкогольной зависимости и наконец переведен на базу Шактулик в Нортон Саунд, штат Аляска. Оттуда его 20 июня командировали в Нью-Йорк по телефонному распоряжению и подчинили службе безопасности ООН.

Как это произошло, было неясно. Командующий базой майор Норман Рид готов поклясться, что узнал по телефону голос лично знакомого ему начальника, полковника Джеймса Д. Бьюкенена. Тот, в свою очередь, отрицает свою причастность к данному делу. Должно было последовать подтверждение по факсу, но передача факсимиле оборвалась, – что, по словам майора Рида, было скорее правилом, чем исключением, – прежде, чем показалась подпись полковника Бьюкенена. Поскольку майор Рид, по его собственным словам, был вполне рад возможности избавиться от Фонтанелли, этого оказалось достаточно для того, чтобы командировать его в Нью-Йорк.

Лино Фонтанелли был поставлен на защиту здания в области входа в зал Генеральной Ассамблеи, его предусмотренная вахта начиналась в час пополудни и должна была закончиться в одиннадцать часов вечера, с перерывом между пятью и половиной седьмого вечера. Он был вооружен длинноствольным пистолетом «смит-вессон», револьвером «магнум» 41 калибра.

Джон Фонтанелли прибыл в зал Генеральной Ассамблеи примерно в 13:50. Как только он вышел из автомобиля, бронированного «линкольна», состоялась неожиданная для него встреча с братом Лино, затем последовал короткий разговор. Примерно в два часа Джон Фонтанелли отправился на генеральную репетицию в зал заседаний, в то время как Лино Фонтанелли снова занял свое место у входа. Генеральная репетиция длилась полтора часа и закончилась в половине четвертого.

Один из телохранителей мистера Фонтанелли, Марко Бенетти (родился в 1971 году в Риме, женат, проживает в Лондоне) дал официальное показание для занесения в протокол, что около трех часов работник службы безопасности ООН Джордж Браун, родившийся в 1976 году в городе Аллианс, штат Огайо, спросил его, знает ли он, что к мистеру Фонтанелли пришел посетитель. Он ответил, что впервые слышит, но пошел с Брауном, когда тот попросил его об этом, поставив, впрочем, в известность своего коллегу Криса О'Ганлона. Оба были с мобильными телефонами и договорились, что О'Ганлон немедленно проинформирует Бенетти, когда закончится генеральная репетиция.

Выяснилось, что охранники задержали одного человека при попытке проникновения на закрытую территорию ООН. Как выяснил прибывший на место задержания Бенетти, речь шла о Марвине Коупленде, с которым Бенетти был лично знаком. Коупленд утверждал, что говорил по мобильному телефону с Джоном Фонтанелли, и заявил, что тот назначил ему встречу после окончания генеральной репетиции. На вполне обоснованное недоверие

Бенетти Коупленд предъявил бумажку с номером телефона, в котором Бенетти опознал номер мистера Фонтанелли. Поэтому Бенетти рассудил, что указанный разговор действительно состоялся, и предложил Коупленду провести его на территорию. И хотя он исходил из того, что сотрудники службы безопасности ООН уже обследовали Коупленда, он еще раз лично проверил его. Завязался разговор, в ходе которого Коупленд высказал понимание необходимости всех мер предосторожности.

Они подошли к главному входу в начале четвертого. В вестибюле уже начались приготовления к вечернему репортажу, при виде чего Коупленд предложил подождать снаружи. Бенетти согласился. По дороге они продолжили разговор. Согласно показаниям Бенетти, Коупленд сказал ему, что вернулся в Нью-Йорк еще полгода назад, с прибылей от продажи своего первого диска купил себе маленькую квартирку в Гринвич-Виллидж и с тех пор работает над второй пластинкой, для которой, впрочем, еще не нашел фирму звукозаписи. В тот момент Бенетти полагал, что Коупленд хочет встретиться с Фонтанелли в надежде на помощь в получении договора с фирмой звукозаписи, как поступал и в прошлом.

Около половины четвертого Бенетти позвонил О'Ганлон, сообщив, что генеральная репетиция закончилась. Коупленд заволновался и попросил Бенетти поскорее показать ему, как пройти к туалету, что тот и сделал.

Когда Коупленд вернулся, Фонтанелли уже вышел из зала и находился в вестибюле. Коупленд и Бенетти поспешили к нему, причем, прежде чем подойти к мистеру Фонтанелли с двух разных сторон, вынуждены были обойти препятствие – буфетный столик, на котором два флориста как раз расставляли украшения из цветов, и Коупленд оказался за спиной у Фонтанелли. В тот самый момент, когда Бенетти обратил его внимание на присутствие друга, Коупленд неожиданно выхватил пистолет и несколько раз быстро выстрелил в Фонтанелли.

Следует исходить из того, что Коупленд спрятал оружие в туалете во время одной из обычных экскурсий для посетителей. Ему удалось спрятать его настолько искусно (судя по черному следу в одной из ведущих в сторону вентиляционных шахт), что тайник не только не был обнаружен в ходе предварительного контроля, но нашелся не сразу даже после совершения преступления.

Всего Коупленд сделал пять выстрелов, из которых в цель попало четыре: две пули в живот, одна в верхний край правого легкого и одна, причинившая легкое ранение, в шею. Затем в него попала первая из нескольких пуль, выпущенных Лино Фонтанелли с расстояния семидесяти футов, – в голову, и убила его на месте. Свидетели единогласно сообщают, что Лино Фонтанелли кричал, не переставая, пока его в свою очередь не скрутили и не дали сильнодействующее успокоительное.

50

Просыпался он тяжело, как будто под давлением не в одну тонну, чувствуя себя странно отделенным от собственного тела, которое ужасно болело. Но, к счастью, боль чувствовалась словно сквозь розовую вату, это была скорее информация, чем собственно ощущение. Он заморгал, и веки пришли в движение, словно бронированные ворота на входе в защищенный от попадания атомной бомбы бункер, – медленно, тяжело; внутри у него что-то запищало.

А, нет, это над ним: прибор в темно-синем металлическом кожухе, выглядевший точно так же, как во всех «медицинских» сериалах по телевизору.

Это наблюдение некоторое время лениво перекатывалось внутри него, постепенно оформившись в предположение: может быть, он лежит в больнице?

Ой-ой.

Это было нечто. Неясные воспоминания о крови, текущей меж пальцев. Вокруг – кричащие, бегающие люди, затем изображение сморщивается, с краев поля зрения

надвигаются темные тени, все ближе и ближе к центру.

Выстрел… Возможно ли это? Что в него стреляли? И неужели это настолько болезненно? По телевизору все выглядело намного проще.

Не так… продолжительно.

Он задремал на время, поплавал среди звезд, золотых океанов, пока не услышал голоса, звавшие его обратно. На этот раз оказалось легче открыть глаза, зато сфокусировать зрение удалось не сразу. Светлое пятно превратилось в лицо женщины с миндалевидными глазами.

– Он проснулся, – сказала она, обращаясь к кому-то, и исчезла. В небе появилось другое лицо и негромко произнесло:

– Привет, Джон.

Он знал ее. Да. Щелк-щелк, все возвращалось, все воспоминания, вся его жизнь. Урсула. Если бы только во рту не было так сухо, если бы язык не был таким распухшим… Неужели у него что-то застряло в горле? В носу? Все так тяжело давалось.

– Не говори, если тебе трудно, – с печальной улыбкой сказала она.

Глаза у нее покраснели, словно от простуды или после трансатлантического перелета. Было еще что-то, от чего у нее могли покраснеть глаза, он не мог вспомнить, от чего именно. Он знал только, что глаза могут быть такими красными и такими опухшими из-за сухого разреженного воздуха в самолете.

– Я… – выдавил он из себя.

Она улыбнулась, коснулась его руки, где-то далеко.

– Я пытался… позвонить тебе…

– Да, – сказала она. – Я знаю.

– Тебя… не было…

– Все это время я была во Флоренции, – с печальной улыбкой пояснила она. – В архиве, ты знаешь. Погрузилась в работу.

Он попытался кивнуть, но не вышло.

– Но теперь ты… здесь.

– Да, теперь я здесь.

Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, почувствовал себя счастливым. Он снова посмотрел на нее, вспомнил о времени, которое они провели вместе.

– Знаешь, – сказал он, – теперь все будет по-другому. Поверь мне. Я должен заплатить налог на наследство, представляешь. Ты, наверное, уже слышала. Думаю, все остальные деньги я раздам. Ну, может быть, кроме парочки миллионов. И если ты… ну, если ты можешь со мной… не знаю, как сказать…

Странно, похоже, она не слышала его.

– Джон! – крикнула она, взгляд ее в панике заскользил по приборам у него над головой. – Джон, в чем дело?

– А что? – спросил он. – Что такое?

– *Сестра* ! – Она отвернулась, бросилась вон. Джон хотел посмотреть ей вслед, но увидел только, как с тихим скрипом метнулись навстречу друг другу обе створки двери.

Но он был не один. Рядом стоял еще кто-то.

Padrone .

Он стоял, такой спокойный, каким Джон запомнил его, и вдруг произнес:

– Привет, Джон.

– Привет, – нерешительно ответил Джон. Он удивился тому, что видит его. Существовала причина, по которой это было невозможно, но она почему-то не вспоминалась. – Я все испортил, да?

– Почему ты так думаешь?

– Я должен был выполнить пророчество. Вернуть людям утраченное будущее. – Внезапно он почувствовал грусть. – Но я не смог. А теперь я умираю, и Маккейн унаследует состояние. И одному Богу известно, что он с ним сделает.

– Почему ты думаешь, что Маккейн унаследует состояние?

– Я забыл написать новое завещание, – пристыженно признался Джон. – Я не подумал даже об этом. – Он отвернулся, посмотрел на потолок комнаты, и темный узор начал расступаться. – Я оказался не тем наследником, правда?

Padrone подошел вплотную к кровати, посмотрел на него сверху вниз.

– Все, что есть у Маккейна, – это кусок бумаги. А что это такое?

– Действительное завещание, – в отчаянии произнес Джон.

– Нет же. Действительно только то, что признают действительным люди. – *Padrone* положил холодную руку ему на лоб, словно успокаивая. – Ты забыл, что началась избирательная кампания? Первое самое обширное голосование из всех, что когда-либо проводились? Ты потребовал от человечества принять решение. А теперь, после покушения на тебя, они знают: если они примут решение оставить все, как есть, они выберут Маккейна. Тогда Маккейн унаследует состояние и однажды станет повелителем мира. Но этого не должно случиться. Будет вотум. Один голос, не более – маленький, тихий, на вид незначительный – но он могущественнее всего оружия в мире, потому что это голос всего человечества. Люди могут решить изменить ход вещей. Всего лишь первый шаг, но все начинается именно так. – Он посмотрел на него с добродушным, почти прозрачным лицом. – И ты сделал это возможным. Ты открыл дверь в будущее. Другие войдут в нее или повернут назад; за это ты уже не в ответе. Но сейчас, в этот момент, в эти дни, у людей есть будущее. И ты дал им его.

Джон посмотрел на него, чувствуя, как на глаза набегают слезы.

– Это правда?

– Ты знаешь, что это так.

Да. Он знал это. Но все равно беспокоился.

– А я? Что теперь будет со мной?

Padrone протянул ему руку.

– Идем.

Джон колебался.

– Но если это все же было ошибкой? Если я должен был поступить иначе? Может быть, если бы я попытался… хотя бы попытался изменить систему налогов?.. Есть еще так много всего, что я еще даже не пытался…

Казалось, тишина длилась вечно. Но чем дольше она длилась, тем больше отчаяния впитывала в себя, словно промокашка пролитые чернила. Слезы высохли. Он успокоился.

– Скажи мне одно, – потребовал *padrone* . – Ты сделал, что мог?

– Не знаю. Я…

– Не то, что мог бы сделать кто-то другой. Что ты мог.

Джон подумал, окинул взглядом свою жизнь, многие ее повороты.

– Да, – сказал он. – Я не всегда поступал хорошо, но всегда настолько хорошо, насколько мог.

Padrone мягко кивнул.

– Большего, – спокойно произнес он, – и не требуется.

Джон сел, позволил помочь себе встать. Пол был гладким и скользким под его босыми ногами, но он не увидел ни туфель, ни тапок.

– Идем, – сказал *padrone* .

Джон оглянулся, заметил больного на постели за своей спиной, выглядевшего очень плохо, с трубками и кабелями, прикрепленными к телу, с приборами и лампочками над ним, и ему стало как-то нехорошо при мысли, что приходится его оставлять.

Но *padrone* уже стоял в дверях и махал ему рукой.

– Не нужно переживать, Джон. Ты выполнил свою задачу.

Внезапно это стало раздражать его – все эти вечные загадки о смысле жизни и задачах, которые якобы стоят перед человеком.

– Знаете что, *padrone* ? – сказал он. – А мне уже все равно.

И наконец перед ними открылись створки, и они вышли в залитую почти неземным

светом комнату.

Благодарности и примечания

Прежде всех остальных я хочу поблагодарить свою жену Марианну, которая всегда подбадривала меня и помогала мне поддерживать увлечение этой темой. Без нее книги бы не было.

Затем я хочу поблагодарить многих людей, которые поддерживали меня в моих исследованиях: надеюсь, я никого не забуду.

Я обязан поблагодарить Тимоти Шталя за многочисленные рассказы о быте и правовых обычаях в США, Робина Бенатти и Нирбийю Фукса за соответствующую информацию об Италии. Томас Браатц, Манфред Орловски и Дик Бергер из Лейпцига, конечно же, рассказали мне все, что я хотел знать о жизни в ГДР, понедельничных демонстрациях и падении стены. Ральф Вагнер, доцент экономики в Берлине, терпеливо разъяснил мне ряд сложных вопросов, особенно касающихся создания денег, – причем я хочу подчеркнуть, что он ни в коей мере не отвечает за то, что я из этого сделал.

Также хочу поблагодарить своих друзей Томаса Тимейера и Дэвида Кенлока, читавших роман на стадии проекта, за их идеи, критику и подбадривание. Дэвид Кенлок убедил меня в том, чтобы начать роман так, как он начинается теперь, – и вычеркнуть более ста страниц!

Еще я благодарен сотрудникам городской библиотеки Корнвестхайма за их великодушный пересмотр сроков возврата книг, а также управляющему онлайн-архива газеты «Вельт» (www.welt.de), который оказал мне неоценимую помощь.

Во многих местах неизбежно пришлось упомянуть действительно существующих личностей современной истории; временами мне приходилось вкладывать в их уста диалоги, которых они никогда не вели. Жертвой этого частого для писателей преступления стал в первую очередь генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Кофи Аннан, надеюсь, он меня простит. Здание № 40 по улице Уолл-стрит, кстати, насколько мне известно, в действительности находится во владении Дональда Трампа (которого я в своем романе «Видео Иисус» несколько преждевременно описал как «сошедшего со сцены» – простите, мистер Трамп).

В своем описании всемирной экономики, денежной системы и взаимовлияния концернов я опираюсь, кроме прочего, на следующие источники:

Эдуард Леманн. Динамика денег (Eduard Lehmann «Dynamik des Geldes». Zürich, 1998).

Иоганн Гюнтер Кениг. Вся власть концернам (Johann-Günther König. Alle Macht den Konzernen. Reinbek, 1999).

Рюдигер Лидтке. Специально: концерны (Rüdiger Liedtke «Special: Konzerne». Reinbek, 1995).

Вэнс Пэкард. Сверхбогачи (Vance Packard «Die Ultra-Reichen». Düsseldorf, 1990).

Джоэль Коткин. Основы власти. Успех всемирно известных кланов в экономике и политике (Joel Kotkin. Stämme der Macht. Der Erfolg weltweiter Clans in Wirtschaft und Politik. Hamburg, 1996).

Ханс Кристофер Бинсвангер. Деньги и природа. Экономический рост в поле напряжений между экономикой и экологией (Hans Christoph Binswanger. Geld und Natur. Das wirtschaftliche Wachstum im Spannungsfeld zwischen ökonomie und ökologie. Stuttgart, 1991).

Маргрит Кеннеди. Деньги без процентов и инфляции (Margrit Kennedy. Geld ohne Zinsen und Inflation. München, 1990).

Энтони Сэмпсон. Глобальная власть денег (Anthony Sampson. Globalmacht Geld. (Hamburg, 1990).

Некоторые важные стимулы подал мне журнал «Der Blaue Reiter, Journal für Philosophie», 11-й выпуск которого в январе 2000 года в Штуттгарте был посвящен теме денег.

Важные мысли о политическом значении полезных ископаемых я нашел в книге **Дитера Айха и Карла Хюбнера «Стратегические ресурсы»** (Dieter Eich и Karl Hübner. Die strategischen Rohstoffe. Wuppertal, 1988), а также у **Эккехарда Лаунера** в книге **«Например, нефть»** (Ekkehard Launer. Zum Beispiel Erdöl. Göttingen, 1991).

Все сведения относительно Международного валютного фонда (МВФ) взяты либо с его веб-страницы (www.imf.org), либо из книги **Уве Хоринга «МВФ и Всемирный банк реконструкции и развития»** (Uwe Hoering. IWF und Weltbank. Göttingen, 1999).

Краткие сведения о компании «Эксон» нашлись по адресу ww.ntu.edu.sg/library/statdata.htm.

Финансовые данные об «Эксоне» я нашел по адресу www.exxon.com среди опубликованных деловых отчетов концерна. Историю о Джоне Д. Рокфеллере, трасте «Стэндарт ойл» и его разделении на известные сегодня нефтяные концерны можно прочесть в энциклопедии «Британника».

Существенные детали относительно ценности денег в истории я нашел в книге **А. Лушин фон Эбенгройт «Общая нумизматика и история денег средневековья и нового времени»** (A. Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neueren Zeit. Oldenburg, 1976), в книге **Филиппа Арьеса и Роже Шартье «История частной жизни»** (Philippe Ariès, Roger Chartier. Geschichte des privaten Lebens. Frankfurt 1991), а также у **Эрнста Самхабера** в книге **«Деньги. Культурная история»** (Ernst Samhaber. Das Geld. Eine Kulturgeschichte. München, 1964).

Из книг, темой которых является выживание человечества на этой планете, я могу привести здесь лишь самые важные:

Деннис Медоуз, Донелла Медоуз, Эрих Цан, Петер Миллинг. Границы роста (Dennis Meadows, Donella Meadows, Erich Zahn, Peter Milling «Die Grenzen des Wachstums. Stuttgart, 1972).

Деннис Медоуз, Донелла Медоуз. Глобальное равновесие (Dennis Meadows, Donella Meadows. Das globale Gleichgewicht. Stuttgart, 1974).

Михайло Месарович, Эдуард Пестель. Человечество на рубеже (Mihailo Mesarovic, Eduard Pestel. Menschheit am Wendepunkt. Stuttgart, 1974).

Отчет Глобал 2000 президенту (The Global 2000 Report to the President. Washington, 1980).

Герберт Груль. Рискованное путешествие в никуда. Разграбленная планета перед концом (Herbert Gruhl «Himmelfahrt ins Nichts. Der geplünderte Planet vor dem Ende». München, 1992).

По теме перенаселения весьма содержателен оказался труд **Генриха фон Леша «Стоячее место для миллиардов?»** (Heinrich von Loesch «Stehplatz für Milliarden?» Stuttgart, 1974).

Динамику Гольфстрима и то, как он может «сломаться», описал **Вольфганг Ешке** (Wolfgang Jeschke) во вступлении к ежегоднику научной фантастики **«Science-Fiction-Jahrbuch 1998»** (München 1997), но речь идет не о научной фантастике, а об объединении некоторых тезисов из книги **Уильяма Кельвина «Шаг из холода – климатические катастрофы и развитие человеческого разума»** (William H. Calvin. Der Schritt aus der Kälte – Klimakatastrophen und die Entwicklung dermenschlichen Intelligenz. München, 1997).

Подробное описание истории Фуггеров я нашел в книге **Гюнтера Оггера «Купи себе кайзера»** (Günter Ogger. Kauf dir einen Kaiser. München, 1978). Дополнительную информацию я взял из брошюры «Фуггерай», которую можно купить в музее квартала Фуггерай в Аугсбурге.

Сцены, которые разыгрываются на филиппинском острове Панглаван, построены

на реальных событиях, которые описывают авторы **Гюнтер и Пир Эдерер** в своей научно-популярной книге **«Наследие эгоиста»** (Günter и Peer Ederer. Das Erbe der Egoisten. München, 1997).

Мексиканские собиратели мусора тоже существуют в действительности. Ценным источником здесь стала книга **«18 раз Мехико»** (18-mal Mexiko. München 1986), написанная **Аланом Ридингом** (Alan Riding), а также статья «О жизни мусорных свалок Мехико» в газете «Штуттгартер цайтунг» от 16 октября 1996 года.

Немалую долю вдохновения относительно пути, которым идет Маккейн, принесло прочтение книги **«Гитлер как предтеча»** (Hitler als Vorläufer». München, 1998), написанной **Карлом Амери** (Carl Amery) и представляющей собой самый ясный и ужасающий анализ национал-социализма, который мне когда-либо доводилось читать.

Идеи, которые провозглашает лорд Питер Роберн, принадлежат мне. В одном из ежегодно издаваемых отчетов института «Ворлдвотч институт», а именно от 1996 года («Относительно состояния мира в 1996 году», Франкфурт, 1996), я нашел статью **Дэвида Мейлина Рудмена «Использование механизмов рынка для охраны окружающей среды»** (David Malin Roodman. Marktmechanismen für den Umweltschutz nutzen), на основании которой я их переработал. Частично я опирался на статью **Гюнтера Пурвига «Без корректного баланса нет корректной экономики»** (Günter Purwig. Ohne korrekte Bilanz keine korrekte ökonomie), опубликованную в ноябрьском выпуске журнала «Третий путь. Тройхтлинген» (Der Dritte Weg, Treuchtlingen) за 1997 год. Однако обе статьи и их авторы не имеют к моим идеям никакого отношения.

Очень похожая конференция в отеле «Фермон» в Сан-Франциско действительно состоялась, хоть и не в 1998 году, а еще в сентябре 1995 года. Хозяином ее тогда стал бывший глава Советского Союза Михаил Горбачев. Одним из немногих журналистов, которым разрешили принимать участие в рабочих кругах встречи, был редактор журнала «Шпигель» **Ганс Петер Мартин** , и после этого он вместе со своим коллегой **Гаральдом Шуманном** написал бестселлер **«Ловушка глобализации – атака на демократию и благосостояние»** (Die Globalisierungsfalle – Der Angriff auf Demokratie und Wohlstand. Reinbek, 1996). В первой главе книги можно прочесть утверждения, приведенные мной.

Другими полезными источниками по теме глобализации оказались соответствующие статьи в выпусках «Шпигеля» 39/1996, с. 82 и далее, и 25/1999, с. 121 и далее.

Идеи, о которых пишет в своих статьях Лоренцо Фонтанелли, отчасти навеяны сочинением **Ларри Ханнигана «Хочу весь мир и еще 5 %»** (Larry Hannigan. I Want The Earth Plus 5 %), его можно найти в Интернете.

Размышления относительно рассвета новой эпохи средневековья, которые развивает Пол Зигель, разумеется, принадлежат **Умберто Эко** – **«На пути к новому средневековью»** .

Концепт налога с оборота валютных операций в действительности принадлежит экономисту и лауреату Нобелевской премии Джеймсу Тобину (Нобелевская премия в области экономики 1981 года); поэтому он еще называется «налогом Тобина». Подробности я взял из книги **Геральда Боксбергена и Гаральда Климента «10 неправд глобализации»** (Gerald Boxberger и Harald Klimenta. Die 10 Globalisierungslügen. München, 1998).

Высказывания Нельсона Манделы, приведенные в романе, в основном взяты из его речи от 28 января 1999 года по поводу присуждения немецкой премии СМИ.

Важными результатами я обязан работе **Джованни Сартори «Теория демократии»** (Giovanni Sartori. Demokratietheorie. Darmstadt, 1992).

И в завершение небольшая просьба: если вам придется упомянуть об этой книге в разговоре с американцем или американкой, помните о том, что число, которое в немецком языке называется «биллион», в США обозначается как «триллион», в то время как под «биллионом» подразумевается самый обычный миллиард. Так что название этого

романа должно переводиться как «Триллион долларов», чтобы было понятнее. Спасибо.